ЦЕНТР НАУЧНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ (ЦНИОП)

ISSN 2225-756X

LITTERA SCRIPTA MANET

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

OPEN ACCESS

We are Crossref Member

АНТИПЛАГИАТ

EMERGING SOURCES CITATION INDEX

WEB OF SCIENCE

DOAJ

EBSCO Discovery Service

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ Science Index

ERIH PLUS

Dimensions

Google scholar

Jisc copac

ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY

ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)

WorldCat

ZDB ZEITSCHRIFTEN DATENBANK

CYBERLENINKA

BASE

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог

Том 12, выпуск 10, 2023

Nauchnyi Dialog

Volume 12, Issue 10, 2023

CC BY

ISSN 2225-756X

Научный диалог

Том 12, выпуск 10, 2023

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory UlrichsWeb • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cniop@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	Исторические науки Литературоведение Языкознание
География авторов выпуска	Брянск Владикавказ Екатеринбург Казань Киров Москва Новосибирск Омск Пятигорск Санкт-Петербург Тобольск Томск Тюмень Улан-Удэ Харбин (Китай) Якутск
Авторы, имеющие ученую степень	98 %

© Центр научных и образовательных проектов, 2023

Дата выхода в свет 20.12.2023

CC BY OPEN ACCESS

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 12, Issue 10, 2023

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-86214 of 27.10.2023
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publicher	Centr naučnyh i obrazovatel′nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal’s web-site and in the National E-Library • CyberLeninka
Printing house	• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterin-burg, st. Vos-tochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2023

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)
Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)
Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия
Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Языкознание. Медиакоммуникации. Журналистика

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Андреана Борисова Ефтимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)
Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Тимур Беньюминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)
Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)
Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)
Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Татьяна Алексеевна Савоськина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)
Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)
Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)
Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)
Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)
English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD
Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)
Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM
Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE
Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)
Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno)
Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)
Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY
Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)
Ivan I. Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)
Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)
Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Содержание

Языкознание

Воронина Т. М. Специфика структурирования идеографических классов слов, репрезентирующих социальные сферы (на примере сферы «Образование») 9

Голомидова М. В., Горяев С. О. Топонимический ландшафт Шадринска в аспекте региональной и локальной идентичности: социолингвистическое исследование . 28

Иванова Н. И. Языковая дистрибуция в семейном общении саха : традиции и инновации 49

Качмазова Е. С., Цаллагова И. Н., Царикаева Ф. А. Конверсия в осетинском языке (на материале иронского и дигорского диалектов) 68

Московкин Л. В. Модели речевого онтогенеза носителей русского языка : монолингвов и русско-немецких билингвов 85

Онуфриева Е. С. Новогреческие конструкции с глаголом позиции *κάθομαι* 104

Чэнь Сюэ. Перевод терминологии традиционной китайской медицины на русский язык : культурная коммуникация и особенности перевода 123

Медиакоммуникации и журналистика

Алимурадов О. А., Горбунова М. А. Функциональный потенциал поликодового текста в городском пространстве : лингвосемиотический аспект 142

Кислова Л. С., Рацен Т. Н., Драчева С. О. Сериал в большом городе : геопоэтика теленовеллы 1980—2020-х годов 166

Литературоведение. Фольклористика

Актамов И. Г., Дебенова З. А. Обряды жизненного цикла в системе мироустройства бурят (по материалам фонда С. П. Балдаева) 193

Поташова К. А. Космическая образность русской поэзии рубежа XVIII—XIX веков : стратегии изучения 211

Исторические науки

Агафонова А. Б. «Белый уголь» для Петрограда : попытки энергетического перехода в условиях Первой мировой войны 230

Алферова И. В., Блохин В. Ф. «Пределы возможного» : практики административных взысканий в отношении российской периодической печати в начале XX века 248

Антюхова Е. А., Талагаева Д. А. Инновационная политика в деятельности ОЭСР: историческая реконструкция на неограмшианских основаниях 265

Валитов А. А., Сулимов В. С. Тюменский район в 1920-е годы : численность поселений и особенности развития 288

Вебер М. И. Ю. И. Крыжановский как деятель антибольшевистского движения Урала и Сибири в 1918—1920 годах 305

Власов Н. А. Образ российского панславизма в германской официозной прессе конца XIX века 326

Запарий В. В., Запарий В. В., Мельников Н. Н. Репарационные изъятия металлургического оборудования в странах Центральной и Восточной Европы на завершающем этапе Великой Отечественной войны (1944—1945) 344

Колпаков П. А., Арсланов Р. А. Контрразведывательная деятельность жандармской железнодорожной полиции накануне и в годы Первой мировой войны 360

Митюрёва Д. С. Правовые дискуссии о процедуре ex officio в Англии конца XVI века: позиция Роберта Била 378

Мокерова Е. Ю., Тарасов К. Н. Вятские церковные печати синодального периода: опыт классифицирования (на материалах коллекции сфрагистики Кировского областного краеведческого музея имени П. В. Алабина) 395

Пинаева Д. А. Вклад общественных научно-технических объединений в развитие массового изобретательства в СССР в середине 1950-х — середине 1960-х годов 414

Праздников А. Г. Королевский Совет Англии в 1483 году и узурпация власти Ричардом III 435

Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В. Модели диссертационной защиты от пореформенного университета к советскому (на примере Санкт-Петербургского университета) 452

Соколова Е. В. Сельская поселенческая сеть на территории современной Омской области в последней четверти XIX — начале XX веков 473

Тихомирова М. Н., Тихомиров К. Н.Новые поселения татар Нижнего Притарья последней трети XIX века : история основания, структура населения и его жизнеобеспечение 491

Хамзин И. Р., Ганиев Р. Т. Российское чайное дело в Ханькоу во второй половине XIX века : изготовление кирпичного чая 512

АВТОРАМ 529

CONTENTS 535

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS

Езетхан Сергеевна Качмазова, канд. филол. наук (Владикавказ)
Елизавета Сергеевна Онуфриева, канд. филол. наук (Москва)
Искра Нартовна Цаллагова, канд. филол. наук (Владикавказ)
Марина Васильевна Голомидова, д-р филол. наук (Екатеринбург)
Леонид Викторович Московкин, д-р пед. наук (Санкт-Петербург)
Нина Иннокентьевна Иванова, д-р филол. наук (Якутск)
Сергей Олегович Горяев, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Татьяна Михайловна Воронина, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Фатима Ахсарбековна Царикаева, канд. пед. наук (Владикавказ)
Чэнь Сюэ, канд. филол. наук (Харбин, Китай)

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Воронина Т. М. Специфика структурирования идеографических классов слов, репрезентирующих социальные сферы (на примере сферы «Образование») / Т. М. Воронина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 9—27. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-9-27.

Voronina, T. M. (2023). Specifics of Structuring Ideographic Word Classes Representing Social Spheres (Example of "Education" Sphere). *Nauchnyi dialog, 12* (10): 9-27. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-9-27. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-9-27

Специфика структурирования идеографических классов слов, репрезентирующих социальные сферы (на примере сферы «Образование»)

Воронина Татьяна Михайловна
orcid.org/0000-0001-6834-9856
кандидат филологических наук, доцент
tmv313@yandex.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00352, https://rscf.ru/project/22-18-00352/

Specifics of Structuring Ideographic Word Classes Representing Social Spheres (Example of "Education" Sphere)

Tatyana M. Voronina
orcid.org/0000-0001-6834-9856
PhD in Philology, associate professor
tmv313@yandex.ru

Ural Federal University
named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project number 22-18-00352, https://rscf.ru/en/project/22-18-00352/

© Воронина Т. М., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Сфера «Образование» может быть осмыслена в аспекте культуры, знания, аксиологии и т. д. Это свидетельствует об интегративности и многоаспектности содержания, стоящего за лексемами типа образование, учение, обучение, учеба. В данной статье основной аспект исследования — лексикографический. Целью является определение объема и структуры лексического множества слов, составляющих идеографическую сферу «Образование» в современном русском языке. Работа выполнена в рамках разработки проекта «Универсальный идеографический словарь-тезаурус русского языка» Уральской семантической школы под руководством Л. Г. Бабенко. Используются материалы различных словарей, подготовленных этим коллективом исследователей. В качестве методов применялись метод компонентного анализа лексического значения, метод идеографической классификации. Выявлены различные типы отношений, организующих это лексическое множество, с целью представить моделирование сферы «Образование» как фрагмента денотативно-идеографической карты мира. Приводятся примеры слов и рядов слов, связанных отношениями гиперо-гипонимии, меронимии, синонимии и антонимии, в составе денотативно-идеографических групп данной сферы. Показано, что лексическое множество слов, репрезентирующих сферу «Образование», так же как и многие другие подобные классы слов, денотативно связанных с социальной жизнью человека, структурировано не иерархически, а в соответствии с компонентами отображаемых ситуаций.

Ключевые слова:
образование; классы слов; лексикография; идеографический словарь; тезаурус; Уральская семантическая школа.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The sphere of “Education” can be understood in terms of culture, knowledge, axiology, etc. This indicates the integrative and multi-aspect nature of the content behind lexemes such as education, learning, teaching, and studying. The main aspect of this article is lexicographic, with the aim of determining the scope and structure of the lexical set of words comprising the ideographic sphere of “Education” in modern Russian language. The work was carried out as part of the development of the project “Universal Ideographic Dictionary-Thesaurus of the Russian” by the Ural Semantic School under the guidance of L. G. Babenko. Materials from various dictionaries prepared by this team of researchers were used. Methods used included component analysis of lexical meaning and ideographic classification. Various types of relationships organizing this lexical set were identified in order to present a modeling of the “Education” sphere as a fragment of the denotative-ideographic world map. Examples of words and word groups related by hyper-hyponymy, meronymy, synonymy, and antonymy within the denotative-ideographic groups of this sphere are provided. It is shown that the lexical set of words representing the sphere of “Education,” like many other similar classes of words denotatively linked to human social life, is structured not hierarchically, but in accordance with components of represented situations.

Key words:
education; word classes; lexicography; ideographic dictionary; thesaurus; Ural semantic school.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81’374.73::37

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Специфика структурирования идеографических классов слов, репрезентирующих социальные сферы (на примере сферы «Образование»)

© Воронина Т. М., 2023

1. Введение = Introduction

В современных лингвистических исследованиях уделяется значительное внимание типам и форматам знаний о действительности, фиксируемых языковыми единицами. Отмечаются особенности единиц языка с точки зрения их семантики и функции: глобально различаются те, которые являются средствами репрезентации знаний о предметах и явлениях объективной действительности, и те, которые являются средствами интерпретации (см. об этом, например: [Болдырев, 2021]). Это важно и с точки зрения идеографической лексикографии, ведь словарь тезаурусного типа, как отмечает Л. Г. Бабенко, «представляет собой уникальную систему лексических единиц, выявленную в результате анализа семантики лексических репрезентаций, когнитивной стратегии категоризации реально существующего внешнего мира (объективный предметный мир), а также мыслимого в сознании каждого человека внутреннего мира (субъективный ментальный мир), основанного на восприятии и интерпретации внешнего мира» [Бабенко, 2023, с. 61]. При этом следует отметить, что классы слов, имеющие денотативную природу, неоднородны, поскольку имеются различия в самих отображаемых объектах и сферах действительности. Эти объекты могут быть конкретными или абстрактными — «в качестве объектов выступают как физические конкретные объекты (озера, лодки, звезды), так и отвлеченные, абстрактные (мысль, красота, верх)» [Свод лексики..., электр. ресурс]; могут быть объектами физического мира, внутреннего мира человека, социальной сферы и т. д.

Обратим внимание на особый статус социальных сфер и их отображение в языке. Так, Н. Н. Болдырев специально выделяет — наряду с моделями структурирования знаний о физическом мире, с одной стороны, и моделями интерпретации знаний, с другой стороны, — еще и модели структурирования общества: «Языковые модели структурирования общества непосредственно связаны с процессами социализации человека и со-

провождают их. Они преимущественно представлены в лексических категориях, объединяющих наименования профессий, видов деятельности, социальных статусов, иерархий и социальных отношений человека <...>, в характеристике видов профессиональной деятельности и описаниях должностных обязанностей и полномочий <...>. К этой группе можно отнести, например, глаголы социальной иерархии <...>» [Болдырев, 2019, с. 101—102]. Более того, рассуждая о наиболее сложном матричном формате знания, Н. Н. Болдырев приводит в качестве примеров лексем — репрезентантов знания такого формата, для которых «концептуальное содержание не сводится к отдельным характеристикам или их определенному набору и характеризуется интегративностью различных его аспектов», именно лексемы, являющиеся именами социальных сфер: *наука, культура, искусство, образование, религия, экономика* и под. [Там же, с. 89 и след.].

В данной статье рассмотрим особенности структурирования идеографических классов слов, репрезентирующих социальные сферы, на примере сферы «Образование».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Следует отметить, безусловно, что подобный материал неоднократно становился объектом лингвистического исследования в разных аспектах. Приведем несколько примеров подобных работ, выполненных на материале разных языков и типов дискурса.

Так, В. А. Заварзина исследовала терминологию российского образования и отметила ее пополнение за счет терминов других тематических областей (экономики, IT, психологии и др.) [Заварзина, 2022], С. Т. Агаева рассмотрела репрезентацию концепта ОБРАЗОВАНИЕ на материале терминологии данной сферы в азербайджанском языке [Агаева, 2020], А. Ю. Башмакова также обратилась к профессиональному дискурсу и с применением автоматизированных методов в текстах новостных статей с сайтов образовательных порталов выявила ключевую лексику тематического поля «Образование / Education» для русского и английского языков [Башмакова, 2021].

Т. В. Леонтьева выявила свойственные народной культуре представления об обучении / передаче опыта на основе анализа русской паремиологии и диалектной лексики [Леонтьева, 2011]. К анализу фразеологических единиц для выявления ценностной составляющей представлений об образовании обратились М. Ю. Конобеева — на материале русского и английского языков [Конобеева, 2013], Ши Лэй — на материале русского и китайского языков [Ши Лэй, 2013].

О. А. Димитриева проанализировала метафорическое моделирование концептов ПЕДАГОГИКА и ВОСПИТАНИЕ в педагогическом дискурсе

CC BY

на материале работ Г. Н. Волкова [Димитриева, 2017], нами было проведено исследование метафорической составляющей концептов смежных сфер «Интеллект» и «Образование» [Воронина, 2011]; с другой стороны, Г. К. Абзулдинова рассмотрела когнитивную область УЧЕБА в противоположном направлении, как сферу-источник при метафоризации [Абзулдинова, 2011].

С. В. Архипова на материале толковых и ассоциативных словарей проанализировала семантику лексем *образование* и *education* [Архипова, 2013], Е. В. Алымова сопоставила специфику образования как лингвокультурного феномена в зеркале русского и английского языков [Алымова, 2007], в работе М. А. Баум исследованы авто- и гетеростереотипные представления о концептосфере ОБРАЗОВАНИЕ в российской и британской картинах мира на основе результатов психолингвистического эксперимента [Баум, 2016], Е. А. Тулусина и А. Г. Садыкова выявили национальную специфику репрезентации концептов LERNEN и УЧЕБА в русском и немецком языках [Тулусина, 2017], М. Г. Чепорухина и Е. П. Иванова рассмотрели особенности употребления лексем, входящих в лексико-семантическое поле «Высшее образование» во французском и русском языках, в аспекте перевода [Чепорухина, 2019].

Т. А. Ивушкина на материале творчества С. Фрая исследовала тематическую принадлежность лексем, связанных с обучением в университетах Оксфорда и Кембриджа, как маркеров речи представителей высших классов Великобритании [Ивушкина, 2020].

Как видим, сфера «Образование» может быть осмыслена в аспекте культуры, знания, профессиональной и административной деятельности, народных представлений, аксиологии, языка социального статуса и т. д. Это, на наш взгляд, дополнительно свидетельствует об интегративности и многоаспектности концептуального содержания, стоящего за лексемами типа *образование, учение, обучение, учеба*: в разных «когнитивных контекстах», по выражению Н. Н. Болдырева, возможно различное осмысление этого содержания.

В данное статье основной аспект исследования — лексикографический: предметом является объем и структура лексического множества слов, составляющих идеографическую сферу «Образование» в современном русском языке. Рассматриваются различные типы отношений, организующих это лексическое множество, с целью представить моделирование сферы «Образование» как фрагмента денотативно-идеографической карты мира, которую Л. Г. Бабенко определяет как «схематический концептуальный конструкт, в свернутом виде отображающий знания о каком-либо предметном фрагменте мира в виде денотативно-идеографической сети, формируемой в своей основе, вершине идентификатором, и конкретизируемый, интерпретируемый различными устойчивыми отношениями: гипе-

CC BY

ро-гипонимическими, меронимии, тождества, противоположности и пр.» [Свод лексики..., электр. ресурс].

В качестве методов исследования применялись метод компонентного анализа лексического значения, метод идеографической классификации. Работа выполнена в рамках разработки проекта «Универсальный идеографический словарь-тезаурус русского языка» Уральской семантической школы под руководством Л. Г. Бабенко. Анализируются также материалы идеографических словарей, созданных коллективом данной научной школы, — подробный анализ типов словарей Уральской семантической школы и разновидностей лексических множеств, представленных в них, см. в [Бабенко, 2020].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Лексика сферы «Образование» в идеографических словарях

Объем проанализированного лексического материала составил порядка 890 ЛСВ разных частей речи. Поличастеречный принцип, заявленный в проекте «Универсального идеографического словаря-тезауруса русского языка», по словам Л. Г. Бабенко, в наибольшей степени отвечает задаче отображения в словаре информации о фрагментах действительности: «Именно словари-тезаурусы специализированы аккумулировать знания о разных предметных областях и отображать их списками лексики определенных денотативно-идеографических групп» [Свод лексики..., электр. ресурс].

В современных исследованиях неоднократно подчеркивается, что чисто семантический принцип группировки материала в словаре не обеспечивает решение этой задачи. Ср. мнения авторов лексикографических проектов: «Обратившись к созданию идеографического словаря существительных, над которым коллектив Уральской семантической школы работал в течение десятилетия конца XX и начала XXI веков, мы выбрали дополнительно к структурно-семантической еще одну лексикографическую стратегию их категоризации и интерпретации в словаре, так как категоризация предметного мира, репрезентируемого существительными (а также и прилагательными), с применением только структурно-семантического анализа их значений оказалось недостаточной. <...> При выделении классов существительных учитывались как структура их лексического значения, так и тип отображаемой ими общей ситуации или компонента ситуации — денотата существительного [Бабенко, 2020, с. 16—18]; «Например, невозможно представить в полном объеме знания говорящего о движении, основанные только на глаголах движения, без понятия трассы, среды, транспортных средств, скорости, которые передаются другими частями речи» [Кильдибекова, 2010, с. 1009—1010]; «Системность, безусловно, соответствует и когнитивным основам организации языковой способности. Хотя лингвистике по сей день доподлинно неиз-

CC BY

вестны принципы хранения языка в сознании его носителей, исследования психолингвистического толка и прежде всего ассоциативные эксперименты свидетельствуют в пользу того, что ментальная языковая организация в целом соразмерна языковой системности (выделение парадигматических, синтагматических, словообразовательных и других ассоциаций)» [Богачева, 2017, с. 40—41]. Приведем также вывод В. А. Белова, выполнившего обзор работ зарубежных ученых о семантической организации ментального лексикона: «В большинстве исследований доказывается, что доминирующий тип связей, которые представляют ассоциативные реакции, — тематические. Ассоциативно связанными оказываются разные типы семантических отношений: синонимические, тематические, таксонимические, контекстуальные отношения и другие» [Белов, 2020, с. 38].

Следует отметить, что в идеографических словарях возможны разные способы категоризации лексики. Так, в словаре «Лексическая основа русского языка» группа «Воспитание, обучение, образование» является одноуровневой с такими группами, как «Язык», «Невербальные средства коммуникации», «Умения, навыки», «Культура и искусство», «Печать, произведения печати, пресса», «Радио и телевидение» в составе класса «Коммуникация мыслей и чувств» [Лексическая основа..., 1984]. В «Функционально-когнитивном словаре русского языка» сфера «Образование, просвещение» отражена в вып. 3, где описываются такие аспекты жизнедеятельности человека, как «говорить», «думать», «учиться»; причем в сферу «Образование, просвещение», помимо наименований занятий, учащихся, преподавателей, учебных заведений и т. п., включены также классы слов, связанных с обозначением письма, чтения, знания, книг, печатной продукции и печатного дела, СМИ, компьютера и интернета [Функционально-когнитивный..., 2006]. В «Русском семантическом словаре» под ред. Н. Ю. Шведовой, где принят частеречный и собственно семантический способ организации материала, логичным образом наименования действий, связанных с образованием, оказываются в т. 4 (глаголы) и в т. 3 (существительные с абстрактным значением), а имена существительные с конкретным значением, денотативно связанные с образованием, обучением, расположены в т. 2 в разных местах идеографической сетки в соответствии с их категориально-лексической семантикой (инфраструктура, организации, помещения, занятия, люди и т. д.) [Русский семантический..., 1998].

3.2. Структура денотативно-идеографических групп класса «Образование» и отношения слов в их составе (по материалам словарей Уральской семантической школы)

В синоптической схеме «Универсального идеографического словаря-тезауруса русского языка», разработанной Л. Г. Бабенко, класс «Образова-

CC BY

ние» выделяется в составе денотативно-идеографической сферы «Общественно-государственная сфера», тем самым в сетке синопсиса отмечается принадлежность образования к социальным институтам, наряду с такими, например, как «Экономика», «Право», «Наука», «Религия», «Искусство», «СМИ», «Производство» и под. Это внешние, классификационные связи рассматриваемого класса слов. Внутренняя же структура класса «Образование» включает 9 денотативно-идеографических групп (ДИГ):

— «Процесс обучения»;
— «Человек в образовательном процессе»;
— «Учебное заведение, подразделение, помещение»;
— «Форма, способ обучения и учебный предмет»;
— «Средство обучения»;
— «Отметка»;
— «Образовательный документ»;
— «Время обучения»;
— «Результат образования».

Наибольшие по количеству группы — это «Процесс обучения» и «Человек» (ок. 240 ЛСВ в каждой), а также «Результат» (ок. 140 ЛСВ). Номинативная плотность для процессов и участников понятна, она характерна для любого лексического множества, связанного с репрезентацией какой-либо социальной сферы. Так, описывая виды институционального дискурса, В. И. Карасик пишет: «При анализе дискурса предлагается охарактеризовать его типовых участников, хронотоп, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы» [Карасик, 2002, с. 302—303]; А. В. Щетинина, обозначая цель создания идеографического словаря социальной лексики, указывает, что номинативные множества в данном словаре включают слова, называющие «факты, объекты, отношения, взаимодействия из социальной сферы» [Щетинина, 2017, с. 214].

Распределение ЛСВ по группам и частеречной принадлежности в проекте «Универсального идеографического словаря-тезауруса русского языка» отражено на рис. 1:

Рубрикации следующего уровня в группах нет, так как они вполне обозримые по количеству единиц. Хотя при желании можно было бы выделить, например, в группе «Человек» более мелкие подгруппы: скажем, классифицировать учащихся по ступени образования, разделить наименования преподавателей и учащихся и т. д., однако мы не считаем это целесообразным. Есть имена, называющие учащегося вне зависимости от ступени образования (*новичок, отличник, выпускник, младший, старший*); а объединение номинаций преподавателей и учащихся может быть обосновано еще и самой спецификой сферы образования, где субъектно-объектные отношения не яв-

CC BY

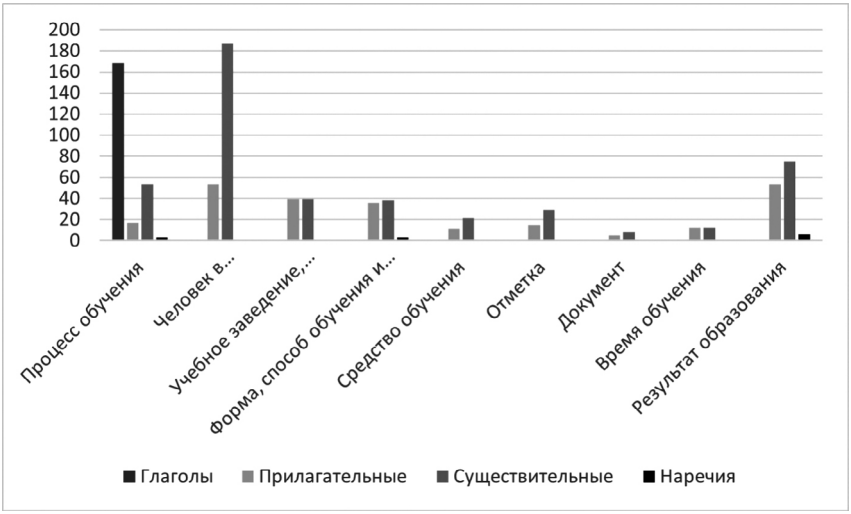

Рис. 1. Количество слов разных частей речи в идеографических группах класса «Образование»

ляются в такой степени иерархическими, как в других сферах общества (например, в медицине — медработник и больной человек, в праве — работник правоохранительной системы и преступник и т. п.).

Охарактеризуем далее типы отношений, которые имеют место внутри групп.

Группа **«Человек в образовательном процессе»** организована прежде всего на гиперо-гипонимической основе. Иерархия в этих отношениях вполне объяснима: человек — *преподаватель, обучающийся;* преподаватель — *воспитатель, учитель, куратор, наставник, ...;* обучающийся — *студент, школьник, курсант, кадет, старшеклассник, первокурсник, абитуриент, выпускник, ...* . Интересно, что во многих других классах слов, называющих людей в различных социальных сферах (например, в науке: человек — *академик, магистр, биолог, русист, юрист, физиолог, экспериментатор, ядерщик, ...;* в строительстве — *архитектор, бетонщик, маляр, прораб, ...;* в СМИ — *журналист, редактор, комментатор, ...;* и т. п.), гиперо-гипонимическими отношениями все и ограничивается. Со своей стороны, среди наименований людей в образовании выделяются синонимические ряды, единицы которых отличаются не только дифференциальными семантическими компонентами, но и стилистическими и эмоционально-оценочными характеристиками, например:

CC BY

Учитель, наставник, педагог, преподаватель, репетитор, устар. ментор, жарг. препод;

Учительница, наставница, преподавательница, разг. репетиторша, разг. учителка, разг. учительша, разг., шутл. педагогиня, разг., пренебр. училка;

Студент, слушатель, устар. студиоз, устар. студиозус, разг. вузовец, жарг. студень;

разг. Задолжник, разг. должник, разг. хвостист;

разг. Зубрила, разг. заучка, разг. зубрилка, жарг. ботан, жарг. ботаник [СТСРР].

Это связано с высокой степенью освоенности сферы средним носителем языка и важностью категории оценки для сферы в целом.

Как справедливо пишет В. И. Карасик, «именно в педагогическом дискурсе оценка сопряжена с ее градуальным выражением» [Карасик, 2002, с. 316]. Добавим, что «Образование» — единственная среди социальных сфер, для которой сформирована отдельная ДИГ **«Отметка».** Она организована по гиперо-гипонимическому принципу, и при том, что эта группа довольно небольшая по количеству ЛСВ, каждое наименование отметки образует синонимический ряд:

Отметка, балл, оценка;

Задолженность, разг. долг, разг. хвост;

Единица, разг. кол;

Двойка, два, неудовлетворительно, плохо, разг. неуд, разг. пара, жарг. банан;

разг. Двоечный, неудовлетворительный, плохой;

Тройка, посредственно, три, удовлетворительно, разг. трешка, разг. трояк, жарг. троебан и жарг. тройбан;

разг. Троечный, посредственный, удовлетворительный;

Четверка, хорошо, четыре, жарг. фошка;

разг. Четверочный, хороший;

Пятерка, отлично, пять;

разг. Пятерочный, отличный [СТСРР].

Еще одна интересная особенность данной группы состоит в том, что градуальный характер оценки может быть переосмыслен как контрарный. Сами по себе названия оценок пятибалльной системы (пятерка, четверка, тройка, двойка и практически не используемая сейчас единица) — это согипонимы, и вряд ли четко противопоставляются пятерка и двойка, нельзя найти для них средний член оппозиции. Однако при характеристике человека в производных наименованиях абсолютный характер оценки снимается и возникает оппозиция:

CC BY

отличник, разг. пятерочник ‘тот, кто отлично учится, получает преимущественно пятерки’ ↔ *разг. двоечник* ‘тот, кто плохо учится, постоянно получает двойки’ [БТИССАК].

Оценочный компонент чрезвычайно важен и для лексем группы **«Результат образования»,** при этом определяющим типом отношений внутри данной группы являются оппозитивные. Лексемы *образованный / необразованный, компетентный / некомпетентный* организуют синонимико-антонимические комплексы на основе двух основных оппозиций. См. их представление в словаре синонимико-антонимических комплексов:

— имеющий образование, получивший разносторонние знания ↔ не имеющий образования или не получивший систематического образования, не имеющий достаточных знаний (*образованный ↔ необразованный*);

— обладающий основательными знаниями в какой-либо области ↔ не имеющий достаточных знаний в какой-либо области (*компетентный ↔ некомпетентный*) [БТИССАК]; более подробно см. об этом также [Воронина, 2017].

Синонимические же ряды в составе данных комплексов конкретизируют степень образованности / необразованности и выражают оценку, в том числе путем использования метафорических моделей силы / слабости и света / темноты. Естественно, отрицательные номинации преобладают:

Образованный, высокообразованный, начитанный, просвещенный, эрудированный, разг. ученый ↔ Необразованный, безграмотный, малограмотный, малообразованный, невежественный, неграмотный, непросвещенный, неученый, полуграмотный, перен. темный, разг., перен. дремучий, разг., перен. серый;

Компетентный, перен. грамотный, знакомый, знающий, осведомленный, перен. сильный, книжн. сведущий ↔ Некомпетентный, перен. безграмотный, перен. малограмотный, малокомпетентный, невежественный, неграмотный, полуграмотный, перен. слабый, книжн. малосведущий, книжн. несведущий [БТИССАК].

Синонимические отношения, тоже в значительной мере связанные с конкретизацией оценки действий в обучении и их субъекта, а также степени интенсивности таких действий и прилагаемых усилий, характерны для группы **«Процесс обучения».** Ср. следующие объемные синонимические глагольные ряды:

Учить / выучить, научить и обучить, выучивать / выучить, готовить / подготовить, обучать / обучить, подготавливать / подготовить, преподавать, репетировать, разг. дрессировать/выдрессировать, разг. заниматься, разг. муштровать / вымуштровать, разг. натаскивать / на-

CC BY

таскать, разг. подковывать / подковать, разг. подтягивать / подтянуть, разг. школить / вышколить;

Изучать / изучить, обучаться / обучиться, овладевать / овладеть, осваивать / освоить, усваивать / усвоить, учиться / выучиться и научиться, книжн. постигать / постичь и постигнуть, книжн. штудировать / проштудировать, разг. одолевать / одолеть, разг. прорабатывать / проработать, разг. проходить / пройти, разг. учить / выучить;

Учить / выучить, выполнять / выполнить, выучивать / выучить, готовить / приготовить, делать / сделать, заучивать / заучить, приготовлять / приготовить, разучивать / разучить, разг. выдалбливать / выдолбить, разг. вызубривать / вызубрить, разг. долбить / выдолбить, разг. задалбливать / задолбить, разг. зазубривать / зазубрить, разг. затверживать / затвердить, разг. зубрить / вызубрить и зазубрить, разг. твердить / вытвердить, разг. вытверживать / вытвердить [СТСРР].

Результаты проверки знаний учащихся, прохождение / непрохождение испытаний для такой проверки — еще одна важная ситуация в процессе образования, причем если успешный результат номинируется только глаголами *сдавать / сдать*, то неуспешный — синонимическим рядом метафорических стилистически окрашенных глагольных ЛСВ:

разг., перен. Проваливаться / провалиться, разг., перен. срезáться / срéзаться, разг.-сниж., перен. заваливаться / завалиться, разг.-сниж., перен. засыпáться/засы́паться [Там же].

Антонимические отношения в рассматриваемой группе связаны также с профилированием временного параметра начала / завершения обучения. Это находит отражение в оппозициях:

Принимать / принять, зачислять / зачислить, набирать / набрать ↔ Выпускать / выпустить;

Поступать / поступить ↔ Оканчивать / окончить, заканчивать / закончить, выпускаться / выпуститься;

Зачислять / зачислить, набирать / набрать, принимать / принять ↔ Отчислять / отчислить, исключать / исключить [БТИССАК].

Этот аспект конкретизации и дифференциации связан не только с отображением этапов деятельности в сфере «Образование», но и с профилированием важности административной составляющей процесса обучения.

Важно также отметить еще одну особенность класса слов, называющих образование, связанную с отображением времени. Хотя, по сути, любая социальная деятельность может иметь этапы и т. п., несмотря на это, специальная группа **«Время обучения»** (*урок, час, перемена, семестр, академический, курс, сессия* и т. д.) среди всех классов общественно-государственной сферы выделена только в рассматриваемом множестве слов.

CC BY

Остальные ДИГ в составе класса «Образование» структурированы аналогично другим группам в составе классов социальной денотативной отнесенности. Так, в группах **«Средство обучения», «Форма, способ обучения, учебный предмет»** (*учебник, пособие, задачник, пропись, ..., предмет, курс, контрольная, тренинг, очный, подготовительный, дистанционный, ...*), **«Документ»** (*программа, табель, дневник, аттестат, ...*) определяющими являются отношения согипонимии, в группе **«Учебное заведение, подразделение, помещение»** (*университет, школа, гимназия, семинария, ..., аудитория, класс, деканат, учительская, ...*) — согипонимии и меронимии.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, для сферы «Образование», исходя из анализа групп слов, репрезентирующих ее, необходимо обозначить следующие элементы денотативно-идеографической карты.

1. Субъекты: наименования обучающихся и преподавателей в ДИГ «Человек в образовательном процессе» связаны гиперо-гипонимическими отношениями и конкретизируются семантически и прагматически в рамках синонимических рядов.

2. Виды деятельности, репрезентируемые лексемами ДИГ «Процесс обучения»: процессы передачи знаний, получения знаний и их усвоения, а также этапы начала и завершения обучения. Конкретизация оценки действий, связанных с обучением, и их субъекта, а также степени интенсивности таких действий и прилагаемых усилий осуществляется лексемами в составе глагольных синонимических рядов (и деривационно связанных с ними субстантивных). В профилировании временного параметра начала / завершения обучения, а также отображении административных отношений в образовании участвуют антонимические оппозиции.

3. Средства и формы обучения конкретизируются лексемами ДИГ «Средство обучения», «Форма, способ обучения, учебный предмет», в их структуре определяющими являются отношения согипонимии. Следует отметить, что специализация средств и способов деятельности характерна для многих социальных сфер, ср. ДИГ «Способ ведения хозяйства» («Экономика»), «Метод научного исследования» («Наука»), «Способ производства» («Производство»), «Методы и приемы лечения и обследования», «Приспособления, приборы и иные средства лечения» («Медицина»), «Спортивный инвентарь, спортивные снаряды, приспособления» («Спорт») и под. Наличие и наполнение таких групп в той или иной денотативно-идеографической сфере, как представляется, зависит от степени конкретности деятельности: например, в синопсисе «Универсального

CC BY

идеографического словаря-тезауруса русского языка» подобных групп не выделено в таких сферах, как «Государство», «Политика», «Искусство».

4. Место осуществления деятельности, связанной с образованием. ДИГ «Учебное заведение, подразделение, помещение» организована на основе отношений согипонимии и меронимии.

5. Время обучения. Наличие соответствующей ДИГ слов, являющейся уникальной на фоне других социальных сфер, объясняется строгой регламентированностью процесса обучения. Отношения в группе гипонимические.

6. Документы, в которых фиксируются процесс и результаты образования. Группа небольшая по количеству ЛСВ и простая по структуре, ее элементы связаны отношениями согипонимии. Однако ее наличие также является свидетельством специфики сферы «Образование». Подобные группы выделяются не во всех денотативно-идеографических сферах, а только в тех, которые связаны с репрезентацией видов деятельности, где важно подтверждение статуса человека или процесса осуществления самой деятельности, взаимодействия между участниками. Так, ДИГ «Документ» есть также в сферах «Экономика», «Право», «Медицина», «Трудовая деятельность», но отсутствует в сферах «Религия», «Искусство», «Техника» и др.

7. Результат образования. Наличие данной «точки» на денотативно-идеографической карте сферы образования следует прокомментировать отдельно. Дело в том, что ДИГ слов, репрезентирующих результаты и достижения, есть еще только в сферах «Спорт» и «Военная служба», и это объяснимо, поскольку в этих видах деятельности важны соревновательность и противостояние. Результат образования же важен для статуса человека, его жизни, деятельности, успешности в целом. Это проявляется в количественном составе данной ДИГ (112 ЛСВ), а также в том, что определяющим типом отношений внутри данной группы являются отношения оппозиции и конкретизации: выявлены синонимико-антонимические комплексы образованный ↔ необразованный, компетентный ↔ некомпетентный. Количественное выражение достижений и результатов в образовании также является важным, в связи с чем в данной сфере выделена уникальная на фоне других социальных сфер ДИГ «Отметка».

В целом следует заключить, что лексическое множество слов, репрезентирующих сферу «Образование», так же как и многие другие подобные классы слов, денотативно связанных с социальной жизнью человека, структурировано не иерархически, а в соответствии с компонентами отображаемых ситуаций. Для любой социальной сферы важны ее субъекты и их взаимодействие, осуществляемая ими деятельность и объекты, на которые она направлена, способы осуществления этих действий / взаимодействия, локализация и временная организованность, фиксация процесса и /

или результатов в определенных документах и т. д. Однако каждая сфера имеет свою специфику, что может стать отдельным объектом изучения и составить перспективу исследования.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. БТИССАК — *Большой* толковый идеографический словарь синонимико-антонимических комплексов : [материалы словаря] / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2021. — 414 с. — ISBN 978-5-6044025-4-2.

2. *Лексическая* основа русского языка : комплексный учебный словарь / под ред. В. В. Морковкина. — Москва : Русский язык, 1984. — 1167 с.

3. *Русский* семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; под общей ред. Н. Ю. Шведовой. — Москва : Азбуковник, 1998. — XXV, 674 с. — ISBN 5-88744-008-2.

4. СТСРР — *Словарь-тезаурус* синонимов русской речи : 600 ключевых понятий, 7300 синонимических рядов, 40000 слов-синонимов / [авт.-сост. Л. Г. Бабенко, Н. А. Дьячкова, Ю. В. Казарин и др.] ; под общ. ред. Л. Г. Бабенко. — Москва : Издательство «Словари XXI века», 2017. — 446, [1] с. — ISBN 978-5-9909262-0-2.

5. *Функционально-когнитивный* словарь русского языка (сферы «Говорить», «Мыслительная деятельность» / Т. А. Кильдибекова и др. — Уфа : РИО БашГУ, 2006. — Ч. 3. — 248 с. — ISBN 5-7477-1376-0.

Литература

1. *Абзулдинова Г. К.* Метафоризация когнитивной области УЧЕБА в русском языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Г. К. Абзулдинова. — Тобольск, 2011. — 25 с.

2. *Агаева С. Т.* Концепт и его структура (на примере концепта ОБРАЗОВАНИЕ) / С. Т. Агаева // Балтийский гуманитарный журнал. — 2020. — Т. 9. — № 1(30). — С. 149—151. — DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0076.

3. *Алымова Е. В.* Лингвокультурологическая модель концепта ОБРАЗОВАНИЕ в национальном самосознании : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. В. Алымова. — Саратов, 2007. — 24 с.

4. *Архипова С. В.* Значение лексем образование и education в русском и английском языках / С. В. Архипова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. — 2013. — № 1 (22). — С. 94—98.

5. *Бабенко Л. Г.* Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении : динамика интерпретаций / Л. Г. Бабенко // Научный диалог. — 2020. — № 9. — С. 9—47. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-9-47.

6. *Бабенко Л. Г.* Универсальные интерпретационные категории : когнитивные стратегии и репрезентации в структуре идеографического словаря / Л. Г. Бабенко // Когнитивные исследования языка. — 2023. — № 2 (53). — С. 58—65.

7. *Баум М. А.* Концептосфера ОБРАЗОВАНИЕ в российской и британской картинах мира стереотипы и метафоры : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / М. А. Баум. — Екатеринбург, 2016. — 22 с.

8. *Башмакова А. Ю.* Выявление ключевых слов тематического поля «Образование/Education» / А. Ю. Башмакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Том 14. — Выпуск 12. — С. 3986—3990. — DOI: 10.30853/phil20210598.

9. *Белов В. А.* Семантические исследования организации и функционирования ментального лексикона / В. А. Белов // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 29—51. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-29-51.

10. *Богачева Г. Ф.* Электронный идеографический словарь : теоретический и прикладной аспекты (на материале «Русского тематического словаря») / Г. Ф. Богачева, А. И. Ольховская, М. К. Парамонова // Вопросы лексикографии. — 2017. — № 12. — С. 39—60. — DOI: 10.17223/22274200/12/3.

11. *Болдырев Н. Н.* Интерпретационная семантика как способ вторичного осмысления мира / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. — 2021. — № 2 (45). — С. 34—44.

12. *Болдырев Н. Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. — 2-е издание. — Москва : Издательский дом ЯСК, 2019. — 480 с. — ISBN 978-5-907117-21-1.

13. *Воронина Т. М.* Метафорическая составляющая смежных концептов : сходства и различия (на материале концептов сферы «Интеллект» и сферы «Образование») / Т. М. Воронина // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2011. — № 3 (33). — С. 518—521.

14. *Воронина Т. М.* Сфера «Образование» : роль антонимии в концептуализации процесса и результата обучения / Т. М. Воронина // Языковые единицы в свете современных научных парадигм : Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Уфа, 30 ноября 2017 года / ответственный редактор Газизов Р. А. — Уфа : Башкирский государственный университет, 2017. — С. 278—284. — ISBN 978-5-7477-4507-0.

15. *Димитриева О. А.* Концепты ПЕДАГОГИКА и ВОСПИТАНИЕ в педагогическом сочинении Г. Н. Волкова «Педагогика любви» / О. А. Димитриева // Научный диалог. — 2017. — № 6. — С. 29—42. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-29-42.

16. *Заварзина В. А.* О системной классификации терминологической лексики современного образования / В. А. Заварзина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия : Филология, педагогика, психология. — 2022. — № 1. — С. 13—23.

17. *Ивушкина Т. А.* Лексические номинации как индексы образовательного и социального статуса / Т. А. Ивушкина // Научный диалог. — 2020. — № 6. — С. 65—80. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-65-80.

18. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2.

19. *Кильдибекова Т. А.* Инновационный ракурс когнитивного подхода к языковой картине мира / Т. А. Кильдибекова, Г. В. Гафарова, Л. А. Абдюкова // Вестник Башкирского университета. — 2010. — Т. 15. — № 3—1. — С. 1008—1011.

20. *Конобеева М. Ю.* Семантическая репрезентация ценностного компонента концепта УЧЕНИЕ в английской и русской фразеосистемах : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / М. Ю. Конобеева. — Москва, 2013. — 25 с.

21. *Леонтьева Т. В.* Семантическое поле «Обучение, передача опыта» в русской языковой и фольклорной традиции / Т. В. Леонтьева // Известия Уральского государственного университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. — 2011. — № 3(93). — С. 6—19.

22. *Свод* лексики как идеографическая карта мира : Универсальный словарь-тезаурус русского языка. Карточка проекта, поддержанного Российским научным фондом [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://rscf.ru/project/22-18-00352/ (дата обращения 06.10.2023).

23. *Тулусина Е. А.* Общее и национально-специфическое в репрезентации концептов LERNEN и УЧЕБА (на материале экспериментальных данных) / Е. А. Тулусина, А. Г. Садыкова // Вестник Вятского государственного университета. — 2017. — № 5. — С. 71—74.

24. *Чепорухина М. Г.* Лексико-семантическое поле «Высшее образование» / М. Г. Чепорухина, Е. П. Иванова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2019. — Т. 16. — № 2. — С. 291—303. — DOI: 10.21638/spbu09.2019.209.

25. *Ши Лэй.* Фразеологические единицы, относящиеся к теме «Учеба», в русском и китайском языках : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Ши Лэй. — Москва, 2013. — 22 с.

26. *Щетинина А. В.* Лексикографирование социальных номинаций (опыт создания идеографического словаря) / А. В. Щетинина // Научный диалог. — 2017. — № 11. — С. 214—230. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-214-230.

Статья поступила в редакцию 13.10.2023,
одобрена после рецензирования 06.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

Material resources

BTISSAK — *A large explanatory ideographic dictionary of synonymic-antonymic complexes: [materials of the dictionary]*. (2021). Yekaterinburg; Moscow: Cabinet Scientist. 414 p. ISBN 978-5-6044025-4-2. (In Russ.).

Functional and cognitive dictionary of the Russian language (spheres of "Speaking", "Mental activity", 3. (2006). Ufa: RIO Bashgu. 248 p. ISBN 5-7477-1376-0. (In Russ.).

Morkovkin, V. V. (ed.). (1984). *The lexical basis of the Russian language: A comprehensive educational dictionary.* Moscow: Russian language. 1167 p. (In Russ.).

Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary systematized by classes of words and meanings. (1998). Moscow: Azbukovnik. XXV, 674 p. ISBN 5-88744-008-2. (In Russ.).

STSRR — *Dictionary-thesaurus of synonyms of Russian speech: 600 key concepts, 7300 synonymous series, 40,000 synonymous words.* (2017). Moscow: Publishing house "Dictionaries of the XXI century". 446, [1] p. ISBN 978-5-9909262-0-2. (In Russ.).

References

Abzuldinova, G. K. (2011). *Metaphorization of the cognitive field of STUDY in Russian.* Author's abstract of PhD Diss. Tobolsk. 25 p. (In Russ.).

Agaeva, S. T. (2020). Concept and its structure (on the example of the concept of EDUCATION). *Baltic Humanitarian Journal, 9 / 1 (30):* 149—151. DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0076. (In Russ.).

Alymova, E. V. (2007). *Linguistic and cultural model of the concept of EDUCATION in national consciousness.* Author's abstract of PhD Diss. Saratov. 24 p. (In Russ.).

Arkhipova, S. V. (2013). The meaning of the lexemes education and education in Russian and English. *Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University, 1 (22):* 94—98. (In Russ.).

Babenko, L. G. (2020). Types of Lexical Sets in Structural-Semantic, Cognitive-Discursive and Lexicographic Coverage: Dynamics of Interpretations. *Nauchnyi dialog, 9:* 9—47. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-9-47 (In Russ.).

Babenko, L. G. (2023). Universal interpretative categories: cognitive strategies and representations in the structure of an ideographic dictionary. *Cognitive studies of language, 2 (53):* 58—65. (In Russ.).

Bashmakova, A. Yu. (2021). Identification of keywords of the thematic field "Education". *Philological sciences. Questions of theory and practice, 14 (12):* 3986—3990. DOI: 10.30853/phil20210598. (In Russ.).

Baum, M. A. (2016). *Conceptosphere EDUCATION in the Russian and British worldviews stereotypes and metaphors*. Author's abstract of PhD Diss. Yekaterinburg. 22 p. (In Russ.).

Belov, V. A. (2020). Semantic Studies of Organisation and Functioning of Mental Lexicon. *Nauchnyi dialog, 8:* 29—51. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-8-29-51 (In Russ.).

Bogacheva, G. F., Olkhovskaya, A. I., Paramonova, M. K. (2017). Electronic ideographic dictionary: theoretical and applied aspects (based on the material of the "Russian thematic dictionary"). *Questions of lexicography, 12:* 39—60. DOI: 10.17223/22274200/12/3. (In Russ.).

Boldyrev, N. N. (2021). Interpretative semantics as a way of secondary understanding of the world. *Cognitive studies of language, 2 (45):* 34—44. (In Russ.).

Boldyrev, N. N. (2019). *Language and knowledge system. Cognitive theory of language. 2nd edition.* Moscow: YASK Publishing House. 480 p. ISBN 978-5-907117-21-1. (In Russ.).

Chaporukhina, M. G., Ivanova, E. P. (2019). Lexical-semantic field "Higher education". *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature, 16 (2):* 291—303. DOI: 10.21638/spbu09.2019.209. (In Russ.).

Dimitriyeva, O. A. (2017). Concepts PEDAGOGY and EDUCATION in G. N. Volkov's "Pedagogy of Love". *Nauchnyy dialog, 6:* 29—42. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-29-42. (In Russ.).

Ivushkina, T. A. (2020). Lexical Nominations as Indices of Educational and Social Status. *Nauchnyi dialog, 6:* 65—80. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-6-65-80 (In Russ.).

Karasik, V. I. (2002). *Linguistic circle: personality, concepts, discourse.* Volgograd: Peremena. 477 p. ISBN 5-88234-552-2. (In Russ.).

Kildibekova, T. A., Gafarova, G. V., Abdyukova, L. A. (2010). Innovative perspective of the cognitive approach to the linguistic picture of the world. *Bulletin of Bashkir University, 15 (3—1):* 1008—1011. (In Russ.).

Konobeeva, M. Y. (2013). *Semantic representation of the value component of the concept of TEACHING in English and Russian phraseosystems.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 25 p. (In Russ.).

Leontieva, T. V. (2011). The semantic field "Learning, transfer of experience" in the Russian linguistic and folklore tradition. *Proceedings of the Ural State University. Series 2: Humanities, 3 (93):* 6—19. (In Russ.).

Shchetinina, A. V. (2017). Lexicographic Work on Social Nominations (Experience in Creation of Ideographic Dictionary). *Nauchnyy dialog, 11:* 214—230. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-214-230. (In Russ.).

Shi Lei. (2013). *Phraseological units related to the topic of "Study" in Russian and Chinese.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 22 p. (In Russ.).

Tulusina, E. A., Sadykova, A. G. (2017). General and national-specific in the representation of LERNEN concepts and STUDIES (based on experimental data). *Bulletin of Vyatka State University, 5:* 71—74. (In Russ.).

Vocabulary set as an ideographic map of the world: a universal thesaurus of the Russian language. A project card supported by the Russian Science Foundation. Available at: https://rscf.ru/en/project/22-18-00352/ (accessed 06.10.2023).

Voronina, T. M. (2017). Sphere of "Education": the role of antonymy in the conceptualization of the learning process and result. In: *Linguistic units in the light of modern scientific paradigms: Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Ufa, November 30, 2017.* Ufa: Bashkir State University. 278—284. ISBN 978-5-7477-4507-0. (In Russ.).

Voronina, T. M. (2011). The metaphorical component of related concepts: similarities and differences (based on the concepts of the sphere of "Intelligence" and the sphere of "Education"). *Problems of history, philology, culture, 3 (33):* 518—521. (In Russ.).

Zavarzina, V. A. (2022). On the systematic classification of terminological vocabulary of modern education. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Philology, pedagogy, psychology, 1:* 13—23. (In Russ.).

The article was submitted 13.10.2023;
approved after reviewing 06.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Голомидова М. В. Топонимический ландшафт Шадринска в аспекте региональной и локальной идентичности: социолингвистическое исследование / М. В. Голомидова, С. О. Горяев // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 28—48. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-28-48.

Golomidova, M. V., Goryaev, S. O. (2023). Toponymic Landscape of Shadrinsk in Aspect of Regional and Local Identity: A Sociolinguistic Study. *Nauchnyi dialog, 12* (10): 28-48. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-28-48. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-28-48

Топонимический ландшафт Шадринска в аспекте региональной и локальной идентичности: социолингвистическое исследование

Голомидова Марина Васильевна [1]
orcid.org/0000-0001-7951-9208
доктор филологических наук, профессор кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга
marinagolmidova@urfu.ru

Горяев Сергей Олегович * [1,2]
orcid.org/0000-0002-1684-0384
кандидат филологических наук,
[1] доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации;
[2] доцент кафедры социально-гуманитарных и естественно-научных дисциплин,
*** *корреспондирующий автор***
gorajev@yandex.ru

[1] Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

[2] Миссионерский институт (Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта 23-28-01523 «Топонимический ландшафт города в аспекте отражения региональной и локальной идентичности (на языковом материале городов Уральского федерального округа)», https://rscf.ru/project/23-28-01523/

Toponymic Landscape of Shadrinsk in Aspect of Regional and Local Identity: A Sociolinguistic Study

Marina V. Golomidova [1]
orcid.org/0000-0001-7951-9208
Doctor of Philology, Professor, Department of Integrated Marketing Communications and Branding
golomidova-marin@mail.ru

Sergey O. Goryaev * [1,2]
orcid.org/0000-0002-1684-0384
PhD in Philology, associate professor,
[1] Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication;
[2] Department of Social-Humanitarian and Natural Sciences,
*** *Corresponding author***
gorajev@yandex.ru

[1] Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia)

[2] Missionary Institute (Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project number 23-28-01523 "The Toponymic Landscape of the City in the Aspect of Reflecting Regional and Local Identity (on the Linguistic Material of Cities in the Ural Federal District)" https://rscf.ru/project/23-28-01523/

© Голомидова М. В., Горяев С. О., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме репрезентации региональной и локальной идентичности в городской топонимии. Опираясь на социологическую трактовку феномена территориальной идентичности применительно к городской среде, авторы ставят цель выявить восприятие жителями топонимического / урбанонимического ландшафта в качестве транслятора характеристик местной самобытности. Исследование осуществлялось применительно к зауральскому городу Шадринску, основанному в XVII веке. В качестве метода научного решения использовался направленный опрос жителей в сети Интернет с дальнейшей социо- и лингвокультурологической интерпретацией полученных данных. Результаты исследования позволили установить наличие устойчивых ключевых характеристик в сложившемся у горожан образе Шадринска. Выявлено противоречие между потребностями в обновлении урбанонимического ландшафта в направлении топонимического акцентирования черт его уникальности и пока недостаточными усилиями в этом направлении. Получены данные о предпочтительных, с точки зрения горожан, номинативных темах для потенциальных названий. Собраны версии новых урбанонимов, которые могут в наибольшей степени поддерживать ключевые характеристики города и усиливать репрезентацию его региональной и локальной идентичности.

Ключевые слова:
городская топонимия; урбанонимия; урбанонимический ландшафт; территориальная идентичность; Шадринск.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the issue of representing regional and local identity in urban toponymy. Based on a sociological interpretation of the phenomenon of territorial identity in an urban environment, the authors aim to identify how residents perceive the toponymic / urbanonymic landscape as a translator of local distinctiveness. The study was conducted in the Zaural city of Shadrinsk, founded in the 17th century. The research method involved a targeted survey of residents on the Internet, followed by socio- and linguocultural interpretation of the data obtained. The results of the study allowed for the identification of stable key characteristics in the established image of Shadrinsk among its residents. A discrepancy was found between the need to update the urbanonymic landscape by emphasizing its unique features and the insufficient efforts in this direction. Data was collected on preferred nominative themes for potential names, and new urbanonyms were proposed that could best support the city's key characteristics and enhance the representation of its regional and local identity.

Key words:
urban toponymy; urbanonymy; urbanonymic landscape; territorial identity; Shadrinsk.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’373.211(470.54/.56+.58)+316.334.56(470.54/.56+.58)
Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Топонимический ландшафт Шадринска в аспекте региональной и локальной идентичности: социолингвистическое исследование

© Голомидова М. В., Горяев С. О., 2023

1. Введение = Introduction

Вопросы отражения в языке связей человека с пространством составляют одно из актуальных направлений в лингвокультурологии и социолингвистике. Современная ономастика, и прежде всего топонимика, обращается к этим вопросам, исследуя особые языковые знаки — имена собственные. В этом ключе, в частности, изучается феномен территориальной идентичности в его топонимическом проявлении [David et al., 2014; Felecan, 2015; Golomidova, 2020; Галактионова, 2016; Полюшкевич, 2019; Разумов и др., 2020]. Особой научной притягательностью обладает топонимия города (урбанонимия), объединяющая имена разных внутригородских пространственных объектов, которые формируют особый урбанонимический ландшафт.

Само понятие урбанонимического ландшафта можно определить как «совокупность топографических собственных имен, вовлеченных в единую систему пространственных семиотических связей и организующих семантические и функциональные слои в вербальном образе города» [Голомидова и др., 2023, с. 150]. Идея урбанонимического и, шире, топонимического ландшафта связана с ономастическим преломлением понятия культурного ландшафта, играющего важную роль в современном гуманитарном знании и ставшего, по сути, объяснительным инструментом для научных построений. Объясняя феномен культурного ландшафта, исследователи неизменно подчеркивают связь материального и духовного, природного и культурного. «Ландшафт как предметная и осязаемая среда человеческого бытия не может быть осознан и осмыслен вне культурного контекста, связь ландшафта и культуры фундаментальна и неразрывна» [Стрелецкий, 2020, с. 73]. Специфика урбанонимического ландшафта заключается в том, что, с одной стороны, он соотносится с обозначением мест в реальном физическом пространстве города, а с другой стороны, через топонимы как языковые знаки транслируются символические значения, обусловленные человеческим восприятием локаций и культурным контекстом.

CC BY

Топонимы в целом, и городские топонимы в частности, кроме основной знаковой функции — указания на конкретный локализованный объект, несут также прагматически значимую информацию. Топографические имена отражают исторические события, опыт хозяйственного освоения территории, уклад жизни населения и, особенно в случае с городской топонимией, часто предполагающей целенаправленное создание и официальное закрепление имени, господствующие идеологические представления и предписываемые социальные идеалы. Городская топонимия формирует своего рода образ места, фиксирует срез культуры города на определенный период его исторического развития и, несомненно, несет на себе дух времени.

Однако любой развивающийся город меняется вместе с динамикой социальных процессов, в которых могут сложным образом переплетаться наследие прошлого и современный опыт. И вполне закономерно, что в городской топонимии сосуществуют названия, принадлежащие разным эпохам. Если исходить из выполнения утилитарных задач коммуникации, любые топонимы пригодны для того, чтобы выполнять свои навигационные функции, но если рассматривать урбанонимы как средство актуализации культурных смыслов и поддержания городской идентичности, то особую проблемную напряженность приобретают вопросы рационального развития и коррекции топонимических ландшафтов.

На протяжении XX и XXI столетия имена городских объектов присваиваются официально органами муниципальной власти. Но нередко топонимические практики исходят из конъюнктурных задач текущего момента и не учитывают потенциал развития культурных ресурсов города. В результате создается диссонанс между невыразительной штампованной урбанонимией и тем уникальным образом города, который складывается у жителей через восприятие его пространственных реалий, знание и понимание его социокультурных особенностей. В связи с этим представляется актуальным дальнейшее уточнение подходов к изучению городской топонимии в аспекте трансляции региональной и локальной идентичности с перспективой дальнейшей выработки рекомендаций для топонимических практик.

Территориальная идентичность является действенным культурным механизмом, который обеспечивает солидарность социальных общностей [Capello, 2019; Paasi, 2003; Головнева, 2018; Смирнова, 2004] и одновременно для отдельных индивидов означает осознание своей связи с местом, «чувства места» [Hummon, 1992], «топофилии», по выражению И-Фу Туана [Tuan, 1990]. Для того чтобы установить черты территориальной идентичности как ее воспринимают сами жители города, необходимо обратиться к их мнению, услышать их суждения и оценки. Выбранный ракурс

CC BY

применительно к изучению городских топонимов требует привлечения к исследованию социолингвистического инструментария.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

История городов Урала, насчитывающая не одно столетие, сформировала общую территориальную специфику, что обусловлено прежде всего историей русского освоения восточных рубежей России, сходством климатических условий и жизненного уклада. Однако в сложившемся единстве, несомненно, остается место для проявления индивидуальности каждого отдельного города.

Наряду с городами, составляющими костяк «горнозаводской цивилизации» [Иванов, 2010], центром которой был Екатеринбург, Шадринск, географически относящийся уже к Зауралью, то есть к равнинной территории восточнее Уральских гор, первоначально развивается как сельскохозяйственное и военное поселение. Его история восходит ко второй половине XVII века, когда Шадринская слобода-крепость защищала русских переселенцев, занимавшихся хлебопашеством и ремесленным производством [Уральская историческая энциклопедия, 2000, с. 611].

В дальнейшем Шадринск становится важным торговым центром: «В середине XIX в. торговые связи Шадринска простирались на многие города и уезды Российской империи. Торговые площади, обслуживаемые городом, включали в себя значительные территории Челябинского, Екатеринбургского, Камышловского, Курганского и Ялуторовского уездов, северную часть Казахстана» [Закожурникова, 2009, с. 14]. Только с развитием в конце XIX века железных дорог, изменивших экономический ландшафт Урала, роль Шадринска как торгового центра снизилась, поскольку первая железная дорога из Екатеринбурга в Курган прошла не через Шадринск и к железнодорожной сети город был присоединен только в начале XX века. Сейчас Шадринск с населением в почти 70 000 человек является вторым по величине городом Курганской области.

Именно историческими особенностями Шадринска был обусловлен выбор его урбанонимии в качестве объекта исследования. Для выявления отношения жителей к сложившемуся урбанонимическому ландшафту был использован метод социолингвистического опроса в сети Интернет. В опросе приняло участие 108 человек, данные о респондентах представлены на рисунках 1—4.

Социально-демографические характеристики информантов позволяют утверждать, что это достаточно репрезентативная выборка, поскольку возраст, образование, длительность проживания в городе и добровольный отклик на предложение участвовать в опросе доказывают объединение со-

CC BY OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

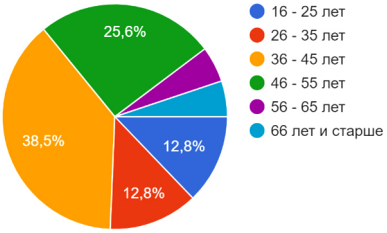

Рис. 1. Возраст респондентов

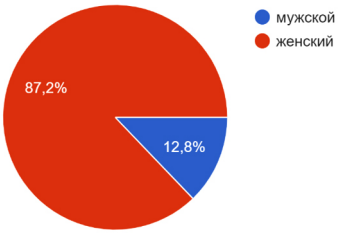

Рис. 2. Пол респондентов

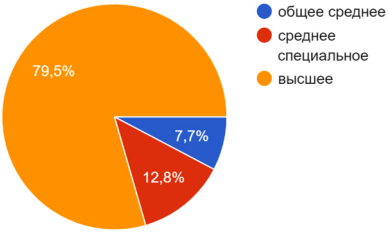

Рис. 3. Образование респондентов

Рис. 4. Время проживания в городе

циальной группы не только по критерию знания местной истории и современных реалий, но и по критерию неравнодушного отношению к родному городу, заинтересованности в его благополучии и развитии.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Образ Шадринска в восприятии его жителей

Первый шаг опроса по «шадринской» теме предполагал выявление свободного оценочного суждения респондентов относительно индивидуальных представлений о городе. При этом не выявлялась осведомленность об урбанонимах, а вопрос был обращен к общему восприятию места и формулировался так: «Мой город, какой он? Для определения назовите 3—7 ключевых слов (прилагательных, существительных или словосочетаний), которые, на Ваш взгляд, передают характеристики города».

Полученные ответы позволяют говорить о существовании ряда достаточно устойчивых и часто актуализируемых представлений, из которых складывается отчетливый образ города. Его доминирующие характеристики можно установить на основе сходства компонентов понятийного содержания лексем в вариантах ответов. Расположив эти характеристики в со-

CC BY

ответствии с частотностью упоминания, мы получим палитру атрибуций с более плотным ядром и менее частотной периферией.

Первый по частотности ряд образуют атрибутивы: *старинный, зеленый, уютный, маленький* и *обновляющийся.* Следующий по упоминаемости ряд признаков представлен в понятиях: *красивый, тихий, купеческий, родной, дружелюбный.* Ближе к периферии находятся такие определения, как *провинциальный, талантливый, грустный.*

Показательно, что в ответах нашли место знаковые реалии природного ландшафта, локальной истории и культурного колорита: *река Исеть* (водная артерия города и важный семиотический компонент его образа), *Юшка Соловей* (Юрий Никифорович Малечкин, слобожанин казацкого роду, основатель Шадринска), *шадринский гусь* (порода гусей, которая обросла легендами и воспринимается как своеобразный зауральский «экобренд» [Бритвин, 2013, с. 23]).

Более подробно ключевые слова из ответов информантов и выводные характеристики города даны в таблице (табл. 1) в порядке убывания частотности.

Как следует из приведенных сведений, некоторые определения пересекаются, образуя семантические «сгущения» или единства. Отталкиваясь от их особенностей, можно наблюдать очевидное преобладание в образе Шадринска позитивных коннотаций. Ответы убеждают, что жители солидарны в своем «чувстве места». Это проявляется в смысловых доминантах эмоциональной теплоты, в образно-эстетическом восприятии пространства как зеленого, красивого, уютного, в «живом ощущении» истории города с ее глубокой ретроспективой, в понимании, что жизнь города объединяет традиции и движение в будущее.

3.2. Значимые локации Шадринска и обозначающие их урбанонимы

Следующим шагом опроса стало обращение к топографическим объектам и собственно урбанонимическому материалу. Вопрос был сформулирован следующим образом: «Какие городские пространственные объекты (улицы, площади, скверы, парки, мосты, скульптуры, значительные здания, сооружения и под.), а также их названия наилучшим образом передают особенности Вашего города. Приведите примеры (от 5 и более)».

По мнению большинства респондентов, ключевыми локациями Шадринска являются *Городской сад им. М. Ф. Кельдюшева, Набережная им. К. Д. Носилова*, *Памятник И. Д. Иванову-Шадру, Сквер Победы, Храм Воскресения Словущего*, *Храм Преображения Господня.*

Городской сад им. М. Ф. Кельдюшева — коммеморативное название в честь создателя, пионера зауральского садоводства Михаила Федоровича

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Таблица 1

Репрезентация ключевых характеристик образа Шадринска в ответах респондентов

№ п/п	Характеристика	Ключевые слова из ответов респондентов	Частотность упоминаний
1.	Старинный	Старинный; старый; исторический; старинные здания; архитектура; пенсионеры.	59
2.	Зеленый	Зеленый; хорошо озелененный; бор; красивая природа; чистый; чистый воздух.	52
3.	Уютный	Уютный; комфортный.	41
4.	Маленький	Маленький; компактный; небольшой.	35
5.	Обновляющийся	Развивающийся; развивающийся и сохраняющий традиции; растущий, процветающий; будущее; молодой; дети; комфортный для проживания и воспитания детей; студенты; с большим будущим город.	29
6.	Красивый	Красивый; прекрасный; интересный; логичный.	19
7.	Тихий	Тихий; тихий и очень замечательный; спокойный.	17
8.	Купеческий	Купеческий.	16
9.	Родной	Родной; знакомый; любимый; классный.	13
10.	Дружелюбный	Доброжелательный; доброжелательные жители; дружелюбный; душевный; гостеприимный.	7
11.	Провинциальный	Провинциальный.	11
12.	Богатый талантами	Талантливый; голосистый, спортивный.	3
13.	Город в реалиях	Шадринский гусь, Юшка Соловей, Исеть	3
14.	Негативные оценки	Необразованный; темный; местами странный; с грустным настоящим и неопределенным будущим; захолустный; серый и грустный	4

Кельдюшева. Сад был заложен в 1882 году, а в 1999 ему было присвоено современное имя.

Набережная получила нынешнее коммеморативное название в память об уроженце города, этнографе, писателе и путешественнике Константине Дмитриевиче Носилове (1858—1923) только в мае 2023 года, поэтому большинство респондентов обозначили ее просто *Набережная* или *Набе-*

CC BY

режная реки Исеть. В выборе респондентами этого обозначения хорошо просматривается роль реки в символическом пространстве города.

Важным для жителей является представление о духовном наследии. Поэтому закономерно, что имя И. Д. Шадра, известного скульптора, считавшего Шадринск своим родным городом и взявшего себе псевдоним в его честь, и соответствующий урбаноним — название памятника — часто упоминаются в ответах.

Сохраняет свой высокий ценностный смысл память о Победе в Великой Отечественной войне. Соответствующие урбанонимы, в частности название *Сквер Победы*, по ответам информантов, входят в группу наиболее заметных обозначений общественных пространств. Дополняет эту тему название *Сквер Воинской славы*, которое более широко охватывает память о разных военных событиях отечественной истории.

Знаменательно возвращение в актуальное символическое пространство конфессиональных названий — имен православных храмов: *Воскресенского* и *Преображенского*, а также менее частотного в ответах *Николаевского собора.*

Информанты обращают внимание на купеческую составляющую в истории города и отмечают значимые для культурного и урбанонимического ландшафта названия старинных купеческих усадеб: *усадьба Густомесова*, *дом Фетисова*. И даже если в ответах не указываются фамилии бывших владельцев усадеб, то купеческие дома упоминаются как характерная примета шадринского архитектурного облика.

Неизменный эмоционально-оценочный отклик вызывают у жителей формы малой городской скульптуры, и соответствующие названия — артионимы — упоминаются в комментариях как свидетельства местного колорита: скульптурная композиция *«Старый город»*, изображающая купца и крестьянку, продающую гуся; жанровые скульптуры *«Шадринский гусь»*, «*Гусь с балалайкой», «Так вот он какой, Шадринский гусь»* (народное название *Гусь с лаптем*), скульптура «Царевна-лягушка» (родиной этого сказочного персонажа считается Шадринск).

Распределение названий, которые маркируют объекты, наиболее значимые для восприятия Шадринска, показывает, что семиотически нагруженной оказывается центральная часть города с ее историческими улицами, зелеными зонами, набережной Исети, соборами с прилегающим к ним пространствами, наиболее заметными архитектурными объектами и скульптурами.

Подробные сведения о частотности упоминания шадринских локаций и их названиях размещены в таблице (табл. 2). В нее включены факты, которые оказываются в диапазоне от 59 до 11 упоминаний.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Таблица 2

Ключевые объекты городского пространства Шадринска

№ п/п	Официальное название	Вариативные обозначения в ответах респондентов (сохранена орфография источника)	Частотность упоминаний
1.	Городской сад им. М. Ф. Кельдюшева	Городской сад им. Кельдюшева; Городской сад (жаль его переделали совсем) и скульптуры Шадра рядом с ним; Городской парк.	59
2.	Набережная им. К. Д. Носилова	Набережная; Набережная Исети; Набережная реки Исеть.	52
3.	Памятник И. Д. Иванову-Шадру	На ул. Октябрьская – ул. Луначарского находится памятник скульптору И. Д. Иванову-Шадру; памятник Шадру; памятник Шадра; скульптура Ивана Шадра.	36
4.	Сквер Победы	Сквер по Комсомольской, Поскотина.	35
5.	Храм Воскресения Словущего	Воскресенский собор; Воскресенская церковь и при ней Васильевское кладбище; старое кладбище у Воскресенской церкви; храм Воскресенский (в простонародье); На Воскресенском кладбище по ул. Комсомольской расположен действующий Храм Воскресения Словущего.	31
6.	Храм Преображения Господня	Спасо-Преображенский собор.	22
7.	ул. Свердлова	Проспект Свердлова, красиво засаженный пирамидальными тополями; Аллея.	19
8.	Городской бор №1	Городской бор; лес возле детской больницы.	16
9.	Сквер Воинской славы	Сквер в честь участников гражданской войны; сквер Революции; сквер Революции и мемориал в нем.	15
10.	Памятники местным фольклорным персонажам	На ул. Гагарина расположена скульптурная композиция, изображающая купца и крестьянку, торгующую гусем; Старый город; Памятник шадринскому гусю на набережной; Гусь с балалайкой; Гусь с лаптем; скульптуры Царевне-лягушке и шадринскому гусю.	14
11.	Усадьбы	Усадьба Густомесова; усадьба купца Густомесова; дом Фетисова; дом-усадьба Фетисова; купеческие дома; старинные дома (памятники архитектуры).	12
12.	ул. Комсомольская	Комсомольская (Поскотина); ул. Комсомольская (бывшая Торговая) и на ней сквер Победы.	11
13.	Собор Николая Чудотворца	Никольский храм; Николаевский собор; Николаевская церковь; Николаевская площадь.	11

CC BY

Основу любого урбанонимического ландшафта, его фундамент и главный языковой материал формируют официальные названия — те урбанонимы, что фиксируются в документах и на картах, пишутся в справочниках и на уличных табличках. Они в первую очередь обеспечивают единую, открытую и одинаковую для всех систему различения городских объектов. Однако наряду с официальными в речи горожан используются названия неофициальные, или народные. Некоторые их них существуют параллельно с официальными, переводя восприятие денотата в план экспрессивной, субъективно оценочной и эмоциональной интерпретации — шутливой, ироничной, огрубленной. Другие применяются в отношении пространственных реалий, не имеющих своих имен, но значимых для ориентации и квалификации форм физического ландшафта. В социолингвистике неофициальные урбанонимы рассматриваются как разновидность лексических регионализмов, которые отражают местные особенности языковых и речевых практик [Матвеева, 2021, с. 13—16]. Самим фактом своего появления регионализмы доказывают наличие в языке города потенциала к развертыванию территориальных словесных отличий.

В речи шадринцев бытуют подобные народные урбанонимы, и важно, что респонденты обращают на них внимание, подчеркивая, что это особые, *«местные словечки», «наши местные названия»*. Наиболее часто упоминаются онимизированные лексемы *Увал, Увалы* в отношении высокого правого берега реки Исети, что свидетельствует о топографической и визуально-образной значимости локации: «*Увал, он же зеленый и городу зеленых красок добавляет*»; «*Увал. Зимой там на санках катались*»; *«Отсюда панорама реки Исети открывается и Увалы»*.

Устойчиво соотносятся с образом Шадринска сухие возвышенности в пойме реки Исети, которые горожане называют *Рёлками*. Нужно сказать, что диалектная лексема *рёлка* известна в говорах Урала и Зауралья, она функционирует в деревенской речи как нарицательное обозначение для «возвышенности на болоте, в лесу, в поле» [Словарь русских говоров Среднего Урала, 1984, с. 72]. В речи жителей Шадринска лексема, закрепившись за конкретным участком территории, прибрела индивидуализирующую, онимическую семантику.

Продолжают ряд неофициальных урбанонимов, указанных самими информантами, названия *Сковородка* (сквер возле кинотеатра «Октябрь»), *Поскотина* (улица Комсомольская: «*Раньше здесь выгул был, а потом улица для молодежных прогулок, парочки друг друга выгуливали*»), *Бабья Лужа* (*«мелкий прудик, дети туда бегали купаться»*).

Анкетный вопрос не предполагал обязательного обращения к неофициальным названиям, поэтому их появление в комментариях позволяет

сделать некоторые выводы. Во-первых, сами носители языковой информации ощущают роль регионализмов в объяснении особенностей города и его пространства как обжитого, освоенного и «присвоенного» в коллективном опыте (ср.: «*так ещё наши родики это место называли, а может даже и деды с бабками*»). Во-вторых, актуализация неофициальных названий доказывает объективную неоднородность урбанонимического ландшафта, который не только организуется именами разных разрядов, но и включает обозначения, отличающиеся по своим функциональным свойствам и соотнесенные с разными слоями речевой культуры города.

3.3. Названия ключевых линейных объектов Шадринска в свете выражения индивидуальности города

Отдельное внимание в интернет-опросе было уделено восприятию названий улиц (годонимов), поскольку улицы, переулки, проезды и прочие линейные объекты составляют важнейшую часть планировочной структуры, а их названия формируют большую часть урбанонимического ландшафта. Вопрос был задан в такой формулировке: «Названия каких улиц вашего города, на Ваш взгляд, отражают его характер и почему? Приведите 4—5 примеров».

Полученные данные свидетельствуют о том, что в первую очередь респонденты обращают внимание не столько на имена, сколько на пространственно-семиотическую роль самих объектов номинации. Так, в качестве наиболее значимых были выбраны улицы, расположенные в центре города, выполняющие функции магистральных, в пределах которых расположены социально важные объекты. Исключением стала *улица Михайловская*, название которой своей внутренней формой отсылает к имени архангела Михаила и к старинным названиям Шадринска — *Архангельский Шадринский городок*, *Малоархангельск*. Более подробно распределение наиболее частотных ответов и комментарии к ним даны в таблице (табл. 3).

Показательно, что для наиболее упоминаемых улиц нередко приводится историко-культурная информация. Жители указывают на прежние названия: *«Улица Комсомольская, раньше — Торговая»*; *«Улица Пионерская была Преображенской, потому что вела к Преображенскому собору»*; *«На месте улицы Свердлова была Екатеринбургская»*; *«Улица Февральская называлась Московская»*; «*Улица Кондюрина — одна из первых улиц города, где начиналась Слобода (Шадринская слобода)»*.

Многие из опрошенных сходятся во мнении, что основной массив названий улиц в Шадринске не передает местной уникальности, поскольку эти имена были созданы в советское время, они транслировали идеологические установки, единые для всей страны, и не отличаются от названий в других городах: *«Бóльшая часть названий улиц города изменена на от-*

Таблица 3

Значимые шадринские годонимы

№ п/п	Годоним	Комментарии респондентов (сохранена орфография источника)	Типизированные характеристики	Частотность упоминаний
1.	Улица Свердлова	Улица Свердлова — находится Администрация города; Свердлова, проходит через весь центр; Свердлова, ориентированность на Екатеринбург; Свердлова — главная улица; Свердлова — основная городская; улица Свердлова (Екатеринбургская) — центральная улица города, где находится пешеходная часть и тополиная аллея; ул. Свердлова — современный центр города; Свердлова — главная улица, красивые деревья; улица Свердлова — «жила» города; на месте улицы Свердлова была Екатеринбургская.	Центральное расположение, ориентированность на Екатеринбург, место размещения Администрации	44
2.	Улица Михайловская	Улица Михайловская — на ней находилась торговая площадь и ликёро-водочный завод; ул. Михайловская в честь покровителя города Архангела Михаила.	Магистральная функция, историческая связь с торговой ролью города, соотнесенность со старинным названием города Малоархангельск	29
3.	Улица Комсомольская	Улица Комсомольская — находится фонтан, памятник героям Великой Отечественной Войны; Комсомольская (Торговая); улица Комсомольская — раньше Торговая.	Центральное расположение, историческая связь с торговой ролью города, наличие знаковых объектов.	26
4.	Улица Ленина	Улица Ленина — парк Революции; ул. Ленина – исторический центр со старинными домами.	Центральное расположение, старинная архитектура.	17

[Научный диалог = Nauchnyi dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

№ п/п	Годоним	Комментарии респондентов (сохранена орфография источника)	Типизированные характеристики	Частотность упоминаний
5.	Улица Кондюрина	Улица Кондюрина (Набережная) — ведёт к набережной, граничит с рекой, одна из первых улиц города, где начиналась Слобода; Кондюрина улица — сохранилась где-то история.	Близость к реке Исеть, связь с начальной историей города.	15
6.	Улица Февральская	Улица Февральская (Московская) — расположен городской сад; улица Февральская называлась Московская.	Центральное расположение, наличие значимых объектов	12
7.	Улица Пионерская	Улица Пионерская (ранее Преображенская) — основная улица, которая вела(-дёт) к собору; улица Пионерская была Преображенской, потому что вела к Преображенскому собору.	Связь с начальной историей города, наличие конфессиональных объектов	11

[Научный диалог = Nauchnyi dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

CC BY

ражающие советскую действительность и является распространённым среди городов России»; «Названия большинства улиц были изменены — вряд ли названия улиц Октябрьская, Февральская, Свердлова, Пролетарская могут как-то передать характер города».

Высказываются утверждения, что характеру города больше соответствовали дореволюционные названия: *«Отражали характер города дореволюционные названия улиц (Торговая, Веселая, Рыбная)»; «Раньше улицы имели другие названия, и вот они бы больше отражали характер города, а теперь у нас все улицы как везде, никакой оригинальности»*.

Однако, по мнению некоторых информантов, и названия советского времени могут передавать местную идентичность, трактуя ее как часть общей истории страны, в которую было вовлечено и местное сообщество. Как замечает один из респондентов, «*улица 4-го Уральского полка, улица Красноармейская, улица Февральская — все они связаны с неспокойными событиями нашей страны*». Необходимо пояснить, что Четвертый Уральский полк РККА был создан именно из добровольцев города Шадринска и его уездов [Четвертый Уральский …, 1967, с. 2].

Отражают местную специфику и некоторые оттопонимические названия улиц и дорог. Исторически Шадринск развивался как город на перекрестье торговых путей, и этот «генетический код» проступает в семантике названий, передающих региональные и межрегиональные пространственные связи. Респонденты отмечают открытость Шадринска к сообщению с другими городами и регионами: «*Характер города отражают, например, улицы Омская, Челябинская, Курганская, Тюменская; все крупные города находятся в примерно одинаковой удаленности»*.

3.4. Пути развития топонимии Шадринска: предложения жителей

Отвечая на вопрос о важности или, напротив, неважности имен пространственных объектов для восприятия особенностей города, шадринцы в целом склоняются в пользу положительного суждения: *«Думаю, что важны, чтобы у города была какая-то индивидуальность, его можно было бы чем-то выделить»; «Важны. Они должны помочь воспринимать город не только как часть страны, но и как город, обладающий индивидуальностью»; «Думаю, что да. Легче будет ориентироваться»; «Важны, потому что с их названиями ассоциируются общественные пространства»*.

В этой связи ряд информантов предлагает вернуть часть старых дореволюционных названий, реставрируя историческую глубину урбанонимического ландшафта: *«Я бы предложила вернуть старые названия улиц»; «Скорее всего, я бы вернула дореволюционные названия некоторых улиц, например, Комсомольскую заменила бы на Торговую, ну и так далее»;*

«Лучше — вернуть старые названия улиц (например, улица Никольская — в честь святителя Николая, улица Преображенская)»; «Вернуть прежние названия, так как они отражали суть предназначения. Например, ул. Торговая — именно на этой улице сосредоточены большинство магазинов (настоящее название ул. Комсомольская)».

По мнению жителей, своеобразие города могли бы символически подчеркнуть урбанонимы:

— которые передают память о выдающихся земляках: «*Можно давать названия в честь основателей города, в честь учёных земляков, героев ВОВ и других военных компаний, в честь героев труда»; «Именами прославивших Шадринск спортсменов»;*

— содержат отсылки к местным историко-культурным реалиям: *«Нужно, чтобы названия показывали, что у нас есть интересного, какая история, чем мы можем похвалиться»;*

— показывают природно-географические особенности места: *«Они должны быть связаны с местностью, где расположен город».*

Основные номинативные темы нашли воплощение в конкретных названиях, созданных самими респондентами. Соответствующий языковой материал размещен в таблице (табл. 4).

По созданным названиям можно в определенной мере судить о том, какой видится существующая на сегодняшний день шадринская идентичность. В частности, прослеживается в номинациях поддержка природно-пейзажного образа зеленого города на берегу Исети (*Зеленая улица, Березовая роща; Лесная улица, Исетский проспект*).

Акцентируются мотивы социальной памяти как значимого компонента, объединяющего жителей в их отношении к месту с многовековой историей. Доказательством служат рекомендации присваивать названия в честь основателей города и тех, кто в разные времена прославил Шадринск своими делами. При этом любопытно, что большинство из предложенных исторических персон уже увековечены на карте города, однако шадринцы готовы топонимически усилить их общественное признание.

Неизменной для аксиологического отношения, объединяющего современных жителей Шадринска, остается тема военного подвига (*улица Победителей*). В новых урбанонимах их создатели заложили идеи ценности воспитания нового поколения (*улица Учителей; улица Наставников Парк молодежи*), отразили любовь к спорту и спортивную «жилку» города (*парк Спортивных начинаний, улица Спортивная*) и тем самым высветили образ будущего и тему развития.

В перечне предлагаемых новых названий, на наш взгляд, весьма достойных и целесообразных, с особой яркостью прозвучала креативная

Таблица 4

Предлагаемые урбанонимы

№ п/п	Урбанонимы, предложенные респондентами в ходе опроса (сохранена орфография источника)	Мотивировка новых названий	Всего
1.	Улица Бирюкова; улица Бронникова; улица Здобнова; улица Кельдюшева; улица Лещева; улица Малечкина; улица Мальцева; улица Носилова; улица Первушина (2 предложения); улица Ф. А. Соснина; улица Шадра; улица Мамина-Сибиряка (не уроженец города, но знаковая фигура Урала).	Посвящение отдельным выдающимся людям	13
2.	Улица Учителей; Наставников улица; Победителей улица; Парк молодежи.	Посвящение социальным группам	4
3.	Исетский проспект; Зеленая ул. (2 предложения); Березовая роща; Цветной бульвар; Лесная улица; Просторная улица (для улицы, расположенной в «степи» Северного посёлка); Жемчужина Зауралья парк (так как в округе города находятся источники с целебной минеральной водой).	Отражение природных реалий и ландшафтно-пейзажных особенностей	8
4.	Парк Спортивных начинаний (для спортивной площадки в бору); улица Спортивная (где больше спортивных объектов).	Связь со спортом как значимым социальным явлением	2
5.	Малоархангельская площадь; Соборная площадь; Купеческая улица; улица Шадринского гуся; Торговая улица; Никольская улица, Преображенская улица.	Соотнесенность с местными культурно-историческими реалиями (включая старые дореволюционные названия)	7
6.	Улица 80 лет атомной промышленности.	Напоминание о юбилейных событиях	1

CC BY
OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

номинация *улица Шадринского гуся,* удачно соединившая фольклорный образ и современную топонимическую форму. Необычное, но, безусловно, показывающее шадринскую индивидуальность, оно могло бы украсить один из новых объектов города.

В целом можно констатировать, что полученный языковой материал полезен для внедрения в официальные топонимические практики Шадринска.

4. Заключение = Conclusions

Территориальная идентичность во многом складывается за счет самоопределения и рефлексии жителей, поэтому изучение топонимической репрезентации этого феномена требует использования социологических и социолингвистических методов. Апробированный в данном исследовании интернет-опрос с заданными географическими параметрами (жители города Шадринска) и заданными направлениями для размышления (символическая роль урбанонимии), на наш взгляд, доказал свою уместность.

Подобная анкета как инструмент замеров топонимического отражения территориальной идентичности может быть экстраполирована на другие города. При этом нужно полагать, что в значительной мере объективность информации будет зависеть от выборки респондентов. В нашем опыте выборку можно считать репрезентативной как по количественному, так и по качественному показателям: подавляющее число респондентов — люди с высшим образованием, долгое время живущие в Шадринске, неравнодушно относящиеся к его истории, настоящему и будущему.

Опрос позволил выяснить ключевые характеристики в образе города, каким его представляют и ощущают сами жители. Рекомендуемые информантами номинативные решения для корректировки урбанонимического ландшафта показывают запросы на реконструкцию его исторической глубины, а также интерес к дальнейшей топонимической репрезентации местной самобытности.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Литература

1. *Бритвин А. М.* Город Шадринск в поисках бренда / А. М. Бритвин // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. — Екатеринбург : УрФУ, 2013. —С. 22—24.

2. *Галактионова Н. А*. Социокультурный облик региона через призму топонимической политики (кейс Тюмени и Набережных Челнов) / Н. А. Галактионова // Регионология. — 2016. — № 1 (94). — С. 152—163.

3. *Головнева Е. В.* Конструирование региональной идентичности в современной культуре (на материале сибирского региона) : диссертация … доктора филологических наук / Е. В. Головнева. — Екатеринбург, 2018. — 339 с.

4. *Голомидова М. В.* Отражение территориальной идентичности в топонимическом ландшафте малых городов Урала / М. В. Голомидова, А. В. Дмитриева // Вопросы ономастики. — 2023. — Т. 20, № 2. — С. 144—173. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.2.019.

5. *Закожурникова Ю. В.* Хлебный рынок города Шадринска в XIX — начале XX в. / Ю. В. Закожурникова // Вестник Томского государственного университета. История. — 2009. — № 4 (8). — С. 13—16.

Иванов А. В. Хребет России / А. В. Иванов. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2010. — 269 с.

6. *Матвеева И. В.* Типология регионализмов и их лексикографическая интерпретация (на материале лексики г. Новосибирска) : автореферат диссертации … кандидата филологических наук / И. В. Матвеева. — Архангельск, 2021. — 26 с.

7. *Полюшкевич П. О.* Территориальная идентичность и проблемы топонимики в Иркутске / П. О. Полюшкевич // Социология. — 2019. — № 2. — С. 250—256.

8. *Разумов Р. В.* Трансляция региональной идентичности в урбанонимии российских городов : современное состояние / Р. В. Разумов, С. О. Горяев // Вопросы ономастики. — 2020. — Т. 17, № 2. — С. 201—219. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.024.

9. *Словарь* русских говоров Среднего Урала / авт.-сост. А. В. Волоскова и др. — Свердловск : УрГУ, 1984. — Т. 5. Пристановье — Скалянка. — 142 с.

10. *Смирнова Н. А.* Региональная идентичность в условиях современного российского общества : диссертация … кандидата социологических наук / Н. А. Смирнова. — Волгоград, 2004. — 188 с.

11. *Стрелецкий В. Н.* Культурно-ландшафтные исследования за рубежом : национальные традиции и научные школы в мировой культурной географии / В. Н. Стрелецкий // Псковский регионологический журнал. — 2020. — № 3 (43). — С. 73—91.

12. *Уральская* историческая энциклопедия / ред. В. В. Алексеев. — Екатеринбург : Академкнига; УрО РАН, 2000. — 640 с. — ISBN 5-7691-0795-2.

13. *Четвертый* Уральский ... : документальная повесть / А. Дубасов, И. Вырышев, Н. Попов, П. Стариков. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1967. — 160 с.

14. *Capello R*. Interpreting and Understanding Territorial Identity / R. Capello // Regional Science Policy and Practice. — 2019. — Vol. 11, № 1. — P. 141—158. — DOI: 10.1111/rsp3.12166.

15. *David J.* Názvy míst. Paměť, identita, kulturní dědictví / J. David, P. Mácha. — Ostrava : Ostravská univerzita, 2014. — 240 s.

16. *Felecan O.* Borders and Ethnic Identities Reflected in Street Names from Transylvanian Localities / O. Felecan // Transylvanian Review. — 2015. — Vol. XXIV, Supplement nr. 1. Regionalization in Globalization. — P. 229—244.

17. *Golomidova M*. Municipal Toponymic Policy as a Tool For Translation Of Regional Identity: A Case Of Modern Kazan (Russia) / M. Golomidova // Journal of Geography, Politics and Society. — 2020. — Т. 10, № 3. — С. 42.

18. *Hummon D. M.* Community Attachment: Local Sentiment and Sense of Place / D. M. Hummon // Human Behavior and Environments: Advances in Theory and Research / I. Altman, S. Low. (eds.). — New York : Plenum Press, 1992. — Pp. 253—278.

19. *Paasi A.* Place and region: regional identity in question / A. Paasi // Progress in Human Geography. — 2003. — Vol. 27, №. 4. — P. 475—485.

20. *Tuan Y. F.* Topophylia / Y. F. Tuan. — New York : Columbia University Press, 1990. — 260 p.

Статья поступила в редакцию 17.10.2023,
одобрена после рецензирования 06.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

References

Alekseev, V. V. (ed.). (2000). *Ural Historical Encyclopedia*. Yekaterinburg: Akademkniga; Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 640 p. ISBN 5-7691-0795-2. (In Russ.).

Britvin, A. M. (2013). The city of Shadrinsk in search of a brand. In: *Branding of small and medium-sized cities in Russia: experience, problems, prospects.* Yekaterinburg: UrFU. 22—24. (In Russ.).

Capello, R. (2019.). Interpreting and Understanding Territorial Identity. *Regional Science Policy and Practice, 11 (1):* 141—158. DOI: 10.1111/rsp3.12166.

David, J., Mácha, P. (2014). *Place names. Memory, identity, cultural heritage*. Ostrava: University of Ostrava. 240 p. (In Czech.)

Dubasov, A., Vyryshev, I., Popov, N., Starikov, P. (1967). *The Fourth Ural...: a documentary story*. Sverdlovsk: Central Ural Book Publishing House. 160 p. (In Russ.).

Felecan, O. (2015). Borders and Ethnic Identities Reflected in Street Names from Transylvanian Localities. *Transylvanian Review, XXIV (1) Regionalization in Globalization:* 229—244.

Galaktionova, N. A. (2016).Sociocultural image of the region through the prism of toponymic policy (the case of Tyumen and Naberezhnye Chelny). *Regionalology, 1 (94):* 152—163. (In Russ.).

Golomidova, M. (2020). Municipal Toponymic Policy as a Tool For Translation Of Regional Identity: A Case Of Modern Kazan (Russia). *Journal of Geography, Politics and Society, 10 (3):* 42.

Golomidova, M. V., Dmitrieva, A. V. (2023). Reflection of territorial identity in the toponymic landscape of small cities of the Urals. *Questions of onomastics, 20 (2):* 144—173. DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.2.019. (In Russ.).

Golovneva, E. V. *Construction of regional identity in modern culture (based on the material of the Siberian region):* Doct. Diss. Yekaterinburg, 2018. 339 p. (In Russ.).

Hummon, D. M. (1992). Community Attachment: Local Sentiment and Sense of Place. In: I. Altman, S. Low. (eds.). *Human Behavior and Environments: Advances in Theory and Research.* New York: Plenum Press. 253—278.

Ivanov, A. V. (2010). *Ridge of Russia*. St. Petersburg: ABC-classics. 269 p. (In Russ.).

Matveeva, I. V. *Typology of regionalisms and their lexicographic interpretation (based on the vocabulary of Novosibirsk):* author's abstract of PhD Diss. Arkhangelsk, 2021. 26 p. (In Russ.).

Paasi, A. (2003). Place and region: regional identity in question. *Progress in Human Geography, 27(4):* 475—485.

Polyushkevich, P. O. (2019). Territorial identity and problems of toponymy in Irkutsk. *Sociology, 2:* 250—256. (In Russ.).

Razumov, R. V., Goryaev, S. O. (2020). Translation of regional identity in the urbanonymy of Russian cities: current state. *Questions of onomastics, 17 (2):* 201—219. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.024. (In Russ.).

Smirnova, N. A. *Regional identity in the conditions of modern Russian society:* PhD. Diss. Volgograd, 2004. 188 p. (In Russ.).

Streletsky, V. N. (2020). Cultural and landscape studies abroad: national traditions and scientific schools in world cultural geography. *Pskov Regionalological Journal, 3 (43):* 73—91. (In Russ.).

Tuan, Y. F. (1990) *Topophylia.* New York: Columbia University Press. 260 p.

Voloskova, A. V. (ed.). et al (1984). *Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals, 5. Pristanovye — Skalyanka*. Sverdlovsk: Ural State University. 142 p. (In Russ.).

Zakozhurnikova, Yu. V. (2009). Bread market of the city of Shadrinsk in the 19th — early 20th centuries. *Bulletin of Tomsk State University. Story, 4 (8):* 13—16. (In Russ.).

The article was submitted 17.10.2023;
approved after reviewing 06.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Иванова Н. И. Языковая дистрибуция в семейном общении саха : традиции и инновации / Н. И. Иванова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 49—67. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-49-67.

Ivanova, N. I. (2023). Language Distribution in Sakha Family Communication: Traditions and Innovations. *Nauchnyi dialog, 12* (10): 49-67. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-49-67. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-49-67

Языковая дистрибуция в семейном общении саха: традиции и инновации

Иванова Нина Иннокентьевна [1, 2]
orcid.org/0000-0003-3064-0175
доктор филологических наук,
[1] ведущий научный сотрудник центра социолингвистических исследований;
[2] главный научный сотрудник международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики»
haar-haar@mail.ru

[1] Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук
(Якутск, Россия)
[2] Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
(Якутск, Россия)

Благодарности:
Статья подготовлена в рамках работы по проектам: «Якутский язык: систематизация единиц разного уровня для формального представления лингвистических данных» (2021—2023 годы) в рамках выполнения Программы Сибирского отделения РАН «Разработка современных лингвистических теорий и их приложений для описания языковых систем и изучения активных процессов в языках мира» и научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант правительства РФ, соглашение № 075-15-2021-616)

Language Distribution in Sakha Family Communication: Traditions and Innovations

Nina I. Ivanova [1, 2]
orcid.org/0000-0003-3064-0175
Doctor of Philology,
[1] Leading Researcher,
Center for Sociolinguistic Research;
[2] Chief Researcher, International Research Laboratory "Linguistic Ecology of the Arctic"
haar-haar@mail.ru

[1] The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia)
[2] M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
(Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:
The article was prepared within the framework of work on projects: "Yakut language: systematization of units of different levels for formal representation of linguistic data" (2021—2023) as part of the implementation of the Siberian Branch of RAS Program "Development of modern linguistic theories and their applications for describing language systems and studying active processes in world languages" and scientific project "Preservation of Linguistic and Cultural Diversity and Sustainable Development of the Arctic and Subarctic Zones of the Russian Federation" (RF Government Grant, Agreement № 075-15-2021-616)

© Иванова Н. И., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье исследуется проблема воспроизводства этнического языка в семейном общении саха в условиях трансформационных тенденций в развитии городской семьи, характерных для эпохи индустриализации. В рамках междисциплинарного подхода на материале социолингвистических опросов в 2007, 2014, 2021 годов ставится цель установить динамические изменения в функционировании родного (этнического) языка в сфере семейного общения сельских и городских саха. Выяснено, что этническая функция якутского языка актуальна лишь для половины городских семей саха (52,1 %) и для 89,2 % сельских саха. В контексте общей социальной трансформации института семьи основные итоги отличаются в целом сокращением объема общения с детьми в повседневной коммуникации; сокращением пространства межпоколенческого семейного общения на этническом языке (общении бабушек с внуками), незначительным ростом объема общения родителей с детьми. Социальная функция этнического языка в сельской семейной коммуникации благодаря относительной моноэтничности, географической удаленности остается стабильной, но внедрение цифровизации в языковую повседневность обусловливает случаи перехода детей младшего возраста на другой язык.

Ключевые слова:
якутский язык; этнический язык; семейное общение; языковая дистрибуция; воспроизводство языка; якутский язык.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article explores the issue of language reproduction in family communication among the Yakut people in the context of transformational tendencies in the development of urban families during the industrialization era. Using a multidisciplinary approach and sociolinguistic surveys conducted in 2007, 2014, and 2021, the study aims to identify dynamic changes in the functioning of the native (ethnic) language in family communication among rural and urban Yakut people. The results show that the ethnic function of the Yakut language is relevant only for half of urban Yakut families (52.1%) and 89.2% of rural Yakut families. In the context of general social transformation of the family institution, the main findings indicate a reduction in the volume of communication with children in everyday communication, a decrease in intergenerational family communication space on the ethnic language (grandmothers communicating with grandchildren), and a slight increase in parental communication with children. The social function of the ethnic language in rural family communication remains stable due to relative mono-ethnicity and geographical remoteness, but the introduction of digitization into everyday language use leads to cases of younger children switching to another language.

Key words:
Yakut language; ethnic language; family communication; language distribution; language reproduction; Yakut language.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.512.157’272::392.3+81’26::316.356.2

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Языковая дистрибуция в семейном общении саха: традиции и инновации

© Иванова Н. И., 2023

1. Введение = Introduction

Аксиология семейных ценностей, как извечная проблема общества в целом, так и каждого человека в частности, становится остро актуальной в условиях размывания культурных, языковых различий народов. В предыдущих наших работах о распределении социальных функций якутского и русского языков в семейном общении мы сконцентрировали внимание на таких проблемах, как межпоколенческая трансляция якутского языка с учетом сопоставительного аспекта — сравнения результатов опросов 2007 и 2014 года, и в первую очередь нас интересовал характер языковых установок в межэтнических семьях [Иванова, 2013, с. 94—101].

В данном исследовании расширяется география социолингвистических опросов за счет городов, районных центров, а также малых, практически моноэтничных якутских сел, привлекается дополнительный материал массового социолингвистического опроса, проведенного в 2021 году, в связи с чем увеличивается охват динамических процессов.

Объектом нашего исследования являются особенности функционирования якутского языка в сфере семейного общения в период с 2007 по 2021 годы как одного из основных компонентов языковой ситуации в республике.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Обзор работ, посвященных исследованию языковой ситуации либо ее компонентов (этноязыковой самоидентификации, языковой компетенции, речевого поведения и т. д.) в арктических и сопредельных с нимс районах Якутии, дает возможность установить связи между идеями, теориями, стратегиями и их практическим применением.

Среди них весьма интересной, определяющей контекст исследуемой нами проблемы является статья М. А. Абрамовой, Г. С. Гончаровой [Абрамова и др., 2012]. Исследователями на основе результатов социологических опросов, проведенных в 2006—2011 годах, были выделены социокультур-

CC BY

ные факторы, детерминирующие этносоциальные процессы в республиках Хакасия, Саха, Тыва, Алтай. Достаточно нова авторская интерпретация степени значимости составляющих этнической идентификации, которые актуализируются при проживании на территории своих предков. Поэтому для саха и для коренных малочисленых народов Севера, проживающих на своих исконных территориях, важно осознавать себя представителями своего этноса, в то время как русские и другие народы, опрошенные в ходе исследования, «осознают себя входящими в более крупное образование под названием Россия с ее длительной историей полиэтничности и потому сама этническая самоидентификация по сравнению с гражданской менее значима для них» [Там же, с. 48].

Стратегии сохранения культурно-языкового наследия коренных народов Якутии, предназначенные для воплощения в образовательных и культурных практиках, были предложены и разработаны в ходе форсайт-исследования В. С. Ефимовым и А. В. Лаптевой [Ефимов и др., 2014]. Так, комплексные масштабные исследования в начале XXI века показали, что ядро культуры саха актуализируется в сакрализации природы, родной земли; света и тепла, поддерживающих жизнь; ценности рода, семьи, человеческой общности, жилища; ценности мастерства, умения [Там же]. По прошествии 10 лет со времени разработки данной стратегии можем отметить, что внешние факторы не позволили полностью использовать «окно возможностей» до 2020 года и применить стратегии для развертывания, в особенности, образовательных практик, обеспечивающих воспроизводство языка.

Унифицирующие, стандартизирующие процессы культурной глобализации воздействуют и на традиционные семейные ценности. Как отмечает И. И. Подойницына, при значимой доле участия семьи в сохранении традиционной культуры на более конкретный вопрос «Что позитивного, на Ваш взгляд, несут брак и семья?» лишь 19 % сказали о сохранении национальных традиций и всего 7 % упомянули о формировании в семье национальной идентичности [Подойницына, 2012, с. 175]. В то же время в ряде исследований подтверждается доминирование ценностей личной жизни, семьи и детей в рейтинге жизненных ценностей саха: из 640 якуток в возрасте от 18 до 49 лет 83 % свое жизненное благополучие связывают именно с семьей и детьми [Сукнева и др., 2016; Республика Саха ..., 2014].

В этносоциологическом исследовании, проведенном в 2011 году в Якутии [Ефимов и др., 2015], его авторы, основываясь на количественных данных о выраженности ассимиляционных процессов, происходящих среди трех поколенческих групп коренных жителей республики (жителей сел, горожан в первом и втором поколениях), подтверждают свою гипотезу о том, что урбанизация сопровождается значимыми социально-демографи-

CC BY

ческими и социально-культурными изменениями, несущими риски и для демографического воспроизводства якутского этноса, и для его воспроизводства как культурно-языковой общности. По нашим данным 2014 года, коррелирующим со временем проведения исследования В. С. Ефимовым, А. В. Лаптевой, Е. И. Михайловой, была установлена поэтапность в речевом поведении сельско-городских мигрантов саха, адаптирующихся к условиям городского коммуникативного пространства. Более того — было выявлено, что речевое поведение коренных горожан саха также подвергается изменению в связи с трансформацией речевой среды и повышением их национального самосознания.

Одной из наиболее актуальных тем современного периода — билингвальному образованию — посвящена статья Л. Д. Старостиной [Старостина, 2016]. Установленная корреляция языковой компетенции, речевого поведения детей в семье, школе, дошкольном учреждении, их возраста позволила автору вывести определенные закономерности, сложившиеся в современных условиях: «официальное» использование родного языка в школьном образовании (обучение на родном языке, изучение родного языка) способствует расширению границ употребляемости якутского языка младшими школьниками саха» [Там же, с. 103], при этом исследование предпочтений респондентов-детей выявило их ориентации на билингвизм и русский язык, языковые установки детей и их родителей. Так, автором установлен факт того, что треть родителей детей саха, изучающих в школе родной язык как предмет и обучающихся на русском языке, не считают первостепенно важным знание родного языка. В целом автор на конкретных фактах доказывает неустойчивый характер билингвизма, имеющего потенциал перехода в русскоязычный монолингвизм.

Важность школьного обучения на языках недоминирующих языков в восстановлении их функций актуализирована в работе исследователей, сравнивших функционирование эвенского и саамского языков в с. Тополином республики Саха и коммуне Гуовдагеайну, административной единице Норвегии [Йон, 2016]. Вопреки существующей точке зрения о прямой корреляции жизнеспособности миноритарных языков и традиционного вида хозяйствования, в данном случае оленеводства, авторы представили материал, свидетельствующий о достаточном функциональном статусе саамского языка и для тех, кто не занят в оленеводстве. В Гуовдагеайну саамский язык имеет широкое применение, чему способствует школьное обучение на саамском языке.

В статье «Выявление и решение актуальных вопросов социального развития молодых семей, ведущих кочевой образ жизни» [Баишева, 2020] авторы среди проблем социально-экономического характера выделяют проблему утраты эвенского языка, при этом отмечают, что «многолетнее

CC BY

совместное проживание с якутами и изучением в детсадах, школах якутского привели к исчезновению родного эвенского языка. И большинство эвенов родным языком считают якутский» [Там же, с. 613]. Однако во внушительном перечне рекомендаций не предложено вариантов решения данной проблемы, одним из основных факторов возникновения которой выступает собственно структура кочевой семьи, разделяющей место проживания детей — в поселках, родителей — в кочевьях, в результате чего снижается роль семьи в передаче этнического языка.

А. В. Иванова заостряет внимание на благоприятных возможностях билингвизма [Иванова, 2021]. При создании речевого портрета, отражающего уникальную картину детского речевого поведения в различных коммуникативных ситуациях, ею используется комплексный подход с привлечением социально-психологических характеристик, описания речевых уровней владения устной и письменной речью и особенностей речевого общения в семье, школе, с друзьями.

С позиции лингвистической экологии изучает языки коренных народов Севера М. И. Кысылбаикова: исследование языков в двух населенных пунктах Анабарского улуса выявило сложные типы дву- и многоязычия, кодовые переключения [Кысылбаикова, 2022].

Поместив обзор работ во временной контекст, мы получаем логическое обоснование значимости проблемы, ставшей предметом нашего исследования.

Мы поставили ***цель*** установить динамические изменения в функционировании родного (этнического) языка в сфере семейного общения у сельских и городских саха в период с 2007 по 2021 годы в контексте общей социокультурной ситуации, в том числе трансформации института семьи.

В настоящей статье использованы данные социолингвистического опроса, который был проведен в 2021 году в г. Якутске среди этнических саха (n=419), а также в улусах республики, входящих в центральную, северо-западную (вилюйскую), северную группу улусов республики в 2021—2022 годах. Для сопоставления приводятся данные мониторинга в отношении языковых установок респондентов-саха, проведенного автором в г. Якутске в 2007, 2014 годах. Особенности процесса межпоколенческой передачи якутского языка выявлены на материале социолингвистических опросов респондентов саха в четырех объектах (городах, селах — районных центрах), отобранных по этнодемографическому критерию (моноэтничные, полиэтничные, этноконтактные с представителями коренных малочисленных народов Севера (КМНС) в арктической зоне) в западной, северной и центральной группе улусов и столице республики. Таким образом, охватываются саха, проживающие в гг. Якутске, Вилюйске, Средне-

CC BY

колымске, районном центре — с. Чурапча и малых селах: Чай, Кытаанах, Налимск.

Столица республики, город Якутск, отличается полиэтничностью. В нем и его пригородах на 16.06.2023 г. проживает 372 928 человек 103-х различных национальностей, в том числе 147 532 саха, что составляет 39,5 % всего населения г. Якутска; русских — 65 747 человек, составляющих 17 % всех проживающих. В полиэтничном Вилюйском улусе все население составляет 25 104 человека, представляющих 35 национальностей, в том числе 21 819 (86 %) саха и 2273 (9 %) русских. Городское население саха составляет 10 063 человека, сельское — 11 756. В Среднеколымском улусе проживает всего 6805 человек 25-ти этнических групп, из них саха составляет 5427 (79 %) человек, русских — 669 человек (9 %). Городское население саха насчитывает 2167 человек, сельское — 3260. В отличие от Вилюйского улуса, где доля русских также равна 9 %, в Среднеколымском улусе русские в основном проживают в г. Среднеколымске, а в Вилюйском улусе значительная часть русских и представителей других национальностей проживает в промышленном поселке Кысыл-Сыр. Практически моноэтничное население Чурапчинского улуса составляет 22 006 человек 19-ти различных национальностей, в том числе 21 603 (98 %) саха и 34 (0,1 %) русских. Всего в Чурапчинском наслеге проживают 10 235 человек, в Сыланском — 1099, в Кытанахском — 525.

Таким образом, в фокусе нашего внимания оказываются практически моноэтничный Чурапчинский улус, где 98 % составляют саха; улусы с доминирующим населением саха — Вилюйский (86 %) и Среднеколымский (79 %) и полиэтничный г. Якутск, где саха составляют 39,5 %.

Каждый этап нашего социолингвистического мониторинга, безусловно, представляет новые данные. Результаты исследования 2021 года содержат данные не только по городу Якутску, но и по республике, распределенные по зонам проживания саха.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Этносоциальная функция якутского языка по данным опроса 2008 года

Анализ данных наших опросов, а также результатов опросов, проведенных нашими коллегами, позволяет проследить ведущие тренды в сфере семейного общения. Изменения баланса языков в г. Якутске за 20 лет можно представить на достаточно локальных фактах. Если в 80-е годы [Аргунова, 1992] лишь 52 % родителей саха с высшим образованием общались с детьми на родном якутском языке, то в 2008 году их доля составила 85 %. Также известно, что 78 % молодежи 16—19 лет разговаривала

CC BY

в семье только на родном языке [Дьяконова, 1988], а в 2008 году, по нашим данным, 87,1 % молодых людей 16—25 лет общались на родном языке. 20-летний период, ознаменовавшийся кардинальными изменениями в политической и экономической жизни государства, был отмечен не только исключительным повышением национального самосознания, но и лавинообразной массовой сельско-городской миграцией, что непременно отразилось на языке и показало жизнестойкость якутского языка.

В 2008 году в г. Якутске этнический язык являлся транслятором межпоколенного общения с бабушкой, дедушкой, его объем колебался от 60 % (преимущественно на якутском) до 87,6 % (на якутском языке). В межпоколенном общении с родителями его доля составила от 66,7 до 80,6 %. В супружеском общении, в частности у молодых супругов до 36 лет, оно сокращается до 55—72,7 %, и вполне закономерно оно уже существенно ограничивается в общении с детьми (41,7—72,9 %). Доля общения на смешанном русско-якутском двуязычии возрастает, и, в целом, двуязычие по сравнению с ситуацией в 1980-е годы замещается семейным общением на родном языке.

Включенность русского языка в семейное общение детерминирована производственной деятельностью: если у супругов до 50 лет его объем составлял 29—34,7 %, то у более возрастной пары составляет 13,6—18,2 %. По завершении активного общения на работе, которое осуществлялось, как правило, на русском языке, актуализируется родной (этнический) язык.

В сельской семье поддерживается на 100 % кросскультурное общение, на 97,3 % — межпоколенное с детьми, на 96,9 % — межпоколенное с родителями, на 96,4 % — внутрипоколенное и на 95,7 % — с родственниками. Если в 80-е годы уровень использования русского языка в сельских семьях был высок в семьях, где родителям по 30—40 лет, то в 2008 году максимум его выявляется в возрасте 26—35 лет, а далее идет снижение.

3.2. Этносоциальная функция якутского языка по данным опроса 2014 года

Опрос 2014 года в г. Якутске выявил, что дети первого поколения участников массового переселения в город составляли социальную базу якутского языка и их половина свободно владела родным языком. Но в то же время объем общения на якутском языке примерно был равнозначен объему общения респондентов старше 50 лет, то есть был выше, чем в двух средних возрастных группах. Диапазон использования родного языка молодежью 16—25 лет в условиях города значился от 3,1 % в сфере услуг и в официальных учреждениях до 73,3 % в ситуации «дома», что, на наш взгляд, показывало совершенное отсутствие условий для развития языка в первых двух сферах и хорошие «домашние» позиции. На тот момент у носителей языка среднего возраста 26—35 и 36—50 лет, реальных

CC BY

родителей, имеющих детей дошкольного, школьного возраста и студентов, а также имеющих бабушек и дедушек, притом, что немаловажно, выступающих посредниками между старшим и младшим поколением, в общении с представителями старшего поколения был высок удельный вес родного языка: 90,2—86,1 %, который, однако, убывал в общении с детьми (68,8—72,7 %), ослабляя трансляцию языковых навыков.

На наш взгляд, воздействие экстралингвистических факторов на функционирование якутского языка стало наиболее значительно проявляться в 2008—2014 годы. Внедрение компьютеризации, цифровизации в повседневную реальность, усиление позиций русского языка в сфере образования, внедрение в образовательную систему ЕГЭ и другие факторы привнесли необратимые последствия в социокультурную ситуацию недоминирующих народов РФ. При этом массовая сельско-городская миграция не была своевременно обеспечена социальной инфраструктурой; недостаток школ, детсадов с этнокультурным видом образования и сегодня остается острой проблемой [Иванова, 2022, с. 129]. В итоге наблюдаем нисходящие тенденции в использовании якутского языка в семейном общении среди сельских саха, обусловленные нарастающей вариативностью этнической и языковой гомогенности, что неизбежно, и умеренный рост этнической функции якутского языка в городе.

В условиях города, как мы писали выше, процесс утраты языков имеет нелинейный характер. Языковая дистрибуция семейного общения городских якутов детерминирована временем проживания в городе и установок социализации. «В их среде в семейном общении в целом преобладает якутский язык, но при этом установлена следующая дифференциация: если коренные горожане говорят на русском языке, то среди саха — участников сельско-городской миграции прослеживается вариативность речевого поведения: они приезжают в город с родным языком, но в период адаптации к городским условиям доля его использования незначительно сокращается, а по прошествии примерно 10 лет постепенно восстанавливается. Доля общения на русском языке также имеет прямую зависимость от продолжительности проживания в условиях города: чем дольше саха проживает в городе, тем больше русского языка в его языковой компетенции, но при этом объем русского языка намного меньше. В ходе опроса об общении только на русском языке заявили от 2,8 до 16,7 % респондентов, преимущественно на русском — от 4,9 до 29,3 % [Иванова, 2022, с. 91—92].

Таким образом, согласно опросам, проведенным в 2014 году, семейное общение в г. Якутске происходило на русском и якутском языком. Тенденция к смешанной речи наблюдалась у молодежи и в кросспоколенном общении. В сельской местности зафиксирована тенденция к сокращению

CC BY

использования якутского языка в семье на 10 % вследствие ослабления этнической либо языковой гомогенности населения и под влиянием ряда экстралингвистических факторов; этносоциальная функция родного языка в семейном общении селян в целом оставалась устойчивой.

3.3. Этносоциальная функция якутского языка по данным опроса 2021 года

Особенности демографического состояния отразились на языке общения с детьми и между супругами, что нашло подтверждение в снижении числа ответов на данные вопросы: в первом случае 25,6 % не выразили своего мнения, а это больше 11 % школьников, участвовавших в опросе; во втором случае не ответили 32,3 % респондентов. Следовательно, можно предположить, что семейное общение с детьми и между супругами сократилось за счет ориентаций молодежи на малодетность, отложенное родительство, толерантность к корпусу семейных обязанностей, равенство прав и возможностей при сохранении высокой ценности семьи [Вовк, 2007, Зверева и др., 2010, Белинская, 2018, Гурко, 2019], о чем свидетельствует и республиканская статистика.

При этом на 5,3 % активнее стала этническая коммуникация с родителями и в то же время на 7,8 % сократилась коммуникация на родном языке с бабушками и дедушками. Обнаружен данный тренд и в г. Вилюйске. Новое явление, очевидно, связано с модернизацией социального поведения бабушек, которое в последнее время все чаще становится объектом социологических, психологических работ [Курамшев и др., 2011; Арутюнян, 2012; Короленко, 2018].

М. Ю. Арутюнян [Арутюнян, 2012, с. 76—85] рассматривает изменения современного «социального института бабушек» в социально-психологическом аспекте. Согласно выводам ученого, в недавнем прошлом роль бабушек была такова, что они наряду с системами общественного воспитания выступали в качестве основной «взращивающей» и воспитательной единицы, иными словами, если раньше бабушка могла быть «заместителем мамы», то сегодня это скорее «дополнительная» функция.

Таким образом, на языковую практику в семейной коммуникации влияют интенции родителей и старших родственников (в частности, бабушек) по замещению воспитательных функций бабушек родительскими, в результате чего: 1) сокращается передача языковых навыков, умений внукам от бабушек, 2) этнический язык от родителей детям передается более упрощенный, трансформированный на лексическом, грамматическом, фонетическом уровнях, так как по результатам нашего мониторинга прослеживается тенденция возрастания пассивных навыков во владении этническим языком от более старшего поколения к более молодому возрасту.

CC BY

В сельской местности на примере с. Чай Вилюйского улуса, в котором проводится социолингвистический мониторинг с 2007 года, можно проследить следующие тенденции. Все респонденты с детьми и семейные пары в основном общаются на родном (этническом) языке. Молодые респонденты, в том числе школьники старших классов, с родителями общаются в основном на родном языке, но присутствует и незначительная двуязычная коммуникация (4,9 %). Современная демографическая ситуация в малых селах отличается «старением» населения, по сравнению с 2007 и 2014 годами практически нет респондентов 19—25 лет, и данный факт способствует устойчивости семейного общения на родном языке среди населения старше 16 лет в малых селах. И в то же время у детей дошкольного и младшего школьного возраста наблюдаются случаи языкового сдвига, в том числе и в с. Чай. Каждый случай языкового сдвига имеет социальную обусловленность. В первом случае семья с двумя детьми выехала в русскоязычный город в южной Якутии на лечение старшего ребенка. По возвращении в родное село через 8 лет младшая девочка почти не говорила по-якутски, привычным языком общения для нее стал русский язык. Перешла на якутский язык с односельчанами только через три года. Второй случай произошел в молодой семье в разгар пандемии коронавируса: мальчик рос в якутоязычной семье саха, поэтому первый язык у него якутский, его старший брат хорошо говорит по-якутски, бабушка и дедушка живут рядом, в соседнем доме. В разгар пандемии сельских школьников, как и всех прочих, перевели на дистанционное обучение. Беременную третьим ребенком молодую маму госпитализировали по медицинским показаниям. Оставшись с двумя сыновьями, молодой отец больше времени стал уделять старшему сыну, помогая адаптироваться к новому режиму обучения, а младшему сыну 4-х лет вручил мобильный телефон с возможностью подключения Интернета. За 1 месяц, пока мама находилась в больнице, мальчик полностью перешел на русский язык, при этом русский язык, на котором говорит, он называет «мой язык», а якутский язык, на котором говорит вся семья, — «ваш язык». За время 1,5-часового общения с мальчиком нами было зафиксировано всего 4 слова (глагола) на якутском языке. В данное время мальчик учится во II-м классе, объем воспроизведения якутского языка им за счет школьных уроков незначительно, но увеличился, но вне уроков его функциональным языком остается русский язык. Мальчик по характеру доброжелательный, активный, любознательный, общительный.

Таким образом, развитие гаджетизации детско-родительских отношений, ранний свободный доступ детей в Интернет становятся факторами, препятствующими воспроизводству этнического языка. Сегодня в малых селах моноэтнических улусов зафиксировано до 6,8 % детей саха с языковым сдвигом.

CC BY

Далее в таблице представим дифференциацию языков в семейной коммуникации полиэтнического г. Якутска, практически моноэтничного Чурапчинского улуса (районный центр с. Чурапча, малое село Кытаанах), представляющего центральную группу улусов; улусов с доминирующим населением саха — Вилюйского улуса (районный центр г. Вилюйск, малое село Чай), представляющего вилюйскую (северо-западную) группу, и Среднеколымского улуса (районный центр г. Среднеколымск, малое село Налимск), представляющего северную (арктическую) группу (табл.).

Очевидно, что сохранность социальной функции этнического языка в семейной коммуникации наиболее стабильна в моноэтнических сообществах, при этом по-прежнему моноэтничность, деурбанизированность, географическая удаленность (с. Налимск Среднеколымского улуса, с. Кытаанах Чурапчинского улуса) населенного пункта являются определяющими факторами.

Общение с детьми на родном языке варьируется от 44,7 % в г. Среднеколымске до 93,4 % в с. Кытаанах Чурапчинского улуса. 25 % якутского населения в г. Среднеколымске общаются со своими детьми на русском языке, 22 % общения между супругами также осуществляется на русском языке. В отличие от г. Среднеколымска в г. Вилюйске, где так же, но компактно, в основном в п. Кысыл-Сыр, проживает 9 % русских, русскоязычное общение с детьми практически отсутствует или имеется весьма локально. Таким образом, фактор дисперсности / компактности проживания русского (русскоязычного) населения, влияющий на наличие межнациональных браков, становится также одним из факторов языкового воспроизводства. Необходимо отметить, что весьма устойчивы в сообществах сложившиеся стереотипы общения: вероятно, в г. Среднеколымске они сильны со времен доминирования русскоязычного общения.

Вилюйский улус в ряду всей группы вилюйских улусов имеет в силу полиэтничности особую языковую ситуацию. Активное двуязычие в улусе обусловлено индустриальной составляющей — наличием рабочего поселка Кысыл-Сыр, основанного в 1961 году, промышленность которого представлена градообразующими предприятиями ПАО «Якутская топливно-энергетическая компания» и АО «Сахатранснефтегаз», а также исторически — город Вилюйск один из старейших городов северо-востока Азии и Дальнего Востока, основанный русскими казаками в 1634 году. Вместе с тем до недавнего времени большое социокультурное значение в городе и в целом по республике имела кузница учительских кадров — педагогическое училище имени Н. Г. Чернышевского, сильное своими этнокультурными традициями, основателями, выпускниками.

В республике среди саха распространено массовое якутско-русское двуязычие. В связи с этим необходимо обратить внимание на социолингви-

CC BY
OPEN ACCESS

Таблица

Выбор языка общения в семейной коммуникации в зависимости от урбанизированности, моноэтничности / полиэтничности (2021)

Ситуации общения	Варианты использования языков	г. Якутск	Вилюйский улус, Вилюйск	Вилюйский улус, С. Чай	г. Нюрба	Чурапчинский улус С. Чурапчы	Чурапчинский улус, с. Кытаанах	Средневилюйский улус, г. Средневилюйск	Средневилюйский улус, с. Намцы
Общение с детьми	На якутском языке	52,1	60,5	89,2	89,4	85,7	93,4	44,2	89,2
	На русском языке	8,3	0	0	1,8	0,8	0	25	0
	В равной мере на якутском и русском языках	14	11,9	0	8,8	6,7	3,9	15,4	10,8
Общение с супругом (-ой)	На якутском языке	58,3	59,6	76,9	90,9	68,9	72,4	52	96,3
	На русском языке	5,1	1,8	0	0,9	0,8	0	22	0
	В равной мере на якутском и русском языках	4,3	2,8	0	2,8	4,2	0	4	3,7
Общение с родите-лями	На якутском языке	81,7	82,8	82,9	97,4	89,9	94,8	73	100
	На русском языке	8,6	0,9	0	0	0,8	0	7,9	0
	В равной мере на якутском и русском языках	7,9	14,5	4,9	1,7	8,4	2,6	11,1	0
Общение с бабушкой, дедушкой	На якутском языке	78,3	76,8	78	96,5	90,8	98,7	71,2	100
	На русском языке	4,7	0,9	0	0	0,8	0	11,9	0
	В равной мере на якутском и русском языках	5,2	10,2	0,9	0,9	5,9	0	3,4	0

стический контекст владения этническим языком в выбранных населенных пунктах. В период 2007—2021 годов для носителей языка саха среднего и старшего поколения характерно достаточно стабильное свободное владение этническим языком. Уровень свободного владения этническим языком среди всех опрошенных в 2021 году жителей полиэтничных городов, в том числе г. Якутска, с преобладающим населением саха, и моноэтничных сообществ саха, проживающих в селах, колеблется в пределах 64,5—100 % в зависимости от степени урбанизированности. Уровень владения языком 64,5 % зафиксирован у саха в полиэтничном северном городе Среднеколымске, 100 % — в моноэтничных малых селах Чай Вилюйского улуса, Кюндядя Нюрбинского и Бордон Сунтарского улусов. При этом отмечается сохранение прямой зависимости уровня владения языком от языка школьного обучения. В г. Нюрба на свободное владение языком указали 95,8 %, в с. Жархан — 90,7 % опрошенных саха.

Итак, в Вилюйске в силу значительной сельско-городской миграции в общении с детьми и между супругами доминирует общение на родном языке, что является благоприятным фактором в воспроизводстве языка саха; двуязычие функционирует в основном среди коренных горожан среднего и старшего поколения. В г. Среднеколымске полноценное общение на родном языке осуществляется лишь с родителями и старшими родственниками, в общении с детьми и между супругами значительное место занимает русский язык, что прогнозирует неблагоприятную ситуацию языка саха в будущем.

Семья есть исключительно важная среда формирования базовых качеств личности человека. Современная действительность такова, что вербальное общение сегодняшнего «цифрового поколения», их родительско-детских отношений сокращается под предлогом отсутствия времени и занятости родителей.

4. Заключение = Conclusions

Опыт исследования языковой дистрибуции в семейном общении саха выявил динамические тенденции в стремлении народа саха сохранить родной язык. В целом вызовы и угрозы современных быстро меняющихся реалий преодолеваются им, при этом на данном этапе консолидирующая мощь ресурсов саха среднего и старшего возраста, способствующая сохранению и развитию родного (этнического) языка, превосходит воздействие урбанизирующих процессов. Социальная функция этнического языка в сельской семейной коммуникации благодаря относительной моноэтничности, деурбанизированности, географической удаленности остается стабильной.

Этническая функция якутского языка актуальна лишь для половины городских семей саха (52,1 %) и для 89,2 % сельских саха. Для городских сообществ саха в большей степени и в меньшей степени для сельских сообществ стала характерна тенденция снижения объема общения с детьми на родном языке, обусловленная снижением их якутской языковой компетенции, определяющим фактором которой признается ряд экстралингвистических факторов, напрямую влияющих на использование родного (этнического) языка: сокращение этнокультурного образования; социокультурная трансформация института семьи в аксиологической иерархии современного общества; одинаковая уязвимость языковых навыков детей и их родителей в сельской и городской местностях от «цифровой» культуры. При этом городская семейная коммуникация на этническом языке минимизируется за счет сокращения объема кросс-поколенческого общения (общения бабушек с внуками), что представляет собой инновационное явление в традиционной якутской семье.

Сегодня благоприятный лингвистический прогноз формируется за счет роста числа билингвов координативного типа среди молодежи [Иванова, 2022], относительно стабильного функционирования якутского языка в современной городской повседневности носителей языка среднего и старшего возраста [Данилов и др., 2023], положительной динамики в функционировании этнического языка в креативной индустрии (кино, анимация) и освоения новых культурных пространств этнической общностью саха.

Результаты опроса обосновали концептуально различные векторы языковой политики в городской полиэтнической и сельской моноэтнической средах: в городских поселениях важно расширять коммуникативное пространство (мерами конструктивной языковой политики) — ввиду того, что процессами урбанизации постоянно «поглощаются» этноязыковые, этнокультурные различия, причем этноязыковое своеобразие, как наиболее хрупкая, абстрактная субстанция, разрушается быстрее и сильнее. В сельской моноэтничной общности сущность языковой политики, усилий носителей языка должна состоять в сохранении позиций родного языка посредством политики этносберегающего свойства.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Демографическая* ситуация в России : новые вызовы и пути оптимизации [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://ysia.ru/sahastat-opublikoval-dannye-o-semyah-prozhivayushhih-v-yakutii/ (14.05.2022)].

CC BY

Литература

1. *Абрамова М. А.* Степени этничности как основа национальной политики / М. А. Абрамова, Г. С. Гончарова // Социологические исследования. — 2012. — № 10 (342). — С. 42—49.

2. *Аргунова Т. В.* Якутско-русское двуязычие (социолингвистический аспект) / Т. В. Аргунова. — Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1992. — 88 с.

3. *Арутюнян М. Ю.* Изменение "института бабушек": социально-психологический аспект / М. Ю. Арутюнян // Народонаселение. — 2012. — № 1 (55). — С. 76—85.

4. *Баишева А. Ю.* Выявление и решение актуальных вопросов социального развития молодых семей, ведущих кочевой образ жизни / А. Ю. Баишева, Н. В. Матвеева // Север и молодежь : здоровье, образование, карьера : сборник материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Ханты-Мансийск, 19—20 ноября 2020 года. — Ханты-Мансийск : Югорский государственный университет, 2020. — С. 604—619.

5. *Белинская Д. В.* Социальный портрет чайлдфри / Д. В. Белинская // Вестник Тамбовского университета. Серия : Общественные науки. — 2018. — № 13. — С. 12—19.

6. *Вовк Е. Ж.* Лучше поздно? Возраст рождения первенца и неявные концепции родительства / Е. Ж. Вовк // Социальная реальность. — 2007. — № 8. — С. 32—36.

7. *Гурко Т. А.* Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин / Т. А. Гурко // СНиСП. — 2019. — № 2 (26). — С. 65—80.

8. *Данилов И. А.* Языковая дистрибуция городской повседневности саха : социолингвистическое измерение (по данным 2021 г.) / И. А. Данилов, Н. И. Иванова // Новые исследования Тувы. — 2023. — № 4. — С. 301—313. — DOI: https://www.doi.org/10.25178/ nit.2023.4.21.

9. *Ефимов В. С.* Проблемы и возможности сохранения коренных народов Севера : культурно-антропологический аспект / В. С. Ефимов, А. В. Лаптева // Человек.RU. — 2014. — № 9. — С. 186—202.

10. *Ефимов В. С.* Влияние урбанизации на процессы сохранения культуры и языка народа саха : социологический анализ / В. С. Ефимов, А. В. Лаптева, Е. И. Михайлова // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2015. — Т. 43. — № 4. — С. 127—134. — DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.4.127-134.

11. *Зверева Н. В.* Предварительные итоги и перспективы современной политики в области рождаемости в России / Н. В. Зверев, В. Н. Архангельский // Федерализм. — 2010. — № 2 (58). — С. 69—84.

12. *Иванова А. В.* Речевой портрет коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в билингвальном контексте / А. В. Иванова // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. — 2021. — № 2 (32). — С. 9—22. — DOI: 10.23951/2307-6119-2021-2-9-22.

13. *Иванова Н. И.* Динамика функций якутского и русского языков в сфере семейного общения / Н. И. Иванова // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2013. — № 2. — С. 94—102.

14. *Иванова Н. И.* Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) : якутский язык в XXI в. (этносоциопсихолингвистический аспект) / Н. И. Иванова. — Новосибирск : Наука, 2022. — 284 с. — ISBN 978–5–02–041499–0.

15. *Йон Т.* Языки коренных народов Севера — сравнение ситуации в Тополином в Саха Якутии и Гуовдагеайну в Саами / Т. Йон, Н. Даннемарк, А. А. Винокурова // Научный электронный журнал Меридиан. — 2016. — № 3 (3). — С. 160—180.

16. *Короленко А. В.* Некоторые аспекты состояния современного "института бабушек" : опыт социологического исследования / А. В. Короленко // Социальное пространство. — 2018. — № 4 (16). — С. 1—15. — DOI: 10.15838/sa. 2018.4.16.3.

17. *Курамшев А. В.* Бабушка в системе внутрисемейных отношений : социологический анализ / А. В. Курамшев, Е. Е. Кутявина, С. А. Судьин // Женщина в российском обществе. — 2017. — № 3 (84). — С. 70—79.

18. *Кысылбаикова М. И.* Языковая ситуация в Анабарском районе Республики Саха (Якутия) / М. И. Кысылбаикова // Когнитивные парадигмы языкового сознания и проблемы билингвизма в современной лингвистике : материалы III Международной научной конференции, Майкоп, 27—29 октября 2022 года. — Майкоп : Адыгейский государственный университет, 2022. — С. 136—141.

19. *Республика Саха (Якутия*) — 2050. Форсайт-исследование : доклад / Е. И. Михайлова [и др.] ; науч. ред. : Е. И. Михайлова, В. С. Ефимов ; Северо-Восточный федеральный ун-т им. М. К. Аммосова, Сибирский федеральный ун-т. — Якутск : Изд. дом Северо-Восточного федерального ун-та им. М. К. Аммосова, 2014. — 184 с. — ISBN 978-5-7513-2014-0.

20. *Старостина Л. Д.* Специфика языковой среды детей саха младшего школьного возраста / Л. Д. Старостина // Этническая психология и современные реалии : сборник материалов II Международной научной интернет-конференции, Якутск, 11—24 апреля 2016 года / Ответственный редактор Т. Н. Сидорова. — Якутск : Центр развития научного сотрудничества, 2016. — С. 97—107.

21. *Сукнева С. А.* Факторы демографического роста якутского этноса на рубеже веков / С. А. Сукнева, А. С. Барашкова // Современные проблемы межнациональных и межконфессиональных отношений / сост. : Е. Д. Кули, Т. В. Парников ; под. ред. Е. М. Махарова, А. А. Пахомова. — Якутск : Издательство : Центр развития научного сотрудничества, 2016. — С. 273—280.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023,
одобрена после рецензирования 11.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

Material resources

Demographic situation in Russia: new challenges and ways of optimization. Available at: https://ysia.ru/sahastat-opublikoval-dannye-o-semyah-prozhivayushhih-v-yakutii/ (05/14/2022)]. (In Russ.).

References

Abramova, M. A., Goncharova, G. S. (2012). Degrees of ethnicity as the basis of national policy. *Sociological research, 10 (342):* 42—49. (In Russ.).

Argunova, T. V. (1992). *Yakut-Russian bilingualism (sociolinguistic aspect)*. Yakutsk: YANTS SB RAS. 88 p. (In Russ.).

Baisheva, A. Yu., Matveeva, N. V. (2020). Identification and solution of topical issues of social development of young families leading a nomadic lifestyle. In: *The North and youth: health, education, career: a collection of materials of the All-Russian (with international participation) scientific and practical conference, Khanty-Mansiysk, November 19—20, 2020.* Khanty-Mansiysk: Yugra State University. 604—619. (In Russ.).

Belinskaya, D. V. (2018). Childfree's social portrait. *Bulletin of the Tambov University. Series: Social Sciences, 13:* 12—19. (In Russ.).

Danilov, I. A., Ivanova, N. I. (2023). Linguistic distribution of urban everyday life in Sakha: Sociolinguistic dimension (according to the data of 2021). *New studies of Tuva, 4:* 301—313. DOI: https://www.doi.org/10.25178 / nit.2023.4.21. (In Russ.).

Efimov, V. S. (2014). Problems and possibilities of preserving the indigenous peoples of the North: cultural and anthropological aspect. *Человек.RU, 9:* 186—202. (In Russ.).

Efimov, V. S., Lapteva, A. V., Mikhailova, E. I. (2015). The influence of urbanization on the processes of preserving the culture and language of the Sakha people: a sociological analysis. *Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia, 43 (4):* 127—134. DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.4.127-134. (In Russ.).

Gurko, T. A. (2019). Student's views on parenthood and the social roles of men and women. *SNIP, 2 (26):* 65—80. (In Russ.).

Harutyunyan, M. Y. (2012). The change of the "institute of grandmothers": a socio-psychological aspect. *Population, 1 (55):* 76—85. (In Russ.).

Ivanova, A. V. (2021). A speech portrait of the indigenous small peoples of the North, Siberia and the Far East in a bilingual context. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research, 2 (32):* 9—22. DOI: 10.23951/2307-6119-2021-2-9-22. (In Russ.).

Ivanova, N. I. (2013). Dynamics of the functions of the Yakut and Russian languages in the field of family communication. *Northeastern Humanitarian Bulletin, 2:* 94—102. (In Russ.).

Ivanova, N. I. (2022). *The linguistic situation in the Republic of Sakha (Yakutia): the Yakut language in the XXI century (ethnosociopsycholinguistic aspect).* Novosibirsk: Nauka. 284 p. ISBN 978-5-02-041499-0. (In Russ.).

Korolenko, A. V. (2018). Some aspects of the state of the modern "institute of grandmothers": the experience of sociological research. *Social space, 4 (16):* 1—15. DOI: 10.15838/sa. 2018.4.16.3. (In Russ.).

Kuramshev, A. V., Kutyavina, E. E., Sudin, S. A. (2017). Grandmother in the system of intrafamily relations: a sociological analysis. *Woman in Russian society, 3 (84):* 70—79. (In Russ.).

Kysylbaikova, M. I. (2022). The linguistic situation in the Anabar region of the Republic of Sakha (Yakutia). In: *Cognitive paradigms of linguistic consciousness and problems of bilingualism in modern linguistics: proceedings of the III International Scientific Conference, Maykop, October 27—29, 2022.* Maykop: Adygea State University. 136—141. (In Russ.).

Starostina, L. D. (2016). Specificity of the language environment of Sakha children of primary school age. In: *Ethnic psychology and modern realities: collection of materials of the II International Scientific Internet Conference, Yakutsk, April 11—24, 2016.* Yakutsk: Center for the Development of Scientific Cooperation. 97—107. (In Russ.).

Sukneva, S. A., Barashkova, A.S. (2016). Factors of demographic growth of the Yakut ethnic group at the turn of the century. In: *Modern problems of interethnic and interfaith relations.* Yakutsk: Publishing house: LLC "Center for the Development of scientific cooperation". 273—280. (In Russ.).

The Republic of Sakha (Yakutia) — *2050. Foresight research: report.* (2014). Yakutsk: Publishing House of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov. 184 p. ISBN 978-5-7513-2014-0. (In Russ.).

Vovk, E. J. (2007). Is it better late? The age of birth of the firstborn and the implicit concepts of parenthood. *Social reality, 8:* 32—36. (In Russ.).

Yon, T., Dannemark, N., Vinokurova, A. A. (2016). Languages of the indigenous peoples of the North — a comparison of the situation in Poplar in Sakha Yakutia and Guovdageainu in Sami. *Scientific electronic journal Meridian, 3 (3):* 160—180. (In Russ.).

Zvereva, N. V., Arkhangelsky, V. N. (2010). Preliminary results and prospects of modern fertility policy in Russia. *Federalism, 2 (58):* 69—84. (In Russ.).

The article was submitted 25.09.2023;
approved after reviewing 11.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Качмазова Е. С. Конверсия в осетинском языке (на материале иронского и дигорского диалектов) / Е. С. Качмазова, И. Н. Цаллагова, Ф. А. Царикаева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 68—84. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-68-84.

Kachmazov, E. S., Tsallagova, I. N., Tsarikayeva, F. A. (2023). Conversion in Ossetian Language (Iron and Digor Dialects). *Nauchnyi dialog, 12* (10): 68-84. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-68-84. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-68-84

Конверсия в осетинском языке (на материале иронского и дигорского диалектов)

Качмазова Езетхан Сергеевна [1]
orcid.org/0000-0002-5025-6894
кандидат филологических наук, доцент кафедры осетинского языка
darya.kachmazova@mail.ru

Цаллагова Искра Нартовна [2] *
orcid.org/0000-0001-7844-8321
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отела осетинского языкознания
czallagon@mail.ru

Царикаева Фатима Ахсарбековна [1]
orcid.org/0000-0001-7844-8321
кандидат педагогических наук, доцент кафедры осетинского языка
fcarikaeva@mail.ru

[1] Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова (Владикавказ, Россия)

[2] Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева (Владикавказ, Россия)

Conversion in Ossetian Language (Iron and Digor Dialects)

Ezetkhan S. Kachmazova [1]
orcid.org/0000-0002-5025-6894
PhD in Philology, associate professor, Ossetian Language Department
darya.kachmazova@mail.ru

Iskra N. Tsallagova [2] *
orcid.org/0000-0001-7844-8321
PhD in Philology, senior research scientist, Ossetian Linguistics Department
czallagon @ mail.ru

Fatima A. Tsarikayeva [1]
orcid.org/0000-0001-7844-8321
PhD in Pedagogy, associate professor, Ossetian Language Department
fcarikaeva @ mail.ru

[1] North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov (Vladikavkaz, Russia)

[2] V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies (Vladikavkaz, Russia)

© Качмазова Е. С., Цаллагова И. Н., Царикаева Ф. А., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предметом анализа является конверсированная лексика иронского и дигорского диалектов осетинского языка. Материалом для исследования послужили лексические единицы, извлеченные методом сплошной выборки из словарей осетинского языка. Актуальность исследования обусловлена тем, что выявление основных конверсивных моделей необходимо для решения ряда задач, связанных с проблемой разграничения частей речи в осетинском языке. Новизна исследования видится в том, что предпринята попытка научного описания конверсивных моделей осетинского языка с привлечением языкового материала иронского и дигорского диалектов. Выявлено, что наиболее активно в осетинском языке проявляют себя такие разновидности конверсии, как субстантивация, адъективация и адвербиализация (направление производности может быть различным). Установлено, что конверсионная модель в осетинском языке чаще включает в себя имя существительное, имя прилагательное и причастие. Конверсивные отношения между автосемантичными и синсемантичными словами в осетинском языке представлены в основном наречием и послелогом, что обусловлено развитой системой послелогов в осетинском языке. Анализ языкового материала двух основных диалектов осетинского языка позволяет говорить о том, что механизмы конверсирования иронской и дигорской лексики не имеют существенных различий.

Ключевые слова:
осетинский язык; иронский диалект; дигорский диалект; словообразование; конверсия; субстантивация; адъективация; адвербиализация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the converted lexicon of the Iron and Digor dialects of the Ossetian language. The study uses lexical units extracted through a random sampling method from Ossetian language dictionaries. The relevance of the research lies in identifying the primary conversion models necessary for solving problems related to the differentiation of parts of speech in the Ossetian language. The novelty of the study is that it attempts a scientific description of Ossetian conversion models using linguistic material from the Iron and Digor dialects. The study reveals that the most active forms of conversion in the Ossetian language are substantivization, adjectivization, and adverbialization (the direction of productivity may vary). The study also shows that the conversion model in the Ossetian language often includes nouns, adjectives, and participles. Conversion relationships between autosynthetic and synsemantic words in the Ossetian language are mainly represented by adverbs and postpositions, which are due to the developed system of postpositions in the Ossetian language. Analysis of linguistic material from the two main dialects of the Ossetian language suggests that there are no significant differences in the mechanisms of converting Iron and Digor lexicons.

Key words:
Ossetian language; Iron dialect; Digor dialect; word formation; conversion; substantivization; adjectivization; adverbialization.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.221.18’373.611

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Конверсия в осетинском языке (на материале иронского и дигорского диалектов)

© Качмазова Е. С., Цаллагова И. Н., Царикаева Ф. А., 2023

1. Введение = Introduction

Языковое явление, при котором происходит взаимопереход между частями речи, свойственно многим разноструктурным языкам мира. Применительно к этому явлению многие исследователи используют термин *конверсия*. В то время как большинство ученых «едины в определении этого вида словообразования как создания нового слова путем включения производящей основы в другую парадигму» [Юшакова, 2005, с. 133], существует также множество факторов, которые остаются дискуссионными.

Термин *конверсия*, впервые введенный в контексте теории английской дериватологии Г. Суитом в конце XIX века, до сих пор вызывает полемику. Об этом свидетельствует тот факт, что даже на современном этапе лингвистических исследований в области словообразования разноструктурных языков данное языковое явление трактуется разными учеными по-разному.

Г. Суит под термином *конверсия* в английском языке подразумевает такое языковое явление, при котором происходит перекатегоризация лексемы, то есть взаимопереход слов между частями речи, без формальных изменений [Sweet, 1892, p. 38].

В русистике термин *конверсия* впервые был использован А. И. Смирницким. Однако ученый поясняет, что конверсия — это не «…употребление одного и того же слова в функции разных частей речи». Он обосновывает это тем, что слова в конверсионной модели по отношению друг к другу представляют собой связанные по корню разные слова. Это говорит о том, что «мы имеем здесь дело со словообразованием, с соотношением между словами в пределах одного словообразовательного гнезда» [Смирницкий, 1956, с. 76]. Исходя из этого, А. И. Смирницкий определяет конверсию как «особый вид словообразования, в частности словопроизводства (то есть не словосложения)» [Смирницкий, 1956, с. 76].

В современных лингвистических исследованиях под термином *конверсия* понимается «морфолого-синтаксический способ словообразования, посредством которого слово одной лексико-грамматической категории образуется от (основы) слова другой лексико-грамматической категории без изменения основной формы исходного слова» [Исмаилова, 2006, с. 112],

CC BY

или же «переход слова из одной грамматической категории в другую (например, существительное в прилагательное)» без изменения его «материальной формы» [Осипова, 2023, с. 70].

Существует также мнение, что это «одна из разновидностей транспозиции (номинализации, вербализации и адъективации), то есть перехода одной части речи в другую часть речи» [Мурясов, 2014, с. 1472].

Для большинства языков наиболее продуктивным видом транспозиции является номинализация. Р. З. Мурясов говорит, что данный вид транспозиции — «как процесс, так и результат преобразования слов других частей речи в существительное или превращение сегментов текста теоретически любой величины в эквивалент имени существительного» [Мурясов, 2014, с. 1473].

Исходя из существующих исследований, можно говорить о «широком» и «узком» понимании данного термина. Широкое понимание основывается на том, что «новые слова возникают без изменения основной формы исходного слова, но в иной части речи и, следовательно, включаются в новую парадигму, получают новые синтаксические функции и сочетаемость и новое лексико-грамматическое значение» [Каращук, 1977, с. 14]. Е. С. Кубрякова, также рассматривая конверсию в широком ее понимании, определяет ее как «процесс морфологической транспозиции основы и, следовательно, как процесс полной смены парадигмы у исходной единицы или как результат полного изменения морфологического окружения у неё» [Кубрякова, 1974, с. 75].

Более узкое понимание основывается на том, что под конверсию подводятся лишь конверсионные модели с полностью идентичными формами слов. Однако, по мнению В. М. Никитевича, «даже при полной идентичности данных форм мы не всегда имеем дело с конверсией» [Никитевич, 1985, с. 84]. По его мнению, обязательным условием также является разная парадигма окончаний, то есть «парадигма как означающее не принимает участия в выражении различий по частям речи, поскольку она одна и та же. Производное значение существительного здесь выражается позицией слова, то есть синтаксически. Отнесение субстантивации прилагательных и причастий к конверсии или морфологическому способу словообразования приводит к пренебрежению целым рядом их существенных признаков как производных номинаций» [Никитевич, 1985, с. 84].

Данные виды словообразовательного процесса во многом очень схожи, но есть и существенные различия. К общим признакам можно отнести номинативность этих процессов, а также то, что они по своей сути являются «семантико-синтактико-морфологическими способами словообразования» [Исмаилова, 2006, с. 113].

В осетинском языкознании процесс, при котором происходит взаимопереход между частями речи, всегда привлекал внимание ученых, хотя и

несколько в другом аспекте. Зачастую осетинские слова, выступающие в функции разных частей речи, рассматривают как недифференцированные или сложно дифференцированные слова. Кроме этого, в осетинском языке «при установлении границ между именными частями речи» возникают определенные трудности, так как очень часто определение частеречной принадлежности невозможно без контекста. Это обусловлено тем, что осетинские имена «не обладают какими-либо внешними, эксплицитно выраженными признаками и нередко выражают как признак, так и носителя» [Сатцаев, 2017, с. 6].

С учетом сказанного целью нашей работы является исследование переходности в системе частей речи в осетинском языке и специфики функционирования механизма конверсирования иронской и дигорской лексики.

Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение конверсии в разных языках способствует выявлению ее универсальных черт и, что немаловажно, определению национальной специфики, обусловленной типологическими особенностями исследуемого языка. Определение основных конверсивных моделей, а также выявление конверсивных отношений как между автосемантичными, так и между синсемантичными словами необходимы для решения ряда задач, связанных с проблемой разграничения частей речи в осетинском языке.

Научная новизна статьи состоит в том, что работа представляет собой первый опыт научного описания конверсивных моделей осетинского языка с привлечением языкового материала иронского и дигорского диалектов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниками исследования послужили словари осетинского языка [ИЭ; БРОС; ДРС; ТСОЯ], а также языковой материал, собранный в ходе диалектологических экспедиций. Эмпирическая база исследования формировалась с помощью приема сплошной выборки. Для представления извлеченного из словарей материала был применен описательный метод. Для выявления основных конверсионных моделей были использованы методы компонентного, контекстного и статистического анализа лексических единиц.

Вопросам переходности между частями речи в зарубежной и отечественной лингвистике уделяется большое внимание. Словообразовательный процесс, происходящий без участия словообразовательных суффиксов, именуется по-разному. Так, ряд ученых данный процесс называют «способом словообразования с нулевой морфемой» [Aronoff, 1980; Clark, 1979; Marchand, 1963 и др.]; в некоторых исследованиях он фигурирует как «морфолого-синтаксический способ словообразования или как синтаксическая деривация» [Farrell, 1998; Исмаилова, 2006 и др.]; или же как «без-

аффиксальное словообразование» [Аракин, 1979; Уфимцева, 1968 и др.]; многие ученые считают субстантивацию и конверсию «разными способами словообразования» [Каращук, 1977; Мазо, 1963].

Различные подходы к данному вопросу объединяет то, что в основном под термином *конверсия* понимается «способ производства новых лексем, при котором исходная и результативная единицы принадлежат к разным частям речи» [Пшеничная, 2012, с. 145].

Кроме этого, есть разногласия и по поводу необходимых для установления конверсии признаков (семантика, синтаксическая функция, морфологическая форма). Множество исследований направлены на выявление способов определения производности и мотивированности конверсионных моделей [Кубрякова, 1974; Мешков, 1976; Соболева, 1959 и др.].

Что касается осетинского языкознания, то вопросы, связанные с взаимопереходом частей речи, привлекали внимание многих ученых [Абаев, 1970; Багаев, 1965; Габараев, 1977; Дзодзикова, 2012; Кудзоева и др., 2018; Цопанова и др., 2021 и др.]. Однако данные исследования носят фрагментарный характер, специального комплексного исследования конверсивных отношений между частями речи в осетинском языке на сегодняшний день не проводилось.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Переходность в системе частей речи в современном осетинском языке

Изучение всех существующих на сегодняшний день определений такого неоднозначного термина, как *конверсия*, позволило нам в рамках данной статьи, посвященной взаимопереходу частей речи в осетинском языке, принять следующее определение: «…конверсия — это способ словообразования, при котором слово одной части речи образуется от слова другой без изменения внешней формы исходного слова, но при котором изменяется лексическое значение слова, его морфологические и синтаксические свойства» [Заббарова, 2014, с. 64].

В разносистемных языках конверсия может функционировать поразному. Так, «в описании данного механизма в языках флективного строя актуальным оказывается обращение к морфологической транспозиции, в языках аналитических — более актуально обращение к анализу семантического и синтаксического изменения слова» [Заббарова, 2014, с. 64].

Как известно, «осетинский язык имеет два основных диалекта: иронский и дигорский, каждый из которых имеет свою литературную норму» [Беляев и др., 2022, с. 32]. Данное исследование выполнено на языковом материале иронского и дигорского диалектов осетинского языка.

CC BY

В осетинском языкознании теоретическими вопросами классификации частей речи занимались многие ученые. Однако в их работах критерии частеречной принадлежности разнятся. В. И. Абаев указывает на то, что «имена прилагательные не только по формальным признакам, но и по употреблению не могут быть резко отграничены от существительных» [Абаев, 1959, с. 29].

З. Б. Дзодзикова же указывает на то, что «в осетинском языке имеются пласты слов, являющиеся только именами существительными или только именами прилагательными, а определенную часть составляют слова, выступающие как в роли имени прилагательного, так и имени существительного, но в таком случае мы сталкиваемся с явлением разного рода адъективации или субстантивации» [Дзодзикова и др., 2012, с. 288].

Говоря о субстантивации, современные лингвисты считают, что это «сложное лексико-грамматическое явление, вызываемое не одним каким-то условием, а единым комплексом условий лексического, синтаксического и морфологического порядка» [Исмаилова, 2006, с. 112].

Однако если вопрос об определении сути данных языковых явлений уже более или менее ясен, то вопрос, связанный с соотношением этих двух переходных явлений, до сих пор вызывает полемику. Чаще всего возникает вопрос: субстантивация — это особый вид конверсии или самостоятельный способ словообразования? На этот счет существует несколько мнений. Некоторые лингвисты проводят четкие разграничения между конверсией и субстантивацией, другие же считают, что конверсия представляет собой транспонирование разных частей речи в другую, и тем самым относят субстантивацию, адъективацию и адвербиализацию к частным случаям конверсии.

По мнению Н. К. Багаева, субстантивация — это такой «морфологический способ словообразования, при котором происходит переход слов других частей речи в разряд имен существительных без особой аффиксации» [Багаев, 1965, с. 178]. Автор подчеркивает, что «наиболее активно данное явление представлено в именах прилагательных» [Багаев, 1965, с. 178].

По мнению Н. К. Багаева, в иронском диалекте осетинского языка могут подвергаться субстантивации следующие части речи:

— отглагольные имена, образуемые при помощи суффиксов *-д, -т, -ст, -ад /-адæ, -æг, -инаг / -уйнаг, -æггаг, -æн* одинаково могут быть использованы в значении имен прилагательных и в значении имен существительных *(фыссæг «писатель, пишущий», ныййарæг «*родитель, родивший», *нымайæг* «счетчик, считающий», *кусæг* «рабочий, работающий», *цæуæг* «ходок, идущий», *рæвдыд* «ласка, обласканный», *æвзæрст* «выбор, выбранный» и т. д);

CC BY

— субстантивируются иногда глаголы в повелительной форме 2-го лица единственного числа (*гæс* «сторож» (от *кæсын «смотреть»*), реже в форме 3-го лица конъюнктива с отрицательной частицей *ма* «не»: *мадзура, маркафа, матæрса* и т. д.);

— субстантивироваться могут некоторые наречия (*фарон* «прошлый год», *абон* «сегодня», *знон* «вчера» и т. д.). Например: *Нæ абон не знонæй хуыздæр у, нæ райсом ноджыдæр хуыздæр уыдзæн* «Наше сегодня лучше, чем наше вчера, наше завтра будет еще лучше» [Багаев, 1965, с. 179].

Первым в осетинском языкознании о конверсии как особом виде словообразования заговорил Н. Я. Габараев. Опираясь на высказывания отечественных и зарубежных лингвистов, ученый определяет конверсию как «способ словообразования, при котором слово без изменения своей исходной формы» начинает выполнять функции слов другого класса и, соответственно, приобретает морфологические формы (парадигму) этих слов [Габараев, 1977, с. 78].

По мнению Н. Я. Габараева, субстантивация представляет собой разновидность конверсии, указывая при этом на ее повышенную продуктивность в осетинском языке. По мнению автора, «для субстантивации характерным является то обстоятельство, что слово, включаясь в категорию имен существительных, приобретает такие грамматические значения и формы, которые составляют основные морфологические признаки существительного, но совершенно не присущи классу транспонированного слова» [Габараев, 1977, с. 80]. В данном случае речь идет о словоизменительной грамматической категории падежа и категории числа.

По мнению З. Б. Дзодзиковой, субстантивация в осетинском языке «представлена в двух видах: языковая субстантивация (не связанная с контекстом) и контекстуальная субстантивация» [Дзодзикова и др., 2012, с. 281]. К языковой субстантивации авторы относят слова, которые подверглись «субстантивации в процессе развития языка и вне зависимости от контекста могут выполнять функцию как прилагательного, так и существительного: *маст* “горький, неприятность, переживание”; *хистæр* / *хестæр* “старше, более взрослый человек”; *кæстæр* “младше, младший” и т. д.». [Дзодзикова и др., 2012, с. 281]. Следует отметить, что антонимическая пара *хистæр* / *хестæр* «старше, более взрослый человек» *и кæстæр* «младше, младший» для осетинской традиции в этнографическом аспекте является в некотором смысле ключевой. *Хистæр* / *хестæр* «старше, более взрослый человек» этимологически представляет собой суперлатив (сравнительная степень от превосходной), исходная иранская модель — *hvaišta* «главный деятель», «главный участник какого-либо действия», «старший по положению или по возрасту» [ИЭ, т. 4, с. 204]. *Кæстæр* «младше, млад-

CC BY

ший» также восходит к иранскому *kasu* + *tara*, это сравнительная степень от *kasu* «малый». Здесь мы имеем дело с застывшими формами прилагательных в сравнительной степени, которые в процессе субстантивации могут выполнять функцию как прилагательного, так и существительного.

К контекстуальным субстантивам авторы относят такие случаи, как: «*Кæройнæгтæ сыстадысты сæ бынæттæй æмæ сбадын кодтой æрбацæуджыты* / Крайние встали со своих мест и усадили вошедших» [Дзодзикова, 2012, с. 282]. Здесь лексема *кæройнæгтæ* «крайние», являясь по сути прилагательным, выполняет функцию существительного *адæм* «люди», приобретая «морфологические признаки существительного, а именно — суффикс множественного числа *-т* и окончание именительного падежа *-æ»* [Дзодзикова, 2012, с. 282].

3.2. Наиболее продуктивные конверсионные модели

Продуктивность конверсионных моделей неодинакова в разных языках. Так, в исследованиях отмечается, что «неограниченная субстантивация инфинитивов в немецком языке не знает каких-либо ограничений, широко распространены конверсивные отношения между существительными и прилагательными во французском языке» [Мурясов, 2014, с. 1470].

Исследование конверсированной лексики иронского и дигорского диалектов осетинского языка показало, что наиболее активно проявляют себя следующие модели:

1) N ↔ A (N — существительное, A — прилагательное), то есть взаимопереход существительных и прилагательных. При этом более высокопродуктивна модель A → N: ср. ир. *Дондзаст* / диг. *дондзæстæ* «болотистое, сырое (место); болото», *зæронд* / *диг. зæронд* «старый, старик», ир. *Хистæр* / *диг. хестæр* «старший, старик», ир. *Æдылы* / диг. *æдули, гъæла* «глупый, глупец», ир. *Цæхджын* / диг. *цæхгун* «соленый, соление», ир. *Сомихаг* / диг. *сомехаг* «армянин, армянский», ир. *Гæвзыкк* / диг. *гæвзук* «бедный, нищий, бедняк, беднота, нищета»), ир. *Æгад* / диг. *æгадæ* «бесславный, позорный, позор, бесславие»), ир., диг. *арф* «губокий, глубина», ир. *Æвзæр* / диг. *лæгъуз* «плохой, зло» и т. д. Модель N → A, которую часто называют «обратной конверсией», касается существительных, которые в форме именительного падежа единственного числа становятся носителями качества определяемого предмета. Так, существительное ир. *сыгъзæрин* / диг. *сугъзæрийнæ* «золото» в составе словосочетания ир. *сыгъзæрин къухдарæн* / диг. *сугъзæрийнæ къохдарæн* «золотое кольцо» выступает в функции прилагательного.

Иногда адъективация существительного сопровождается появлением у существительного степеней сравнения, присущих прилагательному, кроме того, слово в этой форме перестает склоняться по падежам и числам. Так,

CC BY

существительное ир. *талынг* / диг. *талингæ* «темнота, мрак» при переходе в класс прилагательных *талынг* «темный, мрачный» может иметь формы степеней сравнения ир. *талынгдæр* / диг. *талингæдæр* «темнее», ир. *тынг талынг* / диг. *хъæбæр талингæ* «очень темно; очень темный»; существительное ир. *цъыф* / диг. *цъифæ* «грязь», переходя в прилагательное *цъыф* «грязный», может иметь формы ир. *цъыфдæр* / диг. *цъифæдæр* «более грязный», ир. *тынг цъыф* / диг. *хъæбæр цъифæ* «очень мокрый, грязный» и т. д.

По данному поводу А. И. Смирницкий пишет, что, характеризуя слово «по отношению к другим словам, парадигма каждого данного слова выполняет и лексическую функцию: она является определенным оформлением слова и тем самым выступает как словообразовательное средство. И это средство словообразования и применяется при конверсии» [Смирницкий, 1956, с. 77].

Следует отметить, что связь адъектированного слова с производящей основой не всегда очевидна. Так, ряд прилагательных в современном осетинском языке представляют собой адъектированные иранские причастия. Определить столь раннюю адъективацию «можно только диахронически или при сопоставлении с другими иранскими языками» [Гутиева, 2023, с. 112].

2) Part → N (Part — причастие): ир., диг. *кафæг* «танцующий, танцор»; ир. *Дзурæг* / диг. *дзорæг* «говорящий; тот, кто говорит»; ир. *Нымайæг* / диг. *нимайæг* «считающий, счетовод»; ир. *Агуырд* / диг. *агурд* «разысканный, найденный; поиск»; ир., диг. *лæвæрд* «отданный; передача, подача»; ир., диг. *скъæфт* «похищенный; похищение»; ир., диг. *æгъдаудæттæг* «устанавливающий порядок, дисциплину; тот, кто устанавливает порядок и дисциплину» и т. д. Данная модель конверсии в обоих диалектах осетинского языка является высокопродуктивной, так как практически не имеет ограничений. Кроме этого, довольно часто то или иное причастие может переходить и в класс прилагательных, и в класс существительных. Например, причастие ир. *змæст* / диг. *змæнст* может выполнять функции как прилагательного «мутный, смутный, беспорядочный», так и существительного «смута». Следует отметить, что «транспонированные причастия выполняют все синтаксические функции, свойственные существительным, прилагательным и наречиям» [Кудзоева и др., 2018, с. 112].

3) Cvb → A (cvb — конверб): ир. *агургæ* / диг. *агоргæ* (разыскивая, разыскиваемый); ир. *алæугæ* / диг. *ралæугæ* «постояв, полежалый»; ир. *Ауындзгæ* / диг. *ауиндзгæ* «вешая, висячий», ир. диг. *ахадгæ* «будучи эффективным, эффективный» и т. д. Н. К. Багаев отмечает полный переход некоторых деепричастий в наречия и послелоги [Багаев, 1965, с. 360]. Например, слово ир. *зынгæ* / диг. *зингæ* «заметно», образованное от глагола ир. *Зынын* / диг. *зинун* «виднеться», выполняет функцию наречия: *Бонтæ зынгæ фæдаргъдæр сты* / Дни стали заметно длиннее»; слово ир., диг.

гæсгæ, образованное от глагола ир. *Кæсын* / диг. *кæсун* «смотреть», употребляется в значении послелога: *Мæнмæ гæсгæ уыцы загъд раст нæу* / *По-моему* (на мой взгляд) это высказывание неверное.

Среди конверсионных моделей осетинского языка можно еще выделить такие, как Adv (наречие) → N и Adv → A. Так, субстантивации могут подвергаться некоторые наречия времени, например, ир. *Абон* / диг. *ацибон* «сегодня», ир. *Знон* / диг. *æзинæ*, ир. *Ахсæв* / диг. *ахсæвæ* «сегодня ночью» и т. д. Наречия переходят в прилагательные, например, ир., диг. *æгæр* «чрезмерно, слишком, чрезмерный», ир. *æгъгъæд* / диг. *æнгъæд* «довольно, достаточно, достаточный», ир. диг. *æмраст* «прямо, ровно, прямой, ровный» и т. д.

Некоторые наречия, образованные от имен существительных при помощи приставок *дæл-, уæл-, фæс-*, могут подвергаться как субстантивации, так и адъективации, например, ир., диг. *фæсауунонмæ* «заочно, заочное», ир. *фæсхъæу* / диг. *фæсгъæу* «за селом, место за селом», ир. диг. *фæсдуар* «за дверью, место за дверью», ир. *дæлбыл* / диг. *дæлбилæ* «под берегом», ир., диг. *уæлвæндаг* «над дорогой» и т. д.

В осетинском языке степень конверсионной активности данных моделей невысокая. Осетинскому наречию более свойственны конверсивные отношения с синсемантичными словами.

3.3. Конверсивные отношения между автосемантичными и синсемантичными словами

Следует отметить, что изначально, приблизительно до середины XIX века лингвистами рассматривался взаимопереход «частей речи (существительного, прилагательного и наречия в глагол, причастия в прилагательное и т. д.). Однако в конце XIX века речь уже идет об употреблении одного и того же слова в позиции различных частей речи» [Кубрякова, 2002, с. 35].

Определённый интерес представляют «конверсивные отношения между автосемантичными и синсемантичными словами», в частности, взаимопереход существительных, прилагательных и послелогов, наречий, частиц и союзов» [Мурясов, 2014, с. 1475].

Наибольшую конверсивную активность в осетинском языке проявляют наречия и послелоги. Так, некоторые наречия могут выполнять функцию послелогов, например, ир. *уæлæ* / диг. *уæле* «наверху», ир. *фæстæ* / диг. *фæсте* «позади», ир. *иувæрсты* / диг. *еувæрсти* «стороной», ир. *ардыгæй* / диг. *ардигæй* «отсюда», «по эту сторону», ир. *æддейæ* / диг. *æндеггæй* «снаружи, за, позади» и т. д. Сравним некоторые выражения: *Мах уæллæй* (наречие) *адтан* / Мы были наверху; *Кизги уæле* (послелог) *рæсугъд пъолци* / На девушке красивое платье; *Фæсте* (наречие) *изайун хуарз нæй* / Не-

хорошо оставаться позади; *Скъоладзаутæ урокти фæсте* (послелог) *сæ хæдзæрттæмæ цæунцæ* / Дети после уроков идут домой.

Некоторые слова в осетинском языке могут выполнять одновременно функции прилагательного, наречия и послелога. Например, ир. *мидæг* / диг. *медæг*, *медæгæ* «внутри» (послелог, наречие) в некоторых сочетаниях может выполнять и функции прилагательного «внутренний», ср.: *мидæг мой* «букв. внутренний муж, примак, муж, вселяющийся в дом жены», *мидæг хор* «внутреннее (домашнее) зерно» [ИЭ, т. 2, с. 114]; ир. *æввахс* / диг. *æнвахс* может выполнять функцию прилагательного — «близкий, недалекий, ближний, приближенный»; наречия — «близко, поблизости, невдалеке»; послелога — «около, примерно, почти, близ, вблизи, приблизительно»; ир. диг. *ауон* — «тень, силуэт» (существительное), *ауон бынат* «теневая сторона» (прилагательное), «в тени» (наречие), «за чем-либо» (послелог).

Наблюдаются также случаи перехода наречий в частицы и союзы, например, ир. *гъеныр* / диг. *гъенур* — наречие «теперь, сейчас», частица «так»; ир. диг. *дæлæ* — наречие «внизу», частица «вон внизу»; ир. *афтæ* / диг. *уотæ* — наречие «должным образом, так, очень, настолько, как раз в то время, тогда»; союз «так вот, следовательно, значит»; ир. *æдæппæт* / диг. *еугурæй* — наречие «всего, в общей сложности», частица «всего-навсего» и т. д.

Наибольшая активность послелогов в конверсивных отношениях между знаменательными и служебными частями речи обусловлена тем, что «в современном осетинском языке основным средством выражения синтаксических отношений между словами в предложении (в отношении имен и местоимений) служат падежные формы, в сочетании с которыми употребление послелогов играет большую роль. При этом употребление предлогов весьма ограничено» [Грамматика…, 1963, с. 280]. В осетинском языке всего два предлога: *æд* (с, вместе с) и *æнæ* (без) [Цопанова и др., 2021, с. 83; Грамматика… 1963, с. 295], в некоторых исследованиях признается существование третьего предлога (предлог с количественно-разделительным значением *фæйнæ* «по») [Багаев, 1965, с. 3]. Большинство осетинских послелогов служат для выражения пространственных отношений. В сочетании с глаголами, отглагольными именами и деепричастиями, с именами в соответствующем падеже могут обозначать место действия, состояния-процесса, направление действия и т. д.

4. Заключение = Conclusions

Анализ конверсированной лексики иронского и дигорского диалектов осетинского языка позволяет сделать следующие выводы.

CC BY

Конверсия для осетинского языка является довольно продуктивным способом словообразования. Основными конверсионными моделями в осетинском языке (хотя и с разной степенью продуктивности) являются: N ↔ A (A → N, N → A), Part → N, Cvb → A. Конверсионная модель в осетинском языке чаще включает в себя имя существительное, имя прилагательное и причастие.

Конверсивные отношения между автосемантичными и синсемантичными словами в осетинском языке представлены следующими моделями: «наречие → послелог», «прилагательное / существительное → наречие → послелог», «наречие → частица», «наречие → союз». Высокая степень активности послелогов в конверсивных отношениях между знаменательными и служебными частями речи, на наш взгляд, обусловлена развитой системой послелогов в осетинском языке.

Привлечение языкового материала двух основных диалектов осетинского языка позволяет говорить о том, что механизмы конверсирования иронской и дигорской лексики не имеют значительных отличий. При этом следует отметить, что между иронским и дигорским диалектами существуют расхождения на всех языковых уровнях. На фонетическом уровне отмечаются дифференцирующие явления в области и вокализма, и консонантизма; на морфологическом уровне дигорский диалект отличается наличием более архаичных грамматических форм; на лексическом уровне — наличием в дигорском более 2500 слов, которых нет в иронском.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. БРОС — *Большой* русско-осетинский словарь : около 60000 слов и выражений / Учреждение Российской академии наук Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А. — Владикавказ : ИПО СОИГСИ, 2011. — 687 с. — ISBN 978-5-905691-19-5.

2. ДРС — *Дигорско-русский* словарь. Русско-дигорский словарь / Ф. М. Таказов. — Владикавказ : Алания, 2015. — 872 с. — ISBN 978-5-98585-121-2.

3. ИЭ — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка / В. И, Абаев. Москва — Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1958. Т. I—IV.

4. ТСОЯ — *Толковый* словарь осетинского языка : в 4 т. / Н. Я. Габараев ; Российская академия наук ; Владикавказский научный центр ; Юго-Осетинский научно-исследовательский институт им. З. Н. Ванеева. — Москва : Наука, 2000. — Т. 1. А-Æ. — 516 с. — ISBN 978-5-02-036243-7.

CC BY

Литература

1. *Абаев В. И.* Грамматический очерк осетинского языка / В. И. Абаев. — Орджоникидзе : Северо-Осетинское книжное издательство, 1959. — 168 с.

2. *Аракин В. Д.* Сравнительная типология английского и русского языков / В. Д. Аракин. — Ленинград : Просвещение, 1979. — 255 с.

3. *Багаев Н. К.* Современный осетинский язык / Н. К. Багаев. — Орджоникидзе : Северо-Осетинское книжное издательство, 1965. — Ч. 1. — 487 с.

4. *Беляев О. И.* Соединение именных групп в осетинском языке / О. И. Беляев, И. А. Хомченкова // Рема. Rhema. — 2022. — № 4. — С. 32—54. — DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-32-54.

5. *Габараев Н. Я.* Морфологическая структура слова и словообразование в современном осетинском языке / Н. Я. Габараев. — Тбилиси : Мецниереба, 1977. — 174 с.

6. *Грамматика* осетинского языка. Фонетика и морфология / Под ред. Г. С. Ахвледиани. — Орджоникидзе : Республиканская книжная типография, 1963. — Т. I. — 364 с.

7. *Гутиева Э. Т.* Специфика словообразовательной валентности отрицательных формантов / Э. Т. Гутиева // Известия СОИГСИ. — 2023. — Выпуск 48 (87). — С. 108—128. — DOI: 10.46698/VNC.2023.87.48.005.

8. *Дзодзикова З. Б.* Вопрос разграничения существительных и прилагательных в современном осетинском языке в сопоставлении с русским / З. Б. Дзодзикова, Б. В. Кунавин // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. — 2012. — № 1. — С. 287—291.

9. *Заббарова Р. З.* Проблема лексикографирования конверсированных существительных в переводных словарях татарского языка / Р. З. Заббарова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. — 2014. — Т. 11. — № 1. — С. 64—67.

10. *Исмаилова Д. Б.* К проблеме разграничения субстантивации и конверсии / Д. Б. Исмаилова // Вестник Чувашского университета. — 2006. — № 5. — С. 112—116.

11. *Каращук П. М.* Словообразование английского языка / П. М. Каращук. — Москва : Наука, 1977. — 302 с.

12. *Кубрякова Е. С.* Деривация, транспозиция, конверсия / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. — 1974. — № 5. — С. 64—77.

13. *Кубрякова Е. С.* Конверсия в современном английском языке / Е. С. Кубрякова, В. А. Гуреев // ВЕСТНИК ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2002. — № 2. — С. 33—38.

14. *Кудзоева А. Ф.* Сравнительно-сопоставительный анализ причастий в персидском, русском и осетинском языках / А. Ф. Кудзоева, Е. С. Качмазова, М. Шафаги // Известия СОИГСИ. — 2018. — Выпуск 30 (69). — С. 103—112.

15. *Мазо Б. В.* Деадъективное образование имен существительных в современном английском языке (конверсия и субстантивация прилагательных и причастий — сопоставительное исследование) : автореферат диссертации … кандидата филологических наук / Б. В. Мазо. — Воронеж, 1963. — 85 с.

16. *Мешков О. Д.* Словообразование современного английского языка / О. Д. Мешков. — Москва : Наука, 1976. — 248 с.

17. *Мурясов Р. З.* К понятию «конверсия» в дериватологии / Р. З. Мурясов // Вестник Башкирского университета. — 2014. — Т. 19. — № 4. — С. 1470—1479.

18. *Никитевич В. М.* Основы номинативной деривации / В. М. Никитевич. — Минск : Вышэйш. шк., 1985. — 157 с.

19. *Осипова О. В.* Аналитические прилагательные как результат конверсии во французском языке / О. В. Осипова // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». — 2023. — № 2 (77). — С. 69—75.

20. *Пшеничная А. Ю.* Общая характеристика конверсии как способа словообразования (на материале русского и французского языков) / А. Ю. Пшеничная // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2012. — № 1. — С. 145—150.

21. *Сатцаев Э. Б.* Проблема выделения именных частей речи в осетинском языке / Э. Б. Сатцаев // Вестник Владикавказского научного центра. — 2017. — Т. 17. — № 4. — С. 6—9.

22. *Смирницкий А. И.* Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. — Москва : Наука, 1956. — 260 с.

23. *Соболева П. А.* Об основном и производном слове при словообразовательных отношениях по конверсии / П. А. Соболева // Вопросы языкознания. — 1959. — № 2. — С. 91—95.

24. *Уфимцева А. А.* Слово в лексико-семантической системе языка / А. А. Уфимцева. — Москва : Наука, 1968. — 198 с.

25. *Цопанова Р. Г.* Атрибутивные словосочетания в осетинском и персидском языках / Р. Г. Цопанова, Э. Чангизи // Известия СОИГСИ. — 2021. — Выпуск 42 (81). — С. 82—89. — DOI: 10.46698/VNC.2021.81.42.006.

26. *Юшкова Л. А.* Конверсия как продуктивный способ словообразования в современной немецкой молодёжной лексике / Л. А. Юшкова // Вестник Удмуртского университета. — 2005. — № 5. — С. 133—140.

27. *Aronoff M.* Contextuals / M. Aronoff // Language. — 1980. — № 56. — Pp. 744—758.

28. *Clark E.* When noun surface as verbs / E. Clark, H. Clark // Language. — 1979. — № 55. — Pp. 767—811.

29. *Farrell P.* Comments on the paper by Lieber / P. Farrell // Morphology and its relation in phonology and syntax / Ed. S. Lapointe. — Stanford, CA : CSLI Publications, 1998. — Pp. viii+440.

30. *Marchand H.* On a question of contrary analysis / H. Marchand // English studies. — 1963. — № 44. — Pp. 176—187.

31. *Sweet H.* A Short Historical English Grammar / H. Sweet. — Oxford : Oxford University Press, 1892. — 280 p.

Статья поступила в редакцию 19.10.2023,
одобрена после рецензирования 03.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

Material resources

BROS — *A large Russian-Ossetian dictionary: about 60,000 words and expressions / Institution of the Russian Academy of Sciences North Ossetian Institute of Humanities and Social Research named after V. I. Abaev VNC RAS and the Government of the Russian Academy of Sciences-A.* (2011). Vladikavkaz: IPO SOIGSI. 687 p. ISBN 978-5-905691-19-5. (In Russ.).

DRS — *Digor-Russian dictionary. Russian-Digor dictionary.* (2015). Vladikavkaz: Alania. 872 p. ISBN 978-5-98585-121-2. (In Russ.).

IE — Abaev, V. I. *Historical and etymological dictionary of the Ossetian language*. Moscow — Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958. V. I-IV. (In Russ.).

TSOI — *Explanatory dictionary of the Ossetian language: in 4 volumes, 1. A.* (2000). Moscow: Nauka. 516 p. ISBN 978-5-02-036243-7. (In Russ.).

References

Abaev, V. I. (1959). *Grammatical essay of the Ossetian language.* Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House. 168 p. (In Russ.).

Arakin, V. D. (1979). *Comparative typology of English and Russian languages.* Leningrad: Prosveshchenie. 255 p. (In Russ.).

Aronoff, M. (1980). Contextuals. *Language, 56:* 744—758.

Bagaev, N. K. (1965). *Modern Ossetian language, 1.* Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House. 487 p. (In Russ.).

Belyaev, O. I., Khomchenkova, I. A. (2022). Connection of nominal groups in the Ossetian language. *Rema. Rhema, 4:* 32—54. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-32-54. (In Russ.).

Clark, E., Clark, H. (1979). When noun surface as verbs. *Language, 55:* 767—811.

Dzodzikova, Z. B., Kunavin, B. V. (2012). The question of the differentiation of nouns and adjectives in the modern Ossetian language in comparison with Russian. *Bulletin of the North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, 1:* 287—291. (In Russ.).

Farrell, P. (1998). Comments on the paper by Lieber. In: *Morphology and its relation in phonology and syntax.* Stanford, CA: CSLI Publications. viii+440.

Gabaraev, N. Ya. (1977). *Morphological structure of the word and word formation in the modern Ossetian language.* Tbilisi: Metsniereba. 174 p. (In Russ.).

Grammar of the Ossetian language. Phonetics and morphology, 1. (1963). Ordzhonikidze: Republican Book Printing House. 364 p. (In Russ.).

Gutieva, E. T. (2023). The specificity of the word-formation valence of negative formants. *Izvestiya SOIGSI, 48 (87):* 108—128. DOI: 10.46698/VNC.2023.87.48.005. (In Russ.).

Ismailova, D. B. (2006). On the problem of differentiation of substantiation and conversion. *Bulletin of the Chuvash University, 5:* 112—116. (In Russ.).

Karashchuk, P. M. (1977). *Word formation of the English language.* Moscow: Nauka. 302 p. (In Russ.).

Kubryakova, E. S., Gureev, V. A. (2002). Conversion in modern English. *Bulletin of TvSU. Linguistics and Intercultural Communication series, 2:* 33—38. (In Russ.).

Kubryakova, E. S. (1974). Derivation, transposition, conversion. *Questions of linguistics, 5:* 64—77. (In Russ.).

Kudzoeva, A. F., Kachmazova, E. S., Shafagi, M. (2018). Comparative analysis of participles in Persian, Russian and Ossetian languages. *Izvestiya SOIGSI, 30 (69):* 103—112. (In Russ.).

Marchand, H. (1963). On a question of contrary analysis. *English studies, 44:* 176—187.

Mazo, B. V. (1963). *Deadjective formation of nouns in modern English (conversion and substantiation of adjectives and participles — a comparative study).* Author's abstract of PhD Diss. Voronezh. 85 p. (In Russ.).

Meshkov, O. D. (1976). *Word formation of the modern English language.* Moscow: Nauka. 248 p. (In Russ.).

Muryasov, R. Z. (2014). Towards the concept of "conversion" in derivatology. *Bulletin of the Bashkir University, 19 (4):* 1470—1479. (In Russ.).

Nikitevich, V. M. (1985). *Fundamentals of nominative derivation.* Minsk: Higher School of Economics. 157 p. (In Russ.).

Osipova, O. V. (2023). Analytical adjectives as a result of conversion in French. *Bulletin of TvSU. The series ":Philology", 2 (77):* 69—75. (In Russ.).

Pshenichnaya, A. Yu. (2012). General characteristics of conversion as a method of word formation (based on the material of Russian and French languages). *Proceedings of the Southern Federal University. Philological sciences, 1:* 145—150. (In Russ.).

Sattsaev, E. B. (2017). The problem of distinguishing nominal parts of speech in the Ossetian language. *Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center, 17 (4):* 6—9. (In Russ.).

Smirnitsky, A. I. (1956). *Lexicology of the English language.* Moscow: Nauka. 260 p. (In Russ.).

Soboleva, P. A. (1959). On the main and derivative word in word-formation relations by conversion. *Questions of linguistics, 2:* 91—95. (In Russ.).

Sweet, H. (1892). *A Short Historical English Grammar.* Oxford: Oxford University Press. 280 p.

Tsopanova, R. G., Changizi, E. (2021). Attributive phrases in the Ossetian and Persian languages. *Izvestiya SOIGSI, 42 (81):* 82—89. DOI: 10.46698/VNC.2021.81.42.006. (In Russ.).

Ufimtseva, A. A. (1968). *The word in the lexico-semantic system of the language.* Moscow: Nauka. 198 p. (In Russ.).

Yushkova, L. A. (2005). Conversion as a productive way of word formation in modern German youth vocabulary. *Bulletin of the Udmurt University, 5:* 133—140. (In Russ.).

Zabbarova, R. Z. (2014). The problem of lexicography of converted nouns in translated dictionaries of the Tatar language. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics, 11 (1):* 64—67. (In Russ.).

The article was submitted 19.10.2023;
approved after reviewing 03.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Московкин Л. В. Модели речевого онтогенеза носителей русского языка : монолингвов и русско-немецких билингвов / Л. В. Московкин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 85—103. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-85-103.

Moskovkin, L. V. (2023). Models of Speech Ontogenesis in Russian Monolinguals and Russian-German Bilinguals. *Nauchnyi dialog, 12* (10): 85-103. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-85-103. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-85-103

Модели речевого онтогенеза носителей русского языка: монолингвов и русско-немецких билингвов

Московкин Леонид Викторович
orcid.org/0000-0002-4818-1205
ResearcherID: A-6069-2016
Scopus Author ID: 57222508416
доктор педагогических наук, профессор,
кафедра русского языка как иностранного
и методики его преподавания
moskovkin.leonid@yandex.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 21-48-04401

Models of Speech Ontogenesis in Russian Monolinguals and Russian-German Bilinguals

Leonid V. Moskovkin
orcid.org/0000-0002-4818-1205
ResearcherID: A-6069-2016
Scopus Author ID: 57222508416
Doctor of Pedagogy, Professor,
Department of Russian as a Foreign Language and Teaching Methodology
blagoder_1@mail.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project number 21-48-04401

© Московкин Л. В., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Цель статьи — рассмотрение моделей речевого онтогенеза носителей русского языка: монолингвов, проживающих в России, и русско-немецких билингвов, проживающих в Германии. Материалом исследования послужили отклонения от норм литературного языка в транскриптах записей устной речи 42 монолингвов и 48 билингвов, дополненные данными анализа речи, отраженными в печатных источниках. Методы исследования: анкетирование, интервьюирование, методы чтения фонетически представительного текста и рассказа по картинкам, анализ отклонений от норм литературного языка, синтез речевых данных. Описаны две модели речевого онтогенеза монолингвов и четыре модели речевого онтогенеза билингвов. Доказано, что процесс речевого онтогенеза протекает у носителей русского языка по-разному в зависимости от того, а) осуществляется он в России или за рубежом, б) на какой разновидности русского языка говорит его носитель, в) в каком возрасте зарубежный носитель русского языка начинает активно использовать язык большинства. Установлено, что важнейшим фактором, препятствующим утрате элементов русского языка в диаспоре, является владение нормами литературного языка. Определена зависимость появления интерференции немецкого языка от модели речевого онтогенеза.

Ключевые слова:
речевой онтогенез; онтолингвистика; литературный язык; просторечие; модели речевого онтогенеза; факторы речевого развития.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The aim of the article is to examine models of speech ontogenesis in Russian monolinguals living in Russia and Russian-German bilinguals living in Germany. The study uses deviations from literary language norms in transcriptions of oral speech from 42 monolinguals and 48 bilinguals, supplemented by speech analysis data reflected in printed sources. Research methods include surveys, interviews, reading phonetically representative texts and picture stories, analysis of deviations from literary language norms, and synthesis of speech data. Two models of speech ontogenesis for monolinguals and four models for bilinguals are described. It is shown that the process of speech ontogenesis proceeds differently among Russian language speakers depending on a) whether it occurs in Russia or abroad, b) which variety of Russian language the speaker uses, c) at what age the foreign speaker of Russian language begins to actively use the language of the majority. It is established that the most important factor preventing the loss of elements of the Russian language in the diaspora is mastery of literary language norms. The dependence of the appearance of interference from the German language on the model of speech ontogenesis is determined.

Key words:
speech ontogenesis; ontolinguistics; literary language; vernacular; models of speech ontogenesis; factors of speech development.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’246.1+81’246.2

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Модели речевого онтогенеза носителей русского языка: монолингвов и русско-немецких билингвов

© Московкин Л. В., 2023

1. Введение = Introduction

Термин *речевой онтогенез* используется в российских трудах по онтолингвистике, психолингвистике и логопедии для описания индивидуального речевого развития человека [Леонтьев, 1974; Елисеева, 2005; Петрова, 2009; Браудо, 2017; Цейтлин, 2017], при этом российские труды по проблемам речевого онтогенеза отличаются двумя важными особенностями.

Во-первых, они рассматривают речевое развитие детей, как правило, дошкольников, и, соответственно, термин *онтолингвистика* употребляется для обозначения лингвистики детской речи [Цейтлин, 2018]. Однако онтогенез как процесс индивидуального развития организма не ограничивается только начальными стадиями — развитие организма осуществляется от зачатия до смерти. Соответственно, и исследования речевого онтогенеза также не должны быть сосредоточены только на детской речи.

Вторая особенность российских трудов по проблемам речевого онтогенеза заключается в том, что в них устанавливаются общие закономерности речевого развития, тогда как этот процесс обладает и индивидуально-типологическими особенностями (на материале анализа русской речи русско-английских билингвов, проживающих в США, это показала М. Полински [Polinsky, 2018]). Соответственно, правомерно ставить вопрос об изучении типов или моделей речевого онтогенеза. Актуальность такого исследования обусловливается не только теоретическими соображениями, но и потребностями практической деятельности в области педагогики, лингводидактики, логопедии, медицины и т. д.

В научной литературе полные описания моделей речевого онтогенеза отсутствуют. Причина этого состоит в том, что исследования речевого онтогенеза должны основываться, прежде всего, на анализе устной речи индивидуума, записанной на протяжении длительного периода времени, и технически это трудно сделать. Исследователю намного проще наблюдать и записывать речь детей, с которыми он находится в ежедневном контак-

CC BY

те. Вместе с тем существуют исследования устной речи современных носителей русского языка [Богданова-Бегларян и др., 2019; Ерофеева, 2009; Шапошников, 2012 и др.], результаты которых могут быть использованы при построении моделей речевого онтогенеза монолингвов. Для изучения моделей речевого онтогенеза билингвов могут привлекаться данные исследований русской речи разных возрастных групп эмигрантов и их детей [Brehmer et al., 2017; Anstatt, 2010; Anstatt, 2011; Gagarina et al., 2018].

Целью настоящей работы является построение моделей речевого онтогенеза носителей русского языка: монолингвов, проживающих в России, и русско-немецких билингвов, проживающих в Германии. Основная идея исследования состоит в том, что процесс речевого онтогенеза протекает у носителей русского языка по-разному в зависимости от того, а) осуществляется он в России или за рубежом, б) на какой разновидности русского языка говорит его носитель, в) в каком возрасте зарубежный носитель русского языка начинает активно использовать язык большинства.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили прежде всего данные, полученные в ходе реализации международного научно-исследовательского проекта «Русский язык в Германии: межпоколенческие изменения» (2021—2023 гг.). Они были собраны в процессе анкетирования носителей русского языка, их интервьюирования и использования методов экспериментального исследования — чтения фонетически представительного текста и рассказа по картинкам. В последнем случае испытуемым предлагалось составить рассказ по картинкам из книги М. Майера «Лягушка, где ты?» [Mayer, 1969], которая более 35 лет используется как удобный стимульный материал для элицитации речи детей, говорящих на разных языках.

Всего в исследовании приняли участие 90 испытуемых, представители 35 семей: 48 русско-немецких билингвов, проживающих в Германии (22 взрослых и 26 детей), и 42 русских монолингва, проживающих в России (19 взрослых и 23 ребенка). Возраст детей — 10—15 лет, возраст родителей — 35—50 лет. Сбор речевых данных монолингвов осуществлялся в Санкт-Петербурге, билингвов — в городе Бохум (земля Северный Рейн — Вестфалия).

Испытуемые дети-билингвы родились в Германии или прибыли в нее в раннем детстве, они посещали немецкие детские сады. В момент исследования они обучались в немецких гимназиях, но при этом посещали и русские субботние школы. Их родители переехали в Германию главным образом в юношеском возрасте, многие из них окончили русские школы и даже вузы в тех странах, откуда они прибыли. По данным анкетирования,

CC BY

почти все они имеют высшее образование. К моменту исследования они проживали в Германии от 15 до 25 лет.

Методом изучения собранных данных послужил анализ отклонений от норм литературного языка в транскриптах записей речи разных групп носителей русского языка. В ходе исследования было установлено, что одни семьи и в России, и за рубежом используют в своем общении литературный язык, другие — просторечие.

В настоящей работе термины *литературный язык* и *просторечие* используются в их традиционном социолингвистическом понимании — выступают в качестве обозначений подсистем (или форм существования) русского национального языка [Крысин, 1989, с. 30—32]. Так, термин *просторечие* употребляется для обозначения формы существования русского языка, включающей элементы фонетики, лексики и грамматики, которые признаются неправильными, ненормативными, неприемлемыми в литературной речи. Это так называемое просторечие-1 [Филин, 1973], внелитературное [Капанадзе, 1984] или социальное просторечие [Химик, 2009], «устная некодифицированная общепонятная речь для повседневного общения преимущественно городского населения, не владеющего нормами литературного языка» [Войлова, 2000, с. 7].

Современное городское просторечие отличается от языка малообразованных слоев населения, изучавшегося в 1980-х годах [Капанадзе, 1984, Крысин, 1989 и др.]. Оно в значительной степени сближено с литературным языком благодаря влиянию единой системы образования в нашей стране и деятельности СМИ. В наше время многие носители просторечия имеют высшее образование [Прияткина, 2000]. При этом современное просторечие, как и просторечие предшествующих периодов, отличается наличием ряда устойчивых элементов: притяжательного местоимения *ихний*, вводного слова *видать*, глаголов *ложить, играться* и др.

В качестве метода построения моделей речевого онтогенеза в настоящем исследовании был выбран метод синтеза данных, предполагающий объединение отдельных элементов или компонентов для получения единого целого [Ritchey, 1991, с. 21]. При его применении учитывалось, что в результате синтеза создается новый научный продукт, обладающий не только целостностью, но и специфическими свойствами, которых лишены его компоненты, (эмерджентностью) и в силу этого определённой самостоятельностью по отношению к ним. В процессе научного синтеза данные, полученные в ходе экспериментального исследования, дополнялись данными речевого развития носителей русского языка, отраженными в печатных источниках (в учебной и научно-популярной литературе). В качестве таких источников использовались также научные труды, дающие представ-

CC BY

ление о речи современных носителей русского языка [Богданова-Бегларян и др., 2017; Земская, 2008; Ерофеева, 2009 и др.], о городском просторечии [Химик, 2000; Шалина, 2009; Шапошников, 2012 и др.], о русской речи русско-немецких билингвов [Anstatt, 2010; Gagarina et al., 2018 и др.].

Поскольку модель как объект, воспроизводящий свойства и характеристики оригинала, может быть представлена в разных формах [Develaki, 2016], в процессе исследования возникал и вопрос о форме представления моделей речевого онтогенеза. В настоящей работе указанные модели даны в описательном формате и обобщены в таблицах.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Модель речевого онтогенеза монолингвов, с детства владеющих литературным языком (модель 1)

Эта модель характеризует речевое развитие лиц, в семьях которых культивируется речь, соответствующая нормам литературного языка и в дальнейшем сохраняющаяся в качестве доминирующей формы существования языка на протяжении всей их жизни. Ее закреплению и совершенствованию способствует пребывание этих лиц в образовательных учреждениях: в детских садах, школах и вузах.

Дети, впитавшие литературный язык, усваивают и отдельные элементы просторечия, общаясь с его носителями. Как правило, эти элементы не замещают соответствующие элементы литературного языка. Взрослые носители русского языка иногда используют их как средство выражения экспрессии (просторечие-2 по Ф. П. Филину) [Филин, 1973]. Вместе с тем в научной литературе отмечаются и случаи перехода представителей этой группы лиц в 1990-х годах с литературного языка на просторечие. Г. П. Нещименко отмечает: «Как исследователи мы не можем игнорировать и такую современную реалию, как втягивание интеллигенции в иную социальную среду (например, ее отток из интеллектуальной сферы в мелкое предпринимательство, торговлю и пр.), где ей для коммуникативной успешности приходится не распространять литературную норму, … а приспосабливаться к узусу соответствующих корпоративных слоев, в том числе не только профессионального сленга, но и криминального жаргона» [Нещименко, 2000, с. 212—213].

Другие носители литературного языка в подобных трудовых коллективах стараются сохранить его. В связи с этим В. Е. Гольдин писал: «… отдельные языковые личности могут владеть несколькими, в том числе функционально несовместимыми вариантами русской речи, … эти варианты образуют в речевой практике языковых личностей своеобразные системы, сплавы, контаминации…» [Гольдин, 2000, с. 55].

CC BY

3.2. Модель речевого онтогенеза монолингвов, с детства использующих просторечие (модель 2)

Модель 2 характеризует речевое развитие лиц, средством общения которых в детском возрасте было просторечие.

Просторечные слова и формы могут сохраняться в речи в неизменном виде до поступления учащихся в школу, если они не посещали детский сад. В детском же саду осуществляется их целенаправленное исправление, в ходе которого некоторые элементы просторечия вытесняются в речи ребенка соответствующими элементами литературного языка. Таким образом, уже в дошкольный период наблюдается вариантность речевого онтогенеза ребенка в зависимости от того, в каких условиях осуществляется его речевое общение (в семье и в детском саду или только в семье), с кем он общается дома и в детском саду (с носителями литературного языка или просторечия).

В общеобразовательной школе преподается литературный язык, он же выступает и языком обучения — на нем преподаются все учебные предметы. Эта среда, в которой учащиеся проводят значительную часть своего времени, влияет на их речевое развитие. При этом, поступая в школу, дети изначально находятся в неравном положении. Учащиеся, с детства говорящие на литературном языке, испытывают меньше трудностей, чем учащиеся, использующие просторечие. Последние постепенно овладевают двумя языковыми кодами: дома они говорят на одной разновидности русского языка, а в школе на другой. Под влиянием школьного обучения литературному языку, постоянной работы над ошибками учащихся, которую проводят учителя не только русского языка, но и всех других предметов, а также просветительской деятельности, они овладевают литературным языком, хотя элементы просторечия и могут включаться в их речь, свидетельствуя о том, что обе подсистемы языка находятся в их сознании в тесной взаимосвязи и не всегда четко разграничиваются.

Школьное обучение следует рассматривать как особую стадию речевого онтогенеза, так как в этот период осуществляется интенсивное овладение литературным языком, причем разные группы учащихся овладевают им поразному. Те, кто с детства владел литературным языком, расширяют и углубляют свою лингвистическую компетенцию и владеют устной литературной речью на уровне автоматизма. Те, кто с детства использовал просторечие, овладевают литературным языком как вторым кодом. В их сознании литературный язык и просторечие находятся в состоянии конкуренции, и поэтому они вынуждены контролировать свою литературную речь. Если же они перестают это делать, то невольно переходят на просторечие.

Таким образом, в ходе школьного обучения не только речевое развитие детей, говоривших в детстве на литературном языке и просторе-

CC BY

чии, осуществляется по-разному, но и характер владения литературным языком тоже будет разным: Г. П. Нещименко отмечает, что следует различать действительных носителей литературного языка и пользователей литературного языка, многие из которых обладают сниженным или неустойчивым знанием литературной нормы [Нещименко, 2000, с. 211]. Действительные носители литературного языка владеют им свободно, на уровне автоматизма, тогда как пользователи литературного языка контролируют свою речь, предупреждая интерференцию просторечных слов и форм.

Социолингвистическая специфика речевого онтогенеза проявляется и в вузе. Если действительные носители литературного языка, как и в школе, не испытывают трудностей, связанных с его использованием, то пользователи литературного языка при отсутствии постоянного внешнего контроля часто утрачивают литературные нормы. Именно этой причиной были вызваны предложения русистов на рубеже XX—XXI веков ввести в качестве обязательной во всех вузах практическую дисциплину «Русский язык и культура речи», которая развивала бы лингвистическую компетенцию, формируемую в школе [Колесникова, 2010; Семенова, 2010 и др.]. Эта дисциплина и поныне преподается во многих вузах России.

Таким образом, лица, с детства использующие просторечие, в процессе школьного и вузовского обучения овладевают литературным языком. В дальнейшем их основным средством общения может стать литературный язык или просторечие в зависимости от того, необходим ли литературный язык для их профессиональной деятельности (он необходим в научных, образовательных, медицинских учреждениях, в органах власти, СМИ и т. п.). При этом в их речи могут сохраняться отдельные просторечные слова и формы.

Профессиональное сообщество в некоторых случаях терпимо относится к этим нарушениям литературной нормы, но это не относится к речи школьных учителей, вузовских преподавателей, врачей и «публичных людей» (журналистов и политиков), о чем свидетельствует специальная литература (см., например: [Горбаневский и др., 2010]). Социологические опросы показывают, что большинство граждан России считают образцовой речь школьных учителей и вузовских преподавателей, независимо от того, какой учебный предмет они преподают [Семенов и др., 2004].

Если в профессиональной деятельности выпускников образовательных учреждений, с детства использовавших просторечие, литературный язык не требуется, то они его могут утрачивать. Это связано с психолингвистическими факторами, о которых уже шла речь выше: многие из этих лиц владеют элементами просторечия на уровне навыков, а литературным

CC BY

языком — на уровне знаний: его использование требует применения правил, постоянного самоконтроля, напряжения мысли.

Изложенный выше материал позволяет построить две типовые модели речевого онтогенеза монолингвов в зависимости от того, на какой разновидности русского языка общался человек в детстве (табл. 1).

Таблица 1

Модели речевого онтогенеза носителей русского языка — монолингвов

Периоды жизни	**Дошкольный**	**Школьный**	**Вузовский**	**Период трудовой деятельности**
Модель 1. Стадии речевого онтогенеза людей, с детства говорящих на литературном языке	Овладение устной формой литературного языка. Знакомство с элементами просторечия.	Совершенствование владения устной формой литературного языка. Овладение письменной формой литературной речи. Знакомство с элементами просторечия	Совершенствование владения литературным языком. Овладение стилем литературного языка, необходимым для ведения профессиональной деятельности. Использование просторечия как средства выражения экспрессии	Использование литературного языка. В ряде случаев переход на просторечие
Модель 2. Стадии речевого онтогенеза людей, с детства использующих просторечие	Овладение просторечием. Знакомство с элементами литературного языка	Владение просторечием. Овладение устной и письменной формами литературного языка	Совершенствование владения литературным языком. Овладение стилем литературного языка, необходимым для ведения профессиональной деятельности. Избегание употребления просторечных слов и форм в речи на литературном языке	Доминирование разновидности языка, принятой в трудовом коллективе

3.3. Модель речевого онтогенеза русско-немецких билингвов, прибывших в Германию в юношеском возрасте и с детства владеющих литературным языком (модель 3)

При построении моделей речевого онтогенеза русско-немецких билингвов важно учитывать не только то, на какой разновидности русского

CC BY

языка общался человек в детстве, но и такой фактор, как возраст, в котором билингв начинает активно общаться на немецком языке [Gagarina et al., 2018]. Именно поэтому отдельно рассматривается речевой онтогенез взрослых билингвов, прибывших в Германию в юношеском возрасте, и онтогенез речи детей, привезенных в нее в раннем детстве или родившихся в Германии. Соответственно, модели речевого онтогенеза билингвов будут более разнообразными.

Модели речевого онтогенеза билингвов, прибывших в Германию в юношеском возрасте (модели 3 и 4), во многих чертах сближаются с моделями 1 и 2. Их отличия обусловлены степенью влияния немецкого языка, а также сокращением общения на русском языке.

Представители этой группы билингвов до того, как попали в иноязычное окружение, проходят стадии речевого онтогенеза, характерные для модели 1: они приобретают литературный язык в семье, совершенствуют владение им в детском саду, школе и в вузе (если обучались в вузе на русском языке). В эмиграции они стремятся сохранить литературный язык как средство семейного общения и общения в диаспоре (по нашим данным, литературный язык является средством общения в 5 из 20 семей, то есть в каждой четвертой). Как правило, переезжая в Германию, они плохо владеют немецким языком, но новые коммуникативные потребности, связанные прежде всего с их профессиональным обучением и дальнейшей профессиональной деятельностью, приводят к необходимости быстрого овладения им. Несмотря на то, что владение языками обладает индивидуальными особенностями, можно полагать, что в языковом сознании большинства русско-немецких билингвов, прибывших в Германию в юношеском возрасте и проживающих в ней от 15 до 25 лет, русский литературный и немецкий языки существуют как две относительно автономные системы. У этой группы билингвов имеют место отдельные случаи русско-немецкой и немецко-русской интерференции, но в целом они незначительны.

3.4. Модель речевого онтогенеза русско-немецких билингвов, прибывших в Германию в юношеском возрасте и с детства использующих просторечие (модель 4)

Речевое развитие этой группы лиц сближается развитием монолингвов, характерных для модели 2. Они так же с детства используют просторечие. В детском саду, школе и вузе они овладевают литературным языком и являются, с одной стороны, действительными носителями просторечия, с другой стороны, пользователями литературного языка. Однако, прибыв в Германию, они обнаруживают, что большая часть русскоязычных используют в общении между собой не литературный язык, а именно про-

сторечие. Если литературный язык в их жизни и деятельности никак не востребован, он постепенно утрачивается. Представители этой группы билингвов так же, как и представители модели 3, стремятся сохранить русский язык, но сохраняют его в форме просторечия.

Так же, как и представители модели 3, они овладевают немецким языком, при этом со временем немецкий язык становится для них доминирующим. Даже в ситуациях, когда использование русского языка осуществляется под их контролем, например, при предъявлении устного рассказа по картинкам, который записывается экспериментатором, их речь содержит отклонения от литературных норм, представляющие собой не только просторечные слова и формы, но и интерферентные явления. Приведем примеры отклонений от лексических норм в речи этой категории билингвов: *с дерева у нас упал улей на* ***пол*** (вм. *на землю*) под влиянием немецкого *Boden*, означающего и землю, и пол; *Митя обнаружил* ***ямку*** *в земле / и принялся кричать туда* (вм. *нору, норку*) под влиянием немецкого *Höhle,* означающего нору, ямку, дырку и т. д.

Таким образом, случаи утраты явлений родного языка (аттриции) в большей степени характерны для носителей русского просторечия, чем для действительных носителей литературного языка.

Представим рассмотренные модели речевого онтогенеза в табл. 2.

Таблица 2

Модели речевого онтогенеза русско-немецких билингвов, прибывших в Германию в юношеском возрасте

Периоды жизни	**Дошкольный**	**Школьный**	**Вузовский**	**Период трудовой деятельности**
Модель 3. Стадии речевого онтогенеза людей, с детства говорящих на литературном языке	Овладение устной формой литературного языка. Знакомство с элементами просторечия	Совершенствование владения устной формой литературного языка. Овладение письменной формой литературного языка. Знакомство с элементами просторечия	Совершенствование владения литературным языком. Овладение стилем литературного языка, необходимым для ведения профессиональной деятельности. Использование просторечия как средства выражения экспрессии	Овладение немецким языком. Владение немецким языком и русским литературным языком как двумя автономными системами.

Окончание табл. 2

Периоды жизни	Дошкольный	Школьный	Вузовский	Период трудовой деятельности
Модель 4. Стадии речевого онтогенеза людей, с детства использующих просторечие	Овладение просторечием. Знакомство с элементами литературного языка	Владение просторечием. Овладение устной и письменной формами литературного языка	Владение просторечием. Совершенствование владения литературным языком. Овладение стилем литературного языка, необходимым для ведения профессиональной деятельности. Избегание употребления просторечных слов и форм в речи на литературном языке	Овладение немецким языком. Владение русским просторечием и немецким языком. Пассивное владение литературным русским языком. Доминирование немецкого языка.

3.5. Модель речевого онтогенеза русско-немецких билингвов, родившихся в Германии или прибывших в нее в раннем детстве и с детства владеющих литературным языком (модель 5)

Модели речевого онтогенеза носителей русского языка, родившихся в Германии или прибывших в нее в раннем детстве, обладают спецификой, связанной с тем, что уже в дошкольном возрасте представители этой группы билингвов овладевают немецким языком. Их принято называть носителями унаследованного, или эритажного, русского языка. М. Полински и О. Каган пишут, что носители унаследованного языка (heritage speakers) — это ранние билингвы, которые овладели этим языком (L1) и языком большинства (L2) либо одновременно, либо последовательно в раннем детстве (примерно в возрасте до 5 лет), но для которых в какой-то момент L2 становится основным, доминирующим языком [Polinsky et al., 2007, с. 368]. Вместе с тем исследования показывают, что у носителей унаследованного языка также можно выделить две модели речевого онтогенеза, различающиеся отношением к нормативности их речи, — модели 5 и 6.

Уже было отмечено, что в русскоязычном эмигрантском сообществе имеются семьи, в которых культивируется литературный язык. Дети из этих семей, посещая дошкольные учреждения, одновременно усваивают и немецкий язык. В их русской и немецкой речи имеют место интерферентные явления, которые целенаправленно устраняются родителями и воспитателями немецких детских садов. Эти дети посещают русские школы,

CC BY

читают русские книги, смотрят русские фильмы, общаются с родственниками, проживающими в России.

Анализ записей интервью и рассказов по картинкам показал отсутствие в них отклонений от норм литературного языка, в том числе и вызванных влиянием немецкого языка. Можно полагать, что владение литературным языком является фактором, препятствующим межъязыковой интерференции и, соответственно, способствующим сохранению русского языка в условиях диаспоры.

3.6. Модель речевого онтогенеза русско-немецких билингвов, родившихся в Германии или прибывших в нее в раннем детстве и с детства использующих просторечие (модель 6)

Члены 15 из 20 обследованных семей русско-немецких билингвов, средством общения в которых является просторечие, также заинтересованы в сохранении русского языка, поэтому дети из этих семей посещают субботние и воскресные русские школы, а родители стремятся дома говорить с ними по-русски. Они также овладевают немецким языком в дошкольных учреждениях, а иногда общаются на нем и в семье, если один из родителей плохо владеет русским языком. Процесс утраты элементов русского языка у представителей этой группы билингвов осуществляется более интенсивно, чем у носителей литературного языка. Если у дошкольников и младших школьников он еще слабо выражен, то у старшеклассников уже более очевиден [Anstatt, 2010].

Многие отклонения от литературных норм в этой группе испытуемых совпадают с ошибками немцев, изучающих русский язык как иностранный. Приведем отдельные примеры из опубликованных работ исполнителей проекта «Русский язык в Германии: межпоколенческие изменения». В речи данной категории билингвов нередко встречаются случаи лексико-семантической интерференции. Например, слово *банка* заменяется словами *стекло, стакан, бутылка*: *лягушку он положил в* ***стакан***; *собачка и мальчик встали / смотрят в* ***бутылку***; *из* ***стекла*** *ночью / когда мальчик и собака заснул / лягушка выпалзывает*. Эти замены обусловлены влиянием немецкого слова *Glas*, означающего и стекло, и стакан, и стеклянную банку [Коврижкина, 2023, с. 286]. В сложных предложениях встречаются замены временного союза *когда* союзом *как*: ***как*** *лежит в кровати / на нем лежит собачка его*; ***как*** *он смотрит туда / где лягушка была / и заметил / что ее больше нет //* (БД-12), вызванные влиянием немецкого союза *als*, аналога союза *когда (в то время как)*, который употребляется и в значении *как (в качестве)* [Цховребов, 2023, с. 298]. Имеют место случаи постановки сказуемого на последнее место в предложении под влиянием немецких рамочных конструкций и т. д.

CC BY

Представим модели 5 и 6 (табл. 3).

Таблица 3

Модели речевого онтогенеза русско-немецких билингвов, родившихся в Германии или прибывших в нее в раннем детстве

Периоды жизни	**Дошкольный**	**Школьный**	**Вузовский**	**Период трудовой деятельности**
Модель 5. Стадии речевого онтогенеза людей, с детства говорящих на литературном языке	Овладение устной формой русского литературного языка. Знакомство с элементами просторечия. Овладение немецким языком	Совершенствование владения устной формой русского литературного языка. Овладение письменной формой русского литературного языка. Совершенствование владения немецким языком	Владение немецким и литературным русским языком как относительно автономными языковыми системами	Использование немецкого языка в трудовом коллективе и литературного русского языка в семье и в общении в диаспоре
Модель 6. Стадии речевого онтогенеза людей, с детства использующих просторечие	Овладение русским просторечием. Овладение немецким языком	Владение просторечием. Овладение устной и письменной формами русского литературного языка. Совершенствование владения немецким языком	Владение немецким языком и русским просторечием. Влияние немецкого языка на русский	Использование немецкого языка в трудовом коллективе и русского просторечия в семье и в общении в диаспоре

4. Заключение = Conclusions

В настоящей работе представлены модели речевого онтогенеза носителей русского языка: русских монолингвов и проживающих в Германии русско-немецких билингвов. Основные выводы состоят в следующем:

1. Процесс речевого онтогенеза протекает у носителей русского языка по-разному в зависимости от того, осуществляется он в России или в Германии. В зарубежных странах на речевое развитие русскоязычных оказывает влияние язык большинства, и со временем он часто становится доминирующим.

2. При наличии общих психофизиологических закономерностей речевое развитие осуществляется по-разному в зависимости от того, какая разновидность русского языка используется как средство семейного общения: литературный язык или просторечие. Эта закономерность проявляется в речи как монолингвов, так и билингвов.

3. Речевой онтогенез билингвов зависит от того, в каком возрасте они начинают использовать немецкий язык как средство общения. Овладевающие этим языком в дошкольном возрасте становятся его действительными носителями, а овладевающие в юношеском и более старшем возрасте, как правило, пользователями немецкого языка. Это и объясняет большее количество отклонений от литературных норм в русской речи детей-билингвов по сравнению с речью их родителей: ошибки возникают под влиянием немецкого языка.

4. Владение литературными нормами препятствует утрате элементов русского языка, выступает как значимый фактор его сохранения за рубежом. Это положение значимо не только для понимания процессов билингвизма, но и для обучения русскому языку в зарубежных школах.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Литература

1. *Браудо Т. Е.* Онтогенез речевого развития / Т. Е. Браудо, М. Ю. Бобылова, М. В. Казакова // Русский журнал детской неврологии. — 2017. — Том 12, № 1. — С. 41—46. — DOI: 10.17650/2073-8803-2017-12-1-41-46.

2. *Войлова К. А.* Судьба просторечия в русском языке : автореферат диссертация … доктора филологических наук / К. А. Войлова. — Москва : Изд-во Московского педагогического университета, 2000. — 40 с.

3. *Гольдин В. Е.* Внутренняя типология русской речи и строение русистики / В. Е. Гольдин // Русский язык сегодня. — Москва : Азбуковник, 2000. — Выпуск 1. — С. 53—65. — ISBN 5-937860-02-0.

4. *Горбаневский М. В.* Не говори шершавым языком : о нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ / М. В. Горбаневский, Ю. Н. Караулов, В. М. Шаклеин. — Москва : Изд-во РУДН, 2010. — 300 с. — ISBN 978-5-209-03219-9.

5. *Елисеева М. Б.* Речевой онтогенез: взгляд лингвиста / М. Б. Елисеева // Логопед. — 2005. — № 4. — С. 18—28.

6. *Ерофеева Т. И.* Социолект: стратификационное исследование / Т. И. Ерофеева. — Пермь : Пермский государственный университет, 2009. — 239 с. — ISBN 978-5-7944-1307-6.

7. *Земская Е. А.* Активные процессы в языке русского зарубежья // Современный русский язык : активные процессы на рубеже XX—XXI веков. — Москва : Языки славянских культур, 2008. — С. 613—669. — ISBN 5-9551-0216-7.

8. *Капанадзе Л. А.* Современное городское просторечие и литературный язык / Л. А. Капанадзе // Городское просторечие: проблемы изучения : сборник научных трудов / под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева. — Москва : Наука, 1984. — С. 5—12.

9. *Коврижкина Д. Г.* Лексические особенности русской речи билингвов в Германии и монолингвов в России: экспериментальное исследование / Д. Г. Коврижкина, Л. В. Московкин // Русистика. — 2023. — Том 21, № 3. — С. 293—305. — DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-3-278-292.

CC BY

10. *Колесникова Н. И.* Преподавание речеведческих дисциплин в нефилологическом вузе / Н. И. Колесникова // Высшее образование в России. — 2010. — № 12. — С. 119—127.

11. *Корпус* русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД): текущее состояние и перспективы / Н. В. Богданова-Бегларян, О. В. Блинова, Г. Я. Мартыненко, Т. Ю. Шерстинова // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2019. — № 21. — С. 100—110.

12. *Крысин Л. П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин. — Москва : Наука, 1989. — 188 с. — ISBN 5-02-010915-0.

13. *Нещименко Г. П.* К проблеме функциональной дифференциации этнического языка / Г. П. Нещименко // Русский язык сегодня : сборник статей. — Москва : Азбуковник, 2000. — Выпуск 1. — С. 208–220. — ISBN 5-937860-02-0.

14. *Основы* теории речевой деятельности / ред. А. А. Леонтьев. — Москва : Наука, 1974. — 368 с.

15. *Петрова А. А.* Развитие речи в онтогенезе: проблемы моделирования / А. А. Петрова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. — 2009. — № 1 (9). — С. 112—117.

16. *Прияткина А. Ф.* Просторечные новообразования: их основа и судьба / А. Ф. Прияткина // Русский язык сегодня: сборник статей. — Москва : Азбуковник, 2000. — Выпуск 1. — С. 231—239. — ISBN 5-937860-02-0.

17. *Русский* язык повседневного общения: грамматический аспект / Н. В. Богданова-Бегларян, О. В. Блинова, Г. Я. Мартыненко, Т. Ю. Шерстинова // Социо- и психолингвистические исследования. — 2017. — № 5. — С. 19—25.

18. *Семенов В. Е.* Русская речь в современной России: тенденции развития по результатам социологического исследования / В. Е. Семенов, Е. Е. Юрков. — Санкт-Петербург : Политехника, 2004. — 45 с. — ISBN 5-7325-0635-7.

19. *Семенова М. А.* Об особенностях преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи» в техническом вузе / М. А. Семенова // Известия ВолГТУ. — 2010. — Том 9, № 8. — С. 146—149.

20. *Филин Ф. П.* О структуре современного русского литературного языка / Ф. П. Филин // Вопросы языкознания. — 1973. — № 2. — С. 3—12.

21. *Химик В. В.* Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен / В. В. Химик. — Санкт-Петербург : Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. — 272 с. — ISBN 5-8465-0003-X.

22. *Цейтлин С. Н.* Онтолингвистика в пути / С. Н. Цейтлин // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2018. — № 189. — С. 12—22.

23. *Цейтлин С. Н.* Язык и ребенок : освоение ребенком родного языка / С. Н. Цейтлин. — Москва : ВЛАДОС, 2017. — 240 с. — ISBN 978-5-9500675-3-2.

24. *Цховребов А. С.* Сложное предложение в русской речи билингвов и монолингвов: анализ отклонений от нормы / А. С. Цховребов, Г. Н. Шамонина // Русистика. — 2023. — Том 21, № 3. — С. 293—305. — DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-3-293-305.

25. *Шалина И. В.* Уральское городское просторечие: культурные сценарии / И. В. Шалина. — Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2009. — 444 с. — ISBN 978-5-7996-0460-8.

26. *Шапошников В. Н.* Просторечие в системе русского языка на современном этапе / В. Н. Шапошников. — Москва : Либроком, 2012. — 176 с. — ISBN 978-5-397-02460-0.

27. *Anstatt T.* Kognitive Strategien Zweisprachiger: Lösungen lexikalischer Probleme im Russischen bilingualer Kinder und Jugendlicher / T. Anstatt // Die slavischen Sprachen im Licht der kognitiven Linguistik. — Wiesbaden : Harrassowitz, 2010. — P. 217—239.

28. *Anstatt T.* Russisch in der zweiten Generation: Zur Sprachsituation von Jugendlichen aus russischsprachigen Familien in Deutschland / T. Anstatt // Sprache und Integration. Über Mehrsprachigkeit und Migration / L. M. Eichinger, F. Plewnia, M. Steinle. (eds.). — Tübingen : Narr Verlag, 2011. — P. 101—128. — ISBN 139783823366324.

29. *Brehmer B.* Lost in transmission? Family language input and its role for the development of Russian as a heritage language in Germany / B. Brehmer, T. Kurbangulova // Integration, Identity and Language Maintenance in Young Immigrants: Russian Germans or German Russians / L. Isurin, C. M. Riehl (eds.). — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2017. — P. 225—268. — DOI: 10.1075/impact.44.08bre.

30. *Develaki M.* Key-Aspects of Scientific Modeling Exemplified by School Science Models: Some Units for Teaching Contextualized Scientific / M. Develaki // Interchange. — 2016. — Vol. 47. — P. 297—327. — DOI: 10.1007/s10780-016-9277-7.

31. *Gagarina N.* Input dominance and development of home language in Russian-German bilinguals / N. Gagarina, A. Klassert // Frontiers in Communication. — 2018. — No. 3:40. — P. 1—14. — DOI: 10.3389/fcomm.2018.00040.

32. *Mayer M.* Frog, Where Are You? / M. Mayer. — New York : Penguin Young Readers Group, 1969. — 32 p.

33. *Polinsky M.* Heritage Languages and their Speakers / M. Polinsky. — Cambridge : Cambridge University Press, 2018. — 410 p. — ISBN 9781107252349.

34. *Polinsky M.* Heritage Languages: In the 'Wild' and in the Classroom / M. Polinsky, O. Kagan // Language and Linguistics Compass. — 2007. — No. 1 (5). — P. 368—395. — DOI: 10.1111/j.1749-818X.2007.00022.x.

35. *Ritchey T.* Analysis and synthesis: On scientific method — based on a study by Bernhard Riemann / T. Ritchey // Systems Research. — 1991. — Vol. 8, № 4. — P. 21—41. — DOI: 10.1002/SRES.3850080402.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023,
одобрена после рецензирования 11.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

References

Anstatt, T. (2010). Cognitive strategies of bilinguals: Solutions to lexical problems in the Russian of bilingual children and adolescents. In: *The Slavic languages in the light of cognitive linguistics*. Wiesbaden: Harrassowitz. 217—239. (In Germ.).

Anstatt, T. (2011). Russian in the second generation: On the language situation of young people from Russian-speaking families in Germany. In: Eichinger, L. M., Plewnia, F., Steinle, M. (eds.). *Language and integration. On multilingualism and migration*. Tübingen: Narr Verlag. 101—128. ISBN 139783823366324. (In Germ.).

Bogdanova-Beglaryan, N. V., Blinova, O. V., Martynenko, G. Ya., Sherstinova, T. Yu. (2017). Russian language of everyday communication: grammatical aspect. *Socio- and psycholinguistic studies, 5:* 19—25. (In Russ.).

Bogdanova-Beglaryan, N. V., Blinova, O. V., Martynenko, G. Ya., Sherstinova, T. Yu. (2019). Corpus of the Russian language of everyday communication "One speech day"

(ORD): current state and prospects. *Proceedings of the Russian Language Institute them. V. V. Vinogradova, 21:* 100—110. (In Russ.).

Braudo, T. E., Bobylova, M. Yu., Kazakova, M. V. (2017). Ontogenesis of speech development. *Russian Journal of Child Neurology, 12 (1):* 41—46. DOI: 10.17650/2073-8803-2017-12-1-41-46. (In Russ.).

Brehmer, B., Kurbangulova, T. (2017). Lost in transmission? Family language input and its role for the development of Russian as a heritage language in Germany. In: Isurin, L., Riehl, C. M. (eds.). *Integration, Identity and Language Maintenance in Young Immigrants: Russian Germans or German Russians*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 225—268. DOI: 10.1075/impact.44.08bre.

Chemist, V. V. (2000). *Poetics of the low, or vernacular as a cultural phenomenon*. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University. 272 p. ISBN 5-8465-0003-X. (In Russ.).

Develaki, M. (2016). Key-Aspects of Scientific Modeling Exemplified by School Science Models: Some Units for Teaching Contextualized Scientific. *Interchange, 47:* 297—327. DOI: 10.1007/s10780-016-9277-7.

Eliseeva, M. B. (2005). Speech ontogenesis: a linguist's view. *Speech therapist, 4:* 18—28. (In Russ.).

Erofeeva, T. I. (2009). *Sociolect: stratification study*. Perm: Perm State University. 239 p. ISBN 978-5-7944-1307-6. (In Russ.).

Filin, F. P. (1973). On the structure of the modern Russian literary language. *Questions of linguistics, 2:* 3—12. (In Russ.).

Gagarina, N., Klassert, A. (2018). Input dominance and development of home language in Russian-German bilinguals. *Frontiers in Communication, 3:* 1—14. DOI: 10.3389/fcomm.2018.00040.

Goldin, V. E. (2000). Internal typology of Russian speech and the structure of Russian studies. In: *Russian language today, 1*. Moscow: Azbukovnik. 53—65. ISBN 5-937860-02-0. (In Russ.).

Gorbanevsky, M. V., Karaulov, Yu. N., Shaklein, V. M. (2010). *Don't speak in rough language: about violations of the norms of literary speech in electronic and print media*. Moscow: RUDN Publishing House. 300 p. ISBN 978-5-209-03219-9. (In Russ.).

Kapanadze, L. A. (1984). Modern urban vernacular and literary language. In: Zemskoy, E. A., Shmeleva, D. N. *Urban vernacular: problems of study: collection of scientific works.* Moscow: Science. 5—12. (In Russ.).

Kolesnikova, N. I. (2010). Teaching speech science disciplines at a non-philological university. *Higher education in Russia, 12:* 119—127. (In Russ.).

Kovrizhkina, D. G., Moskovkin, L. V. (2023). Lexical features of Russian speech of bilinguals in Germany and monolinguals in Russia: experimental study. *Russian Studies, 21(3):* 293—305. DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-3-278-292. (In Russ.).

Krysin, L. P. (1989). *Sociolinguistic aspects of studying the modern Russian language*. Moscow: Nauka. 188 p. ISBN 5-02-010915-0. (In Russ.).

Leontyev, A. A. (ed.). (1974). *Fundamentals of the theory of speech activity*. Moscow: Nauka. 368 p. (In Russ.).

Mayer, M. (1969). *Frog, Where Are You?* New York: Penguin Young Readers Group. 32 p.

Neshchimenko, G. P. (2000). On the problem of functional differentiation of the ethnic language. In: *Russian language today*: collection of articles, *1.* Moscow: Azbukovnik. 208—220. ISBN 5-937860-02-0. (In Russ.).

Petrova, A. A. (2009). Development of speech in ontogenesis: problems of modeling. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics, 1 (9):* 112—117. (In Russ.).

Polinsky, M. (2018). *Heritage Languages and their Speakers*. Cambridge : Cambridge University Press. 410 p. ISBN 9781107252349.

Polinsky, M., Kagan, O. (2007). Heritage Languages: In the 'Wild' and in the Classroom. *Language and Linguistics Compass, 1 (5):* 368—395. DOI: 10.1111/j.1749-818X.2007.00022.x.

Priyatkina, A. F. (2000).Vernacular neoplasms: their basis and fate. *Russian language today: collection of articles, 1.* Moscow: Azbukovnik. 231—239. ISBN 5-937860-02-0. (In Russ.).

Ritchey, T. (1991). Analysis and synthesis: On scientific method — based on a study by Bernhard Riemann. *Systems Research, 8(4):* 21—41. DOI: 10.1002/SRES.3850080402.

Semenov, V. E., Yurkov, E. E. (2004). *Russian speech in modern Russia: development trends based on the results of sociological research*. St. Petersburg: Polytechnic. 45 p. ISBN 5-7325-0635-7. (In Russ.).

Semenova, M. A. (2010). On the features of teaching the discipline "Russian language and culture of speech" at a technical university. *News of VolSTU, 9 (8):* 146—149. (In Russ.).

Shalina, I. V. (2009). *Ural urban vernacular: cultural scenarios*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 444 p. ISBN 978-5-7996-0460-8. (In Russ.).

Shaposhnikov, V. N. (2012). *Vernacular speech in the Russian language system at the present stage*. Moscow: Librocom. 176 p. ISBN 978-5-397-02460-0. (In Russ.).

Tseitlin, S. N. (2017). *Language and the child: a child's mastery of his native language*. Moscow: VLADOS. 240 p. ISBN 978-5-9500675-3-2. (In Russ.).

Tseitlin, S. N. (2018). Ontolinguistics on the way. *News of the Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen, 189:* 12—22. (In Russ.).

Tskhovrebov, A. S., Shamonina, G. N. (2023). Complex sentence in Russian speech of bilinguals and monolinguals: analysis of deviations from the norm. *Russian Studies, 21 (3):* 293—305. DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-3-293-305. (In Russ.).

Voilova, K. A. *The fate of common speech in the Russian language:* author's abstract of Doct Diss. Moscow: Publishing house of Moscow Pedagogical University, 2000. 40 p. (In Russ.).

Zemskaya, E. A. (2008). Active processes in the language of Russian abroad. In: *Modern Russian language: active processes at the turn of the 20th—21st centuries*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 613—669. ISBN 5-9551-0216-7. (In Russ.).

The article was submitted 10.11.2023;
approved after reviewing 11.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Онуфриева Е. С. Новогреческие конструкции с глаголом позиции *κάθομαι* / Е. С. Онуфриева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 104—122. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-104-122.

Onufrieva, E. S. (2023). Modern Greek Constructions with Position Verb κάθομαι. *Nauchnyi dialog, 12* (10): 104-122. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-104-122. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-104-122

Новогреческие конструкции с глаголом позиции κάθομαι

Онуфриева Елизавета Сергеевна
orcid.org/0000-0003-3395-4516
кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры византийской и новогреческой филологии
lisa.onufrieva@gmail.com

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Modern Greek Constructions with Position Verb κάθομαι

Elizaveta S. Onufrieva
orcid.org/0000-0003-3395-4516
PhD in Philology, lecturer,
Department of Byzantine and Modern Greek Studies
lisa.onufrieva@gmail.com

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)

© Онуфриева Е. С., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу функционирования новогреческого глагола *κάθομαι* ‘сидеть’ в аспекте его взаимодействия с его лексическим и синтаксическим окружением. Актуальность работы обусловлена малоисследованностью системы позиционных глаголов новогреческого языка и путей их грамматикализации. Исследование проводится с использованием корпусного и лексикографического методов на материале данных двух корпусов текстов — Национального корпуса греческого языка и корпуса elTenTen19 — и основных словарей новогреческого языка. Анализируется спектр значений глагола *κάθομαι* и характеризуются конструкции, в которых эти значения проявляются. Отдельно проводится корпусный анализ конструкции *Τι κάθεσαι και Χ*. Показано, что новогреческий глагол *κάθομαι* представляет собой слабосемантизированную лексическую единицу, значение которой определяется ее окружением. В составе конструкции *Τι κάθεσαι και Χ*, выражающей негативную оценку действия или состояния Х, глагол *κάθομαι* утрачивает свое значение специфической позы человека, однако в зависимости от лексического наполнения слота способен в рамках одной и той же конструкции демонстрировать разнообразные нелокативные значения. Взаимодействие глагола *κάθομαι* как составного элемента конструкции и лексического наполнения слота конструкции позволяет рассматриваемому глаголу проявлять свою полисемию.

Ключевые слова:
глаголы позиции; глагол *κάθομαι*; конструкции; грамматикализация; новогреческий язык.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article analyzes the functioning of the Modern Greek verb *κάθομαι* ‘to sit’ in relation to its lexical and syntactic environment. The study is motivated by the under-researched system of position verbs in Modern Greek and their grammaticalization. Corpus and lexicographic methods are used, drawing on data from the National Corpus of Greek and the elTenTen19 corpus, as well as major Modern Greek dictionaries. The spectrum of meanings of *κάθομαι* is analyzed, along with the constructions in which these meanings are manifested. A corpus analysis of the construction *Τι κάθεσαι και Χ* is separately conducted. The study shows that *κάθομαι* is a weakly semantically-specified lexical unit whose meaning is determined by its context. In the construction *Τι κάθεσαι και Χ,* which expresses a negative evaluation of an action or state X, the verb *κάθομαι* loses its meaning of a specific human posture. However, depending on the lexical content of the construction slot, it is capable of demonstrating various non-locative meanings within the same construction. The interaction between *κάθομαι* as a constituent element of the construction and the lexical content of the slot allows this verb to exhibit its polysemy.

Key words:
Position verbs; verb *κάθομαι*; constructions; grammaticalization; Modern Greek language.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81’373.7+811.142

Научная специальность ВАК
5.9.6. Языки народов зарубежных стран

Новогреческие конструкции с глаголом позиции *κάθομαι*

© Онуфриева Е. С., 2023

1. Введение = Introduction

Глаголы позиции, такие как греч. *κάθομαι* ‘сидеть’ (здесь и далее перевод выполнен автором статьи, за исключением особо оговоренных случаев), *στέκομαι* ‘стоять’, описывающие тип положения субъекта в пространстве, принадлежат, наряду с глаголами движения, к числу частых источников грамматикализации и конструкционализации в разных языках мира (об этом см., например, [Bybee et al., 1994, с. 127—131; Kuteva, 1999; Kuteva, 2001; The Linguistics of Sitting …, 2002; World Lexicon …, 2019, с. 257—258, 404—406, 409—412; Дмитренко и др., 2013; Майсак, 2005]).

Среди возможных причин частой эволюции основных глаголов позиции в вспомогательные единицы с грамматикализованным значением (например, в маркеры прогрессива, дуратива и континуатива) исследователи называют необходимость заполнения функциональной лакуны в системе видовременных форм глагола конкретного языка [Hewson et al., 1997, с. 340—341], базовость глаголов позиции и высокую частоту их использования, в том числе для характеристики местонахождения неодушевленных объектов в языках с классифицирующей тенденцией [Kuteva, 2001, с. 44], специфику исходного, широкого значения этих глаголов [Bybee et al., 1994, с. 130], а также обслуживающий характер описываемых ими ситуаций [Дмитренко и др., 2013, с. 159].

С. Ю. Дмитренко и В. С. Храковский отмечают: «Главная особенность ситуаций лежания, сидения и стояния состоит в том, что они почти никогда не являются самоцелью. Мы довольно редко лежим, для того чтобы лежать, еще реже сидим, для того чтобы сидеть, и уж совсем редко стоим, для того чтобы стоять» [Дмитренко и др., 2013, с. 159]. Вследствие этого «ситуации лежания, сидения и стояния, грубо говоря, можно назвать обслуживающими ситуациями, то есть выполняющими служебную роль. Отсюда прямой путь к грамматикализации глаголов пространственных положений, то есть к утрате лексемами своего лексического значения и к их превращению в показатели определенных грамматических значений, что и наблюдается в самых различных языках, в том числе и в русском», где су-

CC BY

ществуют, например, такие конструкции, как *Студенты стоят и думают, Книга лежит и пылится, Что же ты сидел молчал* и т. п. [Там же].

Помимо основных положений в пространстве — *сидеть, лежать, стоять*, также *висеть*, — класс позиционных глаголов включает и другие единицы. В фундаментальной семантической классификации предикатов, предложенной Ю. Д. Апресяном, общей для этого класса является идея контакта между рабочей частью агенса или пациенса (например, *опираться локтем*) и опорой *(опираться на перила)* [Апресян, 2006, с. 87, 95]. Актуальными для глаголов позиции являются аспектуально-каузативные значения нахождения в состоянии *(сидеть)*, вхождения в состояние *(садиться)* и каузации вхождения в состояние *(посадить)* [Апресян, 2006, с. 87—88; Майсак, 2005, с. 121; Talmy, 1985, с. 85]. В некоторых случаях все три перечисленных значения могут выражаться в языке одной и той же формой глагола в разном синтаксическом окружении (ср. английское *sit*).

В новогреческом языке к глаголам позиции, помимо уже упоминавшихся выше *κάθομαι* ‘сидеть’, *στέκομαι* ‘стоять’ и редко используемого *κείτομαι* ‘лежать’, относятся также *κρέμομαι* ‘висеть’, *στηρίζομαι* ‘опираться’, *ακουμπώ* ‘касаться; опираться, облокачиваться’, *σηκώνομαι* ‘вставать, подниматься’, *ορθοστατώ* ‘стоять прямо’, *ξαπλώνω* ‘ложиться’, *πλαγιάζω* ‘укладываться’, *καβαλώ* и *καβαλικεύω* ‘сидеть верхом’, *γονατίζω* и *γονυπετώ* ‘вставать на колени’, *θρονιάζομαι* ‘восседать’, *στρογγυλοκάθομαι* ‘сидеть раскинувшись’ и др.

Не все глаголы позиции в равной степени подвержены грамматикализации. Дж. Байби и ее коллеги отмечают, что слова, входящие в состав грамматических конструкций, всегда относятся к числу наиболее частотных единиц языка и обладают максимально широким значением: «Лексические единицы, подходящие для грамматических конструкций, — это скорее *идти* и *приходить*, чем более специфичные и менее частотные *плыть* или *выходить*; скорее *иметь* или *получать*, чем *покупать* или *воровать*» [Bybee et al., 1994, с. 130].

Описанию новогреческих глаголов позиции на данный момент посвящены немногочисленные работы. Среди них можно выделить работы Э. Антонопулу [Antonopoulou, 1987], С. Свору [Svorou, 2018], К. Бонно и С. Василаки [Bonnot et al., 2021], Т. С. Борисовой и Л. В. Табаченко [Борисова и др., 2022]. Отдельные упоминания о возможности функционирования новогреческих глаголов позиции в качестве вспомогательных содержатся в работах М. Сетатоса [Σετάτος, 1994, с. 431, 438].

Данная статья посвящена анализу специфики функционирования новогреческого глагола *κάθομαι* ‘сидеть’ в аспекте взаимодействия с его лексическим и синтаксическим окружением. Глагол *κάθομαι* является одним из

CC BY

базовых глаголов позиции в современном греческом языке и обладает широким спектром значений, некоторые из которых можно, по всей видимости, признать лингвоспецифичными. В качестве составного элемента *κάθομαι* участвует в образовании разнообразных конструкций, описание которых является особенно актуальным ввиду малоисследованности системы позиционных глаголов новогреческого языка и путей их грамматикализации.

Новизна данной статьи видится в том, что в ней значения новогреческого глагола позиции *κάθομαι* впервые исследуются в прямой связи с его лексическим и синтаксическим окружением. На примере конструкции *Τι κάθεσαι και X* показано, что глагол *κάθομαι* способен в рамках одной и той же конструкции проявлять полисемию, взаимодействуя с лексическим наполнением слота.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель данной статьи — исследовать спектр значений глагола *κάθομαι* ‘сидеть’ и особенности его функционирования в составе различных конструкций новогреческого языка.

Задачи исследования:

— проанализировать значения глагола *κάθομαι*;

— определить, как значения глагола *κάθομαι* соотносятся с его синтаксическим и лексическим окружением, и охарактеризовать основные конструкции с этим глаголом;

— проанализировать конструкцию *Τι κάθεσαι και X* (букв. ‘что ты сидишь и X’), представляющую собой частную реализацию синтаксического паттерна *κάθομαι + και + X* ‘сидеть + и + X’: изучить семантику этой конструкции и семантический вклад глагола *κάθομαι* в значение конструкции, определить степень грамматикализации *κάθομαι* в составе конструкции, набор актантов, заполняющих слот конструкции, и специфику взаимодействия *κάθομαι* как с актантами, заполняющими слот, так и со всей конструкцией в целом.

Исследование проводится с привлечением корпусного и лексикографического методов. Используется материал двух корпусов текстов: крупнейшего на текущий момент веб-корпуса новогреческого языка elTenTen19 (Corpus of the Greek Web) общим объемом 2,3 млрд слов, доступного на платформе sketchengine.co.uk, и Национального корпуса греческого языка (ΕΘΕΓ) общим объемом 96,5 млн слов. Также привлекаются данные основных общеязыковых словарей: Словаря новогреческого языка Афинской академии под редакцией Х. Хараламбакиса [ΧΛΝΓ, 2014], Словаря стандартного новогреческого языка Института новогреческих исследований Университета имени Аристотеля в Салониках (т. н. «Словарь Триандафил-

CC BY

лидиса») [ΛΚΝ] и Словаря новогреческого языка Г. Бабиньотиса [Μπαμπινιώτης, 2005].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Глагол *κάθομαι* и спектр его значений в новогреческом языке

Количество значений, закрепляемых за глаголом *κάθομαι* в трех основных словарях новогреческого языка [ΧΛΝΓ, 2014, с. 740; ΛΚΝ; Μπαμπινιώτης, 2005, с. 804—805], варьируется от пяти до девятнадцати.

Число значений, закрепляемых разными словарями за глаголом *κάθομαι*, коррелирует со степенью аналитичности толкования каждого из возможных употреблений этого глагола. Так, в словаре Г. Бабиньотиса статическая и динамическая интерпретации глагола *κάθομαι* — ‘сидеть’ и ‘садиться’ — разграничены и приведены как разные значения, в то время как в словаре Афинской академии они объединены в одно значение. Число основных значений *κάθομαι* также коррелирует с числом идиоматичных употреблений этого глагола, вынесенных в «заромбовую» часть словарной статьи в качестве устойчивых выражений с пометами *φρ.* ‘фраза’ или *έκφρ.* ‘выражение’. Так, значение ‘уступать, поддаваться чьим-либо ухаживаниям’, выделяемое в словаре Г. Бабиньотиса в качестве основного (девятнадцатого), в словаре Афинской академии вынесено в «заромбовую» часть словарной статьи как фразеологизм *του κάθισε*.

Приведем перечень значений глагола *κάθομαι*, указанных в Словаре Афинской академии [ΧΛΝΓ, 2014, с. 740]:

1. придавать своему телу такое положение, чтобы его вес поддерживался ягодицами, обычно при корпусе, перпендикулярном бедрам;
2. стоять;
3. (разг.) проживать, жить;
4. (разг.) находиться в определенном состоянии;
5. (разг.) мириться с чем-либо;
6. (разг.) бездействовать, бездельничать.

В своем прямом значении — собственно ‘сидеть’ или ‘садиться’ — глагол *κάθομαι* используется главным образом в отношении человека и антропоморфных существ, обладающих такими специфическими частями тела, как ягодицы и бедра.

(1) *Παίρνω την κούπα με τον καφέ και* ***κάθομαι*** *στον καναπέ.*[1]
‘Я беру кружку с кофе и **сажусь** на диван’.

(2) *Δίπλα του στο αυτοκίνητο,* ***καθόταν*** *η 19χρονη φίλη του Σάρα.*
‘Рядом с ним в машине **сидела** его 19-летняя подруга Сара’.

1 В примерах (1)—(15), (17) использованы контексты из Национального корпуса греческого языка (ΕΘΕΓ). В примере (16) используется контекст из корпуса elTenTen19.

CC BY

Ключевой для первого значения глагола *κάθομαι* является валентность опоры. Если валентность опоры не выражена (например, словами *στον καναπέ* ‘на диване’, *στην καρέκλα* ‘на стуле’, *στην πολυθρόνα* ‘на кресле’ и пр.), а актант, заполняющий валентность места, не предполагает пребывания субъекта только в положении сидя (как в случае с *στο αυτοκίνητο* ‘в машине’), точное значение новогреческого *κάθομαι* — слабосемантизированного глагола, нуждающегося в поддержке контекста, — часто сложно и даже невозможно с точностью интерпретировать. Нередко значение *κάθομαι* можно толковать и как ‘сидеть’, и как ‘стоять’, и как ‘находиться в неконкретизированной позиции’.

Как показывает анализ контекстов Национального корпуса новогреческого языка, *κάθομαι* может также использоваться для описания положения в пространстве птиц (например, *καρακάξα* ‘сорока’, *κουρούνα* ‘ворона’, *περιστέρι* ‘голубь’, *κουκουβάγια* ‘сова’), насекомых (*μύγα* ‘муха’, *τσιμπούρι* ‘клещ’, *μέλισσα* ‘пчела’), рептилий (*σαύρα* ‘ящерица’) и млекопитающих (*γάτα* ‘кошка’, *σκύλος* ‘собака’, *αρκούδα* ‘медведь’):

(3) *Απέναντι, μία καρακάξα* ***κάθεται*** *στην κορυφή του κυπαρισσιού και προσεκτικά παρατηρεί την πρωινή κίνηση.*

‘Напротив на вершине кипариса **сидит** сорока и внимательно следит за утренним движением’.

(4) *Έχει και μια αρκούδα, είναι αποκαμωμένη από τη ζέστη και* ***κάθεται*** *κάτω από μία μουριά, δίχως την αλυσίδα της.*

‘А еще у него есть медведь, который устал от жары и **сидит** под шелковицей без своей цепи’.

Если для такого животного, как *αρκούδα* ‘медведь’, семантический компонент специфической позы актуален, — это животное может как сидеть, так и лежать или стоять, — то в случае с птицами, насекомыми и рептилиями *κάθομαι* указывает уже не на специфическое положение корпуса агенса как одну из доступных альтернатив в ряду «горизонтальное положение корпуса» — «горизонтально-вертикальное» — «вертикальное», а на пребывание агенса в какой-либо локации в контакте с какой-либо опорой в неподвижном или малоподвижном состоянии либо на вхождение в указанное состояние, прекращение движения.

Понять, что глагол *κάθομαι* обозначает именно специфическую позу в случае с людьми и некоторыми высокоорганизованными животными, помогает не только выраженная валентность опоры, но и выраженная валентность рабочей части (*ο σκύλος κάθεται στα πισινά του πόδια* ‘собака сидит *на задних лапах*’), хотя возможности реализации последней во многом ограничены из-за немногочисленности релевантных актантов.

Для описания положения в пространстве неодушевленных объектов в новогреческом языке, который можно охарактеризовать как язык с уни-

CC BY

версальной, а не классифицирующей тенденцией, нормативно используется основной локативный предикат *είμαι* ‘быть’. В то же время отдельные случаи использования глагола *κάθομαι* с обозначениями неодушевленных объектов также встречаются в корпусе:

(5) *Πιστεύουν ότι αν το γιαούρτι* ***κάθεται*** *δίπλα του παστουρμά πάνε περίπατο οι Δέκα Εντολές.*

‘Они считают, что, если йогурт **находится** (букв. ‘сидит’) рядом с бастурмой, то десять заповедей безвозвратно нарушены’.

Контексты, в которых с помощью *κάθομαι* описывается положение неодушевленного объекта в пространстве без какого-либо указания на опору, как в примере (5), в корпусе единичны. Чаще *κάθομαι* указывает на плотный контакт двух объектов и нахождение одного объекта непосредственно на другом, служащем ему опорой или каркасом: *το λάστιχο κάθεται πάνω στη ζάντα* ‘шина сидит на диске’, *το καλούπι κάθεται πάνω στην σιδηροκατασκευή* ‘форма для отливки сидит на железной конструкции’. Идея плотного контакта неодушевленного объекта с его окружением проявляется и в таком идиоматичном использовании глагола *κάθομαι*, как ‘застревать’: *το χάπι μου έκατσε στο λαιμό* ‘таблетка застряла (букв. ‘села’) у меня в горле’, *το πρωινό του έκατσε στο στομάχι* ‘завтрак встал у него поперек желудка (букв. ‘сел у него в желудке’)’, *η ιδέα έκατσε στη σκέψη του* ‘идея засела в его мыслях’ или *το καΐκι έκατσε στην άμμο* ‘лодочка застряла (букв. ‘села’) в песке’.

В некоторых случаях *κάθομαι* транслирует идею движения неодушевленного объекта сверху вниз по направлению к какой-либо опоре: ‘оседать, опускаться, покрывая собой какую-либо поверхность’ (*η λάσπη κάθεται στον πυθμένα της θάλασσας* ‘грязь оседает на дне моря’, *η σκόνη κάθεται σε κάθε επιφάνεια* ‘пыль оседает на всех поверхностях’) и ‘проседать’ (*κάθισε το χώμα* ‘земля просела’).

Валентность опоры актуальна и для более сложных новогреческих конструкций со значением специфического положения тела человека: *κάθομαι καβάλα* ‘сидеть верхом’, *κάθομαι σταυροπόδι* ‘сидеть нога на ногу’, *κάθομαι ανακούρκουδα* ‘сидеть на корточках’, *κάθομαι οκλαδόν* ‘сидеть по-турецки’, *κάθομαι στα τέσσερα* ‘стоять (букв. ‘сидеть’) на четвереньках’ и пр. (например, *κάθομαι καβάλα σε μία μηχανή* ‘сидеть верхом *на мотоцикле*’, *κάθομαι ανακούρκουδα στο πάτωμα* ‘сидеть на корточках *на полу*’).

В некоторых случаях семантика глагола *κάθομαι* вступает в формальный конфликт с семантикой других элементов конструкции. Так, значение ‘стоять’ наиболее явно проявляется глаголом *κάθομαι* в составе конструкций *κάθομαι όρθιος*, букв. ‘сидеть стоя’, т.е. просто ‘стоять’, *κάθομαι προσοχή* или *κάθομαι σε στάση προσοχής* ‘стоять (букв. ‘сидеть’) по стойке смирно’, *κάθομαι σούζα* или *κάθομαι κλαρίνο* ‘стоять (букв. ‘сидеть’) вы-

тянувшись’ и др. Во всех приведенных выражениях глагол *κάθομαι* можно заменить глаголом *στέκομαι* ‘стоять’ без изменения смысла.

(6) *Οικογένεια* ***κάθεται όρθια*** *σε ολόκληρο το ταξίδι για να αποβιβαστεί πρώτη από το πλοίο.*

‘Семья **стоит** (букв. ‘сидит стоя’) на протяжении всей поездки, чтобы первой сойти с корабля’.

Большой интерес представляют и конструкции *κάθομαι ξαπλωμένος*, букв. ‘сидеть лежа’, то есть ‘лежать’, и *κάθομαι καθιστός*, букв. ‘сидеть сидя’, или *κάθομαι σε καθιστή θέση*, букв. ‘сидеть в сидячем положении’, то есть просто ‘сидеть’:

(7) ***Καθόμασταν ξαπλωμένοι*** *κοντά στη σκηνή μας και χαιρόμασταν την όμορφη βραδιά.*

‘Мы **лежали** (букв. ‘сидели лежа’) рядом со своей палаткой и радовались прекрасному вечеру’.

(8) *Επιπλέον, προσπαθούσε να σηκώσει τον κορμό της πιο ψηλά και να* ***κάθεται σε καθιστή θέση*** *για παραπάνω ώρα.*

‘Кроме того, она пыталась поднять свой корпус повыше и **оставаться** (букв. ‘сидеть’) **в положении сидя** большее количество времени’.

Наличие в новогреческом языке конструкций типа *κάθομαι καθιστός* ‘сидеть сидя’ служит ярким свидетельством расплывчатости семантики глагола *κάθομαι* даже в его прямом значении ‘сидеть’.

Ю. Д. Апресян, характеризуя глаголы положения в пространстве как прототипически трехвалентные единицы, обладающие валентностями агенса / пациенса, опоры и рабочей части, отмечает: «Основной четверке глаголов со значением положения в пространстве не чужда идея местонахождения, которая, возможно, сообщает им еще одну валентность, а именно валентность места: *стоять у окна, сидеть в полупустом зале, лежать в столе, висеть под потолком*» [Апресян, 2006, с. 95]. Валентность места выходит на первый план в случае использования новогреческого глагола *κάθομαι* в значении ‘жить, проживать где-либо’, в то время как валентности опоры и рабочей части теряют в этом случае свою актуальность, так как *κάθομαι* уже не обозначает специфическое положение тела человека:

(9) *Στο σπίτι του —* ***καθόταν*** *στη Μητροπόλεως — είδα για πρώτη φορά Θεόφιλο.*

‘У него дома — он жил (букв. ‘сидел’) на улице Митрополеос — я впервые увидел Феофилоса’.

В значении ‘жить, проживать где-либо’ глагол *κάθομαι* нередко сопровождается названиями улиц (*στη Μητροπόλεως* ‘на улице Митрополеос’), районов (*στο Βατραχονήσι* ‘в Ватрахониси’), городов (*στη Νέα Υόρκη* ‘в Нью-Йорке’) и пр., или иными оборотами, способствующими его соответству-

CC BY

ющей интерпретации (*κάθομαι με νοίκι σε ένα μικρό διαμέρισμα* ‘жить (букв. ‘сидеть’) с арендной платой в маленькой квартире’, *κάθομαι σε ένα περιποιημένο σπιτάκι μαζί με τη γυναίκα μου* ‘жить (букв. ‘сидеть’) в ухоженном домике вместе со своей женой’).

Позиционная семантика глагола *κάθομαι* утрачивается и в конструкциях типа *κάθομαι στο τιμόνι* ‘сидеть за рулем’, *κάθομαι στον υπολογιστή* ‘сидеть за компьютером’, *κάθομαι στη ραπτομηχανή* ‘сидеть за швейной машинкой’, *κάθομαι με το παιδί* ‘сидеть с ребенком’ со значением вовлеченности в какое-либо занятие. Второй компонент таких конструкций (как правило, предложный оборот) является указанием на специфику конкретного занятия. Показательно, что одним из значений, закрепляемых за глаголом *κάθομαι* в словаре Г. Бабиньотиса, является значение ‘заниматься, посвящать много времени чему-либо’.

(10) *Μου έλεγε ότι* ***κάθεται στο ραδιόφωνο*** *και έχει την καλύτερη συντροφιά.*

‘Она говорила мне, что **сидит у радиоприемника** и это ее лучший компаньон’.

Значение начала вовлеченности в какое-либо занятие может выражаться конструкцией *κάθομαι να X* ‘садиться, чтобы X’:

(11) *Όταν ο Γκόρκι* ***καθόταν να γράψει*** *τη βιογραφία του ήξερε πως η ρωσική λογοτεχνία είχε μια μεγάλη παράδοση πάνω στο είδος αυτό.*

‘Когда Горький **садился писать** свою биографию, он знал, что у русской литературы уже была долгая традиция этого жанра’.

Идея пребывания агенса в малоподвижном или неподвижном состоянии может быть переосмыслена как состояние покоя или бездействие. В значении ‘бездействовать, бездельничать’ *κάθομαι* может использоваться автономно или в сопровождении слов со значением длительности (*πολύ* ‘много, долго’, *όλη μέρα* ‘весь день’, *καθόλου* ‘совсем не’). Интересен контраст этого значения глагола *κάθομαι* со значением вовлеченности в какое-либо занятие, описанным выше.

(12) *Δεν βλέπετε πως δουλεύουμε μόνο την περίοδο της συγκομιδής και μετά* ***καθόμαστε****;*

‘Разве вы не видите, что мы работаем только в период сбора урожая, а потом **сидим**?’

(13) *Είμαι workaholic, δεν μπορώ να* ***κάθομαι*** *πολύ, τέσσερις μήνες είναι ήδη αρκετοί.*

‘Я трудоголик, не могу долго **сидеть**, четыре месяца уже достаточно’.

В рассматриваемом значении глагол *κάθομαι* может быть использован и в отношении неодушевленных объектов:

(14) *Τρώγεται πολύ ευχάριστα και την επόμενη μέρα γιατί όσο* ***κάθεται*** *τόσο δένουν οι γεύσεις.*

CC BY

‘Его очень приятно есть и на следующий день, потому что чем больше он **настаивается** (букв. ‘сидит’), тем больше раскрывается вкус’.

Значение бездействия — иногда вынужденного — присутствует во многих сочетаниях глагола *κάθομαι* со словами, обозначающими различные нелокативные состояния: *κάθομαι αδρανής*, букв. ‘сидеть бездеятельным’, *κάθομαι άνεργος*, букв. ‘сидеть безработным’, *κάθομαι υπόδικος*, букв. ‘сидеть подследственным’ (см. также идиому *κάθομαι με σταυρωμένα χέρια* ‘сидеть со сложенными руками’).

(15) *Δεν* ***καθόταν*** *ούτε στιγμή* ***αδρανής*** *γιατί οι ανάγκες την οδηγούσαν και την έσπρωχναν να ζητήσει βοήθεια, ν’ απαιτήσει ακόμα, δουλειά για τα τίμια χέρια της.*

‘Она ни минуты не **сидела без дела**, потому что нужда вела, толкала ее к тому, чтобы просить помощи, даже требовать работы для своих честных рук’.

Сходное значение отсутствия противодействия — ‘мириться с чем-либо, терпеть что-либо, соглашаться на что-либо, не оказывая сопротивления’ — реализуется глаголом *κάθομαι* как в относительно свободном употреблении при поддержке общего контекста, так и в составе некоторых конструкций, например, конструкции *κάθομαι να X* ‘сидеть / садиться, чтобы X’.

(16) *Τι* ***κάθεστε****, όλα μας τα ληστεύουν!*

‘Что вы **сидите**, у нас всё разворовывают!’

(17) *Βέβαια ούτως ή άλλως η Εθνική μας δεν* ***θα καθόταν να χάσει*** *από τους Αμερικανούς.*

‘Конечно, в любом случае наша сборная **не согласилась бы** (букв. ‘не села бы’) **проиграть** американцам’.

К значению ‘мириться с чем-либо, терпеть что-либо, не оказывая сопротивления’ примыкает и специфическое значение ‘уступать чьим-либо ухаживаниям’, отдельно выделяемое в словаре Г. Бабиньотиса (*κάθομαι στις ορέξεις κάποιου* ‘потворствовать (букв. ‘садиться’) чьим-либо любовным аппетитам’, *δεν του κάθεται ούτε μια εποχιακή υπάλληλος* ‘ему не отвечает взаимностью (букв. ‘не садится’) даже сезонная работница’). Идею благосклонности — судьбы, жизненных обстоятельств — можно усмотреть и в таких идиоматичных употреблениях глагола *κάθομαι*, как *του έκατσε μια ευκαιρία* ‘ему выпал (букв. ‘сел’) шанс’, *του έκατσε μία καλή δουλειά* ‘ему предоставилась (букв. ‘села’) хорошая работа’. В этих конструкциях у *κάθομαι* появляется валентность получателя (*του* ‘ему’, *της* ‘ей’ и т.д.).

Как было продемонстрировано выше, глагол *κάθομαι* представляет собой слабосемантизированную лексическую единицу, значение которой во многих случаях определяется ее окружением. Размытость семантики глагола *κάθομαι* является благоприятным условием для его закрепления в составе разнообразных конструкций с разным значением.

CC BY

3.2. Новогреческая конструкция *Τι κάθεσαι και Χ*

Сочетания глаголов позиции с другими глаголами, подобные новогреческому *κάθομαι + και + Χ* ‘сидеть + и + Х’, встречаются во многих языках мира, в том числе и в русском [Майсак, 2005, с. 262—267; Шведова, 1960, с. 57; Bonnot et al., 2021]. Н. Ю. Шведова характеризует значение конструкций русского языка типа *сидела шила* как сложносоставный предикативный признак, а именно как конкретное действие, осуществляемое в процессе пребывания в том или ином состоянии [Шведова, 1960, с. 57]. Как отмечает Т. А. Майсак, «с семантической точки зрения подобные конструкции изучены недостаточно, но можно утверждать, что в них имеется компонент подчеркивания длительности или повторяемости ситуации» [Майсак, 2005, с. 265].

В данной статье мы сосредоточим свое внимание на новогреческой конструкции *Τι κάθεσαι και Χ* (букв. ‘что ты сидишь и Х’), представляющей собой одну из реализаций синтаксического паттерна *κάθομαι + και + Χ* ‘сидеть + и + Х’:

(18) ***Τι κάθεσαι και χάνεις*** *τη νιότη σου και την ομορφιά σου;* (А. Ефталиώτης, «Η Αγγέλικα»)

‘**Что ты сидишь и растрачиваешь** свою молодость и красоту?’

(19) ***Τι κάθεται και δηλητηριάζεται*** *τώρα με ανησυχίες;* (Σ. Γιαννάτου, «Καΐκια στην άσφαλτο»)

‘**Что он сидит и отравляет себя** волнениями?’

М. Сетатос характеризует функцию глагола *κάθομαι* во фразах типа *Τι κάθεσαι και κλαις;* ‘что ты сидишь и плачешь?’, *Τι κάθεσαι και φωνάζεις;* ‘что ты сидишь и кричишь?’ как вспомогательную, подчеркивая его грамматикализацию [Σετάτος, 1994, с. 431]. С. Свору отмечает, что в риторических вопросах с *τι* ‘что’ конструкция *κάθομαι + και + Χ* ‘сидеть + и + Х’ допускает только небуквальную интерпретацию глагола *κάθομαι* [Svorou, 2018, с. 45].

Поиск конструкции *Τι κάθεσαι και Χ* в корпусе текстов elTenTen19 дал 747 результатов. Поиск проводился по ключевым словам *τι* ‘что’ и *κάθομαι* ‘сидеть’ с максимально возможным расстоянием между ними в три слова. Релевантные контексты отбирались вручную.

Анализ корпусных контекстов показывает, что в составе рассматриваемой конструкции *κάθομαι* утрачивает свое прямое значение глагола позиции. При этом *κάθομαι* вносит в общее значение конструкции семантический компонент контролируемости, а также длительности или повторяемости ситуации Х.

С. Д. Кацнельсон отмечает, что глаголы позиции *сидеть, лежать, стоять* отличаются «своей личностью», а также «своей произвольностью

CC BY

в том смысле, что указанное состояние, как и переход к нему, зависит от воли лица, и все глаголы, выражающие переход в такое состояние, являются глаголами преднамеренного действия» [Кацнельсон, 2001, с. 593]. В составе конструкции *Τι κάθεσαι και Χ* проявляют себя свойства глагола *κάθομαι* как глагола преднамеренного действия. Семантика конструкции предполагает, что агенс совершает действие Х или находится в состоянии Х по своей воле и властен положить конец этому действию или состоянию, когда пожелает. Если слот конструкции *Τι κάθεσαι και Χ* заполняется актантом, нормативно обозначающим неконтролируемое или мало контролируемое действие или состояние (*στεναχωριέμαι* ‘расстраиваться’), конструкция интерпретирует их как контролируемые и происходящие по воле субъекта.

Также *κάθομαι* привносит в общее значение конструкции *Τι κάθεσαι και Χ* идею длительности и статичности. Исходное значение *κάθομαι* предполагает сколько-нибудь длительное пребывание агенса в фиксированной «сложенной» позиции, значительно ограничивающей возможность его передвижения. Параллельное глаголу *κάθομαι* действие или состояние Х воспринимается, таким образом, также как длительное или повторяющееся.

Несмотря на то, что в составе конструкции *Τι κάθεσαι και Χ* глагол *κάθομαι* десемантизируется, значение актантов, заполняющих слот конструкции в корпусе, как правило, совместимо с прямым значением *κάθομαι* как обозначения специфической позы человека. Актанты, контрастирующие со статичной семантикой *κάθομαι*, например, глаголы движения или становления, заполняют слот конструкции только в отрицательной форме (*Τι κάθεστε και δεν πάτε στον γιατρό;* ‘Что вы сидите и не идете к врачу?’).

Условия контролируемости и длительности или повторяемости ситуации Х коррелируют с общим значением конструкции *Τι κάθεσαι και Χ*, выражающей негативную оценку действия или состояния агенса как непродуктивного, бесполезного или неуместного. Конструкцию *Τι κάθεσαι και Χ* можно сравнить со скрытым императивом. Так, фразу *Τι κάθεσαι και στεναχωριέσαι;* ‘что ты сидишь и расстраиваешься?’ легко переформулировать как *Μη στεναχωριέσαι* ‘не расстраивайся, прекрати расстраиваться’.

Анализ корпусных контекстов показывает, что в составе конструкции *Τι κάθεσαι και Χ* глагол *κάθομαι* в зависимости от лексического наполнения слота конструкции способен проявлять различные нелокативные значения, описанные нами в предыдущем разделе.

Наиболее часто (95 % всех случаев в корпусе) *κάθομαι* в составе конструкция *Τι κάθεσαι και Χ* выражает значение вовлеченности агенса в действие или состояние Х (ср. значение ‘заниматься, посвящать много времени чему-либо’):

(20) ***Τι κάθεσαι και αναλύεις*** *τρία χρόνια και ακόμη δεν έχεις βγάλει άκρη;*

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

‘**Что ты сидишь и анализируешь** три года и до сих пор не разобрался?’

(21) *Έχεις όλη τη ζωή μπροστά σου!* ***Τι κάθεσαι και στεναχωριέσαι;***

‘У тебя вся жизнь впереди! **Что ты сидишь и расстраиваешься?**’

Среди актантов, заполняющих слот конструкции в таких случаях, выделяются глаголы речи (*λέω* ‘говорить’, *μιλάω* ‘разговаривать’, *συζητάω* ‘обсуждать’, *απαντάω* ‘отвечать’, *τσαμπουνάω* ‘молоть, нести’, *αραδιάζω* ‘перечислять, «выдавать»’ и многие др.)[1], глаголы мышления, интеллектуальной деятельности (*σκέφτομαι* ‘думать’, *συλλογιέμαι* ‘размышлять’, *αναλύω* ‘анализировать’ и др.), а также глаголы, обозначающие переживание неприятных эмоциональных, физических или нравственных состояний (*στεναχωριέμαι* ‘расстраиваться’, *αγχώνομαι* ‘испытывать стресс’, *σκάω* ‘терзаться’, *παιδεύομαι* ‘мучаться’ и пр.). На долю этих групп актантов приходится в совокупности около 70 % всех случаев употребления конструкции в корпусе. В числе прочих актантов можно также выделить глаголы восприятия (*ακούω* ‘слышать, слушать’, *βλέπω* ‘видеть, смотреть’) и глаголы с широким значением деятельности или взаимодействия с объектом (*ασχολούμαι* ‘заниматься’, *κάνω* ‘делать’, *δημιουργώ* ‘создавать’).

Гораздо реже (4 % случаев в корпусе) глагол *κάθομαι* в составе рассматриваемой конструкция указывает на бездействие агенса, отсутствие его вовлеченности в деятельность, обозначенную актантом X (ср. значение ‘бездействовать, бездельничать’):

(22) ***Τι κάθεστε βρε και δεν έρχεστε****, δεν δαγκώνουμε!*

‘**Что вы сидите и не приходите,** мы не кусаемся!’

(23) *Τι κάθεσαι και δεν την πας στον κτηνίατρο;*

‘**Что ты сидишь и не ведешь ее к ветеринару?**’

Характерным для этих случаев является употребление актантов, заполняющих слот конструкции, в отрицательной форме. Среди актантов присутствуют глаголы, значение которых контрастирует с исходной статичной семантикой глагола *κάθομαι*, в частности, глаголы движения (*δεν έρχομαι* ‘не приходить’, *δεν πάω* ‘не идти, не вести’, *δεν σηκώνομαι να φύγω* ‘не вставать, чтобы уйти’, *δεν βγαίνω* ‘не выходить’) или становления (*δεν γίνομαι* ‘не становиться’).

В немногочисленных случаях в корпусе (1 %) глагол *κάθομαι* в составе конструкции *Τι κάθεσαι και X* выражает значение непротиводействия агенса внешним раздражителям (ср. значение ‘мириться с чем-либо, терпеть что-либо или соглашаться на что-либо, не оказывая сопротивления’):

(24) ***Τι κάθεσαι και τον ανέχεσαι****, και αυτόν και τη μάνα του!*

‘**Что ты сидишь и его терпишь**, и его, и его маму!’

1 Абсолютным фаворитом является глагол λέω ‘говорить’, встречающийся в корпусе в 133 контекстах, то есть в 18 % всех случаев употребления конструкции.

CC BY

(25) ***Τι κάθεσαι συνέχεια και σου βάζουνε ενέσεις και χημειοθεραπείες****, έλα πάνω κόρη μου να δεις τι ωραία περνούμε.*

‘**Что ты постоянно сидишь и тебе делают** уколы и химиотерапию, давай к нам, дочка, посмотришь, как у нас хорошо’.

В этих случаях слот конструкции характерно заполняется актантами со значением ‘терпеть’, ‘разрешать’ (*ανέχομαι* ‘терпеть’, *αφήνω* ‘позволять’), а в широком контексте, как правило, присутствуют указания на стороннее лицо или ситуацию, воздействию которых подвергается агенс. Также может различаться субъект глагольных компонентов конструкции, как в примере (25) выше.

Таким образом, в составе конструкции *Τι κάθεσαι και X*, выражающей значение негативной оценки ситуации X как непродуктивной, бесполезной или неуместной, глагол *κάθομαι* утрачивает свое прямое значение специфической позы человека, однако в зависимости от лексического наполнения слота способен в рамках одной и той же конструкции демонстрировать разнообразные нелокативные значения.

Подтверждение своим наблюдениям мы находим в греческих словарях. В словаре Афинской академии конструкция *Τι κάθεσαι και X* встречается среди примеров, иллюстрирующих все вторичные значения *κάθομαι*: ‘находиться в определенном состоянии’, ‘мириться с чем-либо’, ‘бездействовать, бездельничать’ [ΧΛΝΓ, 2014, с. 740]. В словаре Г. Бабиньотиса эта конструкция используется для иллюстрации значения глагола *κάθομαι* ‘заниматься чем-либо, посвящать много времени чему-либо’ [Μπαμπινιώτης, 2005, с. 804—805]. В словаре Триандафиллидиса конструкция *Τι κάθεσαι και X* встречается в примерах к значению глагола *κάθομαι* ‘пребывать в бездействии, не заниматься чем-либо или не брать на себя инициативу в чем-либо’ [ΛΚΝ], а в Словаре народного и периферийного языка Г. Катоса фраза *Τι κάθεσαι και δεν…* ‘что ты сидишь и не…’ зафиксирована как отдельное устойчивое выражение с толкованием ‘почему ты бездействуешь, не активизируешься’ [Κάτος].

4. Заключение = Conclusions

В данной статье продемонстрировано, что новогреческий глагол позиции *κάθομαι* ‘сидеть’ в свободном употреблении представляет собой слабосемантизированную лексическую единицу. Размытость исходной семантики глагола *κάθομαι* и его потребность в поддержке контекста способствуют его закреплению в составе разнообразных конструкций с различным значением.

Эмфатическая конструкция *Τι κάθεσαι και X* выражает негативную оценку действия или состояния, обозначенного актантом X. В составе конструкции *Τι κάθεσαι και X* глагол *κάθομαι* утрачивает свое прямое значение

специфической позы человека, однако не десемантизируется полностью. Глагол сохраняет образность своего прямого значения, что отражается на семантических ограничениях, накладываемых конструкцией на лексическое наполнение слота. Актанты, семантика которых контрастирует с прямым значением *κάθομαι* как глагола позиции, в частности глаголы движения, могут заполнять слот конструкции только в отрицательной форме.

Очевиден семантический вклад глагола *κάθομαι* и в общее значение оценочной конструкции *Τι κάθεσαι και Χ*. Как глагол преднамеренного действия *κάθομαι* привносит в общее значение конструкции идею контролируемости ситуации Х. Аспектуальный оттенок длительности или повторяемости ситуации Х, присущий конструкции, связан с прямым значением глагола *κάθομαι*, предполагающим сколько-нибудь длительное пребывание субъекта в положении, значительно ограничивающем возможность его передвижений.

Анализ корпусных контекстов показал, что в зависимости от лексического наполнения слота *κάθομαι* способен в рамках одной и той же конструкции демонстрировать разнообразные нелокативные значения. Взаимодействие глагола *κάθομαι* как составного элемента конструкции и лексического наполнения слота конструкции позволяет рассматриваемому глаголу проявлять свою полисемию.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. elTenTen19 — *Corpus* of the Greek Web [Electronic resource]. — Access mode : https://www.sketchengine.eu/eltenten-greek-corpus/ (accessed 12.11.2023).

2. ΕΘΕΓ — *Εθνικός* Θησαυρός Ελληνικής Γλώσσας [Electronic resource]. — Access mode : https://hnc.ilsp.gr/ (accessed 12.11.2023).

3. *Κάτος Γ.* Λεξικό της λαϊκής και της περιθωριακής μας γλώσσας [Electronic resource] / Γ. Κάτος. — Access mode : http://georgakas.lit.auth.gr/dictionaries/index.php/anazitisi/g-katou (accessed 12.11.2023).

4. ΛΚΝ — *Λεξικό* της Κοινής Νεοελληνικής [Electronic resource]. — Access mode : https://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides/ (accessed 12.11.2023).

5. *Μπαμπινιώτης Γ.* Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας / Γ. Μπαμπινιώτης. — Αθήνα : Κέντρο Λεξικολογίας, 2005. — 2032 σ. — ISBN 960-86190-1-7.

6. ΧΛΝΓ — *Χρηστικό* λεξικό της Νεοελληνικής Γλώσσας. — Αθήνα : Εθνικό Τυπογραφείο, 2014. — 1819 σ. — ISBN 978-960-404-278-4.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Основания системной лексикографии / Ю. Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография. — Москва : Языки славянских культур, 2006. — С. 32—160. — ISBN 5-9551-0135-7.

2. *Борисова Т. С.* Концептуализация горизонтального положения в пространстве в русских и греческих глаголах состояния / Т. С. Борисова, Л. В. Табаченко // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2022. — Т. 20, № 3. — С. 5—18. — DOI: 10.25205/1818-7935-2022-20-3-5-18.

3. *Дмитренко С. Ю.* Проблемы семантической и таксономической классификации предикатов (сопоставительный анализ глаголов, обозначающих стандартные и нестандартные положения тела человека) / С. Ю. Дмитренко, В. С. Храковский // Проблемы функциональной грамматики : принцип естественной классификации. — Москва : Языки славянской культуры, 2013. — С. 149—192. — ISBN 978-5-9551-0663-2.

4. *Кацнельсон С. Д.* Категории языка и мышления : из научного наследия / С. Д. Кацнельсон. — Москва : Языки славянской культуры, 2001. — 864 с. — ISBN 5-94457-009-1.

5. *Майсак Т. А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции / Т. А. Майсак. — Москва : Языки славянских культур, 2005. — 480 с. — ISBN 5-9551-0107-1.

6. *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. — Москва : Издательство АН СССР, 1960. — 377 с.

7. *Antonopoulou E.* Prototype theory and the meaning of verbs, with special reference to Modern Greek verbs of motion : Doct. Diss. / E. Antonopoulou. — London, 1987. — 405 p.

8. *Bonnot Ch.* Entre phraséologie et conditionnement contextuel: le cas des constructions pseudo-coordonnées en russe et en grec moderne / Ch. Bonnot, S. Vassilaki // Lexique. — 2021. — No. 29. — Pp. 191—209.

9. *Bybee J.* The Evolution of Grammar. Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World / J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. — Chicago ; London : University of Chicago Press, 1994. — 415 p. — ISBN 0-226-08665-8.

10. *Hewson J.* Tense and Aspect in Indo-European Languages. Theory, typology, diachrony / J. Hewson, V. Bubenik. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1997. — 403 p. — ISBN 90 272-3649-6.

11. *Kuteva T.* On ‘sit’ / ‘stand’ / ‘lie’ auxiliation / T. Kuteva // Linguistics. — No. 37 (2). — 1999. — Pp. 191—213.

12. *Kuteva T.* Auxiliation: An Enquiry into the Nature of Grammaticalization / T. Kuteva. — Oxford : Oxford University Press, 2001. — 213 p. — ISBN 0-19-829974-5.

13. *Svorou S.* Constructional pressures on ‘sit’ in Modern Greek / S. Svorou // Functionalist and Usage-based Approaches to the Study of Language. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2018. — Pp. 17—58. — ISBN 978-90272-0022-8.

14. *Talmy L.* Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms / L. Talmy // Language Typology and Semantic Description. — Cambridge : Cambridge University Press, 1985. — Vol. 3. Grammatical categories and the lexicon. — Pp. 57—149. — ISBN 0-521-31899-8.

15. *The Linguistics* of Sitting, Standing, and Lying / J. Newman (ed.). — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2002. — 409 p. — ISBN 90-272-2957-0.

16. *World* Lexicon of Grammaticalization / T. Kuteva, B. Heine, Bo Hong, Haiping Long, Heiko Narrog, Seongha Rhee. — Cambridge : Cambridge University Press, 2019. — 632 p. — ISBN 978-1-107-13624-3.

17. *Σετάτος Μ.* Γλωσσολογικές παρατηρήσεις σε ρήματα της κοινής νεοελληνικής / Μ. Σετάτος // Ελληνικά. — 1994. — № 44. — Σ. 423—445.

Статья поступила в редакцию 12.11.2023,
одобрена после рецензирования 15.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

Material resources

Babiniotis, G. (2005). *Dictionary of the new Greek language*. Athens: Center for Lexicology. 2032 p. ISBN 960-86190-1-7. (In Greek).

CHNLG — *Useful dictionary of the Modern Greek Language*. (2014). Athens: National Printing Office. 1819 p. ISBN 978-960-404-278-4. (In Greek).

elTenTen19 — *Corpus of the Greek Web*. Available at: https://www.sketchengine.eu/eltenten-greek-corpus/ (accessed 12.11.2023).

ETHEG — *National Treasure of the Greek Language*. Available at: https://hnc.ilsp.gr/ (accessed 12.11.2023). (In Greek).

Katos, G. *Dictionary of our popular and marginal language* Available at: http://georgakas.lit.auth.gr/dictionaries/index.php/anazitisi/g-katou (accessed 12.11.2023). (In Greek).

LKN — *Dictionary of Common Modern Greek.* Available at: https://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides/ (accessed 12.11.2023). (In Greek).

References

Antonopoulou, E. *Prototype theory and the meaning of verbs, with special reference to Modern Greek verbs of motion*: Doct. Diss. London, 1987. 405 p.

Apresyan, Yu. D. (2006). Foundations of systemic lexicography. In: *Language picture of the world and systemic lexicography.* Moscow: Languages of Slavic Cultures. 32—160. ISBN 5-9551-0135-7. (In Russ.).

Bonnot, Ch., Vassilaki, S. (2021). Between phraseology and contextual conditioning: the case of pseudo-coordinate constructions in Russian and Modern Greek. *Lexicon, 29:* 191—209. (In French.).

Borisova, T. S., Tabachenko, L. V. (2022). Conceptualization of horizontal position in space in Russian and Greek verbs of state. *Bulletin of NSU. Series: Linguistics and intercultural communication, 20 (3):* 5—18. DOI: 10.25205/1818-7935-2022-20-3-5-18. (In Russ.).

Bybee, J., Perkins, R., Pagliuca, W. (1994). *The Evolution of Grammar. Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World*. Chicago; London: University of Chicago Press. 415 p. ISBN 0-226-08665-8.

Dmitrenko, S. Yu., Khrakovsky, V. S. (2013). Problems of semantic and taxonomic classification of predicates (comparative analysis of verbs denoting standard and non-standard positions of the human body). In: *Problems of functional grammar: the principle of natural classification.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 149—192. ISBN 978-5-9551-0663-2. (In Russ.).

Hewson, J., Bubenik, V. (1997). *Tense and Aspect in Indo-European Languages. Theory, typology, diachrony.* Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 403 p. ISBN 90 272-3649-6.

Katsnelson, S. D. (2001). *Categories of language and thinking: from the scientific heritage*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 864 p. ISBN 5-94457-009-1. (In Russ.).

Kuteva, T. (1999). On 'sit' / 'stand' / 'lie' auxiliation. *Linguistics, 37 (2)*. 191—213.

Kuteva, T. (2001). *Auxiliation: An Enquiry into the Nature of Grammaticalization*. Oxford: Oxford University Press. 213 p. ISBN 0-19-829974-5.

Kuteva, T., Heine, B., Bo Hong, Haiping Long, Heiko Narrog, Seongha Rhee. (2019). *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press. 632 p. ISBN 978-1-107-13624-3.

Maysak, T. A. (2005). *Typology of grammaticalization of constructions with verbs of motion and verbs of position*. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 480 p. ISBN 5-9551-0107-1. (In Russ.).

Newman, J. (ed.). (2002). *The Linguistics of Sitting, Standing, and Lying*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 409 p. ISBN 90-272-2957-0.

Setatos, M. (1994). Linguistic observations on common modern Greek verbs. *Greek, 44:* 423—445. (In Greek).

Shvedova, N. Yu. (1960). *Essays on the syntax of Russian colloquial speech*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 377 p. (In Russ.).

Svorou, S. (2018). Constructional pressures on 'sit' in Modern Greek. In: *Functionalist and Usage-based Approaches to the Study of Language.* Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company. 17—58. ISBN 978-90272-0022-8.

Talmy, L. (1985). Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms. In: *Language Typology and Semantic Description, 1.* Cambridge: Cambridge University Press. Grammatical categories and the lexicon. 57—149. ISBN 0-521-31899-8.

The article was submitted 12.11.2023;
approved after reviewing 15.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Чэнь Сюэ. Перевод терминологии традиционной китайской медицины на русский язык : культурная коммуникация и особенности перевода / Чэнь Сюэ // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 123—140. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-123-140.

Chen Xue. (2023). Translation of Terminology of Traditional Chinese Medicine into Russian: Cultural Communication and Translation Features. *Nauchnyi dialog, 12* (10): 123-140. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-123-140. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-123-140

Перевод терминологии традиционной китайской медицины на русский язык: культурная коммуникация и особенности перевода

Чэнь Сюэ (陈雪)
orcid.org/0000-0001-9756-9073
кандидат филологических наук
luckyvscx@126.com

Хэйлунцзянский университет
(Харбин, Китай)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке государственного фонда общественных наук, проект «Сравнительное исследование по адаптации и культурной идентичности англицизмов-терминов в русском и китайском языках» в 2020 году (20BYY220)

Translation of Terminology of Traditional Chinese Medicine into Russian: Cultural Communication and Translation Features

Chen Xue
orcid.org/0000-0001-9756-9073
PhD in Philology
luckyvscx@126.com

Hailun University
(Harbin, China)

Acknowledgments:
The research was funded by the State Fund for the Humanities, project “Comparative research on the adaptation and cultural identity of anglicisms-terms in Russian and Chinese languages” in 2020 (20BYY220)

© Чэнь Сюэ, 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется терминология традиционной китайской медицины и проблемы, возникающие в процессе ее перевода на русский язык. Автор показывает, что наиболее распространенная модель образования терминов данной сферы представлена двусловными и четырехсловными словами. Отмечается, что их перевод не может ограничиваться традиционными способами. Утверждается, что концептуальный смысл терминологии традиционной китайской медицины имеет исторические, философские и гуманистические основания. Подчеркивается, что перевод терминов традиционной китайской медицины должен включать в себя вопросы культурной коммуникации. На примерах удачного и неудачного перевода китайских терминов на русский язык показано, что богатый культурный подтекст, содержащийся в них, определяет сложность их восприятия. Указываются причины неправильных переводов терминов традиционной китайской медицины, среди которых отмечается их безэквивалентность, историко-культурный контекст, различия в плане содержания при сходстве в плане выражения и др. Сделан вывод о том, что актуальным вопросом перевода терминов традиционной китайской медицины является необходимость в формулировании унифицированных правил перевода текстов данной сферы на иностранный язык.

Ключевые слова:
терминология китайской традиционной медицины; культурная коммуникация; стратегия перевода; когнитивное терминоведение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article discusses the peculiarities of the terminology of traditional Chinese medicine and the problems that arise during its translation into Russian. The author shows that the most common model for creating terms in this field is represented by two-word and four-word phrases. It is noted that their translation cannot be limited to traditional methods. It is asserted that the conceptual meaning of terms in traditional Chinese medicine has historical, philosophical, and humanistic foundations. It is emphasized that the translation of terms in traditional Chinese medicine should include issues of cultural communication. Examples of successful and unsuccessful translations of terms into Russian demonstrate that the rich cultural subtext contained in them determines the difficulty of their perception. The reasons for incorrect translations of terms in traditional Chinese medicine are indicated, among which their non-equivalence, historical-cultural context, differences in content when there are differences in expression, etc. It is concluded that an important issue in translating terms in traditional Chinese medicine is the need to formulate unified rules for translating texts in this field into a foreign language.

Key words:
terminology of traditional Chinese medicine; cultural communication; translation strategy; cognitive terminology.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.581’255.2::61

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Перевод терминологии традиционной китайской медицины на русский язык: культурная коммуникация и особенности перевода

© Чэнь Сюэ, 2023

1. Введение = Introduction

Традиционная китайская медицина является одной из немногих отраслей промышленности Китая, которая обладает независимыми правами интеллектуальной собственности и имеет определенное конкурентное преимущество на международном уровне. Кроме того, она считается культурным феноменом, уникальность которого заключается не только в составе лекарственных средств, методов и прочей специфике этой области, но и в их языковой репрезентации. В русле государственной стратегии распространения китайской культуры в глобальном мире традиционная китайская медицина уже получила признание. В связи с этим особую значимость имеет вопрос перевода китайских терминов из этой сферы на другие языки. Цель данной статьи состоит в освещении особенностей терминов традиционной китайской медицины и их перевода в русле когнитивной лингвистики и культурной коммуникации. Последнее приобретает актуальность в России в связи с осмыслением традиционной китайской медицины «как мигрирующей культурной формы», получившей освещение «в научных публикациях (которые отражают академическое сознание) и в СМИ, которые традиционно больше привязаны к массовому сознанию» [Поповкина, 2022, с. 77].

Когнитивное терминоведение — это новое направление когнитивистики. Для него характерно преодоление лингвистических границ традиционных терминологических исследований, в частности, в представлении о термине не только как о языковой единице, но и как о единице познания и инструменте коммуникации в профессиональной сфере. Термин в этом смысле объективирует результаты человеческого понимания действительности и используется для передачи информации между специалистами.

Концептуализация знаний о мире получает воплощение в метафоризации терминов, хотя в русле традиционных терминологических исследований нормой считается прямое соответствие между словом и понятием, поскольку образность мешает точности номинации. Однако в результате непрерывного развития научного знания метафоризация мышления пред-

CC BY

ставляется нормой стремления человека к образному переосмыслению фактов действительности. Кроме того, традиционное терминоведение считает, что многозначность термина является его «дефектом», который необходимо устранять, однако научная практика демонстрирует стремление термина, как и обычного слова, к полисемантичности.

Когнитивное терминоведение переосмысливает многие терминологические проблемы, поднимая новые вопросы в исследованиях по терминологии. Одним из них является вопрос международной научной коммуникации, для которой особенную актуальность приобретает перевод специальных терминов, особенно тех, которые не имеют интернациональных корней, а напротив, обладают национальной спецификой, поскольку «верное понимание категориального аппарата любой теории — базовое условие ее аутентичной интерпретации и эффективного использования для решения теоретических и практических задач» [Ванденко, 2015, с. 142].

Когнитивное терминоведение делает акцент не только на учете соответствия между названиями и понятиями, но и на осознании роли человеческого фактора в восприятии терминов, так как последние принадлежат как языковой системе, так и системе профессиональных знаний. В связи с этим при переводе медицинских текстов необходимо учитывать лингвистические и экстралингвистические факторы. Так, В. А. Ванденко, рассматривая «возможности адекватной интерпретации категориального аппарата китайской медицины в европейской терминологии», отмечает, что «адекватный перевод с древнекитайского языка невозможен без знания его истории» [Там же]. Более того, переводчику важно подходить к переводу с учетом гарантии его соответствия культурным особенностям, привычкам чтения и эстетическим установкам иностранной аудитории. Таким образом, только максимально учитывая контекст перевода, можно гарантировать успешную межкультурную коммуникацию.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для данной работы послужили термины традиционной китайской медицины общим количеством 804 единицы. В процессе исследования использовались концептуальный, контекстуальный, этимологический и сопоставительный виды анализа.

К изучению особенностей китайской медицинской терминологии и ее перевода уже обращались исследователи из Китая и России [Ванденко, 2015; Ванденко, 2023; Григорьева и др., 2015; Гришина и др., 2020; Гущина и др., 2021; Осипова и др., 2022; Рукавишникова, 2021; Ли Чжаого, 2013; Цю Хунчжун, 2011 и др.]. В то же время далеко не все вопросы представлены и решены, в частности, в отношении терминов традиционной

медицины. Отчасти это связано с тем, что терминоведение в Китае стало рассматриваться в статусе дисциплины только в начале XXI века, как и само слово *термин* [Ци Ялунь, 2021, с. 349], хотя «в Китае имеется древняя терминологическая традиция. Терминологическая деятельность современного Китая происходит с учетом традиций китайского терминотворчества» [Там же, с. 351]. Другой важной проблемой является автохтонность китайской терминологии и при этом существенные различия в языковых картинах мира китайского и европейского человека. Как отмечают исследователи, «медицина Китая и западная медицина исследуют один и тот же организм с крайне различных точек зрения», в частности, в китайском языке медицинские факты описываются в «сенсорных» терминах, которые отражают телесные ощущения [Григорьева и др., 2015, с. 140].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Являясь старейшей сферой деятельности в Китае, традиционная китайская медицина уходит корнями в традиционную китайскую культуру и опирается на достижения древнекитайской философии, гуманитарных и общественных наук, а также астрономии, географии, метеорологии, математики, агрономии, химии и др. Традиционная китайская медицина наилучшим образом отражает особенности китайской культуры, тексты которой довольно сложны для перевода. Китайская терминология «представляет собой специфический пласт лексики языка, который в связи со своими структурными, семантическими, словообразовательными и стилистическими особенностями несравненно разнится с общеупотребительной лексикой, что приводит к занятию терминологией изолированного, особого места в лексической системе китайского языка» [Рукавишникова и др., 2021, с. 451]. Более того, терминология традиционной китайской медицины обладает характеристиками, отличающими ее от других естественнонаучных терминов, что и будет рассмотрено далее.

3.1. Историчность как характеристика медицинского термина

Большинство терминов традиционной китайской медицины появилось в Древнем Китае. Лексическая и грамматическая структуры терминов традиционной китайской медицины очень гибкие. Форма терминов не фиксирована: иногда это отдельные слова, такие как основные теоретические термины (精 / *цзин,* 气 / *ци,* 神 / *шень,* 阴 / *инь,* 阳 / *ян*), или короткие фразы (土克木 / *дерево подавляет землю*, 肺主气 / *легкие ведают ци организма и находятся в тесной взаимосвязи с возникновением цон-ци (дыхательной функции),* 心开窍于舌 / *ключом к пониманию сердца является язык (сердце выражается на языке)*) и др. Автор посчитал количество основных терминов в зависисмости от состава (табл. 1).

CC BY

Таблица 1

Количественное распределение основных терминов
в зависимости от формы

Основные теоретические термины				
Всего	**Однословные**	**Двусловные**	**Четырехсловные**	**Термины-предложения**
804	64	311	336	93

Судя по результатам, из 804 записей наиболее обширные группы представлены четырехсловными и двусловными терминами, меньшее количество представлено однословными единицами и предложениями. В этом состоит отличие терминов традиционной китайской медицины от современных терминологических единиц, для которых характерна двусловная структура, реже четырехсловная, однако представляющая собой не развернутую самостоятельную по смыслу модель, как в традиционной китайской медицине (например, 肺主气 / *легкие ведают ци организма*), а двухкомпонентную (например, 支气管哮喘 / *бронхиальная астма*).

Кроме того, многие термины китайской медицины часто имеют широкое значение и полисемантичны. Например, «“ци” очень часто встречается в книге “Хуанди Нэйцзин” (“Лечебник императора Хуанди”), и некоторые ученые в “Хуанди Нэйцзин” делят “ци” более чем на 270 видов» [Цю Хунчжун, 2011, с. 73]. Как в древности, так и в настоящее время наблюдаются изменения в семантике слов. Например, термин 内风 / *внутренний ветер* в древние времена называл симптомы, вызванные потоотделением и в то же время ветром, продувающим его тело. Теперь это понятие связывается с внутренним движением «ветра печени» (то есть с болезненными процессами в этом органе), иначе называемым «эндогенным дефицитом ветра». То есть изменилась понятийная составляющая: «патологические изменения с такими симптомами, как дрожь, тремор и головокружение, вызванные дисфункцией внутренних органов, наиболее тесно связаны с печенью» [Общегосударственная комиссия…, 2004, с. 47]. Таким образом, за весь период своего существования термин развил два значения, одно из которых является устаревшим.

3.2. Гуманистические основы терминологических номинаций

Глубокое влияние гуманистической философии на традиционную китайскую медицину — это то, что отличает ее от других естественных наук. Многие теоретические основания традиционной китайской медицины, такие как «теория инь и ян» и основные понятия «инь и ян»,

«пять элементов» в теории У-Син, имеют истоки в древней философии. Концептуальные основания терминологических номинаций отражают гуманистические основы общественного развития, например, термины *“子病及母” / болезнь ребенка и матери,* *“母病及子” / болезнь матери и ребенка* и другие термины, называющие данный вид родственных отношений, используются для описания взаимосвязи между органами и патологией. Термин 四君子汤 / *отвар четырех благородных* связан с древним рецептом лечения селезенки, желудка и синдрома дефицита ци, препарат состоит из четырех лекарственных растений с разными вкусами (женьшеня, атрактилодеса, пория, лакрицы) и не является ярко выраженным по вкусу или другим характеристикам, его умеренная сила воздействия соответствует значению ‘благородный для нейтрализации’, отражающему принцип «золотой середины». Подобный термин 三子养亲汤 / *отвар трех благородных / отвар цзыянцинь* называет препарат, включающий в себя три вида фруктов, для лечения астмы и кашля у пожилых людей. В дословном переводе термин имеет значение ‘дети заботятся о своих родителях’, отражает национальные традиции и культурные установки общества.

3.3. Широкое толкование терминов традиционной китайской медицины

Терминология традиционной китайской медицины в понятийной части обращается к фактам повседневной жизни китайцев, используя отсылки к обычным вещам и явлениям для номинации медицинских фактов: особенностей физиологии человека, возможных патологий, принципов диагностики и лечения. Многие термины имеют метафорические значения, размытые границы между разными лексико-семантическими вариантами полисеманта. Например, термины 气虚 / *дефицит ци* и 火旺 / *процветающий огонь* имеют развернутое описание, при этом отсутствуют границы между определенными значениями. Семантика термина 四气 / *четыре ци* включает в себя сразу ‘тепло’, ‘жар’, ‘холод’ и ‘прохладу’. Границы между этими *четырьмя ци* размыты, поэтому нельзя выделить их в разные значения.

3.4. Принципы наименования болезней в традиционной китайской медицине

Многие названия болезней в традиционной китайской медицине даются на основе накопленного жизненного опыта в социуме и профессиональной среде. При этом единого основания для метафоризации названий нет. В основе могут быть совершенно разные понятия. Например, номинации болезней могут создаваться на основе названия тех лекарств, которыми она лечится: 百合病 / *лилейная болезнь* означает эмоциональное заболевание вследствие депрессии с впадением в состояние транса и психической нестабильностью

CC BY

в качестве основных проявлений. Болезнь называется «лилейной», потому что ее можно эффективно лечить лилией. Другим примером номинации служит состояние, в котором находится страдающий от недуга человек: 雷头风 / *грозовой встречный ветер* обозначает симптомы головной боли, сопровождающиеся острым восприятием громких звуков и отечностью головы и лица. Следующий пример связан с установлением причины болезни: 客忤 / *болезнь гостя*, при которой, согласно поверью, маленькие дети дрожали от испуга при виде незнакомца в качестве гостя. В настоящее время, чтобы снизить сложность восприятия специалистами и неспециалистами значений такого рода терминов, многие из них больше не рекомендуются к использованию, но в то же время они все еще демонстрируют особенности наименований из сферы терминов китайской медицины.

Таким образом, терминологию традиционной китайской медицины можно рассматривать в двух аспектах: во-первых, с позиций гуманитарного, в частности, философского знания, поскольку названия лекарств, симптомов, болезней и других медицинских фактов отражают специфику мышления китайского народа; во-вторых, с учетом особенностей традиционной китайской культуры и китайского язык как его неотъемлемой части, поскольку «термин научной теории сначала устанавливается на основе определенного естественного языка, который является воплощением понимания мира языковой группой» [Романова, 2003, с. 218].

Китайский иероглиф — один из древнейших письменных знаков в мире. Его уникальная семантика, словообразовательная гибкость, стилистические характеристики оказывают значительное влияние на форму изложения теории традиционной китайской медицины. Терминология не только системно отражает понятия научной теории, но и представляет собой совокупность национальных культурных знаков, отражающих картину мира китайской нации. С одной стороны, особенности китайской медицинской терминологии демонстрируют ее уникальность, с другой — по этой же причине специалисты испытывают трудности при переводе терминологии традиционной китайской медицины.

3.5. Культурные факторы, влияющие на перевод терминологии традиционной китайской медицины на иностранный язык

Анализ переводов терминов традиционной китайской медицины на другие языки показывает, что в иностранных текстах они приобретают стилистическую окраску языка-реципиента и зависят от особенностей переводческого стиля. Во многом это связано с тем, что в настоящее время принципы перевода не систематизированы и трудно поддаются стандартизации. Поскольку до сих пор не существует международно признанного стандарта перевода терминологии традиционной китайской медицины, почти каждый

CC BY

термин имеет множество разных переводов, что создает препятствия для международного взаимодействия в таких вопросах, как лечение, научные исследования, академический обмен, популяризация информации и образование в сфере традиционной китайской медицины. Данная проблема обусловлена когнитивными и культурными различиями между разными языками. Между тем, на наш взгляд, для перевода терминов, имеющих традиционные культурные коннотации, необходимо использовать особые методы перевода. Приведем для иллюстрации несколько примеров.

3.6. Перевод терминов 五行相生 / ***взаимопорождение*** **и** 五行相克 / ***взаимоугнетение пяти элементов***

Поскольку Россия и Китай являются географическими и геополитическими соседями, а также имеют тесные социокультурные связи, традиционная китайская медицина имеет широкую популярность в России. При этом из-за языковых и культурных различий многие известные классические цитаты и лаконично формулируемые тезисы основных теорий традиционной китайской медицины не могут быть переведены буквально. В русском языке обычно для объяснения китайских терминов используются описательные дефиниции. *Теория пяти элементов* в традиционной китайской медицине отражает взаимосвязь между органами человеческого тела через пять элементов, которые соотносятся пятью субстанциями небес и земли: деревом, огнем, землей, золотом и водой. Они связаны взаимопорождением и взаимоугнетением. Пять элементов взаимопорождения поддерживают, облегчают или усиливают друг друга, например, золото порождает воду, вода — дерево, дерево — огонь, огонь — землю, а земля — золото. Теория традиционной китайской медицины устанавливает связь по сходству отношений матери и ребенка с отношениями пяти элементов, основанных на взаимной поддержке и взаимозависимости. В связи с этим отношения между матерью и ребенком используются для описания отношений между пятью элементами взаимопорождения (рис. 1). Так, «правило “мать — сын”, или “отец — сын” описывает взаимоотношения органов и их меридианов аналогично порядку “взаимопорождения” (сян шэн) символизирующих их стихий / элементов: дерево — огонь — почва — металл — вода — дерево … Стихия-мать порождает стихию-сына. Например, для огня “матерью” будет дерево, а “сыном” — почва» [Духовная…, 2009, с. 419].

В то же время пять элементов являются и «взаимопреодолевающими». Это означает, что один элемент сдерживает рост и функционирование другого, например, золото разрушает дерево, дерево — землю, земля — воду, вода — огонь, а огонь — золото. В книге «Духовная культура Китая: энциклопедия» взаимоугнетение между пятью элементами (рис. 2) описывается следующим образом: «Правило “дед — внук” основывается

OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

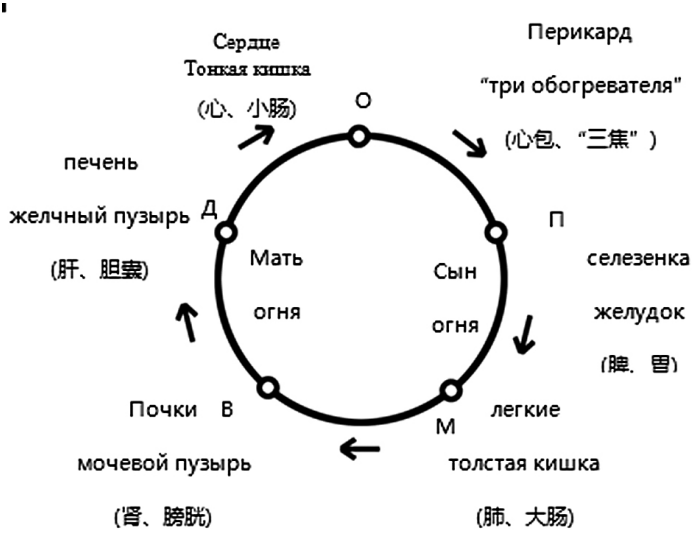

Рис. 1. Правило «мать — сын» [Там же, с. 417]

Рис. 2. Правило «дед — внук» [Там же, с. 418]

CC BY

на закономерности, которая в теории пяти стихий / элементов связана с порядком “взаимопреодоления” (сян кэ): дерево — почва — вода — огонь — металл — дерево. На схеме, где пять стихий / элементов расположены по кругу в порядке “взаимопорождения”, последовательность их “взаиморазрушения” выражается пентаграммой. Любая стихия /элемент является “отцом” для следующей по кругу (в порядке “взаимопорождения”) и “дедом” для расположенной через одну, которая связывается с ней в порядке “взаимопреодоления”. Например, “дед” почва — дерево» [Там же, с. 419].

Согласно представленному выше описанию, можно увидеть, что взаимосвязь между пятью элементами основывается на принципе взаимоотношений матери и ребенка. С учетом этого можно сделать вывод, что отношения между теми, кто разделен на схеме, являются отношениями деда и внука, то есть отношения между пятью элементами описываются в терминах предка и потомка. Они проецируются на «отношения взаимостимуляции и взаимоугнетения между внутренними органами, органами чувств, тканями, субстанциями в организме и природе, объясняя этиологию и механизм» [Там же, с. 419]. Поэтому взаимосвязь между пятью элементами в русском переводе связывается с «культом предков». Обращение к предкам и потомкам в качестве метафоры отношений между пятью элементами довольно спорно с точки зрения отражения коннотаций этого понятия. Взаимопорождение и взаимоугнетение пяти элементов в традиционной китайской медицине относится к отношениям между деревом, огнем, землей, металлом и водой, которые имеют взаимное подчинение и ограничение. Закон таков: дерево побеждает землю, земля побеждает воду, вода побеждает огонь, огонь побеждает золото, а золото побеждает дерево. В отношении правила «деда — внука», на наш взгляд, в русском переводе есть расхождение с китайской традицией, в связи с чем предлагаем для перевода выбирать слова не *взаимоугнетение* и *взаиморазрушение*, а *сдерживание*, которые более точно отражают культурные коннотации китайского «культа предков».

3.7. Стандартизация термина *традиционная китайская медицина* в практике ВОЗ

Традиционная китайская медицина в английском варианте обычно представлена аббревиатурой TCM (Traditional Chinese Medicine). В настоящее время на повестке стоит вопрос о международной стандартизации самого названия *традиционная китайская медицина* и основных терминов этой сферы. В рамках деятельности Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) некоторые страны ставят вопрос о десинификации и выступают против использования термина *традиционная китайская медицина* в общепринятой международной английской форме TCM. Они предлагают

CC BY

использовать название *Oriental Traditional Medicine* (азиатская традиционная медицина) или *East Traditional Medicine* (восточная традиционная медицина), чтобы нивелировать у жителей других стран ассоциативные связи между традиционной китайской медициной и китайской культурой, историей и наукой. Разница названий заключается в замене всего одного слова, однако предлагаемые номинации отражают конкуренцию за культурный суверенитет и права интеллектуальной собственности в отношении традиционной китайской медицины со стороны субъектов различных стран. Между тем она имеет долгую историю в Китае, восходящую к периоду до династии Цинь. Хотя самого термина в древнем Китае не было, традиционная медицина называлась по-разному:

1) *Техника Цихуан* (производная от лечебника императора Хуанди «Хуанди Нэйцзин»);

2) *Вывесить кувшин, чтобы помочь миру* (Заниматься медициной, чтобы помогать людям. Под кувшином в древнем Китае подразумевалась тыква-горлянка, упоминание о которой впервые появилось в книге «Хоу Ханьш. Биографии мастеров алхимии — Фей Чанфан». Во времена династии Восточная Хань Фэй Чанфан встретил старого продавца лекарств, у которого была вывешен кувшин из тыквы-горлянки с лекарствами. Фэй Чанфан попросил старика, чтобы тот обучил его врачебным навыкам. С тех пор он научился излечивать все виды болезней, изгонять эпидемии и возвращать людей к жизни. Будущие поколения стали называть практикующих медицину вывешенным кувшином, который также стал символом профессии врача);

3) *Зеленый мешок* (Иносказательное название китайской медицины в древнем Китае. Говорят, что Хуа То, известный врач периода Троецарствия, перед смертью наполнил зеленый мешок медицинскими книгами, которыми пользовался, и отдал его тюремному смотрителю в обмен на любезность — угостить его вином и мясом. После смерти Хуа То смотритель сменил свою работу на медицину и приобрел некоторые медицинские навыки Хуа То. Позже люди назвали китайскую медицину зеленым мешком);

4) *Роща абрикосов* (В эпоху Троецарствия врач Дун Фэн из царства У придерживался особого правила: он не получал платы за лечение, но в качестве гонорара пациент должен был посадить на склоне абрикосовое дерево, одно для легко болевших и пять для тяжелых больных. С годами высаженные деревья превратились в абрикосовую рощу, а после смерти Дун Фэна красивые истории об этой роще передавались из поколения в поколение, а сама она стала символом медицинской профессии).

Можно сказать, что эти названия являются предшественниками термина *традиционная китайская медицина*. Появление данного названия

CC BY

было связано с распространением западной медицины и необходимостью разграничить ее с китайской. В 1936 году национальное правительство издало «Положение о традиционной китайской медицине», которое официально закрепило название. Распространение традиционной китайской медицины имеет долгую историю: она была представлена в Японии, Северной Корее, Вьетнаме и других местах еще во времена династий Цинь и Хань. «Со времен династий Хань и Тан китайская медицина постепенно внедрялась в другие страны и широко распространялась и применялась на местном уровне. До того, как западная медицина получила признание в этих странах, в них доминировала традиционная китайская медицина. Только в наше время эти страны отказались от традиционной китайской медицины и полностью приняли западную медицину» [Ли Чжаого, 2013]. В результате дискуссий ВОЗ решила выбрать компромиссный вариант — ТМ (традиционная медицина). Данное решение показывает, что стандартизация терминологии является вопросом не только лингвистики и переводоведения, но и политики.

3.8. Проблема перевода терминов китайской традиционной медицины

В теории традиционной китайской медицины есть много уникальных терминов, перевод которых на другие языки создает трудности. Уникальные языковые единицы являются особыми культурными маркерами, отражающими фрагменты картины мира нации, поэтому некоторые из них в определенной степени непереводимы. Западные исследователи и переводчики часто толкуют термины традиционной китайской медицины в соответствии с собственными представлениями, что приводит к некоторым ошибкам в переводе. Приведем несколько типичных примеров:

(1) «Хуанди Нэйцзин» («Лечебник императора Хуанди») — это основополагающий труд теории традиционной китайской медицины, кратко именуемый «Нэйцзин». В противопоставление ему существует также «Вайцзин Вэйянь», кратко именуемый «Вайцзин». На русский язык «Хуанди Нэйцзин» обычно переводится как «Трактат Желтого императора о внутреннем» или «Канон о внутреннем Желтого императора». Этот метод перевода очень распространен в соответствующей русскоязычной литературе, и в буквальном переводе проблем нет. Но в представлении китайцев слова *внутренний* и *внешний* в этих двух работах не имеют пространственного значения. В традиционной китайской медицине под *вайцзин* и *нэйцзин* понимаются первая и вторая книги.

(2) Термины традиционной китайской медицины *дух* и *душа* относятся к двум видам психического сознания, которые принадлежат разным органам, играют разные роли, за этими словами стоят два совершенно разных

CC BY

понятия. В «Хуанди Нэйцзин» есть выражение «печень — хозяин духа, а легкие — хозяева души», однако в англоязычных текстах оба слова обычно переводятся как *soul* (душа), выражая одну и ту же концепцию.

(3) Англоязычные и русскоязычные варианты перевода названия теории пяти стихий (элементов) содержат сочетания *five elements, five phases / пять элементов, пять стихий*, однако отметим, что «син» (элемент, стихия) в названии теории не является существительным. В китайском языке это глагол, обозначающий взаимодействие и работу пяти элементов.

(4) Из-за культурных различий существует множество терминов, которые передаются в другом языке путем прямого перевода, что приводит к неточностям или ошибкам. Некоторые термины традиционной китайской медицины могут иметь формально эквивалентные варианты перевода, но совершенно разные значения с точки зрения более глубоких культурных посланий. Например, название заболевания «ветер в колене журавля» в традиционной китайской медицине относится к воспалению коленного сустава и припухлости, подобной «колену журавля», что эквивалентно воспалению синовиальной оболочки (или синовиту) в западной медицине. В ряде западных текстов название этой болезни буквально переводится как «ветер в колене журавля». Буквальный перевод данного термина не отражает культурных коннотаций, которые имеют глубокий символический подтекст, очевидный для китайского носителя языка. Например, компонент «ветер» в данном термине является одним из Пяти элементов, соответствующих элементу «дерево», представляющему переменчивость, быстрое движение вверх и т. д., что важно для понимания особенностей заболевания и его лечения. Западный человек не считывает данную информацию без дополнительных комментариев, которые не всегда предоставляются переводчиками.

Слово 更衣 в классическом медицинском труде «Шан хань цза бин лунь» («Трактат о разных лихорадочных состояниях, вызванных холодом») некоторые авторы переводят как *change one's clothes* (переодеваться), что далеко от его первоначального значения ‘сходить в отхожее место’.

(5) В традиционной китайской медицине существует множество терминов, формально совпадающих с западными медицинскими терминами, но отличающихся от них семантически. Например, слова 心 / *сердце,* 肝 / *печень / liver,* 脾 / *селезенка / spleen,* 肺 / *легкие* / *lung* и 肾脏 / *почки / kidney* в китайской медицине имеют иное концептуальное содержание, нежели их аналоги в современной западной медицине. В теории традиционной китайской медицины эти термины не только называют органы в их анатомическом смысле, но и содержат в значениях семантику их физиологических функций и патологических изменений. Таким образом, названия данных органов в русском, английском и китайском языках имеют разные объемы значений.

CC BY

При переводе положение и роль этих органов во всем организме необходимо интерпретировать с точки зрения теории традиционной китайской медицины и целостной концепции. Учитывая, что перевод названий этих органов на иностранные языки не влияет на понимание читателем текста, мы все-таки настаиваем на важности глубокого понимания китайской медицинской теории о характеристиках и функциях каждого органа, если иностранный исследователь занимается вопросами традиционной китайской медицины. Например, в западной медицине под сердцем понимается орган с физиологическими функциями, такими как контроль над кровообращением, в то время как в китайской медицине «сердце» — это функциональное понятие, которое, помимо вышеупомянутых, также включает функцию контроля над физиологической деятельностью внутренних органов, тела, психики, сознания, мышления и эмоций. Поэтому, чтобы сохранить как можно больше оригинальных культурных коннотаций и минимизировать культурное нивелирование, переводы на русский язык рекомендуем сопровождать дополнительной информацией в русле концепции традиционной китайской медицины. Например: «сердце» — вся сердечнососудистая система с ее функцией кровообращения, теснейшим образом связанная с психической деятельностью человека; «селезенка» — вся пищеварительная система, выполняющая функцию принятия и переработки пищи, всасывания и использования ее организмом, выделения образующихся шлаков; «почки» — система мочеобразования, всего водно-солевого обмена организма и выделения жидких шлаков, всей гуморальной регуляции (желез внутренней секреции); «легкие» — вся система дыхания, включающая в себя кожу; «печень» — орган, обеспечивающий высокую метаболическую активность, центрально-нервную и вегетативную ее регуляцию, влияющий на другие органы, а также на эмоции, планы и принятие решений.

Можно видеть, что коннотации некоторых понятий традиционной китайской медицины намного богаче, чем у соответствующих понятий западной медицины, и сложно организованная понятийная единица не может быть передана только одним названием. Так, понятия, уникальные для традиционной китайской медицины, такие как *ци, меридианы* и *сань цзяо*, имеют ярко выраженный культурный колорит традиционной китайской медицины. Им нет аналогов в современной западной медицине, поэтому нет терминов для их номинаций. Возможно только описательное объяснение.

Существуют различные причины неправильного перевода терминов традиционной китайской медицины: когнитивные и культурные различия, существующие между разными этническими группами и национальными языками, непонимание концепции терминологии традиционной китайской медицины и др. Согласно наблюдениям профессора Ли Чжаого,

в настоящее время только 1/3 форм перевода терминологии традиционной китайской медицины уже общепринята на международном уровне, 1/3 имеет различия в методах перевода, но существует согласие в понимании концепции, выраженной в терминах, и 1/3 имеет различия в понимании концепций [Ли Чжаого, 2013]. Традиционная китайская медицина имеет глубокие исторические, философские и гуманистические основы, в связи с чем феномен неправильного перевода терминологии обусловлен прежде всего недостаточным пониманием переводчиком культурной составляющей традиционной китайской медицины.

4. Заключение = Conclusions

Терминология традиционной китайской медицины не только передает большой объем медицинской информации, но и имеет культурные коннотации, которые отражают особенности национального менталитета. Данная медицинская сфера получила широкое распространение как в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так и в западном мире, следовательно, в данном аспекте актуализируются вопросы перевода терминов традиционной китайской медицины на разные языки, в частности на русский. Важно подчеркнуть, что они не могут быть заменены терминами современной китайской медицины, которая более тяготеет к их унификации.

Стратегии перевода терминологии традиционной китайской медицины должны опираться на понимание тех исторических, философских и культурных основ, которые обусловливают появление как самих непривычных для западного человека уникальных терминов, например, *ци* или *меридианы*, так и их объяснений, например, сравним объем значений терминов *печень* и *селезенка* в китайском и русском языках. Следовательно, необходимо сформулировать унифицированные и выполнимые принципы и методы переводов текстов традиционной китайской медицины на иностранный язык. В реализации этой задачи видится перспектива данного исследования.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Литература

1. *Ванденко В. А.* Интерпретация категориального аппарата традиционной китайской медицины в контексте европейской науки (статья первая : категории цзин и ци) / В. А. Ванденко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2015. — № 1 (45). — С. 142—151.

2. *Ванденко В. А.* Проблема перевода медицинских терминов с древнекитайского языка / В. А. Ванденко // Международный научно-исследовательский журнал. — 2023. —

№7 (133). — Режим доступа : https://research-journal.org/archive/7-133-2023-july/10.23670/IRJ.2023.133.13 (дата обращения : 10.12.2023). — DOI: 10.23670/IRJ.2023.133.13.

3. *Григорьева А. Г.* Трудности перевода терминов китайской медицины / А. Г. Григорьева, Ф. Ф. Шигапова // Terra linguae : сборник научных статей. Выпуск 2. — Казань : Издательство ТАИ, 2015. — С. 140—142.

4. *Духовная* культура Китая. Энциклопедия в пяти томах / под ред. М. Л. Титаренко. — Москва : Издательская фирма Восточная литература РАН, 2009. — Т. 5. — 1087 с. ISBN 5-02-018429-2.

5. *Ли Чжаого.* Международная стандартизация терминов и терминологии традиционной китайской медицины : противоречия и дебаты / Ли Чжаого // Принципы перевода на английский язык норм терминологии традиционной китайской медицины и их применение. Исследование терминологических норм основных дисциплин традиционной китайской медицины. — Пекин, 2013. — 119 с. (李照国. 中医名词术语国际标准化: 论争与论辩[A] // 中医药名词术语英译规范原则及其应用"暨"中医药基础学科名词术语规范研究"项目培训会资料[C]. — Beijing, 2013. — 119 页).

6. *Общегосударственная* комиссия по утверждению терминов в науке и технике, Термины в традиционной китайской медицине. — Пекин : Наука (Science Press). 2004. — 47 с. (全国科学技术名词审定委员会. 中医药名词[Z]. — 北京: 科学出版社, 2004. — 47 页).

7. *Осипова Е. М.* Исследование китайской медицинской терминологии в контексте развития китайско-русского медицинского перевода / Е. М. Осипова, Е. А. Мусалитина // Молодежь и наука : актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований : Материалы V Всероссийской национальной научной конференции молодых учёных, Комсомольск-на-Амуре, 11—15 апреля 2022 года. — Комсомольск-на-Амуре : Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 2022. — Том 4. — С. 79— 81.

8. *Романова Н. П.* Язык науки как результат и источник познания / Н. П. Романова // История отечественного терминоведения (ТОМ3). — Москва : Московский Лицей, 2003. — 218 с.

9. *Рукавишникова О. И.* Словообразовательные процессы в медицинской терминологии китайского языка (в аспекте перевода на русский язык) / О. И. Рукавишникова// Мир науки, культуры, образования. — 2021. — № 1 (86). — С. 451—453. — DOI: 10.24412/1991-5497-2021-186-451-453.

10. *Ци Ялунь.* Понятие «термин» в китайской языковедческой традиции / Ци Ялунь // Мир науки, культуры, образования. — 2021. — № 1 (86). — С. 349—351. — DOI 10.24412/1991-5497-2021-186-349-351.

11. *Цю Хунчжун.* Научное мышление и эпистемология традиционной китайской медицины / Цю Хунчжун. — Пекин : Наука (Science Press), 2011. — 73 с. (邱鸿钟. 中医的科学思维与认识论[M]. — 北京: 科学出版社, 2011. — 73 页).

Статья поступила в редакцию 13.10.2023,
одобрена после рецензирования 13.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

References

Grigorieva, A. G., Shigapova F. F. (2015). Difficulties in translating Chinese medicine terms. In: *Terra linguae: collection of scientific articles, 2.* Kazan: TAI. Pp. 140—142. (In Russ.).

Li Zhaogo. (2013). International standardization of terms and terminology of traditional Chinese medicine: arguments and debates. In: *Principles and application of standards of English translation of terms and terminology of traditional Chinese medicine. Research on standardization of terms and terms in the main subjects of traditional Chinese medicine.* 119 p. (In Chin.).

National Commission for the Approval of Terms in Science and Technology, Terms in Traditional Chinese Medicine. (2004). Beijing: Nauka (Science Press). 47 p. (In Chin.).

Osipova, E. M., Musalitina E. A. (2022). Research of Chinese medical terminology in the context of the development of Chinese-Russian medical translation. In: *Youth and science: actual problems of fundamental and applied research, 4.* Komsomolsk-on-Amur: Komsomolsk-on-Amur State University. Pp. 79—81. (In Russ.).

Qiu Hongzhong. (2011). *Scientific Thinking and epistemology of Traditional Chinese Medicine.* Beijing: Nauka (Science Press). 73 p. (In Chin.).

Qi Yalong. (2021). The concept of "term" in the Chinese linguistic tradition. *World of science, culture, education, 1 (86):* 349—351. DOI 10.24412/1991-5497-2021-186-349-351. (In Chin.).

Romanova, N. P. (2003). The language of science as a result and source of knowledge. In: *The history of Russian terminology, 3.* Moscow: Moscow Lyceum. 218 p. (In Russ.).

Rukavishnikova, O. I. (2021). Word-formation processes in the medical terminology of the Chinese language (in the aspect of translation into Russian). *The world of science, culture, and education, 1 (86):* 451—453. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-186-451-453. (In Russ.).

Titarenko, M. L. (ed) (2009). *Spiritual culture of China. Encyclopedia in five volumes, 5.* Moscow: Publishing Company Oriental Literature of the Russian Academy of Sciences. 1087 p. ISBN 5-02-018429-2. (In Russ.).

Vandenko, V. A. (2015). Interpretation of the categorical apparatus of traditional Chinese medicine in the context of European science (article one: categories of Jing and qi). *Social and humanitarian sciences in the Far East, 1(45):* 142—151. (In Russ.).

Vandenko, V. A. (2023). The problem of translating medical terms from the ancient Chinese language. *International Scientific Research Journal, 7 (133).* DOI: 10.23670/IRJ.2023.133.13. Available at: https://research-journal.org/archive/7-133-2023-july/10.23670/IRJ.2023.133.13 (access mode 10.12.2023). (In Russ.).

The article was submitted 13.10.2023;
approved after reviewing 13.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА
MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Лариса Сергеевна Кислова, канд. филол. наук (Тюмень)
Мирослава Александровна Горбунова, канд. полит. наук (Пятигорск)
Олег Алимурадович Алимурадов, д-р филол. наук (Пятигорск)
Светлана Олеговна Драчева, канд. филол. наук (Тюмень)
Татьяна Николаевна Рацен, канд. филол. наук (Тюмень)

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Алимурадов О. А. Функциональный потенциал поликодового текста в городском пространстве : лингвосемиотический аспект / О. А. Алимурадов, М. А. Горбунова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 142—165. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-142-165.

Alimuradov, O. A., Gorbunova, M. A. (2023). Functional Potential of Multilingual Text in Urban Space: a Linguistic-Semiotic Perspective. *Nauchnyi dialog, 12* (10): 142-165. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-142-165. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-142-165

Функциональный потенциал поликодового текста в городском пространстве: лингвосемиотический аспект

Алимурадов Олег Алимурадович
orcid.org/0000-0002-8686-8374
доктор филологических наук, доцент,
кафедра западноевропейских
языков и культур
alimuole@mail.ru

Горбунова Мирослава Александровна
orcid.org/0000-0002-6963-0030
кандидат политических наук, кафедра
профессионально-ориентированного
английского языка
gorbunova-ma@pgu.ru

Пятигорский
государственный университет
(Пятигорск, Россия)

Functional Potential of Multilingual Text in Urban Space: a Linguistic-Semiotic Perspective

Oleg A. Alimuradov
orcid.org/0000-0002-8686-8374
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Western European
Languages and Cultures
alimuole@mail.ru

Miroslava A. Gorbunova
orcid.org/0000-0002-6963-0030
PhD in Political Science,
Department of English
for Specific Purposes
gorbunova-ma@pgu.ru

Pyatigorsk State University
(Pyatigorsk, Russia)

© Алимурадов О. А., Горбунова М. А., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведен анализ функционального потенциала поликодовых текстов в рамках городского пространства. В качестве материала послужили поликодовые тексты — картотека фотографий граффити-объектов общим объемом 1590 единиц, найденных в четырех городах Юга России: Нальчике, Новороссийской агломерации (г. Новороссийск и г. Мысхако), Пятигорске и Ростове-на-Дону. Используются метод сплошной выборки поликодовых текстов, метод контент-анализа их вербальных элементов, метод семиотического анализа их графических элементов, сравнительный метод, сопоставительный метод, а также методики количественной обработки данных. Феномен граффити анализируется с лингвистических и лингвосемиотических позиций. Проводится различие между граффити и стрит-артом. Подсчитывается количество граффити в разных городах. Авторы описывают онтологию граффити в городской среде через ряд важных для понимания этого явления дихотомий: заметность / незаметность; перформанс / риск / искусство; санкционированность / несанкционированность. Подробно изучаются функции граффити, такие как: интегрирующе-идентифицирующая функция, функция самопрезентации, протестная функция, субверсивная функция, рекламная / пропагандистская функция. Сделан вывод о значительном функциональном потенциале поликодового текста, представленного в виде граффити в рамках городского пространства.

Ключевые слова:
поликодовый текст; лингвосемиотика; городское пространство; граффити; стрит-арт.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the functional potential of multilingual texts within urban spaces from a linguistic-semiotic perspective. The study uses a sample of 1590 multilingual texts, consisting of photographs of graffiti objects found in four cities in Southern Russia: Nalchik, the Novorossiysk agglomeration (Novorossiysk and Myskhako), Pyatigorsk, and Rostov-on-Don. The methods used include continuous sampling of multilingual texts, content analysis of their verbal elements, semiotic analysis of their graphic elements, comparative and contrastive methods, and quantitative data processing techniques. The phenomenon of graffiti is analyzed from linguistic and linguo-semiotic perspectives, with a distinction made between graffiti and street art. The authors describe the ontology of graffiti in the urban environment through a series of important dichotomies: visibility / invisibility, performance / risk / art, and sanction/ unsanction. The functions of graffiti are also examined in detail, including their integrative-identifying function, self-presentation function, protest function, subversive function, and advertising / propaganda function. The study concludes that multilingual texts, represented in the form of graffiti within urban spaces, have significant functional potential.

Key words:
multilingual text; linguistic-semiotic perspective; urban space; graffiti; street art.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’42:316.334.56

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Функциональный потенциал поликодового текста в городском пространстве: лингвосемиотический аспект

© Алимурадов О. А., Горбунова М. А., 2023

1. Введение = Introduction

Настоящая статья посвящена анализу некоторых онтологических и функциональных характеристик граффити как поликодового текста, выступающего важнейшим элементом, индивидуализирующим фрагменты привычного и потому зачастую безликого городского пространства и параллельно преобразующим локации, в которых нанесены граффити, в коллективное достояние.

Эту закономерность впервые подметил Ж. Бодрийяр в классическом исследовании роли граффити в эротизации облика города: «… через них та или иная улица, стена, квартал обретают жизнь, вновь становятся коллективной территорией» [Бодрийяр, 2000, с. 161], а город становится как бы единым телом, покрытым в некоторых местах граффити, словно татуировками. Как семиотически неоднородный компонент, входящий в структуру «текста города», граффити наследует три важнейшие характеристики, присущие городскому тексту в целом и описанные Ю. М. Лотманом, А. М. Пятигорским и В. Н. Топоровым. Это *выраженность* (то есть зафиксированность в той или иной материальной знаковой форме), *отграниченность* от любых знаковых последовательностей, не входящих в состав граффити, и *структурность* (то есть наличие определенной внутренней организации) [Лотман, 1984; Пятигорский, 1962; Топоров, 1984].

Одной из важнейших черт текста как системы (в поликодовом граффити-тексте эта закономерность проступает еще более рельефно) является то, что в нем на стадии продуцирования всегда отсутствует полная экспликация всех элементов, необходимых для интерпретации; никогда полностью не конкретизировано то, каким образом взаимосвязаны семиотически гетерогенные текстовые элементы [Kress et al., 2001].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование онтологии и функций граффити в рамках городского пространства предполагает использование метода сплошной выборки,

в результате использования которого осуществлен отбор эмпирического материала — составлена картотека фотографий граффити-объектов общим объемом 1590 единиц, обнаруженных в четырех городах Юга России — Нальчике, Новороссийской агломерации (г. Новороссийск и г. Мысхако), Пятигорске и Ростове-на-Дону — в период с ноября 2022 года по март 2023 года. Данная картотека была бы значительно беднее, если бы не активная помощь студентов магистратуры Пятигорского государственного университета и студентов бакалавриата Новороссийского филиала ФГБОУ ВО «ПГУ».

Для обработки эмпирического материала использовались методы контент-анализа, метод семиотического анализа графических элементов поликодового текста граффити, сравнительный метод, сопоставительный метод, а также методики количественной обработки данных.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Прежде чем перейти к анализу эмпирического материала, остановимся на некоторых теоретических вопросах, имеющих прямое отношение к тому, как можно определить феномен граффити.

Серьезная теоретическая проблема, актуальная в рамках лингвосемиотической характеристики нашего явления, связана с соотношением понятий «граффити» и «стрит-арт» (уличное искусство). А. Ю. Заславская подчеркивает, что «понятие “уличное искусство” включает в себя разные виды деятельности: это перформанс (уличные представления), граффити, 3D-граффити и новейшее направление — видео-мэппинг (проецирование динамичных изображений на фасады зданий)» [Заславская и др., 2012, с. 11]. Соответственно, есть определенная логика в том, чтобы признать граффити разновидностью стрит-арта, представляющего собой, очевидно, феномен более широкий и разноплановый.

Сложнее всего разграничить с теоретической точки зрения граффити и визуальный стрит-арт. Существуют четыре основных параметра, согласно которым можно попытаться дефинировать и исследовать два эти явления: 1) легальность / нелегальность, то есть санкционированность / несанкционированность, 2) содержательная структура / глубина и художественная ценность, 3) личность автора и, наконец, 4) локация, в которой располагается объект граффити [Ross, 2016, p. 2].

В работах последних лет как теоретики, так и практики стрит-арта все чаще утверждают, что провести четкую демаркационную линию между уличным искусством и граффити невозможно и непродуктивно: «Как в общественном, так и в медийном представлении граффити и уличное искусство устойчиво соотносятся с набором бинарных оппозиций, которые ско-

CC BY

рее сужают, чем расширяют наше понимание этих сложных форм (перевод наш. — *О. А., М. Г.*)» [Schacter, 2016, p. 141].

Граффити перетекает в стрит-арт, и история современных граффити XX—XXI веков, работы выдающихся авторов — от Katsu и Momo до Бэнкси и Калеба Нилона — убедительно подтверждают этот тезис [Schacter, 2013] (рис. 1). Граффити не внеположены уличному искусству, их корректнее рассматривать как одну из форм творческого самовыражения представителей стрит-арта.

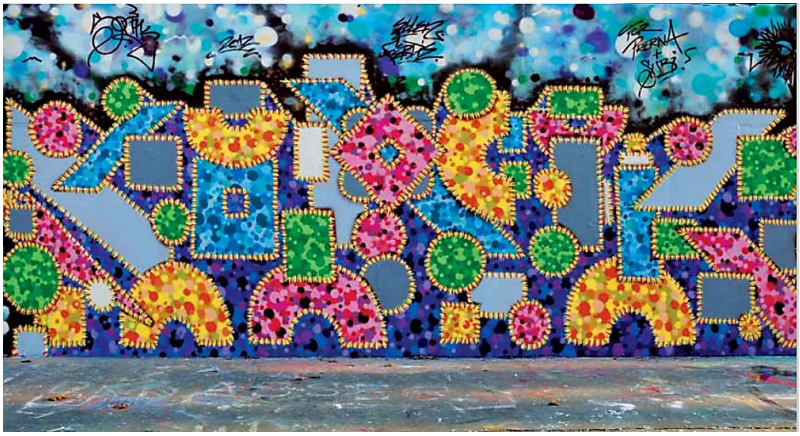

Рис. 1. Граффити как разновидность стрит-арта [Schacter, 2013, p. 52].

Столь же малопродуктивной для лингвосемиотического анализа граффити (хотя и не совсем беспочвенной) нам представляется дискуссия о том, является ли граффити проявлением вандализма или же формой искусства; см., например, [Пенетова, 2016] и многие другие работы на эту тему. Если принять, что граффити есть форма коммуникации (а именно из этого посыла мы исходим в настоящей статье), то совершенно очевидной становится параллель между граффити и более привычными нам форматами коммуникативного взаимодействия, в которых предсказуемо варьируется уровень креативности самовыражения участников коммуникации. Так же обстоит дело и с граффити: не все райтеры (создатели граффити-объектов) одинаково креативны, не все из них обладают достаточным запасом времени и / или художественным даром для создания полноценного арт-объекта; помимо этого, далеко не всякая локация позволяет создать высокохудожественный арт-объект. Располагающиеся рядом, но, тем не менее, совершенно различные по стилю исполнения, цветовой насыщенности и шрифтовой стилизации авторские подписи (в профессиональном

сообществе создателей граффити такие подписи именуются тэгами — это крайне распространенная разновидность граффити) на приведенной ниже фотографии из г. Новороссийска, на наш взгляд, в достаточной степени иллюстрируют сказанное.

Рис. 2. Граффити-объект на заборе дома в г. Новороссийске

Обращаясь к анализируемому нами эмпирическому материалу, отметим, что в количественном отношении обнаруженные нами граффити географически распределились неравномерно (рис. 3).

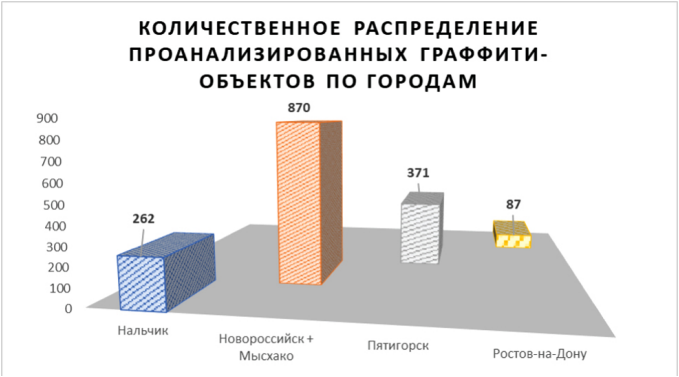

Рис. 3. Количественное распределение проанализированных граффити-объектов по городам

CC BY

Как видно из рисунка, безоговорочным лидером по количеству граффити-объектов являются г. Новороссийск и его сателлит Мысхако, в то время как в г. Пятигорске подобных объектов обнаружено уже в два раза меньше. Значительное отставание г. Пятигорска и г. Нальчика по количеству граффити, вероятно, можно объяснить позицией городских властей в отношении несанкционированных графических объектов: в обоих городах удалось обнаружить десятки закрашенных или счищенных рисунков. Малое количество граффити-объектов в г. Ростове-на-Дону объясняется тем, что поиск в этом городе начался сравнительно недавно и проводился в течение всего двух недель; безусловно, реальное количество граффити в этом городе намного больше того, что отражено на диаграмме.

Любопытно, что при сопоставлении граффити-объектов по специфике поликодовости заметно единообразие по всем четырем исследуемым городским пространствам (рис. 4).

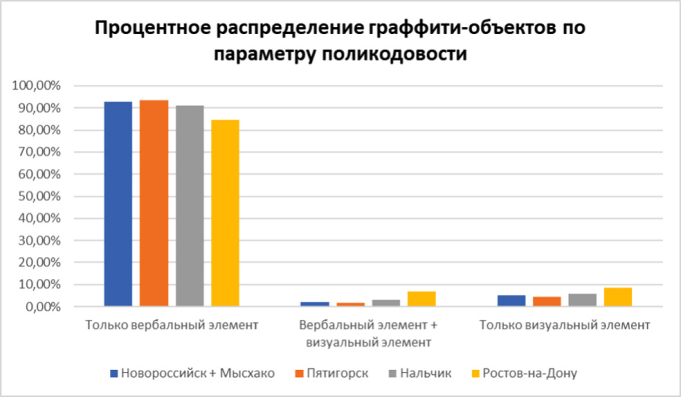

Рис. 4. Процентное соотношение граффити-объектовпо параметру поликодовости

Интересные данные получаются, если сопоставить граффити-объекты из первых двух категорий (то есть содержащие вербальные элементы) по тому, на каких языках выполнены вербальные элементы (хотя точнее будет поставить вопрос несколько иначе: как соотносятся граффити-объекты, вербальные элементы которых выполнены на кириллице и на латинице?). Количественные данные представлены далее (рис. 5), проанализируем их несколько подробнее.

В контексте шрифтового исполнения вербальные компоненты наших поликодовых текстов могут представлять собой:

1) иноязычный текст на латинице (превалирующими языками в исследуемом нами массиве являются английский, испанский и французский);

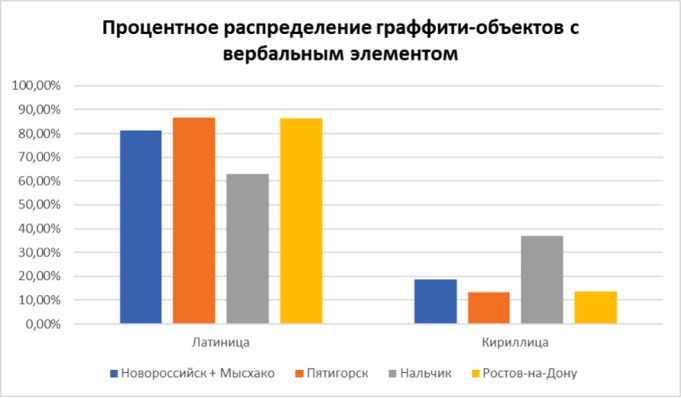

Рис. 5. Процентное распределение граффити-объектов с вербальным элементом

2) русскоязычный текст, оформленный на латинице (как правило, это авторские тэги — русскоязычные имена);

3) русскоязычный текст, написанный кириллицей.

Как показано на рис. 6, граффити в Новороссийской агломерации, в г. Пятигорске и г. Ростове-на-Дону, выполненные на латинице и кириллице, показывают примерно схожее процентное распределение (в среднем 1:4,5 в пользу объектов, выполненных на латинице). Граффити-объекты г. Нальчика являются в этом отношении исключением, так как в их массиве объекты с надписями на латинице также превалируют, но уже в отношении чуть менее чем 1:2 (рис. 6, рис. 7). Два примера таких граффити, оформленных кириллицей, приведены ниже.

Рис. 6. Граффити-объект в г. Нальчике, оформленный на кириллице (визуальный и вербальный компоненты)

CC BY

Рис. 7. Граффити-объект в г. Нальчике, оформленный на кириллице (только вербальный компонент)

Могут быть различные объяснения тенденции к превалированию латиницы над кириллицей в анализируемом массиве, а также специфики граффити-объектов г. Нальчика. В рамках настоящей статьи приведем лишь одно объяснение, к которому мы склоняемся, однако оно, безусловно, нуждается в дальнейшей верификации. Граффити как коммуникативное средство, которое, как считается, нарушает каноны комфортной и безопасной городской среды (об этом речь пойдет далее), вероятно, строится таким образом, чтобы заодно нарушить или, как минимум, поколебать устои вербальной коммуникации, основным средством которой в нашей стране является русский язык и, соответственно, кириллический алфавит. Использование латиницы в данном случае — это своеобразный сдвиг от полюса «своего» языка в направлении полюса языка «чужого». Можно предположить, что в городском пространстве Нальчика русский язык играет примерно похожую роль в сравнении с кабардинским и / или карачаево-балкарским языками.

В ходе анализа имеющегося материала мы приходим к выводу о том, что онтологию граффити в городской среде логично и целесообразно описывать через ряд очень важных для понимания этого явления дихотомий.

3.1. Заметность / незаметность

Дж. Феррелл — пожалуй, один из самых авторитетных зарубежных исследователей граффити — подчеркивает, что, с одной стороны, граффити и уличное искусство относятся к наиболее заметным формам современной городской культуры. Вместе с тем райтеры зачастую выбирают очень укромные места для создания граффити-объектов, чтобы они были

CC BY

доступны лишь избранной и потому понимающей аудитории, а также для того, чтобы продлить жизнь своих произведений, максимально скрыв их от глаз городских властей [Ferrell, 2016, p. XXXII]. Обратим внимание на очень высокую плотность граффити на стенах заброшенного строения на окраине г. Пятигорска.

Рис. 8. Граффити-объект на стене заброшенного здания в г. Пятигорске

Здесь же уместен и вопрос о том, важна ли для граффити контекстуальность, то есть место того или иного образа в пространстве города? По всей видимости, ответ на этот вопрос будет разным в зависимости от того, какой именно тип поликодового текста представляет собой граффити. Для разновидностей «*визуальный элемент*» и «*вербальный элемент* + *визуальный элемент*» контекстуальность важна: здесь значимыми параметрами выступают высота расположения, протяженность поверхности граффити, доступность локации для городских обитателей. Следующий поликодовый объект, приведенный на рис. 9, обнаруженный в г. Ростове-на-Дону и имеющий структуру «вербальный элемент + визуальный элемент», располагается на высоте более 3 м над землей на стене ранее снесенного жилого строения. Расположение именно на такой значительной высоте, на наш взгляд, оптимально для целостного восприятия этого граффити, учитывая его размеры 2,5 × 1,5 м.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Рис. 9. Граффити-объект в г. Ростове-на-Дону, оформленный на латинице (визуальный и вербальный компоненты, испанский язык)

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

В контексте лингвосемиотической характеристики граффити важно понимать, что при всей доступности объектов такого рода для обозрения, при всей их заметности, глубинные смыслы, интертекстуальные проекции, эмоциональные коннотации, закладываемые в них авторами, зачастую совершенно непонятны неподготовленной аудитории, какой бы широкой она ни была. Ср. несколько поликодовых объектов на следующих рисунках (все из г. Новороссийска), включающие отсылки, понятные лишь представителям определенного сообщества, объединенным любовью к компьютерным играм.

Рис. 10. Граффити-объект на набережной г. Новороссийска с отсылкой к персонажу игры Dota 2

В данном случае прецедентное имя *Pudge* в вербальной части граффити-объекта отсылает к Пуджу, персонажу игры Dota 2 — хищнику и пожирателю плоти, носящему это имя. Та же отсылка содержится и в следующем объекте, в котором интертекстуальная проекция в вербальной части усилена визуальной деталью — головным убором, который носит Пудж в Dota 2.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Рис. 11. Граффити-объект на набережной г. Новороссийска

Следующее изображение также явно несет достаточно серьезную смысловую нагрузку, тем не менее выявление этой нагрузки сопряжено с весьма серьезными затруднениями ввиду высокой сложности невербальных объектов и проблем с интерпретацией графем, располагающихся между изобразительными элементами (установлена принадлежность этих графем к кодировке Unicode, однако смысловая нагрузка данных элементов, равно как и их связь с изобразительными компонентами, остаются пока неясны).

Рис. 12. Граффити-объект на заборе дома в г. Новороссийске

CC BY

3.2. Перформанс / риск / искусство

Создание граффити-объектов — это своего рода «балансирование на грани» (*edgework*) [Lyng, 1990], симбиоз мастерства и рисков, связанных с работой в опасных локациях. «Уличным художникам и граффити-райтерам сочетание хорошо развитых навыков позволяет добиваться успеха в рискованных ситуациях, в то время как такие ситуации, в свою очередь, далее оттачивают эти навыки (перевод наш. — *О. А., М. Г.*)» [Ferrell, 2016, p. XXXIII]. Таким образом, и перформанс, и арт-объект становятся уникальными продуктами тех рискованных ситуаций, в которых они создаются. Показательно, что эти ситуации создания граффити — это те самые риски, на элиминирование которых направлена концепция безопасного города.

3.3. Санкционированность / несанкционированность

Параметры данной дихотомии не могут актуализироваться совместно, в отличие от двух предыдущих случаев.

Рис. 13. Граффити-объект в г. Новороссийске, санкционированный городскими властями

На рис. 13 приведен именно санкционированный городскими властями граффити-объект, выполняющий типичную для такого рода произведений мемориальную функцию.

Переходя к функциям граффити в городском пространстве, важно понимать, что граффити не формируют самостоятельной субкультуры; см. анализ научных воззрений на этот счет в [Lachmann, 1988]. Мы рассматриваем граффити как ***форму самопрезентации представителей самых разных субкультур***. Вместе с тем, для того чтобы создавать граффити,

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

совершенно необязательно принадлежать той или иной субкультуре, так как граффити может представлять собой продукт сугубо индивидуального творчества, не обусловленного принадлежностью автора-райтера к тому или иному (суб)культурному сообществу.

Функции граффити, при всем их разнообразии, можно, как нам представляется, категоризовать в виде следующих блоков:

— **интегрирующе-идентифицирующая функция**, благодаря которой автор граффити-объекта 1) заявляет о себе как об индивидууме и 2) интегрируется в определенную субкультуру или — шире — (профессиональное) сообщество, чему способствует соблюдение при создании граффити соответствующих канонов и стилевых норм (начертание, размер шрифта, использование трафарета или отказ от него, корреляция вербального и невербальных компонентов в объекте, расположение граффити и т. д.). К примеру, на рис. 11 (г. Пятигорск) представлен широко распространенный среди поклонников рэпа антропоним *DREK*, искаженная версия имени популярного канадского рэпера Дрейка.

Рис. 14. Граффити-объект в г. Пятигорске с антропонимом *DREK*

CC BY

— **функция самопрезентации** напрямую вытекает из предыдущей и реализуется либо через *тэггинг* (подпись собственной работы или просто нанесение «автографа» на любую пригодную поверхность — см. рис. 15), либо раскрывается в двух следующих, более частных, функциях;

Рис. 15. Граффити-объект в г. Новороссийске, выполняющий функцию самопрезентации

Рис. 16. Граффити-объект на стене здания в г. Новороссийске, выполняющий функцию самопрезентации

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Безусловно, самопрезентация через граффити осуществляется не только при помощи тэггинга. На следующем изображении (г. Нальчик) представлено целое досье: автор перечисляет композиции групп «Кино», «Король и шут», «Валентин Стрыкало», исполнителя MiyaGi, которые его, по всей видимости, не оставили равнодушным, изображает явно знакомых ему Темку и девушку Сашу, а также человека, обозначенного как «офник», который, вероятно, представляет некую опасность или вызывает у автора неоднозначные эмоции. Помимо тэгов, вербальная составляющая этого объекта включает и фразу «*The game is over*», смысл которой довольно туманен.

Рис. 17. Граффити-объект на стене здания в г. Нальчике, выполняющий функцию самопрезентации

То, как реализуется функция самопрезентации в граффити, выводит на более общую оппозицию, характеризующую место личности в городской среде: противоборство анонимности и стремление к индивидуализации.

— **протестная функция**, которую очень тонко подчеркивал еще Ж. Бодрийяр, называя граффити «стихийной борьбой» и «радикальным бунтарством» [Бодрийяр, 2000, с. 159], которые могут сводиться либо

CC BY

к *открытому* и зачастую не совсем цензурному выражению несогласия, презрения и категорического неприятия норм, мнений или доктрин, либо к *имплицированию* такого отношения.

Последнее проявляется через 1) ***бомбинг*** (нанесение изображений на движущиеся поверхности — вагоны поездов, боковые поверхности автобусов, троллейбусов или трамваев — или на поверхности, расположенные в опасных для художника локациях — опоры мостов, высокие балконы, охраняемые локации) или 2) ***тэггинг санкционированных граффити***, особенно если они посвящены событиям, имеющим или имевшим политическую, религиозную или иную значимость (рис. 13 — г. Новороссийск). Подобное наложение граффити друг на друга — это своеобразный *диалог*, который в большинстве встретившихся нам случаев имеет место между санкционированными и несанкционированными (неразрешенными) объектами граффити и — косвенно — между их авторами (рис. 18 — г. Новороссийск);

Рис. 18. Трехслойный граффити-объект в г. Новороссийске

На рис. 18 мы наблюдаем три слоя граффити, самый нижний из которых явно представляет собой санкционированное и достаточно нейтральное по содержанию изображение спального городского района, поверх ко-

торого нанесен несанкционированный тэг, и оба объекта перекрываются третьим — также, скорее всего, несанкционированным — слоем, который представляет собой изображение недоброго лица, форма и цвет которого отсылают к маске убийцы из франшизы «Пила».

Диалог между авторами граффити-объектов может выражаться и эксплицитно — в форме пожеланий или констатации того, что, по мнению райтера, является фактом (рис. 19 — г. Пятигорск).

Рис. 19. «Диалогический» граффити-объект в заброшенном здании в г. Пятигорске

Доля объектов, вступающих в «диалогические» отношения, составляет 10,5 % в проанализированном массиве граффити.

— **субверсивная функция**, реализующаяся через пародийность, намеренное искажение известных рекламных плакатов, слоганов, политических лозунгов; все это имеет конечной целью либо создание юмористического эффекта, либо выражение откровенной неприязни к рекламируемому продукту или политической повестке через едкую сатиру (рис. 20);

— **рекламная / пропагандистская функция**, реализующаяся преимущественно через санкционированные (одобренные городскими властями) граффити (рис. 21).

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Рис. 20. Граффити-объект с субверсивной функцией [Schacter, 2013, p. 38].

Рис. 21. Граффити-объект с пропагандистской функцией
на здании в г. Новороссийске

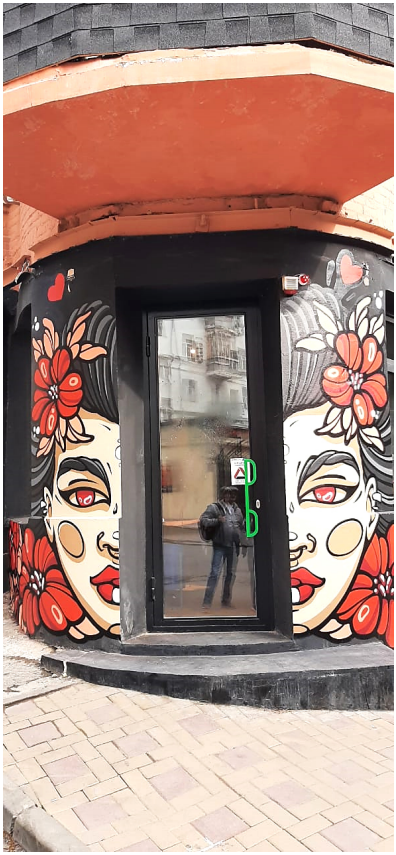

Рис. 22. Граффити-объект с рекламной функцией в г. Новороссийске

В рекламе граффити стали использовать совсем недавно — с 2000-х годов, и первые попытки не были по достоинству оценены местными властями, был наложен штраф. Арт-реклама нацелена на поддержание имиджа компании, создание эстетического удовольствия у реципиента, а также преображение непривлекательных городских объектов. Рекламное граффити может становиться вирусным, если в связи с его необычностью им в виде фото массово делятся в социальных сетях. Кроме того, присутствует скрытая граффити-реклама, при котором роспись объектов выполняется в фирменном стиле заказчика с использованием определенных цветов, элементов, аллюзий, при этом без указания какой-либо коммерческой информации. Граффити-реклама создает положительный имидж компании,

CC BY

отличается креативностью и широкоформатностью, она невольно привлекает и концентрирует на себе внимание аудитории, так как оживляет серый городской пейзаж.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, проанализировав поликодовые тексты, представленные в форме граффити-объектов в рамках городского пространства, мы приходим к выводу о значительном функциональном потенциале данного типа поликодового текста. Нами устанавливается корреляция между понятиями граффити и стрит-арт как между видовым и родовым понятиями, то есть граффити-объекты являются разновидностью стрит-арта, но не каждый объект стрит-арт представляет собой граффити.

В ходе работы было подсчитано количество проанализированных граффити-объектов по разным городам Юга России — в Новороссийской агломерации (г. Новороссийск и г. Мысхако) (870 единиц), Пятигорске (371 единица), Нальчике (262 единицы) и Ростове-на-Дону (87+ единиц). Подчеркивается популярность использования граффити в г. Новороссийске и г. Мысхако. В плане процентного соотношения граффити-объектов по параметру поликодовости определено преобладание данных объектов с только вербальным элементом во всех четырех рассматриваемых городах. В рамках вербального элемента обозначено преимущественное использование латиницы по сравнению с кириллицей.

Онтология граффити в городской среде описывается через ряд важных для понимания этого явления дихотомий, таких как: заметность / незаметность; перформанс / риск / искусство; санкционированность / несанкционированность. В рамках исследования выделены и подробно изучены функции граффити-объектов: интегрирующе-идентифицирующая функция (в рамках данной функции автор граффити-объекта заявляет о себе как об индивидууме и интегрируется в определенную субкультуру или профессиональное сообщество), функция самопрезентации (вытекает из предыдущей и реализуется через тэггинг, то есть подпись собственной работы), протестная функция (реализуется через бомбинг, то есть нанесение изображений на движущиеся поверхности или на поверхности, расположенные в опасных для художника локациях, а также тэггинг санкционированных граффити), субверсивная функция (подразумевает пародийность, намеренное искажение известных рекламных плакатов, слоганов, политических лозунгов с юмористической / сатирической целью, выражения неприязни к чему-либо), рекламная / пропагандистская функция (функции рекламирования товара или услуги, пропаганды какой-либо идеи, реализуется через санкционированные граффити-объекты).

CC BY

В перспективы исследования входит дальнейшее изучение поликодовых текстов, представленных в виде граффити в рамках городского пространства, с позиций соотношения лингвистической и графической частей, выделения фигуры и фона, подключение материала из других регионов и стран.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр ; пер. с франц. — Москва : Добросвет, 2000. — 389 с. — ISBN 5-7913-0047-6.

2. *Заславская А. Ю.* «Стрит-арт» или искусство уличных интервенций / А. Ю. Заславская, М. М. Серова // Вестник СГАСУ. Серия: Градостроительство и архитектура. — 2012. — № 1. — С. 11—16.

3. *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. — Тарту : Тартуский государственный университет, 1984. — Выпуск 18. — С. 30—45.

4. *Пенетова Е. В.* Граффити как феномен городской культуры. Искусство или вандализм? / Е. В. Пенетова // Вестник Прикамского социального института. — 2016. — № 2 (74). — С. 89—92.

5. *Пятигорский А. М.* Материалы по истории индийской философии / А. М. Пятигорский. — Москва : Издательство восточной литературы, 1962. — 255 с.

6. *Топоров В. Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» / В. Н. Топоров // Труды по знаковым системам. — Тарту : Тартуский государственный университет, 1984. — Выпуск 18. — С. 4—29.

7. *Ferrell J.* Graffiti, Street Art and the Politics of Complexity / J. Ferrell // Routledge Handbook of Graffiti and Street Art / Edited by J. Ian Ross. — New York : Routledge, 2016. — Pp. XXX—XXXIX.

8. *Kress G.* Multimodal Discourse : The Modes and Media of Contemporary Communication / G. Kress, Th. van Leeuwen. — London : Arnold, member of the Hodder Headline Group, 2001. — 142 p. — ISBN 0340662921, 9780340662922.

9. *Lachmann R.* Graffiti as Career and Ideology / R. Lachmann // American Journal of Sociology. — 1988. — № 94 (2). — Pp. 229—250.

10. *Lyng S.* Edgework / S. Lyng // American Journal of Sociology. — 1990. — № 95 (4). — Pp. 851—886.

11. *Ross J. I.* Sorting It All Out / J. I. Ross // Routledge Handbook of Graffiti and Street Art / Edited by J. Ian Ross. — New York : Routledge, 2016. — Pp. 1—10.

12. *Schacter R.* Graffiti and Street Art as Ornament / R. Schacter // Routledge Handbook of Graffiti and Street Art / Edited by J. Ian Ross. — New York : Routledge, 2016. — Pp. 141—157.

13. *Schacter R.* The World Atlas of Street Art and Graffiti / R. Schacter ; Foreword by Ch. Johnston. — Sydney : NewSouth Publishing ; University of New South Wales Press Ltd., 2013. — 399 p. — ISBN 1742246532, 9781742246536.

CC BY

Статья поступила в редакцию 31.10.2023,
одобрена после рецензирования 02.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

References

Baudrillard, J. (2000). *Symbolic exchange and death.* Moscow: Dobrosvet. 389 p. ISBN 5-7913-0047-6. (In Russ.).

Ferrell, J. (2016). Graffiti, Street Art and the Politics of Complexity. In: *Routledge Handbook of Graffiti and Street Art.* New York: Routledge. XXX—XXXIX.

Kress, G., Van Leeuwen, Th. (2001). *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication.* London: Arnold, member of the Hodder Headline Group. 142 p. ISBN 0340662921, 9780340662922.

Lachmann, R. (1988). Graffiti as Career and Ideology. *American Journal of Sociology, 94 (2):* 229—250.

Lotman, Yu. M. (1984). Symbolism of St. Petersburg and problems of semiotics of the city. In: *Proceedings on sign systems, 18.* Tartu: Tartu State University. 30—45. (In Russ.).

Lyng, S. (1990). Edgework. *American Journal of Sociology, 95 (4):* 851—886.

Penetova, E. V. (2016). Graffiti as a phenomenon of urban culture. Art or vandalism? *Bulletin of the Prikamsky Social Institute, 2 (74):* 89—92. (In Russ.).

Pyatigorsky, A. M. (1962). *Materials on the history of Indian philosophy.* Moscow: Publishing House of Oriental Literature. 255 p. (In Russ.).

Ross, J. I. (2016). Sorting It All Out. In: *Routledge Handbook of Graffiti and Street Art.* New York: Routledge. 1—10.

Schacter, R. (2016). Graffiti and Street Art as Ornament. In: *Routledge Handbook of Graffiti and Street Art.* New York: Routledge. 141—157.

Schacter, R. (2013). *The World Atlas of Street Art and Graffiti.* Sydney: NewSouth Publishing; University of New South Wales Press Ltd. 399 p. ISBN 1742246532, 9781742246536.

Toporov, V. N. (1984). Petersburg and the "Petersburg text of Russian literature". In: *Works on sign systems, 18.* Tartu: Tartu State University. 4—29. (In Russ.).

Zaslavskaya, A. Yu., Serova, M. M. (2012). "Street art" or the art of street interventions. *The messenger of the SSASU. Series: Urban Planning and Architecture, 1:* 11—16. (In Russ.).

The article was submitted 31.10.2023;
approved after reviewing 02.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Кислова Л. С. Сериал в большом городе : геопоэтика теленовеллы 1980—2020-х годов / Л. С. Кислова, Т. Н. Рацен, С. О. Драчева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 166—191. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-166-191.

Kislova, L. S., Ratsen, T. N., Dracheva, S. O. (2023). TV Series in a Big City: Geo-Poetics of Telenovelas 1980s—2020s. *Nauchnyi dialog, 12* (10): 166-191. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-166-191. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-166-191

Сериал в большом городе: геопоэтика теленовеллы 1980—2020-х годов

Кислова Лариса Сергеевна
orcid.org/0000-0003-2449-516X
кандидат филологических наук,
доцент кафедры языкознания
и литературоведения
l.s.kislova@utmn.ru

Рацен Татьяна Николаевна
orcid.org/0000-0002-6552-7503
кандидат филологических наук, доцент
кафедры языкознания
и литературоведения,
**** корреспондирующий автор***
t.n.racen@utmn.ru

Драчева Светлана Олеговна
orcid.org/0000-0001-9749-9167
кандидат филологических наук,
доцент кафедры языкознания
и литературоведения
s.o.dracheva@utmn.ru

Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

TV Series in a Big City: Geo-Poetics of Telenovelas 1980s—2020s

Larisa S. Kislova
orcid.org/0000-0003-2449-516X
PhD in Philology, associate professor,
Department of Linguistics
and Literary Studies
l.s.kislova@utmn.ru

Tatiana N. Ratsen
orcid.org/0000-0002-6552-7503
PhD in Philology, associate professor,
Department of Linguistics
and Literary Studies,
**** Corresponding author***
t.n.racen@utmn.ru

Svetlana O. Dracheva
orcid.org/0000-0001-9749-9167
PhD in Philology, associate professor,
Department of Linguistics
and Literary Studies
s.o.dracheva@utmn.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

© Кислова Л. С., Рацен Т. Н., Драчева С. О., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается влияние топонимических образов на эстетику популярных зарубежных и российских телесериалов. Телесериал — специфическая художественная модель, трансформация и функционирование которой является результатом значительного влияния телевидения на аудиторию. Его особенность заключается в том, что, выступая ключевым жанром современной массовой культуры, с одной стороны, и мультимедийным текстом, с другой, сериал позволяет визуальному контенту вытеснять вербальный и конструирует в сознании зрителей ту или иную реальность. В рамках геопоэтического подхода авторы статьи рассматривают образ города в телепроектах разных лет, анализируют функции урбанистических знаков и символов, выявляют различные художественные приемы, используемые для характеристики персонажей и репрезентации национально-культурных пространств. Безусловное внимание уделено роли города как места действия и инструменту развития сюжета телешоу. Результатом работы стало выявление динамики образа города в телепроектах 1980—2020-х годов, что позволяет характеризовать телевизионный сериал не просто как источник развлечения, но социальный и национальный проект, претендующий на одну из доминантных позиций в современной культуре.

Ключевые слова:
геопоэтика; теленовелла; топос; локус; сюжет; телепроект; массовая культура; мелодрама.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article explores the influence of toponymic images on the aesthetics of popular foreign and Russian television series. The television series is a specific artistic model, the transformation and functioning of which is the result of significant television influence on the audience. Its uniqueness lies in the fact that, being a key genre of contemporary mass culture on one hand, and a multimedia text on the other, the series allows visual content to displace verbal content and constructs a certain reality in the minds of viewers. Within the framework of the geopoetic approach, the authors of the article examine the image of the city in television projects from different years, analyze the functions of urban signs and symbols, and identify various artistic techniques used to characterize characters and represent national-cultural spaces. Special attention is given to the role of the city as a setting and a tool for plot development in TV shows. The result of the study is the identification of the dynamics of the city image in television projects from the 1980s to the 2020s, which allows us to characterize television series not only as a source of entertainment, but also as a social and national project that claims one of the dominant positions in contemporary culture.

Key words:
Geopoetics; telenovela; topos; locus; plot; TV project; mass culture; melodrama.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 82-293.7+792.9

Научная специальность ВАК
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Сериал в большом городе: геопоэтика теленовеллы 1980—2020-х годов

© Кислова Л. С., Рацен Т. Н., Драчева С. О., 2023

1. Введение = Introduction

Телевизионные сериалы, бесспорно, можно назвать особой приметой массовой культуры рубежа XX—XXI веков. Пройдя путь от дневных «мыльных опер» для домохозяек («В поисках завтрашнего дня» / Search for Tomorrow, 1956—1986; «На пороге ночи» / The Edgeof Night, 1956—1984) и незамысловатых ситкомов («Военно-полевой госпиталь» / M.A.S.H, 1972—1983; «Женаты… с детьми» / Married… with Children, 1987—1997), телесериалы стали значимым культурным явлением. Сегодня на их производство затрачиваются впечатляющие бюджеты: например, в 9 млн долларов за эпизод оценивается восьмой сезон ситкома «Друзья» (Friends, 1994—2004) [Бронтвейн, 2022], а выпуск каждой серии фэнтезийного эпоса «Дом Дракона» (Houseofthe Dragon, 2022—2023) обходится в 20 млн долларов [Корнацкий, 2022]. Сериалы снимаются крупными режиссерами, сделавшими себе имя в «большом» кино: так, под руководством Мартина Скорсезе создана музыкальная драма «Винил» (Vinyl, 2016, 2010—2014); Стивеном Содербергом срежиссированы все 20 эпизодов сериала «Больница Никербокер» / The Knick, 2014—2015). Для участия в них приглашаются всемирно известные актеры: в главных и второстепенных ролях в сериалах появлялись Энтони Хопкинс, Эд Харрис, Венсан Кассель («Мир Дикого Запада» / Westworld, 2016—2022), Мадс Миккельсен («Ганнибал» / Hannibal, 2013—2015), Риз Уизерспун, Николь Кидман, Александр Скарсгард, Мерил Стрип («Большая маленькая ложь» / Big Little Lies, 2017—2019) и др. Качественный сериал зрелищен, подобно блокбастеру («Игра престолов» / Game of Thrones, 2011—2019; «Игра в кальмара» / 오징어게임, 2021), и концептуален, как «авторское кино» («Твин Пикс» / Twin Peaks, 1990—1991, 2017; «Карточный домик» / Houseof Cards, 2013—2018). Из развлечения для домохозяек сериалы превратились в «досуговую практику для всех» [Козлов, 2019, с. 143], став «полноценными драматическими произведениями» [Норманская, 2014, с. 66].

Феноменальная популярность телесериалов объясняется тем, что они дают возможность многим зрителям временно забыть о проблемах и взглянуть на собственную жизнь под иным углом: сказочный мир, чрезвычайная событийность, сложные и запутанные сюжетные перипетии вовлека-

CC BY

ют «зрителя, постоянно живущего в состоянии стресса» [Деменина, 1999, с. 169], в удивительные приключения вместе с любимыми героями; и, таким образом, «телесериал действительно становится незаменимым» [Там же].

Ключевой тенденцией в телесериалах рубежа XX—XXI веков становится репрезентация пространственных образов, которые позволяют не только показать географический и культурный колорит, но и продемонстрировать отчетливую связь телепроекта с реальностью. Среди топосов, наиболее активно осваиваемых сериалом, выделяется город: в теленовеллах город не только испытывает героев, но и отвечает мироощущению современного зрителя, переживающего социальное сиротство и иллюзорность человеческих чувств и отношений.

В статье на основе геопоэтического подхода анализируется корпус российских и зарубежных телесериалов, в которых город репрезентирован как культурно-географический ландшафт. Теоретико-методологический базис исследования составили работы, посвященные изучению пространственных образов (В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского, Ю. М. Лотмана, Д. С. Лихачева, В. Н. Топорова, Л. Н. Таганова, В. В. Абашева, Д. Н. Замятина, Ю. В. Лобановой, И. Сида, С. А. Голубкова, А. А. Булгаковой, И. И. Митина), отношениям между медиакультурнымии пространственными практиками (И. В. Зыковой, А. С. Темляковой, С. С. Аванесова, Н. В. Братовой, Л. С. Московчук), а также современному телесериалу (Е. В. Козлова, В. П. Ушанова, Б. Г. Соколова, Е. Г. Соколова, Т. Л. Черезовой, А. Н. Зарецкой, А. В. Норманской). Новизна исследования обусловлена тем, что в статье, охватывающей свыше 80 теленовелл, снятых в США, Канаде, Франции, Мексике, Бразилии, Турции, Австралии и России в период с 1978 по 2023 годы, город анализируется как географический образ и «пространственный миф, основывающийся на реальности наблюдаемых объектов и на сложившихся стереотипах, но также учитывающий интересы потенциальных потребителей» [Митин, 2004, с. 140].

Участие «в формировании современного облика медиакультуры и ее потребителя, зачастую их парадоксальных характеристик» [Козлов, 2019, с. 136], производство, распространение и утверждение символов и смыслов, влияющих на картину мира современного человека, создание альтернативной реальности, поддерживающей зрителя в состоянии эскапизма, позволяют рассматривать сериал среди важнейших социальных и культурных проектов, что обусловливает актуальность исследования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Изучение пространственных образов является одним из ведущих направлений в социально-гуманитарных исследованиях: наряду со време-

CC BY

нем пространство выступает определяющим параметром существования мира, основополагающей формой человеческого опыта и концептуальным чувственным «инвентарем» культуры, который по-разному субъективно переживается и осознается людьми различных социальных и культурных ориентиров [Гуревич, 1972, с. 26—27]. Рецепция пространства не раз становилась предметом научного описания, например, в работах М. М. Бахтина, рассматривавшего хронотоп в динамике литературных форм от Античности до Нового времени [Бахтин, 1975], А. Я. Гуревича [Гуревич, 1972] и Д. С. Лихачева [Лихачев, 1979], анализировавших пространство в аспекте категорий средневекового искусства и литературы, В. Я. Проппа [Пропп, 1986], Е. М. Мелетинского [Мелетинский, 2000] и В. Н. Топорова [Топоров, 1983, 1987], обращавшихся к изучению его мифопоэтической природы, и др. С 1990-х годов в фокусе исследовательского внимания находится географическое пространство, изучаемое в единстве с организующей его культурной формой [Абашев, 2012а, с. 143] и в аспекте концептуализации его образов как результата освоения отдельных мест [Абашев, 2012б, с. 18]. Согласно обзору О. Н. Александровой-Осокиной, в период с конца XX века по 2020 год XXI века опубликовано свыше сотни работ, выполненных в рамках геопоэтического подхода, в том числе исследования И. Сида, Д. Н. Замятина, В. В. Абашева, А. А. Кораблева, Н. Е. Меднис, А. П. Люсого, Л. Е. Беженару, Е. Ш. Галимовой, О. В. Десятковой, М. С. Уварова, И. Н. Ивановой, В. А. Лимеровой, Е. Ю. Раскиной, В. М. Гуминского, Н. А. Трубициной и др. [Александрова-Осокина, 2020, с. 217]. Активное изучение рецепций реального пространства обусловлено тем, что «современные культурные <…> практики во все большей степени становятся ориентированными на использование различных образов пространства, начиная от образов небольших сельских местностей, городов, культурных ландшафтов и заканчивая образами административно-политических образований государства, региональных политических союзов и даже цивилизаций» [Замятин, 2006, с. 8]. В этой связи географическое пространство становится не просто территорией, но и «культурно-духовной реальностью, где вещи и символы оборачиваются знаками, <…> образующими особый локальный текст большой культуры», который организует «отношения человека и среды его обитания» [Таганов, 2014, с. 8].

Одним из ключевых пространственных образов в культуре является город: «Город как феномен культуры и социальной жизни вызывает все возрастающий интерес. <…> …Понимание города (и территории) как текста в определенной степени резюмирует жизнь человека в месте его жизни» [Абашев, 2012б, с. 13—14]. Ю. М. Лотман отмечает полисемантичность и модальность данного образа: город может быть изоморфен государству

CC BY

или противопоставлен ему; изображаться как структура «концентрическая» (центр Земли) или «эксцентрическая» (за пределами цивилизации); выступать как град Божий или прибежище Антихриста и т. д. [Лотман, 1984]. Мифологическая природа и амбивалентность образа города связываются В. Н. Топоровым с тем, что город осмысляется как важнейшая форма существования человека на его пути к выживанию и обретению нового рая, сопряженного, однако, со страданием и риском [Топоров, 1987, с. 121]. Такая семиотическая нагруженность и культурная значимость позволяют городу, по выражению Ю. В. Лобановой, инициировать «связанные с его жизнью художественные образы», обнаруживать «своеобразие городской среды» в образах искусства [Лобанова, 1998, с. 7].

Особое значение город приобретает в XX—XXI веках: в ситуации модерна и постмодерна он являет собой «в сконцентрированной миниатюре слепок большого национального общества» [Мартьянов, 2016, с. 78]. В художественном дискурсе пространство города особенно активно осваивается кинематографом, который определяется С. С. Аванесовым как «зеркало культуры», «ее инструмент, форма исповеди и средство внушения» [Аванесов, 2022, с. 45]. Например, Москва в комедии «Я шагаю по Москве» (СССР, 1964), Рим в фильме «Рим» (Roma; Италия, 1972), Санкт-Петербург в боевике «Брат» (Россия, 1997), Лондон в комедии «Хороший год» (A Good Year; США, 2006), Барселона в мелодраме «Вики Кристина Барселона» (Vicky Cristina Barcelona; США, 2008) и т. д. Городам мира посвящена отдельная кинофраншиза «…Я люблю тебя», в которую вошли посвящения Парижу (2006), Нью-Йорку (2009), Москве (2010), Гаване (2012), Рио-де-Жанейро (2014) и др. С. С. Аванесов в киноискусстве выделяет особый киножанр — «городской фильм», объединяющий людей и место, и в котором город явлен как персонаж или элемент сюжета [Аванесов, 2022, с. 46—47]. Называя город «мощным стимулом творческого процесса», И. В. Зыкова указывает на неисчерпаемый смысловой и интерпретационный потенциал его семиотики [Зыкова, 2022, с. 63]. Прослеживая особенности репрезентации города в кинотексте, исследователь делает вывод о том, что урбанистические кинообразы (речь персонажей, урбанонимы, прецедентные антропонимы, визуальный и звуковой ряды и т. д.) продуцируют в культуре множественные образы реального города как идеального, так и разнополярного мира [Зыкова, 2022, с. 72]. Рассматривая представленность реального городского пространства в художественной культуре, Н. В. Братова отмечает, что современный кинодискурс значительно расширяет локальные геопоэтические образы-тексты: например, благодаря российскому кинематографу 1990-х годов в «петербургский текст» вошли образы города фланеров, города-рынка, города-сна, города-«хаосмоса» и др. [Братова, 2015].

CC BY

Киноискусство не только конструирует определенный визуальный и символический образ города, но и (что особенно важно!) транслирует его на широкую аудиторию. Как отмечает Л. С. Московчук, репрезентированное в киноленте изображение влияет на оценку, восприятие и привлекательность города: он становится той точкой притяжения, которая дает возможность зрителю «прожить эмоциональный опыт полюбившихся героев, прикоснуться к определенному стилю жизни, погрузиться в желанную атмосферу» [Московчук, 2021, с. 115]. Из всех кинематографических жанров наиболее продолжительное эмоциональное воздействие на зрителя оказывает сериал. Длительное повествование, в основе которого находится сюжетная интрига, владеющая вниманием и интересом реципиента, формирует у зрителя личностно-маркированное отношение к изображаемому [Козлов, 2019, с. 146], в том числе и к месту, где разворачивается действие сериала. Так, согласно опросу 2023 года, многие туристы при планировании путешествий ориентируются на любимые сериалы: посещают достопримечательности, кафе и магазины, выбирают виды досуга, показанные в сериале [Кручинин, 2023]. Кроме того, в некоторых странах появляются бары и клубы, тиражирующие знаковые киноэргонимы с позитивной семантикой, вызывающие у любителей сериалов положительные эмоции, воссоздавая тем самым праздник жизни: «Neon Monkey» (Россия), «Monkey Bar» (Россия, Болгария, Сербия), «Бар Monkey Brothers» (Республика Беларусь), пекарня «Магнолия» (Россия, США, Болгария) и т. д. Именно поэтому современный сериал не просто популярный формат развлечения, а инструмент влияния на культурные и даже экономические процессы. Таким образом, за последние годы значительно вырос интерес к сериалу со стороны исследователей, пытающихся осмыслить значимость и одновременную парадоксальность данного феномена: негативно оцениваемый («…сериал — это что-то ну очень неприличное и совсем нереспектабельное» [Соколов, 2011, с. 146]), сериал выступает мощной культурной скрепой социума («…сериал воспринимался как некий объединяющий всю страну идентификационный код» [Соколов, 2011, с. 145]). Так, Е. В. Козлов видит ценность сериала в том, что он участвует «в формировании культурных кодов сегодняшнего дня» [Козлов, 2019, с. 146]. Плотность фикционального пространства и пластичность структуры позволяют сериалу вбирать все, что находится за пределами художественного дискурса, мгновенно реагировать на запросы аудитории [Козлов, 2019, с. 138] и при этом находить баланс между инвариантным и вариативным [Козлов, 2019, с. 146]. В концепции Б. Г. Соколова и Е. Г. Соколова сериал приобретает экзистенциальный размах: по мнению исследователей, в отличие от других форм художественного искусства, он конституирует «стратегию

CC BY

разворачивания собственной жизни», то есть выступает сценарием форматирования «реальности жизни, а не просто “реальности” грез и фантазий» [Соколов, 2011, с. 150]. Вследствие этого сериал выходит за пределы художественного дискурса, превращаясь в «сериал жизни современного обитателя “городских глобальных джунглей”» [Соколов, 2011, с. 183].

Мысль о том, что сериалы моделируют объективную реальность, отмечается В. П. Ушановым, рассматривающим телесериал как пространство, «где активно происходит конвергенция документального и художественного информационных потоков» [Ушанов, 2020, с. 78]. Это позволяет адаптировать в сериале любые символы и идеи и транслировать их аудитории с высокой степенью эффективности (например, избрание женщины премьер-министром Дании под влиянием сериала «Правительство» / Borgen, 2010—2013) [Ушанов, 2020, с. 79]. Т. Л. Черезова и Е. Г. Якухнова, анализируя известные американские медицинские сериалы («Клиника» / Scrubs, 2001—2010; «Доктор Хаус» / House, M. D., 2004—2012; «Скорая помощь» / Emergency Room, 1994—2009 и др.) и их «клоны» в других странах, прослеживают распространение по всему миру единых социально-культурных стандартов, возникающих за счет создания у телезрителей «определенных ожиданий» [Черезова, 2019, с. 153—154]. Созидающий характер телесериала подчеркивается А. Н. Зарецкой и А. В. Норманской: каждый отдельный сериал продуцирует «информационную модель реального мира», с помощью которой он категоризует и структурирует мир [Зарецкая, 2013, с. 89], формирует у своего зрителя представления о нем и, в конечном счете, гармонизирует их отношения [Норманская, 2014, с. 68—69].

Таким образом, сериал сегодня фактически выступает и инструментом мифотворчества, и собственно мифом: «элементы его как мышления конкретного, образно-чувственного, слабо отдифференцированного от эмоциональной сферы, ориентированного на достойные подражания сакрализованные “образцы”» [Мелетинский, 2000, с. 167] обнаруживаются в данном продукте массовой культуры. Появляющееся в сериальном повествовании в качестве материала или антуража пространство города вовлекается в культурные практики, что приводит к формированию новых территориальных мифов [Сид, 2015, с. 161] и геопоэтических образов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Условность городского топоса в теленовеллах 1980—2020-х годов

Одним из художественных принципов телесериала 1980-х—2020-х годов является гармоничное проникновение в специфику того пространства, в котором разворачиваются события. Особое место в ряду подобных теленовелл занимают такие многосерийные ленты, как американские про-

CC BY

екты «Санта-Барбара» (Santa Barbara, 1984—1993), «Беверли-Хиллз, 90 210» (Beverly Hills, 90210, 1990—2000), «Мелроуз-Плэйс» (MelrosePlace, 1992—1999), «Саванна» (Savannah, 1996—1997), «Любовь и тайны Сансет-Бич» (Sunset Beach, 1997—1999), французский сериал «Сен-Тропе» (SousLe Soleil, 1996—2008), канадский — «Черная Бухта» (Black Harbour, 1996—1999) и др.

Действие в такого рода сериалах, как правило, концентрируется вокруг основной, достаточно небольшой группы героев: в сериале «Любовь и тайны Сансет-Бич» это семья Ричардс, в «Санта-Барбаре» — семьи Кэпвелл и Локридж, в проекте «Черная Бухта» — семья Хаскелл, в «Мелроуз-Плэйс» — жильцы многоквартирного дома, в «Беверли-Хиллз, 90 210» — компания друзей детства. Как и положено в «мыльных операх», герои живут необычайно насыщенной жизнью: женятся, разводятся, раскрывают семейные тайны, теряют память, попадают в катастрофы, отбывают заключение, умирают, неоднократно воскресают и т. д. При этом персонажи крайне редко покидают город, в котором все эти события происходят, и, как правило, возвращаются обратно. В этом смысле наиболее активно перемещаются в пространстве герои сериала «Санта-Барбара»: Келли Кэпвелл после смерти Дилана Хартли скрывается в Швейцарии, Лайонел Локридж путешествует по станам Востока, Лейкен Локридж переезжает в район озера Тахо, Иден и Круз Кастильо периодически выезжают за пределы штата и страны, Джина и ее супруг Кейт Тимманс отправляются в свадебное путешествие на Гавайи, Тед Кэпвелл отдыхает в Европе. Герои же теленовеллы «Любовь и тайны Сансет-Бич», напротив, не выезжают за пределы своего города. В сериале «Беверли-Хиллз, 90 210» персонажи время от времени покидают Лос-Анджелес всей компанией, однако самостоятельный отъезд героя из Калифорнии означает его автоматический уход из сериала. Так, Бренда Уолш надолго отправляется в Лондон учиться в школе театрального искусства, Карли возвращается в штат Монтана для того, чтобы ухаживать за внезапно заболевшим отцом, Брендона приглашают на работу в Вашингтон, и он навсегда расстается с Келли Тейлор.

Все перечисленные сериалы не изображают персонажей за пределами их города: события, разворачивающиеся вовне, скрыты от телезрителя. Вместе с тем пространственные перемещения всегда связаны с трансформацией героев: они ненадолго покидают город, чтобы пережить потерю и духовно обновиться. Нередко кардинальные перемены заставляют кого-то из них порвать с прежней жизнью. Таким образом, город здесь — «свой» мир, «отцовский дом» [Там же], а вся территория за его границами — «чужой», «потусторонний мир», «тот свет» [Пропп, 1986, с. 287]. Родной город противопоставлен Гавайям, Европе или Лондону, которые конструиру-

CC BY

ют мифологический топос, «царство» и будто отделены «непроходимым лесом, морем, огненной рекой» [Пропп, 1986, с. 281]: находящийся здесь временно персонаж проходит подобие сказочной инициации, уход же героя становится его символической смертью в сериальном повествовании.

Образ города как пространства семейного, домашнего подчеркивается также и тем, что чужаков здесь принимают радушно. Например, Мэг Каммингс, приехавшая в Калифорнию из Канзаса, быстро становится всеобщей любимицей («Любовь и тайны Сансет-Бич»); переехавшие из Миннесоты в Калифорнию Бренда и Брендон Уолш без труда находят себе друзей в претенциозной школе, а Вэлери, Джина и Софи, несмотря на репутацию коварных хищниц, легко вписываются в сплоченную команду друзей («Беверли-Хиллз, 90210»); Кейт Хаббард-Хаскелл переезжает из блистательного Лос-Анджелеса в маленький тихий городок в Новой Шотландии и обретает давно потерянный дом («Черная Бухта»). Отметим, что во всех названных телесериалах особой приметой «своего» мира становится его замкнутость. Встречи персонажей происходят в одних и тех же локациях: в сериале «Любовь и тайны Сансет-Бич» это кафе «Бездна» и пляжный пирс, в «Санта-Барбаре» — ресторан отеля «Кэпвелл» и клуб «Логово», в «Беверли-Хиллз, 90210» — ночной клуб «После полуночи» и закусочная «Косточка», в проекте «Сен-Тропе» — кафе на пляже, в котором работают герои сериала.

Однако сами города, репрезентированные в названии телесериалов, почти никак не проявлены и представляют собой в большей степени условный Город: действие разыгрывается в павильонных декорациях, натурные съемки редки и запечатлевают практически всегда либо океанское побережье, либо горный ландшафт. Собственно город находится за кадром, а телезритель не видит городских пейзажей: создатели и зрители фильма словно договариваются о том, что город, в котором происходит действие, — это Лос-Анджелес, Санта-Барбара, Даллас, Саванна и т. д. По сути, только полисоним — название знакового города — выполняет и интеграционную функцию, и «функцию ориентирования зрителя среди возможных “миров”, создаваемых разными сериалами» [Зарецкая, 2013, с. 89].

Санта-Барбара, Саванна, Сен-Тропе предстают как небольшие города, в которых половина жителей приходятся друг другу родственниками, друзьями, одноклассниками или коллегами. Эта камерность неизменно подкупает телезрителя, заставляя его поверить в возможность спокойной жизни в замкнутом пространстве провинциального рая. Сериалы словно воплощают тайную мечту многих зрителей жить в небольшом городке, знать врачей городской больницы, учителей местной школы, полицейских, почтальона, продавцов магазинов в лицо, здороваться с ними каждое утро, отправляясь на работу, и верить в то, что твой город — тихое, безопас-

CC BY

ное место, поскольку ты знаешь всех, кто в нем живет. Современное телевидение достаточно успешно эксплуатирует эту иллюзию уютной жизни в замкнутом и защищенном мире: даже если это не город, а район в таком мегаполисе, как Лос-Анджелес (например, Беверли-Хиллзил и Мелроуз-авеню), жизнь здесь подобна жизни в маленьком городе, и на самом деле не имеет значения то, в каком городе или районе разворачивается повествование: Санта-Барбару и Саванну, как и Мелроуз-авеню и Беверли-Хиллз, в любом телесериале можно легко поменять местами. В связи с этим все описанные выше «мыльные оперы» одинаково реализуют мифопоэтическую модель пространства: оно замкнуто и с «исключительной подробностью характеризуется имевшими место событиями» [Топоров, 1983, с. 266], «не имеет отношения к реальному пространству» [Лихачев, 1979, с. 338] и, даже охватывая широкую географию, сокращает мир, «создавая “модель” мира — как бы микромир» [Лихачев, 1979, с. 343]. Главное здесь не географическое расположение места действия, а сама идея единения и некой коллективной жизни; именно поэтому телесериалы, воссоздающие универсальную модель условного города, и являются столь востребованными массовой аудиторией.

Ярче и колоритнее образ города проявлен в латиноамериканских классических мелодрамах (Мексика) и мелодрамах с элементом детектива (Бразилия). В современном художественном, в том числе медийном, дискурсе образ Латинской Америки рассматривается как фрагмент геопоэтической картины мира: зритель погружается в ментально чуждое, но интригующее и подчеркнуто нереальное пространство, в котором не действуют традиционные законы мироустройства. В таких сериалах, как «Новая жертва» (A Próxima Vítima, 1995), «Роковое наследство» (O Reido Gado, 1996—1997), «Жестокий ангел» (Anjo Mau, 1997—1998), «Вавилонская башня» (Torre de Babel, 1998—1999), «Нежный яд» (Suave Veneno, 1999), «Проспект Бразилия» (Avenida Brasil, 2012), пространство также подвергается мифологизации: культивируется образ большого преуспевающего города, но при этом демонстрируются нищие кварталы и подземные лабиринты метро.

Действие в мексиканских теленовеллах в основном происходит в столице — Мехико («Богатые тоже плачут» / Losricost am biénlloran, 1979—1980; «Дикая Роза» / RosaSalvaje, 1987—1988; «Просто Мария» / Simplemente María, 1989—1990; «Узы любви» / Lazos deamor, 1995—1996; «Марисоль» / Marisol, 1996; «Ложь во спасение» / Benditam entira, 1996; «Узурпаторша» / La Usurpadora, 1998); реже — в других крупных городах Мексики: Гвадалахаре, Монтеррее («Никто, кроме тебя» / Tú o Nadie, 1985; «Моя вторая мама» / Mi Segunda Madre, 1989), в небольших городах центральной Мексики и на побережье («Маримар» / Marimar, 1994; «Мне

CC BY

не жить без тебя» / Tesigo am ando, 1996—1997;«Золотая клетка» / Lajau la deoro, 1997). Как правило, столица в мексиканских телесериалах — беспощадный запутанный лабиринт, в котором легко заблудиться девушке из бедного района или наивной провинциалке. Натурные съемки в мексиканских теленовеллах практически отсутствуют, поэтому встречи героев на улицах всегда маркированы — они носят не бытовой, а фатальный характер: «Городская улица часто выступает <…> тем пространством, где пересекаются судьбы персонажей» [Темлякова, 2015, с. 57].

Как и в мексиканских сериалах, действие в бразильских многосерийных мелодрамах сконцентрировано в крупных промышленных центрах (например, в Сан-Паулу), а главные герои таких теленовелл владеют процветающими компаниями. В ряде телепроектов основная интрига разворачивается в таком огромном мегаполисе, как Рио-де-Жанейро, и столице страны — городе Бразилиа («Линия жизни» / A Viagem, 1994; «История любви» / História de Amor, 1995—1996; «Во имя любви» / Por Amor, 1997—1998), а также в живописнейшей Форталезе — пятом по величине городе страны, расположенном на побережье Атлантического океана («Тропиканка» / Tropicaliente, 1994).

В отличие от американских, французских и канадских сериалов бразильские теленовеллы достаточно точно информируют телезрителя о том, в каком конкретном месте разворачиваются события. Натурные съемки чрезвычайно популярны в Бразилии: показывая сказочные пейзажи Рио-де-Жанейро, создатели телесериалов демонстрируют в то же время и индустриальные виды Сан-Паулу. При этом характерно то, что жизнь в мегаполисах ничем не отличается от размеренного и неспешного существования в маленьких провинциальных городах. Герои бразильских теленовелл посещают одни и те же места, постоянно встречаясь то на золотых пляжах Рио, то в самых отдаленных районах Сан-Паулу («История любви» / História de Amor, 1995—1996; «Новая жертва» / A Próxima Vítima; 1996—1997; «Лабиринт» / Labirinto, 1998;«Нежный яд» / Suave Veneno, 1999;«Клон» / O Clone, 2001—2002). Будучи совершенно незнакомыми в начале сериала, в финале персонажи становятся практически лучшими друзьями и общаются в основном друг с другом. Так, герои теленовеллы «История любви» ежедневно сталкиваются в торговом центре, в котором многие из них работают, а в финале на бракосочетание Бьянки и доктора Дэниэла приходят все персонажи. В сериале же «Вавилонская башня» (TorredeBabel, 1998—1999) в результате многочисленных браков герои умудряются даже породниться. И хотя искусственность этого единения персонажей бразильских теленовелл очевидна, однако интуитивно воспроизводя модель поведения, основанную на принципах подобной коллек-

CC BY

тивной жизни, герои этих сериалов стараются преодолеть вынужденное одиночество в большом городе. Все персонажи неразрывно связаны друг с другом, и эта реальная связь более надежна, нежели кровные узы. В этом смысле бразильские «мыльные оперы» последовательно конструируют такой тип художественного пространства, который В. Н. Топоров называет «город как родовое место (то есть место, где находится род и где он рождается, ср. город-мать, “метрополис”)» [Топоров, 1987, с. 132].

Привязанность того или иного телесериала к определенной географической точке создает некую иллюзию замкнутого пространства. Это пространство может быть реальным, как, например, в австралийском сериале «Бангкок Хилтон» (Bangkok Hilton, 1999), американских проектах «Спасатели Малибу» (Baywatch, 1989—1999) и «Манхэттен» (Manhattan, 2014—2015), российском детективе «Бандитский Петербург» (2000—2007), или фантастическим, находящимся на границе между реальным и ирреальным мирами, как в знаменитом сериале «Твин Пикс» (Twin Peaks, 1990—1991, 2017). Однако говорить об образе города в этих теленовеллах как о достоверном невозможно, поскольку город в подобных телепроектах зачастую условен, нейтрален и представлен только как некая форма организации пространства. Таким образом, для сериала не имеет значения, существует ли в действительности город, о котором идет речь: мир героев, живущих даже в конкретной географической точке, — это всегда искусственный, воображаемый, выдуманный мир. Депрессивные дворы-колодцы Петербурга («Бандитский Петербург»), блеск престижного района Нью-Йорка («Манхэттен»), красный песок Австралии и мутные каналы Бангкока («Бангкок Хилтон») — реальные приметы нереального мира.

Город, изображаемый во всех упоминаемых теленовеллах (независимо от страны создания), существует как данность, некая вечная ценность, от которой невозможно отказаться. Такой город может быть «идеальным городом» и «проклятым городом» одновременно. Герои теленовелл стремятся вернуться в свой город или уехать из него, и их вселенная сконцентрирована в одной единственной точке — собственном городе, селении, районе. Так, беглец Хэл Стэнтон возвращается в Бангкок, город своего детства, спасаясь от бесчестия, но город, ставший спасительным для Хэла, оказывается роковым для его дочери Катрины («Бангкок Хилтон»). Максим Эмбервилль, объехавшая полмира в поисках гармонии, наконец обретает ее, вернувшись домой, в Нью-Йорк («Манхэттен»). Кейт Хаскелл отказывается от блистательного Лос-Анджелеса ради скромной жизни в Черной Бухте, месте, которое она ненавидела в юности; провинциальная жизнь, наполненная страстями и происшествиями, поглощает Кейт, и возвращение в Лос-Анджелес представляется ей совершенно невозможным («Черная Бухта»).

CC BY

Таким образом, город, демонстрируемый в теленовеллах конца 1980—2020-х годов, напоминает скорее пространственную западню, невидимую паутину, в ее сетях оказываются и вымышленные герои, и реальные телезрители; на тех и других влияет магия замкнутого пространства.

3.2. Город как персонаж в телесериале «Секс в большом городе»

С 2000-х по 2020-е годы ситуация в мире телесериалов кардинально меняется, поскольку образ города утрачивает свою номинативную природу и обретает реальные очертания. С этого времени город начинает репрезентироваться как «сложная, но одновременно открытая система, элементы которой представлены в виде знаков», они «несут некие сообщения» и связаны друг с другом «на семантическом уровне», поскольку принадлежат единому пространству [Голубков, 2010, с. 41]. Важнейшую роль в этом сыграл американский сериал «Секс в большом городе» (Sex andtheCity, 1998—2004). «Секс в большом городе» («Секс и город») — американский телесериал канала HBO (продюсером которого выступил Даррен Стар), основанный на материале одноимённой книги журналистки Кэндес Бушнелл. Эпизоды демонстрировались с июня 1998 до февраля 2004 года. Основной актерский состав на протяжении всего сериала оставался неизменным — Сара Джессика Паркер, Ким Кэтролл, Кристин Дэвис и Синтия Никсон. После завершения сериала было снято два полнометражных фильма в 2008 и 2010 годах, а также молодёжный сериал «Дневники Кэрри». В 2010 году появилось продолжение телехита «Секс в большом городе» — сериал «И просто так».

В центре легендарного сериала «Секс в большом городе» четыре подруги, живущие в Нью-Йорке: колумнистка газеты «NewYorkStar» Кэрри Брэдшоу, пиар-менеджер Саманта Джонс, адвокат Миранда Хоббс и артдилер Шарлотта Йорк. Необыкновенную популярность во всем мире этот сериал обрел не только благодаря «пикантной» искренности (сюжеты серий строятся на обсуждении подругами их любовных похождений) и отражению ключевых социально-политических, экономических и культурных явлений рубежа XX—XXI веков, но и благодаря тому, что город становится частью их жизни и главной любовью центрального персонажа — Кэрри, не представляющей себя вне Манхеттена. Энергетика этого пространства, безусловно, пронизывает весь сериал. И даже если жизнь Нью-Йорка не имеет ничего общего с образом жизни четырех подруг и мало кто на реальном Манхеттене выглядит подобно Кэрри Брэдшоу, зритель безоговорочно верит в правдивость образа города.

Имидж Нью-Йорка в телепроекте создается не только за счет значительного увеличения натурных съемок: «Секс в большом городе» стал первым телесериалом, в котором активно используется вся система урба-

CC BY

нонимов как «маркеров определенного городского пространства, которые существуют объективно в пределах конкретного пространственно-временного континуума художественного дискурса» [Голубков, 2010, с. 41]. Реальные урбанонимы не только устанавливают пространственный фон произведения, но и указывают на социально-культурный статус героев. Героини гуляют по Центральному парку (CentralPark), Бруклинскому мосту (the Brooklyn Bridge), посещают Публичную библиотеку Нью-Йорка (the NewYork PublicLibrary), Линкольн-центр (Lincoln Center), Музей современного искусства (the Museum of ModernArt), Галерею Луиса К. Мейзела (Louis K. Meisel Gallery) на Принс-стрит (PrinceStreet) и другие культурные объекты. Кэрри покупает свои брендовые вещи в реальных магазинах Manolo Blahnik на 54-й Западной улице (West 54th Street), Chanel, Barneys NewYork, Bergdorf Goodman, Hermès и Dolce&Gabbana на Мэдисон-авеню (Madison Avenue). Подруги встречаются в пекарне «Магнолия» (Magnolia Bakery) на Бликер-стрит (BleeckerStreet), в ресторане «Бальтазар» (Balthazar) на Спринг-стрит (SpringStreet), в таверне «Пита» (Pete'sTavern) на 18-й Восточной улице (East 18th Street), в ресторане «Русский самовар» (Russian Samovar) на 52-й Западной улице (West 52th Street), в кафе «Море» (Sea) на 6-й Восточной улице (East 6th Street).

«Секс в большом городе» сегодня может рассматриваться как первый городской сериал: его пространство диктует «стратегию и манеру поведения героев», «создает ауру, характер, темп киноповествования» [Темлякова, 2015, с. 57—58]. Город здесь принципиально отличен от городов, изображенных в американских телесериалах-предшественниках: если Даллас («Даллас»), Санта-Барбара («Санта-Барбара»), Манхэттен («Манхеттен») и др. — условная сюжетная декорация, то образ Нью-Йорка выступает как форма характеристики героя и тесно связан с тем, что происходит с героем в телесериале [Аванесов, 2022, с. 47]. В связи с этим можно сказать, что город в сериале способствует позиционированию истории о типичном жителе именно Нью-Йорка.

История четырех подруг словно повторяет текст знаменитой композиции «Нью-Йорк, Нью-Йорк». Незамысловатый текст песни, который воспроизводит события одного дня жителя Нью-Йорка, не наполненного великими делами и особыми достижениями, повторяется в сериале. Жизнь главной героини сосредоточена в пространстве любимого города и связана с его знаковыми местами. День Кэрри напоминает день героя музыкальной композиции. Утро житель Нью-Йорка начинает под песню «Нью-Йорк, Нью-Йорк» (*The mefrom New York, New York / Музыкальная тема из «Нью-Йорк, Нью-Йорк»*; здесь и далее перевод наш. —*Л. К., Т. Р., С. Д.*), завтракает в любимой забегаловке (*I head to my favorite bodega, to get a bagel… /*

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Я иду в свой любимый винный погреб за бейглом), хозяин которой — разговорчивый старик, не меняющийся и не стареющий с годами (I spend some time there chatting with Joe, the owner, who has lived in New York for the past two hundred and fifty years, and has always been eighty-three years old / *Я провожу там некоторое время, болтая с Джо, владельцем, который живет в Нью-Йорке последние двести пятьдесят лет, и все эти годы ему восемьдесят три*). Потом он едет на узнаваемом во всем мире нью-йоркском такси до своего офиса (*I commute to my office by hopping in a classic yellow cab… / Я добираюсь до офиса на классическом желтом такси*…), расположенного в одном из фешенебельных зданий (*My office is in a glass skyscraper that is five thousand feet tall / Мой офис находится в стеклянном небоскребе высотой пять тысяч футов*). Он затрудняется объяснить, в чем состоит его работа (*a combination of Wall Street trader, real-estate mogul, Times Square Elmo, commissioner of the Department of Sanitation, and understudy for Aaron Burr in "Hamilton / Сочетание трейдера с Уолл-стрит, магната недвижимости, Элмо с Таймс-сквер, комиссара Министерства санитарии и дублера Аарона Берра в «Гамильтоне»*), но она делает его богачом или нищим (*My weekly salary ranges between two hundred and fifty thousand dollars and a fifteen-dollar coupon for lunch at the Olive Garden / Моя недельная зарплата колеблется от двухсот пятидесяти тысяч долларов до пятнадцатидолларового купона на обед в «Олив Гарден»*). После работы он окунается в ночную жизнь города, посещая модные места (*I'll go watch "The Lion King" on Broadway, make an appearance on "The Late Show with Stephen Colbert"...I'll wander up to the Metropolitan Museum... I'll start out at the Cotton Club, then check in at CBGB, then mosey over to Studio 54, and finish up at a very trendy place with a one-syllable name that I am not allowed to say out loud under penalty of exile / Я пойду смотреть «Короля Льва» на Бродвее, появлюсь в «Позднем шоу со Стивеном Кольбером»… Я прогуляюсь до Метрополитен-музея… Я начну с ночного клуба «Коттон-клуба», потом зарегистрируюсь в «CBGB», затем отправлюсь в «Студию 54» и закончу в очень модном месте с односложным названием, которое мне запрещено произносить вслух под страхом изгнания*) [Small, 2019]. Таким образом, Нью-Йорк — это место, куда стремятся люди, чтобы реализовать самую заветную мечту; и даже когда человек задумывается о том, чтобы его покинуть, Нью-Йорк удерживает его, поскольку это город-праздник (*…it'saprettyfunplace / Это довольно веселое место*) [Там же].

При всей растиражированности и популярности образа Нью-Йорка этот город представлен в сериале абсолютно реальным и осязаемым. И когда Кэрри, Шарлотта, Миранда или Саманта вдруг оказываются в Атлантик-Сити, Лос-Анджелесе и даже Париже, тоска по Нью-Йорку немедлен-

CC BY

но гонит их обратно. Когда очарование Лос-Анджелесом исчезает, Кэрри понимает, что декорации Голливуда превращают этот мегаполис в искусственный, а счастливыми и богатыми жители Лос-Анджелесе на самом деле притворяются. Дорогие дома принадлежат небольшой группе избранных, предметы роскоши — всего лишь подделка, а кофе, не содержащий кофеина, — абсолютный суррогат бодрящего напитка, как и сам Город Ангелов — суррогат беззаботности и благополучия. Осознав, что ветер вовсе «не дует с запада на восток», Кэрри стремится в любимый Нью-Йорк, где, как ей представляется, все настоящее.

Образ города в культовом телесериале Даррена Стара и Кэндес Бушнелл приобретает особые коннотации: он превращается в действующее лицо, персонаж. Несмотря на то, что Нью-Йорк здесь чрезмерно глянцевый и роскошный, он узнаваем, и эта топографическая определенность становится новым направлением в телесериалах нулевых.

3.3. Город как «центр» и «периферия» в телесериалах

Сегодня в мире особенно популярны турецкие мелодрамы; среди них наиболее известны такие сериалы, как «Горькая жизнь» (AcıHayat, 2005—2007), «Сыла. Возвращение домой» (Sıla, 2006—2008), «Аси» (Asi, 2007—2009), «Запретная любовь» (Aşk-ı Memnu, 2008—2010), «Если бы я стал облаком» (Bir Bulut Olsam, 2009), «Любовь и наказание» (AşkveCeza, 2010—2011), «В чем вина Фатмагуль?» (Fatmagül ünsuçune?, 2010—2012), «Небесная любовь» (YerGökAşk, 2010—2013), «Иффет» (Iffet, 2011—2012),«Великолепный век» (Muhteşem Yüzyıl, 2011—2014), «Два лица Стамбула» (Fatih — Harbiye, 2013—2014), «Черная роза» (Karagül, 2013—2015), «Прилив» (Medcezir, 2013—2015),«Черные деньги и любовь» (Kara Para Aşk, 2014—2015), «Вишневые сезоны» (Kiraz Mevsimi, 2014—2015), «Любовь против судьбы» (Kaderim in Yazıldığı Gün, 2014—2015), «Черный хлеб» (Kara Ekmek, 2015),«Черная любовь» (Kara Sevda, 2015—2017), «Любовь напрокат» (KiralıkAşk, 2015—2017), «Госпожа Фазилет и ее дочери» (Fazilet Hanımve Kızları, 2017—2018), «Новая невеста» (Yeni Gelin, 2017—2018), «Невеста из Стамбула» (İstanbullu Gelin, 2017—2019), «Ты расскажи, Караденiз» (Sen Anlat Karadeni, 2018—2019; в российском прокате «Истерзанная»), «Не отпускай меня» (Beni Bırakma, 2018—2021), «Запретный плод» (Yasak Elma, 2018—2023), «Ветреный» (Hercai, 2019—2021), «Постучись в мою дверь» (Sen Çal Kapımı, 2020—2021),«Доверие» (Emanet, 2020—2023). Особенностью турецких сериалов является то, что их нарратив определяется местом действия: персонажи, сюжет и конфликт непосредственно зависят от того, разворачиваются события в столице или провинциальном городе.

Стамбул как место действия многих турецких телесериалов (например, проектов «Иффет», «Два лица Стамбула», «Черный хлеб») представ-

CC BY

лен городом контрастов. Его двойственность обусловлена тем, что в этом крупнейшем городе Турции соединяются Европа и Азия, сосуществуют вековые традиции и активная жизнь современного мегаполиса. Так, на изображении двух миров (современного фешенебельного квартала Харбие и патриархального района Фатих) строится сериал «Два лица Стамбула» (тур. «*Fatih — Harbiye*» в буквальном переводе на рус. «*Фатих — Харбие*»). Двуликий Стамбул и двуликая героиня Асие, девушка из бедного района, мечтающая вырваться из нищеты, представлены в сериале «Черный хлеб». Сериал «Иффет» посвящен жизни героев в еврейском квартале Балат (Balat), считавшемся долгое время неблагополучным районом: после ухода отсюда еврейского населения в опустевших домах поселились цыгане, курды и обедневшие турки. И если сегодня Балат воспринимается туристами как яркое, наполненное достопримечательностями пространство, то еще в 2011 году, когда снимался сериал «Иффет», Балат был сложным кварталом. Центральной темой названных проектов становятся не столько личные отношения влюбленных героев, которые не могут воссоединиться в результате социального неравенства, сколько противостояние двух миров, сосредоточенных в разных районах Стамбула.

Вместе с тем созданные на экспорт турецкие сериалы «почти ничем не отличаются от западных, кроме того, что действие в них происходит в Стамбуле», а присутствующий в них экзотический антураж и утрированный национальный колорит работают в большей степени как аттракцион для телезрителя [Спесивцев, 2023], поэтому контрастный Стамбул, как и другие города Турции, представляет собой скорее некое декоративное пространство. Благодаря телепроектам были популяризованы в медиасреде и стали местами паломничества поклонников сериалов многие районы Стамбула: элитный Нишанташи (Nişantaşı, «Любовь напрокат»), богемный Бейоглу (Beyoğlu, «В чем вина Фатмагуль?», «Запретная любовь»), бедные Балат и Фенер (Balat, Fener, «Иффет», «Горькая жизнь»). Популярны среди туристов и достопримечательности, показанные в сериалах: стамбульский метрополитен (Istanbul Metrosu, «Постучись в мою дверь»), дворец Топкапы (Topkapı, «Великолепный век»), Галатский мост (Galata Köprüsü, «Доверие»), Белградский лес (Belgrad Ormanı «Постучись в мою дверь»), мост Султана Мехмеда (Fatih Sultan Mehmet Köprüsü, «Черная любовь), а также роскошные виллы и особняки в азиатской части Стамбула («Черные деньги и любовь», «Госпожа Фазилет и ее дочери», «Запретная любовь», «Черный хлеб»). Популярны и города в глубине страны: Мидьят (Midyat, «Если бы я стал облаком», «Ветреный», «Сыла. Возвращение домой»), Халфети на реке Евфрат (Halfeti, Fırat, «Черная роза»), Антакья (Antakya, «Аси»), Ургюп (Ürgüp, «Доверие»), Бурса (Bursa, «Невеста из Стамбула»),

CC BY

отели Каппадокии (Kapadokya, «Доверие»), морской причал в Тузле (Tuzla, «Прилив») и др.

Особенно среди телезрителей востребованы турецкие сериалы, в которых поднимаются темы традиционной, патриархальной турецкой провинции и взаимоотношений внутри национальных кланов на востоке страны. В таких сериалах отчетливо представлена взаимосвязь между географическими объектами и вековыми традициями: «эксцентрический» провинциальный город, расположенный «“на краю” культурного пространства» и противопоставленный «концентрическому» городу (цивилизованному Стамбулу), актуализирует оппозицию «естественное — искусственное» [Лотман, 1984, с. 31] и становится декорацией для борьбы стихии (патриархальности) и культуры (современности), а также зачастую обосновывает мотивы поступков персонажей [Аванесов, 2022, с. 47].

Фабула таких сериалов, как «Доверие», «Сыла. Возвращение домой», «Любовь и наказание», «Новая невеста», «Ветреный», «Любовь против судьбы», разворачивается в Мидьяте (Midyat) — на перекрестке дорог древней Месопотамии, а также в Хатае (Hatay), Ване (Van), Карсе (Kars) и Диярбакыре (Diyarbakır), провинциях, известных властью кланов и суровыми законами. Древние крепости, первые ассирийские храмы, великолепное нагорье Тур-Абдин (Tur Abdin), Великое Междуречье, расположенное между Тигром (Dicle) и Евфратом (Fırat), — вся эта дикая природа соответствуют характеру взаимоотношений внутри кланов, а оружие продолжает оставаться обязательным атрибутом внутренних размолвок.

Одним из самых популярных проектов о турецкой провинции становится сериал «Ты расскажи, Караденiз», поднимающий проблему гендерного насилия. История взаимоотношений жителей причерноморских городов чрезвычайно заинтересовала телезрителей как в самой Турции, так и в Центральной Америке, Латинской Америке, Европе и России: мужественные мужчины и женщины Трабзона (Trabzon) и его окрестностей спасают несчастную Нефес, которая сбежала от мужа-тирана, удерживавшего ее в плену восемь лет. География и культура Трабзона аутентичны, и по сравнению с поликультурными мегаполисами это пространство выглядит скорее как деревенская глушь. Воды Черного моря холоднее, чем воды Средиземноморья, и турки считают это море диким, а нрав местных жителей, как и характер Черного моря, — мятежным. Законы в этом регионе представляются не столь суровыми, как на турецком Востоке, однако даже близость моря не способна победить болезненную реальность — гендерное неравенство в семейных отношениях. Географические локации этого пространства ограничены в сериале морем и горным ландшафтом, но именно энергетика аскетичной природы позволяет ключевым персонажам

CC BY

выжить и победить. Название сериала «Ты расскажи, Караденiз» отсылает к пространственным координатам и способствует олицетворению морской локации, ставшей спасительной для героев. Таким образом, пространство реальное перетекает в пространство перцептуальное — «субъективное, семиотизированное, то есть превращенное в знаковую систему, подталкивающее к построению новых авторских миров» [Булгакова, 2008, с. 41]. Художественное пространство символизируется и превращается в пространство, где «локализуются эмоции, настроения, фантазии, сновидения, несущие определенную символическую нагрузку» [Булгакова, 2008, с. 42].

Однако образ провинции в сериалах не всегда обладает позитивными коннотациями, а напротив, зачастую приобретает устойчивые характерные черты безжалостного и безнадежного локуса. Ряд современных российских детективных телесериалов («Пенсильвания», 2016; «Консультант»,2017; «Город»,2017; «Тайны города Эн», 2018; «Гурзуф», 2018; «Ненастье», 2018; «Мертвое озеро», 2019; «Коса», 2021; «Моя большая тайна»,2021; «Кунгур», 2022; «Молчание»,2022; «Хрустальный», 2021—2022) погружают телезрителя в абсолютную безвыходность провинциальной рутины. Герои этих теленовелл разрушают свое будущее, повторяя единственный известный им с детства жизненный сценарий. Замкнутость провинциального мира не позволяет героям внутренне совершенствоваться, беспросветность настоящего и бесперспективность, депрессивность будущего не способствуют личностной динамике: герои словно существуют в каком-то странном фантастическом мире, где всякий внутренний порыв заранее обречен. И детективная интрига, таким образом, обретает особые смыслы. Серая реальность провинции позволяет персонажам воспринимать любой большой город как иллюзорное пространство. Медлительное, обманчиво расслабленное течение жизни в провинциальном локусе антитетично столичной активности. Однако провинциальное пространство является хотя и бесхитростным, но при этом коварным. Несмотря на намеренный отказ от столичной суеты, герои не обретают душевной гармонии, поскольку постоянная жизнь на виду и принадлежность зачастую к локальным криминальным группам, в которых процветает круговая порука, этому не способствуют. Таким образом, магия «гиблого места» словно завораживает персонажей телесериалов, а монотонная действительность затягивает их в воронку безысходности.

4. Заключение = Conclusions

Стремление охватить значительную зрительскую аудиторию способствует тому, что сегодня в телесериалах воссоздается корпус общих принципов, претендующих на позитивное массовое восприятие: определенные

CC BY

ответы на конкретные вопросы, стереотипы, предпочитаемые общественным сознанием, четкая структурированность, ориентированность на чувственное восприятие и сентименталистские тенденции, упрощенность и определенный схематизм в построении сюжетов и создании характеров. «Установка на охват максимально широкой аудитории приводит к тому, что массовая литература непременно воспроизводит ряд неких общих идей. Они должны запечатлеваться таким образом, чтобы претендовать на всеобщность и абсолютность» [Купина и др., 2009, с. 55]. Это утверждение может быть отнесено и к концепции создания сериалов. Таким образом, город в телесериалах становится в определенном смысле индикатором при построении узнаваемой картины мира, обусловливающей сегодня абсолютную востребованность телепроектов. Телесериалы воссоздают национальную картину мира, транслируя этническую специфику и знакомя телезрителя с особенностями жизни человека в том или ином географическом пространстве. Сериал, по логике создателей, должен погружать зрителя в состояние катарсиса, заставляя его сопереживать телегероям. Сериал создает, как правило, более насыщенную событиями действительность, он не просто органично встроен в жизненное пространство, а становится его неотъемлемой частью. Поэтому очевидно, что иерархия ценностей, в частности «центра» и «периферии», снимающаяся во имя сосуществования различных культурных моделей в постмодернистской эстетике, в сериале неукоснительно соблюдается. В телепроектах как зарубежных, так и отечественных периферия приобретает статус отчасти ущербного пространства, в то время как столица явлена местом средоточия жизни, куда в надежде на лучшее будущее стремятся все креативные персонажи. Следовательно, можно утверждать, что в эпоху доминирования постмодернистских концепций телесериал по-прежнему остается традиционалистской формой искусства.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Литература

1. *Абашев В. В.* Литература и география. Урал в геопоэтике России / В. В. Абашев, М. П. Абашева // Вестник Пермского университета. История. — 2012. — № 2 (19). — С. 143—151.

2. *Абашев В. В.* Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики : учебное пособие / В. В. Абашев. — Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2012. — 140 с. — ISBN 978-5-7944-1920-7.

3. *Аванесов С. С.* Город : кинороли / С. С. Аванесов // UrbisetOrbis. Микроистория и семиотика города. — 2022. — № 1 (2). — С. 43—74.

4. *Александрова-Осокина О. Н.* Вопросы геопоэтики в современном литературоведении / О. Н. Александрова-Осокина // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 216—241. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-216-241.

5. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. — Москва : Издательство Художественная литература, 1975. — С. 234—407.

6. *Братова Н. В.* Петербургский текст в российском кино 1990-х годов / Н. В. Братова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 15 : Искусствоведение. — 2015. — Выпуск 2. — С. 135—148.

7. *Бронтвей С.* «Друзья» на миллион : сколько актеры заработали на культовом шоу и новом эпизоде [Электронный ресурс] / С. Бронтвей // Forbes. — 2021. 27 мая. — Режим доступа : https://www.forbes.ru/forbeslife/430537-druzya-na-million-skolko-aktery-zarabotali-na-kultovom-shou-i-novom-epizode (дата обращения 25.08.2023).

8. *Булгакова А. А.* Топика в литературном процессе : пособие / А. А. Булгакова // Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы». — Гродно : ГрГУ, 2008. — 106 с. — ISBN 978-985-515-061-0.

9. *Голубков С. А.* Семантика и метафизика города : «городской текст» в русской литературе XX века : учебное пособие / С. А. Голубков. — Самара : Самарский университет, 2010. — 167 с. — ISBN 978-5-86465-481-1.

10. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. — Москва : Издательство Искусство, 1972. — 320 с .

11. *Деменина В. А.* Жизнь и... снова жизнь чилийских телесериалов / В. А. Деменина // Латинская Америка. — 1999. — № 12. — С. 154—170.

12. *Замятин Д. Н.* Культура и пространство : Моделирование географических образов / Д. Н. Замятин. — Москва : Знак, 2006. — 488 с. — ISBN 5-9551-0144-6.

13. *Зарецкая А. Н.* Картина мира телесериала через призму когнитивной лингвистики / А. Н. Зарецкая // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. —№ 24 (315). — С. 88—90.

14. *Зыкова И. В.* Поэтизация и депоэтизация образа мегаполиса в кинодискурсе : к вопросу о креативных возможностях языка кино / И. В. Зыкова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2022. — № 3. — С. 62—74. — DOI: 10.20916/1812-3228-2022-3-62-74.

15. *Козлов Е. В.* Сериал в пространстве культурных кодов / Е. В. Козлов // Международный журнал исследований культуры. — 2019. — № 2 (35). — С. 135—146.

16. *Корнацкий Н.* «Дом Дракона» : новым игрокам приготовиться [Электронный ресурс] / Н. Корнацкий // Ведомости. — 2022. — 5 авг. — Режим доступа : https://www.vedomosti.ru/media/articles/2022/08/05/934650-dom-drakona (дата обращения 25.08.2023).

17. *Кручинин М.* По данным исследования, сериалы значительно влияют на туристические предпочтения зрителей [Электронный ресурс] / М. Кручинин // Киноафиша. — 2023. — 24 мар. — Режим доступа : https://www.kinoafisha.info/news/po-dannym-issledovaniya-serialy-znachitelno-vliyayut-na-turisticheskie-predpochteniya-zriteley/?ysclid=llm1ojg4iv808952654(дата обращения 25.08.2023).

18. *Купина Н. А.* Массовая литературасегодня : учебное пособие / Н. А. Купина, М. А. Литовская, Н. А. Николина. — 4-е изд., стер. — Москва : Флинта, 2021. — 424 с. — ISBN 978-5-9765-0102-7.

19. *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. — 3-е изд. — Москва : Издательство Наука, 1979. — 360 с.

20. *Лобанова Ю. В.* Образ города в художественной культуре : автореферат диссертации … кандидата культуролог : 24.00.01 / Ю. В. Лобанова. — Санкт-Петербург, 1998. — 19 с.

21. *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Семиотика города и городской культуры. — Тарту : Тартуский государственный университет, 1984. — С. 30—45.

22. *Мартьянов В. С.* Сети городов как альтернатива государствам : уязвимая теория или реальное будущее? / В. С. Мартьянов // PolitBook. — 2016. — № 2. — С. 73—86.

23. *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. — Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. — 407 с. — ISBN 5-02-017878-0.

24. *Митин И. И.* На пути к мифогеографии России : «Игры с пространством» / И. И. Митин // Вестник Евразии. — 2004. — № 3. — С. 140—161.

25. *Московчук Л. С.* Кинематограф как визуальный путеводитель : введение / Л. С. Московчук // Парадигма : философско-культурологический альманах. — 2021. — № 34. — С. 109—116.

26. *Норманская А. В.* Конструирование картины мира в современной массовой культуре (на примере телесериалов) / А. В. Норманская // Таврические студии. Серия : Культурология. — 2014. — № 5. — С. 64—69.

27. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1986. — 368 с.

28. *Спесивцев Е.* Наивная роскошь. Зачем россияне смотрят турецкие сериалы [Электронный ресурс] / Е. Спесивцев // Сноб. 2023. 8 авг. — Режим доступа : https://snob.ru/culture/naivnaya-roskosh-zachem-rossiyane-smotryat-tureckie-serialy/ (дата обращения 25.08.2023).

29. *Сид И.* История понятия «геопоэтика» / И. Сид // Вестник МГЛУ. — 2015. — № 11 (722). — С. 153—170.

30. *Соколов Б. Г.* Мыслить (со) временность. I Блок / Б. Г. Соколов, Е. Г. Соколов. — Санкт-Петербург : Издательство РХГА, 2011. — 296 с. — ISBN 978-5-88812-501-4.

31. *Таганов Л. Н.* «Ивановский миф» и литература / Л. Н. Таганов. — Иваново : Издательство ЛИСТОС, 2014. — 380 с.

32. *Темлякова А. С.* От Свердловска к Екатеринбургу : образ города в кинематографе / А. С. Темлякова // Человек в мире культуры. — 2015. — № 3. — С. 53— 59.

33. *Топоров В. Н.* Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст : семантика и структура / отв. ред. Т. В. Цивьян. — Москва : Наука, 1983. — С. 227—284.

34. *Топоров В. Н.* Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте / В. Н. Топоров // Исследования по структуре текста / отв. ред. Т. В. Цивьян. — Москва : Издательство Наука, 1987. — С. 121—132.

35. *Ушанов В. П.* Специфика генезиса национального телевизионного сериала как оригинального культурно-информационного феномена / В. П. Ушанов // Кино и ТВ : творческий процесс. — 2020. —№ 4. — С. 73—80. — DOI: 10.33779/2658-4824.2020.4.073-080.

36. *Черезова Т. Л.* Медицинские сериалы как инструмент глобализации / Т. Л. Черезова, Е. Г. Якухнова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2019. — № 2. — С. 148—155.

37. *Small E.* My Typical New York Day [Electronic resource] / E. Small // The New Yorker. — 2019. — 10 sep. — Access mode : https://www.newyorker.com/humor/daily-shouts/my-typical-new-york-day (accessed 25.08.2023).

Статья поступила в редакцию 12.11.2023,
одобрена после рецензирования 12.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

References

Abashev, V. V., Abasheva, M. P. (2012). Literature and geography. Ural in geopoetics of Russia. *Bulletin of the Perm University. History, 2 (19):* 143—151. (In Russ.).

Abashev, V. V. (2012). *Russian literature of the Urals. Problems of geopoetics: a textbook.* Perm: Perm State National Research University. 140 p. ISBN 978-5-7944-1920-7. (In Russ.).

Alexandrova-Osokina, O. N. (2020). Issues of Geopoetics in Modern Literary Criticism. *Nauchnyi dialog, 5:* 216—241. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-5-216-241 (In Russ.).

Avanesov, S. S. (2022). Gorod: kinoroli. UrbisetOrbis. *Microhistory and semiotics of the city, 1 (2):* 43—74. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1975). Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics. In: *Questions of literature and aesthetics*. Moscow: Publishing House of Fiction. 234—407. (In Russ.).

Bratova, N. V. (2015). The Petersburg text in the Russian cinema of the 1990s. *Bulletin of St. Petersburg University. Episode 15: Art Criticism, 2:* 135—148. (In Russ.).

Brontway, S. (2021). "Friends" per million: how much the actors earned on the cult show and the new episode. *Forbes. May 27.* Available at: https://www.forbes.ru/forbeslife/430537-druzya-na-million-skolko-aktery-zarabotali-na-kultovom-shou-i-novom-epizode (accessed 08/25/2023). (In Russ.).

Bulgakova, A. A. (2008). Topic in the literary process: a manual. In: *Educational institution "Yanka Kupala Grodno State University"*. Grodno: GrSU. 106 p. ISBN 978-985-515-061-0. (In Russ.).

Demenina, V. A. (1999). Life of I... the life of Chilean television series again. *Latin America, 12:* 154—170. (In Russ.).

Golubkov, S. A. (2010). *Semantics and metaphysics of the city: "urban text" in Russian literature of the XX century: textbook.* Samara: Samara University. 167 p. ISBN 978-5-86465-481-1. (In Russ.).

Gurevich, A. Ya. (1972). *Categories of medieval culture.* Moscow: Iskusstvo Publishing House. 320 p. (In Russ.).

Kornatsky, N. (2022). "House of the Dragon": new players get ready. *Vedomosti. Aug 5*. Available at: https://www.vedomosti.ru/media/articles/2022/08/05/934650-dom-drakona (accessed 08/25/2023). (In Russ.).

Kozlov, E. V. (2019). Series in the space of cultural codes. *International Journal of Cultural Studies, 2 (35):* 135—146. (In Russ.).

Kruchinin, M. (2023). According to the research, TV series significantly affect the tourist preferences of viewers. *Kinoafisha. 24 Mar.* Available at: https://www.kinoafisha.info/news/po-dannym-issledovaniya-serialy-znachitelno-vliyayut-na-turisticheskie-predpochteniya-zriteley/?ysclid=llm1ojg4iv808952654(accessed 08/25/2023). (In Russ.).

Kupina, N. A., Litovskaya, M. A., Nikolina, N. A. (2021). *Mass literature today: textbook. 4th ed., erased.* Moscow: Flint. 424 p. ISBN 978-5-9765-0102-7. (In Russ.).

Likhachev, D. S. (1979). *Poetics of ancient Russian literature. 3rd ed.* Moscow: Nauka Publishing House. 360 p. (In Russ.).

Lobanova, Yu. V. (1998). *The image of the city in artistic culture.* Author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 19 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1984). The symbolism of St. Petersburg and the problems of semiotics of the city. In: *Semiotics of the city and urban culture.* Tartu: Tartu State University. 30—45. (In Russ.).

Martianov, V. S. (2016). City networks as an alternative to states: a vulnerable theory or a real future? *PolitBook, 2:* 73—86. (In Russ.).

Meletinsky, E. M. (2000). *Poetics of myth.* Moscow: Publishing company "Oriental Literature" of the Russian Academy of Sciences. 407 p. ISBN 5-02-017878-0. (In Russ.).

Mitin, I. I. (2004). On the way to the mythogeography of Russia: "Games with space". *Bulletin of Eurasia, 3:* 140—161. (In Russ.).

Moskovchuk, L. S. (2021). Cinematography as a visual guide: introduction. *Paradigm: philosophical and cultural almanac, 34:* 109—116. (In Russ.).

Normanskaya, A. V. (2014). Constructing a picture of the world in modern mass culture (on the example of television series). *Tauride studios. Series: Cultural Studies, 5:* 64—69. (In Russ.).

Propp, V. Ya. (1986). *Historical roots of a fairy tale.* Leningrad: Leningrad University Press. 368 p. (In Russ.).

Sid, I. (2015). The history of the concept of "geopoetics". *Vestnik MGLU, 11 (722):* 153—170. (In Russ.).

Small, E. (2019). My Typical New York Day. *The New Yorker. 10 sep.* Available at: https://www.newyorker.com/humor/daily-shouts/my-typical-new-york-day (accessed 25.08.2023).

Sokolov, B. G., Sokolov, E. G. (2011). *To think (co) temporality. I Block.* St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Sciences. 296 p. ISBN 978-5-88812-501-4. (In Russ.).

Spesivtsev, E. (2023). Naive luxury. Why do Russians watch Turkish TV series. *Snob. 8 Aug.* Available at: https://snob.ru/culture/naivnaya-roskosh-zachem-rossiyane-smotryat-tureckie-serialy / (accessed 08/25/2023). (In Russ.).

Taganov, L. N. (2014). *"Ivanovsky myth" and literature.* Ivanovo: LISTOS Publishing House. 380 p. (In Russ.).

Tcherezova, T. L., Yakukhnova, E. G. (2019). Medical series as a tool of globalization. *Bulletin of the Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication, 2:* 148—155. (In Russ.).

Temlyakova, A. S. (2015). From Sverdlovsk to Yekaterinburg: the image of the city in cinema. *A man in the world of culture, 3:* 53—59. (In Russ.).

Toporov, V. N. (1983). Space and text. In: *Text: semantics and structure.* Moscow: Nauka. 227—284. (In Russ.).

Toporov, V. N. (1987). The text of the virgin city and the harlot city in the mythological aspect. In: *Studies on the structure of the text.* Moscow: Nauka Publishing House. 121—132. (In Russ.).

Ushanov, V. P. (2020). The specifics of the genesis of the national television series as an original cultural and informational phenomenon. *Cinema and TV: the creative process, 4:* 73—80. DOI: 10.33779/2658-4824.2020.4.073-080. (In Russ.).

Zamyatin, D. N. (2006). *Culture and space: Modeling of geographical images.* Moscow: Znak. 488 p. ISBN 5-9551-0144-6. (In Russ.).

Zaretskaya, A. N. (2013). The picture of the world of the television series through the prism of cognitive linguistics. *Bulletin of the Chelyabinsk State University, 24 (315):* 88—90. (In Russ.).

Zykova, I. V. (2022). Poetization and depoetization of the image of a megalopolis in film discourse: on the question of the creative possibilities of the cinema language. *Questions of cognitive linguistics, 3:* 62—74. DOI: 10.20916/1812-3228-2022-3-62-74. (In Russ.).

The article was submitted 12.11.2023;
approved after reviewing 12.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА
LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Зинаида Анциферовна Дебенова, стажер-исследователь (Улан-Удэ)
Иннокентий Галималаевич Актамов, д-р философии (Улан-Удэ)
Ксения Алексеевна Поташова, канд. филол. наук (Москва)

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Актамов И. Г. Обряды жизненного цикла в системе мироустройства бурят (по материалам фонда С. П. Балдаева) / И. Г. Актамов, З. А. Дебенова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 193—210. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-193-210.

Aktamov, I. G., Debenova, Z. A. (2023). Life Cycle Rites in Worldview System of Buryat People (Material from Archive of S. P. Baldaev). *Nauchnyi dialog, 12* (10): 193-210. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-193-210. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-193-210

Обряды жизненного цикла в системе мироустройства бурят (по материалам фонда С. П. Балдаева)

Актамов Иннокентий Галималаевич *
orcid.org/0000-0002-8646-1048
WoS Researcher ID: F-3233-2017
кандидат педагогических наук,
доктор философии (PhD),
заведующий лабораторией «Центр переводов с восточных языков»
**** корреспондирующий автор***
aktamov13@gmail.com

Дебенова Зинаида Анциферовна
orcid.org/0000-0002-8824-6624
стажер-исследователь лаборатории «Центр переводов с восточных языков»
debenova@gmail.com

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук
(Улан-Удэ, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено в рамках государственного задания «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII — нач. XXI вв. в контексте межцивилизационного взаимодействия, № 121031000302-9»

Life Cycle Rites in Worldview System of Buryat People (Material from Archive of S. P. Baldaev)

Innokentii G. Aktamov *
orcid.org/0000-0002-8646-1048
WoS Researcher ID: F-3233-2017
PhD in Pedagogy, PhD of Philosophy,
Head of the Laboratory
"Center for Translations from Oriental Languages",
**** Corresponding author***
aktamov13@gmail.com

Zinaida A. Debenova
orcid.org/0000-0002-8824-6624
research assistant,
Laboratory "Center for Translations from Oriental Languages"
debenova@gmail.com

The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia)

Acknowledgments:
The research was carried out within the state assignment "The Oriental Languages and Archival Documents of the Peoples of Russia and Inner Asia in the Context of Inter-Civilization Interaction, 18th - Early 21st Centuries, № 121031000302-9"

© Актамов И. Г., Дебенова З. А., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Значимость данного исследования заключается в необходимости проведения научного анализа фольклорных и этнографических материалов, собранных одним из первых ученых-фольклористов этнической Бурятии С. П. Балдаева. Проведен анализ записанных на территории Предбайкалья и Забайкалья текстов, касающихся обрядов жизненного цикла бурят — свадебного обряда, родильного обряда и обряда инициации. Указанные обряды оказывали принципиальное влияние на формирование мировоззренческих установок традиционного бурятского общества. Подчеркивается, что обряды жизненного цикла четко дифференцировали гендерные и возрастные обязанности и регулировали межличностные отношения в семье. Вводятся в научный оборот фольклорные и этнографические данные, хранящиеся в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии, тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. Результаты исследования позволят дополнить систему представлений бурят о мироустройстве новыми фактами и историческими материалами, которые актуальны как для академической науки, так и для современного общества, в котором существует запрос на возрождение традиционных ценностей.

Ключевые слова:
бурятский фольклор; обряды жизненного цикла; традиционная бурятская культура; Балдаев Сергей Петрович; обряд родоразрешения; обряд имянаречения; обряд юношеской инициации.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The significance of this study lies in the necessity of conducting a scientific analysis of folklore and ethnographic materials collected by one of the first folklorists in ethnic Buryatia, S. P. Baldaev. The analysis was carried out on texts recorded in the Transbaikal and Pre-Baikal regions, which relate to the rituals of the Buryat life cycle, including wedding rituals, childbirth rituals, and initiation rituals. These rituals had a fundamental influence on the formation of the worldview of traditional Buryat society. It is emphasized that the life cycle rituals clearly differentiated gender and age responsibilities and regulated interpersonal relationships within the family. Folklore and ethnographic data preserved in the Center for Eastern Manuscripts and Xylographs of the Institute of Mongolian Studies, Buddhist Studies, and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences are introduced into scientific circulation. The results of the study will contribute to enriching the Buryat understanding of the world order with new facts and historical materials, which are relevant both for academic science and for contemporary society, which has a demand for the revival of traditional values.

Key words:
Buryat folklore; rituals of the life cycle; traditional Buryat culture; Sergey Baldaev; Rite of childbirth; naming ceremony; rite of youth initiation.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 398.3+392.1(=512.31)+929Балдаев

Научная специальность ВАК
5.9.4. Фольклористика

Обряды жизненного цикла в системе мироустройства бурят (по материалам фонда С. П. Балдаева)

© Актамов И. Г., Дебенова З. А., 2023

1. Введение = Introduction

Обряды являются одной из самых устойчивых форм ритуальности любого народа. Они выступают в качестве метафизического объяснения связи человека с окружающим миром, а также механизма социализации личности, ее становления как значимой части общества, в котором она существует. Благодаря своей содержательности и гибкости с одной стороны, и постоянства формы — с другой, обрядовый фольклор, берущий начало в далекой древности, продолжает функционировать в реалиях современного мира.

Ключевые моменты в жизни человека сопровождаются обрядами жизненного цикла, которые в научной дискуссии также называют обрядами перехода. Как правило, к ним относят обряды, связанные с изменением состояния человека: рождение (переход из мира духов в мир живых), достижение социальной зрелости, свадьба и пр. (переход из одного социального статуса в другой), а также похороны (переход из мира живых в мир духов) [Геннеп, 1999, с. 9]. Именно в таких обрядах наиболее ярко прослеживается механизм социализации индивида.

Одним из крупных бурятских ученых, занимавшихся исследованием традиционной обрядности, был Сергей Петрович Балдаев (1889—1979). В рамках своей многолетней экспедиционной работы он собрал большое количество полевого материала.

В личном фонде ученого в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии, тибетологии Сибирского отделения РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН) содержатся данные, связанные с бурятской обрядностью, которые до настоящего времени еще не введены в научный оборот. Отдельные результаты своих научных исследований он издал в трудах «Бурятские свадебные обряды» [Балдаев, 1958], «Родословные легенды и предания бурят. Эхириты и булагаты» [Балдаев, 1970]. Кроме того, в других его работах использовались сведения по генеалогии, отдельным аспектам обрядов жизненного цикла и смежным темам. Большое значение для анализа научного наследия С. П. Балдаева имеют труды ученых, посвященные проблемам изучения собранных им материалов. Например,

д.и.н., проф. Т. Е. Санжиева в 2012 году опубликовала его труды под названием «Родословные предания и легенды. Забайкальские буряты» [Балдаев, 2012]. Сотрудники Центра восточных рукописей и ксилографов поэтапно вводят в научный оборот сведения из фонда ученого. Большой научный и общественный интерес вызвало издание: Балдаев С. П. Творчество сказителя П. М. Тушемилова [Балдаев, 2020]. Кроме того, отдельные статьи посвящены тем или иным аспектам научного поиска фольклориста [Аюшеева, 2019; Ринчинов и др., 2021]. Необходимо упомянуть исследование ученых из Новосибирска Д. Ц. Цыденовой и В. А. Бурнакова [Цыденова и др., 2014]. В рамках реализации государственного задания сотрудниками молодежной лаборатории ИМБТ СО РАН была начата работа по исследованию фонда С. П. Балдаева. Например, в 2022 году был опубликован конспект лекции «Народные драмы бурят-монгольского народа» [Дебенова и др., 2022], а в 2023 году — статья о бурятских благопожеланиях из архива С. П. Балдаева [Бухоголова и др., 2023а] и статья о фольклоре ольхонских бурят [Бухоголова и др., 2023б].

В рамках нашего исследования предпринята попытка проанализировать опубликованные и неопубликованные работы автора, полевые материалы из его личного фонда, связанные с обрядами жизненного цикла бурят в контексте выявления характерных особенностей их мироустройства в условиях трансформации жизненного уклада в первой половине XX века. В данной работе рассмотрены этнографические и фольклорные полевые материалы, связанные со свадебной и родильной обрядностью, которые ранее не являлись предметом специального изучения. Среди них можно выделить ряд ранее не известных сюжетов мифологического характера о происхождении почитаемых в обрядовом фольклоре божеств, а также широкий пласт этнографических материалов по родильной обрядности бурят: подробные описания процесса родоразрешения, особенности имянаречения. Также обнаружено дело с подробным описанием обряда юношеской инициации «Шара тэхэ».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Данное исследование было проведено на основе анализа опубликованных работ С. П. Балдаева, посвященных обрядам жизненного цикла, а также материалов, хранящихся в личном фонде № 36 Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Материалы из личного фонда представляют собой неопубликованные черновики статей, полевые записи ученого, среди которых описания ритуалов, тексты песен, причитаний и призываний на бурятском и русском языках. Большая часть из них посвящена свадебной обрядно-

CC BY

сти, есть отдельные материалы, связанные с зачатием и рождением детей, а также достижением юношеской зрелости.

Исследование базируется на цивилизационном подходе, который рассматривает локальную этническую группу как особый социум, имеющий свои черты и нормы. Анализ фольклорных материалов требует учета территориальных и генеалогических аспектов. Основными методами исследования выступили общенаучные методы, такие как анализ, синтез, обобщение, сравнение.

Традиционные обряды бурятского народа являются сравнительно освещенной в науке темой. Фиксированием материалов бурятской обрядовой ритуальности начали заниматься первые исследователи Сибири еще в середине XVIII века из числа политических ссыльных, путешественников, этнографов. Позже первые ученые из числа этнических бурят продолжили практику фиксирования материалов, что впоследствии стало базой для теоретического осмысления собранных данных. Среди наиболее значимых работ по данной тематике можно отметить издание Г. Р. Галдановой «Структура традиционной бурятской свадьбы» [Галданова, 1986], монографии К. Д. Басаевой «Семья и брак у бурят» [Басаева, 1980], «Обряды в традиционной культуре бурят» [Обряды…, 2002], а также «Погребальная обрядность бурят» С. Г. Жамбаловой и А. С. Суворовой [Жамбалова и др., 2017].

Несмотря на то, что отдельным монографическим исследованием, посвященным обрядовой ритуальности бурят, является только работа ученого «Бурятские свадебные обряды», С. П. Балдаев активно использовал тексты обрядовых песен и этнографические данные в других своих работах, например, «Происхождение и расселение иволгинских бурят» [Балдаев, 1958], «Буряад арадай дуунууд: в 3-х т.» [Балдаев, 1961—1970] и т. д.

Ученый в ходе своей экспедиционной работы собрал большое количество сведений: в каталоге личного архива на сегодняшний день указано 1442 дела, в которых содержится богатейший материал, посвященный этнографии, фольклору, истории различных групп бурят, проживающих в Предбайкалье и Забайкалье. Далее рассмотрим специфику обрядов жизненного цикла по тематическим разделам.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. О личности С. П. Балдаева

Сергей Петрович Балдаев родился 18 октября 1889 года в улусе Хохорск Боханского ведомства Балаганского уезда Иркутской губернии (современный Боханский район Усть-Ордынского бурятского округа Иркутской области). Семья будущего ученого считалась достаточно зажиточной, отец занимался земледелием и скотоводством. Всем шестерым сыновьям

CC BY

родители дали образование, Сергей был вторым сыном. В 1899 году он начинает учебу в Хохорской школе грамоты, осенью 1903 года, выдержав экзамен, поступает в Боханское двухклассное училище. После его окончания в 1905 году Сергей Петрович становится студентом Иркутской учительской семинарии. Во время учебы он часто посещает музей и библиотеку Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. Друг его отца С. А. Пирожков знакомит его с видными краеведами М. А. Кролем, М. П. Овчинниковым и другими [Балдаев, 2019, с. 4]. В 1907 году он знакомится с известными учеными, представителями бурятской интеллигенции М. Н. Хангаловым, М. Н. Богдановым, Ц. Жамцарано, А. Михайловым, М. П. Трубачеевым, А. Т. Трубачеевым. Таким образом, можно утверждать, что знакомство и дальнейшее общение с выдающимися людьми своего времени сыграли большую роль в становлении будущего этнографа и фольклориста.

Его родители, родственники как по отцовской, так и по материнской линии были исполнителями улигеров, и поэтому с детства Сергей был хорошо знаком не только с сюжетно-композиционными особенностями фольклорных произведений, но и с нюансами исполнительского мастерства.

Во время работы учителем Гуртуйской начальной школы Балаганского уезда (современный Осинский район Иркутской области) С. П. Балдаев подружился с М. Н. Хангаловым, который стал его учителем и наставником по сбору этнографического и фольклорного материала. Беседы с опытным педагогом, блистательным этнографом, крупным деятелем культуры убеждают Балдаева в правильности избранного им пути. В последующие годы С. П. Балдаев занимается преподаванием в училищах Иркутской губернии, участвует в общественной деятельности. Биография ученого тесно связана с Боханским, Осинским, Эхирит-Булагатским, Ольхонским, Тункинским районами этнической Бурятии, в которых он работал учителем, проводил свои полевые исследования.

В 1923 году С. П. Балдаев переезжает в Улан-Удэ, где становится заведующим Удинской начальной школы, позже — городской школы I ступени № 8. В 1929 году С. П. Балдаев окончил Институт этнографии и национальных культур народов Востока при ЦИК СССР. Затем он поступает в аспирантуру, по окончании которой возвращается в Улан-Удэ. С 1 октября 1931 года Сергей Петрович работает в Бурят-Монгольском государственном институте культуры (ныне Институт монголоведения, буддологии, тибетологии Сибирского отделения РАН). Многолетняя экспедиционная деятельность позволила С. П. Балдаеву собрать богатый архив, включающий записи обрядов, материалы по родоплеменному составу бурят, фольклорные сочинения, а также коллекцию шаманских атрибутов.

CC BY

Как отмечает д.и.н. Т. Е. Санжиева, «ценность архива постоянно возрастает, поскольку записи сделаны непосредственно от знатоков старины и они проливают свет на некоторые стороны этнической истории бурят, которые не указаны в официальных источниках» [Балдаев, 2019, с. 6].

3.2. Свадебная обрядность

Монография С. П. Балдаева «Бурятские свадебные обряды», вышедшая в 1959 году, является одной из самых узнаваемых работ ученого. На момент ее издания данная работа считалась первой попыткой комплексного анализа всех составляющих свадебной обрядности у бурят. До Балдаева исследователи рассматривали лишь отдельные аспекты бурятской свадьбы, и, как отмечает автор в предисловии работы, в тот период работы ученых, занимавшихся этой научной проблемой, уже считались «библиографической редкостью» [Балдаев, 1959, с. 3]. В представленной работе автор, основываясь на богатейшем материале, собранном за долгие годы своей деятельности, приводит описание всех элементов свадебного ритуала.

Изначально автор делит свадебные обряды на отдельные этапы: предварительный сговор, сватовство, приготовление невесты к свадьбе, назначение дня свадьбы, поездка жениха к родственникам невесты и уплата калыма, разыскивание невесты и отправление свадебного поезда к жениху, ожидание свадебного поезда в доме жениха, бракосочетание, освящение новой юрты. В работе рассматриваются свадебные обряды как западных, так и восточных бурят в диахроническом аспекте: рассматриваются их изменение и развитие в процессе трансформации социально-экономического устройства традиционного бурятского общества. Для достижения поставленных целей С. П. Балдаев помимо непосредственного описания и анализа свадебной ритуальности выполнил фундаментальный анализ историко-культурных сведений о бурятской семье, традиционном распределении ролей в ней, о роли института семьи в бурятской родовой общине, а также особенностях отношений между ее членами. Рассматриваются этапы развития брачно-семейных отношений, анализируются такие «абнормальные» явления, как групповой и кузенный брак [Балдаев, 1959, с. 9, с. 20]. Эти данные впоследствии стали основой для более глубокого исследования бурятской семьи и брака.

Отличительной чертой монографии является богатый материал, отражающий сюжетно-лирические составляющие свадебной обрядности: подробное описание диалогов, разыгрываемых членами свадебной процессии, приведение текстов реплик на бурятском языке с их переводами на русский язык, большое количество песен. Также автором в отдельной главе описываются особенности свадебных обрядов у «ламаитов» — бурят, принявших буддизм.

В личном фонде исследователя, хранящемся в ЦВРК ИМБТ СО РАН, в разделе «Семья, брак, свадебные обряды» содержится 29 дел, большая часть из которых вошла в опубликованную монографию. Однако, несмотря на это, знакомство с черновыми материалами книги и сравнение их с окончательным вариантом представляется перспективной темой для будущих исследований. При беглом знакомстве с черновиками становится очевидно, что далеко не все записанные автором песни, причитания и другие материалы были опубликованы в монографии. Автор сделал содержательный отбор материала, отдельные части были отредактированы, некоторые вовсе не вошли в окончательный текст.

Например, нами был обнаружен текст, не вошедший в окончательный вариант работы: «Самой распространенной темой свадебных песен, благопожеланий и призвания стариков при жертвоприношении невесты в <своем доме и доме жениха> являются мотивы любви, счастливого брака, умножение и укрепление потомства, благосостояние брачующихся, а также тяжелая участь женщины в чужой среде, среди людей чужого рода, среди незнакомых людей, общественный и семейный гнет и т. д. Исполнение свадебных песен, особенно невесты и напутствие ее подруг заунывно-протяжное, а потом переходит в надрывно-грустное. Сначала песня повествует о бесправии девушки в доме отца и матери, о ее тяжелой участи быть проданной за калым, быть обменянной на лошадей и коров в чужой род, зачастую далеко от родного дома, в незнакомую среду. Затем содержание меняется, в песне преобладают мотивы подневольной и тяжелой жизни у мужа, являющегося господином своей жены. В среде бурятского общества в дореволюционное время было обычным выражение: “Я тебя купил, отдал за тебя деньги, скот и водку. Захочу — изобью тебя, захочу — убью”» [ЦВРК ИМБТ, ф. 36, оп. 1, д. 982, л. 6].

Таким примером может также быть содержащийся в деле №… текст песни о девушке, проигравшей в скачках, организованных во время *зэгэтэ аба* — бурятской облавной охоты:

Алаг хурдан моримни
Абай түсүү болхоёо
Абагадамни баригдаба,
Атагархан бэемни
Амитанай түрүү болхоёо
Абагаймни харада баригдаба.
Барилдаанай баруун заха
Бариха юум аад
Бассган гараһанаа яахаби.
Урилдаанай урда заха

CC BY

Бариха юума аад
Ухин гарahанаа яахаби.

Перевод:
Мой пегий скакун
Хотел было первым прийти на скачках,
Но был задержан моим дядей;
Я, ловкая и смелая,
Хотела быть первым стрелком на облаве,
Но была задержана завистью дяди.
Хотела занять первое место в борьбе,
Но трагедия моя в том,
Что родилась девушкой.
Хотела я занять первое место в скачках,
Но беда моя в том,
Что я родилась девушкой [Там же, л. 6—7].

Также приводятся данные о месте проживания героини песни: «Эта девушка происходила из Ноетского рода, жила на устье речки Уды (правый приток Ангары) Иркутской области». В монографии об участии молодых девушек в зэгэтэ аба имеется лишь небольшой абзац, в котором приводится другой вариант подобной песни, где полностью отсутствует последняя часть, не упоминаются подробности о самой девушке, что представляется досадным упущением.

Идея о бесправном положении женщины в традиционной бурятской родовой общине красной линией проходит по всему тексту монографии. Нам остается лишь выдвигать гипотезы о причинах отбора материала С. П. Балдаевым для включения в окончательный вариант своего издания. Возможно, дальнейшее изучение содержания материалов фонда позволит получить ответ и на этот вопрос.

В том же разделе хранится небольшое дело № 1010 под названием «Материалы по орочонам: сватовство орочон, похороны детей, клятва орочон», в котором на двух листах кратко описываются обряд сватовства баунтовских орочонов, обряд захоронения младенцев и орочонская клятва «Ада чахан». Примечательно, что других дел в фонде исследователя, в названии которых упоминаются орочоны, нет.

3.3. Родильная обрядность

В другом разделе фонда под названием «Обряды бурят» хранится 24 дела. Некоторые из них относятся к обрядам жизненного цикла. В том числе есть несколько дел, посвященных обрядам рождения ребенка и наре-

CC BY

чения его именем, например: «Старинные обычаи, связанные с рождением ребенка и наречением ему имени», «Зачатие ребенка и связанные с ним обряды», «Родильные обряды западных бурят».

Дело № 1238 под названием «Старинные обычаи, связанные с рождением ребенка и наречением ему имени», судя по его структуре и содержанию, готовилось к публикации в качестве научной статьи, однако по каким-то причинам работа не была завершена. Так, во введении С. П. Балдаев отмечает актуальность исследования, подчеркивает его новизну: «До настоящего времени подробного описания указанных обычаев бурят-монголов в этнографической литературе не было… Публикуя настоящий материал, мы надеемся, что наши данные в определенной степени восполнят указанный пробел и дадут возможность этнографам к дальнейшему изучению обычаев минувших веков бурят-монголов» [ЦВРК ИМБТ, ф. 36, оп. 1, д. 1238, л. 1].

В данном тексте ученый поэтапно описывает каждый этап беременности с точки зрения традиционного бурятского мировоззрения. Например, как определялась беременность женщины, каким образом вычислялись даты и время родов; что готовили к появлению ребенка и как вели себя родственники со стороны матери и со стороны отца; описывался ритуал жертвоприношения божествам для благополучной беременности («бэрэ-эдэй албан» — подать, повинность молодых женщин). Также приводится подробное описание процесса родоразрешения бурятских женщин и совершаемых во время родов молений женским божествам, перерезания пуповины. Есть записи, посвященные обряду «милаага» (захоронение последа, обряд укладывания ребенка в колыбель — «улгыда оруулаха»), который проводился по прошествии 9 дней после рождения, ритуалам наречения ребенка именем, обряду очищения «арюлга», который проводился по прошествии месяца после родов.

Особый интерес в данной работе представляют этнографические заметки, например: «Роды у бурят-монгольских женщин бывают трудные, поэтому каждая женщина при первых потугах старается развязать все узлы и расстегнуть все пуговицы на себе… Если же эта мера не помогает, то обращаются к шаманке и ворожат. Она ворожит и предлагает устроить жертвоприношение богиням рода — шаманкам, умершим от родов. Так, например, бурят-монголы племени Булагат приносят жертву Хан Гааже, дочери шамана Булхэй, хозяйке (эжэну) горы Хорогтын хубун (высокая гора около села Оса). Если же и это не помогает, то свекровка сама совершает (подношение) всем женщинам улуса, умершим от родов» [Там же, л. 6].

Говоря про имянаречение у бурят, Балдаев подчеркивает существующие различия между буддистами Забайкалья и шаманистами Предбайкалья: «У буддистов Забайкалья… лама дает имя по буддийскому календарю,

CC BY

и оно остается на всю жизнь. У шаманистов же Иркутской области обстоит дело совершенно иначе. Ребенка нарекают определенным именем, если же бабушка или дедушка даст ему прозвище или же побочное имя, то оно иногда на всю жизнь сохраняется с ним» [Там же, л. 11].

Еще одной работой, посвященной родильной обрядности, является дело № 1223 «Зачатие ребенка и связанные с ним обряды». Текст выполнен на печатной машинке и, к большому сожалению, является незаконченным черновиком. Судя по всему, часть машинописи была утеряна при переработке архива. В данном тексте особое внимание уделяется ритуалу «выпрашивания» детей и явлению бездетности у бурят. Интересным представляется наблюдение о культурном смешении шаманистских, буддийских и христианских традиций в случаях, когда бездетная пара пыталась решить проблему: «Приносят всевозможные жертвы своим родовым и улусным бурханам как по линии мужа, так и жены чужеродки. Если и эти меры не давали благие результаты, то обращались и к ламам, и к миссионерам, по совету последних ездили в г. Иркутск в Вознесенский монастырь к Иннокентию угоднику» [ЦВРК ИМБТ, ф. 36, оп. 1, д. 1223, л. 4].

Также автор объясняет обусловленное традицией стремление иметь большую семью у бурят. Помимо очевидной любви к детям и желания продолжения своего рода существовали и социальные мотивы: «Размножение какой-либо фамилии в улусе давало ей силы, авторитет и вес в глазах общества. Получать *утуг* (унавоженный покос) для сына или внука при разделе покосных угодий, принести лишний туяз молочной водки от имени новорожденного внука или сына на большой тайлаган (кровавое жертвоприношение), приносить местным бурханам от имени его сасали (возлияние) представляло большое удовольствие не только одной семье, но и целому улусу» [Там же, л. 4].

Особенно интересным представляется описание *онгона* (божества или покровителя) чадородия: «Первым онгоном, которым обзаводятся молодые супруги при брачной жизни, является онгон чадородия Ноен Тунхой Мандахаев. Он был большим шаманом и происходил из Хангинского рода племени хара-монголов. Ноен Тунхой Мандахаев, по прозвищу хозяин желтого хорька, родился от двенадцатилетней девочки по имени Мэлэг. Она забеременела от градинки, проглоченной во время пастьбы овец... Она (шаманка) поворожила и сказала, что их дочь забеременела от нечистого духа, что надо от нее избавиться, иначе семье угрожает большая опасность. Они оставили свое единственное дитя в юрте в последние дни беременности, а сами откочевали на другое место. Оставшись одна в пустой юрте на произвол судьбы, девочка Мэлэг мучилась предродовыми муками. В это время мимо ее юрты со своим стадом проходил старик-пастух Эр-

CC BY

гил Буга… Старик… стал помогать ей. Он принял на свой халат ребенка, обрезал пуповину, заколол барана со своего стада, совершил обряд укладывания ребенка в колыбель… Девочку-мать с ребенком он взял на свое попечение. Когда Мэлэг выросла, тогда Эргил Буга выдал ее замуж, а сына усыновил… Он как большой ловелас и поклонник женского пола был отнесен к сонму онгонов и сделан покровителем чадородия… он известен во всех аймаках западных бурят-монголов, также у баргузинских и кударинских, как выходцев из Прибайкалья. Онгон желтого хорька имеется в каждой юрте» [Там же, л. 6].

Дело № 1221 «Родильные обряды западных бурят» — рукопись на 4-х листах, текст выполнен от руки неразборчивым почерком. Судя по всему, автор планировал написать статью по теме, указанной в названии, однако по каким-то причинам оставил работу над черновиком. В тексте говорится, что после свадьбы молодая в течение года живет у своих родных и мужа попеременно, далее кратко описывается прибытие жены в дом мужа по истечении срока. Вероятно, ученый так и не завершил работу, поскольку далее не приводится информация, касающаяся непосредственно родильных обрядов.

Также было изучено дело № 1005 «Клятва роженицы», в котором зафиксирован диалог матери новорожденного ребенка и бабушки (предположительно свекрови), разыгрываемый сразу после рождения. Приведем текст документа полностью:

«Когда появится в грудях матери молоко, бабушка перед тем, как первый раз кормить ребенка, задает роженице следующие вопросы (шахаа):

Бабушка: Оденешь ребенка в золотую шубу?
Роженица: Одену!
Бабушка: Посадишь на пегую лошадь?
Роженица: Посажу.
Бабушка: Дашь золотое седло?
Роженица: Дам!
Бабушка: Пошлешь сына на охоту?
Роженица: Пошлю!
Бабушка: Не будешь ругать без дела?
Роженица: Не буду!»

Данная клятва являлась своеобразным наставлением со стороны старшего поколения молодой матери, которая должна была на всю жизнь запомнить базовые постулаты воспитания дочери или сына. В этом небольшом диалоге ярко отражается отношение бурят к детям как к наивысшей ценности семьи (*одеть в золотую шубу, дать золотое седло*). Четко прослеживается проявление уважения к личности ребенка (*не ругать без по-*

CC BY

вода), но при этом совершенно обычным явлением было вовлечение его в хозяйственную деятельность с раннего возраста (*посадить на лошадь, послать на охоту*).

3.4. Обряды достижения зрелости

В бурятской обрядности были известны ритуалы мужской инициации: «Шара тэхэ» — рыжий козел и «Улаан бугшаа» — красный ягненок. В отличие от обрядов жизненного цикла, описанных выше, обряды инициации человека, достижения зрелости или определенного социального статуса практически утратили широкое бытование в современных условиях. Вместе с тем в обществе существует потребность в возрождении данной практики. Данный тезис косвенно подтверждает документально-художественный фильм студии Ундэр «Огонь на острие стрелы», вышедший в 2020 году [Годлиин узуурэй гал]. В фильме показывается обряд мужской инициации, проводимый в селе Ранжурово Кабанского района Республики Бурятия, главным героем сюжета является 14-летний Булат, проходящий посвящение в мужчины. В показанном обряде отражается специфика нравственно-этических норм воспитания юношей у бурят. Авторы фильма акцентируют внимание на актуализации отдельных аспектов традиционного мировоззрения бурят, таких как принадлежность к роду, почитание предков, дуальность мужского и женского, возвращение к традиционным ритуалам. Мужское начало преподносится как исключительно сильное, выносливое, способное на жертвы, а проведение обряда трактуется как становление мальчика на путь воина.

В фонде Балдаева хранится дело № 1225 под названием «Обряд шара тэхэ (рыжий козел)», в котором подробно описывается процесс проведения обряда и приводятся тексты двух призываний. Значение обряда автор определяет так: «Обряд этот связан с половой зрелостью, в древности он безусловно <имел важное значение> и обставляется широким ритуалом. Шара тэхэ является последней <ступенью> младенчества, дальше мальчик становится юношей» [ЦВРК ИМБТ, ф. 36, оп. 1, д. 1225, л. 1]. Суть обряда заключается в том, чтобы юноша, который проходит обряд инициации, донес до условленного места на своей спине живого козла, которого после преодоления дистанции приносят в жертву. Приводится большой текст шаманского призывания — особой формы обращения к духам, просьбы о покровительстве для молодого человека, в честь которого проводится обряд. В данном призывании упоминаются такие божества, как 55 западных тэнгри (божеств), верховное небесное божество Хан Хормуста тэнгри, мужское божество Эсэгэ Малан тэнгри, а также 88 шошологцев (шошолог — один из родов западных бурят).

Текст призывания представляется ценным материалом для будущих фольклорных и этнографических исследований.

CC BY

4. Заключение = Conclusions

В результате проведенного исследования можно сделать ряд выводов. Во-первых, подтверждается положение о том, что С. П. Балдаев был первым ученым, который начал заниматься системным исследованием обрядов жизненного цикла бурят. Он впервые описал полный комплекс свадебной обрядности Предбайкальских и Забайкальских бурят. В рамках своей экспедиционной деятельности исследователь собрал и начал работу по анализу обрядов рождения ребенка и имянаречения. С. П. Балдаев планировал опубликовать серию работ по теме бурятской обрядности, однако общеизвестно, что судьба ученого была довольно сложной, он несколько раз подвергался аресту ОГПУ, затем НКВД в связи с ложными доносами. В силу различных обстоятельств большая часть его наследия до сих пор остается необнародованной. Материалы, хранящиеся в личном архиве исследователя, содержат в себе ценные этнографические данные, а также уникальные тексты фольклорных преданий, текстов песен, ритуалов, дневниковых записей.

Во-вторых, данные, связанные с родильной обрядностью, свидетельствуют об особом отношении бурят к зачатию ребенка, его рождению, имянаречению и инициации. Принципиально важное педагогическое значение имели принципы воспитания, которые определяли отношение матери к ребенку. В концентрированном виде это нашло отражение в «Клятве роженицы». Процесс имянаречения у разных бурятских племен имел отличия. Принципиальные расхождения были связаны с религиозными воззрениями Предбайкальских бурят (шаманистов и православных) и Забайкальских бурят (преимущественно буддистов).

В-третьих, обряд инициации бурят имел большое значение в воспитании мальчиков. Можно говорить о том, что в современных условиях существует социальный запрос к ревитализации традиционных ценностей, в том числе и требований к воспитанию мужчины.

В рамках данной статьи рассмотрены тексты ритуалов и обрядовых практик сватовства, родов, рождения ребенка, инициации юношей, раскрывающие положение женщины в традиционной бурятской семье.

Рассмотренные в представленной работе материалы могут привлечь интерес исследователей бурятского фольклора и этнографии, а также раскрыть некоторые аспекты как самих ритуалов, так и их влияния на мировосприятие бурят. В рамках дальнейших исследований коллектив лаборатории «Центр переводов с восточных языков» Института монголоведения, буддологии, тибетологии Сибирского отделения РАН планирует продолжить анализ и публикацию фольклорных материалов из фондов Центра восточных рукописей и ксилографов, в том числе из фонда С. П. Балдаева.

CC BY

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Выдающийся* бурятский фольклорист и этнограф [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национальной библиотеки Республики Бурятия. — Режим доступа : http://nbrb.b7site.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=20558 (дата обращения 29.10.2023).

2. *Годлиин* узуурэй гал. Огонь на острие стрелы. Фильм — обряд [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://youtu.be/cIuUi9C0fls?si=YMmV5HlTQJA284Bq (дата обращения 29.10.2023).

3. ЦВРК ИМБТ СО РАН — *Центр* восточных рукописей и ксилографов, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1005. Клятва роженицы.

4. ЦВРК ИМБТ СО РАН — *Центр* восточных рукописей и ксилографов, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1221. Родильные обряды западных бурят.

5. ЦВРК ИМБТ СО РАН — *Центр* восточных рукописей и ксилографов, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1010. Материалы по орочонам : сватовство орочон, похороны детей, клятва орочон.

6. ЦВРК ИМБТ СО РАН — *Центр* восточных рукописей и ксилографов, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1225. Обряд “Шара тэхэ (желтый козел) 1940 г.”.

7. ЦВРК ИМБТ СО РАН — *Центр* восточных рукописей и ксилографов, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1238. Старинные обычаи, связанные с рождением ребенка и наречением ему имени.

8. ЦВРК ИМБТ СО РАН — *Центр* восточных рукописей и ксилографов, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1223. Зачатие ребенка и связанные с ним обряды.

9. ЦВРК ИМБТ СО РАН — *Центр* восточных рукописей и ксилографов, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. Ф. 36. Оп. 1. Д. 989. Л. 52. Бурятские свадебные обряды, песни, плачи и причеты (исследование).

Литература

1. *Аюшеева М. В.* Бурятские генеалогии в личном фонде С. П. Балдаева / М. В. Аюшеева // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. — 2019. — № 4 (12). — С. 19—24. — DOI: 10.31443/2541-8874-2019-4-12-19-24.

2. *Балдаев С. П.* Родословные предания и легенды бурят / С. П. Балдаев. — Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2012. — 710 с. — ISBN 978-5-9793-0449-6.

3. *Балдаев С. П.* Родословные предания и легенды бурят. Булагаты и эхириты / С. П. Балдаев. — Улан-Удэ : Бурят. Кн. изд-во, 1970. — Ч. 1. — 363 с.

4. *Балдаев С. П.* Происхождение и расселение иволгинских бурят / С. П. Балдаев // Этнографический сборник. — 1960. — Выпуск 1. — С. 59—67.

5. *Балдаев С. П.* Буряад арадай дуунууд : в 3-х т. / С. П. Балдаев. — Улан-Удэ : Буряад ном хэблэл, 1961—1970. — Т. 1. : Урданай дуунууд. 1961. — 299 с.

6. *Балдаев С. П.* Бурятские свадебные обряды / С. П. Балдаев. — Улан-Удэ : Бурятское книжное изд-во, 1959. — 180 с.

7. *Балдаев С. П.* К вопросу о расселении бурятских племен и родов / С. П. Балдаев // Учен. Зап. БГПИ. — 1958. — Выпуск 16. — С. 158—163.

8. *Балдаев С. П.* Творчество сказителя П. М. Тушемилова / С. П. Балдаев. — Иркутск : Оттиск, 2020. — 316 с. — ISBN 978-5-6045342-8-1.

9. *Басаева К. Д.* Семья и брак у бурят (вторая половина 19 — нач. 20 века) / К. Д. Басаева. — Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1980. — 224 с.

10. *Бухоголова С. Б.* Собрание бурятских благопожеланий в фонде С. П. Балдаева ЦВРК ИМБТ / С. Б. Бухоголова, Б. Л. Тушинов // Восток. Афро-азиатские общества : история и современность. — 2023а. — № 1. — С. 174—184. — DOI: 10.31857/S086919080022532-2.

11. *Бухоголова С. Б.* Фольклор ольхонских бурят в фонде С. П. Балдаева ЦВРК ИМБТ СО РАН / С. Б. Бухоголова, Б. Л. Тушинов // Ориенталистика. — 2023б. — № 6 (3—4). — С. 705—727. — DOI: 10.31696/2618-7043-2023-6-3-4-705-727.

12. *Ван Геннеп А.* Обряды перехода / А. ван Геннеп. — Москва : Восточная литература, 1999. — 200 с. — ISBN 5-02-018038-6.

13. *Галданова Г. Р.* Структура традиционной бурятской свадьбы / Г. Р. Галданова // Традиционная культура народов Центральной Азии. — Новосибирск : Новосибирское отделение издательства «Наука», 1986. — С. 131—159.

14. *Дебенова З. А.* Конспект лекции С. П. Балдаева «Народные драмы бурят-монгольского народа» / З. А. Дебенова, А. В. Исаков // Культура Центральной Азии : письменные источники. — 2022. — № 15. — С. 65—114. — DOI: 10.31554/2304-1838-2022-15-65-114.

15. *Жамбалова С. Г.* Погребальная обрядность бурят : традиции, трансформации, возрождение (XIX — начало XXI в.) / С. Г. Жамбалова, А. С. Суворова ; Ответственный редактор Н. Л. Жуковская. — Иркутск : Оттиск, 2017. — 276 с. — ISBN 978-5-9500933-0-2.

16. *Календарь* знаменательных и памятных дат по Усть-Ордынскому Бурятскому округу на 2009 год. Библиогр. указ. / Усть-Ордын. Нац. библиотека им. М. Н. Хангалова. Отдел нац. и краеведч. лит. ; Сост. Л. Т. Хамируева, Н. А. Спиридонова ; Отв. за вып. Л. А. Семенова. — Усть-Ордынский, 2008. — 66 с.

17. *Обряды* в традиционной культуре бурят / Д. Б. Батоева, Г. Р. Галданова, Д. А. Николаева, Т. Д. Скрынникова ; Ответственный редактор Т. Д. Скрынникова. — Москва : Восточная литература, 2002. — 222 с. — ISBN 5-02-018256-7.

18. *Ринчинов О. С.* База данных бурятских родословных : основные подходы и реализация / О. С. Ринчинов, О. С. Ринчинова // Историческая информатика. — 2021. — № 4 (38). — С. 1—10.

19. *Цыденова Д. Ц.* Из научного наследия бурятского ученого-этнографа С. П. Балдаева / Д. Ц. Цыденова, В. А. Бурнаков // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. — 2014. — Т. 13. — № 5. — С. 52—62.

Статья поступила в редакцию 14.10.2023,
одобрена после рецензирования 09.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

Material resources

Godliin uzuurei gal. Fire at the tip of the arrow. The film is a rite. Available at: https://youtu.be/cIuUi9C0fls?si=YMmV5HlTQJA284Bq (accessed 29.10.2023). (In Russ.).

Outstanding Buryat folklorist and ethnographer. *Official website of the National Library of the Republic of Buryatia.* Available at: http://nbrb.b7site.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=20558 (accessed 10/29/2023). (In Russ.).

TSVRK IMBT SB RAS — *Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts, Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. F. 36. Op. 1. D. 1005. The oath of a woman in labor.* (In Russ.).

TSVRK IMBT SB RAS — *Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts, Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. F. 36. Op. 1. d. 1221. Birthing rites of the Western Buryats.* (In Russ.).

TSVRK IMBT SB RAS — *Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts, Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. F. 36. Op. 1. d. 1010. Materials on orochon: matchmaking orochon, funeral of children, orochon oath.* (In Russ.).

TSVRK IMBT SB RAS — *Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts, Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. F. 36. Op. 1. d. 1225. The rite of "Shara tehe (yellow goat) 1940".* (In Russ.).

TSVRK IMBT SB RAS — *Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts, Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. F. 36. Op. 1. d. 1238. Ancient customs related to the birth of a child and naming him.* (In Russ.).

TSVRK IMBT SB RAS — *Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts, Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. F. 36. Op. 1. d. 1223. Conception of a child and related rituals.* (In Russ.).

TSVRK IMBT SB RAS — *Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts, Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. F. 36. Op. 1. D. 989. L. 52. Buryat wedding rituals, songs, lamentations and lamentations (research).* (In Russ.).

References

Ayusheeva, M. V. (2019). Buryat genealogies in the personal fund of S. P. Baldaev. *Bulletin of the East Siberian State Institute of Culture, 4 (12):* 19—24. DOI: 10.31443/2541-8874-2019-4-12-19-24. (In Russ.).

Baldaev, S. P. (1958). On the question of the settlement of Buryat tribes and clans. *Scientific Journal of the BSPI, 16:* 158—163. (In Russ.).

Baldaev, S. P. (1959). *Buryat wedding rituals.* Ulan-Ude: Buryat. Publishing house. 180 p. (In Russ.).

Baldaev, S. P. (1960). The origin and settlement of the Ivolginsky Buryats. *An ethnographic collection, 1:* 59—67. (In Russ.).

Baldaev, S. P. (1961). *Buryad aradai duunuud: in 3 volumes, 1: Urdanai duunuud.* Ulan-Ude: Buryad nom heblel. 299 p. (In Russ.).

Baldaev, S. P. (1970). *Pedigree legends and legends of the Buryats. Bulagats and echirites.* Ulan-Ude: Buryat. Publishing house. 363 p. (In Russ.).

Baldaev, S. P. (2012). *Ancestral legends and legends of the Buryats*. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University. 710 p. ISBN 978-5-9793-0449-6. (In Russ.).

Baldaev, S. P. (2020). *Creativity of the storyteller P. M. Tushemilov.* Irkutsk: Imprint. 316 p. ISBN 978-5-6045342-8-1. (In Russ.).

Basaeva, K. D. (1980). *Family and marriage among the Buryats (the second half of the 19th century. 20th century)*. Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch. 224 p. (In Russ.).

Bukhogolova, S. B., Tushinov, B. L. (2023a). Collection of Buryat good wishes in the S. P. Baldaev Foundation of the Central Committee of the IMBT. *Vostok. Afro-Asian societies: History and modernity, 1:* 174—184. DOI: 10.31857/S086919080022532-2. (In Russ.).

Bukhogolova, S. B., Tushinov, B. L. (2023b). Folklore of the Olkhon Buryats in the S. P. Baldaev Foundation of the Central Research Institute of the IMBT SB RAS. *Orientalistics, 6 (3—4):* 705—727. DOI: 10.31696/2618-7043-2023-6-3-4-705-727. (In Russ.).

Calendar of significant and memorable dates in the Ust-Ordynsky Buryat district for 2009. Bibliographic decree. (2008). Ust-Ordynsky. 66 p. (In Russ.).

Debenova, Z. A., Isakov, A. V. (2022). Lecture notes by S. P. Baldaev "Folk dramas of the Buryat-Mongolian people". *Culture of Central Asia: written sources, 15:* 65—114. DOI: 10.31554/2304-1838-2022-15-65-114. (In Russ.).

Galdanova, G. R. (1986). The structure of the traditional Buryat wedding. In: *Traditional culture of the peoples of Central Asia.* Novosibirsk: Novosibirsk branch of the publishing house "Nauka". 131—159. (In Russ.).

Rinchinov, O. S. (2021). Database of Buryat pedigrees: basic approaches and implementation. *Historical computer science, 4 (38):* 1—10. (In Russ.).

Rituals in the traditional culture of the Buryats. (2002). Moscow: Oriental Literature. 222 p. ISBN 5-02-018256-7. (In Russ.).

Tsydenova, D., Burnakov, V. A. (2014). Ts. From the scientific heritage of the Buryat scholar-ethnographer S. P. Baldaev. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, philology, 13 (5):* 52—62. (In Russ.).

Van Gennep, A. (1999). *Rites of passage.* Moscow: Oriental Literature. 200 p. ISBN 5-02-018038-6. (In Russ.).

Zhambalova, S. G., Suvorova, A. S. (2017). *Buryat funeral rites: traditions, transformations, rebirth (XIX — early XXI century).* Irkutsk: Imprint. 276 p. ISBN 978-5-9500933-0-2. (In Russ.).

The article was submitted 14.10.2023;
approved after reviewing 09.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Поташова К. А. Космическая образность русской поэзии рубежа XVIII—XIX веков : стратегии изучения / К. А. Поташова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 211—228. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-211-228.

Potashova, K. A. (2023). Cosmic Imagery in Russian Poetry at Turn of 18th and 19th Centuries: Strategies of Study. *Nauchnyi dialog, 12* (10): 211-228. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-211-228. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-211-228

Космическая образность русской поэзии рубежа XVIII—XIX веков: стратегии изучения

Поташова Ксения Алексеевна
orcid.org/0000-0002-0164-0371
кандидат филологических наук,
доцент, кафедра русской
и зарубежной литературы
kseniaslovo@yandex.ru

Государственный
университет просвещения
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РНФ
проект № 23-78-01016

Cosmic Imagery in Russian Poetry at Turn of 18th and 19th Centuries: Strategies of Study

Ksenia A. Potashova
orcid.org/0000-0002-0164-0371
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
and Foreign Literature
kseniaslovo@yandex.ru

State University of Education
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-78-01016

© Поташова К. А., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На основе русской поэзии рубежа XVIII—XIX веков выявляются механизмы поэтического представления образов небесных светил, небесного свода, необычайных космических явлений в аспекте смены художественных парадигм (классицизма и романтизма), особенностей мировидения поэтов и их художественного метода. Проанализированы литературно-критические статьи 1820—1840-х годов и труды литературоведов второй половины XIX—XXI веков. Выявляются основные исследовательские стратегии анализа космической образности русской поэзии указанного периода. Дана оценка существующей методологии интерпретации поэтических произведений Г. Р. Державина и В. А. Жуковского, стоящих во главе ведущих художественных систем рубежа веков, в аспекте постижения образа космической вселенной. Определено, что в литературной критике и науке сложилось три магистральных направления в трактовках образа космической вселенной, а именно: трактовки образов астрономической вселенной как классицистических эмблем, как типичного элемента пейзажа в романтической эстетике, как онтологически наполненных образов. Доказано, что исследование космических мотивов не носило системного по отношению к литературному процессу рубежа XVIII—XIX веков характера.

Ключевые слова:
космическая образность; классицизм; романтизм; литературная традиция.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article explores the mechanisms of poetic representation of celestial bodies, the celestial sphere, and extraordinary cosmic phenomena in Russian poetry at the turn of the 18th and 19th centuries in the context of changing artistic paradigms (classicism and romanticism), poets' worldview, and their artistic methods. It analyzes literary-critical articles from the 1820s-1840s and works by literary scholars from the second half of the 19th to the 21st centuries. The main research strategies for analyzing the cosmic imagery in Russian poetry of this period are identified. The existing methodology for interpreting the poetic works of G. R. Derzhavin and V. A. Zhukovsky, who were at the forefront of the leading artistic systems of the time, is evaluated in terms of understanding the image of the cosmic universe. It is determined that in literary criticism and scholarship, three main approaches have emerged in interpreting the image of the cosmic universe: interpretations of the astronomical universe as classical emblems, as typical elements of landscape in romantic aesthetics, and as ontologically charged images. It is proven that the study of cosmic motifs did not have a systematic character in relation to the literary process at the turn of the 18th and 19th centuries.

Key words:
cosmic imagery; classicism; romanticism; literary tradition.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1+89.09+82-1

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Космическая образность русской поэзии рубежа XVIII—XIX веков: стратегии изучения

© Поташова К. А., 2023

1. Введение = Introduction

Традиционным является мнение, что космос приобрел особое значение для человечества в XX веке, однако значимые изменения в отношениях «человек — космос» оформлялись уже в античной культуре, а в поэзии второй половины XVIII — начала XIX веков, когда размышления о месте и роли человека в окружающем мире стимулировали не только обращенность внутрь себя, но и вовне, в сферу окружающего мира, приобрели очертаемую наглядность. В творчестве Г. Р. Державина и В. А. Жуковского, стоящих во главе ведущих художественных систем рубежа веков, на высочайшем поэтическом уровне представлена упорядоченная картина физического мира в ее мельчайших подробностях и космической всеохватности, а также воплощены идеи и чувствования человека традиционной русской культуры в ее единстве вселенского и национального. В то же время особенности творческого восприятия и художественного воплощения космического пространства у двух поэтов, принадлежащих к разным литературным направлениям, по-прежнему требуют раскрытия и выработки эффективной методологии анализа, основанной на внимании к средствам создания поэтической образности.

Научная новизна настоящей статьи определяется системным и целостным характером исследования, основанным на выявлении основных исследовательских стратегий при изучении образа динамической вселенной в поэзии рубежа XVIII—XIX века. Несмотря на наличие значительного числа исследований, представляющих ценные наблюдения над космической образами, которые оценивались и как классицистические эмблемы, и как типичные элементы романтического пейзажа, и как более глубокие, исполненные философского звучания поэтические единицы, пока не проводилось целостное концептуальное исследование, в котором была бы выявлена смысловая наполненность поэтических образов небесных светил. Также отсутствуют и исследования, в которых были бы сведены воедино рассеянные в различных литературно-критических и литературоведческих трудах наблюдения над образами небесных светил в русской поэзии, что способствовало бы обновлению методологического инструментария, об-

CC BY

условленного спецификой объекта изучения и требующего использования взаимосвязанных методов, принципов и подходов.

2. Материалы, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель статьи — выявление основных исследовательских стратегий анализа космической образности русской поэзии рубежа XVIII—XIX веков. Для достижения поставленной цели в статье решается комплекс научных задач, позволяющих представить целостную историографию вопроса по обозначенной проблеме, а именно: 1) отобрать и систематизировать литературно-критические и научные труды, в которых рассматривается поэтическая репрезентация небесных светил в поэзии рубежа XVIII—XIX веков; 2) выявить магистральные направления в трактовках образа космической вселенной в соответствии с различными этапами развития литературной науки и сложившимися научными подходами; 3) дать оценку существующей методологии интерпретации поэтических произведений рубежа XVIII—XIX веков в аспекте постижения образа космической вселенной. Обращение к анализу различных методологических подходов направлено на обновление инструментария анализа космической образности с позиции корреляции опытного восприятия, воображения, особенностей мировосприятия поэта и национальной картины мира в целом, на восполнение лакун в изучении механизмов поэтического представления образов небесных светил и космических явлений с позиции смены художественных парадигм.

Материалом для настоящего исследования послужили, во-первых, литературно-критические статьи 1820—1830-х годов, в которых в силу общих романтических установок главенствующее место отводилось эстетической и философской составляющим поэтического произведения, что обусловило внимание критиков к особенностям склада мировидения поэта и их художественного метода; во-вторых, исследования литературоведов второй половины XIX—XXI веков, которые посвящены анализу художественного образа в поэтических системах классицизма и романтизма. В соответствии с различными подходами критиков и литературоведов к трактовке космической образности просматриваются три основных направления, составивших основу для объединения оценок и суждений в группы. Первую группу работ составили исследования, связанные с трактовкой образов астрономической вселенной как классицистических эмблем. Заметной фигурой здесь является Г. Р. Державин, творчество которого отмечено использованием многочисленных космических образов, среди них ведущее место отведено солнечной символике. Среди затронутых в этой группе исследований проблем стоит выделить вопрос о космическом образе-эмблеме как символической форме воплощения государственной идеи,

CC BY

что обусловило функционирование такого образа как маркера одического жанра. В частности, этому вопросу посвящены исследования Н. П. Морозовой [Морозова, 2002], Ю. М. Манна [Морозова, 1976; Манн, 1995], А. Левицкого [Левицкий, 2012] и других исследователей. Генетически такие трактовки восходят к литературно-критическим работам, рассматривающим классицистическую кисть поэта-живописца, как, например, в первом монографическом разборе поэзии Г. Р. Державина, предпринятом Н. А. Полевым [Полевой, 1990].

Вторая группа исследований наиболее обширна: в них представлены наблюдения над космической образностью в романтической эстетике, а их фундамент заложен в романтической критике 1820-х годов. Ведущая проблема в суждениях этой группы связана с трактовкой эстетических особенностей романтического пейзажа в творчестве В. А. Жуковского, для которого ночной пейзаж стал наиболее соответствующим ведущей меланхолической тональности. В частности, эту группу представляют труды А. Н. Веселовского [Веселовский, 1918], В. Э. Вацуро [Вацуро, 1994], А. С. Янушкевича [Янушкевич, 1995], В. Н. Аношкиной-Касаткиной [Аношкина-Касаткина, 2014] и других исследователей.

Третью группу исследований составили труды, в которых космическая сфера трактуется шире, чем эмблематический образ или типичный элемент романтического пейзажа. Эти исследования развивают идею об онтологической наполненности космических образов, посредством которых в поэзии рассматриваются метафизические основания небесного пространства. Предтечей такой трактовки стали отклики символической и философской критики начала XX века, видевшей в поэзии развернутые философско-романтические картины. Здесь следует выделить исследования И. А. Есаулова [Есаулов, 2016], И. А. Киселевой [Киселева, 2017; Киселева, 2019], Н. А. Позднякова [Позднякова, 1993] и других ученых.

Методология настоящей статьи основана на использовании историко-функционального подхода, позволяющего выявить основные исследовательские стратегии при изучении образов небесных тел в поэзии классицизма и романтизма, а также подразумевает опору на принципы историзма и системности в представлении тех или иных позиций литературно-критической и литературоведческой мысли XIX—XXI веков.

3. Результаты и обсуждения = Results and Discussion

3.1. Космическая образность Г. Р. Державина в оценке критиков и литературоведов

Внимание к космической образности поэзии рубежа XVIII—XIX веков и первые ее оценки, данные в аспекте визуального начала русской

CC BY

словесности, обнаруживаются уже в литературно-критических разборах 1820—1840-х годов, посвященных поэзии Г. Р. Державина и по-разному ее оценивающих. В восторженных интонациях Н. А. Полевой оценивал эмоционально насыщенный язык оды Державина, сравнивая поэтическое ораторство с красочными картинами («Он весь в картинах: это русский снег, горящий лучами солнца» [Полевой, 1990, с. 183]), природу же называл источником его оригинальной художественной образности («Все его окружающее: солнце, звезды, моря, горы, леса и реки, напояли живым чувством и исторгали гласы его. Вот источник оды» [Там же, с. 188]). Иначе оценивает космическую образность поэзии Державина В. Г. Белинский, связывает ее с данью классицистической традиции. В статье «Сочинения Державина» (1843) критик, не разделяя принципов классицистической эстетики, усомнился в поэтическом мастерстве Державина, заключив в связи с одой «Водопад»: «И неужели дух Потемкина непременно должен обгонять ветер, обозревать царства вдруг, шуметь, блистать, подобно звезде, и сыпать искрами по своему следу? Риторика!» [Белинский, 1981, т. 6, с. 19].

Основной вектор анализа космической образности поэзии Державина в литературоведении сложился вокруг эмблематики как характерной черты классицистической поэтики. Это и справедливо: внимание к эблематизму, построенному по принципу аллегорических сравнений, многие из которых были новы для литературы, продиктовано особенностями самой поэтической личности Державина, видящего и стремящегося передать мир во всем его многообразии. Именно с открытием для русской поэзии солнца связывает А. А. Бестужев-Марлинский художественный гений Державина, образно заключая: «Так драгоценный алмаз долго еще горит во тьме, будучи напоен лучом солнечным» [Бестужев-Марлинский, 2002, с. 424]. Значимый и частотный для поэзии Державина солнечный свет связывается с классицистической комплиментарностью, образность для которой подсказывала «сама природа» [Западов, 1989, с. 60], Такой пример находим в оде «На рождение в Севере порфирородного отрока», в котором рождение будущего наследника престола (имеется ввиду Александр I) сравнивается с весенним солнцем: «Он воззрел, — и солнце красно // Обратилося к весне» [Державин, 2016, т. 5, с. 147]. Подобных необычных сравнений, основанных на уподоблении государственного деятеля солнцу, в поэзии Державина множество, что позволяет говорить о солнце как константной для его творчества эмблеме. В связи с одической восторженностью Н. П. Морозова отметила сопряженность образа солнца в поэзии Державина с личностью Императора Александра I [Морозова, 2002]. Связь эмблематизма образа солнца с одической традицией отражена в работе американского исследователя А. А. Левицкого «Образ солнца в поэзии Держа-

CC BY

вина» [Левицкий, 2012]. Константным у Державина является и солнечный пейзаж, как указывает Д. Д. Благой, именно солнце являлось источником вдохновения для поэта, само мастерство Державина-живописца исследователь связывает с «подражанием солнцу» [Благой, 1947, с. 410]. В то же время в обозначенных исследованиях литературоведы только фрагментарно затрагивали космическую образность поэзии Державина, фиксировали значение тех или иных эмблем, не обращаясь к целостному их анализу. Подобный подход к трактовке космической образности с позиции близкой к лингвистической методологии представляется вполне закономерным, поскольку изучение одической лексики и стилистики дает ответы на многие теоретические вопросы, касающиеся основных закономерностей репрезентации образов небесных светил в произведениях Державина, но все же в исследованиях отдается предпочтение описанию приемов, систематизации и иллюстрации различных случаев их употребления, толкованию наиболее часто употребляемых образных средств с точки зрения семантики, что представляется недостаточным для раскрытия смысловой наполненности поэтической образности.

В обращениях литературоведов к космической сфере поэзии Державина явственно просматривается и иное направление: исследователи не только затрагивали эстетику космического, но и стремились к постижению философской наполненности образов небесных тел. Сам Державин в «Рассуждении о лирической поэзии или об оде» (1812) в качестве источника космической образности называет Псалтирь, отмечая согласованность «лиры и псалтири», а обращение к ним связывает с изображением эсхатологических чувствований «войны, морового поветрия и какого-либо иного бедствия, от <…> лица всего народа» [Державин, 2016, т. 5, с. 147]. Обращенность Державина в своем поэтическом творчестве к библейской космологии усматривает критик Н. А. Полевой, отмечая, что «человек в одно время живет идеею неба и идеею земли» [Полевой, 1990, с. 101]. В подкрепление своего суждения Н. А. Полевой обращает внимание на «космическую наполненность» од Державина, воспевшего «и часть человечества, и часть Вселенной» [Там же, 1990]. Метафизические основания поэзии Державина не привлекали внимание критиков, в связи с чем это направление исследований получает свое развитие только в литературоведении Нового времени в разборах его философских од. Е. Я. Данько в работе «Изобразительное искусство в поэзии Державина» (1940) отмечает, что использование поэтом в духовных одах «ярких зрительных образов» [Данько, 1940, с. 183] луны, кометы, вселенной обусловлено самой устремленностью лирического героя Державина к постижению себя через Бога, в то время как смысловая нагрузка образа солнца объяснялась наследо-

CC BY

ванной поэтом классицистической традицией. Справедливо и суждение Е. Я. Данько, сделанное в связи с вниманием к метеорологии и небесным телам, что, по мнению исследователя, способствовало «открытию другим поэтам глаз на русскую природу» [Там же, с. 183]. Н. А. Позднякова в разборе категории художественного времени в одах «На смерть князя Мещерского» и «Водопад» обращает внимание на «апокалипсические картины конца мира» [Позднякова, 1993, с. 39], что символически было манифестировано путем указания на отсутствие небесных светил на небе («*Без жалости все смерть разит: // И звезды ею сокрушатся, // И солнцы ею потушатся*» [Державин, 2016, т. 1, с. 57]), однако развития эта идея не получает, тогда как связь подобной метафорики с библейским Апокалипсисом несомненна. Анализируя оду «Бог», Д. Л. Башкиров связывает с созерцанием вселенной главные идеи стихотворения: размышление человека о своей ничтожности, «соизмеримость Творца и сотворенного и восхищение Им» [Башкиров, 1998, с. 144]. Й. Клейн связывает успех державинской оды с попыткой поэта показать «отношение человека к Богу и его положение во вселенной в соответствии с современным знанием» [Клейн, 2004, с. 127]. И. А. Есаулов отмечает, что в оде посредством «материально зримых метафор» выражена «отвлеченная метафизическая мысль» [Есаулов, 2016, с. 47]. Так, смысловая наполненность образа солнца в поэзии Державина была подчеркнута в статье американского литературоведа А.-Л. Крон, которая отмечает подчиненность «солнечного света мраку вечности», сравнивает движение жизни с солнечной траекторией, приходит к заключению, что поэт стремился «к активному слиянию с богопорядком в природе, к сотворчеству с Богом» [Крон, 1995, с. 270].

Вопрос о литературной преемственности Державина и далее о его влиянии на творчество других поэтов в связи с космической образностью еще не становился предметом специального изучения. В исследованиях, касающихся традиции духовных од Ломоносова в лирических стихотворениях Державина, эта составляющая художественной образности была затронута лишь косвенно. Т. В. Бердниковой отмечена преемственность Державина по отношению к духовным одам Ломоносова, пафос которых связан с прославлением Бога в Его творениях, в том числе воплощенных в зримых зарисовках «картин вселенной» [Бердникова, 2013, с. 232]. В то же время рассмотрение генезиса космической образности Державина представляется продуктивным, в том числе небезосновательным видится сопоставление образов небесных светил в творчестве Державина и Ломоносова, открывшего космос в русской поэзии. В связи с метафизикой неба интерес представляет и сопоставление художественных систем Державина и Лермонтова, которому присущ особый «космизм видения», выразивший-

CC BY

ся в необычном ракурсе выбранной картины: «поэт изображает землю будто бы из космоса» [Киселева, 2017, с. 99], его взгляд направлен «от Неба к земле, <…> от земли к Небу» [Киселева, 2017, с. 101].

Обобщая наблюдения, сделанные исследователями в связи с использованием образов астрономической вселенной в классицистическом тексте, стоит указать на акцентированную ими заместительную функцию образов солнца, луны и звезд, использованных в одах во вторичном, концептуальном значении для представления основных идейных констант эпохи Просвещения. Единичных наблюдений над особенностями обращения Державина к космическим образам недостаточно, ключевой особенностью его творчества является использование непривычных, многозначных и разнородных символов, требующих прицельного внимания. Будучи значимым подспорьем на уровне сбора и обработки материала, представленные исследования не ставят проблему выявления поэтики космического и моделирования образов небесных светил в русской классицистической поэзии и обнаруживают множество пробелов, требующих дополнительных разысканий.

3.2 Выявление традиций и новаций космической образности в романтической поэзии

Магистральное направление в изучении космической образности в романтической поэзии связано с определением эстетики пейзажа, через который рассматриваются и иные составляющие художественного мира романтизма. Так, И. В. Киреевский отмечает в статье «Нечто о характере поэзии Пушкина» романтический колорит южных поэм Пушкина именно через сравнение с лунным пейзажем: «Между тем как бедные цыганы любят горестно и трудно, их жены, как вольная луна, на всю природу мимоходом изливают равное сиянье» [Киреевский, 1979, с. 45]. В поле зрения Ю. М. Манна наряду с характерной для эстетики романтизма «лунной освещенностью» портрета героя [Манн, 1976, с. 69] попали и особенности солярной символики в романтическом произведении. Исследователь подчеркивает, что солнце и эффект отражения солнца в воде являются «излюбленными аксессуарами романтиков» [Манн, 1995, с. 157]. Д. С. Лихачев называет поток солнечных лучей «необходимым элементом утреннего пейзажа» [Лихачев, 1998, с. 346] в творчестве А. С. Пушкина, а уходящее солнце, нередко появляющееся в элегиях Жуковского, определяет как «великолепное зрелище вечереющей природы» [Там же, с. 328]. Обновление эстетики пейзажа в это время наблюдается и у Державина, сменившего в своей поздней лирике солнечные картины на ночные пейзажи: «*Но, представляя вечер лунной, // Он тихий голос издает»; «В полночь, самой той порою, // Как заснула тишина, // Сребряной на нас рукою // Сыпала свой свет луна*» [Державин, 2016, т. 1, с. 57]. И здесь следует обратиться к во-

CC BY

просу о литературной традиции, обусловившей появление космической образности в поэзии романтизма.

Начало этим наблюдениям было положено в монографическом исследовании А. Н. Веселовского «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения» (1904). Характеризуя атрибуты меланхолии в русской романтической поэзии начала XIX века, А. Н. Веселовский обратил внимание на противопоставление классицистическому золотому солнцу романтического серебряного меланхолического месяца или луны, приверженность романтизма к «картинам унылой, дикой природы с полутонами и полусветом: заходящее солнце, сумерки, настраивающие на грустный лад, луна, прячущаяся за полные слез облака» [Веселовский, 1918, с. 47]. В. А. Западов указал на развернувшийся в начале XIX века спор между Державиным и Жуковским в связи с вопросом о том, что «должен изображать поэт, кто должен быть героем поэтического произведения, как следует относиться к жизни вообще и каким образом изображать природу» [Западов, 1989, с. 150].

В литературоведении вопрос о художественных системах «старших» и «младших» поэтов начала XIX века рассматривался разнонаправленно — говорилось как о влиянии Державина на оформление романтической образности, так и, напротив, о влиянии Жуковского на поэзию Державина. Вопрос этот, несомненно, касался и образов небесных светил, к которым романтики проявляли большой интерес. Появление лунной символики у Державина объясняется возникшими в его художественной системе противоречиями с классицистическими установками, что отмечено в работе И. В. Логвиновой «Г. Р. Державин и романтизм». Исследователь сразу в нескольких одах Державина находит черты романтического мировосприятия и делает вывод о «разрушении одической традиции» [Логвинова, 2014, с. 163], проявившемся в том числе в обращении к образам «луны, таинственной ночи, <…>, красного месяца» [Там же, с. 164]. В. Ф. Ходасевич трактует смысловую нагрузку лунного пейзажа в позднем творчестве Державина в контексте обращения к этому образу как средству раскрытия «глубокой личной правды» [Ходасевич, 1988 с. 185]. Державин, будучи, по мнению Е. А. Маймина, «литературным учителем для романтиков» [Маймин, с. 85], оказал значительное влияние на формирование эстетики романтического пейзажа. И. З. Серман видит безусловное державинское влияние на картины природы в элегии «Вечер» Жуковского: «Эти пейзажи, освещенные то закатным солнцем, то восходящей луной, этот “колеблющийся град”, этот зыблющийся блеск луны написаны, говоря образно, красками с державинской пейзажной палитры» [Серман, 1967, с. 100]. Обнаруживаются и обратные суждения, касающиеся влияния эстетики Жуковского на

CC BY

поэтическую образность позднего Державина. Об этом пишет Я. К. Грот, указывающий, что «Жуковский находил мысль Державина неясною» [Грот, 1997, с. 503], тогда как романтические тональности поэзии Державина, его «игриво-грациозные образы» [Там же, с. 612] небесных светил в балладе «Царь-девица» появились уже на стыке классицистической и романтической традиции, не без влияния Жуковского. На литературное состязание между Державиным и Жуковским указывает Т. Н. Фрайман, связывающая развитие «оссиановских мотивов и образов» у Державина именно с влиянием Жуковского, и, более того, небезосновательно усматривает созвучие выдержанного в элегической тональности фрагмента державинского «Гимна лиро-эпического на прогнание французов…» с поэтической образностью «Вечера» Жуковского, притом этот фрагмент может быть рассмотрен как своеобразное декларирование отказа Державина от эстетики классицистического солнечного пейзажа: «*Но, солнце! мой вечерний луч! // Уже за холмы синих туч // Спускаешься ты в темны бездны, // Твой тускнет блеск любезный*» [Державин, 2016, т. III, с. 149].

Однако, несмотря на многочисленные трактовки взаимовлияния Державина и Жуковского, суждения о космической образности в этой связи немногочисленны, и литературная традиция обращения к образам небесных светил по-прежнему требует целостного рассмотрения. Так, обнаруживается лакуна в изучении поэтических переложений Жуковским картин из Апокалипсиса, наполненных космическими образами, восходящими и к художественному миру философских од Державина, и к более далеким произведениям из древнерусской литературы и художественным сочинениям первой половины XVIII века.

3.3. Изучение ночного пейзажа В. А. Жуковского как постижение метафизических оснований человеческого бытия

Образы солнца, луны, звезды нередко возникали при рассмотрении романтической идеи устремленности лирического героя к недостижимому далекому идеалу, воплощаемому в различных рядах романтических оппозиций, среди которых одно из первых мест занимала оппозиция «земное — небесное». Отдельные дискуссии намечены вокруг смысловой насыщенности категорий «таинственного» и «притягательного» при изображении в романтическом ключе ночной природы. В подробнейшем разборе издания «Баллады и повести В. А. Жуковского» (1831) Н. А. Полевой выводит формульную характеристику романтической эстетики поэта, подчеркивая, что «песнь Жуковского журчит неприметным ручейком и освещается бледным сиянием месяца» [Полевой, 1990, с. 220]. Не находя в поэзии Жуковского оригинальности и народности, но при этом ставя его «Отчет о луне» в «ряд лучших творений» по «задушевности идеи» [Там

CC BY

же, с. 221], Полевой сомневается в пейзажном мастерстве поэта. Критик, заявляя, что не понимает ночных пейзажей, с позиции наблюдателя картины задается вопросом: «Что за картины природы изображает он? Эта природа мрачная, списанная ночью, при луне, робко прорезывающей изредка бурные облака, и списанная притом с кладбища» [Там же, с. 221]. Причина такой резкой оценки — неприложимость, по мнению Н. А. Полевого, ночного пейзажа, характерного для творчества «певцов Германии» [Там же, с. 222], к русскому мироощущению, непригодность этого образа для художественного представления русской картины мира с присущими ей «образами ясными и светлыми» [Там же, с. 457]. Однако поэтические «Отчеты» о луне и солнце Жуковского нашли среди современников различные отклики, не все они были восторженного толка. В. К. Кюхельбекер, дав им общую положительную оценку, указал на их неоднородность, сославшись на Грибоедова, говорившего о «мозаической работе», однако заключил: «...но в этой мозаике есть и чистое золото» [Кюхельбекер, 1979, с. 275]. А. И. Тургенев высказался более критично: «Пудра не запылила души его, и деятельность его, кажется, начинает воскресать. Посылаю болтовню его о луне и солнце» [Веселовский, 1918, с. 170]. Спустя время после публикации Жуковским «Отчетов» Н. В. Гоголь первым в литературной критике обратил внимание на красочность в изображении Жуковским небесных светил и восхищенно заключил в своих рассуждениях «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность»: «Кто уже мог написать стихотворенье *Отчет о солнце*, где подстережены все видоизменения солнечных лучей и волшебство картин, ими производимых в разные часы дня, равно как с такой же живописной подробностью изобразить в Отчете о луне волшебство лунных лучей, с целым рядом ночных картин, ими производимых, — тот, разумеется, должен был заключить в себе в большой степени свойство *оценивать*» [Гоголь, 1937—1952, т. 8, с. 378].

Начиная с первой половины XX века исследователи, обращаясь к изучению эстетики романтического изображения природы, выделяли лунный пейзаж как специфически романтический. Луну как постоянный элемент романтического пейзажа рассматривает С. Е. Шаталов, определяя ее «непременным свидетелем раздумий элегического героя» [Шаталов, 1988, с. 66]. Наследниками традиции «лунного пейзажа» В. А. Жуковского ученые называли К. Н. Батюшкова, Н. В. Гоголя, Ф. И. Тютчева. Так, И. А. Станичук проводит параллель между ночными пейзажами В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя в связи с общеромантической тенденцией «глубокой взаимосвязи лирического пафоса и мистических переживаний» [Станичук, 2014, с. 467]. Лунный пейзаж как составляющая идиллического топоса в романтической поэзии В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина отмечал

CC BY

В. Э. Вацуро. Им же лунный пейзаж определен как «эмблематичный» при изображении ситуации трагической любви в поэзии К. Н. Батюшкова, изображающего «погибшего юношу, которого ищет при луне его возлюбленная» [Вацуро, 1994, с. 167]. Аналогичные размышления находим и в фундаментальных работах по истории романтизма Ю. В. Манна, выявившего два излюбленных романтических образа — «образы звездного неба и пения» [Манн, 1976, с. 268], Е. В. Маймина, назвавшего луну и звезды типичными элементами «южного экзотического пейзажа» [Маймин, 2001, с. 47]. Изучая историю возникновения и содержательную наполненность понятия «романтический», А. Н. Николюкин выделяет космические образы наряду с такими природными образами, как «горы, скалы и водопады» [Николюкин, 2003, с. 22]. Проводя параллели между балладным и элегическим творчеством Жуковского и романом «Евгений Онегин», А. С. Янушкевич обобщенно называет лунные картины в поэзии Жуковского «манифестом романтической селенологии» и прослеживает традицию изображения лунных пейзажей от поэзии Жуковского к поэзии символистов [Янушкевич, 1995, с. 54].

Наиболее значительны в аспекте раскрытия смыслов «космических» образов в русской поэзии XIX века исследования В. Н. Аношкиной (Касаткиной), посвященные русскому романтизму. Ею отмечен необычайный интерес романтиков к «непознанным мирам», под которыми понимается «таинственный космический океан — луна, звезды, небесная высь». Исследовательский интерес В. Н. Аношкиной (Касаткиной) привлекла эстетика лунного пейзажа в элегиях и балладах В. А. Жуковского (среди которых «Сельское кладбище», «Вечер», «Славянка», «Эолова арфа» и др.). Анализ поэтических зарисовок В. А. Жуковского позволил исследователю выявить основные колоративы романтических ночных пейзажей, окрашенных в «матовость звездного мерцания и лунный свет» [Аношкина-Касаткина, 2014, с. 159], определить типичную романтическую ситуацию («человек одинок в большом космическом мире: над ним темное бездонное небо с горящими и безмолвными луной» [Там же, с. 174]) и очертить эстетико-семантический ореол романтического героя, включающий образы луны и воды с их многоплановыми ценностно-семантическими ассоциациями. Ценными наблюдениями В. Н. Аношкиной (Касаткиной) стали сравнения «поведения солнца и луны» [Там же, с. 161] на основе стихотворений В. А. Жуковского и Ф. И. Тютчева, изображающих морскую стихию. Значимым в раскрытии настоящей проблемы явилось и жанровое определение примечательного поэтического сочинения В. А. Жуковского «Подробный отчет о луне», в котором В. Н. Аношкина (Касаткина) усматривает синтез элегии и послания, а также отмечает смысловую доминанту — тягу «человеческой души к небесным явлениям» [Там же, с. 46] как к пути осмысления духовных цен-

CC BY

ностей. Рассматривая традицию Жуковского-пейзажиста в русской поэзии, исследователь заключает, что «лунно-звездный небесный свет элегий» [Там же, с. 301] лишь отчасти воспроизведен А. С. Пушкиным, образ луны составляет «общие жанровые признаки идиллии» [Там же, с. 379], в то же время глубокие смыслы в его поэзии приобретает образ вечерней звезды.

Обширные исследования, представленные в этой группе работ, доказывают значимость космической образности для эстетики романтического пейзажа. В то же время некоторые аспекты определения функционального спектра космических образов в поэзии различных исторических периодов по-прежнему нуждаются в дополнительном изучении. Так, продуктивным представляется проследить генезис и поэтическую трансформацию образов солнца, луны, звезд от классицистического эмблематизма к символизму, пути их оформления в развернутые философско-романтические картины и пейзажный экфрасис.

4. Заключение = Conclusions

Исследования космических мотивов в русской литературе XVIII—XIX веков не носили системного по отношению ко всему литературному процессу конца XVIII — первой трети XIX веков характера. Несмотря на попытки выявления особенностей языка и стиля русских поэтов, на признание возможности определить солнечную и лунную символику как эстетические константы классицизма и романтизма, все же немногочисленны были исследования, нацеленные на установление своеобразия и закономерностей поэтического мировидения, оформившегося на рубеже XVIII—XIX веков. Можно заключить, что на современном уровне развития филологической науки, несмотря на намеченные в исследованиях различные аспекты изучения образов небесных светил в поэзии Державина и Жуковского, целостного и многостороннего рассмотрения различных граней их «космической» поэзии предпринято не было, между тем литература рубежа XVIII—XIX веков, без сомнения, дает материал, позволяющий судить о важных тенденциях в становлении не только художественного метода и стиля, но и ценностного наполнения поэтических образов, связанных с моделью вселенной, осмысление универсализирующего потенциала которой уже в русской литературной классике виделось принципиально важным.

Источники

1. *Белинский В. Г.* Собрание сочинений : в 9 т. / В. Г. Белинский. — Москва : Художественная литература, 1981.

2. *Бестужев-Марлинский А. А.* Взгляд на старую и новую словесность в России / А. А. Бестужев-Марлинский // Критика первой четверти XIX века. — Москва : Олимп, 2002. — С. 417—438.

CC BY

3. *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений : в 14 т. / Н. В. Гоголь. — Москва : Издательство АН СССР, 1937—1952.

4. *Державин Г. Р.* Собрание сочинений : в 10 т. / Г. Р. Державин. — Москва : Народное образование, 2016.

5. *Киреевский И. В.* Критика и эстетика / И. В. Киреевский. — Москва : Искусство, 1979. — 439 с.

6. *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи / В. К. Кюхельбекер. — Ленинград : Наука. Ленингр. отд., 1979. — 789 с.

7. *Полевой Н. А.* Литературная критика : Статьи, рецензии 1825—1842 / Н. А. Полевой, Кс. А. Полевой. — Ленинград : Художественная литература, 1990. — 592 с.

8. *Ходасевич В. Ф.* Державин / В. Ф. Ходасевич. — Москва : Книга, 1988. — 326 с.

Литература

1. *Аношкина-Касаткина В. Н.* Русский романтизм. В. А. Жуковский, А. С. Пушкин / В. Н. Аношкина-Касаткина. — Москва : Московский государственный областной университет, 2014. — 400 с.

2. *Башкиров Д. Л.* Ода Г. Р. Державина «Бог» / Д. Л. Башкиров // Проблемы исторической поэтики. — 1998. — № 5. — С. 140—150.

3. *Благой Д. Д.* Державин / Д. Д. Благой // История русской литературы : в 10 т. — Москва, Ленинград : Издательство АН СССР, 1941—1956. — Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. — 1947. — С. 383—429.

4. *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры. Элегическая школа / В. Э. Вацуро. — Санкт-Петербург : Наука, 1994. — 240 с.

5. *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечнаго воображения» / А. Н. Веселовский. — Петроград : Научное дело, 1918. — 550 с.

6. *Грот Я. К.* Жизнь Державина / Я. К. Грот. — Москва : Алгоритм, 1997. — 685 с.

7. *Данько Е. Я.* Изобразительное искусство в поэзии Державина / Е. Я. Данько // XVIII век : Статьи и материалы. Сборник 2. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1940 — С. 166—247.

8. *Есаулов И. А.* Ода Г. Р. Державина «Богъ» : новое понимание / И. А. Есаулов // Проблемы исторической поэтики. — 2016. — № 14. — С. 45—67. — DOI 10.15393/j9.art.2016.3722.

9. *Западов В. А.* Проблема литературного сервилизма и дилетантизма и поэтическая позиция Г. Р. Державина / В. А. Западов // XVIII век. Сборник 16 : Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. — 1989. — С. 56—75.

10. *Киселева И. А.* Творчество М. Ю. Лермонтова как религиозно-философская система / И. А. Киселева. — Москва : Московский государственный областной университет, 2017. — 178 с.

11. *Киселева И. А.* О смысловой цельности дефинитивного текста поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» (1839) / И. А. Киселева // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — Т. 17, № 4. — С. 91—106. — DOI 10.15393/j9.art.2019.6422.

12. *Клейн Й.* Религия и просвещение в XVIII веке : ода Державина «Бог» / Й. Клейн // XVIII век. Сборник 23. — Санкт-Петербург : Наука, 2004. — С. 126—133.

13. *Крон А.-Л.* «Евгению. Жизнь Званская» как метафизическое стихотворение / А.-Л. Крон // Норвичские симпозиумы по русской литературе и культуре. — Том IV: Гавриил Державин. 1743—1816. — Нортфилд, Вермонт, 1995. — С. 268—282.

14. *Левицкий А.* Образ солнца в поэзии Державина / А. Левицкий // Русская литература. — 2012. — № 1. — С. 55—65. Russkaya literatura

15. *Лихачев Д. С.* Поэзия садов / Д. С. Лихачев. — Москва : Согласие, 1998. — 469 с.

16. *Логвинова И. В.* Г. Р. Державин и романтизм / И. В. Логвинова // Литературоведческий журнал. — 2014. — № 34. — С. 159—166.

17. *Маймин Е. А.* О русском романтизме; Русская философская поэзия; Лев Толстой : Путь писателя. Воспоминания. Переписка / Е. А. Маймин. — Псков : Псковская историческая библиотека, 2015. — 904 с.

18. *Манн Ю. В.* Динамика русского романтизма / Ю. В. Манн. — Москва : Аспект-пресс, 1995. — 380 с.

19. *Манн Ю. В.* Поэтика русского романтизма / Ю. В. Манн. — Москва : Наука, 1976. — 375 с.

20. *Морозова Н. П.* О стихотворении Г. Р. Державина «К царевичу Хлору» / Н. П. Морозова // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. — 2002. — № 1. — С. 58—65.

21. *Николюкин А. Н.* О русской литературе : Теория и история / А. Н. Николюкин. — Москва : ИНИОН РАН, 2003. — 559 с.

22. *Позднякова Н. А.* Образ художественного времени в поэзии Г. Р. Державина / Н. А. Позднякова // Г. Р. Державин : личность, творчество, современное восприятие : Тезисы Международной научной конференции. — Казань : Казанский университет, 1993. — С. 39.

23. *Серман И. З.* Державин / И. З. Серман. — Ленинград : Просвещение. Ленингр. отделение, 1967. — 119 с.

24. *Станичук И. А.* Поэтика лунного света в произведениях Н. В. Гоголя / И. А. Станичук // Вестник Тверского государственного университета. — 2014 — № 3. — С. 467—472.

25. *Фрайман Т. Н.* Державин и Жуковский. К вопросу о творческом наследовании [Электронный ресурс] / Т. Н. Фрайман. — Режим доступа : http://zhukovskiy.lit-info.ru/zhukovskiy/kritika/frajman-derzhavin-i-zhukovskij.htm (дата обращения 27.10.2023).

26. *Шаталов Е. С.* Характерология элегий и баллад Жуковского (к вопросу о единстве художественного мира поэта) / Е. С. Шаталов // Жуковский и литература конца XVIII—XIX века : сборник статей. — Москва : Наука, 1988. — С. 48—69.

27. *Янушкевич А. С.* Мотив луны и его русская традиция в литературе XIX века / А. С. Янушкевич // Роль традиции в литературной жизни эпохи. Сюжеты и мотивы. — Новосибирск : Сибирское отделение РАН, 1995. — С. 53—61.

Статья поступила в редакцию 29.10.2023,
одобрена после рецензирования 06.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

Material resources

Belinskiy, V. G. (1981). *Collected works in 9 volumes*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).

Bestuzhev-Marlinskiy, A. A. (2002). A look at old and new literature in Russia. In: *Criticism of the first four of the twentieth century*. Moscow: Olimp. 417—438. (In Russ.).

Derzhavin, G. R. (2016). *Complete works: in 10 volumes*. Moscow: Narodnoe obrazovanie. (In Russ.).

Gogol, N. V. (1937—1952). *Complete works: in 14 volumes*. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.).

Khodasevich, V. F. (1988). *Derzhavin*. Moscow: Kniga. 326 p. (In Russ.).
Kireevskiy, I. V. (1979). *Criticism and Aesthetics*. Moscow: Iskusstvo. 439 p. (In Russ.).
Kyukhelbeker, V. K. (1979). *Journey. Diary. Articles*. Leningrad: Nauka. Leningrad branch. 789 p. (In Russ.).
Polevoy, N. A., Polevoy, Ks. A. (1990). *Literary criticism: Articles, reviews 1825—1842*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. 592 p. (In Russ.).

References

Anoshkina-Kasatkina, V. N. (2014). *Russian romanticism. V. A. Zhukovsky, A. S. Pushkin.* Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy oblastnoy universitet. 400 p. (In Russ.).
Bashkirov, D. L. (1998). Ode by G. R. Derzhavin "God". *The problems of historical poetics, 5:* 140—150. (In Russ.).
Blagoy, D. D. (1947). Derzhavin. In: *History of Russian literature: in 10 volumes. Vol. IV: Literature of the 18th century.* Moscow, Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences. 383—429. (In Russ.).
Danko, E. Ya. (1940). Fine arts in Derzhavin's poetry. In: *XVIII century: Articles and materials. Collection 2.* Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences. 166—247. (In Russ.).
Esaulov, I. A. (2016). Ode by G. R. Derzhavin "God": a new understanding. In: *The problems of historical poetics, 14:* 45—67. DOI 10.15393/j9.art.2016.3722. (In Russ.).
Frayman, T. N. *Derzhavin and Zhukovsky. On the issue of creative inheritance.* Available at: http://zhukovskiy.lit-info.ru/zhukovskiy/kritika/frajman-derzhavin-i-zhukovskij.htm (accessed 27.10.2023). (In Russ.).
Grot, Ya. K. (1997). *Derzhavin's life*. Moscow: Algoritm. 685 p. (In Russ.).
Kiseleva, I. A. (2017). *The work of M. Yu. Lermontov as a religious and philosophical system.* Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy oblastnoy universitet. 178 p. (In Russ.).
Kiseleva, I. A. (2019). On the semantic integrity of the definitive text of the poem "Demon" by M. Yu. Lermontov (1839). *The problems of historical poetics, 17 (4):* 91—106. DOI 10.15393/j9.art.2019.6422. (In Russ.).
Kleyn, Y. (2004). Religion and enlightenment in the 18th century: Derzhavin's ode "God". In: *XVIII century. Collection 23*. St. Petersburg: Nauka. 126—133. (In Russ.).
Kron, A.-L. (1995). «Evgeniyu. Zhizn' Zvanskaya» as a metaphysical poem. In: *Norwich symposia on Russian literature and culture. Volume IV: Gavriil Derzhavin. 1743—1816*. Nortfild, Vermont. 268—282. (In Russ.).
Levitskiy, A. (2012). The image of the sun in Derzhavin's poetry. *Russkaya literature, 1:* 55—65. (In Russ.).
Likhachev, D. S. (1998). *Poetry of the gardens*. Moscow: Soglasie. 469 p. (In Russ.).
Logvinova, I. V. (2014). G. R. Derzhavin and romanticism. *Literaturovedcheskii zhurnal, 34:* 159—166. (In Russ.).
Maymin, E. A. (2015). *About Russian romanticism; Russian philosophical poetry; Lev Tolstoy: The Writer's Path. Memories. Correspondence*. Pskov: Pskovskaya istoricheskaya biblioteka. 904 p. (In Russ.).
Mann, Yu. V. (1976). Poetics of Russian Romanticism. Moscow: Nauka. 375 p. (In Russ.).
Mann, Yu. V. (1995). Dynamics of Russian Romanticism. Moscow: Aspekt-press. 380 p. (In Russ.).
Morozova, N. P. (2002). About the poem by G. R. Derzhavin "To Prince Chlorus". In: *Readings of the Department of Russian Literature of the 18th Century. 1*. 58—65. (In Russ.).

CC BY

Nikolyukin, A. N. (2003). *About Russian literature: Theory and history*. Moscow: INION RAN. 559 p. (In Russ.).

Pozdnyakova, N. A. (1993). The image of artistic time in the poetry of G. R. Derzhavin. In: *G. R. Derzhavin: personality, creativity, modern perception: Abstracts of the International Scientific Conference*. Kazan: Kazanskiy universitet. 39. (In Russ.).

Serman, I. Z. (1967). *Derzhavin.* Leningrad: Prosveshchenie. Leningrad branch. 119 p. (In Russ.).

Shatalov, E. S. (1988). Characterology of Zhukovsky's elegy and ballads (to the question of the unity of the poet's artistic world). In: *Zhukovsky and literature of the late 18th-20th centuries: collection of articles*. Moscow: Nauka. 48—69. (In Russ.).

Stanichuk, I. A. (2014). Poetics of moonlight in the works of N. V. Gogol. *Bulletin of Tver State University, 3:* 467—472. (In Russ.).

Vatsuro, V. E. (1994). *Lyrics of Pushkin's time. Elegiac school*. St. Petersburg: Nauka. 240 p. (In Russ.).

Veselovskiy, A. N. (1918). *V. A. Zhukovsky. Poetry of feeling and "heartfelt imagination"*. Petrograd: Nauchnoe delo. 550 p. (In Russ.).

Yanushkevich, A. S. (1995). The moon motif and its Russian tradition in twentieth-century literature. In: *The role of tradition in the literary life of the era. Plots and motives*. Novosibirsk: Sibirskoe otdelenie RAN. 53—61. (In Russ.).

Zapadov, V. A. (1989). The problem of literary servility and amateurism and the poetic position of G. R. Derzhavin. In: *XVIII century. Collection 16: Results and problems of studying Russian literature of the 18th century*. Leningrad: Nauka. Leningrad branch. 56—75. (In Russ.).

The article was submitted 29.10.2023;
approved after reviewing 06.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
HISTORY

Александр Александрович Валитов, канд. истор. наук (Тобольск)
Андрей Геннадьевич Праздников, д-р истор. наук (Киров)
Анна Борисовна Агафонова, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Вадим Сергеевич Сулимов, д-р истор. наук (Тюмень)
Валерий Федорович Блохин, д-р истор. наук (Брянск)
Василий Владимирович Запарий, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Владимир Васильевич Запарий, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Дарья Александровна Талагаева, канд. полит. наук (Москва)
Дарья Алексеевна Пинаева, канд. истор. наук (Казань)
Дарья Сергеевна Митюрёва, канд. истор. наук (Тюмень)
Евгений Анатольевич Ростовцев, д-р истор. наук (Санкт-Петербург, Томск)
Евгения Валерьевна Соколова, канд. истор. наук (Омск)
Екатерина Андреевна Антюхова, д-р полит. наук (Москва)
Елена Юрьевна Мокерова, канд. истор. наук (Киров)
Ильдар Рашидович Хамзин, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Илья Викторович Сидорчук, канд. истор. наук (Санкт-Петербург, Томск)
Ирина Викторовна Алферова, д-р истор. наук (Брянск)
Константин Николаевич Тарасов, канд. истор. наук (Киров)
Константин Николаевич Тихомиров, канд. истор. наук (Новосибирск)
Марина Николаевна Тихомирова, канд. истор. наук (Новосибирск)
Михаил Игоревич Вебер, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Никита Николаевич Мельников, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Николай Анатольевич Власов, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Петр Александрович Колпаков, канд. истор. наук (Москва)
Рафаэль Амирович Арсланов, д-р истор. наук (Москва)
Рустам Талгатович Ганиев, канд. истор. наук (Екатеринбург)

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Агафонова А. Б. «Белый уголь» для Петрограда : попытки энергетического перехода в условиях Первой мировой войны / А. Б. Агафонова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С.230—247. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-230-247.

Agafonova, A. B. (2023). "White Coal" for Petrograd: Attempts at Energy Transition During First World War. *Nauchnyi dialog, 12* (10): 230-247. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-230-247. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-230-247

«Белый уголь» для Петрограда: попытки энергетического перехода в условиях Первой мировой войны

Агафонова Анна Борисовна
orcid.org/0000-0003-3021-4002
кандидат исторических наук,
научный сотрудник
лаборатории экологической
и технологической истории
a.b.agafonova@gmail.com

Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда (РНФ)
в рамках научного проекта
№ 22-28-01558,
https://rscf.ru/project/22-28-01558/

"White Coal" for Petrograd: Attempts at Energy Transition During First World War

Anna B. Agafonova
orcid.org/0000-0003-3021-4002
PhD in History, Researcher,
Laboratory of Environmental
and Technological History
a.b.agafonova@gmail.com

National Research University
Higher School of Economics
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation (RSF),
project number 22-28-01558,
https://rscf.ru/project/22-28-01558/

© Агафонова А. Б., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются предпосылки возникновения российской гидроэнергетики в дореволюционный период. С 1880-х годов в Российской империи предприниматели строили малые гидроэлектростанции для промышленных целей. Несмотря на то, что на государственном уровне эти технологии долго не получали должного внимания, они исследовались Императорским русским техническим обществом. Первая мировая война пробудила интерес к гидроэнергетике в органах государственной власти, поскольку топливный и финансовый кризисы вынудили правительство искать дешевые источники энергии. Меры по законодательному регулированию в области использования водных объектов и практическому использованию силы падения воды, которые проводись правительством в 1915—1917 годах, получили дальнейшую реализацию в большевистской России. Автор анализирует процесс перехода от дискуссий о возможностях использования гидроэнергетики к практической реализации первых проектов гидроэлектростанций, подчеркивая ключевую роль войны в ускорении этого перехода. Источниковой базой исследования выступили делопроизводственные материалы Совета министров, Министерства путей сообщения, Министерства внутренних дел, официальной статистики, прессы и научная литература.

Ключевые слова:
история гидроэнергетики; Малая Иматра; Российская империя; экологическая история; экономическая политика; энергетика; энергетический переход.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the origins of Russian hydropower in the pre-revolutionary period. From the 1880s, entrepreneurs in the Russian Empire began constructing small hydroelectric power stations for industrial purposes. Despite a lack of state-level attention for these technologies for an extended period, they were studied by the Imperial Russian Technical Society. The First World War sparked interest in hydropower among government authorities as fuel and financial crises forced the government to seek cheaper energy sources. Legislative measures for regulating the use of water bodies and the practical application of hydropower, which were carried out by the government between 1915 and 1917, received further implementation in Bolshevik Russia. The author analyzes the process of transitioning from discussions about the potential uses of hydropower to the practical implementation of the first hydroelectric projects, emphasizing the key role of the war in accelerating this transition. The source base of the study consisted of administrative documents from the Council of Ministers, the Ministry of Transportation, the Ministry of Internal Affairs, official statistics, press materials, and scholarly literature.

Key words:
history of hydropower; Maly Imatra; Russian Empire; environmental history; economic policy; energy sector; energy transition.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).083::621.311.1

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

«Белый уголь» для Петрограда: попытки энергетического перехода в условиях Первой мировой войны

© Агафонова А. Б., 2023

1. Введение = Introduction

История развития гидроэнергетики в России наиболее полно представлена трудами, посвященными исследованию реализации плана ГОЭЛРО [Жимерин, 1960, 1962; Флаксерман, 1970; Электрификация СССС…, 1967], тогда как дореволюционный период российской гидроэнергетики зачастую остается в тени истории крупных государственных проектов Волховстроя, Днепростроя, Волго-Балта и др. В дореволюционный период сама отрасль находилась в процессе становления, а ее проблемы составляли предмет исследования инженеров-гидротехников и инженерно-технических сообществ. Соответственно, в данный период публиковались, главным образом, работы, посвященные изучению и описанию потенциала различных природно-географических районов для развития гидроэнергетики, а также проекты строительства гидроэлектростанций на отдельных реках и водопадах [Бухгейм, 1915; Добротворский, 1895; Моргуненков, 1913]. Советские историки преуменьшали результаты развития отрасли до 1917 года, фокусируя внимание на плане ГОЭЛРО и истории его воплощения. Только в 1990-е годы историки обратились к изучению становления российской энергетики в дореволюционный период. Работы последних трёх десятилетий освещают данный период развития российской гидроэнергетики в рамках истории науки и техники, экономической истории, а также в контексте эволюции правовых отношений в Российской империи. Н. С. Симонов, исследуя развитие российской энергетики в Российской империи, особое внимание обратил на распространенность гидроэлектростанций малой мощности на горнозаводских предприятиях в конце XIX века [Симонов, 2016, с. 129—136], указав тем самым на востребованность данной технологии в стране задолго до реализации крупных государственных гидростроительных проектов в советское время. Исследователь делал акцент на существенном вкладе отдельных предпринимателей и технических обществ в строительство первых гидростанций в стране. Именно от частного капитала, по его мнению, зависела реализация проектов строи-

CC BY

тельства крупных гидроэлектростанций. В частности, Н. С. Симонов объяснял неуспех в переводе электроснабжения Петрограда на гидроэнергию в годы Первой мировой войны конкурентной борьбой и интригами между частными предпринимателями и акционерными обществами, а также их неспособностью собрать достаточный капитал на строительство крупных ГЭС [Симонов, 2016, с. 144]. А. А. Беляков и Е. А. Бурдин рассматривали вопросы становления российской гидроэнергетики в широком в контексте гидростроительства конца XIX—XX веков. Е. А. Бурдин фокусировался на истории «Большой Волги» 1930—1980-х годов, а также внес большой вклад в изучение источников и историографии российского гидростроительства, в том числе и дореволюционного периода [Бурдин, 2010, 2010а]. А. А. Беляков исследовал историю развития российской транспортно-энергетической системы России, в том числе и правовые основы российской гидроэнергетики. Анализируя развитие российского законодательства, он пришел к заключению, что строительство гидроэлектростанций в Российской империи сдерживалось тем, что присвоение частными лицами или государством «свойства речной воды течь сверху вниз, — на “водах общего пользования” было невозможно ни при каких формах собственности на воду» [Беляков, 2010, с. 104], то есть использование технологии получения электрической энергии из потоков падающей воды находилось вне рамок российского права. К анализу правовых отношений в сфере защиты окружающей среды, развития гидроэнергетики, использования природных ресурсов и охраны культурного наследия в Российской империи обратилась Е. А. Правилова в своей работе «Империя в поисках общего блага. Собственность в дореволюционной России». Исследовательница подчеркивала, что передача Екатериной II в частную собственность природных ресурсов создала почву для конфликтов частных и публичных интересов в вопросах использования этих ресурсов [Правилова, 2022, с. 51]. А дискуссии вокруг прав собственности на воду и развитие промышленности способствовали эволюции этих прав, что выразилось в появлении в российском законодательстве категории «воды общего пользования» и возникновении идеи о национализации электроэнергии в годы Первой мировой войны [Правилова, 2022, с. 227—230]. Й. Радкау, исследуя историю эксплуатации водных ресурсов через призму политических отношений и контроля центральной власти над компонентами природной среды, указал, что «текучая природа воды всегда затрудняла ее перевод в частную собственность» [Радкау, 2014, с. 122]. При этом, с его точки зрения, кризисные ситуации способствовали легитимизации прав государственной власти на воду [Радкау, 2014, с. 129]. В контексте заявленной темы, такой «кризисной ситуацией» выступила Первая мировая война. Дж. Куперсмит назвал

CC BY

эту войну «единственным важнейшим фактором перехода от электрификации в России к электрификации России» [Coopersmith, 1992, p. 99]. По его оценке, российское правительство контролировало экономику посредством различных санкций и регулирования отношений между производителями и потребителями, а к началу Первой мировой войны экономическая политика государственной власти представляла собой административный плюрализм, где крупные правительственные бюрократии проводили нескоординированную и зачастую противоречивую политику. Война, по мнению Дж. Куперсмита, заставила правительство осознать экономическую важность электротехники, но принимаемые им меры оказались слишком запоздалыми, неорганизованными и недостаточными [Там же, p. 99].

Российско-финские отношения по вопросам электрификации Санкт-Петербурга в начале XX века стали предметом анализа финского историка Т. Мюллюнтауса. Анализируя роль крупного бизнеса в электрификации российской столицы, он пришел к заключению, что нежелание финских властей и общественности предоставлять российскому правительству доступ к водопадам р. Вуоксы для строительства ГЭС и передачи электрической энергии в Санкт-Петербург было обусловлено политическими причинами [Myllyntaus, 1997, p. 546—548]. Исследователь указал, что финны опасались усиления власти российского правительства в своем княжестве, а также возникновения дополнительных территориальных притязаний у России в юго-восточных землях Финляндии из-за предоставления иностранцам права пользования одним из важнейших природных богатств княжества и передачи электроэнергии с Карельского перешейка в Петербург [Там же, p. 547—548].

В более широком контексте экологическая история Первой мировой войны представлена в коллективной монографии под редакцией Р. Такера, Т. Келлера, Дж. МакНилла и М. Шмида, в которой авторы анализируют, как эта война привела к существенным изменениям в окружающей среде в различных уголках планеты: опустошению сел и городов, росту потребления стратегических природных ресурсов, таких как металлы и нефть, разрушению сельскохозяйственных ландшафтов и пр. [Tucker et al., 2018]. Д. Тамир, один из авторов этой монографии, пишет, что Первая мировая война вызвала энергетические сдвиги в странах Западной Европы. Во Франции и Германии, по оценкам Д. Тамира, потеря части угольных шахт и последовавший за этим дефицит энергоресурсов дали сильный импульс к развитию гидроэнергетики, в том числе и в послевоенное время [Tamir, 2018, p. 133]. Однако основное значение Первой мировой войны Д. Тамир видел в появлении на мировой арене нефти в качестве незаменимого источника энергии для танков, самолетов и подводных лодок [Tamir, 2018].

CC BY

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель данного исследования состоит в анализе политики органов государственной власти по регулированию правовых отношений в области использования водных объектов и легитимизации права государства на водные ресурсы накануне и в ходе Первой мировой войны. В настоящей статье гидроэнергетика рассматривается в качестве фактора социальных изменений. Технологии по использованию водных ресурсов для выработки электрической энергии являлись инновационными для России на рубеже XIX—XX веков. Проекты по масштабному использованию водных ресурсов для электрификации городов и промышленных районов содержали притязания одних частных лиц на земельную собственность других частных лиц, в том числе требования предоставить первым (предпринимателям) право на принудительное отчуждение у землевладельцев частной собственности под строительство гидроэлектростанций. Такие требования не могли остаться незамеченными со стороны органов государственной власти, которые с 1900-х годов приступили к пересмотру и реформированию водного права, а соответственно и к пересмотру отношений в области пользования водными ресурсами между государством и частными лицами. От принимаемых ими мер по созданию условий для развития гидроэнергетики во многом зависело состояние отрасли, которая оказалась чрезвычайно востребована в годы Первой мировой войны. Источниковой базой исследования выступили делопроизводственная документация различных ведомств Министерства путей сообщения, Министерства финансов, Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, проекты акционерных обществ по строительству ГЭС, журналы заседаний Совета министров, Комиссии по электрогидравлической описи водных сил России, Комитета по водопадам и пр.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Частные инициативы по развитию гидроэнергетики и политика министерств

Интерес к использованию энергии водопадов и речных порогов появился в конце XIX века на фоне успехов Европы и Северной Америки в развитии гидроэнергетики. Как писал Н. С. Симонов, на рубеже 1880—1890-х годов началось строительство первых небольших гидроэлектростанций на золотых приисках, рудниках, химических предприятиях на Алтае, в Сибири, Петербурге, на Кавказе [Симонов, 2016, с. 129—134]. Эти станции обслуживали нужды отдельных предприятий, работали с перерывами, а при их строительстве не возникало имущественных споров с землевладельцами. Новый виток интереса к гидроэнергетике был связан

CC BY

с развитием технологий передачи электрической энергии на дальние расстояния. Дешевизна гидроэнергии и возможность поставлять ее в крупные города и промышленные районы способствовала появлению множества инициатив по строительству ГЭС на реках Вуоксе, Нарове, Волхове, Днепре, Рионе, Тереке. В частности, в конце 1890-х годов инженер-механик В. Добротворский ходатайствовал об учреждении акционерного общества «Санкт-Петербургское общество электропередач силы водопадов», цель создания которого состояла в снабжении российской столицы электрической энергией, полученной от ГЭС на реках Нарове, Вуоксе и Волхове [Добротворский, 1895, с. 1—4]. Инженеры и предприниматели Ф. Гефдинг, В. Верн и П. Лаурель в 1899 году выступили с инициативой по использованию энергии водопада Линнакоски на р. Вуоксе для выработки до 28 тыс. л. с. электрической энергии и передачи ее на промышленные предприятия Санкт-Петербурга [РГИА, ф. 22, оп. 4, д. 313, л. 1]. В 1902 году Ф. Гефтинг совместно с тайным советником В. В. Максимовым и инженером С. Е. Плашковским учредил акционерное общество «Волховское общество электрической энергии», создав конкуренцию В. Ф. Добротворскому. В 1901 году Русско-Американский Синдикат представил в Министерство финансов проект о снабжении Санкт-Петербурга дешевой гидравлической энергией от рек Волхова и Наровы [РГИА, ф. 1287, оп. 44, д. 246, л. 1]. В 1898 году военные инженеры С. О. Ошевский-Круглик и И. И. Зараковский, а также английский подданный Г. Вильсон учредили «Акционерное общество для улучшения и эксплуатации Днепровских порогов». Они планировали сделать судоходным порожистый участок Днепра между Екатеринославом и Александровском, а также использовать энергию речных порогов на этом участке для электрификации местной промышленности, транспорта и городского хозяйства [РГИА, ф. 1287, оп. 44, д. 411, л. 88 об.].

С первых проектов частных ГЭС в правительстве создавались различные межведомственные комиссии, проводились совещания с представителями министерств путей сообщения, финансов, промышленности и торговли, юстиции, внутренних дел, государственного контроля, которые касались как утверждения уставов акционерных обществ по утилизации гидравлической энергии, так и выработки законов о признании источников гидравлической энергии источниками, имеющими государственное и / или общественное значение [РГИА, ф. 1287, оп. 44, д. 411, л. 5]. С первых совещаний выяснилось, что государство не готово предоставлять частным предпринимателям право на принудительное отчуждение частных земель, а наоборот — заинтересовано в обращении судоходных рек и их берегов в государственную собственность. Российское законодательство, между тем, не предусматривало возможность использования гидроэнергии

CC BY

в частных или государственных интересах. Текущая в водоемах вода находилась в общем пользовании и не регулировалась с точки зрения прав собственности, а потому право распоряжаться ею оставались за государством [Положения…, 1900, с. 3]. Право на использование водных ресурсов частными лицами было связано с правом на землю. Владельцы речных берегов имели право на использование ресурсов реки в границах своего участка. Прежде всего, это право касалось рыбной ловли и строительства водяных мельниц. Дискуссии о том, включает ли это право использование частными лицами энергии водопадов и порогов рек в своих целях или право использования энергии падающей воды принадлежит государству, являлись основным сдерживающим фактором развития российской гидроэнергетики. Попытки учредить многочисленные акционерные общества по использованию энергии водопадов и речных порогов с целью электрификации промышленных предприятий, железных дорог и населенных пунктов до 1912 года заканчивались отказом в утверждении уставов этих обществ.

Вместе с этим министерства в 1900-х годах стремились установить контроль над источниками водной силы. В 1908 году в Министерстве путей сообщения в связи с сильной загруженностью железных дорог в районе Санкт-Петербурга был поднят вопрос о необходимости электрифицировать здесь пригородное железнодорожное движение. С этой целью при министерстве была образована Особая комиссия под председательством главного инспектора российских железных дорог А. Н. Горчакова, которая разработала схему электрификации пригородных линий столицы и высказалась о необходимости использовать энергию р. Волхов для этой цели при одновременном шлюзовании этой реки [РГИА, ф. 273, оп. 6, д. 1493, л. 79]. Детальный проект электрификации железных дорог был составлен только в 1912 году, а к его реализации приступили в 1916—1917 годах. В 1909 году Управление внутренних водных путей и шоссейных дорог при Министерстве путей сообщения учредило особую комиссию по электрогидравлической описи водных сил России. До 1914 года эта Комиссия провела исследования гидравлической энергии рек Волхова, Суны, Кеми, Сегежи, Риона и др., составила проекты использования энергии Днепровских, Волховских порогов, р. Западная Двина, шлюзования р. Сухоны и др. [Там же, л. 14—14 об.]. Военное ведомство с 1909 года предпринимало попытки получить в свое распоряжение водопад Кивач на р. Суне, чтобы наладить производство аммиачной селитры. Однако оно было не готово финансировать строительство гидроэлектрической установки, а также не смогло согласовать свой проект с другими министерствами, в том числе с Министерством торговли и промышленности, которое также было заинтересовано в использовании энергии водопада Кивач в промышленных целях [Журнал заседания ..., 1911, с. 40].

CC BY

В 1912 году была утверждена первая в России концессия для подданного Великобритании Ч. Г. Стюарта на эксплуатацию водных сил озера Гокчи и р. Терек с целью выработки электричества. Однако уже в следующем году Государственная Дума обратила внимание на эту концессию при обсуждении сметы Департамента государственных земельных имуществ. Дума вынесла постановление о необходимости скорейшей выработки законодательных норм о выдаче концессий на источники водной силы, а до утверждения этих норм Дума запретила отдавать частным лицам в эксплуатацию такие источники. Такое решение обусловливалось тем, что Дума считала «энергию движущей силы воды» крупнейшим источником развития средств сообщения, фабрично-заводской промышленности, а использование этой энергии требовало охраны государственных и общественных интересов [К вопросу…, 1916, с. 6—7].

В 1914 году министерства путей сообщений, торговли и промышленности, внутренних дел, юстиции, финансов, земледелия и государственных имуществ приступили к разработке закона о признании средоточий падения воды имеющими государственное или общественное значение. В связи с тем, что энергетика не была оформлена в отдельную отрасль в структуре российской экономики и системе государственного управления, ряд министерств подготовили свои варианты законопроектов, в которых закрепляли за собой функции управления энергетической отраслью. Министерство внутренних дел разработало общие положения проекта закона о требованиях к электротехническим заведениям в империи. Рассмотрение данного проекта в Совете Министров было отложено по просьбе министра торговли и промышленности С. И. Тимашева. Министр полагал, что вопросы энергетики должны находиться в ведении Министерства торговли и промышленности, поскольку они тесно связаны с развитием российской промышленности. В отличие от проекта Министерства внутренних дел проект Министерства торговли и промышленности содержал требования для заключения концессий, требования к тарифам на электричество и условия отчуждения земель под электростанции и линии электропередач. Министерство путей сообщения также разработало законопроект «Об объявлении средоточий падения воды имеющими государственное или общественное значение», который регулировал порядок выдачи концессий на строительство гидроэлектростанций. Согласно законопроекту, предполагалось установить особый порядок объявления наиболее значительных и ценных источников водяной силы имеющими публичное значение. Такие средоточия силы должны подлежать либо эксплуатации средствами и распоряжением правительства, либо передаче в срочное использование частных предпринимателей, с предоставлением последним прав

CC BY

принудительного отчуждения и возложением на них ряда обязательств, обеспечивающих государственные и общественные интересы, связанные с пользованием гидравлической силой [РГИА, ф. 560, оп. 44, д. 1550, л. 60—67]. Между тем Министерство путей сообщения полагало, что вопросы, связанные с концессиями на строительство гидроэлектростанций, должны находиться в его ведении по аналогии с судоходными и сплавными реками, которыми оно заведовало для целей судоходства и транспортировки грузов. Министерство земледелия и государственных имуществ также предложило свой вариант законопроекта, указав, что именно в его ведении должна находиться разработка этого закона, поскольку Министерство заведует всем водным хозяйством страны. Министерство считало, что все водные ресурсы должны находиться в верховном распоряжении государства, которое устанавливало бы условия использования этих ресурсов частными лицами. Что же касается управления водным хозяйством, то Министерство земледелия предлагало создать новые органы управления, которые в числе прочего занимались бы и развитием гидроэнергетики [К вопросу…, 1916, с. 9—11]. Все законопроекты вносились на рассмотрение Совета министров, обсуждались межведомственными комиссиями на протяжении 1914—1916 годов. Кроме того, накануне войны Министерство путей сообщения представило в Совет министров проект по электрификации северных железных дорог за счет использования гидравлической энергии Волховских порогов. Проект был рассмотрен и получил одобрение Совета министров 1 июля 1914 года [РГИА, ф. 273, оп. 6, д. 1493, л. 6—7]. Притом министерство и Совет министров соглашались на использование частного капитала в виде концессий на проведение всех необходимых работ по электрификации железнодорожного транспорта. Однако начавшаяся война не позволила Министерству путей сообщения организовать выдачу концессий, и данный проект не получил развития.

3.2. Топливный кризис в Петрограде в годы Первой Мировой войны

С 1915 года положение с топливом для Петрограда и Петроградского района стремительно ухудшалось. В столице и соседних уездах было сосредоточено промышленное производство, обеспечивавшее фронт. Основным источником топлива для этих заводов и фабрик служил каменный уголь, привозимый либо из Донецкого бассейна, либо из Англии. Высокая нагрузка на железнодорожную сеть, по которой, помимо топлива, доставлялось продовольствие в столицу и снабжался фронт, заставила Правительство предпринять меры к переходу «с черного угля на белый уголь» [ЦГА СПб, ф.Р. 8789, оп. 2, д. 3, л. 1]. Кроме того, Россия планировала перестать зависеть от поставок английского угля, которые из-за войны, забастовок английских рабочих или аварий и снежных заносов на железных

CC BY

дорогах были нестабильными. Для решения проблем с топливным снабжением было учреждено Особое совещание по топливу при Министерстве торговли и промышленности. В августе 1915 года председатель этого совещания получил полномочия устанавливать порядок и условия распределения топлива между потребителями, устанавливать предельные цены на все виды топлива и принимать все необходимые меры для снабжения потребителей топливом [РГИА, ф. 92, оп. 1, д. 145, л. 1]. Таким образом, Совещание по топливу регулировало и контролировало добычу и распределение топлива между потребителями во всей стране в годы Первой мировой войны. Вместе с тем этот контроль распространялся только на первичные источники энергии, но не на электрическую энергию. В связи с этим Особое совещание по топливу ходатайствовало перед правительством о распространении своих полномочий на контроль за распределением электроэнергии, в том числе от гидроэлектрических установок [Там же, л. 5—5 об.]. Оно полагало, что установление полного контроля над потоками энергоресурсов будет способствовать экономии топлива. С этой целью Совещание внесло на рассмотрение Совета министров проект дополнений в «Положение об Особом Совещании по топливу», в которых полномочия Совещания включали контроль за распределением электроэнергии в стране. Совет министров утвердил эти дополнения 3 февраля 1917 года. Вслед за расширением своих полномочий Особое совещание по топливу через свои органы управления на местах приступило к ограничению потребления электроэнергии. В частности, в губерниях Волжского региона были изданы «Обязательные постановления о сокращении потребления электрической энергии». Эти постановления запрещали использовать стационарные лампы накаливания с угольными нитями, пользоваться электрическими нагревательными приборами, освещать наружную рекламу, вывески, витрины, театры, кино, магазины и рестораны [РГИА, ф. 92, оп. 1, д. 836, л. 86]. Помимо этого, постановления ограничивали время работы магазинов, увеселительных заведений, трамваев, а также устанавливали нормы потребления электрической энергии в домах [Там же, л. 86].

В то же время Министерство путей сообщения продолжало ходатайствовать об устройстве гидроэлектрических установок на р. Волхов для электрификации железных дорог Петроградского узла. Оно полагало, что подведение энергии от Волховских порогов к Петрограду позволит сократить ежегодный подвоз угля в столицу на 1,5—3 млн пудов [РГИА, ф. 273, оп. 6, д. 1493, л. 2]. В структуре самого министерства вопросы электрификации железнодорожного транспорта были возложены на Электротехническую часть Технического отделения Управления железных дорог. Под руководством инженера Г. О. Графтио в этой части был разработан проект электри-

CC BY

фикации пассажирского движения Петроградского узла с использованием энергии Волховских порогов [РГИА, ф. 273, оп. 6, д. 3195, л. 1]. Помимо проекта на Волховских порогах, Электротехническая часть разрабатывала проекты гидроэлектрических установок на р. Рионе, Бамбак-Чае и др. [Там же, л. 5—6]. В условиях войны и в силу малочисленности кадрового состава части проект по использованию Волховских порогов не был реализован.

3.3. Нереализованный проект ГЭС на Малой Иматре

Осенью 1916 года петроградские электростанции оказались не в состоянии обеспечить работу заводов и фабрик [РГИА, ф. 23, оп. 27, д. 63, л. 3]. В этот период одно из частных обществ по эксплуатации водопадов представило правительству проект о переходе Петроградского района на гидроэнергетику с использованием паровых электростанций только в качестве резерва. Проект предусматривал сооружение нескольких гидроэлектростанций, причем первую из них планировалось построить в течение ближайших 1,5 лет на водопадах Малой Иматры (р. Вуокса): Валлинкоски, Мюлленкоски, Кюренкосски. Данная электростанция при мощности 20 тыс. кВт позволила бы сократить ежегодный расход угля на 10 млн пудов [Там же, л. 3 об.]. Проект был поддержан председателем Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, который полагал, что район р. Вуоксы имеет важнейшее значение для государственной обороны в отношении снабжения Петрограда электрической энергией [РГИА, ф. 273, оп. 6, д. 1493, л. 4—4 об.]. Для обсуждения возможности реализации такого проекта он обратился в Межведомственную комиссию при Военном министерстве. Комиссия подготовила заключение, в котором указала, что в течение 1,5 лет можно построить гидроэлектрическую станцию на Малой Иматре, которая будет снабжать Петроград электричеством. Заключение было рассмотрено Советом министров в заседании 23 декабря 1916 года [Особый журнал…, 2008, с. 612—616]. Данное заседание имело ключевое значение в развитии гидроэнергетики в Российской империи. По его результатам Совет министров признал водопады Малой Иматры и территорию, прилегающую к р. Вуоксе и Петрограду, имеющими стратегическое значение для государственной обороны. Совет министров поручил провести необходимые мероприятия по отчуждению земель в районе Малой Иматры в пользу российской казны, выделить из казны 32 млн руб. на строительство гидроэлектростанции на Малой Иматре, а также образовать Правительственный комитет по водопадам. В состав этого комитета должны были входить представители министерств: военного, морского, путей сообщения и торговли и промышленности [Там же, с. 615]. Положение о Комитете по водопадам было утверждено только 23 февраля (8 марта) 1917 года, а до этого времени Комитет не мог

CC BY

действовать официально и провел только ряд организационных собраний [ЦГА СПб, ф.Р. 8789, оп. 2, д. 3, л. 2]. В марте 1917 года комитет направил председателю Особого совещания по обороне государства представление об отчуждении частновладельческих земельных и водных участков в Финляндии в пользу российской казны [Там же, л. 2 об.]. Между странами уже действовала подобная практика: Российское правительство предоставило в собственность финской казне земли от Белоострова до Петрограда для финляндской железной дороги, а также земли в Выборгской губернии [Там же, л. 3 об.]. однако в связи со сменой власти в России, вызванной Февральской революцией, Финляндский Сенат не согласился на отчуждение финских частновладельческих земель в пользу российской казны, а настаивал на их отчуждении в пользу казны Финляндии. В остальном Сенат был готов сотрудничать с Комитетом по водопадам и Временным Правительством для строительства гидростанции.

Российское правительство стремилось решить две важные задачи в условиях войны: во-первых, обеспечить энергетическую независимость столицы и Петроградского промышленного региона за счет перехода на гидроэнергетику и, во-вторых, при решении первой задачи обеспечить соблюдение интересов государственной безопасности. Последнее выражалось как в попытках получить частную землю в Финляндии в районе Малой Иматры в распоряжение собственной казны, чтобы построить на ней гидроэлектростанцию, так и в сокращении доли иностранного капитала в становлении российской гидроэнергетики. Российское правительство было обеспокоено тем, что часть земель вокруг водопадов Малой Иматры находилась в собственности финского акционерного общества «Форс», где немецким акционерам принадлежала основная доля капитала компании [Там же, л. 4]. Оно полагало, что построить гидроэлектростанцию в течение 1,5 лет возможно только за счет средств государственного бюджета, а частные компании не смогут осуществить такой проект в столь сжатые сроки. В то же время Сенат Финляндии также не имел финансовой возможности самостоятельно построить ГЭС на Малой Иматре и готов был сотрудничать с Российским Правительством, но долю своего участия он определял по более низким, довоенным ценам, полагая, что все издержки, связанные со срочностью предприятия и ростом цен, должна взять на себя российская казна. Кроме того, Сенат предлагал строить гидростанцию на водопаде Энсо с затоплением Малой Иматры по проекту Стокгольмского бюро. Российский Комитет по водопадам отверг этот проект, настаивая на условиях, принятых Советом министров в декабре 1916 года. Также Комитет по водопадам исследовал возможность изготовить необходимое оборудование для ГЭС в России, не прибегая к закупкам у иностранных ком-

CC BY

паний, поскольку изготовление и доставка техники и материалов занимали достаточно продолжительное время. Приобретение зарубежного оборудования было сопряжено со сложностями в конвертации валют, а также с нестабильной политической ситуацией внутри России, при которой сложно было прогнозировать сотрудничество европейских стран и Америки с новым правительством [ЦГА СПб, ф.Р. 8789, оп. 2, д. 1, л. 5—5 об.]. Данные, предоставленные российскими машиностроительными предприятиями, показали, что российские заводы также не могли изготовить оборудование для ГЭС в планируемые сроки, поскольку они не располагали оборудованием для производства валов для гидроэлектростанций, кадрами и кремнистым железом для изготовления трансформаторов высокого напряжения. Кроме того, им требовалось время на получение необходимых чертежей и эскизов от американских или европейских фирм-производителей такого оборудования [Там же, л. 6 об.—12 об.].

Переговоры по проекту ГЭС на Малой Иматре зашли в тупик. В марте 1917 года председатель Электротехнического отдела Центрального военно-промышленного комитета, профессор А. Вульф подал докладную записку на имя министра торговли и промышленности, в которой указал на явное нарушение прав Финляндии и прав частных лиц в вопросе использования водопадов Малой Иматры для энергоснабжения Петрограда [РГИА, ф. 23, оп. 27, д. 63, л. 4—4 об.]. Он также подверг критике завышенную стоимость строительства гидроэлектростанции, поскольку в аналогичных проектах частных обществ стоимость всех работ по строительству всей сети электропередач петроградского района, то есть при использовании не только р. Вуоксы, но и р. Волхов и других рек, мощностью до 100 000 кВт, составляла всего 42—44 млн руб. [Там же, л. 4]. В данной записке А. Вульф ходатайствовал о приостановлении деятельности правительственного Комитета по водопадам и о пересмотре проекта использования водопадов Малой Иматры. Кроме того, уже в июле 1917 года Временное правительство утвердило «Положение об использовании водных сил», согласно которому для руководства вопросами использования водных сил учреждался «Особый комитет по использованию силы падения воды» [Там же, л. 6—6 об.]. В то же время Министерство путей сообщения обратилось к Временному правительству с проектом о строительстве гидроэлектростанции на р. Волхов и ходатайством о направлении на него 32 млн руб., выделенных на предыдущий проект [РГИА, ф. 190, оп. 13, д. 115, л. 3—8 об.]. Временное правительство постановило перенаправить 32 млн руб. на строительство ГЭС на р. Волхов и возложило на «Особый комитет по использованию силы падения воды» обязанности по производству строительных работ [Там же, л. 10—10 об.]. Во второй половине 1917 года

CC BY

правительственный Комитет по водопадам был упразднен, а его бюджет и полномочия переданы новому «Особому комитету» [РГИА, ф. 23, оп. 27, д. 63, л. 7]. В распоряжении комитета имелся детально разработанный проект силовой станции, составленный инженером Г. О. Графтио и утвержденный техническим советом, детальный проект шлюзов и плотины, а также штат опытных инженеров и служащих [РГИА, ф. 273, оп. 6, д. 1493, л. 40]. До конца 1917 года комитет на 1 млн руб. закупил инвентарь, машины и оборудование для строительства. Само строительство затруднялось отсутствием у Комитета прав на землю, необходимую для производства работ [Там же, л. 40 об.]. Весной 1918 года стоимость работ на р. Волхов возросла до 132 млн руб. [Там же, л. 53], а сами работы по строительству Волховской ГЭС велись до 1927 года.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, органы государственной власти на ранних этапах становления российской гидроэнергетики приступили к ее регулированию. В первую очередь они пытались заполнить пробелы водного и земельного права и регламентировать имущественные отношения между предпринимателями, инициировавшими строительство ГЭС, с одной стороны, и государством и частными землевладельцами, с другой. Кроме того, правительство стремилось не допустить образования крупных монополий и сосредоточения в руках частных лиц стратегически значимых для государства источников дешевой электрической энергии. Многолетние попытки разрешить правовые вопросы препятствовали развитию новой отрасли. Отсутствие согласованных решений и стремление отдельных министерств получить в свое распоряжение заведование энергетикой привели к тому, что оперативный переход с минерального топлива на гидроэнергетику даже в столице оказался невозможен. В условиях Первой мировой войны к неразрешенным правовым вопросам добавилась необходимость защитить стратегически значимые объекты и отрасли от влияния иностранных капиталов и развернуть производство собственного оборудования для строительства ГЭС, что было сделать достаточно сложно. Также стоит отметить, что в ходе войны Государство легитимизировало свое право на использование гидроэнергии, планомерно исключая участие частных лиц и акционерных обществ в строительстве ГЭС на р. Вуоксе и аргументируя это тем, что только правительство может обеспечить выполнение всех работ в установленные сроки. В России, так же как во Франции и Германии, Первая мировая война дала импульс к развитию гидроэнергетики, но из-за нерешенных правовых вопросов, он смог реализоваться только в советский период.

CC BY

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Бухгейм Э. О.* К экономическому освобождению России путем электрификации ее территории / Э. О. Бухгейм. — Москва : Т-во «Печатни С. И. Яковлева», 1915. — 32 с.

2. *Добротворский В.* Снабжение г. С.-Петербурга электрической энергией, переданной от водопадов Нарвского и Иматры / В. Добротворский. — Москва : Тип.-лит. О. И. Лашкевич и Ко, 1895. — 25 с.

3. *Журнал* заседания 19 октября 1909 г. // Труды комиссии по электрогидравлической описи водных сил России. Выпуск I. 1909—1910. — Санкт-Петербург : Тип. Министерства Путей сообщения, 1911. — С. 40.

4. *К вопросу* о белом угле. — Петроград : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1916. — 11 с.

5. *Моргуненков Ф.* Тройная утилизация Днепровских порогов / Ф. Моргуненков. — Санкт-Петербург : Тип. Н. Я. Стойковой, 1913. — 18 с.

6. *Особый* журнал Совета министров 23 декабря 1916 г. Об использовании водопадов реки Вуоксы в Финляндии в целях снабжения Петрограда электрической энергией // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1916 год. — Москва : РОССПЭН, 2008. — С. 612—616.

7. *Положения,* вытекающие из русского законодательства по водному праву. — Санкт-Петербург : Тип. И. Гольдберга, 1900. — 48 с.

8. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 1287 (Хозяйственный департамент МВД). Оп. 44. Д. 246, Д. 411 ; Ф. 190 (Управление внутренних водных путей МПС). Оп. 13 Д. 115 ; Ф. 22 (Центральные учреждения министерства финансов по части торговли и промышленности). Оп. 4. Д. 313 ; Ф. 23 (Министерство торговли и промышленности). Оп. 27 Д. 63 ; Ф. 273 (Управление железных дорог МПС). Оп. 6 Д. 1493, Д. 3195 ; Ф. 560 (Общая канцелярия министра финансов). Оп. 44. Д. 1550 ; Ф. 92 (Особое совещание по топливу при МТиП (ОСОТОП)). Оп. 1 Д. 836, Д. 145.

9. ЦГА СПб — Центральный городской архив Санкт-Петербурга. Ф.Р. 8789 (Правительственный Комитет по водопадам Совета Народного Хозяйства Северного района). Оп. 2. Д. 3, Д. 1.

Литература

1. *Беляков А. А.* О правовых основах гидроэнергетики / А. А. Беляков // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. — 2010. — № 4. — С. 103—109.

2. *Бурдин Е. А.* Гидростроительство в России : от самарского Волгостроя к Большой Волге (1930—1980 гг.) / Е. А. Бурдин. — Ульяновск : УлГПУ, 2010. — 222 с. ISBN 978-5-86045-392-0.

3. *Бурдин Е. А.* Исторические аспекты и динамика развития российской гидроэнергетики в 1900—1980-х гг. (на примере волжского каскада гидроузлов) / Е. А. Бурдин // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2010. — Т. 12, № 2. — С. 107—113.

4. *Жимерин Д. Г.* История электрификации СССР / Д. Г. Жимерин. — Москва : Издательство социально-экономической литературы, 1962. — 458 с.

5. *Жимерин Д. Г.* Развитие энергетики СССР / Д. Г. Жимерин. — Москва, Ленинград : Государственное энергетическое издательство, 1960. — 327 с.

CC BY

6. *Правилова Е.* Империя в поисках общего блага. Собственность в дореволюционной России / Е. Правилова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2022. — 560 с. ISBN: 978-5-4448-1870-1.

7. *Радкау Й.* Природа и власть : всемирная история окружающей среды / Й. Радкау. — Москва : Издательский Дом Высшей Школы Экономики, 2014. — 472 с. ISBN 978-5-7598-1109-1.

8. *Симонов Н. С.* Развитие гидроэнергетики Российской империи. Предыстория ГОЭЛРО / Н. С. Симонов. — Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. — 320 с. — ISBN 978-5-91244-175-2.

9. *Флаксерман Ю. Н.* План ГОЭЛРО в действии / Ю. Н. Флаксерман. — Москва : Энергия, 1970. — 65 с.

10. *Электрификация* СССР. 1917—1967 / под. общ. ред. П. С. Непорожнего. — Москва : Энергия, 1967. — 543 с.

11. *Coopersmith J.* The Electrification of Russia, 1880—1926 / J. Coopersmith. — Ithaca : Cornell University Press, 1992. — 274 p. ISBN 0-8014-2723-1.

12. *Myllyntaus T.* Electrical Imperialism or Multinational Cooperation? The Role of Big Business in Supplying Light and Power to St. Petersburg before 1917 / T. Myllyntaus // Business and Economic History. — 1997. — Vol. 26, no. 2. — Pp. 546—548.

13. *Tamir D.* Something New under the Fog of War : The First World War and the Debut of Oil on the Global Stage / D. Tamir // Environmental Histories of the First World War. Cambridge University Press, 2018. — Pp. 117—135. DOI:10.1017/9781108554237.006.

14. *Tucker R. P.* Environmental Histories of the First World War / R. P. Tucker, T. Keller, J. R. McNeill, M. Schmid. — Cambridge : Cambridge University Press, 2018. — 312 p. ISBN 9781108554237.

Статья поступила в редакцию 13.11.2023,
одобрена после рецензирования 06.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

Material resources

Buchheim, E. O. (1915). *Towards the economic liberation of Russia by electrifying its territory.* Moscow: Printing house of S. I. Yakovlev. 32 p. (In Russ.).

CSA SPb — *Central State Administration of St. Petersburg — Central City Archive of St. Petersburg.* (In Russ.).

Dobrotvorsky, V. (1895). *Supply of St. Petersburg with electric energy transmitted from the Narva and Imatra waterfalls*. Moscow: Type.-lit. O. I. Lashkevich and Co. 25 p. (In Russ.).

Journal of the meeting on October 19, 1909. (1911). In: *Proceedings of the Commission on electrohydraulic inventory of the Russian water forces, I. 1909—1910.* St. Petersburg: Type. Ministry Of Railways. P. 40. (In Russ.).

Morgunenkov, F. (1913). *Triple utilization of the Dnieper rapids.* St. Petersburg: N. Ya. Stoykova Type. 18 p. (In Russ.).

On the issue of white coal (1916). Petrograd: V. F. Kirshbaum Type. 11 p. (In Russ.).

Provisions arising from Russian legislation on water law (1900). St. Petersburg: I. Goldberg Type. 48 p. (In Russ.).

RGIA — *Russian State Historical Archive.* (In Russ.).

Special Journal of the Council of Ministers on December 23, 1916. On the use of waterfalls of the Vuoksa River in Finland in order to supply Petrograd with electric energy

(2008). In: *Special Journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. The year is 1916.* Moscow: ROSSPAN. Pp. 612—616. (In Russ.).

References

Belyakov, A. A. (2010). On the legal foundations of hydropower. *Real estate and investments. Legal regulation, 4:* 103—109. (In Russ.).

Burdin, E. A. (2010). Historical aspects and dynamics of the development of Russian hydropower in the 1900s—1980s (on the example of the Volga cascade o hydroelectric power plants). *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 12 (2):* 107—113. (In Russ.).

Burdin, E. A. (2010). *Hydraulic engineering in Russia: from the Samara Volgostroy to the Big Volga (1930—1980)*. Ulyanovsk: UlSPU. 222 p. ISBN 978-5-86045-392-0. (In Russ.).

Coopersmith, J. (1992). *The Electrification of Russia, 1880—1926.* Ithaca: Cornell University Press. 274 p. ISBN 0-8014-2723-1.

Flaxerman, Yu. N. (1970). *GOELRO plan in action.* Moscow: Energia. 65 p. (In Russ.).

Myllyntaus, T. (1997). Electrical Imperialism or Multinational Cooperation? The Role of Big Business in Supplying Light and Power to St. Petersburg before 1917. *Business and Economic History, 26 (2):* 546—548.

Neporozhny, P. S. (ed.) (1967). *Electrification of the USSR. 1917—1967.* Moscow: Energia. 543 p. (In Russ.).

Pravilova, E. (2022). *Empire in search of the common good. Property in pre-revolutionary Russia.* Moscow: New Literary Review. 560 p. ISBN: 978-5-4448-1870-1. (In Russ.).

Radkau, Y. (2014). *Nature and Power: a world History of the Environment.* Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 472 p. ISBN 978-5-7598-1109-1. (In Russ.).

Simonov, N. S. (2016). *Development of hydropower in the Russian Empire. The prehistory of GOELRO.* Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. 320 p. ISBN 978-5-91244-175-2. (In Russ.).

Tamir, D. (2018). Something New under the Fog of War: The First World War and the Debut of Oil on the Global Stage. In: *Environmental Histories of the First World War*. Cambridge University Press. 117—135. DOI:10.1017/9781108554237.006.

Tucker, R. P., Keller, T., McNeill, J. R., Schmid, M. (2018). *Environmental Histories of the First World War.* Cambridge: Cambridge University Press. 312 p. ISBN 9781108554237.

Zhimerin, D. G. (1960). *Development of the USSR energy industry.* Moscow, Leningrad: State Energy Publishing House. 327 p. (In Russ.).

Zhimerin, D. G. (1962). *The history of electrification of the USSR*. Moscow: Publishing House of socio-economic literature. 458 p. (In Russ.).

The article was submitted 13.11.2023;
approved after reviewing 06.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Алферова И. В. «Пределы возможного» : практики административных взысканий в отношении российской периодической печати в начале XX века / И. В. Алферова, В. Ф. Блохин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 248—264. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-248-264.

Alferova, I. V., Blokhin, V. F. (2023). Limits of Possibility: Practices of Administrative Sanctions Against Russian Periodical Press at Beginning of 20th Century. *Nauchnyi dialog, 12* (10): 248-264. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-248-264. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-248-264

«Пределы возможного»: практики административных взысканий в отношении российской периодической печати в начале XX века

Алферова Ирина Викторовна *
orcid.org/0000-0002-8951-2744
доктор исторических наук, профессор,
кафедра отечественной истории,
* *корреспондирующий автор*

Блохин Валерий Федорович
orcid.org/0000-0003-0254-6093
доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой
отечественной истории
blohin.val@yandex.ru

Брянский государственный университет
(Брянск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда (РНФ),
проект № 22-28-0090

Limits of Possibility: Practices of Administrative Sanctions Against Russian Periodical Press at Beginning of 20th Century

Irina V. Alferova *
orcid.org/0000-0002-8951-2744
Doctor of History, Professor,
Department of National History,
** Corresponding author*
alferovairi@yandex.ru

Valeriy F. Blokhin
orcid.org/0000-0003-0254-6093
Doctor of History, Professor,
Department of National History
blohin.val@yandex.ru

Bryansk State University
(Bryansk, Russia)

Acknowledgments:
This research was conducted
with financial support from
the Russian Science Foundation (RSF),
project number 22-28-0090

© Алферова И. В., Блохин В. Ф., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются механизмы цензурных ограничений российской периодической печати, которые получили распространение к началу XX века. Рассматривается история становления цензуры в пореформенный период, этапы реорганизации цензурного аппарата в контексте изменявшихся российских реалий второй половины XIX — начала XX веков. Поднимается вопрос о законодательных инициативах, регулировавших освещение событий внутриполитической жизни на страницах российских периодических изданий. Особое внимание уделяется практике использования административного ресурса в виде обязательных постановлений губернаторов для установления контроля над местной печатью. Документы для анализа были извлечены авторами из фондов Департамента полиции Государственного архива Российской Федерации. В них содержится информация о конкретных фактах административных взысканий и штрафов, наложенных губернаторами на редакторов газет. Сопоставление этих сведений с контентом статей, подвергнутых взысканиям, дал возможность выявить «пределы возможного» для периодической печати, существовавшие на местах в представлениях администраторов. Выполненный обзор позволил прийти к выводу, что обязательные постановления предоставляли администрации губерний право, ориентируясь на собственные пристрастия и убеждения, цензурировать политический контент печатных изданий, оказывая тем самым воздействие на общественное мнение.

Ключевые слова:
Российская империя; периодическая печать; цензура; губернаторы; административные взыскания.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The study examines the mechanisms of censorship restrictions on Russian periodical press that had become widespread by the beginning of the 20th century. It explores the history of the development of censorship during the post-reform era and the stages of reorganization of the censorship apparatus in the context of changing Russian realities in the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century. The issue of legislative initiatives regulating the coverage of domestic political events in the pages of Russian periodicals is addressed. Special attention is given to the practice of using administrative resources in the form of mandatory decrees by governors to establish control over local press. The documents for analysis were extracted by the authors from the archives of the Police Department of the State Archive of the Russian Federation. They contain information about specific instances of administrative penalties and fines imposed by governors on newspaper editors. Comparing this information with the content of articles subjected to penalties allowed for the identification of «the limits of possibility» for periodical press that existed locally in the perceptions of administrators. The review conducted led to the conclusion that mandatory decrees provided provincial administrations with the right, based on their own biases and convictions, to censor political content in print publications, thereby influencing public opinion.

Key words:
Russian Empire; periodical press; censorship; governors; administrative penalties.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:351.751.5(47)“1900/1920”

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

«Пределы возможного»: практики административных взысканий в отношении российской периодической печати в начале XX века

© Алферова И. В., Блохин В. Ф., 2023

1. Введение = Introduction

До начала 1860-х годов в Российской империи лишь несколько периодических изданий имели политические разделы, существовавшие согласно их собственным программам, которые они обязаны были предъявлять на официальное утверждение цензурным органам. За последующее десятилетие подобный контент появился с согласия цензуры в подавляющем большинстве российских массовых средств печати. Даже в условиях сохранявшихся цензурных ограничений отбор и смысловое содержание информации способствовали обеспечению читательского интереса и взаимосвязанного с ним коммерческого успеха российских периодических изданий.

Полнота и разнообразие информации способны были выстроить новое общественное пространство, которое, находясь в пределах государственных границ, было способно сформировать у читающей публики видение общественных проблем, отличавшееся от их официальных интерпретаций, что грозило распространением критического отношения к деятельности правительства, других государственных институтов и даже к системе управления в целом. Поэтому доступность сведений политического характера имела свои «пределы дозволенного», подвластные законам и нормам, установленным в отношении распространения информации.

Тема политической цензуры со всей очевидностью не являлась приоритетной в советское время, привлекая внимание исследователей главным образом в качестве цензурной истории произведений русской литературы, поскольку с ней было связано их текстологическое изучение при подготовке собраний сочинений или при написании отдельных глав истории российской журналистики [Евгеньев-Максимов и др., 1930].

На этапе новейшей историографии можно выделить работы историка российской журналистики Г. В. Жиркова, который продуктивно интерпретировал различные стороны работы цензурного ведомства в Российской империи [Жирков, 2001]. Ученые Петербургской исторической школы ис-

пользовали прежде всего документы Российского государственного исторического архива (РГИА), где находится объемный фонд Главного управления по делам печати (Ф. 776), содержащий исчерпывающую информацию о предмете предостережений, выдаваемых средствам печати.

Среди монографических исследований можно выделить работы Н. Г. Патрушевой [Патрушева, 2013], а также серию сборников научных трудов «Цензура в России: История и современность», изданных Российской национальной библиотекой, выходящих один раз в два года и на сегодняшний день насчитывающих 10 выпусков [Цензура в России: история и современность…, 2001—2021 гг.].

Однако, несмотря на расширение тематического и концептуального спектра исследований, является очевидной необходимость объединения усилий представителей разных научных направлений для выполнения исследовательских проектов на стыке истории, журналистики, литературоведения и краеведения при изучении особенностей функционирования периодической печати, ее влияния на общественные настроения и степени воздействия на этот процесс цензурных запретов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Специальные общеисторические методы были использованы для выявления внутренней логики происходивших процессов в сфере развития российской печати. Так, историко-хронологический и историко-генетический методы позволили нам воссоздать общую картину цензурных ограничений для периодических изданий, определить последовательность в их трансформации, в их рамках обозначить место административным взысканиям. Выявляя специфику функционирования информации в указанный период в Российской империи, мы посчитали необходимым использовать понятие «публичная сфера», введенное в научный оборот Юргеном Хабермасом (Jürgen Habermas) [Хабермас, 2016].

Вслед за немецким ученым мы интерпретируем данный феномен как сферу коммуникации между государством и гражданами, в которой происходит публичное обсуждение значимых общественных проблем. Наиболее действенным средством подобной коммуникации в рассматриваемый период выступала периодическая печать.

Для общей характеристики совокупных приемов, методов и направлений деятельности государства по установлению контроля над прессой мы опирались на феномен «цензурных режимов» [Макушин, 2008, с. 103]. Вспомогательный метод case-study (метод ситуационных исследований) применялся авторами при выявлении конкретных случаев административных взысканий, налагаемых на печать губернаторами.

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Цензурные ограничения в контексте российских исторических реалий второй половины XIX — начале XX веков

К началу XX века цензура периодической печати Российского государства как строго организованная система прошла длинный путь, начиная с первого устава, принятого в 1804 году во время правления Александра I. Цензурный устав, утвержденный в 1828 году, предусматривавший контроль всей печатной продукции, производимой в стране и ввозимой из-за границы, продолжал действовать в России на протяжении почти 65-летнего отрезка времени.

В то же время цензурный аппарат Российской империи неоднократно реорганизовывался, что было обусловлено необходимостью приспособления к изменявшейся ситуации в стране. С 14 января 1863 года управление политической цензурой было полностью передано из Министерства народного просвещения в Министерство внутренних дел, где было создано Главное управление по делам печати во главе с начальником, который в силу определенного для него функционала оказывал заметное влияние на проводимую в жизнь государственную цензурную политику.

На смену структур, созданных при университетах и при попечителях учебных округов, пришли комитеты по внутренней цензуре «в Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Тифлисе; отдельные цензоры — в Казани, Риге, Ревеле, Дерпте, Одессе, Вильне, Киеве, Митаве, с 1903 года — в Харькове, Екатеринославе, Нижнем Новгороде, Саратове, Ростове-на-Дону, Томске и Владивостоке» [Патрушева, 2010, с. 282].

В губернских и уездных городах, где не было цензурных учреждений, а таковых из-за ограниченных бюджетных возможностей было большинство, надзор за периодической печатью возлагался на чиновников губернской администрации. Указ от 30 сентября 1881 года конкретизировал ответственного за осуществление цензурного контроля в провинции: «Цензирование частных периодических изданий в губернских городах, в которых нет цензурных учреждений, возложить, без производства особого вознаграждения, на Вице-Губернаторов или на исправляющих эту должность, когда Вице-Губернаторы вступают в управление губернией» (1881, № 420) [ПСЗРИ, т. 1, с. 301].

Преобразования в различных сферах экономической и общественной жизни в ходе реформ 1860-х годов сыграли ключевую роль в развитии важной составляющей роста периодической печати: обеспечили ее массовым читателем, проявлявшим на фоне происходивших в стране перемен интерес к просвещению. На волне широкомасштабных изменений, в рамках продолжавшего действовать цензурного устава, в виде временных правил

CC BY

6 апреля 1865 года был принят новый цензурный закон, знаменовавший собой определенное послабление в области информационных ограничений, однако он распространялся только на столичную печать.

Согласно новым правилам, действия цензурных органов в отношении периодических изданий заключались главным образом в раздаче предостережений. После трёх из них следовала приостановка выпуска газеты или журнала сроком до 6 месяцев с возможным судебным разбирательством и полным закрытием тех из них, которые будут признаны «особо вредными». Таким образом, введённая система административных взысканий за так называемое «вредное направление», заимствованное как идея из французского законодательства времён Второй империи Наполеона III, на долгие годы предопределила особенности отношений власти и периодической печати, сопровождавшиеся постоянным поиском в газетах и журналах «вредного направления». Причем «на протяжении всего этого времени это определение имело совершенно разный смысл и содержание» [Блохин, с. 114].

Тем не менее начиная с 1870-х годов периодическая массовая печать в России развивалась ускоренными темпами, хотя отставание от европейских государств было по-прежнему значительным. Наряду с общественным мнением, основой которого были отчасти официальные источники информации, а отчасти — многочисленные слухи, заявило о себе «мнение опубликованное», генерируемое печатным словом. Пресса постепенно, причем с претензией на доминирование, стала занимать всё более значимое место среди существовавших в России источников новостей.

Балканский конфликт, переросший в очередную Русско-турецкую войну 1877—1878 годов, явился знаковым событием в определении места периодической печати в рамках российской публичной сферы. Газеты и журналы не только широко освещали ход конфликта, но и в какой-то степени через осуждение жестоких действий Османской империи по отношению к болгарскому населению смогли сформировать определенное общественное мнение, что подтолкнуло проявлявшего колебания Александра II к принятию решения о вступлении в войну. Тогда же журналисты российских газет впервые были направлены в качестве корреспондентов на фронт.

Убийство народовольцами Александра II нарушило ход, казалось бы, начавшегося процесса взаимодействия власти и средств массовой информации. Стала активнее использоваться неофициальная предварительная цензура статей, на встречах с редакторами газет и журналов определялся перечень вопросов, которые не рекомендовалось обсуждать в периодических изданиях. В новых условиях заметно усилилось вмешательство администрации в деятельность печатных органов. Причинами усиления было как желание противодействовать распространению революционных на-

CC BY

строений в стране, так и чрезмерное усердие в решении вышеозначенной задачи.

Высочайше утверждённое 14 августа 1881 года, принятое Комитетом министров «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» явилось своеобразной кульминацией развивавшихся отношений. Документ регламентировал режим исключительного (чрезвычайного) положения и служил для ускоренного в случае необходимости его введения (1881, № 350) [ПСЗРИ, т. 1, с. 261—266]. Санкт-Петербург и Москва находились под его непрерывным действием вплоть до 1917 года.

На основании статей 15 и 16 «Положения» были также приняты меры контроля в сфере печати в провинции. Губернаторам предоставлялось право «издавать в пределах их ведомства постановления, в видах правильного и успешного исполнения, сообразно с местными условиями, узаконений об общественных благочинии, порядке и безопасности» [Правила об издании ..., 1892].

Однако на волне революционных событий по указу 24 ноября 1905 года для укрепления «незыблемых основ гражданской свободы, одним из условий коей является свобода слова», было объявлено об устранении административного воздействия «в области периодической печати», а дела о преступлениях в этой сфере деятельности надлежало передавать в суд [Положение печати в России…, 1914, с. 14]. Цензурный устав и административная (предварительная) цензура были отменены.

Вместе с уставом прекратила свое действие входившая в него 140 статья, гласившая: «Если по соображениям высшего правительства найдено будет неудобным оглашение или обсуждение в печати, в течение некоторого времени, какого-либо вопроса государственной важности, то редакторы изъятых от предварительной цензуры повременных изданий поставляются о том в известность через Главное управление по делам печати, по распоряжению министра внутренних дел» [Ширков, 1900, с. 63—64]. Этот пункт устава, по замыслу его создателей, должен был служить основой для распоряжений, которые были якобы способны защитить определенные интересы государства. При этом существование статьи 140, по заверению ее толкователей, не должно было ограничивать обсуждение в печати политических и общественных вопросов и применяться лишь в крайних случаях, для наказания за «явно вредное направление» [Ширков, 1900, с. 64].

За досрочным роспуском Государственной Думы 3 июня 1907 года, широко именуемым как «Третьеиюньский переворот», последовал Именной высочайший указ, данный Сенату о предоставлении архангельскому, вологодскому, новгородскому, олонецкому, псковскому, рязанскому, смоленскому, тверскому и ярославскому губернаторам права «издавать для

CC BY

жителей вверенных им губерний обязательные постановления по предметам, относящимся к предупреждению нарушения государственного порядка и общественной безопасности» (1907, № 29244) [ПСЗРИ, т. 27, с. 336]. Важной частью обязательных постановлений являлся пункт, который предусматривал в случае нарушения одного из возможных запрещений подвергать виновного в административном порядке штрафу до 500 руб. (а в местах с чрезвычайной охраной — до 3000 руб.) или аресту до 3 месяцев. Действие закона изначально было определено сроком на один год, однако в дальнейшем он не только не был аннулирован, но и получил распространение в других губерниях.

Судебные разбирательства с печатью, предусмотренные законом 24 ноября 1905 года, оказались, с точки зрения властей, недостаточно эффективным способом воздействия на нее. В этой ситуации для корректировки все чаще проявлявшихся отступлений от намеченной для печатных изданий линии поведения была задействована возможность использования административного ресурса в виде обязательных постановлений губернаторов. Принятые таким образом постановления должны были предупреждать и пресекать различного рода нарушения законов, характерных для конкретной местности, находившейся в ведении местных «главноначальствующих».

Например, в Харьковской губернии такое типовое обязательное постановление для жителей было принято 20 мая 1911 года, оно включало в себя следующие пункты: учёт вновь прибывшего и выбывавшего населения (с тем чтобы запрещать отдельным личностям пребывание в этой местности); об оружии; о различного рода народных, общественных и даже частных собраниях; об исполнении требований полиции, направленных на ограждение внешнего порядка; о попытках подстрекательства к забастовкам; о печати; о ночных сторожах и дворниках; о безопасности движения по улицам, о внутреннем наблюдении в границах владений [ГАРФ, ф. 102, оп. 71, д. 228, л. 8]. Пункт о печати запрещал «всякого рода восхваление преступного деяния, равно как распространение или публичное выставление сочинений, либо изображений, восхваляющих такое деяние» [Там же]. Очевидно, что это положение являлось механизмом, позволившим губернаторам, ориентируясь на их собственные пристрастия и убеждения, всецело контролировать политический контент печатных изданий и, в свою очередь, оказывать воздействие на общественное мнение.

Так, в этом обязательном постановлении запрету подлежали: «Оглашение или публичное распространение каких-либо статей или иных сообщений, возбуждающих враждебное отношение к правительству. <…> Оглашение или публичное распространение: а) ложных о деятельности правительственного установления или должностного лица, войска или воинской

CC BY

части сведений, возбуждающих в населении враждебное к ним отношение, и б) ложных, возбуждающих общественную тревогу, слухов о правительственном распоряжении, общественном бедствии или ином событии» [Там же].

3.2. Практики административных взысканий за «проступки в печати»

Документы, в которых содержится информация о конкретных фактах административных взысканий и штрафов, наложенных в рамках губернаторских обязательных постановлений на редакторов газет «за проступки в печати», частично сохранились в фонде Департамента полиции Министерства внутренних дел ГАРФ. Материалы относятся к концу 1913 года и к первому полугодию 1914 года. Для нас интерес представляют формулировки обвинений, на основании которых администрация губерний повергала редакторов газет наказаниям. Они, на наш взгляд, являются свидетельством существования официальных, а чаще — неофициальных норм, правил, принципов, на основе которых местная власть пыталась определять характер политического поведения населения страны.

Так, харьковский губернатор сообщил 5 января 1914 года в Департамент полиции о наложении штрафов на местные газеты «Утро» и «Южный край» за размещение в первой статей под названием «Ещё о сановном скандале» и «Праздничный подарок», а во второй — публикации под заглавием «Наброски».

Статьи были посвящены инциденту из частной жизни министра народного просвещения Льва Аристидовича Кассо, известного своей приверженностью к насаждению морали в учебных заведениях империи. Газета «Южный край» в статье под названием «Наброски» в подробностях изложила событие, при котором состоявший в законном браке министр был «изловлен в отдельном кабинете ресторана с чужой женой» двумя студентами, один из которых являлся сыном находившейся в ресторане женщины. Газета утверждала, что счастливая звезда Л. А. Кассо теперь закатилась, что он уже «не может держать в руках своих, пахнущих ещё духами г-жи Z., министерского портфеля» [Наброски, 1913]. Министр не будет больше «просвещать Россию», а судьбы русской школы, оказывается, держались «на оборке женской юбки» и «совершенно неожиданно неизвестная женщина играла выдающуюся роль в Министерстве народного просвещения, и совершенно неожиданно благодаря той же самой женщине, шлёпнулся всесильный министр» [Наброски, 1913].

В подобном же духе была написана статья «Праздничный подарок», опубликованная в газете «Утро». Здесь автор, подписавшийся «Ив. Огнев», указывал на моральную сторону случившегося, отмечая, что Л. А. Кассо в должности министра отличался особой тягой к внедрению различного

CC BY

рода запретов в области морали, особенно применительно к средней школе: «Ещё недавно учащимся девицам и юношам было предписано внешкольным надзором ходить по разным сторонам улицы, теперь им можно будет сходиться на середине её» [Праздничный подарок, 1913], — иронизировал автор статьи.

На редактора газеты «Утро» 31 декабря 1913 года был наложен штраф в размере 300 руб. с заменой неуплаты арестом на 50 дней, поскольку статья «Праздничный подарок», по мнению губернатора, «возбуждала в населении враждебное отношение к правительству» [ГАРФ, ф. 102, оп. 71, д. 228, л. 4]. Редактор «Южного края» был оштрафован на 500 руб. с заменой в случае неуплаты арестом на 90 дней.

Начальник губернии нашел недопустимым, «чтобы на страницах периодической печати высказывались подобные оскорбительные суждения о представителях высшей правительственной власти и тем подрывали государственный престиж» [Там же]. В практике средств печати функция критики имела довольно широкое распространение, внося для читателей определенную интригу в рутину повседневных новостей. Такого рода материалы совершенно необязательно имели политический подтекст. Традиционный интерес части населения к происшествиям и скандалам с участием знаменитостей, в том числе и представителей властных структур, в своем большинстве не являлся поводом для активизации политических сил. Если политические новости были представлены исключительно через призму конфликта и персонификации, то для общественности именно конкретная персона и вызванный ею скандал являлись поводом для обсуждения. В рассматриваемом же эпизоде действия губернатора были связаны по сути дела с попыткой лишения прессы практического права на моральную оценку тех или иных событий и лиц. Кстати, Л. А. Кассо в отставку не ушел и занимал должность министра вплоть до самой смерти 26 ноября 1914 года.

Газеты подвергались наказаниям не только за публикации материалов, затрагивавших проблемы общегосударственного масштаба. Статья в «Сумском вестнике» 22 февраля 1914 года вызвала очевидный гнев харьковского губернатора, поскольку он обвинялся в причастности к увольнению заведующего внешкольным образованием Н. А. Грищенко. Газета обвиняла администратора в том, что он своим распоряжением «на основании происков местного инспектора народных училищ» уволил этого земского служащего, «прослужившего в земстве много лет и снискавшего себе большое расположение как со стороны управы, так и со стороны учителей» [ГАРФ, ф. 102, оп. 71, д. 228, л. 51].

Губернатор заявлял, что «заметка призвана возбудить общественные симпатии к этому левому деятелю с одной стороны, а с другой вызвать

CC BY

враждебные у населения чувства по отношению к губернской администрации» [Там же, л. 48]. Редактор был оштрафован на 500 руб., с заменой, в случае неуплаты, арестом на 90 дней.

Вероятно, может возникнуть впечатление, что именно харьковский губернатор отличался особым усердием в вопросах «наведения порядка» в периодических изданиях вверенной ему губернии, однако документы Департамента полиции свидетельствуют, что он был не одинок в своих начинаниях. Например, могилевский губернатор на основании изданного им 4 сентября 1913 года для жителей губернии обязательного постановления, также неоднократно проявлял бдительность, корректируя «пределы возможного» печати в освещении деятельности государственных органов и чиновников.

Так, редактор газеты «Гомельская мысль» был наказан денежным штрафом в размере 100 руб. или арестом на 30 дней за статью под названием «Кунктаторы». Публикация была оценена как «крайне тенденциозная» из-за критики деятельности Государственного совета, который на протяжении 4 лет под предлогом необходимости выработки общих норм наёмного труда обсуждал «мирный вопрос» найма торговых служащих. В этом промедлении газета усмотрела «характерное проявление всей тактики Совета, вкладывающего палки в колесо развития русской жизни» [Е-нъ. Кунктаторы, 1914], за что и была подвергнута взысканию.

Редактор «Гомельской мысли» был наказан за выраженное в статье «Дела просвещения» недовольство в отношении учебного ведомства, которое предписало своим циркуляром инспекторам учебных округов контролировать и подвергать цензуре лекции, доклады и чтения, устраиваемые в земских народных школах. Причиной такого контроля, согласно тексту статьи, стало то соображение, что, «по донесениям попечителей учебных округов, в некоторых местностях имели место организации народных чтений, лекций и докладов по религиозным и политическим вопросам, не доступным к восприятию деревенской аудитории» [Дела Просвещения ..., 1914]. На этот раз штраф составил 200 руб., которые можно было заменить арестом сроком в полтора месяца [ГАРФ, ф. 102, оп. 71, д. 228, л. 56].

Вятский губернатор 22 февраля 1914 года на основании изданного им 4 сентября 1913 года обязательного постановления наложил на редактора газеты «Вятская речь» административное взыскание за помещение в № 39 фельетона под названием «Поездка администратора» [Там же, л. 45]. В нем речь шла о предоставлении Пермской железной дорогой отдельного вагона для поездки епископа местной епархии Филарета. Газета отмечала, что средства для этого путешествия были выделены из доходов свечного завода, а это неминуемо должно было сказаться на подорожании свечей для прихожан [Поездка администратора ..., 1914].

CC BY

Довольно неожиданными в ряду прочих выглядят взыскание вятского губернатора, наложенные на ту же газету «Вятская речь» за перепечатку из столичной газеты «День» статьи по поводу циркуляра министра финансов о мерах борьбы с пьянством [ГАРФ, ф. 102, оп. 71, д. 228, л. 71], а также наказания могилевским губернатором «Гомельской мысли» за перепечатку статьи из столичной газеты «Речь» [Там же, л. 80]. Разрешенная для столичного обывателя информация зачастую, по соображениям местных властей, становилась запретной для провинциального. Для вынесения решения в таких случаях ключевую роль играло недоверие представителей администрации губерний к конкретным центральным органам печати.

Так, в Пермской, Курской, Рязанской, Полтавской, Херсонской, Саратовской и ряде других губерний местными администраторами столичные газеты были разделены на «желательные» и «нежелательные», при этом лицам, состоявшим на земской или государственной службе, было не рекомендовано выписывать издания, в которых содержалась критика деятельности губернаторов. В число «нежелательных» входили крупнейшие российские издания: «Биржевые ведомости», «Всеобщая газета», «Русское слово», «Копейка».

Между тем в столичных Санкт-Петербурге и Москве местные градоначальники также сами устанавливали для населения своих городов пределы дозволенного в печати. Поскольку там действовали правила, применимые для местностей, находившихся на положении чрезвычайной охраны или на военном положении, генерал-губернаторы и градоначальники имели право закрывать газеты на весь период их действия.

Формы государственного влияния на печать затрагивали и проблемы мобилизации общественного согласия и лояльности. Важнейшей функцией периодической печати традиционно выступала передача ею оперативной информации о наиболее важных для населения и органов власти событиях. Любое издание при этом включало как краткие информационные сообщения, так и сведения, содержавшие авторские комментарии и оценки. Немаловажным являлось и то, от кого исходили эти комментарии, то есть учитывалась благонадежность членов редакций. В официальных документах цензурного ведомства подчеркивалось, что периодические издания обладали свойством непрерывных проводников впечатлений на публику и «потому они не нуждаются в прямых высказываниях своих взглядов, а могут проводить их постепенно, выражая их рядом намеков, недоговоров, повторений и других редакторских или издательских приемов» [Патрушева, 2010, с. 272]. Показательной на этом фоне выглядит публикация в газете «Речь» от 1 июля 1914 года со ссылкой на издание «Сибирская жизнь».

CC BY

В городе Минусинске группа интеллигенции решила издавать газету, и было выпущено несколько номеров «Минусинского края». Издание не вызывало никаких нареканий, но местный исправник пригласил к себе в полицию двух ее сотрудников и предупредил их, что они будут высланы из города, если не прекратят сотрудничество в газете. Третьему члену редакции такое предупреждение было сделано прямо на улице.

Редактор-издатель газеты подал жалобу енисейскому губернатору, который в ответ заявил, что политическим ссыльным запрещена всякая публичная деятельность, а тем более такая, «которая носит в себе признаки стремления к возбуждению населения против существующего строя или одного класса против другого; если некоторым ссыльным поселенцам разрешается проживание в городе Минусинске, то лишь во внимание к состоянию их здоровья, и при условии вполне одобрительного поведения и занятия полезным трудом» [Свобода печати ..., 1914].

В практике административных вмешательств просматривается устойчивое стремление исключить любые рассуждения о проявлении ограничений в отношении печати. Так, Вятский губернатор препроводил в департамент полиции в марте 1914 года копию постановления о наложении административного взыскания на редактора газеты «Вятская речь» Н. Н. Вакина за статьи «Печать и общество» и «За свободу печати» [ГАРФ, ф. 102, оп. 71, д. 228, л. 65].

В последней из них перечислялись печатные органы, испытавшие разного рода притеснения со стороны властей. Так, из статьи следовало, что в Вильно был конфискован за карикатуру польский журнал «Бруковец», а редактор привлечен к суду за оскорбление императора. «Маленькие Одесские новости» были оштрафованы на 200 руб. за статью «О пробках Г. Совета». «Одесская почта» была оштрафована на 500 руб. за напечатание опровергнутого впоследствии администрацией сообщения о ритуальной провокации в предместье Киева. В Варшаве был конфискован первый номер еврейской газеты, посвященный интересам приказчиков.

В той же статье сообщалось о взыскании, наложенном Новгородским губернатором на газету «Мстинская волна», издававшуюся в Боровичах. «Новгородский губернатор, — отмечал автор статьи, — положил начало, кажется, новой полосе в деле преследования печати», указывая, что редактор названной газеты был оштрафован на 200 руб., с заменой в случае несостоятельности арестом на один месяц «за напечатание отчета о заседании городской думы, в котором якобы неточно приведены речи гласных» [Борьба с печатью ..., 1914].

До 1905 года предостережения газетам и журналам на основании статьи 140 устава о цензуре выдавались за материалы, оскорбительные для

CC BY

высшего сословия в государстве, то есть для дворянства. «Запрещалось писать о голоде, о холере, о недостатке надельной земли, о чрезмерной обременительности платежей повинностей, об университетских беспорядках, о политических процессах, о волнениях на фабриках, об отношении рабочих к фабрикантам» [Положение печати в России ..., 1914, с. 14].

После указа 24 ноября 1905 года статья 140 была отменена, но постепенно редакции газет вновь были поставлены перед необходимостью отказа от освещения тех или иных проблем, волновавших жителей страны [Положение печати в России, 1914, с. 14]. Так, нельзя было размещать материалы о роспуске Думы и критиковать новый земельный закон от 9 ноября 1906 года, вспоминать лишний раз об Азефе, Илиодоре и Распутине. Было запрещено рассказывать о происшествии, в ходе которого некая женщина облила кислотой священника в церкви Николы Явленного, и даже о плохой игре артистки «П» [Положение печати в России ..., 1914, с. 15].

«За первые 8 месяцев 1913 года в разных городах России в административном порядке было наложено 228 штрафов на общую сумму в 89 400 руб.» [Там же, с. 14]. Для сравнения: в 1906 году число штрафов составляло 16, а сумма — 15 525 руб. Формулировки вынесенных постановлений о наказаниях органов печати выглядели следующим образом: «восхваляли преступную деятельность»; «возбуждали в населении враждебное отношение к правительству»; «высказывались оскорбительные суждения о представителях высшей правительственной власти и тем подрывался государственной престиж»; «содержали сведения, подрывающие уважение (возбуждающие враждебное отношение) к воинским частям и к высшим начальствующим лицам»; «содержали ложные сведения, имеющие целью восстановить православное население против своего архипастыря и всячески уронить в обществе его авторитет» [ГАРФ, ф. 102, оп. 71, д. 228, л. 2, 4, 5, 7, 24, 32, 38, 52]. Проблема представлялась таким образом, что газеты практически обвинялись в целенаправленной антиправительственной деятельности.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, к началу XX века в России был накоплен значительный опыт взаимодействия официальных государственных структур со средствами печати, сложилась система взаимосвязанных центральных и местных цензурных учреждений, которые с переменным успехом решали проблемы контроля общественного мнения в отношении как получивших распространение российских и зарубежных политических настроений, нашедших в стране своих сторонников, так и отдельных персоналий.

Из цензурной практики этого времени можно вывести определенную закономерность, которая в общем виде сводится к тому, что и ужесточение

CC BY

цензурного законодательства в России, наблюдавшееся в периоды революционных, а также военных потрясений, и некоторое его смягчение за счет принятия разного рода дополнительных правил к существовавшему цензурному уставу, а иногда — ошибки цензуры сохраняли для печати возможности саморазвития.

Указ от 24 ноября 1905 года, отменявший на волне революции 1905 года предварительный контроль произведений печати, обозначил новый этап становления свободы печатного слова в Российской империи. Однако, передав в судебные инстанции решения о наказании органов печати, российское правительство позаботилось о создании дополнительных механизмов воздействия на средства массовой информации. Они заключались в том числе в праве местной администрации в лице губернатора или вице-губернатора на наложение взысканий на редакторов периодических изданий в виде штрафов или тюремного заключения. Основной причиной взысканий, как следует из проведенного исследования, выступало превышение некоторых возможных границ при публикации в прессе критических замечаний в адрес властных структур, учреждений или конкретных чиновников. При этом «пределы возможного» для печати определялись не законодательством, а администраторами, которые в свою очередь исходили из личных предпочтений, то есть были размыты и не поддавались точному соблюдению.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Борьба* с печатью // Вятская речь. — 1914. — № 55. — 11 марта.

2. ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 71. Д. 228. О наложении административных взысканий и штрафов на редакторов за проступки в печати. 1914.

3. *Дела* Просвещения // Гомельская мысль. — 1914. — № 108. — 23 февраля.

4. *Е-нъ*. Кунктаторы // Гомельская мысль. — 1914. — № 105. — 16 февраля.

5. *Наброски* // Южный край. — 1913. — № 11814. — 31 декабря.

6. *Поездка* администратора // Вятская речь. — 1914. — № 39. — 19 февраля.

7. ПСЗРИ — *Полное* собрание законов Российской империи. — Собр. 3-е. — (1881—1913). — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1885. — Т. 1. — 614 с.

8. ПСЗРИ — *Полное* собрание законов Российской империи. — Собр. 3-е. — (1881—1913). — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1910. — Т. 27. — 1276 с.

9. *Положение* печати в России // За народ! (Париж). — 1914. — № 58. — Январь.

10. *Правила* об издании Губернаторами обязательных постановлений // Свод законов Российской империи (СЗРИ). — Том II. — Гл. 2. — Отделение третье. — Изд. 1892 г.

11. *Праздничный* подарок // Утро. — 1913. — № 2184. — 31 декабря.

12. Свобода печати // Речь. — 1914. — № 176. — 1 июля.

13. *Ширков В. П.* Устав о цензуре и печати : (Св. зак., Т. XIV) : с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правит. сената и административными распоряжениями / В. П. Ширков. — Санкт-Петербург : Паровая типо-лит. инж. И. Г. Гершуна, 1900. — 302 с.

Литература

1. *Блохин В. Ф.* О вреде «вредного направления» (начальный этап реализации новой государственной модели управления печатью в 60-е гг. XIX в.) / В. Ф. Блохин // Вестник молодых ученых. Серия «Исторические науки». — 2007. — № 4. — С. 109—115.

2. *Евгеньев-Максимов В.* Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы / В. Евгеньев-Максимов, Д. Максимов. — Ленинград : Издательство писателей в Ленинграде, 1930. — 154 с.

3. *Жирков Г. В.* История цензуры в России XIX—XX вв. / Г. В. Жирков. — Санкт-Петербург : Аспект Пресс, 2001. — 368 с. — ISBN 5-7567-0145-1.

4. *Макушин Л. М.* Цензурный режим и развитие системы печати / Л. М. Макушин // Известия УрГУ. — 2008. — № 60. — С. 103—111.

5. *Патрушева Н. Г.* Главное управление по делам печати и организация надзора за периодикой в 1865—1905 гг. / Н. Г. Патрушева // Известия Смоленского государственного университета. — 2010. — № 4 (12). — С. 271—283.

6. *Патрушева Н. Г.* Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX — начале XX века : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Н. Г. Патрушева. — Санкт-Петербург, 2013. — 620 с.

7. *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы : исследования относительно категории буржуазного общества / Ю. Хабермас. — Москва : Весь Мир, 2016. — 344 с. — ISBN 978-5-7777-0627-0.

8. *Цензура* в России : история и современность. Сборник научных трудов. — Санкт-Петербург : Российская нац. б-ка, 2001—2021 гг. — Выпуск 1—10.

Статья поступила в редакцию 09.10.2023,
одобрена после рецензирования 03.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

Material resources

A festive gift. (1913). *Morning, 2184. 31 December.* (In Russ.).

Affairs of Enlightenment. (1914). *Gomel thought, 108. February 23.* (In Russ.).

E-n. Kunktators. (1914). *Gomel thought, 105. February 16.* (In Russ.).

Freedom of the press. (1914). *Speech, 176. July 1.* (In Russ.).

GA RF — *State Archive of the Russian Federation. F. 102. Op. 71. D. 228. On the imposition of administrative penalties and fines on editors for misconduct in the press. (1914).* (In Russ.).

PSZRI — *The complete collection of laws of the Russian Empire, 1. Sobr. 3-e. (1881—1913).* (1885). St. Petersburg: State Printing House. 614 p. (In Russ.).

PSZRI — *The complete collection of laws of the Russian Empire, 27. Sobr. 3-e. (1881—1913).* (1910). St. Petersburg: State Printing House. 1276 p. (In Russ.).

CC BY

Rules on the issuance of mandatory resolutions by Governors. The Code of Laws of the Russian Empire (NWRI), II (2). The third department. Ed. 1892. (In Russ.).

Shirkov, V. P. (1900). *The Statute on censorship and the press: (St. Zak., Vol. XIV): with later legalizations, legislative motives, explanations, Rules. Senate and administrative orders.* St. Petersburg: Steam typo-lit. eng. I. G. Gershun. 302 p. (In Russ.).

Sketches. (1913). *Southern region, 11814. December 31.* (In Russ.).

The administrator's trip. (1914). *Vyatka speech, 39. February 19th.* (In Russ.).

The fight against printing. (1914). *Vyatka speech, 55. March 11.* (In Russ.).

The position of the press in Russia. (1914). *For the people! (Paris), 58. January.* (In Russ.).

References

Blokhin, V. F. (2007). On the harm of the "harmful direction" (the initial stage of the implementation of a new state model of press management in the 60s of the XIX century). *Bulletin of young scientists. The series "Historical Sciences", 4":* 109—115. (In Russ.).

Censorship in Russia: history and modernity. Collection of scientific papers, 1—10. (2001—2021). St. Petersburg: Russian National Library. b-ka. (In Russ.).

Evgeniev-Maximov, V., Maksimov, D. (1930). *From the past of Russian journalism. Articles and materials.* Leningrad: Publishing House of Writers in Leningrad. 154 p. (In Russ.).

Habermas, Yu. (2016). *Structural change in the public sphere: studies on the category of bourgeois society.* Moscow: The Whole World. 344 p. ISBN 978-5-7777-0627-0. (In Russ.).

Makushin, L. M. (2008). Censorship regime and the development of the press system. *Izvestiya USU, 60:* 103-111. (In Russ.).

Patrusheva, N. G. (2010). The Main Directorate for Press Affairs and the organization of supervision of periodicals in 1865—1905. *Proceedings of the Smolensk State University, 4 (12):* 271—283. (In Russ.).

Patrusheva, N. G. (2013). *Censorship department in the state system of the Russian Empire in the second half of the XIX — early XX century.* Doct. Diss. St. Petersburg. 620 p. (In Russ.).

Zhirkov, G. V. (2001). *The history of censorship in Russia of the XIX—XX centuries.* St. Petersburg: Aspect Press. 368 p. ISBN 5-7567-0145-1. (In Russ.).

The article was submitted 09.10.2023;
approved after reviewing 03.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Антюхова Е. А. Инновационная политика в деятельности ОЭСР: историческая реконструкция на неограмшианских основаниях / Е. А. Антюхова, Д. А. Талагаева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 265—287. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-265-287.

Antuykhova, E. A., Talagaeva, D. A. (2023). Innovation Policy in OECD Activities: A Historical Reconstruction on Neo-Gramscian Foundations. *Nauchnyi dialog, 12* (10): 265-287. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-265-287. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-265-287

Инновационная политика в деятельности ОЭСР: историческая реконструкция на неограмшианских основаниях

Антюхова Екатерина Андреевна
orcid.org/0000-0003-0860-4792
ResearcherID: I-4189-2017
доктор политических наук, доцент, профессор кафедры мировых политических процессов
e.antyukhova@gmail.com

Талагаева Дарья Александровна *
orcid.org/0000-0001-7959-0741
кандидат политических наук, доцент кафедры английского языка № 6,
**** корреспондирующий автор***
d.talagaeva@mail.ru

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-10093

Innovation Policy in OECD Activities: A Historical Reconstruction on Neo-Gramscian Foundations

Ekaterina A. Antuykhova
orcid.org/0000-0003-0860-4792
ResearcherID: I-4189-2017
Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor, Department of World Political Processes
e.antyukhova@gmail.com

Daria A. Talagaeva *
orcid.org/0000-0001-7959-0741
PhD in Political Sciences, Associate Professor, Department of English No. 6,
**** Corresponding author***
d.talagaeva@mail.ru

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project number 23-78-10093

© Антюхова Е. А., Талагаева Д. А., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлен исторический анализ формирования и развития понятия «инновации» в обороте Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Авторы опираются на воззрения А. Грамши, полагавшего, что, вопреки исходным положениям исторического материализма, общественные процессы не возникают как прямая реализация интересов господствующего класса, а отражают компромиссы, достигнутые между ним и другими группами в обществе. Соответственно, взгляд на разработку представлений об инновациях с этой точки зрения демонстрирует, что этот процесс работает как отражение совпадающих интересов научного сообщества, финансового капитала и электронной отрасли, образующих «исторический блок», который обладает устойчивым положением в западном обществе. Принятие в качестве исследовательского предмета документов ОЭСР, которая выступает влиятельным центром разработки политических решений, обладающим характерными чертами одновременно политической и научной организации, дает возможность различить в этих документах следы процесса выстраивания исторического блока и его идейного оформления. Прослеживается предыстория возникновения данного блока, формирование компромиссов, связывающих его участников, и построение инновационной политики в зависимости от достигнутых компромиссов.

Ключевые слова:
Организация экономического сотрудничества и развития; международная политическая экономия; научно-техническая политика; инновационная политика; Руководство Осло.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article offers a historical analysis of the formation and development of the concept of "innovation" in the discourse of the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). The theoretical and methodological foundation of the analysis is based on contemporary international political economy, which posits the necessity of considering international institutions as expressions of certain group interests. A characteristic feature of this approach is its reliance on the views of A. Gramsci, who argued that contrary to the original tenets of historical materialism, social processes do not arise as a direct realization of the interests of the ruling class but reflect compromises reached between it and other groups in society. Accordingly, examining the development of ideas about innovation from this perspective demonstrates that this process operates as a reflection of the converging interests of the scientific community, financial capital, and the electronics industry, forming a "historic bloc" that holds a stable position in Western society. Taking OECD documents as the subject of research, which acts as an influential center for policy development with characteristic features of both a political and scientific organization, allows for discerning traces of the historical bloc's construction and its ideological shaping within these documents. The article traces the prehistory of the emergence of this bloc, the formation of compromises that bind its participants, and the construction of innovation policy as a way to express interests that have come to the forefront as a result of these compromises.

Key words:
Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD); International Political Economy; Science and Technology Policy; Innovation Policy; Oslo Manual.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:339.92:061.1

Научная специальность ВАК
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Инновационная политика в деятельности ОЭСР: историческая реконструкция на неограмшианских основаниях

© Антюхова Е. А., Талагаева Д. А., 2023

1. Введение = Introduction

Хотя Организация по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР) относится к кругу наиболее влиятельных международных институтов, ее характерная черта — сильно расплывчатый профиль. ОЭСР не попадает в ряд международных организаций, созданных для осуществления определенной функции, как, например, институты ООН, занимающиеся, соответственно, продовольствием, здравоохранением, атомной энергетикой или иной понятно очерченной областью. В контрасте с ними даже само название ОЭСР как будто специально расширяет и без того емкое понятие «экономическое сотрудничество» добавлением совсем уж абстрактного «развития». Не отличаются четкостью и полномочия организации: основная часть работы ОЭСР проходит в формах, ассоциирующихся скорее с научной, чем с политической деятельностью — «рецензирование», «круглые столы» и т. п. В принципе, ОЭСР часто и позиционируется как исследовательский экспертный центр, но этому образу, в свою очередь, противоречат закрепленные за ней полномочия принимать обязательные для стран-участниц решения и вполне реальное влияние, которым обладает организация.

Но в этом сочетании одновременно заключается ключевое преимущество ОЭСР: совмещая, с одной стороны, предельно аккуратно используемые полномочия, а с другой — исследовательскую работу, в которой всегда учитывается, что ее результаты будут оформлены в политические документы, организация пользуется положением одного из самых авторитетных экспертных центров в мире, который представляет пример того, как реально может осуществляться «научная власть» и как интересы научного сообщества могут приводиться в консонанс с интересами политических групп и таким образом реализовываться. Конечно же, это не беспроблемный процесс, и расплывчатость статуса ОЭСР — одно из следствий этой модели.

С наибольшей отчетливостью интересы научного сообщества и политических групп переплетаются в поле разрабатываемой в организации «инновационной политики». Можно заметить, что последние десятилетия

CC BY

термин *инновации* имел в политическом обороте почти исключительно положительное звучание: с ним связывался некий идеальный вариант экономического роста, который можно обеспечить за счет «креативности» и «человеческого капитала», избегая вредных следствий, ассоциируемых с промышленным развитием, — загрязнения, эксплуатации, общественных антагонизмов и др. И при том, что этот образ явно фокусировался лишь на одной стороне экономики, которая не может существовать сама по себе, без природных ископаемых, конвейерного производства и пр., в публичном обороте он фактически не встречал критики ни со стороны политиков, ни со стороны ученых. И очевидно, что, как любой политический конструкт, «инновации» используются в интересах одних групп и в ущерб другим. В том же научном сообществе далеко не все приветствовали подразумеваемое политикой поощрения инноваций продвижение модели «предпринимательских» университетов и переход образования из категории социального блага в категорию «образовательных услуг».

Учитывая же, что основные модели инновационной политики, в дальнейшем нашедшие применение в широком круге стран, оформились именно в ОЭСР, анализ разработок этой организации с учетом ее статуса одновременно и как научного, и как политического центра может продемонстрировать, какие именно интересы, продвигаемые разными участниками процесса, стоят за инновационной политикой.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Среди исторических работ по деятельности ОЭСР представлен ряд фундаментальных исследований по истории разработки научно-технической политики в организации. Безусловным лидером данного направления исследований выступал Б. Годин [Godin, 2005], однако нужно отметить и таких авторов, как Л. Хенрикес и Ф. Ларедо [Henriques et al., 2013], Т. Портер и М. Уэбб [Porter et al., 2008]. В свою очередь, история инновационной политики, ставшей заметной частью разработок организации во второй половине 1980-х годов, освещена в исторической литературе менее детально, хотя ее также затрагивали в ряде своих публикаций Годин [Godin, 2009a; 2009b] и другие специалисты, сконцентрированные на историческом анализе, в том числе П. Саваж и Л. Ачеро [Savaget et al., 2017], Р. Прадхан и др. [Pradhan et. al., 2017]. Упомянутые работы отличает высокий уровень детализации реконструируемых процессов и тщательность в обращении с источниками, однако они мало затрагивают проблему политических и экономических интересов, направляющих работу ОЭСР. В целом, хотя и с некоторыми значимыми исключениями [The OECD and Transnational …, 2008; Mechanisms of OECD …, 2010; Schmelzer, 2017], это является характерной чертой всего

CC BY

корпуса публикаций по истории организации, в которых гораздо больше внимания уделяется технической стороне ее работы, чем вопросу о том, выразителем каких политических и экономических интересов она выступает.

Картина и ОЭСР в целом, и разрабатываемой ей инновационной политики приобретает резкость, если смотреть на них через призму международной политической экономии как дисциплины, исследующей переплетение политических, экономических и иных интересов в международном поле [The OECD and the International …, 2017; Афонцев, 2010]. Наиболее заметной на сегодняшний день линией в рамках этого направления выступает неограмшианский анализ, исходно ассоциирующийся с «британской школой» [Cox, 2009]. Его преимуществом, привлекающим к нему все больше исследователей, является возможность использовать сеть понятий, разработанных марксистом Антонио Грамши для описания переплетения различных линий влияния — политических, экономических, культурных [Грамши, 1991] — в формировании структуры взаимодействий в международном поле. В основе подхода Грамши лежит тезис о том, что, вопреки исходным положениям исторического материализма, власть не может принадлежать одному классу, контролирующему наиболее эффективные в данную эпоху средства производства, и для ее удержания необходим исторический блок, который создается на основе компромиссов с другими социальными группами. Система компромиссов отражается в идеологии, продвигаемой данным историческим блоком, и важный признак его устойчивости — совпадение идеологии со здравым смыслом — представлениями, воспринимаемыми в данную эпоху как самоочевидные. Другой важный момент заключается в том, что, следуя марксистской логике, неограмшианский подход принимает, что класс — это международное образование, но одновременно акцентирует, что исторический блок характеризуется двумя измерениями: отношениями причастных к власти групп внутри определенного государства, и отношениями внутри исторического блока, как он выступает в международном поле. Открывающаяся в результате перспектива позволяет, таким образом, преодолеть односторонность рассмотрения международных отношений как исключительно межгосударственных или, что было свойственно историческому материализму, исключительно классовых, когда государства изображаются как орудия, подчиненные правящему классу.

В рассмотрении ОЭСР как элемента структуры международных отношений требуется учитывать историческую динамику этих отношений, которая прямо сказывалась на статусе и функциях организации. Дж. Клифтон и Д. Диаз-Фуентес соотносят этапы развития ОЭСР с основными стадиями развития международного политэкономического поля послевоенной эпохи в целом: первая стадия с 1945 по 1973 годы, характеризующаяся высоки-

CC BY

ми темпами экономического роста в странах, которые с 1948 года стали участницами Организации по европейскому экономическому сотрудничеству (ОЕЭС), а \ с 1961 года — сменившей ее ОЭСР, вторая — с 1973 по 1989 годы, определяемая замедлением роста на фоне превосходящих темпов «третьего мира», и третья с 1990 года по настоящее время — период «перераспределения богатства», который характеризуется увеличением доли в мировой экономике стран, не входящих в ОЭСР [Clifton et al, 2011]. Если принять в качестве главной тенденции периода, начавшегося в 1990 году, именно перераспределение, то последнее десятилетие вполне может рассматриваться как его составная часть. Тем не менее внутри этого периода значимым рубежом выступает 2008 год: разразившийся в этот год кризис очевидно продемонстрировал, что сложившаяся модель финансового капитализма исчерпала возможности роста, что интенсифицировало поиск альтернативных проектов развития.

Исходно ОЭСР преемствовала ОЕЭС, созданной для поддержки программы американской помощи послевоенному восстановлению европейских стран, известной как план Маршалла. Восстановление шло быстро, и план Маршалла был свернут уже в 1952 году, организацию же было решено преобразовать в орган координации экономической политики атлантического сообщества. Таким образом, учрежденная в 1961 году ОЭСР задумывалась буквально как «экономическая НАТО» [Carroll et al., 2011, p. 110]. И главной задачей организации становится обеспечение высоких темпов экономического роста, который воспринимался как ключевое поле конкуренции с социалистическим блоком.

В качестве рубежной даты, как правило, принимается 1973 — год кризиса Бреттон-Вудской финансовой системы, вследствие которого США отказываются от золотого обеспечения доллара. С этого момента традиционно ведется отсчет проблемному периоду для стран ОЭСР, низшей точкой которого стал нефтяной кризис середины 1970-х годов. Политическим ответом на кризис становится переход к политике правого толка, осуществленный в ключевых странах Запада Великобритании и США соответственно Маргарет Тэтчер и Рональдом Рейганом. Экономическое содержание этого перехода заключалось в смене кейнсианской экономической программы на неолиберальную. Для ОЭСР, исходно выстроенной на базе кейнсианских воззрений, этот период становится проблемным.

Победа Запада в холодной войне, открывшая эпоху, которая ассоциируются с глобализацией, не улучшила положение самой ОЭСР: целесообразность сохранения «экономической НАТО» в условиях завершения противостояния капиталистического и социалистического блоков была далеко не очевидной. Ответом ОЭСР было позиционирование себя в качестве объ-

CC BY

единения передовых стран, которое формулирует стандарты, необходимые для присоединения к этому авангарду. И с этой программой организация сумела не только сохранить, но и существенно расширить свое влияние.

Критическим моментом в пределах этого этапа стал финансовый обвал 2008 года, за которым последовала рецессия. Эти события свидетельствовали о том, что политэкономическая система вошла в стадию кризиса, реально угрожающего самому ее существованию. Однако новой политэкономической модели пока не просматривается: несмотря даже на предельно обострившиеся в последние годы международные конфликты, ни одна из влиятельных стран не демонстрирует готовности полностью разорвать с закрепившейся в 1990-е годы базовой экономической моделью. Тем не менее период с 2008 года по настоящее время оправданно рассматривать как отдельную фазу.

Для каждого из этих этапов был характерен свой тесно связанный с господствующей экономической моделью подход вначале к научно-технической, а затем к инновационной политике [Райнхардт, 2015a; Райнхардт, 2015b]. При этом каждый из таких подходов развивался в противоборстве с альтернативными идеями, а момент утверждения одного из подходов в качестве доминирующего, как правило, совпадал с выдвижением новых идей в оппозицию к устоявшимся. И, естественно, это противостояние не было чисто интеллектуальным — каждая из моделей продвигалась определенным альянсом, отстаивавшим свои коллективные интересы. Учитывая, что речь идет о развитии в международном политическом центре, связь идей с интересами оказывается не просто заметной, а буквально кристаллизованной в политических конфигурациях, определявших работу ОЭСР на каждом из этапов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. ОЕЭС и ОЭСР в эпоху роста: 1948—1973

Фоном учреждения Организации европейского экономического сотрудничества служил период высочайшего авторитета американской науки. Главной причиной были технические новшества Второй мировой войны, но дело не сводилось к ним: победа в войне, в которой американцы отводили себе главную роль, расценивалась как в том числе и экономическая победа, ставшая возможной благодаря переводу американской экономики на военные рельсы, который был осуществлен без перехода к социализму. Последний момент прямо ассоциировался с кейнсианской школой, которая исходила из того, что государству не следует брать на себя прямое управление экономикой, но оно может и должно регулировать ее общее состояние, изымая значительную часть средств в виде налогов и перераспределяя их

CC BY

через бюджет. Собственно, именно такое понимание экономической роли государства и стало идейной основой исторического блока, консолидировавшего западные общества в послевоенный период.

Образование исторического блока всегда подразумевает выделение внутри объединяемых им классов привилегированных групп, которые получают главные преимущества. Со стороны капитала это были крупные предприниматели, представлявшие отрасли, которые активно сотрудничали с государством и обеспечили ему победу в «войне на истощение»: машиностроение, горнодобыча, нефтедобыча и др. Со стороны рабочего класса — занятые в этих отраслях работники, пользовавшиеся профсоюзной защитой. А со стороны интеллигенции в наиболее привилегированном положении оказались экономисты: именно в этот период университетское экономическое образование стало рассматриваться как наиболее подходящая подготовка для государственной службы. Собственно, с возросшим авторитетом экономистов было связано решение США сохранить ОЕЭС после фактического завершения плана Маршалла: ликвидация экономической организации, которая, как считалось, показала высокую эффективность, вполне могла восприниматься как разбазаривание ценного ресурса [Woodward, 2022].

В плане же научно-технической политики реорганизация ОЕЭС в ОЭСР пришлась на период, когда проблемы науки и техники вышли на первый план. Это было прямо связано с успехами Советского Союза, который в 1957 году успешно вывел на орбиту искусственный спутник. Запуск расценивался как демонстрация ракет, способных достигать орбиты с массой, вполне достаточной для атомного боезаряда, и вызвал предельно острую реакцию в западном мире, приведшую, в частности, к основательной реорганизации научно-технической политики. Этот фон сделал одним из главных подразделений ОЭСР Управление по научным вопросам, и именно его влиянию многие страны-члены обязаны появлению в своих правительствах ведомств, занимавшихся непосредственно организацией научной работы, — ранее наука чаще рассматривалась как одна из составляющих культурной политики [Godin, 2008].

Управление по научным вопросам продвигало так называемую линейную модель организации науки и техники, которая разбивала процесс создания новых технологий на три этапа: фундаментальные исследования — прикладные исследования — разработки с последующим внедрением в производство [Коннов, 2020]. В соответствии с кейнсианской логикой государству следовало компенсировать неготовность предпринимателей вкладываться в фундаментальные исследования, которые были для них слишком рискованными с точки зрения шансов получить искомый результат. С целью упорядочить организацию этого процесса научное управле-

CC BY

ние ОЭСР уже в 1963 году издало методическое руководство «Измерение научно-технической деятельности» (известное по названию города, в котором состоялось его утверждение, как Руководство Фраскатти). В качестве главного инструмента научно-технической политики рассматривалось финансирование исследований и разработок, уровень и структура которых воспринимались как показатели, по которым можно было судить о состоятельности научно-технической политики той или иной страны.

При этом в собственных разработках Управление по вопросам науки предпочитало анализировать научную деятельность с точки зрения более приближенного к реальности системного подхода, в рамках которого научно-техническое развитие моделировалось не как поступательный процесс, а как многостороннее взаимодействие государственных исследовательских институтов, университетов, производственных предприятий и некоммерческих организаций [OECD, 1963]. Сеть связей, объединяющих эти сектора, характеризовалась как исследовательская система, регулирование которой, конечно, требовало более нюансированного подхода, чем просто наращивание государственных затрат.

3.2. ОЭСР в эпоху замедления: 1973—1990

Замедление экономического роста и последовавшие за этим финансовый и нефтяной кризисы 1970-х годов были явным признаком расшатывания системы производственных отношений и, соответственно, сложившейся на ее основе исторического блока. Неспособность справиться с кризисами серьезно подточила авторитет кейнсианства, обеспечившего идеологическое оформление этого блока, и это позволило выйти на первый план конкурирующим течениям.

В ОЭСР как одной из «точек сборки» политэкономических концепций, где они превращались из научных теорий в политические инструменты, это отразилось в том числе в оживлении деятельности Управления по вопросам науки. В 1970-е годы управление и его руководитель Александр Кинг сыграли ведущую роль в создании Римского клуба. Под эгидой клуба вышел известный доклад «Пределы роста», в котором ставился вопрос о пересмотре экономической логики, сделавшей рост главной политической целью, в то время как сопутствующие проблемы развития, экологические, демографические и иные, задвигались на второй план. В докладе демонстрировалось, что рост далеко не всегда может считаться однозначно положительным явлением, а наносимый им сопутствующий ущерб сопоставим с приносимыми им благами [Meadows et al., 1972].

Доклад отражал позицию той части научного сообщества, которую не устраивал привилегированный статус кейнсианской экономики, фактически занявшей место науки государственного управления. Кейнсианству,

CC BY

когда-то сумевшему выйти вперед в противостоянии с теориями прямого управления экономикой, теперь вновь пришлось столкнуться со старыми противниками. В пользу сторонников управления также играли существенно возросшие возможности компьютерного моделирования, а значит, и управления экономическими процессами.

Эти идеи пользовались поддержкой крупной промышленности. Среди создателей Римского клуба ее интересы представлял Аурелио Печчеи, бизнес-консультант, тесно связанный с итальянскими корпорациями «Фиат» и «Оливетти». Печчеи был известен как инициатор создания Атлантической группы развития Латинской Америки, а также был ключевым участником подготовки проекта Волжского автозавода в СССР, созданном в сотрудничестве с «Фиат». Он выражал точку зрения промышленных кругов, которые считали, что последняя волна роста ожидается в странах, остающихся за пределами ОЭСР, но после нее человечеству в целом придется перейти к экономической модели, не предполагающей постоянного увеличения суммы доступных благ. Образец для организации такого общества они видели в крупных высокотехнологичных корпорациях, в большей мере ориентированных на устойчивость, чем на извлечение сверхприбылей. А противостоящий капиталистическому миру СССР они были склонны расценивать как аналог такой корпорации, сочетающий гигантский потенциал с низкой эффективностью, и сотрудничество с этой корпорацией представлялось им более привлекательной перспективой, чем навязчивое противостояние [Peccei, 1981; Гвишиани, 2004].

Такой компромиссный взгляд также отвечал политическим интересам сообщества, которое представляли авторы доклада «Пределы роста» — ученые, продвигавшие системную методологию как способ решения общественных проблем. Эта методология, основанная на статистических закономерностях, в принципе была применима исключительно к масштабным задачам, и идея объединения человечества для решения глобальных проблем была по сути необходимым условием ее продвижения. И, конечно же, в случае если бы такое объединение состоялось, роль специалистов по системной методологии стала бы ключевой в аппарате, необходимом для нового — наднационального — уровня управления.

Однако в конкуренции победил другой проект, со временем получивший название *неолиберального*. Его главным проводником был, условно, военно-финансовый альянс. Общим направлением изменений стало смещение политических приоритетов на отрасли экономики, в которых сохранялась возможность извлекать сверхприбыли. На это претендовали в первую очередь инвестиционные банки, располагавшие избытком капитала, но ограниченные в спекулятивных операциях нормами, введенными в эпоху Великой де-

CC BY

прессии. Капитал мирился с этими ограничениями, пока существовала возможность извлекать прибыль из мирового доминирования американского промышленного экспорта, однако к 1970-м годам потенциал послевоенного восстановления был исчерпан, к тому же усилилась конкуренция внутри капиталистического мира, в том числе между США и восстановившимися ФРГ и Японией. Другим способом обеспечить высокую отдачу от вложений была агрессивная экономическая экспансия, осуществляемая при прямой военной поддержке — моделью в данном случае служил военный переворот в Чили 1973 года [Edwards, 2023]. И в этом смысле на Западе намечается раскол между, с одной стороны, промышленным капиталом и его союзниками, готовыми адаптироваться к условиям минимального экономического роста, и финансовым капиталом, намеренным пробивать путь к высокоприбыльным рынкам, невзирая на последствия.

Политически намерение сохранить высокие нормы прибыли реализуется в выдвижении в лидеры ключевых западных стран Великобритании и США рыночников Тэтчер и Рейгана, в идейном же плане — в обострении соперничества в экономической науке между кейнсианцами и либеральными экономистами, такими как Фридрих Хайек и Милтон Фридман. И если главным аргументом кейнсианцев против поколения рыночников 1930-х годов (к которому относился и Хайек) была Великая депрессия, то в 1970-е годы в качестве главного доказательства провала кейнсианской модели используется развернувшаяся в западных странах стагфляция [Талагаева, 2023].

Исходно аппарат ОЭСР оказывается на проигрывающей стороне этого идейного столкновения, что отражается, в частности, в тлеющем конфликте с рейгановской администрацией [Gayon, 2017]. Но, конечно, организация, полностью зависимая от финансирования стран-членов, не могла оказать серьезного сопротивления изменению курса, и ОЭСР довольно быстро перестраивается в соответствии с новыми приоритетами экономической политики.

Научное управление ОЭСР (в 1975 году переименованное в Управление науки, технологий и промышленности) также находит способ встроиться в новую политическую повестку. В его разработках происходит смещение акцента с исследовательской стадии на меры по поддержке технологических изменений, которые рассматривались как поле предпринимательской деятельности. В качестве же главного объекта политики, разрабатываемой управлением, «исследовательские системы» заменяются на «инновационные системы».

Инновации закрепляются в обороте ОЭСР в значении, которое приписывал им экономист Йозеф Шумпетер. По Шумпетеру, инновации — это главная задача предпринимателей, суть которой в том, чтобы изменить су-

CC BY

ществующую систему рынков, естественно, таким образом, чтобы извлечь прибыль. При этом он подчеркивал, что, хотя в основе инноваций и могут лежать какие-то изобретения, это не основной способ их осуществления [Schumpeter, 1984]. Следуя этому видению, научное управление ОЭСР берет на себя роль поборника интересов предпринимателей. Главной политической задачей становится обеспечение необходимой для предпринимательства инфраструктуры, включая доступность фундаментального научного знания. Эта инфраструктура описывается как «национальная инновационная система» — понятие, ставшее центральным в разработках управления в 1990-е [OECD, 1997b] и начале 2000-х годов [OECD, 2002].

3.3. Инновационная политика в ОЭСР

Завершение холодной войны распадом Советского Союза было воспринято на Западе как подтверждение состоятельности неолиберальной политики. И исторический блок, продвигавший это видение на протяжение 1980-х годов [Pass, 2019], фактически получает карт-бланш на реализацию своего мировоззрения теперь уже в мировом масштабе. Однако, как следует из грамшианской теории, устойчивость блока требует периодических реорганизаций, которые приводят его в соответствие с меняющимися условиями. И уже в начале 1990-х годов происходит раскол финансовой и военной составляющих «рейгановской» элиты: в мире, в котором у США и НАТО не осталось ни одного сопоставимого военного соперника, статус военных падает, что отражается, в частности, в том, что президент Джордж Буш, заслуженный участник холодной войны, на счету которого к тому же была считавшаяся блестящей иракская военная операция 1990 года, проигрывает выборы молодому политику Биллу Клинтону, поддержанному финансовым капиталом, но не связанному с военно-промышленным комплексом. И именно при Клинтоне складывается новая идеология, претендующая на формирование устойчивого исторического блока, — это программа «третьего пути», представляющая собой смесь социал-демократических и рыночных ценностей. Финансовому капиталу эта программа обеспечивала сокращение числа ограничений на движение средств и расширение возможностей спекулятивных операций. Работники же капиталистических стран в качестве компенсации за утрату стабильности, сопутствующую расширению свободы движения капитала, получали бурно развивающуюся сферу потребления, дешевые кредиты и доступ к зарубежным товарам и рынкам с привилегированных позиций. В роли же исключенных из исторического блока оказывались все группы, связанные с производственными отраслями экономики, которые столкнулись с усилением глобальной конкуренцией. Упрощая картину, раскол можно изобразить как прошедший между производственным сектором и сектором услуг:

CC BY

его логика была в том, что в новых условиях выигрывают максимально мобильные отрасли с минимальными капитальными затратами, как, например, финансовые услуги, и проигрывают те, которые наиболее прочно привязаны к территории и требуют наибольших вложений в основные средства, как, в частности, машиностроение.

Одновременно в 1990-е годы более резким стало разделение между странами капитала и странами труда [Коуп, 2022]. Первые изымали свою долю из реализации мирового продукта, в первую очередь, благодаря инвестициям, вторые — благодаря труду своих граждан. Собственно, первую группу и составляли страны ОЭСР, они же страны «глобального Севера», а вторую — страны «глобального Юга». Но соотношение между ними начало быстро меняться. Капитал перемещался туда, где сохранялись возможности эксплуатации, и, ожидаемо, страны Севера предпринимали усилия для сохранения своего преимущественного положения. Это стремление отражается уже в самом представлении об инвестициях как не только материальном, но и интеллектуальном вложении в виде технологий, участия уникальных специалистов и т. д. И по мере того, как преимущество Запада в капитале постепенно нивелировалось (тенденция, особенно заметная на примере Китая, уже в 2000-е годы превратившегося в главного мирового кредитора), интеллектуальный аспект западного участия акцентировался все сильнее. Защита преимуществ западного капитала выстраивалась прежде всего в форме исключительных прав, мировой режим охраны которых был существенно усилен Соглашением о торговых аспектах интеллектуальной собственности 1994 года, включенным в перечень обязательных документов ВТО. Но, несмотря на усиление, интеллектуальная собственность оставалась механизмом с ограниченным сроком действия, и для сохранения преимуществ требовалось постоянное пополнение «запаса» исключительных прав. Собственно, именно этот момент и должна была обеспечить инновационная политика.

При этом укрепление положения за счет «технологических инноваций», на которые делалась ставка в начале 1990-х годов, требовало значительных затрат, и к тому же шансы на появление таких инноваций снижались по мере сокращения промышленного потенциала. В то же время быстро растущий сектор услуг, который включал в себя всевозможные виды консультирования — технического, финансового, экономического и др. (образование, медицину и другие интеллектуальные отрасли), казалось, вполне был способен обеспечить приток новых решений, которые могли бы сохранить за странами ОЭСР конкурентное преимущество. И если первая версия Рекомендаций по сбору и анализу данных по технологическим инновациям — документ, известный по городу, где он был принят, как Ру-

CC BY

ководство Осло [OECD, 1992], — была нацелена именно на технологии, то уже во второй редакции, подготовленной в 1997 году, прямо указывается, что «предыдущая редакция настоящего руководства затрагивала только инновации в промышленности», однако «с тех пор фокус с точки зрения занятости и производительности сместился на сферу услуг» [OECD, 1997a, p. 29]. В связи с этим намечается главная проблема, требующая решения: «Инновации в сфере услуг часто нематериальны по своей природе, и вследствие этого им сложно обеспечить защиту» [OECD, 1997a, p. 29]. Частичное решение заключается в том, что, хотя руководство и ограничивает круг инноваций технологиями, но распространяет свое действие на сектор «продаваемых услуг» [OECD, 1997a, p. 30]. И в нем намечается круг отраслей, которые представляют наибольший интерес с точки зрения защиты осуществляемых в них инноваций: это, в первую очередь, производители программного обеспечения, которые характеризуются «возрастающим значением в большинстве инноваций, заявляемых как созданные промышленностью» [OECD, 1997a, p. 30]. А в качестве отраслей, которые «напрямую не связаны с товарным оборотом», но при этом «выступают проводниками социальных и технологических изменений», специально упоминаются «коммуникации, финансы, страхование и недвижимость, индустрия развлечений и обслуживание бизнеса» [OECD, 1997a, p. 30].

Помимо этого, хотя руководство и исключает организационные инновации как класс из сферы своего действия, в нем, тем не менее, обозначены основные признаки организационных изменений, которые можно рассматривать в качестве инновационных. К ним относятся «внедрение существенно измененных организационных структур; внедрение передовых менеджерских техник; внедрение новых или существенно измененных стратегических ориентиров компании» при условии, что «имеет место измеряемое изменение объема выпуска, как, например, рост производительности или продаж» [OECD, 1997a, p. 36—37].

Если редакция 1997 года только намечала перемену в соотношении технологических и организационных инноваций, то в третьей редакции руководства, вышедшей в 2005 году, состоялся очевидный пересмотр в пользу последних. Эта редакция освобождает понятие инновации от определения *технологические* и намеренно «раздвигает рамки измерения инноваций»: «Во-первых, большее внимание уделяется роли в инновационном процессе взаимосвязей между фирмами и другими организациями. Во-вторых, признается важность инноваций в менее наукоемких секторах, таких как услуги и низкотехнологичные производства... В-третьих, определение инновации расширено путем включения двух дополнительных типов инноваций — организационных и маркетинговых» [ОЭСР, 2006, с. 14].

CC BY

Фактически такие изменения отражают перемещение главной ставки стран ОЭСР с превосходства в технологическом производстве на все больше отрывающееся от производственной базы научно-техническое превосходство. Такое расширенное понятие инноваций соответствует продвигаемой в это время в ОЭСР концепции «экономики, основанной на знании», которая обосновывает возможность решить проблему убывания прибыли на капитал за счет притока нового знания [OECD, 1996]. В отличие от теории национальных инновационных систем, внимание которой было сосредоточено на уровне инновационной фирмы, осуществляющей технологические инновации, экономика знаний рассматривала инновационный процесс в макромасштабе — как приток знания в экономику, обеспечивающий ее постоянный рост [O'Donnovan, 2022]. И расширенное понятие инновации лучше вписывалось в такую модель.

Если же смотреть на эти изменения с точки зрения динамики в историческом блоке, интересы которого выражала ОЭСР, то в этот период влияние в нем все больше смещается в сторону электронного сектора, а внутри этого сектора — в пользу специалистов, ведущих разработки — главным образом программного обеспечения, а также консультативных и маркетинговых подразделений. Именно на первую половину 2000-х годов приходятся, в частности, продажа корпорацией «IBM» своего производства персональных компьютеров китайской компании «Lenovo», а также концентрация производства «Apple» на предприятиях «Foxconn», расположенных в Китае. Логика сокращения издержек, заставляющая выводить производство из развитых стран, влекла за собой постепенную утрату технологического превосходства, что, естественно, вызывало стремление обеспечить защиту преимуществ, которые еще оставались за странами ОЭСР. В качестве такового воспринималась мощная «база знаний»: если в 2000-е годы производство перетекало из развитых в развивающиеся страны, то поток научных кадров и студентов определенно двигался в обратном направлении. И «база знаний» рассматривалась не только как научно-исследовательская: в таких отраслях, как международное частное право, маркетинг, связи с общественностью, и в целом ряде других преобладающим влиянием в мире все так же пользовались западные консультанты.

Соответственно, в руководстве Осло речь идет именно о стремлении поддержать и защитить эти преимущества: «Влияние на инновационную активность оказывает также способность предприятий использовать ее результаты для получения выгоды. Если, скажем, предприятия не в состоянии защитить свои инновации от копирования конкурентами, у них будет меньше стимулов заниматься ими» [ОЭСР, 2006, с. 25].

При этом если технологическое превосходство было связано в первую очередь с производственными корпорациями, то преимущества в области

CC BY

знаний — с наукой и образованием, функционировавшими главным образом на некоммерческой основе. И в руководстве признается, что «инновации могут происходить в любом секторе экономики, включая государственные службы, такие как здравоохранение или образование» [ОЭСР, 2006, с. 20]. Хотя сами по себе такие инновации исключаются из сферы применения руководства, в качестве составной части инновационной деятельности коммерческих предприятий признается установление связей с исследовательскими учреждениями. Главным образцом таких связей, конечно, служит опыт электронного сектора, сложившегося в прямом взаимодействии с американскими университетами — за счет их разработок и благодаря созданной в них сильной школе программирования.

Перелом в воззрениях относительно роли некоммерческого сектора состоялся в последней редакции Руководства Осло, появившейся в 2018 году. В этой редакции прямо заявляется, что инновации могут иметь место в любом из секторов экономики — коммерческом, государственном и некоммерческом. При этом организационные и маркетинговые инновации более не рассматриваются как особые категории, а принимаются как равнозначные с технологическими «процессные» инновации. Акцент же в описании инновационного процесса делается именно на установлении связей между различными секторами. В результате существенно меняется понимание того, что учитывается как основная составляющая инновационного процесса. Если «процессные» инновации, включающие теперь структурные реорганизации и маркетинг, рассматриваются наравне с технологическими производственными инновациями, то понятно, что первые, требующие, как правило, значительно меньших затрат, чем последние, начнут доминировать в общем объеме инновационной деятельности, в результате чего изменится само общественное понимание того, что такое инновация. И если исходно ее прообразом служило техническое усовершенствование, то теперь этот образец уступает место маркетинговым и организационными решениям, которые в избытке готовы поставлять западные консультанты, причем не только коммерческие: продвигаемые некоммерческими фондами и институтами «демократизация», «социальная справедливость» и «разнообразие», которым приписываются в том числе способность повышать эффективность работы предприятий (под лозунгами «сила в разнообразии» и т. п.), в принципе, также подпадают под понятие инноваций.

Особое место в последней редакции занимает «цифровизация», которая к этому моменту выделена в качестве особого направления политических разработок ОЭСР [Carroll et. al., 2021]. В 2015 году параллельно с периодическим изданием «Перспективы науки, технологий и инноваций» научное управление ОЭСР начинает издавать «Перспективы цифровой экономики»

CC BY

[OECD, 2015], что подчеркивает особое место цифровизации в инновационной политике, продвигаемой ОЭСР. А в 2017 году организация дает старт Инициативе «Цифровой переход» с целью «помочь политикам достичь лучшего понимания происходящей в настоящее время цифровой трансформации и разработать инструменты для создания политической среды, способной сделать возможным процветание экономик и обществ в мире, развитие которого все в большей степени определяется цифровыми технологиями и информацией» [OECD, 2017, p. 5]. Такое фокусирование интереса — от инноваций в целом к цифровой трансформации — похоже на закольцовывание цикла, который начался в 1990-е годы с продвижения широкой инновационной политики, предполагавшейся как расширенное применение образца электронного сектора, а теперь, в свете неспособности большинства других отраслей повторить этот опыт (наиболее успешными в этом были биотехнологии, однако и в этом случае успех был менее масштабен и в значительной степени зависел от государственного субсидирования [Mirowski, 2011]), инновационная политика сосредотачивалась на поддержке работы непосредственно самой образцовой отрасли.

Соответственно, вышедшая на этом фоне редакция Руководства Осло содержит специальный раздел «Цифровизация и инновации», в котором в качестве примеров цифровых инноваций упоминаются «инновации в деловых моделях, основанных на информации», «действия по разработке данных, а также программного обеспечения», внедрение «компетенций управления данными», «анализ потоков знания», работа с «точками зрения общества и потребителей» с использованием «цифровых платформ» [OECD, 2018, p. 38]. Раздел очевидно работает на расширение понимания цифровых инноваций за пределы внедрения нового программного обеспечения: фактически инновационным теперь может считаться любой шаг, расширяющий использование цифровых инструментов. Такое расширение явно работает в интересах гигантов электронного сектора, которые имеют возможность извлекать прибыль одновременно и из использования доступных им массивов пользовательских данных, и из продажи аналитических инструментов.

Изменения, представленные в редакции 2018 года, четко соответствуют конфигурации исторического блока, сложившегося к концу 2010-х годов. Финансовый капитал, составляющий его основную экономическую базу, испытывает все больше сложностей в поиске возможностей получения прибыли, и главной отраслью из тех, которые представляются способными приносить высокий доход, остается электронная. К этому моменту она уже приобрела характер конгломерата монополистов, известного как «Big tech» [Данилин, 2020]. Способность этого конгломерата расти напрямую зависит от глобальной культурной гегемонии США, в свою очередь

CC BY

производной от их политического и экономического влияния. Это служит сближению электронных монополистов с правительственными структурами, а также их активному участию в секторе неправительственных политических организаций. Вместе эти группы составляют исторический блок, главный интерес которого — в расширении поля транснациональных транзакций, которое обеспечивает возможность высоких прибылей. Важное изменение по сравнению с предшествовавшим «неолиберальным» составом блока — в существенном усилении бюрократической составляющей. В определенном смысле это преобразование можно расценить как реванш бюрократии за сокращение их влияния в период разворачивания глобализации. Пережив вынужденный перевод в квазикоммерческий формат — в правительственных ведомствах от «гражданской службы» к «оказанию услуг» и «обеспечения инфраструктуры», а в вузах — от «башни слоновой кости» к «оказанию образовательных услуг», — образованная бюрократия постепенно вернула утраченное влияние. В 2010-е годы дискурсы «социальной справедливости», «мультикультурализма», «зеленого перехода» и др., продвигаемые преимущественно административным путем, явно потеснили в западных странах дискурс «свободного рынка» и «высвобождения предпринимательской инициативы».

4. Заключение = Conclusions

Если сопоставить политэкономический анализ инновационной политики с исследованиями в рамках направления «экономика инноваций», то становится очевидным, что они дают предельно разное восприятие этой категории. Но при этом между ними сложно найти прямые противоречия: экономика инноваций не отрицает, что инновационная политика отражает определенные интересы, она просто не придает этому моменту определяющего значения. Инновации рассматриваются здесь в рамках моделей, которые в принципе не предусматривают групповые интересы: в духе современной математизированной экономической науки они анализируют инновационную политику либо на уровне отдельной фирмы, извлекающей прибыль из регулируемой этой политикой инновационной деятельности, либо на уровне общества в целом, и в таком случае оценивается общественная польза, обеспечиваемая теми или иными политическими мерами. Применение такого подхода к инновационной политике подразумевает ее обоснование или же критику, но не изучение ее формирования в реальном политическом процессе, который представляет собой именно продвижение и балансировку различных групповых интересов. И в этом смысле политэкономический анализ акцентирует этот фактически выпадающий из внимания экономической науки контекст. Данный момент вдвойне важен, учитывая, что инновационная

политика относится к тем направлениям политической деятельности, основы которых в значительной мере формируются на международном уровне, где групповые интересы — это интересы транснациональных классов и групп стран. Буквальный перенос выработанных на этом уровне решений в национальную политику фактически приводит к имплантированию этих интересов во внутригосударственный процесс. Это не обязательно означает, что речь идет о внедрении враждебных интересов: они вполне могут совпадать с интересами национальных групп или же сочетаться с ними в рамках достигнутых компромиссов. Однако необходимо отдавать себе отчет, что эти привнесенные извне модели никогда не бывают нейтральными, они всегда отражают какие-то интересы. И, как показывает политэкономический анализ даже самых тщательно подготовленных официальных документов, полностью исключить следы этих интересов практически невозможно.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Руководство* Осло : рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. — Москва : ЦИСН, 2006. — 192 с. — ISBN 5-7602-0173-5.

2. *Dynamising* National Innovation Systems. — Paris : OECD, 2002. — 100 p. — ISBN 9264194460.

3. *Going* Digital: Making the Transformation Work for Growth and Well-Being. — Paris : OECD, 2017. — 30 p.

4. *National* Innovation Systems. — Paris : OECD, 1997b. — 48 p.

5. *OECD* Digital Economy Outlook 2015. — Paris : OECD, 2015. — 284 p. — ISBN 9264232273.

6. *Oslo* Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation, 4th Edition. — Paris : OECD, 2018. — 256 p. — ISBN 9789264304550.

7. *Proposed* Guidelines for Collecting and Interpreting Technological Innovation Data: Oslo Manual. — Paris : OECD, 1992. — 62 p.

8. *Proposed* Guidelines for Collecting and Interpreting Technological Innovation Data : Oslo Manual. — Paris : OECD, 1997a. — 93 p. — ISBN 9789264192263.

9. *Science* Economic Growth and Government Policy. — Paris : OECD, 1963. — 66 p.

10. *The Knowledge-Based* Economy. — Paris : OECD, 1996. — 45 p.

11. *The Limits* to Growth / D. H. Meadows, D. L. Meadows, J. Randers, W. Behrens. — New York : Universe Books, 1972. — 205 p. — ISBN 0-87663-165-0.

Литература

1. *Афонцев С. А.* Политические рынки и экономическая политика / С. А. Афонцев. — Москва : КомКнига, 2010. — 384 с. — ISBN 978-5-484-01207-7.

2. *Гвишиани Дж. М.* Мосты в будущее / Дж. М. Гвишиани. — Москва : URSS, 2004. — 372 с. — ISBN 5-354-00239-7.

3. *Грамши А.* Тюремные тетради / А. Грамши. — Москва : Издательство политической литературы, 1991. — Часть 1. — 560 с. — ISBN 5-250-00897-6.

4. *Данилин И. В.* Инновационная трансформация крупнейших интернет-платформ: тренды и влияние на национальные инновационные системы / И. В. Данилин // Международные процессы. — 2020. — № 4. — С. 127—142. — DOI: 10.17994/IT.2020.18.4.63.2.

5. *Коннов В. И.* Программы научной политики: парадигмальный анализ / В. И. Коннов // Полис. Политические исследования. — 2020. — № 1. — С. 9—21. — DOI: 10.17976/jpps/2020.01.02.

6. *Коуп З.* Разделенный мир, разделенный класс / З. Коуп. — Москва : Based Press, 2022. — 544 с. — ISBN 978-999999-1-47-6.

7. *Райнхардт Р. О.* «Система Италия» как пример инновационной экономической дипломатии / Р. О. Райнхардт // Вестник МГИМО-Университета. — 2015. — № 6. — С. 165—173.

8. *Райнхардт Р. О.* Эволюция понятия «экономическая дипломатия» в российских научных трудах / Р. О. Райнхардт // Право и управление. XXI век. — 2015. — № 1. — С. 104—109.

9. *Талагаева Д. А.* Развития представлений о рациональности в истории экономических учений XIX—XXI вв. / Д. А. Талагаева // Вестник Брянского государственного университета. — 2022. — № 1. — С. 249—264. — DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-01-249-264.

10. *Carroll P.* The OECD. A Study of Organisational Adaptation / P. Carroll, F. Kellow. — Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2011. — 320 p. — ISBN 9781845429546.

11. *Carroll P.* The OECD: A Decade of Transformation: 2011—2021 / P. Carroll, F. Kellow. — Berlin : De Gruyter, 2021. — 120 p. — ISBN 9783110739312.

12. *Clifton J.* The OECD and phases in the international political economy, 1961—2011 / J. Clifton // Review of International Political Economy. — 2011. — No. 5. — Pp. 552—569. — DOI: 10.1080/09692290.2011.620464.

13. *Cox R.* The 'British School' in the Global Context / R. Cox // New Political Economy. —2009. — Issue 3. — Pp. 315—328.

14. *Edwards S.* The Chile Project / S. Edwards. — Princeton : Princeton University Press, 2023. — 376 p.

15. *Gayon V.* Debating International Keynesianism: The Sense of the Acceptable and the Neoliberal Turn at the OECD / V. Gayon // Annales HSS (English Edition). — 2019. — No. 1. — Pp. 113—156. — DOI: 10.1017/ahsse.2018.21.

16. *Godin B.* Measurement and Statistics on Science and Technology 1920 to the present / B. Godin. — New York : Routledge, 2005. — 360 p.

17. *Godin B.* National Innovation System: The System Approach in Historical Perspective / B. Godin // Science, Technology, and Human Values. — 2009b. — No. 4. — Pp. 476—501.

18. *Godin B.* The information economy: the history of a concept through its measurement, 1949—2005 / B. Godin // History and Technology. — 2008. — Issue 3. — Pp. 255—287.

19. *Godin B.* The Making of Science, Technology and Innovation Policy: Conceptual Frameworks as Narratives, 1945—2005 / B. Godin. — Montreal : Centre Urbanisation Culture Société Institut national de la recherche scientifique, 2009a. — 212 p.

20. *Henriques L.* Policy-making in science policy: The 'OECD model' unveiled / L. Henriques, P. Laredo // Research Policy. — 2013. — Issue 3. — Pp. 801—816.

21. *Mechanisms* of OECD Governance / K. Martens, A. Jakobi (eds.). — Oxford : Oxford University Press, 2010. — 292 p.

22. *Mirowski P.* The Science-Mart: Privatizing American Science / P. Mirowski. — Cambridge : Harvard University Press, 2011. — 464 p.

23. *O'Donovan N.* Pursuing the Knowledge Economy / N. O'Donovan. — Newcastle : Agenda Publishing, 2022. — 232 p.

24. *Pass J.* American Hegemony in the 21st Century: A Neo Neo-Gramscian Perspective / J. Pass. — New York : Routledge, 2019. — 266 p.

25. *Peccei A.* One Hundred Pages for the Future: Reflections of the President of the Club of Rome / A. Peccei. — New York : Pergamon Press, 1981. — 191 p.

26. *Porter T.* The Role of the OECD in the Orchestration of Global Knowledge Networks / T. Porter, M. Webb // The OECD and Transnational Governance. — Vancouver : UBC Press, 2008. — Pp. 43—59.

27. *Savaget P.* Plurality in Understandings of Innovation, Sociotechnical Progress and Sustainable Development: An analysis of OECD Expert Narratives / P. Savaget, L. Acero // Public Understanding of Science. — 2017. — No. 5. — Pp. 611—628. — DOI: 10.1177/0963662517695056.

28. *Schmelzer M.* The Hegemony of Growth: The OECD and the Making of the Economic Growth Paradigm / M. Schmelzer. — Cambridge : Cambridge University Press, 2016. — 396 p.

29. *Schumpeter J.* The Theory of Economic Development / J. Schumpeter. — New Brunswick : Transaction Publishers, 1983. — 320 p.

30. *The innovation-growth* link in OECD countries: Could other macroeconomic variables matter? / R. Pradhan, M. Arvin, S. Bahmani, S. Bennett // Technology in Society. — 2017. — Vol. 51. — Pp. 113—123. — DOI: 10.1016/j.techsoc.2017.08.003.

31. *The OECD* and the International Political Economy Since 1948 / M. Leimgruber, M. Schmelzer. (eds). — Cham : Palgrave, Macmillan, 2017. — 363 p.

32. *The OECD* and Transnational Governance / R. Mahon, S. McBride (eds.). — Vancouver : UBC Press, 2008. — 324 p.

33. *Woodward R.* The Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) / R. Woodward. — New York : Routledge, 2022. — 176 p.

Статья поступила в редакцию 13.10.2023,
одобрена после рецензирования 03.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

Material resources

Dynamising National Innovation Systems. (2002). Paris: OECD. 100 p. ISBN 9264194460.

Going Digital: Making the Transformation Work for Growth and Well-Being. (2017). Paris: OECD. 30 p.

Meadows, D. H., Meadows, D. L., Randers, J., Behrens, W. (1972). *The Limits to Growth*. New York: Universe Books. 205 p. ISBN 0-87663-165-0.

National Innovation Systems. (1997b). Paris: OECD. 48 p.

OECD Digital Economy Outlook 2015. (2015). Paris: OECD. 284 p. ISBN 9264232273.

Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation. (2018). Paris: OECD. 256 p. ISBN 9789264304550.

Proposed Guidelines for Collecting and Interpreting Technological Innovation Data: Oslo Manual. (1992). Paris: OECD. 62 p.

Proposed Guidelines for Collecting and Interpreting Technological Innovation Data: Oslo Manual. (1997a). Paris: OECD. 93 p. ISBN 9789264192263.
Science Economic Growth and Government Policy. (1963). Paris: OECD. 66 p.
The Knowledge-Based Economy. (1996). Paris: OECD. 45 p.
The Oslo Manual: guidelines for collecting and analyzing innovation data. (2006). Moscow: CISN. 192 p. ISBN 5-7602-0173-5. (In Russ.).

References

Afontsev, S. A. (2010). *Political markets and economic policy*. Moscow: KomKniga. 384 p. ISBN 978-5-484-01207-7. (In Russ.).
Carroll, P., Kellow, A. (2011). *The OECD. A Study of Organisational Adaptation*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 320 p. ISBN 9781845429546.
Carroll, P., Kellow, A. (2021). *The OECD: A Decade of Transformation: 2011—2021*. Berlin: De Gruyter. 120 p. ISBN 9783110739312.
Clifton, J., Diaz-Fuentes, D. (2011). The OECD and phases in the international political economy, 1961—2011. *Review of International Political Economy, 5:* 552—569. DOI: 10.1080/09692290.2011.620464.
Cope, Z. (2022). *Divided world, divided class.* Moscow: Based Press. 544 p. ISBN 978-999999-1-47-6. (In Russ.).
Cox, R. (2009). The 'British School' in the Global Context. *New Political Economy, 3:* 315—328.
Danilin, I.V. (2020). Innovative transformation of the largest Internet platforms: trends and influence on national innovation systems. *International processes, 4:* 127—142. DOI: 10.17994/IT.2020.18.4.63.2. (In Russ.).
Edwards, S. (2023). *The Chile Project*. Princeton: Princeton University Press. 376 p.
Gayon, V. (2019). Debating International Keynesianism: The Sense of the Acceptable and the Neoliberal Turn at the OECD. *Annales HSS (English Edition), 1:* 113—156. DOI: 10.1017/ahsse.2018.21.
Godin, B. (2005). *Measurement and Statistics on Science and Technology 1920 to the present*. New York: Routledge. 360 p.
Godin, B. (2008). The information economy: the history of a concept through its measurement, 1949—2005. *History and Technology, 3:* 255—287.
Godin, B. (2009a). *The Making of Science, Technology and Innovation Policy: Conceptual Frameworks as Narratives, 1945—2005*. Montreal: Centre Urbanisation Culture Société Institut national de la recherche scientifique. 212 p.
Godin, B. (2009b). National Innovation System: The System Approach in Historical Perspective. *Science, Technology, and Human Values, 4:* 476—501.
Gramsci, A. (1991). *Prison notebooks, 1* Moscow: Publishing House of Political Literature. 560 p. ISBN 5-250-00897-6. (In Russ.).
Gvishiani, J. M. (2004). *Bridges to the future*. Moscow: URSS. 372 p. ISBN 5-354-00239-7. (In Russ.).
Henriques, L., Laredo, P. (2013). Policy-making in science policy: The 'OECD model' unveiled. *Research Policy, 3:* 801—816.
Konnov, V. I. (2020). Scientific policy programs: paradigmatic analysis. *Polis. Political studies, 16:* 9—21. DOI: 10.17976/jpps/2020.01.02. (In Russ.).
Leimgruber, M., Schmelzer, M. (eds.). (2017). *The OECD and the International Political Economy Since 1948*. Cham: Palgrave, Macmillan. 363 p.

Mahon, R., McBride, S. (eds.). (2008). *The OECD and Transnational Governance*. Vancouver: UBC Press. 324 p.

Martens, K., Jakobi, A. (eds.). (2010). *Mechanisms of OECD Governance*. Oxford: Oxford University Press. 292 p.

Mirowski, P. (2011). *The Science-Mart: Privatizing American Science*. Cambridge: Harvard University Press. 464 p.

O'Donovan, N. (2022). *Pursuing the Knowledge Economy*. Newcastle: Agenda Publishing. 232 p.

Pass, J. (2019.). American Hegemony in the 21st Century: A Neo Neo-Gramscian Perspective. New York: Routledge 266 p.

Peccei, A. (1981). *One Hundred Pages for the Future: Reflections of the President of the Club of Rome*. New York: Pergamon Press. 191 p.

Porter, T., Webb, M. (2008). The Role of the OECD in the Orchestration of Global Knowledge Networks. In: *The OECD and Transnational Governance.* Vancouver: UBC Press. 43—59.

Pradhan, R., Arvin, M., Bahmani, S., Bennett, S. (2017). The innovation-growth link in OECD countries: Could other macroeconomic variables matter? *Technology in Society, 51:* 113—123. DOI: 10.1016/j.techsoc.2017.08.003.

Reinhardt, R. O. (2015). Evolution of the concept of "economic diplomacy" in Russian scientific works. *Law and Management. XXI Century, 1:* 104—109. (In Russ.).

Reinhardt, R. O. (2015.). "Sistema Italy" as an example of innovative economic diplomacy. *Bulletin of MGIMO-University, 6:* 165—173. (In Russ.).

Savaget, P., Acero, L. (2017). Plurality in Understandings of Innovation, Sociotechnical Progress and Sustainable Development: An analysis of OECD Expert Narratives. *Public Understanding of Science, 5:* 611—628. DOI: 10.1177/0963662517695056.

Schmelzer, M. (2016). *The Hegemony of Growth: The OECD and the Making of the Economic Growth Paradigm*. Cambridge: Cambridge University Press. 396 p.

Schumpeter, J. (1983). *The Theory of Economic Development*. New Brunswick: Transaction Publishers. 320 p.

Talagaeva, D. A. (2022). Development of ideas about rationality in the history of economic doctrines of the 19th—21st centuries. *Bulletin of Bryansk State University, 1:* 249—264. DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-01-249-264. (In Russ.).

Woodward, R. (2022*). The Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD).* New York: Routledge. 176 p.

The article was submitted 13.10.2023;
approved after reviewing 03.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Валитов А. А. Тюменский район в 1920-е годы : численность поселений и особенности развития / А. А. Валитов, В. С. Сулимов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 288—304. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-288-304.

Valitov, A. A., Sulimov, V. S. (2023). Tyumen District in 1920s: Settlement Numbers and Development Features. *Nauchnyi dialog, 12* (10): 288-304. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-288-304. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-288-304

Тюменский район в 1920-е годы: численность поселений и особенности развития

Валитов Александр Александрович [1]
orcid.org/0000-0002-2338-7880
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
val11@bk.ru

Сулимов Вадим Сергеевич [2]
orcid.org/0000-0002-0688-3831
доктор исторических наук, профессор
sulimov1968@mail.ru

[1] Тобольская комплексная
научная станция
Уральского отделения
Российской академии наук
(Тобольск, Россия)

[2] Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Tyumen District in 1920s: Settlement Numbers and Development Features

Alexander A. Valitov [1]
0000-0002-2338-7880
Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher
val11@bk.ru

Vadim S. Sulimov [2]
0000-0002-0688-3831,
Doctor of Historical Sciences, Professor
sulimov1968@mail.ru

[1] Tobolsk complex scientific station
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Tobolsk, Russia)

[2] University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

© Валитов А. А., Сулимов В. С., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предметом исследования выступают сельские поселения Тюменского района в первой четверти XX столетия. Отмечается, что в этот период Тюменский район располагался в центре Тюменского округа, находясь на первом месте по показателю численности населения (44 545 человек) и по площади занимаемой территории (5,4 тыс. кв. км). На примере сельских поселений рассмотрены изменения в численности и типологии населенных пунктов, входящих в состав Тюменского района. Установлено, что поселенческая сеть района состояла из 177 населенных пунктов, относящихся к 11 типам, при этом значительное число в ней занимали деревни — более 50 %. Данный факт свидетельствует о том, что в староосвоенных регионах поселенческие сети, несмотря на различные внешние и внутренние факторы, существовали практически в неизменном виде. Выявлено 15 сел, которые создавали каркас поселенческой сети Тюменского района, обладали устойчивостью, успешно адаптировались к новым условиям. Например, данные 1912 и 1926 года свидетельствуют о том, что численность населения в данных населенных пунктах росла, особенно в тех поселениях, которые занимали выгодное (центральное) положение внутри существующей сети. Многие сёла Тюменского района именно в советский период обрели данный статус, хотя еще в начале XX века они были деревнями. Между населенными пунктами успешно выстраивались новые связи благодаря транспортному фактору (наличию железной дороги, трактовых дорог и судоходной водной артерии — реки Туры).

Ключевые слова:
сельские поселения; Тюменский район; СССР.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The subject of this study is the rural settlements of the Tyumen district in the first quarter of the 20th century. It is noted that during this period, the Tyumen district was situated at the heart of the Tyumen region, ranking first in terms of population size (44,545 people) and the area of territory covered (5.4 thousand square kilometers). The paper examines changes in the number and typology of settlements within the Tyumen district through the lens of its rural localities. It has been established that the district's settlement network consisted of 177 localities, falling into 11 types, with villages making up a significant proportion — over 50%. This fact indicates that in long-settled regions, settlement networks have existed in virtually unchanged forms despite various external and internal factors. Fifteen villages were identified as creating the framework of the Tyumen district's settlement network, demonstrating resilience and successfully adapting to new conditions. For instance, data from 1912 and 1926 show that population numbers in these localities were growing, especially in those settlements occupying advantageous (central) positions within the existing network. Many villages in the Tyumen district attained this status during the Soviet period, even though at the beginning of the 20th century they were mere villages. Successful new connections between settlements were facilitated by transportation factors (the presence of railways, tract roads, and a navigable water artery — the Tura River).

Key words:
rural settlements; Tyumen district; USSR.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).084+94:314.148(571.12)“192”

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Тюменский район в 1920-е годы: численность поселений и особенности развития

© Валитов А. А., Сулимов В. С., 2023

1. Введение = Introduction

Формирование поселенческой сети Тюменского района связано с освоением русскими Сибири в XVI веке. Тюмень — первый русский город региона, основанный в 1586 году, способствующий освоению и становлению сети населённых пунктов на территории, где в 1920-е годы будет расположен Тюменский район.

На первую четверть XX века в России пришлись крупные преобразования и потрясения, во многом данные процессы отразились на изменении существующей каркасно-поселенческой сети, представленной городскими и сельскими поселениями в Западной Сибири.

В качестве важного условия, определяющего отечественную специфику развития сельской поселенческой сети, является обращение к опыту изучения региональных аспектов искомой проблемы. Развитие и изменение сельских поселений в разные исторические эпохи происходило под влиянием ряда переменных факторов: разнообразные реформы (административно-территориального управления, экономические, военные и т. д.), развитие коммуникационной сети, политические и военные потрясения; а также ряд постоянных факторов, в том числе природно-географические условия, которые определяли хозяйственное освоение и дальнейшее социально-экономическое развитие определенной территории.

Целью статьи является анализ поселенческой сети Тюменского района, который представлял собой один из наиболее развитых в советское время районов Тобольской (Тюменской) губернии, а позже Уральской области.

Выбор территориальных рамок исследования объясняется центральным административным положением Тюменского района в составе округа.

Хронологические рамки исследования связаны с историческим периодом первой четверти XX века, именно в этот временной отрезок проходили важные события в истории России: войны и революции.

Серьезное научное осмысление развития сельских поселений принадлежит исследователям в области исторической географии, статистики, демографии. Среди фундаментальных работ, заложивших основу методологического инструментария для исторических исследований, можно на-

звать следующих авторов. В частности, В. А. Добряков предложил использовать картографический метод с помощью, которого можно достаточно эффективно проследить изменение в численности населения определенного региона [Добряков, 2012. с. 9].

Д. О. Егоров и В. С. Шурупина составили типологию сельских поселений, насчитав 12 типов, связав их людностью, выделив общие закономерности сельского расселения в России [Егоров, 2018. с. 6—14]. На материалах Якутии схожую работу провели исследователи Г. А. Пономарева и В. И. Бубякин, они пришли к выводу о зависимости сельских поселений, составляющих каркас поселенческий сети региона, от природно-географического фактора. Авторы определили, что устойчивые селения, как правило, «располагались по берегам рек (в долинах, поймах) и термокарстовых озер, то есть в местах, которые были хорошо обеспечены питьевой водой и благоприятны для сельскохозяйственной деятельности, а также развития транспортных коммуникаций» [Пономарев, 2013, с. 57].

Д. А. Ляпин также связал развитие и изменение числа сельских поселений с географическим расположением, привлекая материалы Елецкого уезда [Ляпин, 2019, с. 480]. Важным направлением темы сельских поселений стало изучение дворности, в частности, М. А. Мацук указал, что данный признак выступал в качестве ключевого в процессе колонизации новых территорий [Мацук, 2018, с. 12].

Среди современных исследователей сельских поселений Тюменской области обстоятельной является публикация А. В. Шелудкова и М. А. Орлова, которые связывают динамику сельского расселения с топологией сети населенных пунктов [Шелудков, 2019, с. 62].

Осмысление развития сельских поселений в России в первой четверти XX столетия в целом и в том числе исторического опыта отдельных регионов предпринимали ряд авторов: Н. Я. Гущин, Д. С. Жуков, В. В. Канищев, Я. А. Кузнецова, Л. Н. Мазур, А. Ю. Саран [Гущин, 1995; Жуков, 2019; Кузнецова, 2021; Мазур, 2012; Саран, 2014].

Исследование поселенческой сети становится популярным направлением в области исторических исследований, имеющих целью осмысление проходивших на рубеже XIX—XX столетия процессов. Отметим серию публикаций А. Н. Татарниковой, в которых проанализирован исторический опыт развития поселений Новосибирского и Томского округа в 1920-е годы. Автор делает вывод о влиянии ряда факторов на развитие поселенческой сети, таких как природно-географический, демографический, экономический и социокультурный [Татарникова, 2023а; Татарникова, 2022б].

Представление об изменениях в территориальном устройстве в исследуемом регионе дает сборник «Административно-территориальное

CC BY

деление Тюменской области (XVII—XX в.)» [Административно-территориальное деление ..., 2003]. В зарубежной историографии также существует определенный интерес к изучению изменений в поселенческой сети в XX столетии [Hauer, 2023].

Новизна исследования определяется тем, что в отечественной историографии впервые рассмотрены особенности развития поселенческой сети Тюменского района исследуемого периода, а также произведена типология и характеристика существующих сельских поселений.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В качестве основных источников привлекались материалы, содержащиеся в официальных статистических сборниках.

Названные материалы являются уникальными источниками о развитии поселенческой сети. Первые отчеты стали появляться еще во второй половине XIX века, а последние относятся к концу 1920-х годов.

Данные отчеты публиковались в форме списков населенных мест. В исследовании первый отчет представлен в виде «Списка населенных мест Тобольской губернии за 1912 год» [Список, 1912; Список, 1928]. Указанный сборник представляет собой не просто отчет, а важный источник, включающий полный перечень населенных пунктов губернии.

Статистические справочники не просто содержат перечень поселений и административно-территориальное деление, а выступают в качестве источника разнообразной информации. В них содержатся социально-экономические показатели, а также достойное место отводится культурному и духовному развитию региона.

В советское время, в частности в 1920-х годах, потребности и нужды плановой экономики также диктовали определенные правила, нацеленные на введение учета поселенческой сети. Именно в этот период созданы полные «Списки населенных пунктов Уральской области», на сегодня они являются единственными источниками, которые содержат качественные материалы административного и статистического учета. Составители сборника стремились предоставить полную информацию об имеющихся населенных пунктах области, в том числе и об исследуемом районе [Список, 1928].

В качестве основных методов авторы привлекали статистический метод изучения официальных источников, для анализа и выявления сходных явлений в разные эпохи — историко-сравнительный и историко-типологический методы. Данный методологический инструментарий способствовал обобщению и комплексному представлению анализируемой проблемы.

CC BY

Территориальные рамки исследования совпадают с границами Тюменского района на 1926 год и обусловлены расположением сельских поселений, выбранных в качестве реперных точек для анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общая характеристика Тюменского района

Тюменский район представлял собой новую административно-территориальную единицу, которая была создана в ноябре 1923 года в результате очередного этапа районирования советскими органами власти. Согласно принятым решениям в состав Тюменского района включили 13 волостей и 40 сельсоветов [Административно-территориальное деление ..., 2003, с. 65]. На 1926 год количество сельских советов сократилось до 35.

Район занимал центральное место в рамках образованного Тюменского округа Уральской области: общая площадь его составляла около 5 400 км^2. Он также имел выгодное природно-географическое расположение: по его территории протекали важные водные артерии — реки Тура и Пышма.

В составе района выделяли ряд частей, первая находилась на севере и была представлена низменной равниной, на которой располагался ряд торфяных болот, вторая — в бассейне рек Туры и Пышмы с ровными площадями, а третья — на юге на правом берегу р. Пышмы; см. карту Тюменского района на 1926 год (рис. 1).

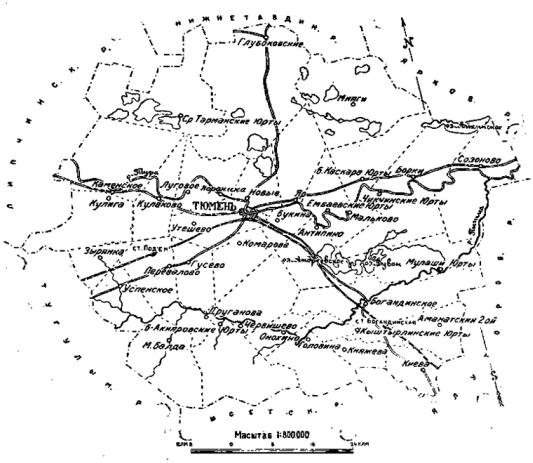

Рис. 1 Карта Тюменского района 1926 года

В целом почвы в районе были плодородными, сам он был богат лесами, на севере елово-пихтовыми, а на юге лиственными. Влажность и тем-

пературный режим средний, годовое количество осадков составляло около 300 мм, а средняя годовая температура приближалась к +1,50 [Список, 1928, с. 22].

В качестве важных производительных и экономических сил в районе преобладало сельское хозяйство: по характеру севооборота и производительным силам он занимал пятое месте среди других районов в Тюменском округе.

В качестве основного направления развития сельского хозяйства Тюменского района в исследуемый период выступало полеводство.

Основные посевные культуры представлены далее (рис. 2).

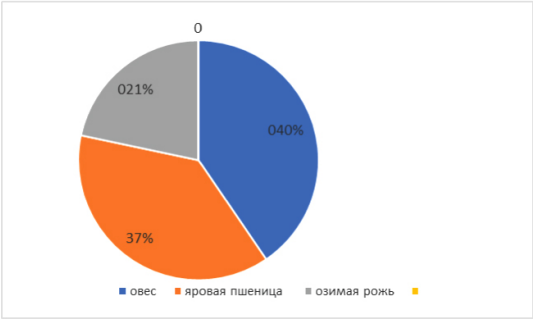

Рис. 2. Основные посевные культуры в Тюменском районе в 1926 году

Анализируя развитие животноводства, можно указать на то, что в 1920-е годы уровень обеспеченности населения скотом в Тюменском районе был достаточно низким, если сравнивать с имеющимся средним показателем, который был характерен для Тюменского округа. Так, на одно хозяйство приходилось рабочих лошадей — 1,6, коров — 1,5 и овец — 3. С другой стороны, район характеризовался высоким уровнем землеустройства. По данным на 1926 год, он достигал 51 % от всей имеющейся территории [Список, 1928, с. 22].

Рассматривая производственные силы, следует обратить внимание на самый высокий уровень распространения промышленности в исследуемом районе в отличие от других сельских районов Тюменского округа.

Например, на 1926 год численность местного населения, занятого в мелкой промышленности, насчитывала около 3 800 человек.

В частности, в районе местные жители использовали имеющиеся природные ресурсы. Наиболее развитым видом кустарного производства являлась обработка древесины, в таблице 1 представлены данные по видам промыслов.

CC BY

Таблица 1

Кустарные промыслы в Тюменском районе, 1926 год *

№	Наименование промысла	Количество занятых
1	рогожно-кулеткацкий	2 559
2	бондарный	235
3	кузнечное	173
4	ковровое	147
5	портняжное	133
6	пимокатное	109
7	производство сит	104
8	столярное	96
9	плетение корзин и коробов	88
10	производство кошев, саней и телег	68
11	сапожное	12
Итого		3 724

* Подсчитано по: [Список, 1928, с. 10, 22].

Кроме кустарной промышленности, на территории района действовали крупные заводы и фабрики, на которых трудились сотни рабочих, например, Успенская писчебумажная фабрика Тюменского Промкомбината, а также паровая мельница Переваловского сельского хозяйственного кредитного товарищества.

По данным на 1926 год, в Тюменском районе проживало 44 545 человек, по численности населения он был на первом месте в Тюменском округе [Список, 1928, с. 11]. В национальном плане преобладали русские, второй по численности нацией были татары, национальный состав района представлен на рис. 3.

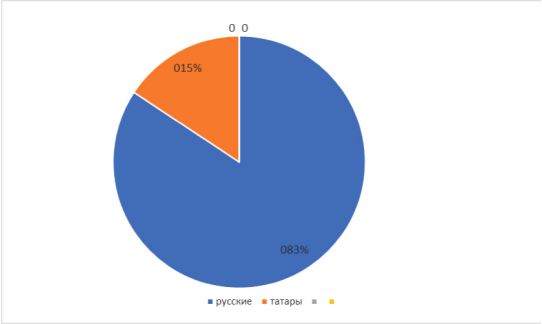

Рис. 3 Национальный состав Тюменского района на 1926 год

CC BY

Остальные национальности не достигали даже 0,5 %: зыряне, китайцы, латыши поляки, румыны, чуваши, украинцы, эстонцы.

Дети школьного возраста составляли 8 % от всего населения района, в целом обеспеченность детей образовательными учреждениями достигала 78 %, более 56,6 % проходили обучение в школе, в целом грамотность среди жителей составляла 34,3 % [Список, 1928, с. 22].

Социокультурная инфраструктура района была достаточно развитой (табл. 2).

Таблица 2

Социокультурная инфраструктура в Тюменском районе, 1926 год *

№	Наименование объекта	Количество
1	культурно-просветительские учреждения	45
2	школы 1 ступени	51
3	больница	6
4	врачебно-фельдшерские пункты	6
5	ветеринарные пункты	4
6	почтовое отделение	4
7	государственные торговые предприятия	9
8	кооперативные торговые предприятия	23
9	частные торговые предприятия	5
Итого:		153

* Подсчитано по: [Список, 1928, с. 10, 22].

Действующая социокультурная инфраструктура района удовлетворяла потребностям и отвечала на запросы населения в просветительских, медицинских и культурных учреждениях.

Тюменский район отличался хорошо развитой транспортной доступностью, Тюмень как узловая станция обеспечивала коммуникации по Пермскому и Омскому участкам железной дороги. Протекавшая по территории р. Тура использовалась в качестве судоходной, а также по району проходили важные трактовые дороги в направлении городов Камышлов, Курган, Тобольск, Туринское, и Ялуторовск.

Тюменский район отличался сравнительно низкой плотностью населения: из 13 районов Тюменского округа он находился на девятом месте, насчитывал 8,25 человек на кв. км.

Самую высокую плотность в Тюменском округе имели Исетский и Шатровский районы (в первом на один км^2 приходилось 17,32 человека, во втором — 16,40), которые занимали выгодное природно-географическое

CC BY

положение на юге округа и являлись лидерами в области сельского хозяйства [Там же, с. 10, 11].

3.2. Численность поселений, людность и дворность

Тюменский район по количеству сельских поселений находился на первом месте в округе: на 1926 год там насчитывалось 177 населенных пунктов, вторым шел Талицкий район — 160, а на третьем находился Нижнетавдинский район — 136. Всего на территории проживало 44 545 человек, по численности он был первым в округе.

Поселенческая сеть Тюменского района была представлена разного типа населенными пунктами всего их было 11 видов, данные о типе поселений представлены в таблице (табл. 3).

Таблица 3

Типы поселений в Тюменском районе, 1926 год*

№	Тип населенного пункта	количество	%
1	деревня	87	50,29
2	село	15	8,77
3	поселок	11	5,85
4	выселок	11	5,85
5	при железной дороге (будка ж.д., полуказарма ж.д., разъезд ж.д, казарма)	31	17,54
6	заимка	10	5,26
7	хутор	6	2,92
8	совхоз	1	0,58
9	мельница	1	0,58
10	кордон	2	1,17
11	учхоз	1	0,58
Итого		177	100

* Подсчитано по: [Список, 1928, с. 60—73].

Преобладающим типом поселений в Тюменском районе выступали деревни — 50,29 %, а за ними шли населенные пункты, связанные с действующим участком Транссибирской магистрали (будка, полуказарма, разъезд, казарма ж.д.) — 17,54 %, далее находились крупные населенные пункты (сёла) — 8,77 %, на четвертой позиции поселки и выселки — 5,85 %.

Значительное преобладание в Тюменском районе деревень свидетельствует о том, что данная сеть поселений сложилась с началом русского освоения Западной Сибири в конце XVI — начале XVII веков. Данные территории относились к староосвоенным и давно обжитым людьми поселениям. Если обратить внимание на расположение деревень в районе, они

CC BY

практически все находились на удобных землях, в том числе вдоль берегов рек и озер. Прохождение по району участка железной дороги способствовало развитию и сохранению населенных пунктов, связанных с содержанием и обслуживанием транспортной сети.

Среди важных изменений данного периода стало возникновение и появление нового типа поселений, которые в Тюменском районе были представлены в единичном варианте, например, учебное-опытное хозяйство в Ульяновке, относящееся к Утяшевскому сельсовету, и совхоз в Черной Речке в Балдинском сельсовете.

С другой стороны, на исследуемой территории в советский период исчез инородческий тип поселений — юрта, они все автоматически стали деревнями. При этом термин *юрта* сохранился в названиях данных населенных пунктов. Традиционно в них проживали представители сибирских татар и бухарцы. Всего таких деревень насчитывалось 18: Больше-Акияровские Юрты, Мало-Акияровские Юрты, Ембаевские Юрты, Тураевские Юрты, Березовские Юрты, Янтыковские Юрты, Казаровские Юрты, Матмасовские Юрты, Новые Юрты, Верхне-Тарманские Юрты, Нижне-Тарманские Юрты, Средне-Тарманские Юрты, Аманатские Юрты, Кыштырлиинские Юрты, Андреевские Юрты, Есаульские Юрты, Чикичнские Юрты, Якушевские Юрты. Титульным населением в данных населенных пунктах были татары [Список, 1928, с. 64—73].

Рассмотрим динамику изменения численности населенных пунктов, которые образовали в 1920-е годы каркас всей поселенческой сети Тюменского района.

На протяжении исследуемого периода можно выделить следующие тенденции. Населенные пункты, представленные в (табл. 4) существовали и раньше. На 1912 год семь из них относились по своему типу к деревне, а в 1926 году они все приобрели статус села, следовательно, в исследуемый период данные поселения активно развивались, что в конечном итоге к привело к росту числа жителей.

При этом в процентном соотношении при сравнении двух исторических срезов 1912 и 1926 годов видно, что у ряда поселений был значительный скачок в увеличении числа жителей. Так, в с. Онохино он составил более 300 %, кроме того, рост более 100 % демонстрирует бывшая деревня, а в 1926 году уже село Утяшево, на более чем 60 % выросло население в с. Луговском и с. Созоново.

В целом, оценивая изменения в динамике населения Тюменского района, можно отметить, что она имела положительный характер. Каркасные поселения, представленные в (табл. 4), выступали в качестве важных элементов внутрирайонной центральности, что обеспечивало им постоянный рост.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Таблица 4

Численность населения в каркасных населенных пунктах Тюменского (уезда) района, 1912 и 1926 годы*

№	Село	1912	1926	%
1	Антипино (ранее деревня)	522	726	39
2	Богандинское	1030	557	- 45, 9
3	Гусево (ранее деревня)	609	808	32,6
4	Зыряновское (ранее деревня)	461	619	34,2
5	Каменское	1064	1062	-0,18
6	Кулаково	1251	1444	15,4
7	Луговское (ранее деревня)	331	544	64,3
8	Мальково (ранее деревня)	660	756	14,5
9	Онохино (ранее деревня)	180	722	301
10	Перевалово	647	788	12,7
11	Созоново (деревня)	699	1132	61,9
12	Червишево	1004	1221	21,6
13	Успенское	1322	1729	30,7
14	Утяшево (ранее деревня)	261	530	103
15	Яр (ранее деревня)	776	859	10,6

* Подсчитано по: [Список, 1912, с. 472—506; Список, 1928, с. 64—73].

Несмотря на ряд факторов первой четверти XX столетия, отрицательно влияющих на демографическую ситуацию: две революции, Первая мировая и гражданские войны, — отрицательный процент присутствовал только в с. Богандинском. Однако данные в этом случае связаны с территориальным выделением из его состава ряда самостоятельных населенных пунктов в 1920-е годы.

Дворность в каркасных поселениях составляла на 1926 год 31,52 % от общего числа дворов. Далее в таблице представлена динамика изменения дворности в населенных пунктах в 1912 и 1926 годах (табл. 5).

При этом прослеживается прямая зависимость между ростом числа дворов и количеством населения в анализируемых селениях.

В целом людность по Тюменскому району была средней: на один сельсовет приходилось 1273 чел., на один сельский населенный пункт 252 чел. Наиболее людными в Тюменском округе были Емуртлинский, Исетский, Суерский, Шатровский районы.

Поселенческая сеть Тюменского района была однородной, и в ней преобладали населенные пункты, относящиеся к типу «деревня». По этническому составу значительный процент составляли русские, на втором месте

CC BY

Таблица 5

Дворность в каркасных поселениях Тюменского (уезда) района, 1912 и 1928 годы*

№	Село	1912	1926	%
1	Антипино	117	165	41
2	Богандинское	95	146	54
3	Гусево	109	130	19
4	Зыряновское	127	153	20
5	Каменское	214	245	14
6	Кулаково	255	387	52
7	Луговское	57	135	137
8	Мальково	127	180	42
9	Онохино	201	171	-15
10	Перевалово	133	216	62
11	Созоново	137	252	84
12	Червишево	205	297	45
13	Успенское	173	417	141
14	Утяшево	47	132	181
15	Яр деревня	120	185	54

* Подсчитано по: [Список, 1912, с. 472—506; Список, 1928, с. 64—73].

находились татары. Основу всей поселенческой сети образовывали каркасные сельские пункты (15), которые в исследуемый период обеспечивали устойчивость социокультурной инфраструктуры, а также способствовали росту населения.

4. Заключение = Conclusions

Многочисленные административные преобразования в исследуемом регионе, направленные на совершенствование системы управления, привели к формированию таких административно-территориальных единиц, как округ, уезд.

В первой четверти XX века Тюменский район располагался в центре Тюменского округа, находясь на первом месте по показателю численности населения, составлявшей 44 545 чел., и по площади занимаемой территории — 5,4 тыс. кв. км.

Поселенческая сеть района состояла из 177 населенных пунктов, относящихся к 11 типам, при этом значительное число в ней занимали деревни — более 50 %, в отличие от данных, полученных А. И. Татарниковой по другим регионам Западной Сибири, в которых преобладали заимки (в Бий-

ском округе), хутора (в Томском округе), поселения (в Новосибирском округе) [Татарникова, 2023, с. 500—501].

Данный факт свидетельствует о том, что в староосвоенных регионах поселенческие сети, несмотря на различные внешние и внутренние факторы, существовали практически в неизменном виде.

Тюменский район обладал выгодными природно-географическими условиями, развитой сетью социокультурных учреждений. Среди новых типов сельских поселений можем назвать учхоз и совхоз, которые соответствовали новой советской эпохе.

Выявленные и проанализированные нами 15 сел, которые создавали каркас поселенческой сети Тюменского района, обладали устойчивостью, а также они успешно адаптировались к новым условиям. Например, данные 1912 и 1926 года свидетельствуют о том, что численность населения в данных населенных пунктах росла, особенно в тех поселениях, которые занимали выгодное (центральное) положение внутри существующей сети.

Многие села Тюменского района именно в советский период обрели данный статус, хотя еще в начале XX века они были деревнями.

Положительная динамика в росте населения, людности и количестве дворов в поселенческой сети Тюменского района позволяет сделать вывод о ее успешной адаптации к меняющимся условиям. Данные процессы проходили за счет выстраивания новых связей между существующими населенными пунктами благодаря транспортному фактору, а именно наличию железной дороги, трактовых дорог, а также судоходной водной артерии — р. Туры.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Список* населенных мест Тобольской губернии : [составлен по сведениям на 15 июля 1909 года, полученным от уездных исправников и волостных правлений]. — Тобольск : Изд. Тобольского губернского статистического комитета, 1912. — 634 с.

2. *Список* населенных пунктов Уральской области : [в 16 т. : таблицы]. Тюменский округ. — Свердловск : изд. орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов, 1928. — Т. 14. — XXVIII, 114 с.

Литература

1. *Административно-территориальное* деление Тюменской области (XVII—XX вв.). — Тюмень : ООО ТНЦ «ТюменНИИГипрогаз», ФГУ ИПП «Тюмень», 2003. — 304 с. — ISBN 5-87591-025-9.

2. *Гущин Н. Я.* Население Сибири в XX веке : основные тенденции и катаклизмы в развитии / Н. Я. Гущин. — Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1995. — 82 с.

3. *Добрякова В. А.* Изучение динамики изменений людности поселений картографическими методами / В. А. Добрякова // Вестник Тюменского государственного университета. Экология и природопользование. — 2012. — № 4. — С. 6—9.

4. *Егоров Д. О.* Сельское расселение России : типология территории по людности сельских населенных пунктов / Д. О. Егоров, В. С. Шурупина // Региональные исследования. — 2018. — № 4 (62). — С. 4—16.

5. *Жуков Д. С.* «Если бы не было войны» : моделирование демографических процессов в российской деревне 1930—1950-х гг. (по материалам Тамбовской области) / Д. С. Жуков, В. В. Канищев // Вестник Пермского университета. Серия : История. — 2019. — № 3. — С. 118—136. — DOI: 10.17072/2219-3111-2019-3-118-136.

5. *Иваненко А. С.* Тюменский район / А. С. Иваненко. — Тюмень : Печатный дом «Тюмень», 2008. — 304 с. — ISBN 978–5–903741–05–2.

6. *Кузнецова Я. А.* Формирование населения и динамика развития российского севера в 1920-е гг. / Я. А. Кузнецова // Арктика и Север. — 2021. — № 43. — С. 161—189. — DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.43.161.

7. *Ляпин Д. А.* Сельские поселения Елецкого уезда в XVII в. : динамика развития и особенности географического расположения / Д. А. Ляпин, К. Г. Гайтерова // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. — 2019. — № 6. — С. 474—480.

8. *Мацук М. А.* Дворность населенных пунктов как показатель колонизационных процессов в кому крае конца XVI века / М. А. Мацук // Историческая демография. — 2018. — № 2 (22). — С. 4—12.

9. *Мазур Л. Н.* Российская деревня в условиях урбанизации : региональное измерение (вторая половина XIX—XX в.) / Л. Н. Мазур. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2012. — 471 с. — ISBN 978-5-7996-0756-2.

10. *Очерки* истории Тюменской области / В. М. Кружинов. — Тюмень : ИПП «Тюмень», 1994. — 272 с.

11. *Пономарева Г. А.* Типология сельских поселений республики Саха (Якутия) по показателем людности / Г. А. Пономарева, В. И. Бубякин // Региональные исследования. — 2013. — № 2 (40). — С. 37—42.

12. *Саран А. Ю.* Динамика изменения численности сельских населенных пунктов Орловского уезда в 1-й трети XX в. / А. Ю. Саран // Наука и образование в XXI веке. сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции : в 17 частях. — Москва : ООО «Консалтинговая компания Юком», 2014. — С. 114—116.

13. *Староосвоенные* районы в пространстве России : история и современность / [Аверкиева К. В. и др.] ; сост. и науч. ред. Т. Г. Нефедова, ред. А. В. Старикова. — Москва : Товарищество научных изданий КМК, 2021. — 379 с. — ISBN 978-5-907372-87-0.

14. *Татарникова А. И.* Сеть сельских поселений Томского округа в 1920-е гг. : количественные и качественные характеристики / А. И. Татарникова // Историко-географический журнал. — 2022. — Т. 1. — № 4. — С. 54—63. — DOI: 10.58529 / 2782-65112022-1-4-54-63.

15. *Татарникова А. И.* Сеть поселений Новосибирского округа в 1920-е годы : численность, структура и особенности развития / А. И. Татарникова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 486—505. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-486-505.

16. *Шелудков А. В.* Топология сети населенных пунктов как фактор динамики сельского расселения (на примере Тюменской области) / А. В. Шелудков, М. А. Орлов // Из-

вестия Российской академии наук. Серия географическая. — 2019. — № 4. — С. 46—62. — DOI: 10.31857/S2587-55662019446-62.

17. *Hauer F.* Tracing the informal fringe : A large-scale study of 20th century 'wild' settlements in Vienna, Austria / F. Hauer, A. Krammer // Habitat International. — November 2023. — Volume 141. — Pp. 1—17. — DOI: /10.1016/j.habitatint.2023.102925.

Статья поступила в редакцию 15.10.2023,
одобрена после рецензирования 03.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

Material resources

List of settlements in the Ural region: [in 16 volumes: tables]. Tyumen district, 14. (1928). Sverdlovsk: ed. The organizational department of the Ural Executive Committee, Ural State Administration and district executive committees. XXVIII, 114 p. (In Russ.).

The list of populated places in the Tobolsk province: [compiled according to information as of July 15, 1909, received from county police officers and volost boards]. (1912). Tobolsk: Publishing House of the Tobolsk Provincial Statistical Committee. 634 p. (In Russ.).

References

Administrative-territorial division of the Tyumen region (XVII—XX centuries). (2003). Tyumen: TNC TyumenNIIgiprogaz LLC, Federal State University IPP Tyumen. 304 p. ISBN 5-87591-025-9. (In Russ.).

Dobryakova, V. A. (2012). Studying the dynamics of changes in the population of settlements by cartographic methods. *Bulletin of the Tyumen State University. Ecology and nature management, 4:* 6—9. (In Russ.).

Egorov, D. O., Shurupina, V. S. (2018). Rural settlement of Russia: typology of the territory according to the population of rural settlements. *Regional studies, 4 (62):* 4—16. (In Russ.).

Essays on the history of the Tyumen region. (1994). Tyumen: IPP "Tyumen". 272 p. (In Russ.).

Gushchin, N. Ya. (1995). *The population of Siberia in the twentieth century: the main trends and cataclysms in development.* Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 82 p. (In Russ.).

Hauer, F., Krammer, A. (2023). Tracing the informal fringe: A large-scale study of 20th century 'wild' settlements in Vienna, Austria. *Habitat International, 141. November.* 1—17. DOI: /10.1016/j.habitatint.2023.102925.

Ivanenko, A. S. (2008). *Tyumen district.* Tyumen: Printing House "Tyumen". 304 p. ISBN 978-5-903741-05-2. (In Russ.).

Kuznetsova, Ya. A. (2021). Population formation and dynamics of development of the Russian North in the 1920s. *Arctic and the North, 43:* 161—189. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.43.161. (In Russ.).

Lyapin, D. A., Gaiterova, K. G. (2019). Rural settlements of Yeletsky district in the XVII century: dynamics of development and features of geographical location. *Rus, Russia. The Middle Ages and Modern Times, 6:* 474—480. (In Russ.).

Matsuk, M. A. (2018). The number of settlements as an indicator of colonization processes in the northern territory at the end of the XVI century. *Historical demography, 2 (22):* 4—12. (In Russ.).

Mazur, L. N. (2012). *The Russian village in the conditions of urbanization: a regional dimension (the second half of the XIX—XX century)*. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University. 471 p. ISBN 978-5-7996-0756-2. (In Russ.).

Old-developed areas in the space of Russia: history and modernity. (2021). Moscow: Association of Scientific Publications KMK. 379 p. ISBN 978-5-907372-87-0. (In Russ.).

Ponomareva, G. A., Bubyakin, V. I. (2013). Typology of rural settlements of the Republic of Sakha (Yakutia) according to the indicator of population. *Regional studies, 2 (40):* 37—42. (In Russ.).

Saran, A. Yu. (2014). Dynamics of changes in the number of rural settlements of the Oryol district in the 1st third of the twentieth century. In: *Science and education in the XXI century. Collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and practical conference: in 17 parts*. Moscow: Yukom Consulting Company LLC. 114—116. (In Russ.).

Sheludkov, A. V., Orlov, M. A. (2019). Topology of the network of settlements points as a factor in the dynamics of rural settlement (on the example of the Tyumen region). *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. The series is geographical, 4:* 46—62. DOI: 10.31857/S2587-55662019446-62. (In Russ.).

Tatarnikova, A. I. (2022). Network of rural settlements of the Tomsk district in the 1920s: quantitative and qualitative characteristics. *Historical and Geographical Journal, 1 (4):* 54—63. DOI: 10.58529 / 2782-65112022-1-4-54-63. (In Russ.).

Tatarnikova, A. I. (2023). Network of Settlements in Novosibirsk District in 1920s: Population, Structure and Development Features. *Nauchnyi dialog, 12 (7):* 486—505. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-7-486-505 (In Russ.).

Zhukov, D. S., Kanishchev, V. V. (2019). "If there were no war": modeling demographic processes in the Russian countryside of the 1930s—1950s (based on materials from the Tambov region). *Bulletin of the Perm University. Series: History, 3:* 118—136. DOI: 10.17072/2219-3111-2019-3-118-136. (In Russ.).

The article was submitted 15.10.2023;
approved after reviewing 03.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Вебер М. И. Ю. И. Крыжановский как деятель антибольшевистского движения Урала и Сибири в 1918—1920 годах / М. И. Вебер // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 305—325. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-305-325.

Weber, M. I. (2023). Kryzhanovsky as a Figure in Anti-Bolshevik Movement of Urals and Siberia in 1918—1920. *Nauchnyi dialog, 12* (10): 305-325. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-305-325. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-305-325

Ю. И. Крыжановский как деятель антибольшевистского движения Урала и Сибири в 1918—1920 годах

Вебер Михаил Игоревич
orcid.org/0000-0001-7512-6087
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Центр политической
и социокультурной истории
mikeveber@mail.ru

Институт истории и археологии
Уральского отделения
Российской академии наук
(Екатеринбург, Россия)

Kryzhanovsky as a Figure in Anti-Bolshevik Movement of Urals and Siberia in 1918—1920

Mikhail I. Weber
orcid.org/0000-0001-7512-6087
PhD in History, senior research scientist,
Center for Political and
Sociocultural History
mikeveber@mail.ru

Institute of History and Archeology
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yekaterinburg, Russia)

© Вебер М. И., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена истории Екатеринбургской тайной военной организации, подготовившей восстание против советской власти. Вводятся в научный оборот новые сведения о ее конспиративной деятельности весной-летом 1918 года. Охарактеризованы руководящий состав и структура организации. Раскрыта роль в Екатеринбургской тайной военной организации одного из неизвестных ранее ее участников — горного инженера Юрия Ильича Крыжановского. Доказано, что Ю. И. Крыжановский был одним из руководителей Екатеринбургской тайной военной организации, а в доме его отца располагался штаб подпольщиков. Установлены основные вехи биографии Ю. И. Крыжановского, в том числе ее финального периода, связанного со службой Крыжановского в колчаковской армии. Показана связь Крыжановского с командующим Сибирской армией генерал-майором А. Н. Гришиным-Алмазовым и знаменитым революционером Б. В. Савинковым. Доказано, что Ю. И. Крыжановский принял участие в создании Всероссийского Национального союза в городе Уфе, а затем вошел в руководящий состав Екатеринбургского отделения Всероссийского Национального союза. Основными источниками для реконструкции биографии Ю. И. Крыжановского послужили наградные документы колчаковской армии и материалы газет.

Ключевые слова:
Гражданская война; Урал; подпольные организации; научно-техническая интеллигенция; интервенция.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is dedicated to the history of the Yekaterinburg Secret Military Organization, which prepared an uprising against Soviet authority. It introduces new information into academic discourse regarding its covert operations in the spring and summer of 1918. The existing historiographic views on the leadership composition and structure of the Yekaterinburg Secret Military Organization have been expanded. The role of one of its previously unknown participants, the mining engineer Yuri Ilyich Kryzhanovsky, within the organization has been revealed. It has been proven that Yuri I. Kryzhanovsky was one of the leaders of the Yekaterinburg Secret Military Organization, and that the headquarters of the underground movement was located in his father's house. Key milestones in Kryzhanovsky's biography have been established, including the final period associated with his service in Admiral Kolchak's army. Kryzhanovsky's connections with Major General A. N. Grishin-Almazov, commander of the Siberian Army, and the renowned revolutionary B. V. Savinkov are demonstrated. It is proven that Yuri I. Kryzhanovsky participated in the creation of the All-Russian National Union in the city of Ufa and subsequently joined the leadership of the Yekaterinburg branch of the All-Russian National Union. The primary sources for reconstructing the biography of Yuri I. Kryzhanovsky were award documents from Kolchak's army and newspaper materials.

Key words:
Civil war; Ural; underground organizations; scientific and technical intelligentsia; intervention.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 929Крыжановский+94(470.5+571.1/.5)“1918/1920”

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Ю. И. Крыжановский как деятель антибольшевистского движения Урала и Сибири в 1918—1920 годах

© Вебер М. И., 2023

1. Введение = Introduction

В ночь с 24 на 25 июля 1918 года Екатеринбург, из которого к тому моменту отступили основные силы Красной армии, но где все еще продолжалась эвакуация советских учреждений, был захвачен антибольшевистскими подпольщиками. Вооруженное выступление подготовила существовавшая в городе с начала весны 1918 года Екатеринбургская тайная военная организация. Действиями подпольщиков непосредственно в день вооруженного выступления руководили подпоручик Василий Михайлович Зотов и штабс-капитан Александр Андреевич Буров.

На следующий день после взятия города, 26 июля 1918 года, около 9 часов вечера торжествующие участники подпольной организации устроили шествие по центральным улицам Екатеринбурга с военным оркестром и импровизированным знаменем с надписью «Да здравствует Учредительное собрание!», завершившееся импровизированным митингом у здания Коммерческого собрания [Манифестация ..., 1918, с. 2].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Какое отражение эти, вне всякого сомнения, значимые для истории Гражданской войны на Востоке России события нашли в трудах историков? Советская историография фактически обошла молчанием историю Екатеринбургской тайной военной организации, лишь иногда в ней встречаются краткие упоминания о наличии в городе антибольшевистского подполья как основной причины решения о расстреле царской семьи, но без какой-либо конкретики.

В эмигрантской историографии следует указать монографию историка С. П. Мельгунова «Судьба императора Николая II после отречения», первое издание которой состоялось в 1951 году. История екатеринбургского антибольшевистского подполья 1918 года интересовала автора книги в контексте попыток спасения монархистами из заключения царской семьи [Мельгунов, 1991, с. 354—370]. Не имея доступа к советским архивам и антибольшевистским газетам периода Гражданской войны, он не смог изучить тему в подробностях, придя к ошибочному заключению, что это были

CC BY

«потуги на заговоры, попытки слабые, наивные и неизбежно неудачные» [Там же, с. 365]. Как представляется, ошибка Мельгунова проистекает из его концентрации в своем исследовании на деятельности монархистов, в то время как Екатеринбургскую тайную военную организацию возглавляли и задавали общий тон ее подпольной работе республиканцы.

В постсоветский период, на волне интереса к Белому движению, в отечественной историографии появилось несколько публикаций, которые позволили приподнять завесу тайны над историей создания и деятельности этой тайной военной организации. Прежде всего, стоит отметить новаторскую статью екатеринбургского краеведа А. М. Кручинина [Кручинин, 2004, с. 13—26]. Внимательно изучив и проанализировав сохранившиеся источники, А. М. Кручинин смог впервые в историографии выстроить целостный нарратив о подготовке екатеринбургским антибольшевистским подпольем вооруженного восстания, установить имена многих активных участников Екатеринбургской тайной военной организации и изучить их биографии. Впоследствии А. М. Кручинин развил свои наработки по истории екатеринбургского антибольшевистского подполья на страницах своей монографии о белом Екатеринбурге в 1918—1919 годах [Кручинин, 2018, с. 32—39].

Кроме того, к данной теме в одной из своих статей [Ганин, 2014б, с. 60—62], а затем и в монографии [Ганин, 2014а, с. 203—212] обращался известный московский историк А. В. Ганин, которого история екатеринбургского антибольшевистского подполья интересовала прежде всего в контексте участия в нем преподавателей и слушателей эвакуированной в Екатеринбург Николаевской академии Генерального штаба. В приложении к монографии Ганин опубликовал воспоминания рядового участника антибольшевистского подполья — слушателя подготовительных курсов Николаевской академии Генерального штаба штабс-капитана Константина Васильевича Семчевского и его жены Елены Васильевны [Ганин, 2014а, с. 601—620].

Обращался к истории екатеринбургского антибольшевистского подполья в небольшой обзорной статье о городских восстаниях на Урале, подготовленных белыми подпольщиками в 1918 году, и автор этих строк [Вебер, 2014, с. 10—17].

Тем не менее в истории Екатеринбургской тайной военной организации остается еще немало пробелов.

Отчеты руководителей екатеринбургских антибольшевистских подпольщиков и полные списки участников подпольной военной организации, по-видимому, не сохранились в архивах. Это осложняет работу исследователей, вынужденных опираться на вторичные источники и по крупицам

CC BY

собирать информацию о екатеринбургских подпольщиках в материалах антибольшевистских газет периода Гражданской войны, советских следственных дел 1930-х годов и т. п.

Перспективным направлением для поиска новых источников по истории антибольшевистского подполья в Екатеринбурге, по нашему мнению, являются наградные документы колчаковской армии, сохранившиеся в фондах Российского государственного военного архива (РГВА). Благодаря этому виду источников удалось выявить ранее неизвестного активного участника Екатеринбургской тайной военной организации — инженера Юрия Ильича Крыжановского, о котором и пойдет речь в данной статье.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Семейная династия горных инженеров Крыжановских

Фамилия Крыжановских хорошо известна историкам науки. Эта семейная династия горных инженеров и минералогов принадлежит к числу наиболее ярких и значимых представителей научно-технической интеллигенции Урала начала XX века.

Отец Юрия Ильича — горный инженер Илья Николаевич Крыжановский — родился в 1854 году в Киевской губернии. В 1882 году он окончил Санкт-Петербургский Горный институт, после чего переехал жить на Урал — в Пермскую губернию. В 1883—1893 году И. Н. Крыжановский работал преподавателем химии в Красноуфимском Алексеевском реальном училище. Из уездного города Красноуфимска Крыжановский переехал в губернскую Пермь. В 1894—1899 годах он преподавал металлургию и химию в Пермском Алексеевском реальном училище. Затем И. Н. Крыжановский переехал в г. Екатеринбург и поступил на службу в Уральское горное управление. Первоначально он работал помощником окружного инженера Восточного Екатеринбургского горного округа, но уже вскоре получил повышение в связи с образованием новых округов и был назначен окружным инженером Южно-Екатеринбургского горного округа [Неклюдов, 2020, с. 192].

На протяжении двух десятилетий (1899—1917) И. Н. Крыжановский работал окружным инженером Южно-Екатеринбургского горного округа, осуществляя надзор за деятельностью частных заводов, входивших в состав округа. В 1910—1913 годы он также избирался гласным Городской Думы Екатеринбурга. Работая окружным инженером, И. Н. Крыжановский собрал богатейшую коллекцию уральских минералов, насчитывавшую свыше 4500 образцов [Матвиенко, 2008]. В 1912 году она была выкуплена у него Академией наук и сейчас хранится в Минералогическом музее РАН.

CC BY

В советский период И.Н. Крыжановский работал директором Петергофской гранильной фабрики, входившей в трест «Русские самоцветы».

Старший брат Юрия Ильича — Владимир Ильич Крыжановский (1881—1947) — стал известным ученым-минералогом, учеником академика В. И. Вернадского. В 1904 году он окончил Императорский Казанский университет с дипломом 1-й степени [Годовиков, 1989, с. 72]. Как и его отец, Владимир Ильич с молодых лет увлекся собиранием и изучением минералов. В январе 1907 года В. И. Крыжановский занял должность младшего ученого хранителя Минералогического отдела Геологического музея Академии наук, впоследствии выделенного в самостоятельный Минералогический музей Академии наук. С этим музеем связана вся научная деятельность В. И. Крыжановского: с младшего ученого хранителя он дорос до его директора и приложил огромные усилия к увеличению и систематизации музейных коллекций. Трудами В. И. Крыжановского собрание Минералогического музея выросло с 6000 до 80 000 экземпляров [Барсанов, 1949, с. 9]. Заслуги В. И. Крыжановского в деле изучения минералов были увековечены в камне: в его честь был назван минерал крыжановскит.

Другой брат Юрия Ильича — Леонид Ильич Крыжановский (1884—1925) — также стал известным горным инженером и минералогом. Обладая более практичным складом ума, чем его старший брат Владимир, Леонид Ильич свое увлечение коллекционированием минералов превратил в прибыльный бизнес и открыл в Екатеринбурге собственную контору по продаже и покупке драгоценных камней «Уральские камни». Навыки эксперта по оценке и продаже драгоценных камней оказались востребованы и в советское время: в 1920-е годы Л. И. Крыжановский работал в государственном тресте «Русские самоцветы» и преподавал минералогию в Московской Горной академии.

Стоит отметить, что в 1918 году все члены династии Крыжановских, включая старшего сына — Владимира Ильича, собрались в Екатеринбурге и после захвата города противниками советской власти оказались по ту сторону баррикад разгоравшейся Гражданской войны. Однако участие членов этой семьи в Белом движении на Востоке России, в том числе и Юрия Ильича, практически не освещено в российской и зарубежной историографии.

3.2. Начало жизненного пути

Основным источником биографических сведений о Юрии Ильиче Крыжановском для данной статьи послужила краткая записка о службе, составленная им самим в августе 1919 года и сохранившаяся в наградном делопроизводстве колчаковской армии [РГВА, ф. 39483, оп. 1, д. 58, л. 56]. Как удалось установить, Юрий Ильич родился 9 октября старого

CC BY

стиля 1894 года в Перми, но большую часть жизни прожил в Екатеринбурге. В 1912 году он окончил с золотой медалью Екатеринбургскую мужскую гимназию имени императора Александра II Освободителя. Получать высшее образование Ю. И. Крыжановский отправился за рубеж, в Швейцарию. Осенью 1914 года он поступил в престижный Федеральный политехнический университет в Цюрихе (в наши дни этот университет называется Швейцарская высшая техническая школа Цюриха), но отучился в нем всего один год и уже летом следующего, 1915-го, года вернулся в Россию. Вероятно, прервать учебу его вынудили обстоятельства военного времени.

С августа 1915 года по 20 марта 1918 года Ю. И. Крыжановский служил на различных должностях на химических заводах Кыштымского горного округа, работавших на оборону страны по контрактам с Главным артиллерийским управлением. Венцом короткой инженерной карьеры Юрия Ильича стала должность помощника управляющего Кыштымским динамитным заводом, построенным в 1916 году при участии английских инженеров. Вероятно, не последнюю роль в этом назначении сыграло прекрасное владение Крыжановским английским языком. Летом 1917 года на Кыштымском динамитном заводе произошло чрезвычайное происшествие: гигантской силы взрыв уничтожил часть производственной площадки. Однако Крыжановский, насколько известно, во время взрыва не пострадал.

3.3. В штабе екатеринбургских подпольщиков

Октябрьская революция 1917 года стала водоразделом в судьбе Ю. И. Крыжановского. Проведенная большевиками национализация крупной промышленности, допуск рабочих к управлению заводами и другие радикальные мероприятия советской власти вызывали отторжение у научно-технической интеллигенции, инженеров и служащих горных округов. Не удивительно, что в конце марта 1918 года Ю. И. Крыжановский вступил в Екатеринбургскую тайную военную организацию, готовившую восстание против советской власти.

Ценные сведения о том, какую роль играл Ю. И. Крыжановский в Екатеринбургской тайной военной организации, удалось отыскать в его наградном листе. 23 августа 1919 года непосредственный начальник Крыжановского — капитан С. Ю. Ловчицкий, начальник Разведывательного отделения Походного штаба Главнокомандующего Восточным фронтом генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса — подписал на Юрия Ильича наградной лист, в котором довольно подробно охарактеризовал его участие в работе екатеринбургского антибольшевистского подполья:

«С конца марта 1918 года Юрий Крыжановский, состоя в центре образовавшейся тогда Екатеринбургской антибольшевистской военной организации, начал производить вербовку членов организации, главным образом

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

среди местного офицерства. Его дом[1] был штаб-квартирой военной организации и приютом для укрывавшихся от репрессий большевиков лиц. Тут же им, Крыжановским, собиралось и хранилось оружие и взрывчатые припасы, а также составлялись и распространялись противобольшевистские воззвания.

24-го июля 1918 года была сделана попытка вооруженного выступления против большевиков, в которой Крыжановский с оружием в руках принял деятельное участие, когда же эта попытка по некоторым причинам не удалась и была повторена в ночь на 25 июля 1918 года, он, Крыжановский, с партией в 25 человек разоружил и арестовал левоэсеровскую дружину <численностью> около 80 человек и несколько шаек красноармейцев, бродивших по городу, открыв, таким образом, свободную дорогу в гор. Екатеринбург казачьим и чехословацким частям.

Принимая во внимание всю годичную работу Крыжановского на благо возрождающейся Родины, усиленно ходатайствую о производстве его в чин прапорщика за боевые отличия, со старшинством с 25 июля 1918 года» [РГВА, ф. 39483, оп. 1, д. 58, л. 54—55а].

Таким образом, можно сделать вывод, что Ю. И. Крыжановский занимал в Екатеринбургской тайной военной организации одну из руководящих ролей и что в подготовку восстания были вовлечены не только офицеры, как считалось ранее, но и представители местной интеллигенции.

Наградной лист на Ю. И. Крыжановского служит подтверждением планов Екатеринбургской тайной военной организации поднять восстание в городе на день раньше — 24 июля 1918 года. Что стало причиной первоначальной неудачи екатеринбургских подпольщиков, еще предстоит выяснить. Возможно, не последнюю роль в этом сыграло раскрытие тайника с оружием. Утром 24 июля 1918 года члены организации привезли на Михайловское кладбище оружие и боеприпасы, полученные по подложным ордерам на советских военных складах. Вероятно, на кладбище по первоначальному плану восстания намечался сбор части заговорщиков. Однако кто-то выдал место сбора, и оружие было перехвачено красноармейцами.

Екатеринбургская газета «Уральская жизнь» 30 июля 1918 года сообщала читателям, что «накануне вступления в Екатеринбург чехословацких войск на Михайловском кладбище оказались сложенными 4 пулемета и много ящиков с патронами. Когда об этом стало известно военной со-

1 Речь идет о 2-этажном каменном доме, принадлежавшем отцу Ю. И. Крыжановского — Илье Николаевичу Крыжановскому. Этот дом располагался в центральной части Екатеринбурга по адресу: ул. Коковинская (ныне — ул. Шейнкмана), 14. О том, что Ю. И. Крыжановский в 1918 году проживал в доме своего отца, а не снимал отдельную квартиру, упоминается в письме А. Н. Гришина-Алмазова своей жене от 5 октября 1918 года [Пученков и др., 2018, с. 1067].

CC BY

ветской власти, на кладбище были немедленно командированы вооруженные красноармейцы, пешие и конные, и несколько подвод для перевозки найденного. Кладбища Михайловское, лютеранское и еврейское были оцеплены прибывшими красноармейцами. Все идущие в лес и из лесу задерживались, и им было заявлено, что для выяснения личности и нахождения их в данном месте и в данное время в лесу они будут отведены на ст. Екатеринбург-II» [Аресты, 1918, с. 2].

Об этом вспоминал протоиерей Алексей Андреевич Катагощин, служивший в церкви Всех Святых на Михайловском кладбище: «Часа в 3 дня мне сообщают, что на Михайловское кладбище проехали красноармейцы на 15-ти подводах, так как там нашли пулеметы, винтовки, ручные бомбы и т. п. Выхожу из дому и вижу — действительно везут с кладбища перечисленные выше предметы» [Катагощин, 1918, с. 252—253]. По подозрению в причастности к хранению оружия Катагощин, церковный староста Ф. П. Скороходов и трапезник были арестованы и увезены на станцию Екатеринбург-II, где над ними попыталась устроить самосуд толпа красноармейцев, но часовой не пропустил ее в вагон к арестованным, и в итоге после допроса в полевом штабе арестованных отпустили домой. По свидетельству Катагощина, красноармеец, собравший к вагону толпу для самосуда, кричал: «Сюда товарищи! здесь поп-пулеметчик!.. здесь поп-пулеметчик!.. Вот он, длинноволосый дьявол, который приготовил нам на кладбище хорошую закуску: четыре пулемета, триста винтовок и много ящиков с патронами и бомбами!» [Там же, с. 254]. Рассказ Катагощина позволяет уточнить количество оружия, заготовленного Екатеринбургской тайной военной организацией для участников восстания на Михайловском кладбище, и оценить количество предполагавшихся участников вооруженного выступления.

Незадолго до падения советской власти в Екатеринбурге из города ушла группа офицеров в количестве 37 человек под командованием подполковника К. Ю. Румши. Достоверно известно, что на соединение с чехословаками группа Румши вышла 24 июля 1918 года в районе поселка Северский завод (ныне — г. Полевской) [Ганин, 2014а, с. 210]. В историографии получило распространение мнение, что группа Румши действовала обособленно от Екатеринбургской тайной военной организации и что она ушла из города в ночь на 18 или 21 июля 1918 года. Почву для такой трактовки создали воспоминания участника группы Румши — штабс-капитана К. В. Семчевского [Там же, с. 615—616]. Между тем А. В. Ганин опубликовал выдержки из письма еще одного участника группы Румши — слушателя Николаевской академии Генерального штаба штабс-ротмистра Н. Н. Ивановского [Ганин, 2014б, с. 61—62]. Ивановский вполне определенно пишет в письме о том, что группа Румши ушла из Екатеринбурга в лес в день, когда была объявлена

CC BY

посадка преподавателей и слушателей академии в эшелон для эвакуации, то есть 23 июля, что первоначально планировалось поднять восстание, а не уходить на прорыв к чехословакам, но от этого плана отказались, так как на сборный пункт в лесу, где было спрятано оружие, пришло всего 37 человек, и что в походе группа Румши провела всего одну ночь, уже наутро выйдя к чехословакам. Таким образом, можно сделать вывод, что группа К. Ю. Румши была частью Екатеринбургской тайной военной организации, что она ушла из Екатеринбурга в ночь с 23 на 24 июля 1918 года и что ее уход из города был связан с провалом первой попытки восстания.

Важнейшим последствием провала первоначального плана екатеринбургских подпольщиков поднять восстание в городе 24 июля 1918 года стала успешно проведенная красными эвакуация Николаевской академии Генерального штаба из Екатеринбурга в Казань. По свидетельству одного из руководителей Екатеринбургской тайной военной организации штабс-капитана А. А. Бурова, начальник Николаевской академии Генерального штаба генерал-майор А. И. Андогский, хотя сам и не был подпольщиком, через Бурова был в курсе дел организации и даже помог Бурову советами при разработке плана восстания в городе [Ганин, 2014а, с. 207]. Согласно показаниям бывшего правителя дел Николаевской академии Генерального штаба полковника И. И. Смелова, когда большевиками была объявлена эвакуация академии из Екатеринбурга в Пермь, а затем в Казань, Андогскому удалось задержать ее до 16 часов 24 июля 1918 года — очевидно, в расчете на готовящееся восстание антибольшевистского подполья или захват города чехословаками [Ганин, 2014а, с. 711—712]. Только узнав от участника Екатеринбургской тайной военной организации капитана А. Л. Симонова, внедренного подпольщиками на должность начальника штаба Северо-Урало-Сибирского фронта красных, что намеченное на 24 июля вооруженное восстание сорвалось из-за отказа местных рабочих выступить, Андогский дал отмашку на отправление эшелона с эвакуирующимися сотрудниками и слушателями академии [Там же].

3.4. Личный адъютант командующего Сибирской армией

С момента занятия города белыми и до 16 августа 1918 года Ю. И. Крыжановский служил сначала секретарем помощника начальника гарнизона Екатеринбурга по гражданской части поручика П. Н. Зубова (одного из руководителей Екатеринбургской тайной военной организации), а затем секретарем Особого совещания при начальнике гарнизона (с 25 июля по 6 августа должность начальника гарнизона занимал еще один участник Екатеринбургской тайной военной организации — полковник Н. В. Шереховский, с 6 августа — генерал-майор В. В. Голицын). Особое совещание было создано для помощи военным властям в решении вопросов админи-

CC BY

стративно-гражданского характера. В его состав вошли влиятельные общественные деятели, бывшие и действующие гласные Екатеринбургской городской Думы: оперный певец, владелец гончарно-печного и кирпичного завода Петр Феофанович Давыдов, присяжные поверенные Николай Флегонтович Магницкий, Давид Львович Раснер и Петр Алексеевич Кронеберг, горный инженер, редактор журнала «Уральский техник» Яков Никитич Чупраков, купец, владелец мукомольных предприятий Павел Степанович Первушин [Особое совещание, 1918, с. 2].

Вечером 5 августа 1918 года в Екатеринбург с визитом прибыл генерал-майор А. Н. Гришин-Алмазов — управляющий военным министерством Временного Сибирского правительства и командующий Сибирской армией. 6 и 7 августа Гришин-Алмазов провел переговоры с представителями уральских общественно-политических и деловых кругов о предоставлении Уралу автономии и признании уральцами власти Временного Сибирского правительства [Шишкин, 2009, с. 175—176]. Судя по всему, в Екатеринбурге Гришин-Алмазов также встретился с руководством местного антибольшевистского подполья. Об этом свидетельствуют его кадровые решения. По итогам визита в Екатеринбург состоялось назначение руководителей Екатеринбургской тайной военной организации штабс-капитана А. А. Бурова и поручика П. Н. Зубова офицерами для поручений при Гришине-Алмазове. Более того, судя по письмам А. Н. Гришина-Алмазова своей жене Марии Александровне от 5 и 21 октября 1918 года, П. Н. Зубов стал его ближайшим помощником и доверенным лицом [Пученков и др., 2018, с. 1067—1069].

Вслед за Буровым и Зубовым во второй половине августа 1918 года в Омск в распоряжение Гришина-Алмазова был откомандирован и Ю. И. Крыжановский. Согласно краткой записке о службе, с конца августа по 5 сентября 1918 года Юрий Ильич исполнял обязанности личного адъютанта А. Н. Гришина-Алмазова [РГВА, ф. 39483, оп. 1, д. 58, л. 56]. Вероятно, он присутствовал и на том злополучном банкете 25 августа 1918 года в Челябинске с участием британского консула в Екатеринбурге Томаса Престона и французского вице-консула в Самаре Люсьена Комо, поставившем крест на политической карьере Гришина-Алмазова в Сибири. Во всяком случае, присутствовавший на банкете в качестве переводчика французского вице-консула капитан И. С. Ильин отметил в своем дневнике, что на банкете был «весь штаб Гришина» [Скитания, 2016, с. 307]. Сам инцидент Ильин описал в своем дневнике следующим образом: «Уже когда все порядочно подвыпили, казаки начали плясать. Гришин встал и своим громовым голосом сказал речь, посвященную союзникам, причем англичан упрекнул в предательстве и заявил, что все равно они без России не обойдутся. Мы все были смущены, но думали, что обойдется, так как

CC BY

английский консул ни слова не говорил по-русски, да и все были порядочно нагрузившись. Но, оказывается, англичанин на другой же день сообщил о речи Сибирскому правительству и выразил претензию и неудовольствие» [Там же, с. 343]. Эта пьяная выходка Гришина-Алмазова привела к большим политическим последствиям: вынужденной отставке самого управляющего военным министерством и вызванному последней острому правительственному кризису [Ларьков, 1997; Шишкин, 2011].

3.5. Во Всероссийском Национальном союзе

После вынужденной отставки А. Н. Гришин-Алмазов уехал из Сибири на Юг России, к генералу М. В. Алексееву. По пути он заехал в Уфу, где с 8 по 23 сентября 1918 года прошло Уфимское Государственное совещание, призванное объединить многочисленные региональные антибольшевистские правительства, в связи с чем туда съехались политические и общественные деятели. Как видно из письма Гришина-Алмазова своей супруге от 29 сентября 1918 года, в Уфе он провел переговоры с различными политическими группами, в том числе с Б. В. Савинковым и его сторонниками [Пученков и др., 2018, с. 1066]. Гришин-Алмазов и Савинков сошлись во мнении о необходимости установления военной диктатуры и, по всей видимости, договорились о взаимном сотрудничестве.

Савинков, к тому времени распустивший свой подпольный «Союз защиты Родины и Свободы», планировал создать легальную политическую партию или движение в поддержку диктатуры, а также (с помощью группы бывших сотрудников газеты «Русские ведомости» во главе с ее парижским корреспондентом А. С. Белоруссовым) начать издавать газету, пропагандирующую необходимость диктатуры[1]. Уже вскоре, в начале октября 1918 года, эти планы Савинкова были реализованы: создан Всероссийский

1 Примечательно, что данный факт биографии Б. В. Савинкова не нашел отражения в обстоятельной монографии К. Н. Морозова «Борис Савинков: опыт научной биографии» [Морозов, 2022, с. 587—608]. Роль Савинкова в событиях Гражданской войны на Востоке России недооценена в историографии и нуждается в дополнительном исследовании. Хотя сам Савинков в середине октября 1918 года был командирован Директорией с дипломатической миссией в Париж, но савинковцы остались в Сибири и приняли активное участие в политической борьбе. Савинковский Всероссийский Национальный союз в 1919 году был одной из немногих политических сил, безусловно поддерживающих колчаковский режим. Помимо публичной политической деятельности, савинковцы участвовали в разного рода интригах и заговорах. Так, личный секретарь Савинкова Ф. Ф. Клепиков, один из руководителей савинковского «Союза защиты Родины и Свободы» генерал-лейтенант В. В. Рычков и близкий соратник Савинкова А. С. Белоруссов организовали масштабную кампанию в прессе по дискредитации начальника Николаевской академии Генерального штаба генерал-майора А. И. Андогского — очевидно, с целью назначения на ключевой пост начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего полковника Д. А. Лебедева, который был хорошо знаком Савинкову как близкий соратник генерала Л. Г. Корнилова и активный участник корниловского мятежа в августе 1917 года [Ганин, 2014а, с. 285—290].

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Национальный союз, и начато (сперва в Уфе, а затем в Екатеринбурге) издание газеты «Отечественные ведомости».

О наличии негласных договоренностей о сотрудничестве между Гришиным-Алмазовым и Савинковым, помимо вышеупомянутого письма Гришина-Алмазова жене, свидетельствует также участие в создании савинковского Всероссийского Национального союза бывшего адъютанта Гришина-Алмазова — Ю. И. Крыжановского. На этот факт биографии Юрия Ильича проливает свет рапорт капитана С. Ю. Ловчицкого от 8 августа 1919 года на имя начальника Походного штаба Главнокомандующего Восточным фронтом полковника Д. Н. Сальникова, в котором Ловчицкий ходатайствовал о производстве Крыжановского в офицерский чин. В рапорте, в частности, отмечалось: «В политическом отношении Крыжановский безупречен. В период Уфимского Государственного совещания, когда социалистические партии пытались воспользоваться тяжелым состоянием неокрепшего возрождающегося государства и провести свои тенденциозные намерения, Ю. И. Крыжановский совместно с А. Белоруссовым, Е. Синегубом[1] и В. Язвицким[2] (нынешним членом Совета министров) принимал участие в учреждении Всероссийского Национального союза, который имел целью справедливо оградить интересы русского народа от экспериментальной политики социалистов» [РГВА, ф. 39483, оп. 1, д. 58, л. 55].

Организационное собрание Всероссийского Национального союза, о котором идет речь в рапорте, состоялось в Уфе 3—4 октября 1918 года [Хандорин, 2017, с. 149]. Политическая декларация Всероссийского Национального союза, опубликованная в газете «Отечественные ведомости» 10 октября 1918 года, предусматривала борьбу «за единство, независимость и свободу

1 Синегуб (Синегуб-Будаков) Евгений Сергеевич (1881—1953) — журналист, поэт, минералог. Зять А. С. Белоруссова. В 1909—1911 годы — секретарь редакции газеты «Смоленский вестник». В 1912—1918 годы — сотрудник газеты «Русские ведомости». В 1918—1919 годы — сотрудник, затем главный редактор газеты «Отечественные ведомости». С 1923 по 1932 годы — товаровед-минералог треста «Русские самоцветы». В 1932—1935 годы — хранитель музея и руководитель группы региональной минералогии Института прикладной минералогии. В 1936—1938 годы — сотрудник Ломоносовского института Академии наук СССР. В 1943—1944 годы — старший геолог Московской геологоразведочной экспедиции. В 1944—1953 годы — заведующий минералогическим музеем Московского геологоразведочного института [Носова, 2006, с. 384—388].

2 Язвицкий Валерий Иоильевич (1883—1957) — писатель, поэт и драматург. Во время Первой мировой войны был собственным корреспондентом «Русских ведомостей» в Сербии и Румынии. С 24 января 1919 года — и. д. советника 2-го Политического отдела Министерства иностранных дел Российского правительства. 26 августа 1919 года назначен чиновником особых поручений IV класса при председателе Совета министров Российского правительства П. В. Вологодском: Язвицкому была поставлена задача провести переговоры с руководством Чехословацкого корпуса о возвращении частей корпуса на фронт. После окончания Гражданской войны остался в СССР и стал известным советским писателем.

CC BY

упорядоченной России», республиканскую форму правления, изменение избирательного законодательства и выборы нового — Национального Учредительного собрания, предоставление культурной автономии малым народам, населяющим Россию, введение широкого местного самоуправления, наделение крестьян землей, выкупленной у помещиков за государственный счет, улучшение положения рабочих и т. д. [Декларация Всероссийского ..., 1918, с. 3]. Ключевым пунктом политической программы Национального союза было установление в России до созыва Национального Учредительного собрания военной диктатуры. Подчеркивалось, что к власти Директории Национальный союз относится не вполне лояльно.

Среди 13 человек, избранных на собрании 4 октября 1918 года в состав инициативного комитета по созданию Всероссийского Национального союза, был и Ю. И. Крыжановский. Публикация в газете «Отечественные ведомости» дает ответ на вопрос о его партийной принадлежности: он указан в ней как член партии Народной свободы, то есть кадет [Там же]. В свою очередь, инициативный комитет избрал центральное правление Всероссийского Национального союза в составе 5 членов: Б. В. Савинкова, А. С. Белоруссова, Е. С. Синегуба, В. И. Язвицкого и Г. А. Ряжского. Председателем центрального правления был избран А. С. Белоруссов [Временная инструкция ..., 1918, с. 2].

В дальнейшем было создано как минимум 8 отделений Всероссийского Национального союза — в Омске, Новониколаевске, Барнауле, Екатеринбурге, Перми, Нижнем Тагиле, Шадринске и Семипалатинске [Хандорин, 2017, с. 149—150]. 1 января 1919 года А. С. Белоруссов провел на частной квартире в Екатеринбурге совещание горожан по вопросу о создании Екатеринбургского отделения Всероссийского Национального союза [К организации ..., 1919, с. 2]. На организационном собрании, состоявшемся 9 января 1919 года, была произведена запись в члены Екатеринбургского отделения и избран его руководящий орган — комитет из 9 человек, в который, среди прочих общественных деятелей, вошел Ю. И. Крыжановский [В Национальном союзе, 1919, с. 3]. 23 января 1919 года комитет Екатеринбургского отделения Всероссийского Национального союза опубликовал в газете «Отечественные ведомости» политическую декларацию отделения [Декларация Екатеринбургского ..., 1919, с. 4].

Екатеринбургское отделение активно включилось в агитационно-пропагандистскую работу на фронте и в тылу. 9 февраля 1919 года в газете «Отечественные ведомости» был опубликован краткий отчет о деятельности Екатеринбургского отделения Всероссийского Национального союза за полтора месяца с его создания, дающий достаточно полное представление о том, чем занималась эта политическая организация: «Принято значи-

CC BY

тельное число новых членов, общее количество которых превышает ныне сто человек; собрано свыше 5000 р. пожертвований. Издана декларация Ек. отд. Нац. союза в количестве 20 000 экз., которая распространяется ныне по краю. Отпечатаны и высланы на фронт три прокламации, две в количестве 5000 экз. и одна, по случаю падения Петрограда и Ташкента, в количестве 20000 экз. В деле их распространения военное ведомство оказало самую горячую и деятельную поддержку. Составлен в целях пропаганды идей Союза художественный плакат, который ныне печатается в чешской литографии и на днях выйдет в свет; составлено обращение к населению, ныне печатающееся; составляются две брошюры в целях пропаганды, одна в виде катехизиса патриота, другая — представляющая собою развитую и мотивированную программу Союза» [В Национальном союзе. Краткий отчет, 1919, с. 2]. Екатеринбургское отделение также организовало сбор пасхальных подарков для армии, книг для летучих библиотек, организовало передвижные киносеансы в военных лазаретах [Селянинова, 2003, с. 133].

3.6. На военной службе в Сибирской армии

В феврале 1919 года многообещающая общественно-политическая карьера Крыжановского была прервана: он был мобилизован в колчаковскую армию. 5 февраля 1919 года Юрий Ильич был принят на военную службу. Политические связи Крыжановского, а также блестящее владение иностранными языками избавили его от попадания в окопы. 7 февраля 1919 года приказом по Управлению генерал-квартирмейстера штаба Сибирской армии он был зачислен переводчиком в Разведывательное отделение штаба Сибирской армии. Стоит отметить, что штаб Сибирской армии в этот период размещался в родном для Крыжановского Екатеринбурге, поэтому он имел возможность проходить военную службу, находясь не в суровых полевых условиях, а в тепле и уюте домашнего очага.

15 мая 1919 года Ю. И. Крыжановский был временно откомандирован в распоряжение полковника британской армии Роберта Джонсона[1] — для службы переводчиком в Особой Русско-Английской бригаде. Эта уникальная бригада формировалась в Екатеринбурге. Офицерский и унтер-офицерский состав в ней целиком состоял из англичан, а рядовыми были русские, набранные по мобилизации. Ни те, ни другие не понимали друг друга без помощи переводчика. В силу политической важности этого проекта

1 Роберт Джонсон (Robert Johnson) (1874—1938) — полковник британской армии, в 1911—1919 годах — командир 1/9-го (велосипедного) батальона территориальной обороны Гэмпширского полка, прибывшего в Екатеринбург в мае 1919 года. В 1922—1938 годах служил заместителем Управляющего и контролером Королевского монетного двора Великобритании. С 1920 года — командор, с 1928 года — рыцарь-командор Ордена Британской империи.

CC BY

переводчиков для бригады искали по всей Сибири и везли в Екатеринбург даже из Владивостока.

Снабжение Особой Русско-Английской бригады целиком взяла на себя Британская военная миссия в Сибири. Обучение мобилизованных военному делу шло по британским стандартам. Предполагалось, что британские офицеры поведут бригаду в бой, но формирование бригады не было закончено. Стремительное наступление Красной армии, вызвавшее срочную эвакуацию Екатеринбурга до завершения обучения солдат бригады, а также интриги русских офицеров, с ревностью и подозрением относившихся к этому начинанию британских союзников, привели к тому, что проект по формированию бригады был свернут, британские офицеры были отозваны на родину, а русские солдаты бригады, которых они обучали, были направлены в качестве пополнения в русские воинские части.

8—9 июля 1919 года британские офицеры расформированной Особой Русско-Английской бригады уехали из Екатеринбурга, и надобность в переводчиках отпала. Поэтому уже 10 июля 1919 года Крыжановский вернулся обратно в Разведывательное отделение штаба Сибирской армии. 31 июля 1919 года Ю. И. Крыжановский был переведен в Разведывательное отделение Походного штаба Главнокомандующего Восточным фронтом генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса на должность переводчика.

8 августа 1919 года вр. и. д. начальника Разведывательного отделения капитан С. Ю. Ловчицкий в рапорте начальнику Походного штаба Главнокомандующего Восточным фронтом полковнику Д. Н. Сальникову ходатайствовал о производстве Юрия Ильича в чин прапорщика, дав последнему прекрасную аттестацию:

«В период службы в Разведывательном отделении штаба Сибирской армии Ю. И. Крыжановский зарекомендовал себя с самой лучшей стороны.

Искренний патриот, человек кристаллической честности и преданный всем сердцем общему делу, Ю. И. Крыжановский был тем доверенным лицом, которому можно было поручить выполнение самых секретных и трудных заданий.

Ю. Крыжановского знают генералы Богословский и Томашевский и я полагаю, что моя его характеристика будет подтверждена ими.

С производством Ю. И. Крыжановского в офицеры армия в его лице приобретет преданного и честного офицера-патриота, все мысли которого будут прикованы к делу ее возрождения» [РГВА, ф. 39483, оп. 1, д. 58, л. 55—55об].

Надо отметить, что капитан Ловчицкий имел и практический интерес в производстве Крыжановского в первый офицерский чин. Он особо подчеркнул в своем рапорте, что погоны офицера существенно расширят возможности Юрия Ильича по сбору разведывательной информации:

CC BY

«Помимо этих чисто моральных оснований производства, докладываю, что в звании вольноопределяющегося Ю. И. Крыжановскому крайне трудно работать, ибо, к сожалению, звание солдата закрывает ему доступ во многие учреждения, где бы Разведывательному отделению было бы ценно почерпнуть много сведений» [Там же, л. 55 об].

Доводы капитана С. Ю. Ловчицкого были услышаны вышестоящим командованием. 6 сентября 1919 года приказом генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса по Восточному фронту № 83 Ю. И. Крыжановский был произведен в прапорщики по запасу армейской пехоты со старшинством с 25 июля 1918 года [Там же, л. 35].

Обстоятельства смерти Юрия Ильича нуждаются в уточнении. Предположительно, он погиб в конце 1919 или в начале 1920 года, находясь в рядах отступающей колчаковской армии. Не исключено, что он попал в плен к красным и был расстрелян органами ВЧК как бывший участник антибольшевистского подполья или умер от тифа, находясь в концлагере для военнопленных. Косвенным доказательством версии о попадании Ю. И. Крыжановского в плен служит судьба его непосредственного начальника С. Ю. Ловчицкого, который в начале 1920 года был взят в плен Красной армией — весьма вероятно, что вместе со всем штабным эшелоном.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование биографии инженера Юрия Ильича Крыжановского позволило существенно расширить существовавшие в историографии представления о руководящем составе, структуре и деятельности Екатеринбургской тайной военной организации весной-летом 1918 года, о ходе вооруженного восстания участников организации в Екатеринбурге в ночь с 24 на 25 июля 1918 года и о первой неудачной попытке поднять восстание в ночь с 23 на 24 июля 1918 года, а также об участии бывших екатеринбургских подпольщиков в политической борьбе на Востоке России во второй половине 1918 года, закончившейся установлением диктатуры адмирала А. В. Колчака.

Кроме того, результаты проведенного исследования важны для изучения биографий других представителей научно-технической интеллигенции. Так, например, они позволяют понять, каким образом кадровый артиллерийский офицер полковник А. Н. Лабунцов после окончания Гражданской войны резко изменил род деятельности, устроился на работу в Минералогический музей Академии наук и стал ученым-минералогом. Очевидно, что это стало возможным благодаря близкому знакомству Лабунцова с семьей Крыжановских (А. Н. Лабунцов, как и Ю. И. Крыжановский, в первой половине 1918 года входил в руководящий состав Ека-

CC BY

теринбургской тайной военной организации, собиравшийся на конспиративные заседания в доме отца Юрия Ильича). Точно так же объясняется и кульбит в судьбе журналиста Е. С. Синегуба, который в 1923 году неожиданно устроился товароведом-минералогом в трест «Русские самоцветы» [Носова, 2006, с. 386]. Синегуб был близко знаком с Ю. И. Крыжановским по созданию Всероссийского Национального союза, не удивительно, что впоследствии отец и братья Ю. И. Крыжановского помогли Е. С. Синегубу поменять профессию и стать минералогом.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Аресты* у кладбища // Уральская жизнь : [газета]. — 1918. — 30 июля. — № 124. — С. 2.

2. *В Национальном союзе* // Отечественные ведомости : [газета]. — 1919. — 11 января. — № 6. — С. 3.

3. *В Национальном союзе. Краткий отчет* // Отечественные ведомости : [газета]. — 1919. — 9 февраля. — № 30. — С. 2.

4. *Временная инструкция* по организации Всероссийского Национального союза // Отечественные ведомости : [газета]. — 1918. — 13 октября. — № 6. — С. 2.

5. *Декларация Екатеринбургского* отделения Всероссийского Национального союза // Отечественные ведомости : [газета]. — 1919. — 23 января. — № 15. — С. 4.

6. *Декларация Всероссийского* Национального союза // Отечественные ведомости : [газета]. — 1918. — 10 октября. — № 3. — С. 3.

7. *К организации* Национального союза // Отечественные ведомости : [газета]. — 1919. — 3 января. — № 2. — С. 2.

8. *Катагощин А.,* протоиерей. В лапах большевиков // Известия Екатеринбургской церкви : [газета]. — 1918. — 1—15 августа. — № 14. — С. 251—256.

9. *Манифестация* белогвардейцев // Уральская жизнь : [газета]. — 1918. — 28 июля. — № 123. — С. 2.

10. *Особое совещание* // Уральская жизнь : [газета]. — 1918. — 17 августа. — № 140. — С. 2.

11. *Скитания* русского офицера : Дневник Иосифа Ильина. 1914—1920. — Москва : Книжница, 2016. — 480 с. — ISBN 978-5-9905658-7-6.

12. РГВА — *Российский* государственный военный архив. Ф. 39483 (Штаб Восточного фронта). Оп. 1. Д. 58.

Литература

1. *Барсанов Г. П.* Жизнь и деятельность профессора Владимира Ильича Крыжановского (1881—1947) / Г. П. Барсанов // Труды Минералогического музея. — 1949. — Выпуск 1. — С. 7—17.

2. *Вебер М. И.* Деятельность антибольшевистского подполья на Урале по организации городских восстаний в 1918 г. / М. И. Вебер // Урал индустриальный : Бакунинские чтения : Индустриальная модернизация Урала в XVIII—XXI вв. Материалы XII Всерос-

сийской научной конференции. Екатеринбург, 4—5 декабря 2014 г. — В 2-х т. — Екатеринбург : УрФУ, 2014. — Т. 2. — С. 10—17. — ISBN 978-5-8295-0297-3.

3. *Ганин А. В.* Закат Николаевской военной академии 1914—1922 / А. В. Ганин. — Москва : Книжница, 2014а. — 768 с. — ISBN 978-5-903081-24-0.

4. *Ганин А. В.* Переход Военной Академии на сторону антибольшевистских сил в Екатеринбурге и Казани (июль — август 1918 г.) / А. В. Ганин // Известия лаборатории древних технологий. — 2014б. — № 2 (11). — С. 54—80.

5. *Годовиков А. А.* Владимир Ильич Крыжановский / А. А. Годовиков // Старейшие минералогические музеи СССР. — Москва : Наука, 1989. — Выпуск 25. — С. 72—81. — ISBN 5-02-002056-7.

6. *Кручинин А.М.* Белый Екатеринбург (1918—1919) : армия и власть / А. М. Кручинин. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2018. — 384 с. — ISBN 978-5-9909973-6-3.

7. *Кручинин А. М.* Надежды восемнадцатого года : страницы истории екатеринбургского антибольшевистского подполья 1918 г. / А. М. Кручинин // Белая армия. Белое дело. — 2004. — № 14. — С. 13—26.

8. *Ларьков Н. С.* Омский правительственный кризис в начале сентября 1918 г. / Н. С. Ларьков // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сибирская контрреволюция в годы гражданской войны. — Новосибирск : Изд-во НИИ МИОО НГУ, 1997. — Выпуск 1. — С. 54—64. — ISBN 5-88119-084-X.

9. *Матвиенко Е. Н.* Коллекция горного инженера И. Н. Крыжановского / Е. Н. Матвиенко // Новые данные о минералах. — 2008. — Выпуск 43. — С. 79—85.

10. *Мельгунов С. П.* Судьба императора Николая II после отречения / С. П. Мельгунов. — Нью-Йорк : Телекс, 1991. — 422 с. — ISBN 0-938181-16-5.

11. *Морозов К. Н.* Борис Савинков : опыт научной биографии / К. Н. Морозов. — Москва, Санкт-Петербург : Нестор-История, 2022. — 768 с. — ISBN 978-5-4469-1964-2.

12. *Неклюдов Е. Г.* Реформирование горного надзора в России во второй половине XIX — начале XX в. : проекты и их реализация / Е. Г. Неклюдов // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2020. — Т. 22. — № 2 (198). — С. 181—196. — DOI: 10.15826/izv2.2020.22.2.031.

13. *Носова А. Г.* Синегуб-Будаков Евгений Сергеевич. Фонд 675 / А. Г. Носова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2006. — С. 384—388. — ISBN 5-86007-433-6.

14. *Пученков А. С.* «Всем говорите, что мое путешествие очень опасное…» : письма генерала А. Н. Гришина-Алмазова его супруге (осень 1918 г.) / А. С. Пученков, А. В. Сушко, Д. И. Петин // Новейшая история России. — 2018. — Т. 8. — № 4. — С. 1058—1073. — DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.419.

15. *Селянинова Г. Д.* Деятельность А. С. Белевского-Белоруссова в Екатеринбурге в конце 1918 — первой половине 1919 года / Г. Д. Селянинова // Известия Уральского государственного университета. — 2003. — № 27. — С. 130—138.

16. *Хандорин В. Г.* Национальная идея и адмирал Колчак / В. Г. Хандорин. — Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. — 624 с. — ISBN 978-5-91244-202-5.

17. *Шишкин В. И.* Генерал А. Н. Гришин-Алмазов : крушение карьеры (конец августа — сентябрь 1918 г.) / В. И. Шишкин // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. — 2011. — Т. 10. — Выпуск 1. — С. 79—99.

18. *Шишкин В. И.* Командующий Сибирской армией А. Н. Гришин-Алмазов : штрихи к портрету / В. И. Шишкин // Контрреволюция на востоке России в период граж-

CC BY

данской войны (1918—1919 гг.). Сб. науч. ст. — Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2009. — С. 126—195. — ISBN 978-5-94356-736-0.

Статья поступила в редакцию 08.11.2023,
одобрена после рецензирования 07.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

Material resources

Arrests at the cemetery. (1918). *Uralskaya zhizn: [newspaper], 124. July 30th.* P. 2. (In Russ.).
Declaration of the All-Russian National Union. (1918). *Otechestvennye vedomosti: [newspaper], 3. October 10.* P. 3. (In Russ.).
Declaration of the Yekaterinburg branch of the All-Russian National Union. (1919). *Otechestvennye vedomosti: [newspaper], 15. January 23rd.* P. 4. (In Russ.).
In the National Union. (1919). *Otechestvennye vedomosti: [newspaper], 6. January 11th.* P. 3. (In Russ.).
In the National Union. Summary report. (1919). *Domestic vedomosti: [newspaper], 30. February 9th.* P. 2. (In Russ.).
Katagoshchin, A., archpriest. (1918). In the clutches of the Bolsheviks. *Izvestia of the Yekaterinburg Church: [newspaper], 14. August 1—15.* 251—256. (In Russ.).
RGVA — *Russian State Military Archive. F. 39483 (Headquarters of the Eastern Front). Op. 1. d. 58.* (In Russ.).
Special meeting. (1918). *Uralskaya zhizn: [newspaper], 140. August 17th*. P. 2. (In Russ.).
Temporary instructions on the organization of the All-Russian National Union. (1918). *Domestic Vedomosti: [newspaper], 6. October 13.* P. 2. (In Russ.).
The manifestation of the White Guards. (1918). *Uralskaya zhizn: [newspaper], 123. July 28.* P. 2. (In Russ.).
To the organization of the National Union. (1919). *Otechestvennye vedomosti: [newspaper], 2. January 3.* P. 2. (In Russ.).
Wanderings of a Russian officer: The Diary of Joseph Ilyin. 1914—1920. (2016). Moscow: Knizhnitsa. 480 p. ISBN 978-5-9905658-7-6. (In Russ.).

References

Barsanov, G. P. (1949). The life and work of Professor Vladimir Ilyich Kryzhanovsky (1881—1947). *Proceedings of the Mineralogical Museum, 1:* 7—17. (In Russ.).
Ganin, A. V. (2014a). *Sunset of the Nikolaev Military Academy 1914—1922.* Moscow: Knizhnitsa. 768 p. ISBN 978-5-903081-24-0. (In Russ.).
Ganin, A. V. (2014b). The transition of the Military Academy to the side of the anti—Bolshevik forces in Yekaterinburg and Kazan (July — August 1918). *Izvestia of the Laboratory of Ancient Technologies, 2 (11):* 54—80. (In Russ.).
Godovikov, A. A. (1989). Vladimir Ilyich Kryzhanovsky. In: *The oldest mineralogical museums of the USSR, 25.* Moscow: Nauka. 72—81. ISBN 5-02-002056-7. (In Russ.).
Khandorin, V. G. (2017). *The national idea and Admiral Kolchak.* Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. 624 p. ISBN 978-5-91244-202-5. (In Russ.).
Kruchinin, A. M. (2018). *Bely Yekaterinburg (1918—1919): army and power.* Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. 384 p. ISBN 978-5-9909973-6-3. (In Russ.).
Kruchinin, A. M. (2004). Hopes of the eighteenth year: pages of the history of the Yekaterinburg anti-Bolshevik underground in 1918. *White Army. A white matter, 14:* 13—26. (In Russ.).

CC BY

Larkov, N. S. (1997). Omsk government crisis at the beginning of September 1918. In: *Power and society in Siberia in the XX century. The Siberian counterrevolution during the Civil War, 1*. Novosibirsk: Publishing House of the Research Institute of MIOO NSU. 54—64. ISBN 5-88119-084-X. (In Russ.).

Matvienko, E. N. (2008). Collection of mining engineer I. N. Kryzhanovsky. *New data on minerals, 43:* 79—85. (In Russ.).

Melgunov, S. P. (1991). *The fate of Emperor Nicholas II after abdication.* New York: Telex. 422 p. ISBN 0-938181-16-5. (In Russ.).

Morozov, K. N. (2022). *Boris Savinkov: the experience of scientific biography.* Moscow, St. Petersburg: Nestor-History. 768 p. ISBN 978-5-4469-1964-2. (In Russ.).

Neklyudov, E. G. (2020). Reforming mining supervision in Russia in the second half of the XIX — early XX century: projects and their implementation. *Izvestiya Ural Federal University. Series 2. Humanities, 22 / 2 (198):* 181—196. DOI: 10.15826/izv2.2020.22.2.031. (In Russ.).

Nosova, A. G. (2006). Sinegub-Budakov Evgeny Sergeevich. Fund 675. In: *Yearbook of the Manuscript department of the Pushkin House for 2001.* St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 384—388. ISBN 5-86007-433-6. (In Russ.).

Puchenkov, A. S., Petin, D. I. (2018). "Tell everyone that my journey is very dangerous...": letters of General A. N. Grishin-Almazov to his wife (autumn 1918). *The modern history of Russia, 8 (4):* 1058—1073. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.419. (In Russ.).

Selyaninova, G. D. (2003). The activity of A. S. Belevsky-Belorusov in Yekaterinburg at the end of 1918 — the first half of 1919. *Proceedings of the Ural State University, 27:* 130—138. (In Russ.).

Shishkin, V. I. (2009). Commander of the Siberian Army A. N. Grishin-Almazov: strokes to the portrait. In: *Counterrevolution in the East of Russia during the Civil war (1918—1919). Collection of scientific articles.* Novosibirsk: Institute of History SB RAS. 126—195. ISBN 978-5-94356-736-0. (In Russ.).

Shishkin, V. I. (2011). General A. N. Grishin-Almazov: the collapse of a career (late August — September 1918). *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology, 10 (1):* 79—99. (In Russ.).

Weber, M. I. (2014). Activity of the anti-Bolshevik underground in the Urals on the organization of urban uprisings in 1918. In: *Ural industrialny: Bakunin readings: Industrial modernization of the Urals in the XVIII—XXI centuries. Materials of the XII All-Russian Scientific Conference. Yekaterinburg, December 4—5, 2014. In 2 volumes, 2.* Yekaterinburg: UrFU. 10—17. ISBN 978-5-8295-0297-3. (In Russ.).

The article was submitted 08.11.2023;
approved after reviewing 07.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Власов Н. А. Образ российского панславизма в германской официозной прессе конца XIX века / Н. А. Власов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 326—343. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-326-343.

Vlasov, N. A. (2023). Image of Russian Pan-Slavism in German Official Press at End of 19th Century. *Nauchnyi dialog, 12* (10): 326-343. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-326-343. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-326-343

Образ российского панславизма в германской официозной прессе конца XIX века

Власов Николай Анатольевич
orcid.org/0000-0001-7476-268X
кандидат исторических наук, доцент
кафедры теории и истории
международных отношений
n.vlasov@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда (РНФ),
проект № 23-28-00090 «Образ
российского панславизма в Западной
Европе в последней трети XIX века»

Image of Russian Pan-Slavism in German Official Press at End of 19th Century

Nikolay A. Vlasov
orcid.org/0000-0001-7476-268X
PhD of History, Associate Professor,
Department of Theory and History
of International Relations
n.vlasov@spbu.ru

Saint Petersburg
State University
(Saint Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00090
“The image of Russian pan-slavism
in Western Europe in the last third
of the 19th century”

© Власов Н. А., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Целью исследования является реконструкция образа российского панславизма в германской официозной прессе эпохи Бисмарка. Рассматриваются характерные черты этого образа и его эволюция с течением времени. Особое внимание уделяется связи между образом российского панславизма и развитием российско-германских отношений. Ключевым источником являются официозные газеты, использовавшиеся германским правительством как для влияния на общественное мнение внутри страны, так и для передачи неофициальных сообщений правящим кругам других европейских держав. Актуальность исследования обусловлена большим влиянием исторически сложившихся образов и представлений на международные отношения в современном мире. В результате исследования делается вывод о том, что официозная пресса обращалась к стереотипному образу российского панславизма как опасной угрозы европейскому миру, существовавшему в немецком обществе, и способствовала его дальнейшему укреплению. Этот образ широко использовался во второй половине 1880-х годов, во время серьезного кризиса в российско-германских отношениях.

Ключевые слова:
российский панславизм; германская официозная пресса; российско-германские отношения; образ страны; имагология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The aim of the research is to reconstruct the image of Russian Pan-Slavism in the German official press during the Bismarck era. The study examines the characteristic features of this image and its evolution over time, with particular attention given to the relationship between the image of Russian Pan-Slavism and the development of Russian-German relations. The key source for this research is official newspapers, which were used by the German government to influence public opinion within the country and to transmit unofficial messages to ruling circles in other European states. The relevance of this research lies in the significant impact that historically established images and perceptions have on international relations in the modern world. The study concludes that the official press referred to the stereotypical image of Russian Pan-Slavism as a dangerous threat to the European world, which existed in German society, and contributed to its further strengthening. This image was widely used in the second half of the 1880s during a serious crisis in Russian-German relations.

Key words:
Russian Pan-Slavism; German official press; Russian-German relations; image of the country; imagology.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(430).082/.084

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история

Образ российского панславизма в германской официозной прессе конца XIX века

© Власов Н. А., 2023

1. Введение = Introduction

Последняя четверть XIX века стала временем серьезной трансформации отношений между Российской и Германской империями. Из добрососедских, почти союзнических эти отношения стали враждебными — оба государства оказались членами противостоящих друг другу военно-политических блоков. Закономерным следствием данного развития стала, в частности, Первая мировая война.

Вышеуказанная трансформация стала следствием действия множества факторов их различных областей — от международной политики и экономики до общественного сознания. Заметную роль здесь сыграли представления о соседней стране и народе, существовавшие как у обычных людей, так и у ключевых фигур политической элиты обеих империй. В конечном счете, именно на основе этих представлений министры и дипломаты принимали решения с далеко идущими последствиями.

Если существовавший в немецком обществе первой половины XIX века образ России изучен достаточно хорошо [Заиченко, 2004; Заиченко, 2007; Заиченко, 2021], то применительно второй половине того же столетия ситуация иная. Помимо обзорных работ Л. Копелева [Kopelew, 2000] и М. Ламмих [Lammich, 1978; Lammich, 2000], существует лишь сравнительно небольшое число исследований, посвященных образу России (или отдельным его составляющим) у германских политиков в прессе и публицистике второй половины XIX века. При этом практически неизученной остается такая важная составляющая этого образа, как представления о российском панславизме.

Между тем в последней четверти XIX века именно российский панславизм вызывал большой интерес в Западной и Центральной Европе, в том числе в Германии. Панславистов нередко считали самой могущественной силой в российской политике, которой не в состоянии противостоять даже император. Так, германский канцлер О. фон Бисмарк в 1883 году говорил о «будущей панславистской направленности всей русской политики» [Bismarck, 2010, S. 492]. У военно-политической элиты Германской империи такое развитие ситуации вызывало большую тревогу, причем не вызывает

CC BY

сомнения тот факт, что эта тревога являлась в значительной степени искренней [Власов, 2023]. В Берлине полагали, что панславизм сделает политику России непредсказуемой и агрессивной; он объявлялся основной причиной ухудшения двусторонних отношений. Именно такой точки зрения придерживался, в частности, генерал-квартирмейстер Большого генерального штаба А. фон Вальдерзее [Waldersee, 1922, S. 301].

Политическая элита Германской империи не только руководствовалась определенным образом российского панславизма в своих действиях, но и транслировала его обществу. Одним из главных инструментов являлась при этом официозная пресса. Она была одновременно выразительницей правительственной точки зрения и инструментом формирования общественного мнения, а также могла использоваться для того, чтобы неофициально обнародовать важные сообщения для правящих элит зарубежных стран.

В то же время официозная пресса не могла игнорировать шедшие независимо от нее общественные дискуссии и вынуждена была занимать определенную позицию по важным с точки зрения общества вопросам. В противном случае она лишилась бы актуальности и утратила свою эффективность в качестве инструмента формирования общественного мнения. Все это делает официозную прессу важным источником при изучении как общественных настроений, так и внешней политики Германской империи.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковую базу исследования составила германская официальная пресса 1870—1890-х годов. Спектр таких изданий был довольно широк — от печатных органов, находившихся под полным негласным (но общеизвестным) контролем правительства, до независимых газет, тесно сотрудничавших с властями в обмен на дотации и привилегии. В самой Германии такого рода официозные издания часто называли «рептилиями». В фокусе данной статьи находятся в первую очередь газеты, напрямую контролируемые правительством. Эти издания обладали важной отличительной особенностью: поскольку их связь с властями не являлась секретом ни для кого, они рассматривались (в том числе за рубежом) как выразители официальной позиции. Опубликованные в данных газетах тексты могли оказывать прямое воздействие на отношения Германии с другими государствами. Посвященные международным вопросам публикации использовались правительством как для того, чтобы повлиять на немецкое общественное мнение, так и для передачи определенных полуофициальных сигналов зарубежным партнерам [Fischer-Frauendienst, 1963, S. 82]. Именно поэтому официозная пресса является не только самостоятельным, но и весьма интересным объектом исследования, заслуживающим особого внимания.

CC BY

Таким образом, целью представленной статьи является реконструкция образа российского панславизма в германской официозной прессе последней четверти XIX века, а также выявление эволюции данного образа с течением времени и его связи с динамикой развития российско-германских отношений.

Бисмарк, занимавший пост главы сначала прусского, а затем германского правительства с 1862 по 1890 годы, придавал работе с прессой большое значение и лично контролировал это направление. Он считал, что взаимодействие государства с прессой должно быть скрыто от глаз общественности и потому носить неформальный характер [Fischer-Frauendienst, 1963, S. 27]. В разгар прусского «конституционного конфликта» в 1863 году была основана еженедельная газета «Провинциальная корреспонденция» («Provinzial-Correspondenz»), публиковавшая в первую очередь общественно-политические новости. Уже к концу следующего года ее тираж составил почти 30 тысяч экземпляров [Koszyk, 1966, S. 235]. Максимальный тираж в 150 тысяч экземпляров был достигнут в начале 1880-х годов [Hoppe, Stöber, 2012, S. 154]. Одной из главных задач издания было централизованное снабжение материалами локальных газет, выпускавшихся местными органами власти. Таким образом, «Провинциальная корреспонденция» играла роль своеобразного информационного бюро. Вскоре газета стала играть роль приложения ко многим уездным изданиям. Значительная часть текстов готовилась сотрудниками так называемого «Литературного бюро», подчиненного прусскому министерству внутренних дел, и отдела по делам прессы ведомства иностранных дел. Выпуск газеты продолжался до 1884 года.

В начале 1880-х годов ввиду нарастающих внутриполитических сложностей Бисмарк счел необходимой провести реорганизацию системы работы с прессой. В 1882 году был начат выпуск газеты «Новейшие известия» («Neueste Mittheilungen»), выходившей два раза в неделю — по понедельникам и четвергам. Если правительственный характер «Провинциальной корреспонденции» являлся общеизвестным фактом (хотя публично Бисмарк неоднократно его отрицал [Fischer-Frauendienst, 1963, S. 62]), то новое издание должно было оставаться формально независимым. Контроль над ним со стороны Министерства внутренних дел имел секретный характер. Связь с локальными изданиями поддерживалась неофициально, через доверенных лиц, в задачи которых входила также переработка текстов [Stöber, 1996, S. 432]. Главным редактором стал Г. Клее. Главная задача по-прежнему заключалась в том, чтобы снабжать правильно поданным материалом локальные издания. Последние, кроме того, получали субсидии из секретных фондов. Тираж «Новейших известий» был невелик, однако суммарный тираж связанных с ними уездных газет, распространявших официозные материа-

CC BY

лы, достигал к концу 1880-х годов полумиллиона экземпляров [Stöber, 1996, S. 440]. Естественно, полностью скрыть от глаз общественности официозный характер издания не удалось, однако формально правительство не несло ответственности за публикуемые там статьи. Выпуск «Новейших известий» продолжался до 1894 года и был прекращен только после ухода в отставку преемника Бисмарка — канцлера Л. фон Каприви.

В качестве основного метода исследования применялся качественный контент-анализ. Конкретная методика работы с источниковой базой была заимствована у немецкой исследовательницы, теоретика качественного контент-анализа М. Шрайер; она подразумевает анализ не только количества сообщений, но и их контекста и содержания [Schreier, 2012]. В рамках исследования все упоминания о панславизме в прусско-германской официозной прессе за период с 1867 по 1894 годы были включены в специальную базу данных, в рамках которой была проведена сортировка по тематике и контексту. В базу были также включены публикации из локальной газеты «Тельтовский уездный листок» («Teltower Kreisblatt»), которую можно рассматривать как типичный образец прусской локальной прессы. Сравнение маериалов официозных газет и локальной прессы позволило выявить особенности и закономерности сотрудничества между изданиями данных типов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Формирование образа российского панславизма в германской официозной прессе

Анализируя образ российского панславизма в официозной прессе, следует сразу же обратить внимание на весьма любопытную особенность: подавляющее большинство обращений к данной теме приходится на вторую половину 1880-х годов. Как до, так и после этого временного отрезка встречаются лишь единичные упоминания. Это тем более примечательно, что тема российского панславизма начала активно обсуждаться в независимой германской прессе различных политических направлений еще во время Восточного кризиса 1875—1878 годов.

Поднималась эта тема и на заседаниях парламента. После Берлинского конгресса на фоне резкого ухудшения российско-германских отношений о панславистской угрозе заговорили в германском рейхстаге депутаты не только оппозиционных, но и близких к правительству партий [Stenografische Berichte…, 1880, S. 37]. О российском панславизме активно писал целый ряд германских публицистов, наиболее значимым из которых являлся Ю. фон Эккардт — выходец из остзейских губерний, автор десятка книг и множества газетных статей [Garleff, 1974]. Имперский канцлер О. фон Бисмарк начиная с 1879 года непрерывно упоминал российскую «пансла-

CC BY

вистскую партию» как в частных беседах, так и в деловой переписке [Власов, 2021, с. 206—210].

При этом на страницах официозной прессы на рубеже 1870—1880-х годов можно встретить лишь единичные упоминания о панславизме. В сентябре 1879 года «Провинциальная корреспонденция», комментируя визит Бисмарка в Австрию, заявила, что сближение с Германией позволяет монархии Габсбургов защитить себя от панславизма, — не упоминая, откуда именно исходит эта угроза [Fürst Bismarck…, 1879]. Спустя полгода в той же газете была опубликована статья, анализировавшая только что состоявшееся покушение на Александра II; здесь говорилось, что российский панславизм возник после восстания 1863 года в Польше, занимался возбуждением народных страстей против иностранных держав и внес значительный вклад в развязывание русско-турецкой войны 1877—1878 годов [Der neue Mordanschlag…, 1880].

На протяжении первой половины 1880-х годов эта тенденция сохранялась. Как в «Провинциальной корреспонденции», так и в «Новейших известиях» сербский панславизм упоминался гораздо чаще российского. При этом каждое упоминание последнего сопровождалось обязательным заявлением о том, что панслависты не имеют влияния на российскую политику [Zur politischen Lage, 1882]. Официозная пресса в данном случае выражала официальную точку зрения: внутренние процессы в России не касаются Германии, в Берлине полностью доверяют российскому императору.

Как можно объяснить столь примечательную сдержанность? Очевидно, что речь идет о вполне сознательно проводившейся линии. Несмотря на ухудшение отношений между Берлином и Петербургом, германское правительство не собиралось обострять уже существующие противоречия, оставляя открытым путь для последующего сближения. Задачей Бисмарка являлось восстановление «Союза трех императоров» (чего ему и удалось добиться в 1881 году) [Canis, 2008, S. 163]. Именно поэтому, крайне негативно характеризуя российскую политику в частных беседах и служебной корреспонденции, германский канцлер избегал соответствующих публичных высказываний, позиционируя себя как сторонника дружбы двух империй. Аналогичным образом действовала и «Провинциальная корреспонденция»: в Петербурге прекрасно знали об официозном характере этой газеты, и публикация на ее страницах критических статей о России могла негативно сказаться на двусторонних отношений. Это было особенно актуально в первой половине 1880-х годов, когда российско-германские отношения носили внешне дружественный характер, а Бисмарк прилагал большие усилия к тому, чтобы укрепить в Петербурге позиции сторонников сближения с Берлином (к числу таковых относился, в частности, министр

CC BY

иностранных дел Н. К. Гирс). Германский посол в Российской империи Г. Л. фон Швейниц, в целом поддерживавший курс на поддержание хороших отношений между двумя империями, в 1884 году даже писал в своем дневнике о «преувеличенной нежности», которую Бисмарк проявляет в отношении российского правительства [Schweinitz, 1927, S. 275].

Ситуация изменилась только в середине 1886 года. В «Новейших известиях» деятельность российских панславистов в дальнейшем упоминалась несколько раз в месяц. При этом газета не опубликовала ни одного материала, который подробно и систематически рассказывал бы читателю о российском панславизме, его идеологии и целях, основных органах и действующих лицах. Авторы статей исходили из того, что читатель хорошо знаком с данным явлением, — и были во многом правы, поскольку в информационном пространстве Германской империи уже существовал сложившийся образ российского панславизма. Официозной прессе оставалось лишь использовать этот образ, придавая ему дополнительные оттенки.

3.2. Образ российского панславизма в официозной прессе второй половины 1880-х годов

На страницах «Новейших известий» и связанных с ней локальных газет российский панславизм изображался во второй половине 1880-х годов в виде могущественной силы, оказывающей доминирующее влияние на общественное мнение. Основным инструментом данного влияния представлялась пресса. Словосочетание «панслависткая пресса» постоянно встречалось на страницах германских официозных газет и временами использовалось в качестве характеристики российской периодики в целом. Из общей массы исключались только российские официозные газеты, которые предположительно пытались противостоять панславистскому хору. Попытки эти, по мнению «Новейших известий», были не слишком удачны: «Панслависткая пресса чувствует себя достаточно могущественной для продолжения своей прежней политики» [Die Erklärung…, 1887].

Неудивительно, что в качестве безусловного лидера российских панславистов германский официоз называл главного редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова [Nichtamtliches…, 1887]. Здесь стоит упомянуть о том, что Катков был хорошо известен в Германии, а Бисмарк лично относился к нему с глубокой неприязнью [Власов, 2023, с. 304]. Именно поэтому смерть знаменитого публициста летом 1887 года вызвала в германской официозной прессе плохо скрываемую радость: ее называли большой потерей для панславистов, поскольку именно личное влияние Каткова являлось главным козырем этой группировки [Rundschau…, 1887]. Несколькими месяцами ранее «Новейшие известия» даже приписывали лидеру панславистов ведение по собственной инициативе переговоров

CC BY

с французскими дипломатами о союзе двух государств — настолько высоко оценивались его влияние и самостоятельность. Царь, говорилось в той же статье, не хочет идти на поводу у Каткова, но и не в состоянии полностью порвать с ним [Die Bestrebungen…, 1887]. Официозная пресса подводила своего читателя к выводу о том, что Александр III бессилен перед влиянием панславистской группировки в российской элите.

В числе других лидеров панславизма германская официозная пресса называла Н. П. Игнатьева («душа панславизма» [Politische Wochenschau…, 1888]), Е. В. Богдановича [Rundschau…, 1888], Д. А. Толстого [Aus dem Auslande…, 1889], М. И. Драгомирова и Н. Н. Обручева [Ausland…, 1895]. Примечательно, что речь в данном случае идет практически исключительно о государственных и военных деятелях, занимавших значимые посты: Д. А. Толстой являлся в описываемый период министром внутренних дел, Н. Н. Обручев — начальником Главного штаба и т. д. При этом практически не удостаивались упоминания идеологи панславизма из числа философов, историков, писателей и публицистов. Главной задачей официозной прессы являлось внушить читателю мысль о том, что панславизм располагает большим числом сторонников в рядах российской властной элиты и поэтому представляет собой актуальную политическую угрозу.

Внутриполитическая программа и деятельность панславистов упоминались в германской официозной прессе лишь мимоходом. Панслависты изображались в виде деструктивной силы, жаждущей серьезных потрясений в России. Комментируя покушение на Александра III в марте 1887 года, «Новейшие известия» задавали вопрос о том, являлось ли оно делом рук нигилистов или же панславистов, недовольных миролюбием монарха и утратой влияния [Aus dem Auslande…, 1887]? С деятельностью панславистов связывалась и политика в остзейских провинциях [Europa…, 1887, S. 4], а также меры, принимаемые в отношении немецких колонистов [Deutsche Kolonisten…, 1887]. Однако подобного рода заявления носят в источниках единичный характер; Бисмарк не считал возможным вмешиваться в судьбу российских подданных немецкого происхождения, и поэтому официозная пресса не стремилась развивать данную тему [Власов, 2021, С. 151].

Основное внимание в германских официозных газетах второй половины 1880-х годов уделялось внешнеполитической программе российских панславистов и их влиянию на международные отношения. В «Новейших известиях» неоднократно подчеркивалось, что панслависты полны ненависти к Германии и Австрии и систематически возбуждают такую же ненависть к западным соседям в российском обществе [Politische Tagesfragen…, 1887]. Их конечной целью является война с Германией, которую они всеми силами пытаются спровоцировать [Nichtamtliches…, 1887]. Именно

CC BY

поэтому, писал германский официоз, панслависты прекрасно находят общий язык с французскими шовинистами и содействуют заключению союза между Парижем и Петербургом; французы представали иногда даже в виде направляющей силы, использующей российских панславистов в собственных целях [Die Periode…, 1887, S. 2].

Панславистов обвиняли также в активной деятельности за пределами России — например, в том, что они ведут пропаганду в Румынии через торговцев православными иконами, которые якобы пользуются покровительством российского посольства [Politische Wochenschau…, 1889]. В итоге активность панславистов, по мнению германской официозной прессы, только наносила Российской империи ущерб на международной арене — например, снижая доверие к ней со стороны европейских финансовых кругов: «Несомненно, что усиление влияния панславистов <…> дает основания для беспокойства иностранным кредиторам России» [Russische Werthe…, 1887].

В большинстве материалов при этом неизменно подчеркивалось, что панславистская агитация не в силах повлиять на миролюбивую внешнюю политику российского императора Александра III: «Его серьезный характер дает нам надежду на то, что он не позволит панславистской партии принудить себя к поспешным решениям» [Rundschau…, 1889]. Это неудивительно, поскольку заявить нечто противоположное на страницах официозной прессы было недопустимо по дипломатическим соображениям. Публикации в «Новейших известиях» воспринимались, в том числе в Петербурге, как отражение официальной позиции германских властей. Лишь изредка официозная пресса позволяла себе намекнуть на доминирующее влияние панславистов. К примеру, в марте 1887 года «Новейшие известия» сетовали на то, что российские официальные органы не в силах обуздать Каткова [Die Erklärung…, 1887]. В конце 1887 года панславистским влиянием объяснялись угрожающие передвижения российских войск к западной границе [Militärische Berathung…, 1887, S. 3]. Год спустя это влияние было названо «почти что господствующим в российской политике» [Eine neue…, 1888]. Таким способом официальному Петербургу направлялись сигналы о том, что в Берлине обеспокоены усилением могущества панславистов и определенными тенденциями в российской политике.

Характерной чертой панславистской агитации германская официозная пресса называла ее лживость. На страницах «Новейших известий» неоднократно подчеркивалось, что панслависты искажают историю (к примеру, Берлинского конгресса [Rußland…, 1887]) и современные процессы (к примеру, миролюбивую речь молодого Вильгельма II представляют как воинственную, «неслыханно исказив» ее [Aus dem Inlande…, 1890]). К со-

CC BY

жалению, писала германская официозная газета, эти фальсификации оказывают большое влияние на российское общественное мнение [Politische Tagesfragen…, 1887].

В результате именно российский панславизм представал во второй половине 1880-х годов на страницах германской официозной прессы главной (наряду с французским шовинизмом) угрозой европейскому миру и спокойствию. «Панславистские деревья» могут «прорасти в европейское небо», — такая метафора содержалась в обзоре международной ситуации, опубликованном в «Новейших известиях» в конце 1887 года [Europa…, 1887, S. 4].

Примечательно, что со второй половины 1889 года германская пресса все реже писала о российском панславизме. Сам образ оставался неизменным: панслависты по-прежнему ненавидят Германию и немцев [Krieg…, 1893, S. 2], а также стремятся к союзу с Францией и европейской войне [Zur Lage…, 1891]. Поводами в очередной раз повторить эти тезисы стали российско-французское сближение первой половины 1890-х годов и борьба вокруг военного законопроекта 1893 года в самой Германии, потребовавшая вновь обратиться к образу внешней угрозы.

«Российский император, конечно, полон искреннего миролюбия, — писали «Новейшие известия» в большой статье «Война на два фронта» в январе 1893 года — Но панславистское течение считает, что Германия мешает осуществлению всех его оправданных и неоправданных ожиданий, и дело зашло так далеко, что популярная российская газета смогла заявить: путь в Константинополь ведет через Бранденбургские ворота. Учитывая ту степень, в которой панславистская пресса является выразительницей российского общественного мнения, там и без письменного договора существует самое близкое взаимопонимание с Французской республикой и в особенности с апостолами реванша» [Krieg…, 1893, S. 2]. Однако к тому моменту подобного рода публикации стали скорее исключением; в общем и целом к середине 1890-х годов упоминания о российском панславизме практически исчезли со страниц официозной прессы.

3.3. Официозная пресса и внешняя политика

Чем объясняется всплеск упоминаний о панславизме во второй половине 1880-х годов? Существующие исследования внешней политики Бисмарка рассматриваемого периода (среди которых следует в первую очередь назвать работы К. Каниса [Canis, 2008], Г. Мюллер-Линка [Müller-Link, 1977] и З. Вегнер-Корфес [Wegner-Korfes, 1982]) дают нам возможность ответить на этот вопрос.

Очевидно, что главной причиной стала очередная «военная тревога», последовавшая за Болгарским кризисом 1885 года. Отношения Германии с Россией и Францией в 1886—1887 годы значительно ухудшились, сто-

CC BY

роны готовились к возможной войне. Руководство прусского Большого генерального штаба выступало с идеей превентивного нападения на Российскую империю и вступило в прямые переговоры по данному вопросу с австрийской военной верхушкой.

Бисмарк категорически возражал против подобных авантюрных замыслов, не желая доводить дело до реального вооруженного конфликта, однако в то же время поддерживал определенный градус напряженности в российско-германских отношениях. «Железный канцлер» к тому моменту был глубоко убежден в том, что для поддержания добрых отношений с Российской империей необходимо выступать с позиции силы, поскольку любую вежливость и предупредительность русские почитают за слабость [Bismarck, 2014, S. 153]. Именно в этом русле находились принятые в 1887 году по его распоряжению меры против российских ценных бумаг на берлинском финансовом рынке — так называемый «Залоговый запрет» (Lombardverbot). Соответствующая кампания активно поддерживалась официозной прессой, публиковавшей подробные статьи с разъяснением сути принятых мер [Russische Werthe…, 1887].

Публикации в германских официозных газетах также должны были продемонстрировать российским правящим кругам, что в Берлине обеспокоены происходящим в России и ощущают угрозу с ее стороны, а также готовы при необходимости ответить на эту угрозу жесткими мерами. Формально независимый характер «Новейших известий» придавал этим сигналам характер полуофициальных. Таким образом, пресса в данном случае выступала в качестве вспомогательного инструмента дипломатии.

Внешнеполитический кризис активно использовался Бисмарком и для влияния на внутриполитические процессы второй половины 1880-х годов: образование так называемого «картеля» из верных правительству партий, организация предвыборной кампании в 1887 году, принятие новых военных законов 1887—1888 годов. Для воздействия на избирателя официозная пресса, как это часто бывает в подобных случаях, использовала устрашающий образ внешней угрозы — со стороны французских шовинистов и российских панславистов. Необходимость сплотиться перед лицом внешней угрозы, увеличить финансирование вооруженных сил, поддержать «дружественные империи» политические партии во имя собственной безопасности — именно в этом убеждали своих читателей официозные газеты.

В результате официозная пресса, не переходя определенной черты, все же рисовала во второй половине 1880-х годов и в меньшей степени в 1890-е годы картину враждебной и угрожающей России; ключевым элементом данной картины являлся образ российского панславизма. Сочетание внешне- и внутриполитических мотивов побудило германское правительство

CC BY

отойти от прежней сдержанности и вслед за целым рядом политиков и публицистов использовать тему «панславистской угрозы» для достижения своих целей. Нельзя в данном случае обойти вниманием и тот образ российского панславизма, который к тому времени сформировался в германской прессе самых различных направлений; официозные газеты, по сути, лишь подхватили тему, которая уже давно присутствовала в информационном пространстве Второго рейха.

К 1889 году острая фаза кризиса в российско-германских отношениях миновала, и официозная пресса немедленно отреагировала на это уменьшением количества статей, посвященных панславистской проблеме. Сами по себе политические отношения между Петербургом и Берлином продолжали ухудшаться — в особенности после того, как правительство Л. фон Каприви отказалось в 1890 году от продления секретного «договора перестраховки» с Россией [Canis, 2008, S. 382]. Однако германское внешнеполитическое руководство, как и в начале 1880-х годов, стремилось ограничить ущерб для двусторонних отношений — в особенности после того, как явственно наметилось российско-французское сближение. Это, в свою очередь, требовало сдержанности в официальных высказываниях и официозной прессе.

4. Заключение = Conclusions

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что образ российского панславизма в германской официозной прессе в целом соответствовал стереотипному негативному образу, существовавшему в рамках немецкого политического и общественного дискурса конца XIX века. Этот образ занимал важное, вероятно, временами даже центральное место в представлениях немцев о России. Ключевыми его составляющими являлись представление о большом влиянии панславистов на российское общество и государство, их практически полном контроле над российской прессой, агрессивном национализме и экспансионизме, патологической ненависти к немцам и стремлении к войне. «Путь в Византию лежит через Берлин» — так, по мнению германской прессы, звучал лозунг панславистов [Krieg…, 1893, S. 2]. В результате именно могущественное панславистское движение превращало Россию в германском дискурсе в нестабильного, иррационального и опасного соседа.

До середины 1880-х годов германская официозная пресса практически не использовала указанный образ российского панславизма. Бисмарк не хотел подвергать опасности хорошие отношения с Россией, ради поддержания которых он (по крайней мере, по его собственному мнению) прикладывал большие усилия [Власов, 2021, с. 223]. Поэтому на страницах

официозных газет указанного периода практически невозможно встретить упоминания о панславизме в России.

Лишь во второй половине 1880-х годов в связи с серьезным внешнеполитическим кризисом официозная пресса начала активно обращаться к образу «панславистской угрозы», используя и укрепляя уже существовавшие стереотипы. Это делалось для решения как внешнеполитических (давление на Россию), так и внутриполитических (консолидация общества с помощью образа внешней опасности) задач. Большую роль при этом играла убежденность германского военно-политического руководства в неизбежности ухудшения российско-германских отношений и необходимости проводить в отношении Петербурга жесткий курс, демонстрируя готовность к конфликту.

Публикации в официозной прессе, безусловно, значительно укрепляли уже существовавший в германском информационном пространстве образ «панславистской угрозы». Статьи в «Новейших известиях» практически без корректировок перепечатывались многочисленными локальными газетами. При этом тексты либо оставались неизменными, либо подвергались легкой редакторской переработке, не влиявшей на основные тезисы. Учитывая, что локальная пресса являлась в конце XIX века для многих немцев — в особенности в сельской местности — главным источником информации, влияние этих публикаций на германское общественное мнение следует оценить как достаточно высокое.

Когда кризис миновал, официозная пресса в значительной степени утратила интерес к российским панславистам; стереотипный образ не изменился и не исчез полностью с ее страниц, но появлялся гораздо реже. Основной причиной этого стала проводившаяся в середине 1890-х годов политика сближения с Россией. Тема российского панславизма вновь начнет активно использоваться официозной печатью только накануне и во время Первой мировой войны.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Aus dem* Auslande // Neueste Mittheilungen. — 1887. — № 31. — S. 4.
2. *Aus dem* Auslande // Neueste Mittheilungen. — 1889. — № 36. — S. 4.
3. *Aus dem* Inlande // Neueste Mittheilungen. — 1890. — № 41. — S. 3.
4. *Ausland* // Teltower Kreisblatt. — 1895. — № 216. — S. 2.
5. *Bismarck O.* Gesammelte Werke. Abteilung III : 1871—1898. Schriften / O. Bismarck. — Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2010. — Bd. 5. — 678 S.
6. *Bismarck O.* Gesammelte Werke. Abteilung III : 1871—1898. Schriften / O. Bismarck. — Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2014. — Bd. 8. — 679 S.

7. *Der neue Mordanschlag* gegen den Kaiser Alexander // Provinzial-Correspondenz. — 1880. — № 9. — S. 1.

8. *Deutsche Kolonisten* in Rußland // Neueste Mittheilungen. — 1890. — № 5. — S. 3.

9. *Die Bestrebungen* des Panslavismus // Neueste Mittheilungen. — 1887. — № 38. — S. 4.

10. *Die Erklärung* des russischen Regierungsanzeigers… // Neueste Mittheilungen. — 1887. — № 35. — S. 5.

11. *Die Periode* Boulanger // Neueste Mittheilungen. — 1887. — № 58. — S. 1—2.

12. *Eine neue* russische Anleihe // Neueste Mittheilungen. — 1888. — № 112. — S. 3.

13. *Europa* im Jahre 1887 // Neueste Mittheilungen. — 1887. — № 122. — S. 3–4.

14. *Fürst Bismarck* in Wien // Provinzial-Correspondenz. — 1879. — № 39. — S. 4.

15. *Krieg* mit zwei Fronten // Neueste Mittheilungen. — 1893. — № 8. — S. 1—3.

16. *Militärische Berathung* beim Kaiser // Neueste Mittheilungen. — 1887. — № 120. — S. 2—3.

17. *Nichtamtliches* // Teltower Kreisblatt. — 1887. — № 37. — S. 1.

18. *Politische Tagesfragen* // Neueste Mittheilungen. — 1887. — № 49. — S. 3.

19. *Politische Wochenschau* // Neueste Mittheilungen. — 1888. — № 56. — S. 3.

20. *Politische Wochenschau* // Neueste Mittheilungen. — 1889. — № 29. — S. 4.

21. *Rundschau* // Teltower Kreisblatt. — 1887. — № 89. — S. 1.

22. *Rundschau* // Teltower Kreisblatt. — 1888. — № 48. — S. 5.

23. *Rundschau* // Teltower Kreisblatt. — 1889. — № 121. — S. 2.

24. *Russische Werthe* // Neueste Mittheilungen. — 1887. — № 70. — S. 1.

25. *Rußland,* Deutschland, Österreich-Ungarn // Neueste Mittheilungen. — 1887. — № 47. — S. 1.

26. *Schweinitz H. L.* Denkwürdigkeiten des Botschafters General von Schweinitz / H. L. Schweinitz. — Berlin : Verlag von Reimar Hobbing, 1927. — Bd. 2. — 479 S.

27. *Stenografische Berichte* über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. — Berlin : Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung, 1880. — 684 S.

28. *Waldersee A.* Denkwürdigkeiten / A. Waldersee. — Stuttgart, Berlin : Deutsche Verlags-Anstalt, 1922. — Bd. 1. — 423 S.

29. *Zur Lage* // Teltower Kreisblatt. — 1891. — № 96. — S. 1.

30. *Zur politischen Lage* // Neueste Mittheilungen. — 1882. — № 1. — S. 4.

Литература

1. *Власов Н. А.* Образ российского панславизма у германской военно-политической элиты 1870—1880-х гг. / Н. А. Власов // Диалог со временем. — 2023. — Выпуск 84. — С. 297—307.

2. *Власов Н. А.* Россия глазами Бисмарка / Н. А. Власов. — Санкт-Петербург : Евразия, 2021. — 286 с. — ISBN 978-5-8071-0548-6.

3. *Заиченко О. В.* Немецкая публицистика и формирование образа России в общественном мнении Германии в первой половине XIX века : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.03 / О. В. Заиченко. — Москва, 2004. — 317 с.

4. *Заиченко О. В.* Немецкий внешнеполитический дискурс второй четверти XIX в. Возрождение комплекса «русской угрозы» / О. В. Заиченко // Вопросы истории. — 2021. — № 11—3. — С. 4—21. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202111Statyi75.

5. *Заиченко О. В.* Формирование образа России как части консервативного мировоззрения (на примере Германии первой половины XIX века) / О. В. Заиченко // Россия и Германия. — Москва : Наука, 2007. — Выпуск 4. — С. 22—52.

CC BY

6. *Canis K.* Bismarcks Außenpolitik 1870—1890. Aufstieg und Gefährdung / K. Canis. — Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2008. — 449 S.

7. *Fischer-Frauendienst I.* Bismarcks Pressepolitik / I. Fischer-Frauendienst. — Münster : Verlag C. J. Fahle GmbH, 1963. — 172 S.

8. *Garleff M.* Zum Rußlandbild Julius von Eckardts / M. Garleff // Kieler Historische Studien. — 1974. — Bd. 22. — S. 206—224.

9. *Hildebrand K.* Bismarck und Russland. Aspekte der deutsch-russischen Beziehungen 1871—1890 / K. Hildebrand // Otto von Bismarck und das „lange 19. Jahrhundert". Lebendige Vergangenheit im Spiegel der „Friedrichsruher Beiträge" 1996—2016. — Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2017. — S. 454—466. — ISBN 978-3-506-78697-5.

10. *Hoppe A.* Amtspresse in Preußen. Zur Erschließung der Provinzial-Correspondenz und Neuesten Mittheilungen / A. Hoppe, R. Stöber // Historical Social Research — Historische Sozialforschung. — 2012. — Bd. 37. — № 4. — S. 150—171.

11. *Kopelew L.* Am Vorabend des großen Krieges / L. Kopelew // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert : Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. — München : Wilhelm Fink Verlag, 2000. — S. 11—109. — ISBN 3-7705-3209-0.

12. *Koszyk K.* Deutsche Presse im 19. Jahrhundert / K. Koszyk. — Berlin : Colloquium Verlag Otto H. Hess, 1966. — 372 S.

13. *Lammich M.* Das deutsche Osteuropa-Bild in der Zeit der Reichsgründung / M. Lammich. — Boppard am Rhein : Harald Boldt, 1978. — 298 S.

14. *Lammich M.* Vom „Barbarenland" zum „Weltstaat" — Rußland im Spiegel liberaler und konservativer Zeitschriften / M. Lammich // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert : Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. — München : Wilhelm Fink Verlag, 2000. — S. 146—198.

15. *Müller-Link H.* Industrialisierung und Außenpolitik. Preußen-Deutschland und das Zarenreich von 1860 bis 1890 / H. Müller-Link. — Göttingen : Vandenhoek&Ruprecht, 1977. — 506 S.

16. *Schreier M.* Qualitative Content Analysis in Practice / M. Schreier. — London : SAGE Publications, 2012. — 272 p.

17. *Stöber R.* Bismarcks geheime Presseorganisation von 1882 / R. Stöber // Historische Zeitschrift. — 1996. — Bd. 262. — H. 2. — S. 423—451.

18. *Wegner-Korfes S.* Zur Geschichte des Bismarckschen Lombardverbots für russische Wertpapiere (1887 bis 1894) / S. Wegner-Korfes // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. — 1982. — Bd. 32. — № 3. — S. 55—78.

Статья поступила в редакцию 26.09.2023,
одобрена после рецензирования 09.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

Material resources

Aus dem Auslande. (1887). *Neueste Mittheilungen, 31:* S. 4. (In Germ.).
Aus dem Auslande. (1889). *Neueste Mittheilungen, 36:* S. 4. (In Germ.).
Aus dem Inlande. (1890). *Neueste Mittheilungen, 41:* S. 3. (In Germ.).
Ausland. (1895). *Teltower Kreisblatt, 216:* S. 2. (In Germ.).
Bismarck, O. (2010). *Gesammelte Werke. Abteilung III: 1871—1898. Schriften, 5.* Paderborn: Ferdinand Schöningh. 678 S. (In Germ.).
Bismarck, O. (2014). *Gesammelte Werke. Abteilung III: 1871—1898. Schriften, 8.* Paderborn: Ferdinand Schöningh. 679 S. (In Germ.).

Der neue Mordanschlag gegen den Kaiser Alexander. (1880). *Provinzial-Correspondenz, 9:* S. 1. (In Germ.).
Deutsche Kolonisten in Rußland. (1890). *Neueste Mittheilungen, 5:* S. 3. (In Germ.).
Die Bestrebungen des Panslavismus. (1887). *Neueste Mittheilungen, 38:* S. 4. (In Germ.).
Die Erklärung des russischen Regierungsanzeigers… (1887). *Neueste Mittheilungen, 35:* S. 5. (In Germ.).
Die Periode Boulanger. (1887). *Neueste Mittheilungen, 58:* 1—2. (In Germ.).
Eine neue russische Anleihe. (1888). *Neueste Mittheilungen, 112:* S. 3. (In Germ.).
Europa im Jahre 1887. (1887). *Neueste Mittheilungen, 122:* 3–4. (In Germ.).
Fürst Bismarck in Wien. (1879). *Provinzial-Correspondenz, 39:* S. 4. (In Germ.).
Krieg mit zwei Fronten. (19893). *Neueste Mittheilungen, 8:* 1—3. (In Germ.).
Militärische Berathung beim Kaiser. (1887). *Neueste Mittheilungen, 120:* 2—3. (In Germ.).
Nichtamtliches. (1887). *Teltower Kreisblatt, 37:* S. 1. (In Germ.).
Politische Tagesfragen. (1887). *Neueste Mittheilungen, 49:* S. 3. (In Germ.).
Politische Wochenschau. (1888). *Neueste Mittheilungen, 56:* S. 3. (In Germ.).
Politische Wochenschau. (1889). *Neueste Mittheilungen, 29:* S. 4. (In Germ.).
Rundschau. (1887). *Teltower Kreisblatt, 89:* S. 1. (In Germ.).
Rundschau. (1888). *Teltower Kreisblatt, 48:* S. 5. (In Germ.).
Rundschau. (1889). *Teltower Kreisblatt, 121:* S. 2. (In Germ.).
Russische Werthe. (1887). *Neueste Mittheilungen, 70:* S. 1. (In Germ.).
Rußland, Deutschland, Österreich-Ungarn. (1887). *Neueste Mittheilungen, 47:* S. 1. (In Germ.).
Schweinitz, H. L. (1927). *Denkwürdigkeiten des Botschafters General von Schweinitz, 2.* Berlin: Verlag von Reimar Hobbing. 479 S. (In Germ.).
Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. (1880). Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung. 684 S. (In Germ.).
Waldersee, A. (1922). *Denkwürdigkeiten, 1.* Stuttgart, Berlin: Deutsche Verlags-Anstalt. 423 S. (In Germ.).
Zur Lage. (1891). *Teltower Kreisblatt, 96:* S. 1. (In Germ.).
Zur politischen Lage. (1882). *Neueste Mittheilungen, 1:* S. 4. (In Germ.).

References

Canis, K. (2008). *Bismarcks Außenpolitik 1870—1890. Aufstieg und Gefährdung.* Paderborn: Ferdinand Schöningh. 449 S. (In Germ.).
Fischer-Frauendienst, I. (1963). *Bismarcks Pressepolitik.* Münster: Verlag C. J. Fahle GmbH. 172 S. (In Germ.).
Garleff, M. (1974). Zum Rußlandbild Julius von Eckardts. *Kieler Historische Studien, 22:* 206—224. (In Germ.).
Hildebrand, K. (2017). Bismarck und Russland. Aspekte der deutsch-russischen Beziehungen 1871—1890. In: *Otto von Bismarck und das „lange 19. Jahrhundert". Lebendige Vergangenheit im Spiegel der „Friedrichsruher Beiträge" 1996—2016.* Paderborn: Ferdinand Schöningh. 454—466. ISBN 978-3-506-78697-5. (In Germ.).
Hoppe, A., Stöber, R. (2012). Amtspresse in Preußen. Zur Erschließung der Provinzial-Correspondenz und Neuesten Mittheilungen. *Historical Social Research — Historische Sozialforschung, 37 (4):* 150—171. (In Germ.).
Kopelew, L. (2000). Am Vorabend des großen Krieges. In: *Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg.* München: Wilhelm Fink Verlag. 11—109. ISBN 3-7705-3209-0. (In Germ.).

Koszyk, K. (1966). *Deutsche Presse im 19. Jahrhundert.* Berlin: Colloquium Verlag Otto H. Hess. 372 S. (In Germ.).

Lammich, M. (1978). *Das deutsche Osteuropa-Bild in der Zeit der Reichsgründung.* Boppard am Rhein: Harald Boldt. 298 S. (In Germ.).

Lammich, M. (2000). Vom „Barbarenland" zum „Weltstaat" — Rußland im Spiegel liberaler und konservativer Zeitschriften. In: *Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg.* München: Wilhelm Fink Verlag. 146—198. (In Germ.).

Müller-Link, H. (1977). *Industrialisierung und Außenpolitik. Preußen-Deutschland und das Zarenreich von 1860 bis 1890.* Göttingen: Vandenhoek&Ruprecht. 506 S. (In Germ.).

Schreier, M. (2012). *Qualitative Content Analysis in Practice.* London: SAGE Publications. 272 p. (In Germ.).

Stöber, R. (1996). Bismarcks geheime Presseorganisation von 1882. *Historische Zeitschrift, 262 (2):* 423—451. (In Germ.).

Vlasov, N. A. (2021). *Russia through the eyes of Bismarck.* St. Petersburg: Eurasia. 286 p. ISBN 978-5-8071-0548-6. (In Russ.).

Vlasov, N. A. (2023). The image of Russian pan-Slavism among the German military and political elite of the 1870s—1880s. *Dialogue with time, 84:* 297—307. (In Russ.).

Wegner-Korfes, S. (1982). Zur Geschichte des Bismarckschen Lombardverbots für russische Wertpapiere (1887 bis 1894). *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte, 32 (3):* 55—78. (In Germ.).

Zaichenko, O. V. (2007). Formation of the image of Russia as part of a conservative worldview (on the example of Germany in the first half of the XIX century). In: *Russia and Germany, 4.* Moscow: Nauka. 22—52. (In Russ.).

Zaichenko, O. V. (2021). German foreign policy discourse of the second quarter of the XIX century. The revival of the complex of the "Russian threat". *Questions of history, 11—3:* 4—21. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202111Statyi75. (In Russ.).

Zaichenko, O. V. (2004). *German journalism and the formation of the image of Russia in German public opinion in the first half of the XIX century.* PhD Diss. Moscow. 317 p. (In Russ.).

The article was submitted 26.09.2023;
approved after reviewing 09.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Запарий В. В. Репарационные изъятия металлургического оборудования в странах Центральной и Восточной Европы на завершающем этапе Великой Отечественной войны (1944—1945) / В. В. Запарий, В. В. Запарий, Н. Н. Мельников // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 344—359. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-344-359.

Zapariy, V. V., Zapariy, V. V., Melnikov, N. N. (2023). Reparations Withdrawals of Metallurgical Equipment in Central and Eastern European Countries at Final Stage of Great Patriotic War (1944—1945). *Nauchnyi dialog, 12* (10): 344-359. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-344-359. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-344-359

Репарационные изъятия металлургического оборудования в странах Центральной и Восточной Европы на завершающем этапе Великой Отечественной войны (1944—1945)

Запарий Владимир Васильевич [1]
orcid.org/0000-0002-3326-4796
доктор исторических наук, профессор
vvzap@mail.ru

Запарий Василий Владимирович [2] *
orcid.org/0000-0003-2716-2336
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
корреспондирующий автор
pantera.zap@gmail.com

Мельников Никита Николаевич [2]
orcid.org/0000-0003-1406-2993
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
meln2011kit@gmail.com

[1] Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

[2] Институт истории и археологии
Уральского отделения
Российской академии наук
(Екатеринбург, Россия)

Reparations Withdrawals Of Metallurgical Equipment in Central and Eastern European Countries at Final Stage of Great Patriotic War (1944—1945)

Vladimir V. Zapariy [1]
orcid.org/0000-0002-3326-4796
Doctor of History, Professor
vvzap@mail.ru

Vasily V. Zapariy [2] *
orcid.org/0000-0003-2716-2336
PhD in History, senior research scientist,
*corresponding author
pantera.zap@gmail.com

Nikita N. Melnikov [2]
orcid.org/0000-0003-1406-2993
PhD in History,
senior research scientist,
meln2011kit@gmail.com

[1] Ural Federal University
named after the first President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

[2] Institute of History and Archeology
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yekaterinburg, Russia)

© Запарий В. В., Запарий В. В., Мельников Н. Н., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена малоизвестным фактам советской политики по изъятию промышленного оборудования на освобождённых Красной армией территориях государств фашистского блока в 1944—1945 годах. На основании анализа постановлений Государственного комитета обороны показаны принципы взаимодействия представителей промышленных наркоматов и военных властей на освобождённых территориях с целью демонтажа и вывоза в СССР наиболее перспективных индустриальных объектов для нужд восстановления металлургического комплекса страны. Показаны примеры имущественных споров ведущих хозяйствующих субъектов — промышленных наркоматов СССР — за право проводить демонтаж индустриальных объектов в свою пользу. Освещена деятельность Особых монтажных управлений при Наркомстрое СССР и их полномочия в процессе изъятия промышленных объектов на территориях, освобождённых от немецкого контроля в Восточной Европе. На примере предприятий цветной и черной металлургии, находившихся на территориях стран фашистского блока (Германия, Венгрия), освобожденных Красной армией, проанализированы типовые подходы к вопросам организации принудительного демонтажа их оборудования. Проведенное исследование наглядно демонстрирует значение репарационных изъятий промышленного оборудования в Восточной Европе для модернизации и восстановления металлургического комплекса СССР в 1944—1945 годах.

Ключевые слова:
репарационное изъятие; промышленное оборудование; металлургия; Великая Отечественная война; восстановление экономики; СССР.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article is dedicated to the lesser-known aspects of Soviet policy regarding the compulsory seizure of industrial equipment in territories liberated by the Red Army from the fascist bloc states in 1944—1945. Based on an analysis of decrees by the State Defense Committee, the principles of interaction between representatives of industrial People's Commissariats and military authorities in liberated territories are revealed, with the aim of dismantling and transporting the most promising industrial assets back to the USSR for the needs of restoring the country's metallurgical complex. The paper provides examples of property disputes among leading economic entities — the industrial People's Commissariats of the USSR — over the right to dismantle industrial facilities for their own benefit. It also sheds light on the activities of Special Assembly Managements under the People's Commissariat for Construction of the USSR and their authority in the process of seizing industrial assets in territories freed from German control in Eastern Europe. Using the case studies of non-ferrous and ferrous metallurgy enterprises located in territories of fascist bloc countries (Germany, Hungary) liberated by the Red Army, typical approaches to organizing the compulsory dismantling of their equipment are analyzed. The research conducted vividly demonstrates the significance of reparations seizures of industrial equipment in Eastern Europe for the modernization and recovery of the USSR's metallurgical complex during 1944—1945.

Key words:
reparation seizure; industrial equipment; metallurgy; the Great Patriotic War; economic recovery; USSR.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:341.384(4-014+4-015)“1944/1945”

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Репарационные изъятия металлургического оборудования в странах Центральной и Восточной Европы на завершающем этапе Великой Отечественной войны (1944—1945)

© Запарий В. В., Запарий В. В., Мельников Н. Н., 2023

1. Введение = Introduction

Ключевые аспекты экономической истории Великой Отечественной войны получили достаточно широкое освещение в современной историографии. Популярные ранее дебаты о роли ленд-лиза и его вкладе в достижение победы утратили остроту после появления фундаментальных исследований И. Быстровой [Быстрова, 2019], ряда других историков [Стеттиниус, 2000] и книги Н. И. Рыжкова [Рыжков, 2020]. Особое внимание стоит уделить вопросам организации изъятия промышленного оборудования на территориях Германии и Восточной Европы, освобождённых частями Красной Армии в 1944—1945 годах. Эти изъятия производились принудительно, с целью компенсации огромного экономического ущерба, нанесенного немецкой оккупацией ведущим отраслям промышленности СССР. Это также позволило получить новые технологии, ранее не применявшиеся в советской индустрии. Технологическое оборудование немецкого производства высоко ценилось в СССР, оно было хорошо знакомо советским инженерам еще в довоенный период, поскольку массово закупалось в начале и в конце 1930-х годов.

Правительство СССР уделяло большое внимание подготовке юридической базы для организации репарационных взысканий с Германии и ее сателлитов в свою пользу по завершении войны. В «Декларации о поражении Германии и о взятии на себя верховной власти в отношении Германии правительствами СССР, Великобритании, США и временным правительством Франции», подписанной 5 июня 1945 года в Берлине, союзники установили систему военной администрации, которая состояла из четырех административно-оккупационных зон и объединённого органа управления — Контрольного совета.

До официальной капитуляции Германии вопрос взыскания материальных ресурсов в пользу СССР, их форма и объем не были официально согла-

CC BY

сованы Союзниками по причине сопротивления Великобритании. Напомним, что СССР поднимал это вопрос перед США и Великобританией еще в 1942—1943 годах. С началом боевых операций Красной армии на территории Восточной Европы при Государственном комитете обороны (ГКО) создается Особый комитет под руководством Г. М. Маленкова, который явочным порядком решал задачи по определению объектов, подлежащих демонтажу и вывозу в СССР. Действия комитета определили порядок проведения изъятий материальных ценностей и промышленного оборудования, именно эти вопросы представляют сейчас особый интерес для исследователей.

Принудительные изъятия и репарационные поставки с территории Германии и ее восточноевропейских союзников сыграли огромную роль в восстановлении народного хозяйства СССР. С территории бывшего Третьего Рейха (и даже из оккупационных зон США и Англии) были вывезены тысячи предприятий, в том числе и тех отраслей промышленности, которые реально ранее отсутствовали в СССР. Без этих предприятий и материальных ценностей, без участия немецких специалистов и военнопленных процесс восстановления народного хозяйства СССР затянулся бы на долгие годы. Вывозу подлежали не все предприятия, станки и механизмы, а только те, которых не было в СССР или в которых государство испытывало недостаток, устаревшие механизмы оставались на прежнем месте.

Большая часть предприятий, вывезенных в СССР, была относительно современной и отвечала уровню развития науки и техники конца 1930-х и даже начала 1940-х годов. Это было крайне важно в связи с тем, что с середины 1930-х годов советская сторона прекратила массовую закупку новейшего оборудования за рубежом (в целях стимулирования отечественных производств). Часть новейшего оборудования СССР получил по ленд-лизу из США в 1941—1945 годах, но его объемы были ограничены. Руководство страны хотело продолжения этих поставок, они завершились после окончания II мировой войны, что было ожидаемо. Об этом свидетельствует тот факт, что СССР вел переговоры относительно вступления в программу экономической помощи Европе Дж. Маршалла. Однако США после разгрома Японии при помощи СССР уже не были заинтересованы в поддержке экономики «советов», и такая возможность не была реализована.

Важной политической составляющей в вопросе объемов материальных изъятий и репараций стало быстрое превращение территорий бывшего Третьего Рейха и его союзников (отошедших под контроль СССР) в новые социалистические государства Восточной Европы. Восточная Германия, Венгрия, Польша, Чехословакия, Румыния и другие страны сформировали Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). Чтобы не разорять своих новых союзников, СССР вынужден был досрочно отказаться от репараций с этих

CC BY

территорий и перейти к оказанию им экономической помощи из собственных ограниченных ресурсов. Тем не менее ряд предприятий, вывезенных из Германии в СССР, вполне соответствовали мировому уровню развития техники, особенно в области промышленной химии и металлургии.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Работа построена на признании принципа объективности, положенного в основу интерпретации причинно-следственных закономерностей развития исторических событий. Исследование опирается на методы анализа архивных документов и научной литературы. Опора на рассекреченные документа ГКО (Государственного комитета обороны — высшего чрезвычайного органа государственного управления) позволяет более полно проследить взаимодействие основных субъектов в процессе организации демонтажа металлургического оборудования на территориях стран фашистского блока, освобожденных Красной армией в 1944—1945 годах [Государственный комитет обороны СССР…, 2015].

В советской историографии вопросы организации репарационных изъятий, как правило, не становились предметом самостоятельных исследований. Эта проблема часто рассматривалась в рамках изучения развития международных отношений в послевоенный период [Международные отношения после Второй мировой войны…, 1962; Галкин и др., 1966] или реализовывалась в виде публикации сборников документов [Советский Союз на международных конференциях…, 1984; За антифашистскую демократическую Германию…, 1969]. В постсоветский период тема репараций постепенно начала набирать популярность. В 1990-е годы был опубликован ряд исследований, которые в значительной степени расширили наши представления о репарационной политике СССР. Так, одна из работ М. И. Семиряги была посвящена анализу практик послевоенного управления оккупированными территориями Германии, которые осуществлялись союзниками по антигитлеровской коалиции [Семиряга, 1995]. П. Н. Кнышевский в общих чертах разобрал механизмы советской репарационной политики [Кнышевский, 1994].

В последующие годы в результате открытия доступа к ранее засекреченным советским документам тема экономической ответственности Германии за развязывание Второй мировой войны закономерным образом стала расширяться и усложняться. Л. В. Василенко рассмотрел процесс реализации репарационной политики СССР, США и Англией после Второй мировой войны. По мнению автора, эта программа оказалась значительно более эффективной по сравнению с уже имевшимся историческим опытом взимания репараций с Германии в межвоенный период (1919—1939)

[Василенко, 2009, с. 86—90]. С. И. Невский и Р. Ю. Болдырев развили изучение данной проблематики, показав процесс формирования и эволюции целей и задач советской репарационной политики в Германии [Болдырев и др., 2017, с. 49—69]. Отдельных вопросов создания и отработки механизмов репарационных взысканий касался в своих трудах В. В. Запарий [Запарий, 2022, с. 64—67].

По мере развития историографической традиции и изучения архивных материалов появились не только обобщающие труды, но и специализированные исследования, которые раскрывают отдельные аспекты репарационной политики в отношении побежденной Германии. Б. С. Жигалов подробно показал деятельность советского дипломата И. М. Майского в роли главы Комиссии по возмещению ущерба при Наркомате иностранных дел СССР. Комиссия занималась оценкой экономического ущерба, нанесенного Советскому Союзу в результате ведения боевых действий [Жигалов, 2014, с. 56—63]. В. Ю. Афиани продолжил тему изучения личности И. М. Майского и его вклада в определение общих объемов германских репарационных платежей Советскому Союзу [Афиани, 2016, с. 111—121].

Также опубликованы работы, показывающие влияние германских репараций на развитие промышленных объектов отдельных советских территорий. А. Е. Парфенов исследовал историю обновления основных производственных фондов сталинградских предприятий в послевоенный период и показал роль в этом процессе поставок оборудования из Германии [Парфенов, 2015, с. 82—94]. Н. Н. Мельников в своей монографии показал процесс изъятия верхнесилезских танковых заводов для восстановления аналогичных восточно-украинских, ленинградских и сталинградских предприятий, начавшийся в марте 1945 года [Мельников, 2017, с. 368].

Источниковая база исследования сформирована на основе обращения к неопубликованным документам фонда № 644 Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), где находятся оригиналы проектов и утвержденных постановлений Государственного комитета обороны (ГКО) СССР по широкому спектру вопросов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Организация межведомственного взаимодействия и согласование отраслевых интересов на примере изъятия оборудования цементных заводов Верхней Силезии

Продвижение советских войск на территорию восточноевропейских государств-союзников Третьего Рейха, а также на территорию самой Германии открыло возможности для проведения изъятий промышленного оборудования и ресурсов в пользу СССР. Директивными документами

CC BY

ГКО был определен порядок организации таких работ, в которых оказались задействованными представители отраслевых промышленных наркоматов, НКПС (Народный комиссариат путей сообщения), ВОСО (Военные сообщения), Главное трофейное управление НКО (Народный комиссариат обороны) и военные власти на местах.

Показательным примером изъятия промышленных мощностей для нужд восстановления экономки СССР стал демонтаж цементных заводов в Верхней Силезии. Этот эпизод имел место в марте-апреле 1945 года, до заключения официальных международных договоров о репарационных выплатах. Речь идет о двух цементных заводах немецких производителей строительных материалов. Первый из этих заводов был расположен в селе Грошовиц близ г. Оппельн и принадлежал акционерному обществу OMZ *Vereinigte Ost- und Mitteldeutsche Zement*. Данная компания была основана в 1872 году и стала одной из крупнейших в отрасли. Второй завод, *Гроцко-общество*, относился к компании *Ost Deutsch Chemishe Werk* и располагался в деревне Гродец Бендзинского повита Келецкого воеводства.

Оборудование этих заводов планировалось передать Наркомцветмету под руководством П. Ф. Ломако с целью использования их оборудования для увеличения производства глинозема. Оборудование предприятия OMZ предполагалось переместить на Волховский алюминиевый завод, а Гродскообщество — на Тихвинский глиноземный завод, в Ленинградскую область. Для руководства процессом демонтажа были назначены ответственные работники Северо-Западного управления треста «Строймонтаж» В. П. Чернобаев и В. П. Богомолов. Для обеспечения демонтажных работ планировалось привлечь посредством обращения в Главное трофейное управление НКО 750 чел. рабочих. НКПС и ВОСО должны были выделить необходимое количество вагонов для доставки оборудования в СССР.

Однако процесс вывоза оборудования затянулся, поскольку Г. К. Жуков отправил докладную записку непосредственно в ГКО, на имя Г. М. Маленкова, с предложением отказаться от демонтажа завода «Городецкообщество» производительностью 400 000 т цемента в год. Маршал Победы мотивировал это решение тем, что завод продолжал работать и обеспечивал занятость для 1030 чел. Завод, расположенный в селе Грошевиц близь г. Оппельн, производительностью 355 тыс. тонн в год заинтересовал Наркомат промышленности стройматериалов, который также предъявил на него свои притязания. Его руководитель Л. А. Соснин вел переписку с Г. К. Жуковым как высшим военным руководителем на «местах». В результате началась согласительная процедура сторон: П. Ф. Ломако и А. И. Микояна, представлявших интересы алюминиевой промышленности, и Л. А. Соснина, руководителя Народного комиссариата промышленности стройматериалов. Металлурги настаивали

CC BY

на необходимости использования ценного оборудования силезских цементных заводов для увеличения выработки глинозема, что в перспективе привело бы к росту выпуска дефицитного алюминия, с другой стороны, использование цементных заводов по назначению, для восстановления разрушенной инфраструктуры страны было не менее важным аргументом в споре хозяйствующих субъектов [РГАСПИ, ф. 644, оп. 4, д. 13, л. 25].

Общий текст постановления ГКО предполагалось сформировать после завершения согласительных процедур между наркоматами. Было принято решение обсуждать каждый конкретный цементный завод и принимать решение о его демонтаже в пользу заинтересованных ведомств, исходя из обстоятельств [РГАСПИ, ф. 644, оп. 4, д. 13, л. 26]. В итоге было принято решение о демонтаже обоих заводов и передачи их Наркомцветмету. В данном случае решающую роль сыграла важность алюминия как стратегического материала для авиационной промышленности страны, которого ей на протяжении всей войны постоянно не хватало. Нехватка алюминия тормозила внедрение сборки цельнометаллических авиационных фюзеляжей (взамен алюминия использовался древесный композитный материал — «дельта древесина»), что ухудшало аэродинамические качества боевых самолетов.

3.2. Изъятие прокатного и металлургического оборудования в отдельных районах Венгрии, Германии и Польши в 1945 году в целях восстановления и модернизации советской промышленности

Учитывая нехватку современного прокатного оборудования в СССР, которая проявилась еще до войны, большое значение имело изъятие необходимых мощностей на освобождённых от немецкого контроля территориях. После завершения боев за Будапешт было начато изучение оставшегося в городе и его окрестностях промышленного потенциала. Представители Наркомцветмета поставили вопрос о необходимости демонтажа и вывоза в СССР прокатного оборудования с заводов венгерской фирмы *Lampart*.

Постановление ГКО от 5 апреля 1945 года за № 8019сс предусматривало демонтаж оборудования для производства труб и волочения проволоки, различного механического оборудования в целях обновления изношенных мощностей Наркомцветмета в СССР. География поставок была определена следующим образом:

а) на завод «Красный Выборжец» (г. Ленинград) вывозился гидравлический пресс мощностью 2500 т и прокатный стан Quarto с размером валков 170/400×400 мм;

б) на завод им. Ворошилова (г. Ленинград) — реверсивный прокатный стан Duo фирмы *Demag* размером валков 450×800 мм;

в) на завод № 515 (г. Каменск-Уральский) отправились волочильные цепные станы с индивидуальными приводами в количестве 7 шт. и

CC BY

многопортальные волочильные двухбарабанные станы фирмы *Kratos* — 10 штук;

в) на Кольчугинский завод № 7 (г. Кольчугино, Владимирская обл.) — гидравлический пресс мощностью 1000 т; лентопрокатные станы диаметром валков 260×400×500 мм четыре штуки, два эксцентриковых пресса фирмы Schuller мощностью 1000 и 500 т и три подобных пресса мощностью 16, 40 и 160 т; а также арматуру газовых печей (7 комплектов) и 11 комплектов электрических печей.

Особо указывалось, что все перечисленное оборудование было необходимо вывезти комплектно, со всем вспомогательным оборудованием (крановым и электрическим), а также инструментом и запасными частями. Руководителем работ по демонтажу и отгрузке оборудования с будапештского завода фирмы *Lampart* назначили заведующего производственным отделом завода № 519 Наркомцветмета А. А. Зинченко. Наркомцветмет обязывался командировать на венгерский завод 4 инженерно-технических работника для руководства бригадами по демонтажу и отгрузке оборудования. Для этой операции снарядили 250 чел., в том числе 40 слесарей и такелажников [РГАСПИ, ф. 644, оп. 4, д. 13, л. 27].

Еще одним венгерским заводом, который подвергся демонтажу и вывозу в СССР, был магниевый завод фирмы *Ikart* (дальше Икарт) в г. Мишкольц. Завод был новейшим предприятием, построенным под руководством немецких специалистов концерна *Farbenindustrie* во время войны, где была реализована новая технология получения магния из доломита. Завод был рассчитан на производительность порядка 1200—1500 т магния в год для нужд военной промышленности. Светские специалисты отмечали ценность этого завода для всей цветной металлургии СССР: «…положенный в основу его метод производства магния в значительной степени отличается от имеющихся у нас, и известных нам из американской практики, и дает возможность использовать новый вид сырья — доломиты, широко распространенные в Советском Союзе» [РГАСПИ, ф. 644, оп. 4, д. 13, л. 32].

Учитывая ценность имеющегося на заводе оборудования, его требовалось доукомплектовать, получив (в счет будущих репарационных платежей) недостающие детали и запасные части от венгерских производителей.

На основе анализа документов ГКО (Постановление № 8002 «О вывозе оборудования со строительства венгерского магниевого завода фирма “Икарт” в г. Мишкольц») можно седлать вывод о том, что изначально завод планировалось перевезти в г. Запорожье и расположить на территории существовавшего здесь магниевого завода. Для демонтажа и отгрузки оборудования было запланировано выделить 180 чел. рабочих, в том числе 20 слесарей и такелажников. Однако в процессе исполнения директивы ГКО планы

CC BY

поменялись, и все технологическое, транспортное и электрооборудование, водородно-кислородная станция, весь инструмент и запасные части завода «Икарт» отправились на Днепропетровский магниевый завод. Руководителем работ по демонтажу был назначен директор днепропетровского магниевого завода Е. А. Синценко. Ему в помощь командировали 4 инженеров, 3 мастеров и 20 чел. рабочих слесарей и такелажников для руководства бригадами по отгрузке оборудования [РГАСПИ, ф. 644, оп. 4, д. 13, л. 34].

Изъятие материальных ценностей и промышленных предприятий на территориях Германии и Польши, освобожденных от немецких войск, являлось для руководства СССР важным политическим приоритетом. В этой логике был подготовлен документ «О выполнении предложений наркоматов по вывозу оборудования и материалов с территории Германии и Польши» [РГАСПИ, ф. 644, оп. 4, д. 13, л. 62]. По нему состоялось принятие ряда постановлений ГКО от 06.03.1945. Помимо предприятий чисто военного профиля (например, пороховые, химические и машиностроительные заводы) большое внимание в этом документе было уделено нуждам металлургии и металлообработки.

Руководство Наркомчермета санкционировало мероприятия по вывозу оборудования проволочного завода (Drahtwerke) акционерного общества *Vereinigte Oberschlesische Hüttenwerke* в городе *Глейвиц (нем. Oberhütte)*. Данное акционерное общество владело 10 крупными горно-металлургическими заводами на территории Силезии. Заводы *Vereinigte Oberschlesische Hüttenwerke* имели современное доменное и сталелитейное производство, коксохимический комплекс, изготавливали прокатное, прессовое и термическое оборудование, железнодорожные рельсы, различный прокат, проволоку и метизы.

Основное оборудование проволочного завода из Глейвица планировалось вывезти на Нижнеднепровский завод металлоизделий (в г. Нижнеднепровск). Сюда было решено направить проволочно-волочильное оборудование, станки для изготовления шурупов, гвоздей, цепей, электродов, колючей проволоки, станы для холодного проката металлической ленты.

На Саратовский метизный завод им. Ленина предполагалось перевезти проволочный стан 250 мм производительностью 80 тыс. т катанки в год, комплексно с его энергетическим, крановым и вспомогательным оборудованием. ГТУ (Главное трофейное управление) НКО и Наркомчермет должны были обеспечить надлежащую маркировку, упаковку всего оборудования, отгрузку и комплектную доставку к местам назначения указанных категорий оборудования, для чего необходимо было привлечь 15 инженерно-технических работников и 500 чел. рабочих. НКПС и ВОСО были обязаны выделить необходимое количество вагонов [РГАСПИ, ф. 644, оп. 4, д. 13, л. 79].

CC BY

Для нужд метизного производства Наркомчермет поставил вопрос о демонтаже проволочно-канатного завода акционерного общества *Adolf Deichsel* в г. Гинденбурге (пол. Zabrze), Силезия. Постановление ГКО «О вывозе оборудования с проволочно-канатного завода Акционерного общества "Адольф Дайхсель" в г. Гинденбург» свидетельствует о большом внимании к укреплению металлургического комплекса за счет вывоза современного оборудования в СССР. Так, ГКО постановил обязать Наркомчермет вывезти оборудование с немецкого проволочно-канатного завода *Adolf Deichsel AG* на следующие советские предприятия:

а) Магнитогорский калибровочный завод — оборудование для производства проволоки, стальных канатов, противоторпедных сетей и сетей для траления мин со всем вспомогательным оборудованием;

б) Солнечногорский завод им. Лепсе — оборудование для производства кардной проволоки комплектно с волочильным и вспомогательным оборудованием;

в) на Одесский канатный завод — оборудование для производства пеньковых канатов [РГАСПИ, ф. 644, оп. 4, д. 13, л. 80].

Массовый характер изъятия материальных ценностей и промышленного оборудования свидетельствует о том, что начиная с марта 1945 года начала складываться целая структура управления репарационных демонтажей. В этот момент репарационные мероприятия осуществлялись явочным порядком, без официальной легитимации на международном уровне.

3.3. Организация и деятельность Особых монтажных управлений при Наркомстрое СССР

В марте 1945 года ГКО принял постановление № 7897 от 21 марта 1945 года «Об организации особых монтажных управлений Наркмстроя». Документ регулировал процедурные моменты организации и проведения демонтажа промышленного оборудования предприятий Верхней Силезии и других районов Германии для отправки в Советский Союз. Документом было установлено, что наркоматы, которым передается оборудование предприятий, привозимых из Верхней Силезии и других районов Германии, производят демонтаж своими силами либо силами привлеченных организаций, несут ответственность за сохранность и комплектную отправку демонтированных предприятий в СССР. Народные комиссары назначают на каждое предприятие своих уполномоченных, ответственных за выполнение указанного задания.

Особое значение придавалось деятельности Народного комиссариата строительства по организации и выполнению демонтажных работ в отношении сложного оборудования и отдельных цехов, металлургических заводов, электроприводов сложных агрегатов, азотно-туковых заводов, за-

CC BY

водов синтетического горючего, которые проводились силами его строительно-монтажных организаций.

Для этого Наркомстрой обязывался организовать при 1-м Украинском, 1, 2 и 3 Белорусском фронтах по одному Особому монтажному управлению. Для организации Особых монтажных управлений Наркомстрою предписали направить необходимое количество инженеров, техников, мастеров, бригадиров и квалифицированных рабочих. Штатная структура Особых монтажных управлений [РГАСПИ, ф. 644, оп. 4, д. 13, л. 102] была утверждена наркомом С. З. Гинзбургом.

Особые монтажные управления получили первоочередное право на получение трофейного имущества со стороны трофейных управлений фронтов, а именно: строительных кранов, экскаваторов, компрессоров, передвижных электростанций, кислородных установок, лебедкок, домкратов, станочного оборудования, тросов и других материалов, необходимых для производства демонтажных работ.

Для оказания помощи Наркомстрою по проведению демонтажных работ в Верхней Силезии и других районах Германии, НКВД (Народный комиссариат внутренних дел) СССР обязывался мобилизовать для демонтажных работ по 7—10 тыс. чел. из местного населения (в зонах ответственности 1, 2 и 3 Белорусских и 1 Украинского фронтов). Снабжение трудмобилизованных немцев продуктами питания планировалось осуществлять управлениями тыла отдельных фронтов за их счет и по нормам, установленным для военнопленных. Вводились дифференцированные нормы снабжения хлебом и другими продуктами питания в зависимости от выполнения заданий.

Интересно отметить, что в отдельных случаях для проведения работ допускался вольный наём граждан польской национальности. Для этого Наркомфин СССР обязывался выдать Наркомстрою в необходимом количестве иностранную валюту для начисления зарплаты персоналу, занятому на демонтажных работах в Верхней Силезии и других районах Германии.

В марте 1945 года Наркомат обороны должен был передать Наркомстрою 15 строительных батальонов штатной численностью 1000 чел. каждый (в том числе 6 батальонов 1 Украинскому, 5 батальонов 1 Белорусскому фронтам), а также 200 инженеров и техников, ранее работавших в организациях Наркомстроя. Кроме того, Наркомстрою передавались 2 автомобильных полка, укомплектованных личным составом, автомашинами, ремонтными средствами и запчастями по штатам НКО, а также 200 тракторов [РГАСПИ, ф. 644, оп. 4, д. 13, л. 103].

Важность организации демонтажных работ на металлургических заводах Верхней Силезии отражается в повышенной оплате труда квалифи-

CC BY

цированных рабочих и ИТР (инженерно-технических работников). Оплата предполагалась по нормам, установленным для командировок за границу, с сохранением за семьями таких категорий работников зарплаты, ранее получаемой командируемыми, а также установленного им продовольственного снабжения.

4. Заключение = Conclusions

Существует еще целый ряд документов, затрагивающих вопросы изъятия предприятий и оборудования в пользу металлургического комплекса. Анализ данных документов показывает большую заинтересованность всех директивных органов в использовании новой техники с территорий поверженного врага для укрепления разрушенной или изношенной за годы войны материальной базы металлургических предприятий Советского Союза. Исследование документов ГКО совершенно очевидно показывает, что была отработана четкая система подготовки и осуществления процедур изъятия, до завершения войны — явочным порядком, далее, согласно юридически оформленным договоренностям с союзниками по антигитлеровской коалиции.

Сначала промышленные наркоматы СССР вступили в борьбу за ведомственные интересы путем неорганизованной отправки представителей на освобожденные от германской оккупации территории с целью присвоения активов наиболее современных металлургических и металлообрабатывающих предприятий Центральной и Восточной Европы. Это приводило к конфликтным ситуациям, которые приходилось разрешать путем длительного согласования, как на уровне ведомств, так и на уровне ГКО.

В большинстве случаев приоритет отдавался представителям стратегически наиболее значимых отраслей, таких как черневая и цветная металлургия. Большую роль в регулировании репарационных изъятий на местах играли военные власти СССР, командующие фронтами Красной армии, которые полностью осуществляли чрезвычайное военное управление на местах. Их решения могли значительно повлиять как на ход репарационных изъятий (их количество и качество), так и на процесс определения конечного выгодоприобретателя.

Для регулирования деятельности по вывозу промышленного оборудования с территорий Центральной и Восточной Европы, в том числе и для нужд советской металлургии, были образованы Особые монтажные управления при Наркомате строительства СССР. Особые монтажные управления создавались при органах военного управления фронтового уровня, взаимодействовали с трофейными управлениями этих фронтов и представителями заинтересованных промышленных наркоматов. Передаваемое промышленным наркоматам оборудование и материалы должны были

CC BY

под их же ответственность комплектно и без повреждений отгружаться на соответствующие заводы СССР, согласно директивам ГКО. Демонтаж осуществлялся с широким привлечением труда бойцов Красной армии, военнопленных, а также путем свободного найма на работу местного населения за денежное вознаграждение.

Причем, как правило, рассматривались возможные негативные последствия для населения и экономики конкретных территорий. Документы ГКО показывают заботу советских директивных органов относительно поддержания уровня жизни работающего населения на освобожденных территориях: нормы снабжения зачастую приравнивались к нормам, предусмотренным для граждан СССР.

Государственный Комитет обороны СССР стал фактически апелляционной инстанцией, которая занималась оперативным разрешением конфликта интересов между ведущими промышленными наркоматами в процессе осуществления репарационных демонтажей промышленного оборудования в Центральной и Восточной Европе на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Такие стратегически важные отрасли экономики СССР, как черная и цветная металлургия, смогли получить в ходе этих демонтажей новейшие технологии, которые ранее не использовались в стране, а также частично компенсировать накопленный за годы войны износ основных фондов своих предприятий. Изначально хаотичная деятельность по изъятию промышленного оборудования для нужд металлургического комплекса СССР была достаточно быстро урегулирована серией постановлений ГКО, что значительно повысило ее эффективность.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории Ф. 644 (Государственный комитет обороны СССР). Оп. 4. Д. 13. лл. 25—27, 32, 34, 62, 79, 80, 102, 103.

Литература

1. *Афиани В. Ю.* Проблемы репараций на Ялтинской конференции. По документам личного фонда И. М. Майского в архиве РАН / В. Ю. Афиани // Вестник архивиста. — 2016. — № 1. — С. 111—121.

2. *Болдырев Р. Ю.* Советская репарационная политика в Германии в 1945—1953 гг. / Р. Ю. Болдырев, С. И. Невский // Вопросы истории. — 2017. — № 3. — С. 49—69.

3. *Быстрова И. В.* Ленд-лиз для СССР. Экономика, техника, люди (1941—1945) / И. В. Быстрова. — Москва : Кучково поле, 2019. — 479 с. — ISBN 978-5-907171-08-4.

4. *Василенко Л. В.* Решение проблемы германских репараций союзниками по антигитлеровской коалиции (1945—1953 гг.) / Л. В. Василенко // Вестник Нижневартовского государственного университета. — 2009. — № 2. — С. 86—90.

5. *Галкин А. А.* СССР, западные державы и германский вопрос, 1945—1965 / А. А. Галкин, Д. С. Мельников. — Москва : Наука, 1966. — 263 с.

6. *Государственный* комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941—1945 гг. Аннотированный каталог : в 2 т. 1944—1945 гг. / Ред. Коллегия : Н. А. Волынчик и др. — Москва : РОСПЭН, 2015. — Т. 2. — 1343 с. — ISBN 978-5-8243-1962-0.

7. *Жигалов Б. С.* И. М. Майский и проблема германских репараций (1943—1945 гг.) / Б. С. Жигалов // Вестник Томского государственного университета. История. — 2014. — № 1 (27). — С. 56—63.

8. *За антифашистскую* демократическую Германию : Сборник документов, 1945—1949 гг. / Ред. Коллегия : Г. А. Белов и др. — Москва : Политиздат, 1969. — 704 с.

9. *Запарий В. В.* Механизм принятия решений по репарациям Государственным комитетом обороны в годы войны / В. В. Запарий // История и современное мировоззрение. — 2022. — Т. 4. — № 3. — С. 64—67. — DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-3-64-67.

10. *Кнышевский П. Н.* Добыча. Тайны германских репараций / П. Н. Кнышевский. — Москва : Товар-во «Соратник», 1994. — 142 с.

11. *Международные* отношения после Второй мировой войны. В 3-х т. 1945—1949 / Под ред. А. Г. Милейковского. — Москва: Госполитиздат, 1962. — Т. 1. — 759 с.

12. *Мельников Н. Н.* Модернизация танковой промышленности СССР в условиях Великой Отечественной войны / Н. Н. Мельников. — Екатеринбург : Издательский дом «Сократ», 2017. — 416 с. — ISBN 978-5-906350-48-0.

13. *Парфенов А. Е.* Трофейное (репарационное) оборудование в восстановлении промышленности Сталинграда в 1945—1946 годы / А. Е. Парфенов // Военная история России : проблемы, поиски, решения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. В 2 частях. — Волгоград : Волгоградский гос. ун-т, 2015. — Ч. 1. — 493 с.

14. *Рыжков Н. И.* Великая Отечественная : ленд-лиз / Н. И. Рыжков. — Москва : Издательский дом Экономическая газета, 2020. — 480 с. — ISBN 978-5-4319-0028-0.

15. *Семиряга М. И.* Как мы управляли Германией / М. И. Семиряга. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1995. — 400 с.

16. *Советский* Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. : Сборник документов / Мин-во иностр. дел СССР. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февр. 1945 г.). — Москва : Политиздат, 1984. — Т. 4. — 302 с.

17. *Стеттиниус Э.* Ленд-лиз — оружие победы / Э. Стеттиниус. — Москва : Вече, 2000. — 400 с. — ISBN 5-7838-0696-X.

Статья поступила в редакцию 24.10.2023,
одобрена после рецензирования 12.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

Material resources

RGASPI — *Russian State Archive of Socio-Political History F. 644 (State Defense Committee of the USSR). Op. 4. d. 13. ll. 25—27, 32, 34, 62, 79, 80, 102, 103.* (In Russ.).

CC BY

References

Afiani, V. Y. (2016). Problems of reparations at the Yalta Conference. According to the documents of I. M. Maisky's personal fund in the archive of the Russian Academy of Sciences. *Archivist's Bulletin, 1:* 111—121. (In Russ.).

Boldyrev, R. Y., Nevsky, S. I. (2017). Soviet reparative policy in Germany in 1945—1953. *Questions of history, 3:* 49—69. (In Russ.).

Bystrova, I. V. (2019). *Lend-lease for the USSR. Economics, technology, people (1941—1945).* Moscow: Kuchkovo Pole. 479 p. ISBN 978-5-907171-08-4. (In Russ.).

For an anti-fascist democratic Germany: A collection of documents, 1945—1949. (1969). Moscow: Politizdat. 704 p. (In Russ.).

Galkin, A. A., Melnikov, D. S. (1966). *USSR, Western powers and the German question, 1945—1965.* Moscow: Nauka. 263 p. (In Russ.).

International relations after the Second World War. In 3 volumes, 1. 1945—1949. (1962). Moscow: Gospolitizdat. 759 p. (In Russ.).

Knyshevsky, P. N. (1994). *Mining. Secrets of German reparations.* Moscow: Tovar-vo "Soratnik". 142 p. (In Russ.).

Melnikov, N. N. (2017). *Modernization of the USSR tank industry in the conditions of the Great Patriotic War.* Yekaterinburg: Publishing House "Socrates". 416 p. ISBN 978-5-906350-48-0. (In Russ.).

Parfenov, A. E. (2015). Captured (reparative) equipment in the restoration of Stalingrad industry in 1945—1946. In: *Military history of Russia: problems, searches, solutions. Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 70th anniversary of Victory in the Great Patriotic War. In 2 parts, 1.* Volgograd: Volgograd State University. 493 p. (In Russ.).

Ryzhkov, N. I. (2020). *The Great Patriotic War: Lend-lease.* Moscow: Publishing House Ekonomicheskaya Gazeta. 480 p. ISBN 978-5-4319-0028-0. (In Russ.).

Semiryaga, M. I. (1995). *How we ruled Germany.* Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 400 p. (In Russ.).

Stettinius, E. (2000). *Lend-lease — the weapon of victory.* Moscow: Veche. 400 p. ISBN 5-7838-0696s. (In Russ.).

The Soviet Union at international conferences during the Great Patriotic War, 1941—1945: Collection of documents, 4. (1984). Moscow: Politizdat. 302 p. (In Russ.).

The State Defense Committee of the USSR. Regulations and activities. 1941—1945. Annotated catalog: in 2 volumes, 2. 1944—1945. (2015). Moscow: ROSPEN. 1343 p. ISBN 978-5-8243-1962-0. (In Russ.).

Vasilenko, L. V. (2009). Solving the problem of German reparations by the allies of the anti-Hitler coalition (1945—1953). *Bulletin of Nizhnevartovsk State University, 2:* 86—90. (In Russ.).

Zapariy, V. V. (2022). The mechanism of decision-making on reparations by the State Defense Committee during the war. *History and modern worldview, 4 (3):* 64—67. DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-3-64-67. (In Russ.).

Zhigalov, B. S. (2014). I. M. Maysky and the problem of German reparations (1943—1945). *Bulletin of Tomsk State University. History, 1 (27):* 56—63. (In Russ.).

The article was submitted 24.10.2023;
approved after reviewing 12.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.

CC BY OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Колпаков П. А. Контрразведывательная деятельность жандармской железнодорожной полиции накануне и в годы Первой мировой войны / П. А. Колпаков, Р. А. Арсланов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 360—377. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-360-377.

Kolpakov, P. A., Arslanov, R. A. (2023). Counterintelligence Activities of Gendarmerie Railway Police before and during World War I. *Nauchnyi dialog, 12* (10): 360-377. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-360-377. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-360-377

Контрразведывательная деятельность жандармской железнодорожной полиции накануне и в годы Первой мировой войны

Колпаков Петр Александрович
orcid.org/0000-0002-1600-9937
кандидат исторических наук,
старший преподаватель
кафедры истории России,
**** корреспондирующий автор***
1kolpakov1@ramble.ru

Арсланов Рафаэль Амирович
orcid.org/0000-0003-3488-7917
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры истории России
ars_raf@mail.ru

Российский университет дружбы
народов им. Патриса Лумумбы
(Москва, Россия)

Counterintelligence Activities of Gendarmerie Railway Police before and during World War I

Petr A. Kolpakov
orcid.org/0000-0002-1600-9937
PhD in History,
senior lecturer,
Department of Russian History,
**** Corresponding author***
1kolpakov1@ramble.ru

Rafael A. Arslanov
orcid.org/0000-0003-3488-7917
Doctor of History, Professor,
Department of Russian History
ars_raf@mail.ru

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(Moscow, Russia)

© Колпаков П. А., Арсланов Р. А., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализирована роль жандармской железнодорожной полиции в системе органов, осуществлявших контрразведывательную деятельность в Российской империи накануне и в годы Первой мировой войны. На основе документальных материалов раскрыты цели вражеского шпионажа на железных дорогах. Рассмотрены меры жандармского надзора за ограничением фотосъемок путей и объектов железнодорожной инфраструктуры. В результате анализа секретной переписки начальников жандармских управлений и отделений на железных дорогах определены категории лиц, которые наиболее активно привлекались разведками Германии и Австро-Венгрии к шпионажу: военнопленные, иностранные граждане, не принимавшие участие в боевых действиях, и дети. Раскрыт вопрос организации наблюдения за перемещениями железнодорожным транспортом официальных лиц иностранных государств в пределах Российской империи. Сделан вывод о том, что решение жандармской железнодорожной полицией контрразведывательных задач было осложнено одновременным выполнением ее чинами обязанностей общей и политической полиции, а также масштабом охранявшейся инфраструктуры.

Ключевые слова:
жандармская железнодорожная полиция; разведка; контрразведка; шпионаж; железная дорога.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article analyzes the role of the gendarmerie railway police in the system of counterintelligence agencies in the Russian Empire before and during World War I. Based on documentary materials, the goals of enemy espionage on railways are revealed. Measures taken by the gendarmerie to restrict photography of railway infrastructure are examined. Through analysis of secret correspondence between gendarmerie leaders and railway department heads, categories of individuals most actively recruited by German and Austro-Hungarian intelligence for espionage are identified: prisoners of war, foreign nationals not involved in combat, and children. The organization of surveillance of foreign officials' railway transport movements within the Russian Empire is also explored. The conclusion is drawn that the gendarmerie railway police's ability to carry out counterintelligence tasks was complicated by their simultaneous duties as general and political police, as well as the scale of the infrastructure they were tasked with protecting.

Key words:
Gendarmerie Railway Police; reconnaissance; counterintelligence; espionage; railway.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:[351.742:625.1](47)“1908/1918”

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Контрразведывательная деятельность жандармской железнодорожной полиции накануне и в годы Первой мировой войны

© Колпаков П. А., Арсланов Р. А., 2023

1. Введение = Introduction

Вопросы защиты секретов, значимых для сохранения общественной стабильности и порядка, способности вооруженных сил противостоять внешним угрозам, в процессе эволюции государств и усложнения взаимоотношений между ними приобретали все большую важность. Для воспрепятствования шпионской активности, направленной на добычу критически значимых сведений, государствами создаются специальные контрразведывательные органы.

В начале XIX века Российская империя находилась в поиске оптимальной организации контрразведки: создается Разведочное отделение Генерального штаба (1903—1910) и Отделение по розыску о международном шпионстве при Департаменте полиции МВД (1904—1906). Век этих служб оказался недолгим, так как выявление шпионов требовало учреждения контрразведки на местах. Слабая постановка контршпионской работы стала одной из причин поражения в Русско-японской войне. За три года до начала Первой мировой войны были учреждены специальные органы, на которые возложили противодействие военному шпионажу — контрразведывательные отделения (КРО). Их деятельность в годы противостояния с Германией, Австро-Венгрий и Османской империей осуществлялась во взаимодействии с губернскими жандармскими управлениями — местными органами политической полиции. Такое сотрудничество было необходимо контрразведчикам как для выявления слабых мест, которыми мог воспользоваться противник, так и в целях использования накопленного жандармской полицией опыта агентурной работы.

Особое внимание государств-членов Тройственного союза было сосредоточено на добыче сведений о состоянии инфраструктуры российских железных дорог. Стальные магистрали были «кровеносной системой», питавшей войска живой силой и грузами, необходимыми для материального обеспечения. Дезорганизация работы железнодорожного транспорта могла парализовать экономику, а значит, остановить производство необходимых

CC BY

армии вооружения и боеприпасов, сорвать ее снабжение. Вследствие этого железные дороги в годы Первой мировой войны требовали усиленного контрразведывательного обеспечения.

Накануне войны с кайзеровской Германией жандармские полицейские управления железных дорог (ЖПУЖД) являлись частями, входившими в структуру Отдельного корпуса жандармов, которые в пределах железных дорог выполняли функции как общей (охрана порядка и борьба с криминалом), так и политической полиции. В данной статье будет рассмотрено еще одно направление деятельности этих жандармских частей — борьба со шпионажем на вверенных участках «чугунки».

Научная проблема заключается в отсутствии системного знания о роли жандармской железнодорожной полиции в контрразведывтельной деятельности; проводившихся ею мероприятиях, направленных на борьбу со шпионажем, и потребности в заполнении лакуны в истории специальных служб на основе анализа впервые вводимого в научный оборот корпуса архивных материалов.

Актуальность теме придает необходимость осмысления методов работы спецслужб по направлению контрразведывательного обеспечения объектов критической инфраструктуры в условиях масштабного военного конфликта.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью данной статьи является реконструкция и осмысление исторического опыта борьбы со шпионажем жандармской полицией в пределах железных дорог в годы Первой мировой войны.

Тема контрразведывательной деятельности в период противостояния Антанты и Тройственного союза имеет историографию настолько обширную, что ее полный обзор мог бы стать предметом самостоятельного исследования и невозможен в рамках представленной статьи. Анализ рассмотренных ниже работ позволяет определить уже попадавшие в фокус внимания историков вопросы контрразведывательного обеспечения железнодорожного транспорта, раскрытые как в рамках опубликованных лекций и мемуаров участников Первой мировой войны, так и в научных работах советских и современных исследователей.

Проблематика противошпионской защиты стальных магистралей затрагивалась представителями царских контрразведывательных служб в рамках работ, посвященных организации военно-розыскной работы в целом.

Один из основоположников отечественных разведывательных и контрразведывательных служб генерал-квартирмейстер штаба Северного фронта Н. С. Батюшин в труде «Тайная военная разведка и борьба с ней»

CC BY

отмечал, что в мирное время железные дороги являлись для шпионов противника объектом тщательного изучения в отношении их подготовки для артиллерийского, интендантского, военно-инженерного и санитарного обеспечения войск. Осуществлялась рекогносцировка железнодорожных линий в целях определения их пропускной способности и скорости переброски живой силы в районы сосредоточения [Батюшин, 2002].

В. Г. Орлов, следователь, переведенный с началом войны в контрразведку, в работе «Двойной агент. Записки русского контрразведчика» указывал на активную шпионскую деятельность, осуществлявшуюся немцами на российских железных дорогах через транспортные компании. Коммерческие организации «Герхардт и Хай», «Книп и Вернер» поставляли Германии ценную информацию о состоянии железных дорог, о подвижном составе, о перевозке войск, провианта, а также задерживали перевозку необходимых грузов [Орлов, 1998].

В трудах русских военных-контрразведчиков упоминалось и о взаимодействии с жандармерией. С. М. Устинов в «Записках начальника контрразведки» отмечал высокую осведомленность жандармских управлений о роде деятельности лиц, подпадавших под подозрение в шпионаже [Устинов, 1922, с. 32].

В межвоенный период в СССР в среде военных и историков обозначилось стремление к осмыслению опыта борьбы стран-участниц Первой мировой войны со шпионажем. Достижение практического результата и накопление знаний в указанном направлении сделали оправданным издание авторов из капиталистических стран. Так, например, в 1938 году в СССР вышла работа британского разведчика Б. Томсона «Шпионаж во время войны», в которой автор повествует о своем опыте борьбы с немецкими шпионами. Однако идеологическая тенденциозность эпохи все же проявила себя в предисловии к книге, в котором подчеркивалось, «...что засылка шпионов, диверсантов в однотипных буржуазных государствах является законом их взаимоотношений. Книга раскрывает перед читателем всю опасность капиталистического окружения...». Предисловие характеризует Б. Томсона как «английского сноба» и «верноподданного слугу английского капитала», который «спокойно рассказывает о гнусных вылазках шпионов, диверсантов и шантажистов» [Томсон, 1938, с. 5]. Другим офицером Соединенного Королевства, чей труд был издан в СССР незадолго до начала Второй мировой войны, был Ч. Россель. Британский военный уделил внимание разведывательным мероприятиям, направленным на получение информации о состоянии железных дорог, расположении «головных узлов на железнодорожных магистралях» [Россель, 1938]. В это же время в Советском Союзе был опубликован труд еще одного представителя англий-

CC BY

ских спецслужб Эдвина Вудхолла «Разведчики мировой войны», который, несмотря на название, отражал опыт британцев не только по добыванию сведений, но и по противодействию немецким шпионам [Вудхолл, 1938].

Значительный интерес вызывают воспоминания последнего руководителя Эвиденцбюро (управления военной разведки Австро-Венгрии) Максимилиана Ронге. В книге «Разведка и контрразведка» автор раскрывает мероприятия, осуществлявшиеся австро-венгерскими шпионами и диверсантами на стальных магистралях Российской империи. С 1910 года Эвиденцбюро начало осуществлять сбор сведений о железных дорогах потенциальных противников и вербовку «пригодных людей», готовых совершать диверсии. Проводилась фотографическая съемка линий и объектов железнодорожной инфраструктуры [Тайные силы ..., 2015, с. 234, 242].

Борьба царских контрразведчиков с немецкими и австрийскими шпионами нашла отражение в работе отечественных историков Д. Сейдаметова и Н. Шляпникова, подготовленной ими для командного состава РККА. Авторами отмечена глубокая осведомленность противника о состоянии российских железных дорог к концу 1913 года. Такой результат был достигнут в том числе за счет функционирования специального денежного фонда для целей шпионажа. Из этого фонда, официально предназначавшегося для развития германской мелкой торговли, осуществлялись выплаты средств немецким предпринимателям для заведения торговли вблизи узлов железных дорог [Сейдаметов и др., 1939, с. 30].

Тяжелые годы войны с фашистской Германией стали временем накопления нового передового опыта борьбы с вражескими шпионами. После разгрома нацистов и их сателлитов внимание историков в меньшей степени стало уделяться разведке и контрразведке Первой мировой войны. Эти вопросы освещались преимущественно в контексте общих исследований по истории противостояния Антанты и Тройственного союза, при этом исследовательский интерес был в большей степени направлен на изучение опыта военной разведки, нежели на рассмотрение проблем борьбы со шпионами врага [История Первой мировой ..., 1975].

Особого внимания в контексте рассмотрения современной историографии контрразведки в Первой мировой войне заслуживают статьи А. А. Зданович, в которых автор всесторонне рассматривает противодействие шпионажу в указанный период [Зданович, 2014а; Зданович, 2014б; Зданович, 2016]. Положено начало накоплению исторического знания о взаимодействии органов жандармской полиции и КРО при реализации контрразведывательных мер [Едигаров, 2009; Касьянов, 2014]. Однако роль жандармской железнодорожной полиции в системе военно-розыскных органов Российской империи и реализация ее подразделениями кон-

CC BY

трразведывательных мероприятий в годы Первой мировой войны еще не получили достаточного освещения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Жандармские полицейские управления железных дорог в системе контрразведывательных органов Российской империи

Разрешение вопроса о том, какое из ведомств надлежит наделить руководящей ролью в контрразведке, перед началом Первой мировой войны стало объектом конкурентной борьбы между Военным министерством и МВД. В 1908 году межведомственной комиссией рассматривались четыре схемы, одна из которых предполагала подчинение КРО Департаменту полиции МВД — она и была доминирующей. Опыт агентурной работы охранных отделений был веским доводом в пользу этого предложения. Однако в 1910 году вследствие смены руководства в Департаменте полиции инициатива была перехвачена сторонниками организации военно-розыскных органов в Военном ведомстве [Потёмкин, 2019а, с. 55—61]. 8 июня 1911 года при штабах военных округов было учреждено 11 КРО. Также в отделе генерал-квартирмейстера Генерального штаба учреждался «центральный регистрационный орган» для координации мер по борьбе со шпионажем. После вступления России в войну КРО перешли под руководство фронтов и отдельных армий [Шидловский, 2019, с 53—54]. Впоследствии многие руководители политической полиции указывали на бессистемность работы КРО. Веской причиной для этого была невозможность организации упорядоченной агентурной работы в связи с подчинением КРО постоянно менявшим дислокацию в ходе боевых действий штабам. Учреждение КРО не исключило полицейские структуры из противодействия вражескому шпионажу [Потёмкин, 2019а, с. 61—62].

Накануне войны начальники ЖПУЖД получили телеграммы из штаба Отдельного корпуса жандармов, уведомлявшие их о том, что, согласно параграфу 9 Положения о подготовительном к войне периоде, на них возлагаются обязанности «...задерживать лиц, подозреваемых в шпионстве...» [Потемкин, 2019б, с. 109].

В годы противостояния Российской империи со странами Тройственного союза сведения, относившиеся к контрразведке, общая полиция и ЖПУЖД передавали в губернские жандармские управления (ГЖУ). За несколько месяцев до начала войны ГЖУ в структуре МВД обрели статус руководящих местных центров ведения работы с негласными осведомителями в политических организациях и в криминальных кругах. Произошло это вследствие того, что 20 февраля 1914 года практически все ранее осуществлявшие координацию сыскных действий районные охранные

CC BY

отделения (РОО) были упразднены. Сохранены были только Кавказское, Туркестанское и Восточно-Сибирское РОО «ввиду обслуживания ими отдаленных окраин Российской империи». Важную роль жандармы ГЖУ играли и в контрразведке. Состоявшие в КРО жандармские офицеры числились в списках ГЖУ и считались откомандированными в распоряжение Главного управления Генерального штаба и штабов военных округов по принадлежности [Карпова, 2012, с. 144—145].

Таким образом, контрразведывательная деятельность осуществлялась военным ведомством во взаимодействии с МВД. Полицейский опыт агентурной работы оказался востребован в условиях шпионской активности государств-противников. 25 декабря 1910 года начальники жандармских управлений получили циркуляр № 119955, подписанный директором Департамента полиции МВД Н. П. Зуевым, согласно которому наряду с политической и криминальной агентурой жандармам надлежало приобрести осведомителей, способных добывать сведения об актах вражеского шпионажа. Жандармским офицерам была разъяснена их роль в контрразведывательной деятельности, которая, несмотря на главенство военного ведомства в этом направлении, не должна была сводиться исключительно к исполнительным функциям. От жандармского начальства требовалось проявление инициативы и самостоятельности в выборе розыскных приемов для решения поставленных задач [ГАРФ, ф. 126, оп. 1, д. 2, л. 42—43 об.].

Роль ЖПУЖД в сотрудничестве с КРО заключалась в добывании в пределах стальных магистралей сведений о лицах, осуществлявших скрытый сбор информации в пользу врага на территории Российской империи, а также в проведении задержаний лиц, заподозренных в шпионаже при их выявлении на подведомственных участках «чугунки».

3.2. Цели вражеского шпионажа на российских железных дорогах

За четыре месяца и один день до объявления Австро-Венгрией войны Сербии Отдельный корпус жандармов 27 марта 1914 года направил в адрес начальников ЖПУЖД циркулярное распоряжение об усилении наблюдения в связи со шпионской активностью германских разведчиков в пределах железных дорог. По той же причине отдел военных сообщений Главного управления Генерального штаба обратился к Управлению казенных железных дорог Министерства путей сообщения с просьбой «о принятии надлежащих мер со стороны железнодорожной администрации» [ГАРФ, ф. 76, оп. 1, д. 35, л. 17—17 об.]. Для понимания того, какого рода сведения являлись целью немецких шпионов, к документу был приложен перечень под наименованием «Требуемые от агентов сведения для сообщения в Познанское разведывательное бюро по железнодорожным вопросам». Интерес указанного разведывательного органа противника представляла

CC BY

информация о наличии секретных депо на пограничных пунктах, о транспортах артиллерийских боеприпасов и перевозках орудий крупного калибра. Также ставилась задача доставлять планы станций, мостов, расположения путей и их профили, циркуляры, приказы (желательно подлинники), графики дорог, сведения о пропускной способности железнодорожных участков [ГАРФ, ф. 76, оп. 1, д. 35, л. 18].

Инструкция для военных разведчиков Австро-Венгрии, распространявшаяся для ознакомления среди чинов ЖПУЖД, в сравнении с аналогичным немецким документом отличалась большей подробностью. Эвиденцбюро требовало от своих служащих в пределах назначенных районов добывать сведения о распределении, размещении и составе всех воинских команд, жандармов, пограничной стражи, магазинов и военных построек; о состоянии и подвижном составе железных дорог; о действовавших телеграфных и телефонных линиях и о прокладке новых; о складах железнодорожных, телеграфных и телефонных материалов; об увеличении железнодорожных станций; доставлять фотографии комендантов и иных высших чинов «с указанием их способностей». Кроме того, ставились задачи «подробного исследования политического движения, насколько оно касается приготовления к войне», а также раскрытия лиц, причастных к разведке против Австро-Венгрии, и доставления описаний их внешнего вида или фотографий. [ГАРФ, ф. 76, оп. 1, д. 196, л. 4—6]. Примечательно, что в уже упомянутом циркуляре Департамента полиции обозначалось, что именно Австро-Венгрия, а не Германия, в предвоенное время проявляла в Российской империи наибольшую шпионскую активность [ГАРФ, ф. 126, оп. 1, д. 2, л. 42—43 об.].

В отношении железной дороги интерес противника составляли сведения, которые, во-первых, позволяли прогнозировать направления переброски войск, время их сосредоточения; во-вторых, раскрывали уязвимости железнодорожной инфраструктуры, использование которых создавало условия для дезорганизации перевозки живой силы и снабжения. Наиболее удобным способом фиксации расположения железнодорожных объектов, особенностей местности, по которой проходили пути, в рассматриваемый период была фотосъемка. Сделанные шпионами фотографии анализировались военным руководством противника, принимались во внимание в ходе выработки решений.

3.3. Надзор жандармской полиции за ограничением фотосъемок в пределах железных дорог

Проблема недопущения рекогносцировок противника в пределах железных дорог Российской империи обострилась в начале XX века. Будущие антагонисты по Первой мировой войне заблаговременно начали изучать железнодорожную сеть. Подтверждением этому является направле-

CC BY

ние 26 марта 1903 года заведующим передвижением войск по железным дорогам и водным путям Варшавского района в адрес начальника Санкт-Петербургского ЖПУЖД регламента допуска для ознакомления с участками дороги «во избежание возможности появления на линиях железных дорог с целью производства рекогносцировок под видом офицеров лиц, не только не уполномоченных, но и совершенно посторонних». Согласно установленным правилам осуществлять изучение местности в пределах железной дороги офицеры заинтересованных частей могли только после получения соответствующего разрешения штаба округа [ГАРФ, ф. 126, оп. 1, д. 2, л. 2—3]. Такое ужесточение режима секретности на железных дорогах было еще более примечательно в контексте того, что в 1897 году Департамент полиции давал разъяснение начальникам ГЖУ, в соответствии с которым отдельные фотографические общества на основании утвержденных МВД уставов имели право производить фотографические работы в России повсеместно, за исключением определенных командованиями военных округов стратегически значимых мест [ГАРФ, ф. 76, оп. 1, д. 3, л. 28]. Очевидно, что сами фотографы, тем более имевшие преступный умысел, не проявляли инициативы для выяснений, относится ли интересующий их объект к категории запрещенных к съемке. Кроме того, жандармская переписка содержит упоминания задержаний лиц, в том числе иностранных подданных, уличенных в фотографировании железнодорожных объектов, однако отпущенных в связи с объяснением, что снимки были сделаны «на память и для забавы» [ГАРФ, ф. 127, оп. 1, д. 36, л. 3—3 об.]. С уверенностью можно сделать вывод о том, что к вопросу допущения фотосъемки путей и железнодорожной инфраструктуры полицейские власти в начале XX века стали подходить гораздо более осторожно.

Наряду с военными и железнодорожной полицией приказ повысить бдительность и пресекать попытки фотографирования путей получили железнодорожные служащие. Например, 24 июня 1913 года начальник Юго-Западных железных дорог В. П. Шмит сделал соответствующее указание, отметив, что борьба со шпионажем «...требует, чтобы подлежащие железнодорожные агенты оказывали жандармской полиции содействие и немедленно сообщали ближайшим представителям ея о появлении в полосе отчуждения или вблизи ея лиц с целью производства разведок» [ГАРФ, ф. 76, оп. 1, д. 44, л. 44].

Имели место случаи, когда руководители жандармской железнодорожной полиции проявляли чрезмерное рвение, стремясь не допустить того, чтобы фотоснимки оказались в руках противника. Так, начальник Московско-Брестского ЖПУЖД обратился в управление Московско-Брестской железной дороги с требованием передать ему для уничтожения негативы и фотографические снимки мостов и путепроводов, за что получил вну-

CC BY

шение от штаба Отдельного корпуса жандармов о недопустимости таких указаний [ГАРФ, ф. 77, оп. 1, д. 6, л. 5—6].

Нередко для оправдания своего присутствия вблизи железных дорог иностранные шпионы использовали незамысловатые, но оригинальные легенды прикрытия. Так, в 1914 году на территории Российской империи часто стали встречаться туристы, которые при выяснении цели их следования и причин нахождения рядом с важными объектами сообщали, что ими было заключено пари, условиями которого были совершение пешего кругосветного путешествия и добывание средств к существованию исключительно за счет продажи сделанных в пути фотоснимков. Проверка такого рода разъяснений, как правило, показывала, что «путешественники» пользовались железнодорожным транспортом, вели разгульный образ жизни, не демонстрируя ограниченности в средствах. Зачастую они, очевидно, достигнув истинных целей своего пути, прерывали путешествие, получали от консулов своих государств деньги для возвращения на родину [ГАРФ, ф. 76, оп. 1, д. 196, л. 7—8].

В 1916 году проявила себя еще одна закономерность, вызвавшая у МВД подозрения. Губернаторам стали поступать от разных лиц ходатайства о разрешении открытия фотографических заведений при станциях железных дорог и производства фотографических снимков в местностях, прилегавших к железнодорожным линиям. Многочисленность таких обращений в течение ограниченного временного периода давала основания предполагать, что они были скоординированы и преследовали единый замысел: «В мирное время подобного явления, по свидетельству названных начальств, не наблюдалось. Поэтому представляется очевидным, что во всех случаях возбуждения означенных ходатайств просителями преследуются особые цели, имеющие несомненную связь с вопросами государственной обороны». На открытие фотографических заведений был наложен запрет, деятельность уже существовавших было предписано прекратить, а за лицами, ранее получившими разрешение или ходатайствовавшими об этом, надлежало организовать надзор [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 397, л. 22].

3.4. Жандармское наблюдение в отношении привлекавшихся к шпионажу лиц

Цели шпионажа достигались противником во многом благодаря вербовке агентов штатными служащими иностранных разведок. Присутствие осведомителей в пределах железнодорожной инфраструктуры не должно было вызывать подозрений у военных, жандармской полиции и железнодорожников. Соответственно, приобретались они в сложившейся вокруг железной дороги социальной среде.

К категории лиц, наиболее охотно выполнявших шпионские функции, относились военнопленные, чей труд использовался на железнодорожных

CC BY

стройках. Офицеры и нижние чины Германии, Австро-Венгрии и Османской империи, находясь в неволе, имели идейный стимул приносить пользу своей стране. Мало кто из них получал задания от иностранных разведок, однако, вернувшись домой, военнопленный, способный подробно рассказать об увиденном в России, мог стать ценным источником информации.

Здесь необходимо отметить, что задолго до начала Первой мировой войны применение труда иностранцев на железных дорогах было сильно ограничено. В соответствии с постановлением Министерства путей сообщения от 22 февраля 1884 года иностранные подданные и лица, «не владеющие в достаточной степени русским языком», не должны были допускаться для замещения руководящих должностей, кроме чинов правлений частных железных дорог [ГАРФ, ф. 77, оп. 1, д. 4, л. 7—8]. Департамент полиции направлял в адрес ЖПУЖД разъяснение о том, что артели иностранных подданных к работам должны были допускаться при условии установления за ними жандармского надзора [ГАРФ, ф. 77, оп. 1, д. 4, л. 9]. Применение труда военнопленных в годы Первой мировой войны было обусловлено необходимостью осуществления масштабных работ по ремонту, расширению путей и строительству новых линий в условиях дефицита рабочей силы. Принимавшиеся на железных дорогах правила о применении труда военнопленных регламентировали их жизнь таким образом, чтобы предупредить побеги и лишить свободы передвижения и возможности увидеть что-либо, кроме места содержания и участка, на котором осуществлялись работы. Обеспечивался такой режим жандармским наблюдением и охранной службой стражников и ополченцев [ГАРФ, ф. 76, оп. 1, д. 261, л. 2 об. —7]. От германских и австрийских военнопленных было запрещено принимать телеграммы. На жандармов возлагалась обязанность пресекать их попытки передач телеграмм через лиц, выражавших готовность стать посредниками [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 294, л. 20а]. Такой запрет был связан с недопустимостью возникновения утечки сведений о состоянии железных дорог или о перевозках, которые могли способствовать военному успеху противника.

Не только военнопленные, но и иностранцы, чье присутствие на станциях раньше виделось обыденным, стали объектом подозрения в шпионаже. Например, секретным приказом от 6 июня 1916 года по Брянскому отделению Московско-Киевского ЖПУЖД китайцам, осуществлявшим торговлю вразнос, запрещался проход в полосу железнодорожного отчуждения и в особенности вступление в разговоры с нижними чинами и офицерами при проходе воинских и санитарных поездов. Обосновывалось такое решение тем, что характер деятельности китайцев и бродячий образ жизни позволял им «входить в сношение с воинскими чинами, не навлекая

CC BY

подозрения», а ввиду распространения в Китае германской пропаганды деятельность торговцев признавалась «небезопасной в отношении военного шпионства» [ГАРФ, ф. 76, оп. 1, д. 144, л. 17—17 об.].

В рассматриваемый период железная дорога становилась местом притяжения детей, оставшихся без попечения родителей или искавших приключений в круговороте событий военного времени. Прибивавшиеся к воинским эшелонам мальчики вызывали сострадание у следовавших на фронт нижних чинов, многие из которых сами вынуждены были покинуть семьи. Вследствие этого дети пользовались покровительством солдат, утаивавших их, и следовали вместе с воинскими эшелонами. Явление это приняло столь массовый характер, что 29 августа 1916 года штаб главнокомандующего армиями Западного фронта получил указание Генерального штаба о «безусловном воспрещении допуска беглых мальчиков, не имеющих при себе никаких документов, в воинские и товарные поезда» и установлении строгого надзора за отсутствием таковых на узловых станциях. Объяснялось это распоряжение тем, что мальчики могли оказаться засланными неприятелем шпионами [ГАРФ, ф. 76, оп. 1, д. 212, л. 132]. Насколько оправданным было такое подозрение военного руководства к детям и не являлось ли оно проявлением захлестнувшей страну шпиономании? Немецкие военные действительно использовали детей для шпионажа на железных дорогах. Например, российской военной разведке удалось получить информацию об организации в оккупированной Варшаве школы малолетних шпионов, в которую набирались мальчики и девочки. Прошедшие обучение засылались в Россию под видом беженцев для сбора сведений на станциях вблизи Санкт-Петербурга. В некоторой степени задачу выявления малолетних шпионов облегчал их единообразный внешний вид: мальчики получали в разведшколе черное ученическое пальто или черную куртку; девочки — черное широкое пальто, платье, платок и ботинки на пуговицах того же цвета [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 730, л. 2].

Военнопленные, иностранные граждане, не принимавшие участия в боевых действиях, и дети являлись наиболее активно вовлекаемыми в шпионаж категориями. Однако вражеские разведывательные службы не ограничивались работой с ними, стремясь заполучить необходимые сведения вербовкой разных лиц. Имелись прецеденты использования в шпионской деятельности даже представителей Красного креста [ГАРФ, ф. 495, оп. 8, д. 8, л. 102—102 об.]. Особый интерес относительно привлечения к шпионской деятельности для противников представляли железнодорожные служащие, например путевые контролеры, которые по роду своей деятельности много перемещались по железным дорогам, при этом не навлекая на себя подозрений [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 497, л. 28].

CC BY

3.5. Контрразведывательное обеспечение перемещений официальных лиц иностранных государств

Задачи по добыче сведений ставились не только перед штатными чинами разведывательных служб иностранных государств и приобретенными ими агентами. Уникальные возможности для ведения шпионской деятельности имели дипломаты, а также лица, получившие официальное разрешение на перемещения.

После войны 1904—1905 годов контрразведка не могла обойти вниманием передвижения офицеров японской армии по территории Российской империи. 31 августа 1907 года начальнику Московско-Рижского ЖПУЖД поступило указание о принятии необходимых мер сопровождения генерал-майора Утияма и майоров Муто и Такаянаги в связи с получением ими разрешения в качестве частных лиц предпринять путешествие из Санкт-Петербурга в Туркестанский край [ГАРФ, ф. 77, оп. 1, д. 819, л. 45]. Начальникам отделений указанного управления было передано уведомление о том, что они сразу после выезда японцев из Орла получат условную телеграмму: «следуют поездом № в вагоне такого-то класса» [ГАРФ, ф. 77, оп. 1, д. 819, л. 58].

Исторически дипломатическим прикрытием пользовались и профессиональные шпионы, имевшие к ведомствам иностранных дел лишь формальное отношение. Статус дипломатов создавал определенные трудности для контрразведывательных органов в части наложения ограничений и проведения проверочных мероприятий.

Секретная переписка содержит факты жандармского наблюдения за чинами австро-венгерских консульств, следовавшими железнодорожным транспортом через Москву в Петроград в ноябре 1914 года [ГАРФ, ф. 126, оп. 1, д. 75, л. 193]. В это же время жандармская железнодорожная полиция сопровождала перемещавшихся из Баку в Петроград для дальнейшего убытия через Финляндию в Константинополь бакинского и рештского консулов Османской империи Кемаля-Бея и Рефат-Бея [ГАРФ, ф. 126, оп. 1, д. 75, л. 195]. Необходимо отметить, что после начала Первой мировой войны для раскрытия участия консулов вражеских стран в сборе сведений принимались беспрецедентные меры. Командующий Отдельного корпуса жандармов В. Ф. Джунковский уведомил финляндского генерал-губернатора Ф.-А. А. Зейна о том, что при выезде из России германских консулов все имевшиеся при них бумаги будут осматриваться «с соблюдением особой вежливости» для изъятия шифров и «представляющей интерес переписки» [ГАРФ, ф. 495, оп. 9, д. 1, л. 2].

4. Заключение = Conclusions

В системе органов контрразведки Российской империи накануне и в годы Первой мировой войны ЖПУЖД занимали важное место ввиду

значимости железнодорожного транспорта в перевозке войск и в их снабжении. Деятельность ЖПУЖД по направлению борьбы со шпионажем направлялась ГЖУ, непосредственно взаимодействовавшими с органами военной контрразведки.

Упомянутый циркуляр директора Департамента полиции МВД Н. П. Зуева от 25 декабря 1910 года, в котором жандармским начальникам передавалась воля корпусного руководства возложить на них выполнение контрразведывательных задач, кроме обоснования необходимости такого шага, содержал следующее наставление: «...участие чинов жандармского ведомства в контрразведывательной деятельности отнюдь, однако, не должно отражаться на успешном выполнении ими прямых своих обязанностей по ведению политического розыска...» [ГАРФ, ф. 126, оп. 1, д. 2, л. 42—43 об.]. Борьба со шпионажем не отменяла выполнения жандармами на железных дорогах их обязанностей общей и политической полиции. Таким образом, одновременно три сложных направления обеспечения государственной и общественной безопасности были возложены на ЖПУЖД. Кроме того, очевидным фактором, осложнявшим борьбу со шпионажем, был масштаб железнодорожной сети, представлявшей собой систему с множеством уязвимых мест, поражение которых могло парализовать транспортировку живой силы, вооружения и снабжения.

Неудачи на фронте и острота социально-политического кризиса в Российской империи в рассматриваемый период имели характер взаимосвязанных проблем колоссальной глубины. В условиях разложения основ государства отдельные элементы его аппарата не могли изменить общего хода событий. В условиях Великого отступления 1915 года, последовавшей дезорганизации перевозок и управления на железнодорожном транспорте ЖПУЖД были лишены возможности устранять все многообразные угрозы на вверенных участках.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 59 (Московское жандармское полицейское управление железных дорог). Оп. 1. Д. 294, 397, 497, 730; Ф. 76 (Московско-Киевское жандармское полицейское управление железных дорог). Оп. 1. Д. 3, 35, 44, 144, 196, 212, 261 ; Ф. 77 (Московско-Рижское жандармское полицейское управление железных дорог). Оп. 1. Д. 4, 6, 819 ; Ф. 126 (Петроградское жандармское полицейское управление железных дорог). Оп. 1. Д. 2, 75 ; Ф. 127 (Жандармское поли-

цейское управление Северо-Западных железных дорог). Оп. 1.Д. 36 ; Ф. 495 (Жандармское полицейское управления Финляндских железных дорог). Оп. 8. Д. 8; Оп. 9. Д. 1.

Литература

1. *Батюшин Н. С.* Тайная военная разведка и борьба с ней / Н. С. Батюшин. — Москва : X-history, 2002. — 259 с. — ISBN 5-86490-125-5.

2. *Вальтер Н.* Тайные силы : интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время / Н. Вальтер. — Киев : Мария, 2015. — 589 с.

3. *Вудхолл Э.* Разведчики мировой войны / Э. Вудхолл. — Москва : Воениздат, 1938. — 144 с.

4. *Едигаров А. Г.* Взаимодействие контрразведывательных отделений Главного управления Генерального штаба Военного министерства с органами политического сыска в канун и ходе Первой мировой войны / А. Г. Едигаров // Общество и право. — 2009. — № 5 (27). — С. 93—95.

5. *Зданович А. А.* «Дело Мясоедова»: новый этап изучения или бег по кругу / А. А. Зданович // Новейшая история России. — 2014. — № 3. — С. 234—247.

6. *Зданович А. А.* Деятельность иностранных разведок в России во время Первой мировой войны» / А. А. Зданович // Клио. — 2016. — № 1 (109). — С. 167—173.

7. *Зданович А. А.* Контрразведка царской России в Первой мировой войне: организационные и правовые проблемы функционирования / А. А. Зданович // Великая война. Сто лет: издание подготовлено к съезду Российского военно-исторического общества 19 апреля 2014 г. — Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. — С. 39—51.

8. *История* Первой мировой войны 1914—1918 гг. / ред. А. Ф. Ростунов. — Москва : Наука, 1975. — Т. 1—2.

9. *Карпова Н. А.* К истории упразднения районных охранных отделений Департамента полиции МВД России / Н. А. Карпова // Наука и школа. — 2012. — № 1. — С. 142—146.

10. *Касьянов А. В.* Взаимодействие МВД Российской империи с органами военной контрразведки накануне и в годы Первой Мировой войны / А. В. Касьянов // Бизнес в законе. — 2014. — № 2. — С. 131—134.

11. *Орлов В. Г.* Двойной агент : записки русского контрразведчика / В. Г. Орлов. — Москва : Современник, 1998. — 349 с.

12. *Потёмкин И. А.* Контрразведывательная деятельность полиции в структуре безопасности государства накануне и в годы Первой мировой войны / И. А. Потёмкин // Российская полиция: три века служения Отечеству : сборник статей Юбилейной международной научной конференции. — 2019. — С. 55—70.

13. *Потёмкин И. А.* Основные направления деятельности и взаимодействия жандармских полицейских управлений железных дорог в годы Первой Мировой войны / И. А. Потёмкин // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. — 2019. — № 4 (52). — С. 103—112.

14. *Россель Ч.* Разведка и контрразведка / Ч. Россель. — Москва : Воениздат, 1938. — 86 с.

15. *Сейдаметов Д.* Германо-австрийская разведка в царской России / Д. Сейдаметов, Н. Шляпников. — Москва : Воениздат, 1939. — 72 с.

16. *Томсон Б.* Шпионаж во время войны / Б. Томсон. — Москва : Государственное социально-экономическое издательство, 1938. — 184 с.

17. *Устинов С. М.* Записки начальника контрразведки / С. М. Устинов. — Белград : Всеславянский книжный магазин М. И. Стефанович и Ко, 1922. — 146 с.

18. *Шидловский Л. Д.* Российская контрразведка накануне и в Первой мировой войне / Л. Д. Шидловский // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. — 2019. — № 4. — С. 50—56.

Статья поступила в редакцию 08.10.2023,
одобрена после рецензирования 06.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

Material resources

GARF — *State Archives of the Russian Federation*. F. 59. F. 76. F. 77. F. 126. F. 127. F 495. (In Russ.).

References

Batyushin, N. S. (2002). *Secret military intelligence and the fight against it.* Moscow: X-history. 259 p. ISBN 5-86490-125-5. (In Russ.).

Edigarov, A. G. (2009). Interaction of counterintelligence departments of the Main Directorate of the General Staff of the Ministry of War with political intelligence agencies on the eve and during the First World War. *Society and Law, 5 (27):* 93—95. (In Russ.).

Karpova, N. A. (2012). On the history of the abolition of district security departments of the Police Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Science and school, 1:* 142—146. (In Russ.).

Kasyanov, A. V. (2014). Interaction of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire with military counterintelligence agencies on the eve and during the First World War. *Business in Law, 2:* 131—134. (In Russ.).

Orlov, V. G. (1998). *Double agent: notes of a Russian counterintelligence officer*. Moscow: Sovremennik. 349 p. (In Russ.).

Potemkin, I. A. (2019). Counterintelligence activities of the police in the state security structure on the eve and during the First World War. In: *Russian police: three centuries of service to the Fatherland: collection of articles of the Anniversary International Scientific Conference*. 55—70. (In Russ.).

Potemkin, I. A. (2019). Main directions of activity and interaction of gendarme police departments of railways during the First World War. *Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 4 (52):* 103—112. (In Russ.).

Rossel, Ch. (1938). *Intelligence and counterintelligence*. Moscow: Voenizdat. 86 p. (In Russ.).

Rostunov, A. F. (ed.). (1975). *History of the First World War 1914—1918*. Moscow: Science. 1—2. (In Russ.).

Seydametov, D., Shlyapnikov, N. (1939). *German-Austrian intelligence in Tsarist Russia*. Moscow: Military Publishing House. 72 p. (In Russ.).

Shidlovsky, L. D. (2019). Russian counterintelligence on the eve and in the First World War. *Academic Bulletin of the National Guard Troops of the Russian Federation, 4:* 50—56. (In Russ.).

Thomson, B. (1938). *Espionage during the war.* Moscow: State Socio-Economic Publishing House. 184 p. (In Russ.).

Ustinov, S. M. (1922). *Notes of the head of counterintelligence*. Belgrade: All-Slavic bookstore M. I. Stefanovich and Co. 146 p. (In Russ.).

Walter, N. (2015). *Secret forces: international espionage and the fight against it during the World War and at the present time*. Kyiv: Maria. 589 p. (In Russ.).

Woodhall, E. (1938). *Scouts of the World War*. Moscow: Military Publishing House.144 p. (In Russ.).

Zdanovich, A. A. (2014). "The Myasoedov Case": a new stage of study or running in circles. *Contemporary history of Russia, 3:* 234—247. (In Russ.).

Zdanovich, A. A. (2014). Counterintelligence of Tsarist Russia in the First World War: organizational and legal problems of functioning. In: *The Great War. One hundred years: publication prepared for the congress of the Russian Military Historical Society on April 19, 2014*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-History. 39—51. (In Russ.).

Zdanovich, A. A. (2016). Activities of foreign intelligence services in Russia during the First World War. *Clio, 1 (109):* 167—173. (In Russ.).

The article was submitted 08.10.2023;
approved after reviewing 06.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Митюрёва Д. С. Правовые дискуссии о процедуре ex officio в Англии конца XVI века: позиция Роберта Била / Д. С. Митюрёва // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 378—394. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-378-394.

Mityureva, D. S. (2023). Legal Debates on 'Ex Officio' Procedure in Late 16th Century England: Robert Bill's Position. *Nauchnyi dialog, 12* (10): 378-394. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-378-394. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-378-394

Правовые дискуссии о процедуре ex officio в Англии конца XVI века: позиция Роберта Била

Митюрёва Дарья Сергеевна
orcid.org/0000-0001-7457-2798
кандидат исторических наук,
научный сотрудник лаборатории
«Идеи. Контексты. События»
dmiturova@yandex.ru

Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет
гранта Российского научного фонда
№ 23-28-00818
«Инквизиционные процедуры
Высокой комиссии и право
не свидетельствовать против себя
в публичных дебатах в Англии
конца XVI — начала XVII вв.»,
https://rscf.ru/project/23-28-00818/

Legal Debates on 'Ex Officio' Procedure in Late 16th Century England: Robert Bill's Position

Daria S. Mityureva
orcid.org/0000-0001-7457-2798
PhD in History, research scientist,
Laboratory of Ideas,
Contexts, and Events
dmiturova@yandex.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00818
"Inquisitorial procedures
of the High Commission and
the right to remain silent
in public debates in England
in the late 16th — early 17th centuries",
https://rscf.ru/project/23-28-00818/

© Митюрёва Д. С., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос об истоках современного права хранить молчание и не свидетельствовать против себя, которое утвердилось в правовых дискуссиях английских юристов XVI века и в практике английских судов XVII века. Цель статьи — проанализировать конфликт юристов общего и цивильного права во второй половине XVI века по поводу процедуры приведения к присяге *ex officio*, то есть в силу служебного положения обвинителя. Выполнен обзор правового контекста 1580-х — 1590-х годов, когда возник спор о деятельности Высокой комиссии. Рассматриваемые юридические тексты демонстрируют борьбу между инквизиционными практиками и попыткой сделать судебный процесс (церковный в том числе) «надлежащим образом организованным». Особое внимание уделяется позиции клерка Тайного совета Роберта Била. Автор подробно останавливается на аргументах, которые приводит Бил против присяги *ex officio*. Анализ правовой дискуссии позволяет увидеть несколько более обширных конфликтов: взаимоотношения между церковным и общим правом в Англии после Реформации и соотношение властных прерогатив и прав подданных.

Ключевые слова:
Роберт Бил; Высокая комиссия; юристы общего права; инквизиция; присяга *ex officio*; право не свидетельствовать против себя.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the origins of the modern right to remain silent and not testify against oneself, which was established in legal discussions among English jurists in the sixteenth century and in the practice of English courts in the seventeenth century. The aim of the article is to analyze the conflict between common and civil law jurists in the late sixteenth century regarding the procedure of ex officio oath-taking, that is, taking an oath due to the prosecutor's official position. The legal context of the 1580s-1590s, when there was a dispute over the activities of the High Commission, is reviewed. The legal texts under consideration demonstrate a struggle between inquisitorial practices and attempts to make the judicial process (including the church) "properly organized." Special attention is paid to the position of Robert Bill, a clerk of the Privy Council. The author delves into the arguments Bill presents against ex officio oaths. The analysis of the legal debate allows for a broader understanding of several conflicts: the relationship between church and common law in England after the Reformation and the balance of power between authorities and subjects' rights.

Key words:
Robert Bill; High Commission; common law lawyers; inquisition; ex officio oath; right to remain silent.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:343.121(410)“15”+929Beale

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история

Правовые дискуссии о процедуре ex officio в Англии конца XVI века: позиция Роберта Била

© Митюрёва Д. С., 2023

1. Введение = Introduction

В настоящее время право сохранять молчание и не свидетельствовать против себя — общепринятые международные стандарты в области защиты прав человека. Хотя принцип *nemo tenetur se ibsem accusare* («никто не обязан обвинять самого себя») был закреплен еще в Дигестах Юстиниана, его путь до современного права долго пробивал себе путь через дискуссии. Применение этого принципа продолжает вызывать споры в правовой науке, однако исторические источники его происхождения часто остаются на периферии исследовательского внимания. Современный принцип не свидетельствовать против себя утвердился в результате конфликта английского общего права и церковного права инквизиции. В данной статье на английском материале мы попытаемся проследить, как развивался этот конфликт.

В Англии инквизиционные практики стали использовать в XIII веке. Тогда же обвиняемых стали приводить к присяге *ex officio*, то есть в силу служебного положения обвинителя. Процедура обязывала обвиняемых отвечать на любые задаваемые вопросы, ответы на которые становились основанием для вынесения приговора. Точкой начала официального разрешения приводить подсудимых к присяге *ex officio* в Англии называют 1401 год, когда Генрих IV принял статут «De Heretico Comburendo», дававший епископам право арестовывать любого подозреваемого в ереси и предписывавший сжигать «упрямых еретиков» [Herman, 1992, p. 112]. Следом в 1408 году архиепископ Кентерберийский Томас Арундел предписал священнослужителям осуждать как еретиков всех, кто выступает против принесения клятвы [Wigmore, 1891, p. 76].

После принятия статута тысячи людей были приведены к присяге *ex officio* из-за своих религиозных убеждений. Противостояние этому началось только через почти полтора столетия, в 1532 году, во время рассмотрения дела против обвиненного в ереси Джона Ламберта, заявившего, что «ни один человек не обязан предавать [обвинять] самого себя». Тогда же парламент подал петицию Генриху VIII с жалобой на применение подобной процедуры [Herman, 1992, p. 112—113]. Изучение публичной полеми-

CC BY

ки, вспыхнувшей вокруг процедуры *ex officio*, позволит проследить истоки становления одного из фундаментальных правовых положений.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

При последних Тюдорах дискуссии об использовании присяги *ex officio* стали особенно оживленными. Несмотря на то, что Высокая комиссия, начавшая свое становление после принятия Акта о Супрематии (1534, 1559), стала одним из главных королевских инструментов укрепления религиозного единообразия и борьбы с религиозным инакомыслием, при Генрихе VIII присяга была отменена. Мария Тюдор вернула статут «De Heretico Comburendo» и наделила судебную комиссию полномочиями действовать *ex officio* и заключать в тюрьму непокорных, отказавшихся отвечать на вопросы [Herman, 1992, p. 116]. В свою очередь, Елизавета Тюдор в начале своего правления, провозглашая принципы религиозной терпимости и желая привести королевство к религиозному миру, снова отменила клятву. Однако к концу елизаветинского века английская религиозная политика снова стала более жесткой, что привело к возобновлению использования присяги *ex officio* в церковных судах.

В Звездной палате также существовала традиция, когда обвиняемые перед допросом приносили клятву говорить только правду. Однако между использованием присяги Звездной палатой и Высокой комиссией существовали принципиальные различия. Звездная палата, как правило, предоставляла обвинительный акт и заключение и давала подсудимому достаточно времени, чтобы ответить на обвинения в письменном виде и с помощью адвоката. Только после этого обвиняемый должен был принести присягу и быть допрошенным. При этом в случае, если рассматриваемое дело могло привести подсудимого к смертному приговору, действовал принцип *nemo tenetur prodere seipsum* [никто не обязан обвинять себя] [Levy, 1969, p. 11].

Высокая комиссия же требовала от подозреваемого принести клятву говорить правду на первом этапе допроса, а затем допрашивала его устно, не сообщая ему никаких сведений ни об обвинениях, ни о личности обвинителей. В результате такой процедуры подсудимый оказывался в ловушке. Во-первых, поскольку обвиняемому не раскрывалась суть дела, он не мог знать, как сообщенные им сведения могут быть использованы против него, а молчание и отказ отвечать на вопросы рассматривались как неуважение к суду. Во-вторых, обвинение могло прибегнуть к методам принуждения при даче показаний, соответственно, подсудимый мог лжесвидетельствовать, тем самым и оговаривая себя, и нарушая религиозную клятву. Однако последнее никого не волновало, потому правдивость этих показаний не подлежала проверке другими свидетельствами. Как отмечает

CC BY

О. И. Тогоева, говоря о языках средневекового правосудия, внеязыковой реальности не существовало, следовательно, признание обвиняемого было неоспоримо, а внесловесные факторы, такие как боль, не заботили судебные инстанции [Тогоева, 2022, с. 16].

В описанных условиях роль юристов общего права, открыто выступивших против использования присяги *ex officio*, представляется очень важной. Среди них был и Роберт Бил (1541—1601), занимавший пост клерка Тайного совета больше 20 лет. Несмотря на его активную деятельность и интерес со стороны историков, о нем сохранилась только фрагментарная информация. В распоряжении исследователей остались рукописные заметки и отчеты Била, со многими из которых историкам еще предстоит предметно поработать [Collinson, 2006, p. 500], однако его пространные записки по поводу некоторых спорных вопросов не сохранились. Тем не менее биография этого выдающегося юриста довольно хорошо представлена в работах Марка Тавинье [Taviner, 2000], Жаклин Вон [Vaughan, 2007], Патрика Коллинсона [Collinson, 1988; Collinson, 2006] и других исследователей елизаветинского времени, часто затрагивающих Била по касательной.

Благодаря тому, что Роберт Бил находился в постоянном (в том числе письменном) противостоянии с архиепископом Кентерберийским Джоном Уитгифтом (1530—1604), в нашем распоряжении есть переложения некоторых речей и записок Била, которые вошли в сборник «Жизнь и деяния Джона Уитгифта, архиепископа Кентерберийского», подготовленный историком Джоном Страйпом, составителем биографий, включающих обширные расшифровки документов, выдающихся деятелей Реформации, в числе которых — Томас Кранмер, Мэтью Паркер, Эдмунд Гриндал.

В частности, в этот сборник вошло краткое изложение книги Била, отправленной архиепископу в 1584 году, в которой оспаривалось право короны штрафовать и заключать в тюрьму за церковные преступления, осуждалось использование пыток [The Life and Acts …, 1822, v. I, p. 283—288], а их прямая и заочная полемика по поводу поднятых вопросов отражена в письме, которое Уитгифт отправил Уильяму Сесилу [The Life and Acts …, 1822, v. I, p. 288—300], все время находившемуся между конфликтующими сторонами. Здесь же содержится составленный архиепископом в этом же году перечень «проступков» Била, среди которых — выступление за ограничение власти королевы, где он назван «опасным фанатиком» [The Life and Acts …, 1822, v. I, p. 401—402]. Самым обширным источником по интересующему нас вопросу является коллекция записок Била против процедуры *ex officio*, датированная 1592 годом [The Life and Acts …, 1822, v. II, p. 133—141].

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3. 1. Актуализация проблемы в 1580-е — 1590-е годы

В последнем десятилетии правления Елизаветы I вопрос о применении присяги *ex officio* в церковных разбирательствах актуализировался и получил освещение в юридических текстах. До 1583 года было проведено пять Высоких комиссий, но большого сопротивления порядок их действий не вызвал [Wigmore, 1891, p. 76]. Скандал разразился после того, как в 1583 году архиепископом Кентерберийским стал Джон Уитгифт, сменив Эдмунда Гриндала, не поддержавшего более суровую религиозную политику Елизаветы [Lake, 2008, p. 161]. При новом церковном лидере началось ужесточение преследований католиков и пуритан. В декабре 1583 года он опубликовал статьи, согласно которым подозреваемые в пуританском радикализме должны были допрашиваться Высокой комиссией под присягой *ex officio mero*. Пуритане, не обвиненные формально ни в каких преступлениях, вынуждены были приносить присягу, требующую от них самооговора в совершении широкого круга церковных преступлений [Shagan, 2004, p. 544]. Клятва *ex officio* позиционировалась как средство раскрытия мятежной деятельности среди пуритан [Shagan, 2004, p. 545].

В руках архиепископа Уитгифта оказались и типографии, однако ему не удалось взять под контроль нараставшее сопротивление со стороны части юристов: ему адресовали записки с осуждением практик Высокой комиссии, против его деятельности выходили памфлеты. Начался затяжной конфликт, в котором такие юристы общего права, как Джеймс Морис, Роберт Бил, позднее Эдвард Кок, оспаривали законность применения процедуры *ex officio* и поддерживали максиму *nemo tenetur prodere seipsum* [Levy, 1969, p. 11—12].

3.2. Идейные оппоненты

Идеологом проводимой архиепископом Уитгифтом политики стал его помощник, юрист цивильного права Ричард Косин (ок. 1548—1597). На теоретическом уровне именно он выступил в пользу «английской инквизиции» и в защиту присяги *ex officio* в своем длинном трактате «Апология некоторых процедур церковной юрисдикции, которые в последнее время поставлены под сомнение и различным образом оспариваются» [Cosin, 1591], напечатанном в 1591 году печатником королевы Кристофером Баркером. В 1593 году Косин опубликовал исправленную версию «Апологии», в которой критиковал «строгий библеизм пуритан» и заявлял о превосходстве закона над Священным Писанием. Наконец, он утверждал, что процедура *ex officio* была нейтральной, поскольку она «не требовалась и не запрещалась Священным Писанием» [Giurato, 2018, p. 333].

В постоянной оппозиции ему находился юрист общего права Джеймс Морис (1539—1597). Собственно, «Апология» Косина была ответом на

CC BY

небольшую работу Мориса «Краткий трактат о присягах, истребоваемых церковными судьями, дабы заполучить ответы на все статьи или вопросы, которые им заблагорассудиться задать. И о навязываемых ими принудительных присягах *ex officio* с доказательствами их незаконности» [Morrice, 1590]. В 1593 году Джеймс Морис внес в палату общин два законопроекта «в форме петиции к Ее Величеству», чтобы объявить незаконной присягу *ex officio*, поскольку заимствованные из римского канонического права процедуры *ex officio*, по мнению Мориса, были несовместимы с общим правом [Giurato, 2018, p. 328]. Позже мы еще вернемся к этому выступлению Мориса.

Вопрос о присяге не был частным делом. В нем сплелось несколько конфликтов. Во-первых, вопрос о законности клятвы *ex officio* касался особенно сложной области юриспруденции: взаимоотношений между церковным и общим правом в Англии после Реформации [Shagan, 2004, p. 545]. Часть приближенного круга пытались остаться в русле религиозной политики первых лет правления Елизаветы и подвинуть королеву в сторону большей Реформации, другая часть активно этому сопротивлялась.

Во-вторых, существовала путаница в вопросе определения принципа *nemo tenetur prodere seipsum*. В случае, когда в судебном процессе отсутствует фигура адвоката, говорить за себя — единственная возможность обвиняемого защищаться. Однако многие юристы общего права действительно интерпретировали право на молчание как абсолютную привилегию, согласно которой судьи, обязанные быть беспристрастными, не могут выступать одновременно в качестве обвинителей [Shagan, 2004, p. 546].

В-третьих, конфликт выходил за рамки обсуждения процедуры дознания. Это была конституционалистская цель, но единственный возможный способ ее достижения заключался в использовании королевской прерогативы [Giurato, 2018, p. 329]. Поэтому это был вопрос о произволе и злоупотреблениях властью, наконец, это была проблема соотношения властных прерогатив и прав подданных. Патрик Коллинсон справедливо называет 1590-е годы «не лучшими временами для полуреспубликанских граждан» [Collinson, 2006, p. 509].

3.3. Роберт Бил

Юрист общего права Роберт Бил, вместе с Уильямом Сесилом и Джеймсом Морисом, принадлежал к кругу елизаветинцев, которых называли монархическими республиканцами [Giurato, 2018, p. 336]. Это был образованнейший человек, обучавшийся праву в Лондоне, Виттенбурге, Падуе, Париже, имевший огромный опыт дипломатической службы и активно вовлеченный в политические дела королевства [Collinson, 2006, p. 500; Rigg, 1904]. Роберт Бил был лояльным подданым Елизаветы Тюдор, долгие годы стоявшим на страже интересов своей королевы и страны.

CC BY

Его способности и ученость ценили первые люди королевства, такие как Фрэнсис Уолсингем и Уильям Сесил. Еще с 1570 года Бил стал секретарем Уолсингема, а примерно с 1572 года — клерком Тайного совета. С этого момента многие годы он находился на службе при дворе, выполняя разные дипломатические поручения на континенте — от регулирования споров между английскими и голландскими судами до ведения переговоров о религиозной терпимости [Rigg, 1904]. Также он являлся членом палаты общин (1576, 1584, 1586, 1589, 1592, 1593), а во время отсутствия Уолсингема в 1578, 1581, 1583 годах даже исполнял обязанности государственного секретаря [Rigg, 1904]. Однако его карьера при дворе не была безоблачна: его личный взгляд на некоторые аспекты проводимой политики не только иногда заметно отличался, но порой обретал форму дерзких заявлений [Collinson, 2006, p. 505]. Патрик Коллинсон описывает показательный случай, когда Бил, находясь в посольстве в Нидерландах в 1581 году, написал письмо, в котором содержались резкие нападки на епископов, после чего он получил совет от графа Лестера воздержаться от столь прямолинейных высказываний в отношении религии в письмах, которые попадают напрямую к королеве [Collinson, 2006, p. 504]. Кроме того, мы уже упоминали о постоянном конфликте Била с Джоном Уитгифтом. Королева Елизавета поддерживала политику, проводимую архиепископом, а потому Бил все время оставался под ударом после его назначения.

Еще одним камнем преткновения в карьере Била стало дело Марии Стюарт, которое он вел с 1581 года. Он вел с ней переговоры, даже был заподозрен в симпатии к ней, поскольку получил от нее в подарок золотую цепочку стоимостью 65 фунтов стерлингов [Collinson, 2006, p. 507] (Согласно конвертеру Британской архивной службы (The National Archives) 65 фунтов стерлингов в 1580 году были эквивалентны стоимости 7 лошадей или 34 коров, или заработной плате квалифицированного ремесленника за 1300 рабочих дней). Позже именно он доставил приказ о ее казни в замок Фотерингей и составил официальный отчет о ее казни, сопровожденный известным рисунком. Поскольку решение о судьбе Марии стало для Елизаветы Тюдор тяжелым бременем [Дмитриева, 2012, с. 164—167], после ее казни статус эксперта в этом вопросе стал еще одним поводом для немилости в отношении Била [Collinson, 2006, p. 507—508]. Ситуация стала настолько напряженной, что в 1593 году он писал Сесилу, что его «так сильно оклеветали дома и за границей за работу в комиссии по казни покойной королевы шотландской» и он больше не пользуется ни доверием, ни поддержкой Елизаветы [Collinson, 2006, p. 508; Taviner, 2000, p. 154].

Тем не менее в силу своего трудолюбия и одаренности Роберт Бил, иногда вызывая неудовольствие королевы и попадая в немилость, все же

CC BY

оставался при должности и при дворе. Однажды он был отлучен от двора — в 1592 году, после очередной речи, направленной против епископов [The Life and Acts …, 1822, v. II, p. 130]. Страйп по этому поводу пишет: «За то, что он так открыто выступил в палате [общин] против епископов, хотя знал как это неприятно королеве, а также за то, что он высказал некоторые возражения против билля о субсидиях, она была очень сердита на него и приказала ему через лорда-казначея отсутствовать при дворе и в парламенте» [Hampson, 1997, p. 249; The Life and Acts …, 1822, v. II, p. 129—130]. Но уже в 1593 году он вернулся в палату общин [Rigg, 1904], после чего начал вместе с Джеймсом Морисом готовить материалы в поддержку пуританского священника Роберта Коудри, который после отказа принести присягу *ex officio* в 1587 году был отстранен от должности настоятеля в приходе Ратленда [Giurato, 2018, p. 330]. Трактат Била этого времени «Замечания, подтверждающие, что судебное разбирательство *ex officio* противоречит слову Божьему, Отцов Церкви, церковным канонам, а также законам, свободам и обычаям королевства Англии», написанный в 1588—1589 годах, не был издан и считается утерянным [Hampson, 1997, p. 19], но известно, что вместе с вышеупомянутым трактатом Мориса он активно распространялся в рукописях [Hampson, 1997, p. 74].

В результате их совместной работы 27 февраля 1593 года Морис выступил в палате общин с речью, в которой в очередной раз отстаивал конституционные принципы, ограничивающие власть церковных судов, и вновь бросал вызов использованию присяги *ex officio*. Закон и королевскую прерогативу он называл основой для предотвращения любых посягательств на свободы подданных со стороны церковных судей. Морис заявлял, что его цель — объявить вне закона «вымогаемые клятвы, нечестивые и несправедливые, придуманные и введенные в практику ни для какой другой цели, кроме как для поддержания римской иерархии... вредной для Ее Королевского Величества и унижающей законы и свободы Англии» [Giurato, 2018, p. 330—331]. Роберт Бил был одним из немногих членов палаты общин, поддержавших его выступление. После этой речи Морис был помещен под арест на восемь недель по приказу королевы и Тайного совета. Речь Била по этому поводу не сохранилась, но опять же из сборника, посвященного Джону Уитгифту, мы знаем, что он принимал участие в дебатах, за что тоже был помещен под домашний арест до конца парламентской сессии [Giurato, 2018, p. 344].

3.4. Аргументы Роберта Била

После инцидента 1592 года и отлучения от двора Бил пишет пространное письмо Уильяму Сесилу, о котором было сказано выше. В нашем распоряжении есть транскрипция этого письма. Страйп называет письмо,

CC BY

в котором Бил напоминает о своих заслугах и взглядах на вопросы о церковных законах, процедурах церковных судов и присяге *ex officio*, попыткой оправдаться [The Life and Acts …, 1822, v. II, p. 130]. Бил действительно в начале пишет, что его высказывание о субсидиях было интерпретировано неверно [The Life and Acts …, 1822, v. II, p. 130]. Однако в остальном, несмотря на стандартные заверения автора о том, что пишет он «ради безопасности Ее Величества и сохранения Ее счастливейшего состояния», а также просит своего адресата информировать королеву об изложенных аргументах [The Life and Acts …, 1822, v. II, p. 140—141], Бил не оправдывается, не меняет своих взглядов, он вновь последовательно излагает аргументы, разработанные вместе с Морисом. Напротив, даже перед угрозой утраты своего положения Бил указывает, что «не стыдится своих поступков» и будет продолжать отстаивать свою позицию, поскольку желает, чтобы церковные дела разбирались в соответствии с законом [The Life and Acts …, 1822, v. II, p. 133]. Его желание достигнуть результата в вопросе о процедурах в церковных судах выглядит более искренним, чем возможное желание вернуть утраченное положение при дворе.

Письмо Била содержит его заметки предыдущих лет против использования процедуры *ex officio* и присяги [The Life and Acts …, 1822, v. II, p. 133—140]. Джон Страйп, завершая транскрипцию записок Била о присяге *ex officio*, отзывается об их авторе очень комплиментарно, предлагает «познакомить нас с наиболее правдоподобными доводами, приводимыми самыми учеными людьми, и показать нам некоторых писателей, задействованных в споре о епископах и методах их работы против обвиняемых в суде и в Высокой комиссии, главным руководителем которой был наш архиепископ» [The Life and Acts …, 1822, v. II, p. 141].

В первую очередь Бил обращается к истории процедуры. Он пишет, что существует только два способа разбирательства с применением процедуры *ex officio*. Один изложен в декреталиях папы Иннокентия III [The Life and Acts …, 1822, v. II, p. 134]. Имеется в виду декреталий 1198 года, который связывают с переходом от обвинительного судебного процесса к розыскному [Печегин, 2017, с. 113—114]. Тем не менее декреталий имеет важную для Била оговорку: он должен был приводиться в исполнение только в отношении особо тяжелых преступлений и при условии распространения широкой молвы о совершенном преступлении [Печегин, 2017, с. 114]. Второй случай, о котором говорит Бил, представлен в шестой книге папы Бонифация VIII [The Life and Acts …, 1822, v. II, p. 134], который ввел в каноническое право статью об умолчании имен свидетелей, правда, с указанием не скрывать имен свидетелей в случае, когда для них нет опасности [Ли, 2007, с. 327—328]. Бил уточняет, что прибегание к этой проце-

дуре применялось только в делах, касающихся ереси, и ни в каком другом случае [The Life and Acts …, 1822, v. II, p. 134].

Бил обращается к этим аргументам, разбирая деятельность Высокой комиссии, в том числе то, в каких случаях она прибегала к присяге *ex officio*. Он утверждает, что все или большинство вопросов, рассмотренных комиссией, не носили характера ереси, а потому не было оснований для разбирательства таких обычных дел инквизиционными методами. Согласно его мнению, Высокая комиссия должна была действовать в соответствии с обычным порядком закона, т.е. путем предъявления обвинения [The Life and Acts …, 1822, v. II, p. 136].

Второе уточнение — процедура могла применяться в случае совершения особо тяжких преступлений, но на практике, как говорит Бил, людей заключали в тюрьму за «мелочи и пустяки», за отказ от незаконного требования приносить присягу [The Life and Acts …, 1822, v. II, p. 136]. Это возможно только при *maxima capitis diminutio* (термин римского права, относящийся к полной утрате прежнего статуса и правоспособности). Бил подтверждает это словами юриста Генри Брактона: когда кого-либо привлекают к ответу или заставляют обвинять самого себя, это является прямым нарушением Великой хартии вольностей и обычаев страны [The Life and Acts …, 1822, v. II, p. 136—137]. Отсюда вытекает уже следующий аргумент — апелляция к английским законам. Статья 38 Великой хартии вольностей сыграла значимую роль в защите от самообвинения [Herman, 1992, p. 106—107]. Статья гласила: «Впредь никакой чиновник не должен привлекать кого-либо к ответу [на суде, с применением ордалий] лишь на основании своего собственного устного заявления, не привлекая для этого заслуживающих доверия свидетелей» [Великая хартия, 1957, с. 18].

Далее Бил кратко описывает историю появления процедуры *ex officio* в Англии. Он пишет, что процедура «никогда не применялась в Англии, пока на втором году правления короля Генриха IV не была введена в действие как закон по гордыне и злобе архиепископа Томаса Арундела без согласия общин (а потому законом не стала)» [The Life and Acts …, 1822, v. II, p. 134]. Бил говорит о статуте 1401 года «De Heretico Comburendo», упоминавшемся в начале статьи. После чего, как дальше указывает Бил, на «25-м году правления короля Генриха VIII после долгих размышлений она [присяга] была полностью отменена» [The Life and Acts …, 1822, v. II, p. 134]. Новый статут, отменяющий «De Heretico Comburendo», предусматривал, что «[любое] лицо, представленное или обвиненное в какой-либо ереси, или должным образом обвиненное двумя законными свидетелями, может быть арестовано или доставлено ординарием [чиновником, заседавшим в церковном суде] или другим подданным короля для ответа на

CC BY

открытом суде» [Herman, 1992, p. 114]. Статут на самом деле не отменял присягу, но предусматривал предъявление формального обвинения перед принесением присяги в церковных судах [Herman, 1992, p. 114]. Этот момент и важен, вероятно, для Роберта Била и его единомышленников: приведение судебного процесса в соответствие с законом.

Далее он пишет, что королева Мария возродила статут Генриха IV, но в первый же год царствования Ее Величества [королевы Елизаветы] он «был отменен и низвергнут вновь» и «так оставалось в законе страны по сей день» [The Life and Acts …, 1822, v. II, p. 135]. Бил не вдается в подробности использования присяги в Англии, но приведенный короткий очерк является говорящим, поскольку мы видим в нем параллели между историческими деятелями и современниками автора. Он подчеркивает, что именно действующая королева отменила эту практику, но нынешний архиепископ Кентерберийский — плохой советник, такой же как Томас Арундел для Генриха IV, пытается повлиять на королеву и ввести дурные законы.

Бил указывает, что предшественник Уитгифта, архиепископ Эдмунд Гриндал (ок. 1519—1583), не прибегал к процедуре *ex officio*, а «действовал по приговору двенадцати человек». Изменения были внесены после его отставки: был добавлен пункт, согласно которому дела должны рассматриваться на основании присяги сторон. Но Бил последовательно указывает свое отношение к намерениям королевы: он пишет, что убежден, что «в намерения Ее Величества никогда не входило вносить какие-либо подобные новшества в закон; чтобы ее подданные были бы более обременены, чем во времена ее отца, ее брата и ее самой» [The Life and Acts …, 1822, v. II, p. 136]. К слову, при Эдуарде VI в 1547 году был принят статут, 22 статья которого гласила, что ни одно лицо «не может быть обвинено, привлечено к ответственности, осуждено или признано виновным» в государственной измене, если только оно не «обвинено двумя достаточными и законными свидетелями или добровольно и без насилия признается в том же» [Herman, 1992, p. 114—115].

Также Бил обвиняет Высокую комиссию в том, что там «издевались над людьми, утверждая, что так же поступали в канцелярских судах и Звездной палате, тогда как было общеизвестно, что [в них] присяга стороны никогда не требовалась, только после объявления факта, в котором сторона обвинялась» [The Life and Acts …, 1822, v. II, p. 138]. В подтверждение этого тезиса он приводит мнение епископа Уильяма Линдвуда (ок. 1375—1446), составившего во времена короля Генриха VI сборник «Provinciale», в котором были опубликованы комментарии к постановлениям, принятым английскими провинциальными советами под председательством архиепископов Кентерберийских. Согласно Линдвуду, церковные суды также «должны иметь характер судебного разбирательства в соответствии с об-

CC BY

щим правом», а именно: изложена суть жалобы, чтобы сторона могла знать суть дела и подготовить ответ [The Life and Acts …, 1822, v. II, p. 138—139].

Следующим аргументом Била против использования присяги является ее источник. Он пишет о том, что противостоящая сторона не опирается на хоть сколько-нибудь основополагающие тексты, но ссылается на мнения итальянского юриста Джулио Кларо (1525—1575) и «других суеверных папистских писателей», которые в свою очередь опираются «на позднее и тайное постановление или буллу, никогда не опубликованную и неизвестную в Англии». Указывая на недостойность обращения к такому источнику права для Англии, он спрашивает, «откуда взялась такая дерзость у кого бы то ни было склонить нас теперь управляться мнением испанца или любого подобного тиранического, папистского инквизитора» [The Life and Acts …, 1822, v. II, p. 135].

Наконец, Бил использует и отсылку к Священному Писанию, в котором нет никакого указания на то, чтобы одобрить подобный образ действий. Напротив, он приводит примеры, дискредитирующие эту практику: «нечестивого царя Ахава, который убеждал людей отвращаться от пророка Илии» и «первосвященника, который сначала запутал Христа вопросами, а затем осудил его собственной клятвой, когда требовались другие законные доказательства и свидетели» [The Life and Acts …, 1822, v. II, p. 138]. Он признает, что магистрат может прибегать к процедуре дознания, когда совершено какое-либо большое преступление. Но «без доказательств какого-либо факта ворошить совесть людей клятвами и вопросами … как это было принято в привычных процедурах *ex officio*, не может быть поддержано ни Писанием, ни Отцами Церкви» [The Life and Acts …, 1822, v. II, p. 138].

Таким образом, из рассуждений Роберта Била следует, что настоящие действия Высокой комиссии вышли за рамки исторического контекста возникновения инквизиционных процедур, противоречат английским законам и обычаям, демонстрируют преклонение перед континентальной правовой практикой и папской церковью, нарушая этим суверенитет англиканской церкви, и, наконец, противоречат Священному Писанию. По мнению Била, противозаконные действия церковного суда являются «главной причиной раздоров между духовными и мирскими властями в этом королевстве со времен Томаса Бекета», а чтобы это прекратить, нужно, чтобы «обе стороны были вынуждены делать не более того, что им положено по закону» [The Life and Acts …, 1822, v. II, p. 139—140].

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги, стоит сказать, что последнее десятилетие правления Елизаветы Тюдор было тяжелым для Роберта Била. Только в 1597 году он

был восстановлен в должности клерка Тайного совета, до последнего выступая с Джеймсом Морисом против применения присяги *ex officio* в церковных судах [Collinson, 2006, p. 509]. Его познания и опыт продолжал ценить Уильям Сесил, который обращался к нему и после его опалы за консультациями по ряду исторических и политических вопросов: «Когда Папа начал посягать на суверенитет английской короны? Насколько была ограничена юрисдикция Папы во Франции и Испании? Какие королевы до Марии Тюдор, Марии Стюарт и Елизаветы Тюдор правили как наследственные монархи без брака?» [Collinson, 2006, p. 509]. Таким образом, Роберт Бил являет собой пример политика, остающегося верным своим принципам, это яркая фигура, демонстрирующая срез суждений части политиков елизаветинского периода и определенный взгляд, совсем не маргинальный, на английскую государственность. Очень последовательный в своей точке зрения, Бил оставался преданным своей королеве, однако выступал против того, что, согласно его точке зрения, противоречило законам и нарушало права подданных. Его взгляды на судебные практики Высокой комиссии являются и представлениями об Англии в целом, о «правильном правлении», они были созвучны представлению о структуре английского общества, нашедшему отражение, например, в трактате Томаса Смита «Respublica Anglorum / The Commonwealth of England».

К тем же аргументам, что и Бил, прибегал его соратник — Джеймс Морис. К ним же несколько позднее обращался и Эдвард Кок. Усилия этих юристов были направлены на то, чтобы судебный процесс (церковный в том числе) был «надлежащим образом организован» [Кондратьев, 2020, с. 84—98]. Это была последовательная реакция людей, которые с надеждой встретили позитивные изменения в религиозной политике, ознаменовавшие начало правления Елизаветы Тюдор, хотели расширения этих изменений и весьма огорчались откату назад. Нельзя сказать, что они однозначно преуспели в борьбе за свои взгляды, но в долгосрочной перспективе последнее слово осталось за ними, что позволяет современным историкам права сказать, что право сохранять молчание и не свидетельствовать против себя возникло в Англии в XVI веке и утвердилось в практике английских судов XVII века. [Ильютченко, 2015, с. 43]. Тем более, как справедливо отмечает Джеймс Хампсон, риторические возможности таких людей, как Роберт Бил и Джеймс Морис, были сильно ограничены, тогда как их оппонентов поддерживала королева, тем не менее они «отчаянно пытались выиграть битву, победив саму власть» [Hampson, 1997, p. 25].

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

CC BY

Источники

1. *Великая* хартия вольностей // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII—XIX вв. — Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1957. — С. 15—22.

2. *Cosin R.* Apologie: of, and for Sundrie Proceedings by Jurisdiction Ecclesiasticall / R. Cosin. — London : Imprinted by the Deputies of Christopher Baker, Printer to the Queenes most excellent Maiestie, 1591. — 255 p.

3. *Morrice J.* A Briefe Treatise of Oathes Exacted by Ordinaries and Ecclesiasticall Iudges, to Answere Generallie to All Such Articles or Interrogatories, as Pleaseth Them to Propound : And of Their Forced and Constrained Oathes Ex Officio, Wherein is Proued That the Same Are Vnlawfull / J. Morrice. — [Middelburg : Printed by Richard Schilders, 1590]. — 58 p.

4. *The Life* and Acts of John Whitgift, D. D. / J. Strype (ed). — Oxford : The Clarendon Press, 1822. —Vol. I. — 621 p.

5. *The Life* and Acts of John Whitgift, D. D. / J. Strype (ed). — Oxford : The Clarendon Press, 1822. — Vol. II. — 534 p.

Литература

1. *Дмитриева О. В.* Елизавета Тюдор / О.В. Дмитриева. — Москва : Молодая гвардия, 2012. — 308 с. — ISBN 978-5-235-03550-8.

2. *Ильютченко Н. В.* Принцип nemo tenetur se ibsem accusare: сравнительно-правовой анализ / Н. В. Ильютченко // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2015. — № 3. — С. 42—49.

3. *Кондратьев С. В.* Статья 29 Великой хартии вольностей: две интерпретации Эдварда Кока / С. В. Кондратьев // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2020. — Т. 22, № 1 (196). — С. 84—98. — DOI: 10.15826/izv2.2020.22.1.006.

4. *Ли Г. Ч.* История инквизиции : современная версия / Г. Ч. Ли. — Москва : Эксмо, 2007. — 512 с. — ISBN 978-5-699-20812-8.

5. *Печегин Д. А.* Следственное начало уголовного судопроизводства / Д. А. Печегин // Журнал российского права. — 2017. — № 5. — С. 110—119. — DOI: 10.12737/article_58f48b494ed927.89236667.

6. *Тогоева О. И.* «Истинная правда» : языки средневекового правосудия /О. И. Тогоева. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 400 с. — ISBN 978-5-17-150644-5.

7. *Collinson P.* Puritans, Men of Business and Elizabethan Parliaments / P. Collinson // Parliamentary History. — 1988. — Vol. 7, № 2. — Pp. 187—211.

8. *Collinson P.* Servants and citizens: Robert Beale and other Elizabethans / P. Collinson // Historical Research. — 2006. — Vol. 79, № 206. — Pp. 488—511.

9. *Giurato R.* The Language of Constitutionalism and the Royal Prerogative in the English Parliament of 1593: James Morice's Speech on the *Ex Officio* Proceedings and his Constitutional Thought / R. Giurato // Parliamentary History. — 2018. — Vol. 37, № 3. — Pp. 327—349.

10. *Hampson J. E.* Richard Cosin and the Rehabilitation of the Clerical Estate in Late Elizabethan England: Doct. Diss / J. E. Hampson. — University of St. Andrews, 1997. — 287 p.

11. *Herman L.* The Unexplored Relationship Between the Privilege Against Compulsory Self-Incrimination and the Involuntary Confession Rule / L. Herman // Ohio State Law Journal. — 1992. — Vol. 53, № 1. — Part I. — Pp. 101—209.

12. *Lake P.* A Tale of Two Episcopal Surveys: The Strange Fates of Edmund Grindal and Cuthbert Mayne Revisited: The Prothero Lecture / P. Lake // Transactions of the Royal Historical Society, Sixth Series. — 2008. — Vol. 18. — Pp. 129—163.

13. *Levy L. W.* The Right Against Self-Incrimination: History and Judicial History / L. W. Levy // Political Science Quarterly. — 1969. — Vol. 84, № 1. — Pp. 1—29.

14. *Rigg J. M.* Beale, Robert [Electronic resource] / J. M. Rigg // Dictionary of National Biography. — 1904. — Vol. 4. — Access mode : https://en.wikisource.org/wiki/Dictionary_of_National_Biography,_1885-1900/Beale,_Robert (accessed: 25.09.2023).

15. *Shagan E. H.* The English Inquisition: Constitutional Conflict and Ecclesiastical Law in the 1590s / E. H. Shagan // The Historical Journal. — 2004. — Vol. 47, № 3. — Pp. 541—565.

16. *Taviner M.* Robert Beale and the Elizabethan polity : Doct. Diss / M. Taviner. — University of St. Andrews, 2000. — 347 p.

17. *Vaughan J. D.* Secretaries, Statesmen and Spies: the Clerks of the Tudor Privy Council, C. 1540—1603 : Doct. Diss / J. D. Vaughan. — University of St. Andrews, 2007. — 211 p.

18. *Wigmore J. H.* Nemo Tenetur Seipsum Prodere / J. H. Wigmore // Harvard Law Review. — 1891. — Vol. 5, № 2. — Pp. 71—88.

Статья поступила в редакцию 27.09.2023,
одобрена после рецензирования 08.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

Material resources

Cosin, R. (1591). *Apologie: of, and for Sundrie Proceedings by Jurisdiction Ecclesiasticall.* London: Imprinted by the Deputies of Christopher Baker, Printer to the Queenes most excellent Maiestie. 255 p.

Magna Carta. (1957). In: *Constitutions and legislative acts of bourgeois states of the 17th—19th centuries*. Moscow: State Publishing House of Legal Literature. 15—22. (In Russ.).

Morrice, J. (1590). A *Briefe Treatise of Oathes Exacted by Ordinaries and Ecclesiasticall Iudges, to Answere Generallie to All Such Articles or Interrogatories, as Pleaseth Them to Propound: And of Their Forced and Constrained Oathes Ex Officio, Wherein is Proued That the Same Are Vnlawfull*. [Middelburg: Printed by Richard Schilders. 58 p.

Strype, J. (ed). (1822). *The Life and Acts of John Whitgift, D. D., I.* Oxford : The Clarendon Press. 621 p.

Strype, J. (ed). (1822). *The Life and Acts of John Whitgift, D. D., II*. Oxford : The Clarendon Press. 534 p.

References

Collinson, P. (1988). Puritans, Men of Business and Elizabethan Parliaments. *Parliamentary History, 7 (2):* 187—211.

Collinson, P. (2006). Servants and citizens: Robert Beale and other Elizabethans. *Historical Research, 79 (206):* 488—511.

Dmitrieva, O. V. (2012). *Elizaveta Tudor*. Moscow: Young Guard. 308 p. ISBN 978-5-235-03550-8. (In Russ.).

Giurato, R. (2018). The Language of Constitutionalism and the Royal Prerogative in the English Parliament of 1593: James Morice's Speech on the *Ex Officio* Proceedings and his Constitutional Thought. *Parliamentary History, 37 (3):* 327—349.

Hampson, J. E. *Richard Cosin and the Rehabilitation of the Clerical Estate in Late Elizabethan England*: Doct. Diss. University of St. Andrews, 1997. 287 p.

CC BY

Herman, L. (1992). The Unexplored Relationship Between the Privilege Against Compulsory Self-Incrimination and the Involuntary Confession Rule. *Ohio State Law Journal, 53 (1):* 101—209.

Ilyutchenko, N. V. (2015). The principle of nemo tenetur se ibsem accusare: comparative legal analysis. *Bulletin of Moscow University. Episode 11. Law, 3:* 42—49. (In Russ.).

Kondratiev, S. V. (2020). Article 29 of the Magna Carta: two interpretations of Edward Coke. *News of UrFU. Series 2. Humanities, 22 (1) (196):* 84—98. DOI: 10.15826/izv2.2020.22.1.006. (In Russ.).

Lake, P. (2008). A Tale of Two Episcopal Surveys: The Strange Fates of Edmund Grindal and Cuthbert Mayne Revisited: The Prothero Lecture. *Transactions of the Royal Historical Society, Sixth Series, 18:* 129—163.

Lee, G. Ch. (2007). *History of the Inquisition: modern version.* Moscow: Eksmo. 512 p. ISBN 978-5-699-20812-8. (In Russ.).

Levy, L. W. (1969). The Right Against Self-Incrimination: History and Judicial History. *Political Science Quarterly, 84(1):* 1—29.

Pechegin, D. A. (2017). Investigative beginning of criminal proceedings. *Journal of Russian Law, 5:* 110—119. DOI: 10.12737/article_58f48b494ed927.89236667. (In Russ.).

Rigg, J. M. (1904). Beale, Robert. In: *Dictionary of National Biography, 4.* Available at: https://en.wikisource.org/wiki/Dictionary_of_National_Biography,_1885-1900/Beale,_Robert (accessed: 25.09.2023).

Shagan, E. H. (2004). The English Inquisition: Constitutional Conflict and Ecclesiastical Law in the 1590s. *The Historical Journal, 47 (3):* 541—565.

Taviner, M. *Robert Beale and the Elizabethan polity*: Doct. Diss. University of St. Andrews, 2000. 347 p.

Togoeva, O. I. (2022). *"The True Truth": Languages of Medieval Justice*. Moscow: AST Publishing House. 400 p. ISBN 978-5-17-150644-5. (In Russ.).

Vaughan, J. D. *Secretaries, Statesmen and Spies: the Clerks of the Tudor Privy Council, C. 1540—1603*: Doct. Diss. University of St. Andrews, 2007. 211 p.

Wigmore, J. H. (1891). Nemo Tenetur Seipsum Prodere. *Harvard Law Review, 5 (2):* 71—88.

The article was submitted 27.09.2023;
approved after reviewing 08.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Мокерова Е. Ю. Вятские церковные печати синодального периода: опыт классифицирования (на материалах коллекции сфрагистики Кировского областного краеведческого музея имени П. В. Алабина) / Е. Ю. Мокерова, К. Н. Тарасов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 395—413. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-395-413.

Mokerova, E. Yu., Tarasov, K. N. (2023). Vyatka Church Seals of Synodal Period: an Attempt at Classification (Collection of Sphragistics at P.V. Alabin Kirov Regional Local Lore Museum). *Nauchnyi dialog, 12* (10): 395-413. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-395-413. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-395-413

Вятские церковные печати синодального периода: опыт классифицирования (на материалах коллекции сфрагистики Кировского областного краеведческого музея имени П. В. Алабина)

Мокерова Елена Юрьевна
orcid.org/0000-0002-1523-5676
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и
политических наук
mokerova@bk.ru

Тарасов Константин Николаевич *
orcid.org/0000-0002-3050-0239
Scopus Author ID: 57204907005
ResearcherID: AAH-8945-2019
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и
политических наук,
**** корреспондирующий автор***
tar-87@mail.ru

Вятский государственный университет
(Киров, Россия)

Vyatka Church Seals of Synodal Period: an Attempt at Classification (Collection of Sphragistics at P.V. Alabin Kirov Regional Local Lore Museum)

Elena Yu. Mokerova
orcid.org/0000-0002-1523-5676
PhD in History, Associate Professor,
Department of History and
Political Science
mokerova@bk.ru

Konstantin N. Tarasov *
orcid.org/0000-0002-3050-0239
Scopus Author ID: 57204907005
ResearcherID: AAH-8945-2019
PhD in History, Associate Professor,
Department of History and
Political Science,
**** Corresponding author***
tar-87@mail.ru

Vyatka State University
(Kirov, Russia)

© Мокерова Е. Ю., Тарасов К. Н., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предлагается классификация вятских церковных печатей XVIII — начала XX веков, выполненная по материалам коллекции сфрагистики Кировского областного краеведческого музея имени П. В. Алабина. Критерии классификации: принадлежность печатей определенным лицам и учреждениям, а также специфика изображений на печатях. Выделено четыре группы: печати-оттиски органов церковного управления, печати-оттиски духовных учебных заведений, печати-матрицы и печати-оттиски церквей, личные печати-матрицы и печати-оттиски священнослужителей. Исследование показало, что на печатях органов церковного управления и духовных учебных заведений, как правило, изображался государственный герб России в виде двуглавого орла. На печатях приходских церквей до первой трети XIX века помещались изображения реальных церковных зданий или святого / святых, позднее — унифицированное изображение трехкупольного храма. Печати представителей вятского епископата были двусторонними с изображениями на сторонах благословляющей руки и Троицы. Возможно, с середины XIX века они меняются на прикладные односторонние с изображением двух кистей благословляющих рук. Все личные печати епископов имеют именную круговую легенду. Печати, принадлежавшие священнослужителям других степеней священства, содержат информацию о владельце (имя / инициалы и фамилию), иногда звание священства. Наиболее популярным символом для печатей всех групп являлось Всевидящее око, обозначавшее Божье всеведение.

Ключевые слова:
церковные печати; типология печатей; Вятская губерния; вятский епископат; музейные коллекции.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article proposes a classification of Vyatka church seals from the 18th to the early 20th century based on materials from the collection of sphragistics at the P. V. Alabin Kirov Regional Local Lore Museum. The criteria for classification include the affiliation of the seals with specific individuals and institutions, as well as the specific images depicted on the seals. The article identifies four groups of seals: seals of church administration, seals of spiritual educational institutions, seals of churches, and personal seals of clergy. The study reveals that state symbols, such as the double-headed eagle, were typically depicted on seals of church administration and spiritual educational institutions. Seals of parish churches depicted real church buildings or saints until the first third of the 19th century when they were replaced by a standardized image of a three-domed church. Seals belonging to Vyatka bishops were typically two-sided with images of a blessing hand and the Holy Trinity. From the mid-19th century, they were replaced by one-sided seals with images of two blessing hands. All personal seals of bishops have circular legends with their names. Seals belonging to other clergy members contain information about the owner's name, initials, surname, and sometimes their rank. The most popular symbol for all groups of seals was the All-Seeing Eye, symbolizing God's omniscience.

Key words:
Church seals; seal typology; Vyatka province; Vyatka episcopate; museum collections.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 069.5:736.31(470.342)“17/19”

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Вятские церковные печати синодального периода: опыт классифицирования (на материалах коллекции сфрагистики Кировского областного краеведческого музея имени П. В. Алабина)

© Мокерова Е. Ю., Тарасов К. Н., 2023

1. Введение = Introduction

В последние два десятилетия наблюдается желание современной Русской Православной Церкви создать стройную систему геральдики, символики и эмблематики. Однако обсуждаемая проблема так и не нашла практического решения. Изучение церковных печатей синодального периода в определенной степени поможет приблизиться к решению этого вопроса. Церковь использует особый метод, именуемый рецепцией, предполагающий, что богословие заимствует из окружающего мира и из предшествующей культуры слова, символы и образы, которые переосмысливаются, наполняются церковным содержанием. Знаково-образный язык восточно-христианской эмблематики, помимо прочего, проявился и в изображениях на печатях.

Исследование имеет и научную актуальность, так как ранее в науке не предпринималось попыток комплексного анализа и классифицирования вятских церковных печатей синодального периода.

Объектом исследования являются церковные печати-матрицы и печати-оттиски. Предметом — классифицирование печатей церковных организаций, церквей и священнослужителей Вятской губернии синодального периода.

Хронологические рамки исследования совпадают с синодальным периодом в истории Русской Православной Церкви (XVIII — начало XX веков). Территориальные рамки исследования ограничены территорией Вятской губернии.

Цель работы: провести опыт классифицирования вятских церковных печатей, представленных в фондах Кировского областного краеведческого музея имени П. В. Алабина.

В соответствии с поставленной целью необходимо решить следующие задачи:

1) составить классификацию вятских церковных печатей XVIII — начала XX веков из фондов Кировского областного краеведческого музея имени П. В. Алабина;

CC BY

2) на основе классификации установить общие и особенные черты в символике изображений на печатях церковных организаций, церквей и священнослужителей Вятской губернии синодального периода.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковая база исследования представлена печатями-матрицами и печатями-оттисками из коллекций Кировского областного краеведческого музея имени П. В. Алабина.

Историография церковных печатей достаточно обширна.

Сведения о церковных печатях содержатся в обобщающих трудах А. Б. Лакиера, Н. П. Лихачева, Н. А. Соболевой. Так, в работе А. Б. Лакиера «Русская геральдика» затрагивается тема истории печатей в России [Лакиер, 1990]. Автор отмечает, что существует связующая нить между старинными печатями и появившимися позднее гербами. Он также впервые в отечественной историографии предложил классификацию русских средневековых печатей: княжеские печати, печати городов, печати духовенства, печати должностных лиц и печати частных лиц.

В исследовании Н. П. Лихачева [Лихачев, 2014] даётся подробное описание монет, икон, печатей, письменных и материальных памятников старины. Данный обзор символики и её подробная характеристика до сих пор используются как основа для исследований в области сфрагистики и нумизматики.

Необходимо выделить обобщающую монографию по сфрагистике Н. А. Соболевой «Русские печати», которая в основном посвящена рассмотрению печатей Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. Автор сконцентрировался на изучении особенностей символики и пришел к выводу, что для печатей и монет указанного региона характерна светская тематика. В основу классификации печатей положена их владельческая принадлежность: печати великих князей и княгинь; печати феодальных землевладельцев; печати лиц, исполняющих должностные обязанности; печати послухов; печати духовных лиц и организаций [Соболева, 1991].

Ряд исследований посвящен печатям средневековой Руси.

В обширной работе В. Л. Янина «Актовые печати Древней Руси X—XV вв.» [Янин, 1970] анализируются печати X — начала XIII веков и дается их классификация: княжеские печати; именные печати церковных иерархов; новые типы печатей; печати с патрональным изображением двух святых и изображением княжеских знаков.

Отметим также статьи С. В. Белецкого о печатях Ладоги XI—XV веков и вечевых печатях Пскова [Белецкий, 2018] и И. Ю. Анкудинова о печатях Новгорода Великого XIV—XV веков [Анкудинов, 2019], в которых содержится описание символики и надписей на печатях и оттисках.

CC BY

А. К. Станюкович и А. Г. Авдеев посвятили свою книгу-каталог малоизученной категории отечественных средневековых древностей — прикладных печатей-матриц XIII—XVIII веков из частных собраний. Они отмечают, что классификация Н. А. Соболевой в целом верна, хотя в ряде случаев и имеет определенные неточности: например, расплывчата граница между печатями феодальных землевладельцев, послухов и должностных лиц и пр. Большое внимание авторы уделяют легендам на печатях и на их основе предлагают свою классификацию, где выделяется группа церковных печатей. А. К. Станюкович и А. Г. Авдеев заметили, что христианские сюжеты (изображения Христа, Небесных Сил бесплотных, христианских святых и христианских символов) не очень многочисленны и встречаются на печатях, принадлежащих как светским, так и духовным лицам [Станюкович и др., 2007].

Тематические исследования печатей XVIII — начала XX веков содержатся в работах Н. С. Корепанова и И. А. Вознесенской. В книге Н. С. Корепанова «За семью печатями» [Корепанов, 1998] впервые в сфрагистической науке описаны печати второй половины XVIII века, принадлежащие государственным учреждениям, горным офицерам и иностранным специалистам Урала. Информация о церковных печатях отсутствует, однако имеются любопытные сведения о технологии изготовления печатей из кварца, которая оставалась неизменной на протяжении 200 лет.

Продолжает тему печатей императорского периода статья И. А. Вознесенской «Личные печати в Российской империи XVIII—XIX вв. (оттиски на делопроизводственных документах)» [Вознесенская, 2011]. В ней автор уделяет внимание изучению личных печатей и эволюции их правовой функции в делопроизводственных документах. В статье содержится описание небольшого количества личных церковных печатей.

Отдельные исследования собственно о церковных печатях немногочисленны. Они не имеют систематического характера.

Так, печати иерархов русской церкви периода домонгольской Руси были рассмотрены в статьях Д. М. Котышева [Котышев, 2021] и А. А. Купранис [Купранис, 1998].

Из статей о печатях синодального периода отметим две статьи В. И. Иванова. Первая — «Церковные печати Кубани первой половины XIX века» [Иванов, 2017]. В ней рассматриваются печати Екатеринодарского духовного правления и Екатеринодарского духовного училища. Автор делает разбор и интерпретирует символику печатей, обращая внимание на форму, материал и надписи. Во второй статье того же автора дается описание печатей приходских церквей Черноморского казачьего войска и личных печатей священников [Иванов, 2018]. Обе работы дают общую характеристику символики изображений на печатях.

CC BY

Вызывает интерес статья А. И. Свиридоновой [Свиридонова, 2020]. Автор отмечает, что каждый имевший должность в системе старообрядческой церкви имел собственную печать. Также автор дает отсылки к законам Российской империи, которые регламентировали действия старообрядческих церквей. Данные указы, по мнению автора, стали одной из причин появления многочисленных личных и приходских печатей.

В статье Е. Ю. Мокеровой «Печать Игумена Агафангела» [Мокерова, 2023] анализируется печать священнослужителя Вятской губернии — игумена Агафангела: дается ее подробное описание, интерпретация символики изображений, а также дана краткая биография самого владельца печати.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что в научный оборот в большей степени введены печати более раннего, средневекового, периода, а также предложен ряд их классификаций, в которых отдельной группой выделяются церковные печати. Печати XVIII — начала XX веков в научный оборот вводятся фрагментарно и не системно, соответственно, классифицирование церковных печатей синодального периода не проводилось.

Методология исследования основана на базовом для исторического познания принципе историзма. Применялись и специальные исторические методы исследования: историко-хронологический понадобился при восстановлении особенностей печатей и их символики в определенный период истории; историко-генетический метод необходим для анализа трансформации правового статуса печати; историко-сравнительный метод был использован для сравнения печатей (форма, материал, размер, символика) в разное историческое время; ретроспективный метод требуется для того, чтобы изучить русские церковные печати на примерах из фонда Кировского областного краеведческого музея имени П. В. Алабина.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предпринимается опыт классифицирования вятских церковных печатей.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Критерии и группы классифицирования

Для проведения классифицирования были привлечены такие материалы, как печати-матрицы, сургучные печати-оттиски и оттиски на бумаге из коллекций сфрагистики Кировского областного краеведческого музея имени П. В. Алабина. Деление на группы производилось по критериям принадлежности печатей и изображениям на них.

На наш взгляд, все печати следует разделить на 4 группы:

I. Печати-оттиски органов церковного управления — 3;

II. Печати-оттиски духовных учебных заведений — 2;

CC BY

III. Печати-матрицы и печати-оттиски церквей — 18;

IV. Личные печати-матрицы и печати-оттиски священнослужителей — 14;

Всего анализируется 37 печатей-матриц и печатей-оттисков.

3.2. Печати-оттиски церковных организаций

Первая группа — печати-оттиски церковных организаций — немногочисленна и представлена оттисками печати Святейшего Синода 1860-х годов и печатей Вятской духовной консистории 1858 и 1910 годов.

Синод — орган государственного управления, в течение двухсот лет выполнявший функции государственного администрирования, а документы Синода были нормативными актами, прилагающими указы Сената к подведомственной Синоду церковноприходской жизни [Растимешина, 2016, с. 148]. Вятская духовная консистория представляла собой коллегиальный орган управления епархией и суда [Шабалин, 2020, с. 18]. Соответственно, оба управленческих органа имели свои печати, которые прикладывались к выпускаемым документам.

Так как обе организации являются государственными органами церковного управления, то на печатях закономерно помещается государственный герб в виде двуглавого орла. На печати Синода также находится Всевидящее око — символ Божьего всеведения, дающий надежду на то, что Бог оберегает и направляет [Рошаль, 2008, с. 471].

3.3. Печати-оттиски духовных учебных заведений

Вторая группа — печати-оттиски духовных учебных заведений, которые находились в ведении Синода. Группа невелика — всего два оттиска Вятского епархиального женского училища 1913 года и совета Орловского уездного отделения Вятского епархиального училища 1909 года. На обеих печатях в центре находится государственный герб Российской империи — двуглавый орел, по кругу — легенда о принадлежности печати.

Следует отметить, что на печатях Екатеринодарского духовного правления и Екатеринодарского духовного училища в центре находится изображение государственного герба. Причем на второй печати на щите изображен герб города Харькова, который являлся центром учебного округа, включавшего земли Черноморского войска [Иванов, 2018, с. 172].

3.4. Печати-матрицы и печати-оттиски церквей

Третья группа — печати-матрицы и печати-оттиски церквей второй половины XVIII — начала XX веков.

В фондах Кировского краеведческого музея находятся печати преимущественно вятских приходских церквей, выполнявших роль повседневного прихода в своём районе [Ставропигиальные …, 2023]: печать-матрица Сретенской церкви города Слободского [Шабалин, 2020, с. 306—307], пе-

чать-матрица и печати-оттиски Спасо-Хлыновской церкви города Вятки, печать-матрица Покровской церкви города Вятки [Шабалин, 2020, с. 18], печати-оттиски Вятской градской Донской Богородицкой церкви [Вятская Атлантида. Донская …, 2023], Вятской градской Всехсвятской церкви [Вятская Атлантида. Всехсвятская …, 2023], Вятского Воскресенского Собора [Церковные приходы ..., 2023], Вятской городской Знаменской Богородицы церкви [История Царево-Константиновской …, 2023], Архангельской церкви села Кстинино [Шабалин, 2020, с. 37], Троицкой церкви села Бахта [Церковные приходы, 2023], Введенской церкви села Нема Нолинского уезда [Церковные приходы, 2023], Успенской церкви города Нолинска [Соборный храм …, 2023], Царево-Константиновской церкви села Селты Малмыжского уезда [Царево-Константиновская …, 2023], Троицкой церкви села Среднее Ивкино [Церковные приходы, 2023], Вознесенской церкви села Русаново.

С большой долей вероятности можно утверждать, что на печатях XVIII — первой трети XIX веков изображались реальные здания церквей или святого / святой. Так, на печати Покровской церкви помещено изображение Богородицы с покровом, над головой которой легенда: «ПЕЧАТЬ ПОК. ЦЕР. КАЗЕННАЯ».

Печать-матрица и печать-оттиск Спасо-Хлыновской церкви города Вятки, построенной в 1770 году, имеют в центре изображение церкви, Всевидящее око и легенду по краю: «ПЕЧАТЬ СПАСОХЛЫНОВИЦСКОЙ ЦЕРКВ. КАЗЕНН» (рис. 1).

Рис. 1. Печать-матрица Спасо-Хлыновской церкви последней трети XVIII — начала XIX веков

Сравнение храма на клише печати с сохранившимися фотографиями церкви позволяет утверждать, что изображение на печатях действительно совпадает с реальным зданием, разрушенным в 1939 году [Маркелов, 2023].

Законодательство Российской империи с 1836 года требовало употребления однотипных печатей [Мусин, 2022, с. 51]. Вероятно, поэтому ана-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

лиз оттисков печатей XIX века выявил тенденцию к унификации изображений: на печатях и оттисках изображался один тип храма (трехкупольный храм с дверью, тремя окнами вверху и двумя окнами внизу) и круговая легенда. На печати-оттиске того же храма, Спасо-Хлыновицкой церкви, но уже 1858 года имеется трехкупольный храм, похожий на другие (рис. 2). Храм в религиозной архитектуре — символ Дома Господа на земле, космического центра, соединяющего преисподнюю, небеса и землю, или путь к духовному просветлению [Тресиддер, 1999, с. 398].

Рис. 2. Печать-оттиск Спасо-Хлыновской церкви 1858 года

Изучение сажевых оттисков печатей нескольких приходских церквей Черноморского казачьего войска на документах 1855 года показало аналогичную ситуацию [Иванов, 2018, с. 170].

Возможно, часть печатей заказывалась централизованно епархиальными властями. Но с течением времени, вероятно, происходила либо утрата некоторых печатей, либо смена использованных. Так, изображение храма на печатях 1858 года церквей города Вятки и церквей, расположенных в селах Кстинино, Бахта и других, совпадает. А изображение церкви, например, на печати 1902 года из села Селты Малмыжского района (рис. 3) отличается от печатей 1858 года: храм имеет пять окон наверху и четыре внизу.

Рис. 3. Печать-оттиск Царево-Константиновской церкви
села Селты Малмыжского уезда 1902 года

CC BY

Также следует указать на то, что известны случаи, когда более старые печати продолжали функционировать и после 1836 года. Например, оттиск печати Вознесенской церкви села Русиново с изображением реального существовавшего храма, построенного в 1776 году [Церковные приходы, 2023], зафиксирован на документе 1858 года.

3.5. Личные печати-матрицы и печати-оттиски священнослужителей

Четвертая группа — личные печати-матрицы и печати-оттиски священнослужителей.

Отличается подгруппа печатей-оттисков епископов Вятских и Слободских: Амвросия (епископ Вятский и Слободской в 1817—1822 гг.) [Русский биографический …, 1900, с. 89—90], Кирилла (1827—1832) [Русский биографический …, 1897, с. 657—658], Алексия (1896—1901), Никандра (1914—1918).

Оттиски печатей епископов первой половины XIX века двусторонние: с одной стороны — изображение благословляющей руки, с другой — Троицы. Троица, согласно христианскому учению, Бог-Отец, Бог-Сын и Бог Дух Святой суть Бог Единый. Доктрина Троицы примиряет поклонение Богочеловеку Иисусу Христу с монотеизмом, символизирует неделимую сущность Бога [Тресиддер, 1999, с. 378]. Печати Амвросия и Кирилла (рис. 4) на данный момент являются единственными вислыми печатями, которые крепились к лентам, и были использованы в этом исследовании. Все другие печати относятся к прикладным.

Рис. 4. Печать-оттиск епископа Кирилла 1827—1832 гг.

Оттиски печатей епископов Алексия и Никандра односторонние. Они имеют однотипное изображение двух кистей благословляющих рук, в то же время над ними нависает Всевидящее око. Все печати имеют именную круговую легенду.

Вероятно, что все священнослужители, помимо церковных, имели ещё и личные печати, которыми скрепляли документы, запечатывали рапорты, другую служебную и личную корреспонденцию. Поэтому выделяется под-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

группа печатей второй половины XIX — начала XX веков, которые принадлежали представителям более низших ступеней священства, в том числе игумену Агафангелу, протоиереям М. Преображенскому и М. А. Никонову, священникам А. М. Васнецову (рис. 5), П. И. Капачинскому, Н. Клобукову, В. А. Дьяконову, А. Никольскому, дьякону Н. М. Молчанову.

Рис. 5. Печать-оттиск священника А. М. Васнецова

Печати священнослужителей более разнообразны по рисункам и формам, чем печати епископов. Они, в отличие от печатей приходов, не обязательно круглой формы: овальные, прямоугольные со скошенными углами. На оттисках содержится информация о владельце: имя / инициалы и фамилия, а также иногда звания (реже — степени) священства: священник, диакон и др.

В то же время значительная часть личных печатей крайне мало используют символические изображения. На печатях-оттисках М. А. Никонова, А. М. Васнецова, А. Никольского — венки или ветви; дьякона Н. М. Молчанова — королевская корона с пятью зубцами (рис. 6).

Рис. 6. Печать-матрица дьякона Н. М. Молчанова

CC BY

Это наиболее распространенный тип рисунка на полотне уральских печатей: королевская корона с пятью зубцами — в верхней части; инициалы имени и отчества владельца, выполненные готикой или славянской вязью, — в центре, фамилия владельца скорописью, имитирующей его почерк, — под инициалами [Корепанов, 1998, с. 97].

Заметим также, что символ Всевидящего ока используется протоиереем из города Царевосанчурска М. Н. Никоновым и священником из села Утинско-Вознесенского Глазовского уезда В. А. Дьяковым. Помимо этого зафиксированы «копченый» оттиск печати благочинного Воткинского собора протоиерея Михаила Преображенского с инициалами «ПМП» и печать священника П. И. Капачинского вообще без рисунка.

Среди печатей второй подгруппы выделяется двусторонняя хрустальная печать игумена Агафангела [Кустова, 2012, с. 143—144], изображения которой наполнены символическим значением. Ручка печати представляет собой параллелепипед с усеченными боковыми ребрами. Основания ручки с двух сторон переходят в шейку печати, та в свою очередь в головки (клише). С одной стороны — головка овальной формы с зеркально-вогнутым изображением религиозных символов: Библия как главный источник вероучения, Скрижали — символ 10 заповедей и латинский крест — символ Страстей Господних [Апостолос-Каппадона, 2000, с. 119—120] — с отходящими от него лучами, под указанными изображениями просфорки (богослужебный литургический хлеб), а также кириллическая надпись в две строки: “Игуменъ АГАФАНГЕЛЪ”. С другой стороны — головка прямоугольной формы с усеченными углами, в центре располагаются инициалы “И. А.”, а сверху изображение Всевидящего ока.

Такие печати резали мастера-резчики, почти исключительно екатеринбургские, причем работали в более тесном контакте с заказчиком, виртуозно владели искусством графики и знали основы геральдики [Корепанов, 1998, с. 92—93]. Таким образом, можно предположить, что рисунки клише печати являются самостоятельным творчеством игумена и резчика.

Однако следует отметить, что набор религиозных символов на личных печатях священнослужителей в разных регионах большей частью не совпадает. Так, на личных печатях священнослужителей Черноморского казачьего войска присутствуют птицы, свитки, столики с чернильницей, книги, греческий крест, свеча, сердце, якорь, виноград и т. п. [Иванов, 2018, с. 170—172]. Единственное совпадение — изображение Библии / Евангелия.

Вероятно, здесь сказывались личные пристрастия священнослужителей, так как общих принципов для создания личных печатей в тот период не существовало.

CC BY

На печатях вятских священников отсутствуют эмблемы, связанные с дворянскими гербами, что говорит, скорее всего, о недворянском происхождении большинства владельцев печатей (в основном приходского духовенства). Кроме того, не выявлено изображений местных территориальных гербов или их элементов, а также каких-либо надписей в виде девизов.

Преобладают печати, принадлежавшие белому духовенству (женатому), отсутствуют печати монастырских старцев, иноков, инокинь и др. Хотя в средневековый период численно преобладали печати, принадлежавшие черному духовенству и монашеству [Станюкович и др., 2007, с. 28].

На наш взгляд, наиболее популярным символом, который использовали на церковных печатях любого вида, является Всевидящее око — символ всеведения. Этот символ отличается от масонского ока, так называемой «Лучезарной дельты», которое имеет противоположный смысл и официально символизирует «Великого Архитектора вселенной».

Всевидящее око зафиксировано на печати Синода 1860-х годов, печати Спасо-Хлыновской церкви города Вятки последней трети XVIII — начала XIX веков, вятских епископов Алексия и Никандра и игумена Агафангела конца XIX — начала XX веков, протоиерея М. Н. Никонова и сельского священника В. А. Дьякова. На трех личных печатях священников из пяти, выявленных И. А. Вознесенской на выписках из метрических книг и относящихся к первой трети XIX века, мы опять видим Всевидящее око в лучах [Вознесенская, 2011, с. 241—242]. Всевидящее око присутствует и на печати священника Черноморского казачьего войска Г. Бардадимова, датированной 1848 годом [Иванов, 2018, с. 172].

4. Заключение = Conclusion

Классифицирование вятских печатей XVIII — начала XX веков проведено на основе критериев их принадлежности (учреждениям либо конкретным лицам) и изображений на них.

Исследование показало, что на печатях органов церковного управления (синодальных и Вятской духовной консистории) и духовных учебных заведений (Вятского епархиального женского училища и совета Орловского уездного отделения Вятского епархиального училища), как правило, изображался государственный герб России в виде двуглавого орла. На печати Синода зафиксировано Всевидящее око.

На печатях приходских церквей помещались изображения реальных церковных зданий или святого / святых. Законодательство Российской империи с 1836 года требовало употребления однотипных печатей. Поэтому анализ печатей XIX века показал тенденции к унификации изображений.

CC BY

Печати представителей вятского епископата, как правило, являлись вислыми двусторонними, с изображением на сторонах, соответственно, благословляющей руки и Троицы. Возможно, с середины XIX века они меняются на прикладные односторонние с изображением двух кистей благословляющих рук. На этих печатях отмечено и Всевидящее око. Все печати имеют именную круговую легенду.

Собственные печати имели и дьяконы, священники, протоиереи, игумены. Печати, принадлежавшие священнослужителям, более разнообразны по рисунку и формам. Они также содержали информацию о владельце (имя / инициалы и фамилию), иногда звание священства. При этом значительная часть личных печатей содержит крайне мало символических изображений. На печатях вятских священников отсутствуют эмблемы, связанные с дворянскими гербами, что говорит, скорее всего, о недворянском происхождении большинства владельцев печатей. Также на печатях этой группы не выявлено элементов территориальной геральдики.

Анализ печатей всех отмеченных видов показал, что наиболее популярным символом являлось Всевидящее око, обозначавшее Божье всеведение.

Предложенная классификация со временем может быть подвергнута пересмотру по мере появления и исследования нового материала. Возможно появление информации о монастырских печатях, новых типах печатей черного духовенства и др.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Вятская* Атлантида. Всехсвятская церковь [Электронный ресурс] // Родная Вятка : краеведческий портал. — Режим доступа : https://rodnaya-vyatka.ru/blog/3521/121699?ysclid=lj166yrl1u605145590 (дата обращения: 15.06.2023).

2. *Вятская* Атлантида. Донская (Стефановская) церковь [Электронный ресурс] // Родная Вятка : краеведческий портал. — Режим доступа : https://rodnaya-vyatka.ru/blog/3521/120715?ysclid=lj16vp2121298264759 (дата обращения: 15.06.2023).

3. *История* Царево-Константиновской Знаменской церкви [Электронный ресурс] // Царево-Константиновская Знаменская церковь. — Режим доступа : http://tsarevskiy-hram.ru/hram/history/hramhistory.html (дата обращения: 16.06.2023).

4. *Маркелов А. В.* К истории Спасской Хлыновской церкви / А. В. Маркелов // Герценка : Вятские записки. — Киров, 2008. — Вып. 13. — С. 80—83.

5. *Рошаль В. М.* Энциклопедия символов / В. М. Рошаль. — Москва : АСТ ; Санкт-Петербург : Сова, 2008. — 1007 с. — ISBN 978-5-17-031665-6.

6. *Русский* биографический словарь. Том II. Алексинский — Бестужев-Рюмин. — Санкт-Петербург : Тип. Главного Управления Уделов, 1900. — 796 с.

7. *Русский* биографический словарь. Том VIII. Ибак — Ключарев. — Санкт-Петербург : Тип. Главного Управления Уделов, 1897. — 758 с.

8. *Соборный* храм Успения Пресвятой Богородицы. Нолинское благочиние [Электронный ресурс] // Уржумская епархия. — Режим доступа : http://urzhum-eparhiya.ru/about-eparchy/blagochiniya/nolinskoe-blagochinie/sobornyj-hram-uspeniya-presvyatoj-bogorodicy-g-nolinsk/?ysclid=lj01b1npq0219429157 (дата обращения: 17.06.2023).

9. *Ставропигиальные,* Кафедральные, Приходские и Кладбищенские православные храмы [Электронный ресурс] // Проектирование и строительство храмов. Сайт главного архитектора «АХМДМ» Никитина Константина Валерьевича. — Режим доступа : https://arh-master.ru/ (дата обращения: 15.06.2023).

10. *Тресиддер Дж.* Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. — Москва : ФАИР-ПРЕСС, 1999. — 510 с.

11. *Холл Дж.* Словарь сюжетов и символов в искусстве / пер. с англ. А. Е. Майкапара. — Москва : КРОН-ПРЕСС, 1996. — 656 с.

12. *Царево-Константиновская* церковь и ее предшественники, с. Селты (Кильмезь-Селты) Малмыжского уезда Вятской губернии (1846—1939 гг.) [Электронный ресурс] // Государственное казенное учреждение «Центральный государственный архив Удмуртской Республики». — Режим доступа: http://fc.gasur.ru/archive/100000000010?page=3&fund_id=100000055400 (дата обращения: 18.06.2023).

13. *Церковные приходы* [Электронный ресурс] // Родная Вятка : краеведческий портал. — Режим доступа : http://rodnaya-vyatka.ru/ (дата обращения: 15.06.2023).

Литература

1. *Анкудинов И. Ю.* Новгородские восковые печати XIV—XV вв. : материалы к каталогу / И. Ю. Анкудинов // Новгородский архивный Вестник. — 2019. — № 15. — С. 56—74.

2. *Апостолос-Каппадона Д.* Словарь христианского искусства / Д. Апостолос-Каппадона. — Челябинск : Урал LTD, 2000. — 266 с.

3. *Белецкий С. В.* Ладога XI—XV вв. по данным сфрагистики / С. В. Белецкий // Новое в археологии старой Ладоги. Материалы и исследования. Труды ИИМК РАН. — 2018. — Т. LIII. — С. 335—418. — DOI: 10.31600/978-5-907053-10-6.

4. *Вознесенская А. И.* Личные печати в Российской империи XVIII—XIX вв. (оттиски на делопроизводственных документах) / А. И. Вознесенская // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. — 2011. — № 12. — С. 236—244.

5. *Иванов В. И.* Печати церквей и священнослужителей Черноморского казачьего войска первой половины XX века / В. И. Иванов // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании : материалы XXXI Международной научной конференции. — Москва : ИВИ РАН, 2018. — С. 170—172.

6. *Иванов В. И.* Церковные печати Кубани первой половины XIX века / В. И. Иванов // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании : материалы XXIX Международной научной конференции. — Москва, 2017. — С. 153—155.

7. *Каменцева Е. И.* Русская сфрагистика и геральдика [Электронный ресурс] / Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. — Москва : Высшая школа, 1974. — 264 с. — Режим доступа : http://ogeraldike.ru/books/item/f00/s00/z0000005/index.shtml (Режим доступа 13.10.2023).

8. *Корепанов Н. С.* За семью печатями / Н. С. Корепанов. — Екатеринбург : УрО РАН, 1998. — 96 с. — ISBN 5-7691-0787-1.

9. *Котышев Д. М.* Печати киевских митрополитов XI—XII вв. : проблемы и интерпретации / Д. М. Котышев // Восточная Европа в древности и Средневековье. — 2021. — Вып. XXXIII. — С. 145—151.

10. *Купранис А. А.* Датированные печати иерархов русской церкви (домонгольский период) / А. А. Купранис // Церковная археология : материалы Второй Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского (1848—1917). — Санкт-Петербург, 1998. — Вып. 4. — С. 153—167.

11. *Кустова Е. В.* История Вятского Успенского Трифонова монастыря : в 2 т. Т. 1. История монастыря от основания до наших дней / Е. В. Кустова. — Киров : Буквица, 2012. — 752 с. — ISBN 978-5-903929-17-7.

12. *Лакиер А. Б.* Русская геральдика / А. Б. Лакиер. — Москва : Книга, 1990. — 432 с. — ISBN 5-212-00281-8.

13. *Лихачёв Н. П.* Избранные труды. Т. 1. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики / Н. П. Лихачёв. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 496 с. — ISBN 978-5-9551-0710-3.

14. *Мокерова Е. Ю.* Печать игумена Агафангела конца XIX — начала XX в. / Е. Ю. Мокерова // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании : материалы XXXV Всероссийской научной конференции с международным участием. — Москва : ИВИ РАН, 2023. — С. 249—251.

15. *Мусин А. Е.* Церковная геральдика в России. Традиции. Проблемы. Перспективы / А. Е. Мусин // Герб и символ : научные исследования. — Москва : Клипарто, 2022. — С. 46—59.

16. *Очерки* истории Вятской епархии (1657—2007) : 350-летию Вятской епархии / под общ. ред. митр. Вятского и Слободского Хрисанфа. — Киров : Буквица, 2007. — 640 с.

17. *Растимешина Т. В.* Святейший Синод как инструмент реализации государственной политики церковного наследия в XVIII—XIX вв. / Т. В. Растимешина // Экономические и социально-гуманитарные исследования. — № 2 (10). — 2016. — С. 148—150.

18. *Свиридонова А. И.* Материалы фонда РГАДА 1475 “Канцелярия архиепископа Московского и Всея Руси” как источники по изучению печатей приходского духовенства Древлеправославной (Старообрядческой) церкви Христовой начала XX века / А. И. Свиридонова // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании : материалы XXXIII Международной научной конференции. — Москва : ИВИ РАН, 2020. — С. 350—352.

19. *Соболева Н. А.* Русские печати / Н. А. Соболева. — Москва : Наука, 1991. — 240 с. — ISBN 5-02-008568-5.

20. *Станюкович А. К.* Неизвестные памятники русской сфрагистики. Прикладные печати-матрицы XIII—XVIII веков из частных собраний / А. К. Станюкович, А. Г. Авдеев. — Москва : ИскательИ, 2007. — 190 с.

21. *Успенский Б. А.* Крест и круг: из истории христианской символики / Б. А. Успенский. — Москва : Языки славянских культур, 2006. — 488 с.

22. *Шабалин В. И.* Краткая история об открытии приходов и о построении церквей Вятской епархии / В. И. Шабалин. — Киров, 2020. — 409 с.

23. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. : в 2 т. Т. 1: печати X—XIII в. / В. Л. Янин. — Москва : Наука, 1970. — 327 с.

Статья поступила в редакцию 14.10.2023,
одобрена после рецензирования 06.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

Material resources

Cathedral Church of the Assumption of the Blessed Virgin Mary. Nolinsky deanery In: *Urzhum diocese.* Available at: http://urzhum-eparhiya.ru/about-eparchy/blagochiniya/nolinskoe-blagochinie/sobornyj-hram-uspeniya-presvyatoj-bogorodicy-g-nolinsk/?ysclid=lj01b1npq0219429157 (accessed 17.06.2023). (In Russ.).

Church parishes In: *Native Vyatka: local history portal.* Available at: http://rodnaya-vyatka.ru/ (accessed 15.06.2023). (In Russ.).

History of Tsarevo-Konstantinovskaya Znamenskaya Church. In: *Tsarevo-Konstantinovskaya Znamenskaya Church.* Available at: http://tsarevskiy-hram.ru/hram/history/hram-history.html (accessed 16.06.2023). (In Russ.).

Holl, Dzh. (1996). *Dictionary of plots and symbols in art*. Moscow: KRON-PRESS. 656 p.

Markelov, A. V. (2008). To the history of the Spasskaya Khlynovskaya Church. In: *Gercenka: Vyatka notes.* Kirov. Vol. 13: 80—83. (In Russ.).

Roshal, V. M. (2008). *Encyclopedia of symbols*. Moscow: ACT; St. Petersburg: Sova. 1007 p. ISBN 978-5-17-031665-6. (In Russ.).

Russian biographical dictionary. Vol. II. Aleksinskij — Bestuzhev-Rjumin. (1900). St. Petersburg: Tip. Glavnogo Upravlenija Udelov. 796 p. (In Russ.).

Russian biographical dictionary. Vol. VIII. Ibak — Kljucharev. (1897). St. Petersburg: Tip. Glavnogo Upravlenija Udelov. 758 p. (In Russ.).

Stavropegial, Cathedral, Parish and Cemetery Orthodox churches. In: *Design and construction of churches. Website of the chief architect of AHMDM Nikitin Konstantin Valerievich*. Available at: https://arh-master.ru/ (accessed 15.06.2023). (In Russ.).

Tresidder, Dzh. (1999). *Slovar' simvolov*. Moscow: FAIR-PRESS. 510 p. (In Russ.).

Tsarevo-Konstantinovskaya Church and its predecessors, p. Selty (Kilmez-Selty) of the Malmyzh district of the Vyatka province (1846—1939). In: *State government institution "Central State Archive of the Udmurt Republic"*. Available at: http://fc.gasur.ru/archive/100000000010?page=3&fund_id=100000055400 (accessed 18.06.2023). (In Russ.).

Vyatka Atlantis. AllSaints Church. In: *Native Vyatka: local history portal*. Available at: https://rodnaya-vyatka.ru/blog/3521/121699?ysclid=lj166yrl1u605145590 (accessed 15.06.2023). (In Russ.).

Vyatka Atlantis. Donskaya (Stefanovskaya) Church. In: *Native Vyatka: local history portal*. Available at: https://rodnaya-vyatka.ru/blog/3521/120715?ysclid=lj16vp2121298264759 (accessed 15.06.2023). (In Russ.).

References

Ankudinov, I. Ju. (2019). Novgorod wax seals of the XIV—XV centuries: materials for the catalog. In: *Novgorodskij arhivnyj Vestnik, 15:* 56—74. (In Russ.).

Apostolos-Kappadona, D. (2000). *Slovar' hristianskogo iskusstva.* Chelyabinsk: Ural LTD. 266 p. (In Russ.).

Beletsky, S. V. (2018). Ladoga of the 11th—15th centuries according to sphragistic data. In: *New in the archeology of old Ladoga. Materials and research. Proceedings of IHMC RAS*. LIII: 335—418. DOI: 10.31600/978-5-907053-10-6. (In Russ.).

Hrisanf, mitr. Vjatskiy and Slobodskoy. (ed.). (2007). *Essays on the history of the Vyatka diocese (1657—2007): 350th anniversary of the Vyatka diocese.* Kirov: Bukvica. 640 p. (In Russ.).

Ivanov, V. I. (2017) Church seals of Kuban in the first half of the 19th century. In: *Auxiliary historical disciplines in modern scientific knowledge: materials of the XXIX International Scientific Conference.* Moscow. 153—155. (In Russ.).

Ivanov, V. I. (2018). Seals of churches and clergy of the Black Sea Cossack army of the first half of the 20th century. In: *Auxiliary historical disciplines in modern scientific knowledge: materials of the XXXI International Scientific Conference*. Moscow: IVI RAN. 170—172. (In Russ.).

Janin, V. L. (1970). *Actual seals of Ancient Rus' X—XV centuries. Vol. 1: prints of the X—XIII centuries*. Moscow: Nauka. 327 p. (In Russ.).

Kamenceva, E. I., Ustjugov, N. V. (1974). *Russian sphragistics and heraldry.* Moscow: Vysshaja shkola. 264 p. Available at: http://ogeraldike.ru/books/item/f00/s00/z0000005/index.shtml (accessed 13.10.2023). (In Russ.).

Korepanov, N. S. (1998). *Behind seven seals.* Yekaterinburg: UrO RAN. 96 p. ISBN 5-7691-0787-1. (In Russ.).

Kotyshev, D. M. (2021). Seals of Kyiv metropolitans of the 11th—12th centuries: problems and interpretations. In: *Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages. Vol. XXXIII.* 145—151. (In Russ.).

Kupranis, A. A. (1998). Dated seals of the hierarchs of the Russian Church (pre-Mongol period). In: *Church archeology: materials of the Second All-Russian Church Archaeological Conference dedicated to the 150th anniversary of the birth of N. V. Pokrovsky (1848—1917).* St. Petersburg. Vol. 4: 153—167. (In Russ.).

Kustova, E. V. (2012). *History of the Vyatka Dormition Trifonov Monastery. Vol. 1. History of the monastery from its foundation to the present day*. Kirov: Bukvica. 752 p. ISBN 978-5-903929-17-7. (In Russ.).

Lakier, A. B. (1990). *Russian heraldry.* Moscow: Kniga. 432 p. ISBN 5-212-00281-8. (In Russ.).

Lihachov, N. P. (2014). *Selected works. Vol. 1. Materials for the history of Byzantine and Russian sphragistics*. Moscow: Jazyki slavyanskoj kultury. 496 p. ISBN 978-5-9551-0710-3. (In Russ.).

Mokerova, E. Yu. (2023). Seal of Abbot Agafangel from the late 19th — early 20th centuries. In: *Auxiliary historical disciplines in modern scientific knowledge: materials of the XXXV All-Russian scientific conference with international participation.* Moscow: IVI RAN. 249—251. (In Russ.).

Musin, A. E. (2022). Church heraldry in Russia. Traditions. Problems. Prospects In: *Coat of arms and symbol: scientific research.* Moscow: Kliparto. 46—59. (In Russ.).

Rastimeshina, T. V. (2016). Holy synod as enabler of national church heritage policy in 18th and 19th centuries. *Economic and social research, 2 (10):* 148—150. (In Russ.).

Shabalin, V. I. (2020). *A brief history of the opening of parishes and the construction of churches in the Vyatka diocese*. Kirov. 409 p. (In Russ.).

Soboleva, N. A. (1991). *Russian stamps.* Moscow: Nauka. 240 p. ISBN 5-02-008568-5. (In Russ.).

Stanyukovich, A. K., Avdeev, A. G. (2007). *Unknown monuments of Russian sphragistics. Applied matrix seals of the 13th—18th centuries from private collections*. Moscow: IskatelI. 190 p. (In Russ.).

Sviridonova, A. I. (2020). Materials of the RGADA fund 1475 "Office of the Archbishop of Moscow and AllRus" as sources for the study of the seals of the parish clergy of the Old Orthodox (Old Believer) Church of Christ at the beginning of the 20th cen-

tury. In: *Auxiliary historical disciplines in modern scientific knowledge: materials of the XXXIII International Scientific Conference*. Moscow: IVI RAN. 350—352. (In Russ.).

Uspenskiy, B. A. (2006). *Cross and circle: from the history of Christian symbolism*. Moscow: Jazyki slavyanskih kultur. 488 p. (In Russ.).

Voznesenskaya, A. I. (2011). Personal seals in the russian empire in the XVIII—XIX (prints on business documents). *Vestnik RGGU. Serija: Istorija. Filologija. Kulturologija. Vostokovedenie, 12:* 236—244. (In Russ.).

The article was submitted 14.10.2023;
approved after reviewing 06.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Пинаева Д. А. Вклад общественных научно-технических объединений в развитие массового изобретательства в СССР в середине 1950-х — середине 1960-х годов / Д. А. Пинаева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 414—434. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-414-434.

Pinaeva, D. A. (2023). Contribution of Public Scientific and Technical Associations to Development of Mass Inventiveness in USSR from Mid-1950s to Mid-1960s. *Nauchnyi dialog, 12* (10): 414-434. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-414-434. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-414-434

Вклад общественных научно-технических объединений в развитие массового изобретательства в СССР в середине 1950-х — середине 1960-х годов

Пинаева Дарья Алексеевна
orcid.org/0000-0001-9428-2050
кандидат исторических наук, доцент
кафедры философии и права
dashkevna1@mail.ru

Казанский государственный
аграрный университет
(Казань, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-28-00697

Contribution of Public Scientific and Technical Associations to Development of Mass Inventiveness in USSR from Mid-1950s to Mid-1960s

Darya A. Pinaeva
orcid.org/0000-0001-9428-2050
PhD in History, Associate Professor,
Department of Philosophy and Law
dashkevna1@mail.ru

Kazan State
Agricultural University
(Kazan, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00697

© Пинаева Д. А., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается роль общественных научно-технических объединений в реализации научно-технической политики СССР, направленной на стимулирование изобретательской активности и скорейшее внедрение новой техники в производство. Рассматривая массовое изобретательство и рационализаторство как важнейший ресурс обеспечения конкурентоспособности страны, особенно в производствах, не связанных с обеспечением ВПК, государство фактически полностью администрировало деятельность научно-технических обществ. Показана эволюция системы управления массовым изобретательством. Рассмотрены организационно-экономические механизмы, направленные на стимулирование инновационной активности, выявлены наиболее эффективные и востребованные практики. Указывается, что общественные объединения имели высокий потенциал для решения научно-технических задач, обладая большим количеством квалифицированных кадров, разветвленной сетью первичных организаций, централизованным аппаратом управления. Вместе с тем административное давление, реализация несвойственных научно-техническим обществам идеологических установок, создание большого числа объединений с дублирующими функциями, погоня за увеличением количественных показателей сковывали возможности научно-технических обществ, что в конечном итоге привело к формализму в работе общественных объединений.

Ключевые слова:
изобретательство; рационализаторство; научно-технические общества; Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов; СССР.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the role of public scientific and technical associations in the implementation of the Soviet Union's science and technology policy aimed at stimulating inventive activity and expediting the introduction of new technology into production. Considering mass invention and rationalization as a crucial resource for ensuring the country's competitiveness, especially in industries not related to the defense-industrial complex, the state essentially fully administered the activities of scientific and technical societies. The evolution of the mass invention management system is demonstrated. Organizational and economic mechanisms aimed at stimulating innovative activity are analyzed, revealing the most effective and in-demand practices. It is noted that public associations had high potential for solving scientific and technical tasks, possessing a large number of qualified personnel, an extensive network of primary organizations, and a centralized management apparatus. However, administrative pressure, the imposition of ideological directives not inherent to scientific and technical societies, the creation of numerous associations with duplicative functions, and the pursuit of increasing quantitative indicators constrained the possibilities of scientific and technical societies, ultimately leading to formalism in the work of public associations.

Key words:
inventiveness; rationalization; scientific and technical societies; All-Union Society of Inventors and Rationalizers; USSR.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).084.9:001.894/.895

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Вклад общественных научно-технических объединений в развитие массового изобретательства в СССР в середине 1950-х — середине 1960-х годов

© Пинаева Д. А., 2023

1. Введение = Introduction

По мнению ряда ученых, мир находится на стадии перехода к новому, шестому технологическому укладу, связанному не только с изменением научной картины мира, но и с серьезными экономическими и социальными перестройками [Серяков, 2018, с. 8—17]. Новые вызовы, с которыми столкнулась современная Россия, заставляют обращаться к опыту СССР, которому удалось совершить технологический рывок в период перехода к четвертому технологическому укладу, одержать победу в Великой Отечественной войне и обеспечить технологическое лидерство во многих сферах науки и техники в 1950—1960-е годы [Артемов, 2011, с. 27—36]. Вместе с тем снижение темпов инновационного развития в 1970-е годы и очевидное отставание в уровне технологического развития практически во всех отраслях, за исключением военной и космической, в позднесоветский период, указывают на необходимость взвешенной и всесторонней оценки системы управления инновациями, созданной в СССР.

В советское время вопросам изобретательства и рационализаторства уделялось большое внимание. В Постановлении ЦК Партии от 26 октября 1930 года указывалось на исключительное значение массового изобретательства в период индустриализации, обеспечившего невиданный в условиях капитализма рост производительности труда [О положении..., 1967, с. 244—246].

В 1931 году в целях централизации управления органами, причастными к изобретательству и рационализации, в общесоюзном масштабе был создан Комитет по изобретательству при Совете труда и обороны (СТО) [Положение об изобретениях…]. Параллельно с Комитетом с целью вовлечения в новаторскую деятельность как можно большего числа рабочих в 1931 году было создано Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов (ВОИЗ), ставшее главной общественной организацией, ответственной за развитие массового изобретательства в стране. Таким образом, к середине 1930-х годов была создана централизованная система управления изобретательством.

CC BY

В период форсированной индустриализации стимулирование массового изобретательства и рационализаторства стало способом интенсификации производства, компенсации конструкторских и технологических недоработок, в том числе связанных с адаптацией иностранного оборудования и технологий. Положение об изобретениях, принятое 9 апреля 1931 года ЦИК и СНК СССР, гарантировало вознаграждение изобретателям и рационализаторам, а также закрепило за ними ряд льгот и преимуществ [Положение об изобретениях…]. Высокий статус изобретателя и существенные выплаты новаторам подтверждает хотя бы тот факт, что в 1931 году подписчики журнала «Изобретатель», издававшегося в СССР с 1929 года, — изобретатели и рационализаторы, на свои средства купили у государства три самолета и передали их командованию Воздушного Флота СССР для обороны страны [Алексеев, 1983, с. 84]. На значительный экономический подъем в СССР в начале 1930-х годов указывала иностранная пресса. Так, английская газета «News Chronicle» писала: «…СССР находится на пути к тому, чтобы стать величайшей в Европе экономической силой» [Гершберг, 1985, с. 127].

Несмотря на очевидные успехи, Комитет по изобретательству подвергался критике за недостаточную работу по отбору и внедрению важнейших изобретений [О работе Комитета…], а ВОИЗ — за недостаточное вовлечение работников в изобретательство. В 1936 году Комитет по Изобретательству при СТО был упразднен [О реорганизации руководства…], а в апреле 1938 года вышло Постановление СНК СССР о ликвидации ВОИЗ. Таким образом, в стране не осталось ни государственного, ни общественного органа, специально занимающегося вопросами изобретательства. Однако если в период реконструкции промышленность сравнительно легко вбирала предлагаемые наукой результаты, то в послевоенный период институционализировавшиеся механизмы и принципы ведомственного управления стали фактором, тормозящим развитие [Рассохин, 1985, с. 55—56].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследователи советского периода уделяли большое внимание вопросам развития изобретательства и рационализаторства. Ими собран большой фактический материал, характеризующий количественные показатели деятельности научно-технических обществ. Особое место в историографии принадлежит позднесоветским исследованиям, поскольку в них, несмотря на идеологический монизм, подняты глубинные проблемы развития научно-технического прогресса в СССР [Алексеев, 1983; Ипполитов, 1989; Крот, 1989].

В современной отечественной историографии практически не затрагивались вопросы развития массовых форм изобретательства и рациона-

CC BY

лизаторства. Большинство исследований посвящены научно-технической политике советского государства [Артемов, 2011; Бодрова, 2023; Гладышева, 2022; Калинов, 2018]. Ведущая роль государства в модернизационных процессах, роль военных отраслей и тяжелой промышленности как драйверов инновационного развития рассматриваются рядом исследователей как исторические особенности России [Гавров, 2010; Каспэ, 2001].

В зарубежной историографии широко распространен тезис о том, что в СССР изобретения редко превращались в инновации, главным образом ввиду отсутствия прозрачности политических структур, ведомственности, невозможности изобретателям влиять на принятие решений относительно развития производства [Грэхэм, 2014; Инглхарт и др., 2011; Bailes, 1978; Шаттенберг, 2011]. Данная проблема нашла отражение в романе Владимира Дудинцева «Не хлебом единым» [Дудинцев, 1968]. Вопрос о возможности использования практик стимулирования научно-технического прогресса, характерных для СССР, в современной России до сих пор остается дискуссионным [Балакин, 2017, с. 91—100].

Современная историография массовых общественных организаций, объединявших техническую интеллигенцию и рабочих-новаторов СССР во второй половине XX века, крайне ограничена. Исследования, посвященные аспектам изобретательской деятельности, касаются периода, предшествующего научно-технической революции (то есть первой половины XX века) [Солдатова, 2013], либо написаны на материалах отдельных регионов или предприятий [Инженеры ..., 2006; Шишкин, 2008; Никитин, 2021; Кочеткова и др., 2018]. Вопросы массового изобретательства затрагиваются в работе Е. А. Кочетковой «Performing inventiveness: Industrial and Technical Creativity in the USSR, 1950s-1980s», в которой указывается, что советское государство рассматривало творчество как важнейший ресурс промышленного развития и стимулирования прогресса [Kochetkova, 2022]. В последнее время появляются исследования, целью которых является ретроспективный анализ институционализации различных научных направлений, в которых в качестве важнейших факторов формирования и развития научных направлений рассматриваются социокультурные факторы, активность ученых — лидеров научных направлений [Расколец и др., 2020].

Все исследователи так или иначе признают, что ключевым фактором развития является формирование особого, инновационного сознания. В этой связи изучение эффективности форм мобилизационного воздействия, ориентированных на производственные коллективы, является актуальным.

Целью данной работы является изучение деятельности научно-технических обществ по стимулированию изобретательской и рационализатор-

CC BY

ской активности в 1950—1960-х годах, то есть в период, когда СССР стал одним из лидеров мирового инновационного процесса. Исследование основано на изучении опубликованных и неопубликованных документов федеральных и региональных архивов, а также статистических материалов и нормативных актов. Главным источником стали материалы Всесоюзного совета научно-технических обществ (ВСНТО) и Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР) из фондов Государственного архива Российской Федерации, которые содержат статистическую информацию о деятельности научно-технических объединений, материалы пленумов Центральных советов организаций и съездов изобретателей и рационализаторов, переписку с органами государственной власти и пр. Данные материалы позволяют изучить динамику изобретательской и рационализаторской активности, показать эволюцию организационно-экономических механизмов активизации инновационной деятельности, исследовать проблему на микроуровне (с точки зрения восприятия своей деятельности самими субъектами). Важным источником стали архивные материалы Комитета по делам изобретений и открытий, включающие докладные записки о результатах проверок состояния работы по изобретательству на предприятиях, в министерствах и ведомствах, ежегодные доклады об итогах изобретательской и рационализаторской деятельности в СССР. Материалы Комитета позволяют выявить противоречия между задачами ускорения научно-технического прогресса и способами реализации научно-технической политики на местах.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Централизация управления изобретательством в середине 1950-х годов

Новый этап реформирования системы управления изобретательством начался в середине 1950-х годов, когда в мае 1955 года был создан Государственный комитет Совета Министров СССР по новой технике (Гостехника СССР), в структуре которого работал Комитет по делам изобретений и открытий [Об образовании государственного…, 1956, с. 96]. Надо отметить, что с 1947 по 1951 годы в СССР уже существовало ведомство с таким названием, за непродолжительный период деятельности которого существенных улучшений в деле разработки и внедрения новой техники в производство не произошло. Практически в это же время все общественные научно-технические объединения (НТО) были организованы по отраслям и переданы в управление профсоюзам. Предполагалось, что НТО с их разветвленной структурой и широким составом, включавшим изобретателей от ученых до рабочих-новаторов, обеспечат инициативу, продвижение пло-

CC BY

дотворных идей в управленческие структуры. Всего в 1954 году было создано 21 отраслевое научно-техническое общество. Для проведения работы при Всесоюзном центральном совете профессиональных союзов (ВЦСПС) было создано оргбюро Всесоюзного совета НТО (ВСНТО) под председательством В. Г. Силуянова, в которое вошли видные ученые, руководящие работники отраслевых обществ и профсоюзные деятели. Отраслевые советы НТО должны были изучать запросы членов общества данной специальности и оказывать им практическую помощь в разработке и внедрении в производство предложений по новой технике и технологии, организовывать подготовку и проведение научно-технических совещаний, конференций, конкурсов, совместно с администрацией предприятий и профсоюзами организовывать школы передового опыта и повышения технических знаний и производственной квалификации работников предприятий [Научно-технические…, 1968, с. 188—191].

С целью выявления проблем и формирования предложений по совершенствованию руководства изобретательской работой и внедрением новой техники в производство руководство НТО начало ознакомление с работой отделов изобретательства, работавших в составе министерств и ведомств. Так, проверка работы отдела изобретательства Министерства приборостроения и средств автоматизации СССР, проведенная в 1956 году, показала, что в отделе работают всего два сотрудника, включая начальника отдела, на которых возложена также обязанность наблюдения за работой бюро технической информации. Изучение порядка внедрения предложений показало, что один-два раза за полугодие заявки на изобретения, по которым выданы авторские свидетельства, разбиваются по профилю и направляются в главки для решения вопроса о включении в планы внедрения. По ответам главков составляется сводный план внедрения, который представляется на утверждение заместителю Министра [ГАРФ, ф. 5587, оп. 1, д. 594, л. 91]. При таком порядке почти половина предложений, получивших признание промышленной полезности, не попадали в план внедрения. Еще хуже обстояло дело с контролем за внедрением, который осуществлялся на основании периодической отчетности главков. Постоянно поступающие данные никто не сверял, что давало возможность ведомствам отписываться, скрывая действительное положение вещей. Так, в письмах о ходе внедрения новой техники от 24 июля и 7 августа 1956 года, то есть с промежутком в две недели, Главточмаш (Главное управление точного машиностроения) дало противоречивые сведения [Там же].

Указывали Советы НТО и на необходимость реформирования порядка рассмотрения авторских заявок на изобретения. Эти заявки поступали в Комитет по делам изобретений и открытий, который направлял их на отзыв

CC BY

о промышленной полезности в министерства, устанавливая срок рассмотрения два месяца. Министерство (отдел изобретательства) направляло заявки в соответствующие главки, главки — в НИИ, НИИ — экспертам. С получением экспертных заключений авторская заявка проходила тот же путь, но в обратном направлении. При таком длинном пути прохождения установленные сроки рассмотрения, как правило, нарушались. НТО указывали, что в самой механической передаче от одной инстанции к другой тратилось много времени. Несмотря на предложения, обращенные в Комитет по делам изобретений и открытий, адресовать переписку непосредственно в отдел изобретательства министерств, Комитет направлял письма только заместителю министра, в результате чего после нескольких регистраций, занесений в картотеку и пр. переписка попадала в отдел изобретательства только на 7—8 день пребывания в министерстве. Отделы изобретательства в министерствах в целях перестраховки, направляя заявки в главки, устанавливали месячный срок рассмотрения, который, по данным проверки, выполнялся только в 10 % случаев, поскольку эксперты НИИ, как правило, рассматривали заявки в течение 1—3 месяцев [ГАРФ, ф. 5587, оп. 1, д. 594, л. 92].

Изучение архивных материалов показывает, что научно-техническая общественность через Советы НТО постоянно указывала на серьезные проблемы в организации управления изобретательством и внедрением новой техники, вносила ценные предложения по решению данных проблем, однако в большинстве случаев по результатам обсуждений управленческие решения не принимались.

Таблица 1

Динамика численности рабочих в составе НТО в 1955—1957 годах*

Год	Количество первичных организаций	Число членов НТО, тыс. чел.	Из них рабочих, тыс. чел.	Доля рабочих, в %
1955	8996	220,4	18,1	8,2
1956	17156	542,6	50,5	9,3
1957	17830	578,1	52,2	9,0

* Источники: [ГАРФ, ф. 5587, оп. 1, д. 619, л. 7, 11; д. 604, л. 1, 1 об.]

За первые годы деятельности обновленных НТО количество первичных организаций и их количественный состав увеличились более чем вдвое. Однако НТО, будучи наследниками еще досоветских инженерно-технических объединений и созданных в СССР в 1930-е годы научных инженерно-технических обществ, так и продолжали оставаться объединениями в основном инженеров-новаторов и ученых. Удельный вес рабочих в организациях НТО не превышал 10 % (табл. 1). Данный факт не отвечал

CC BY

идее активного и организованного участия рабочих в совершенствовании производства и его управлении.

3.2. Организационные механизмы стимулирования массового изобретательства и рационализаторства

Для усиления изобретательской и рационализаторской активности на местах практически одновременно были воссозданы структуры, ликвидированные еще в 1930-е годы. В январе 1958 года постановлением Президиума ВЦСПС воссоздается Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов (ВОИР), на предприятиях создаются бюро по рационализации и изобретательству (БРИЗ) [ГАРФ, ф. 5451, оп. 24, д. 1697, л. 137—141]. Новое Положение об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, принятое 24 апреля 1959 года, предписывало проведение всей работы по развитию массового технического творчества Комитету по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР совместно с ВОИР [Положение об открытиях…, 1973, с. 10]. Согласно Постановлению работы по внедрению принятых изобретений и рационализаторских предложений должны были включаться в планы предприятий и организаций, а государственные ведомства при составлении планов по новой технике должны были учитывать рекомендации общественных объединений. Руководство ВЦСПС предлагало включить в состав Комитета по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР представителей ВСНТО, а в состав технико-экономических советов совнархозов — представителей республиканских и областных правлений отраслевых НТО [ГАРФ, ф. 5587, оп. 1, д. 619, л. 2—3]. Несмотря на децентрализаторские тенденции в управлении экономикой, реализованные во второй половине 1950-х годов, была сохранена модель централизованного управления массовым изобретательством, включавшая взаимодействие различных общественных институтов и государственных ведомств (см. рис.).

Государственные органы и общественные объединения должны были работать в тесной кооперации, с одной стороны, а с другой — контролировать друг друга. Положительные примеры такой кооперации, безусловно, были. Так, общественным комитетом по экономике и организации производства ВСНТО совместно с институтом экономики АН СССР в июне 1958 года была проведена Всесоюзная научно-техническая конференция по проблемам определения экономической эффективности капитальных вложений и новой техники в народном хозяйстве СССР. На основе рекомендации этой конференции АН СССР, Госплан СССР и Госстрой СССР утвердили методику по определению экономической эффективности капитальных вложений и новой техники в народном хозяйстве [Научно-технические…, 1968, с. 203]. НТО активно участвовали в обсуждении контроль-

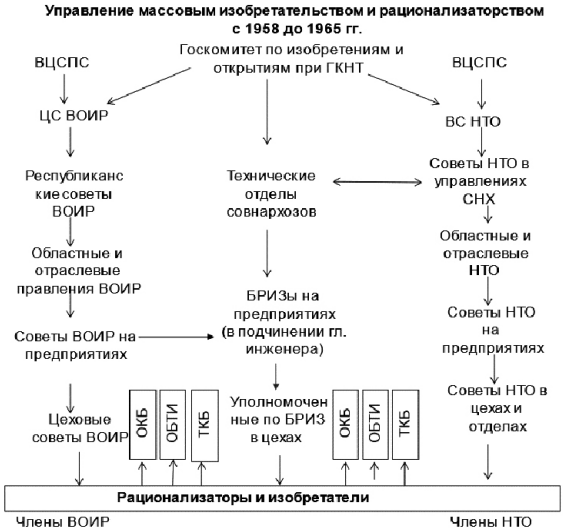

Рис. Управление массовым изобретательством и рационализаторством в 1958—1965 годах

ных цифр развития народного хозяйства на семилетие (1959—1965 годы), и многие предложения были учтены в государственном плане и планах развития отдельных отраслей науки и техники. Входящие в состав научно-технических обществ ученые через коллективные формы взаимодействия, например, комплексные творческие бригады, участвовали в решении крупных производственных задач [ГАРФ, ф. 5587, оп. 1, д. 619, л. 11].

В складывающемся институциональном дизайне общественных научно-технических объединений проявились тенденции, которые были характерны для государственных институтов: дублирование функций, наделение функциями контроля, что порождало институциональную конкуренцию и должно было обеспечить динамизм всему механизму [Некрасов, 2017, с. 86]. Так, например, члены ВОИР и НТО объединялись в аналогичные структуры: общественные конструкторские и технологические бюро, творческие бригады и пр.

С точки зрения воздействия общественных объединений в структурах ВОИР и НТО на развитие производства можно выделить следующие основные направления их деятельности: 1) проведение экономического анализа, изучение вопросов совершенствования организации производства и труда (общественное бюро экономического анализа (ОБЭА), обществен-

CC BY

ное бюро нормирования труда (ОБНТ)); 2) совершенствование техники и технологии (Общественные конструкторские и технологические бюро (ОКБ, ОТБ), творческие бригады, бригады коммунистического труда, первичные организации ВОИР и НТО); 3) обобщение и распространение передового опыта и повышение квалификации работников (общественные бюро технической информации (ОБТИ), советы новаторов, институты передового опыта, народные университеты технико-экономических знаний); 4) рассмотрение производственно-технических вопросов деятельности предприятия (секции НТО, выполняющие функции технико-экономических советов) [Пинаева, 2020, с. 66—68].

Создание большого количества разнопрофильных объединений в структурах ВОИР и НТО отражало идею демократизации управления производством, попытку создания механизма внутренней саморегуляции, повышения заинтересованности производителей в результате своего труда. На совещаниях изобретателей и рационализаторов, проводимых ВОИР, неоднократно высказывались идеи о необходимости рациональной организации труда и большего внимания руководства предприятий к предложениям рабочих. Так, выступая на Калининском областном совещании изобретателей и рационализаторов, состоявшемся 19 марта 1958 года, изобретатель Зайцев заявлял: «У рабочего на его трудовом пути очень много мелочей, мешающих ему работать — то постамент очень высокий, то, наоборот, надо сильно нагибаться… Все это имеет место в то время, когда мы говорим о больших проблемах. В первую очередь надо такие мелочи ликвидировать. В большинстве случаев это не составляет большого труда и не требует затрат… В каждой мысли рабочего надо уметь разглядеть рационализаторское зерно и использовать его. У каждого рабочего есть предложение по улучшению условий труда и облегчению труда. А у нас очень мало прислушиваются к рабочим. Никто так хорошо и глубоко не знает специфику своего производства, как рабочий…» [ГАРФ, ф. 7752, оп. 6, д. 203, л. 38—39].

Отметим, что и в других странах примерно в это же время появляются схожие организационные формы и практики. Так, в Японии в 1960-е годы на предприятиях образуются кружки качества, начинают внедряться принципы кайдзен, которые начали использоваться в современной России [Панкова, 2022, с. 75—77]. То есть в недрах общественных научно-технических объединений СССР рождались ценные инициативы, которые вполне могли быть востребованы и эффективны.

В конце 1950-х годов изобретательство и рационализаторство в СССР превратилось в массовое движение. Если в 1950 году в стране насчитывалось около 555 тысяч изобретателей и рационализаторов, то в 1960 году — уже 2 миллиона 431 тысяча [Алексеев, 1983, с. 135].

CC BY

Одним из перспективных направлений деятельности научно-технических обществ была организация конкурсов на лучшую разработку конкретных актуальных производственно-технических вопросов. Тематика конкурсов готовилась совместно с министерствами и ведомствами. Только в 1955 году научно-техническими обществами проведено было 373 конкурса, в которых приняло участие более 27 тысяч человек и было представлено около 12 тысяч работ, 177 из которых было премировано. В 1958 году НТО было проведено уже 1100 конкурсов, в которых участвовали 75 тысяч человек, которыми было представлено свыше 30 тысяч работ, из них было премировано более 7 тысяч [Научно-технические ..., 1968, с. 192, 312]. То есть в СССР еще в середине XX века начала складываться своеобразная система аналога того, что в современных западных исследованиях называется *открытыми инновациями* [Плещенко, 2018, с. 12—15]. На Западе данная система складывается как стратегия повышения конкурентоспособности и улучшения финансовых показателей в основном мелкого и среднего предпринимательства [Капинзаики и др., 2020, с. 95—111]. В СССР формированию данной системы способствовали идеологические установки, согласно которым свободный обмен информацией (за исключением исследований для нужд ВПК) для общественной пользы объявлялся одной из важнейших ценностей. Однако победа в конкурсе не давала практически никаких привилегий победителю за исключением небольшой премии и вовсе не была гарантией внедрения предложения. На заседаниях Президиума ВСНТО не раз говорилось, что значительная часть предложений, полученных в ходе проведения конкурсов, остается невостребованной [ГАРФ, ф. 5587, оп. 1, д. 619, л. 11].

3.3. Количество VS качество: проблемы массового изобретательства

Наряду с ценными инициативами в начале 1960-х годов получили распространение и идеи, реализация которых на практике не приносила ожидаемых положительных результатов. Так, идея саморегуляции промышленного производства, реализованная посредством передачи секциям НТО на предприятиях функций производственно-технических советов, привела к тому, что на практике деятельность секций НТО полностью перешла под контроль администрации предприятий, несущих ответственность за работу промышленного объекта. И ВОИР, и НТО организовывались на местах при помощи административных методов, что приводило к исполнению обязанностей в структурах общественных организаций членами заводских администраций. То есть на общественные объединения распространялись те же показатели эффективности, как и на ведомства — количественный рост всех показателей. В результате деятельность общественных объеди-

CC BY

нений приобрела характер погони за выполнением планов по росту показателей [Пинаева, 2020, с. 66].

Таблица 2

Динамика изобретательской и рационализаторской деятельности в 1955—1965 годах*

Год	Число изобретателей и рационализаторов, тыс.	Количество поступивших предложений, тыс.	Количество внедренных изобретений и рацпредложений, тыс.	Внедрено предложений, в %	Экономия от внедрения предложений, млн. руб.
1955	1139	2080	1160	56	625
1956	1341	2376	1405	59	736
1957	1458	2503	1537	61	813
1958	1725	2961	1816	61	972
1959	2080	3506	2162	62	1173
1960	2431	3987	2536	64	1457
1961	2594	4152	2676	64	1620
1962	2732	4259	2818	66	1 695
1963	2757	4120	2745	67	1 645
1964	2836	4053	2761	68	1724
1965	2935	4076	2841	70	1908

* Источники: [Алексеев, 1983, с. 135; Народное хозяйство, 1963, с. 65; Народное хозяйство, 1965, с. 69; Народное хозяйство, 1969, с. 124.]

Несмотря на значительный количественный рост заявок на изобретения и рационализаторские предложения, а также процент внедренных предложений (табл. 2), уже в конце 1950-х годов очевидной стала проблема малого количества крупных изобретений. В официальную статистику попадали все заявки, без разделения на изобретения и рационализаторские предложения, а также без учета экономической эффективности, поэтому количественный рост показателей изобретательской и рационализаторской активности далеко не всегда отражал повышение качества предложений. Так, в 1957 году на Сталинградском тракторном заводе было подано 5245 предложений, из них отклонено — 2405 (46 %), из принятых предложений всего одно было изобретением, 14 — техническими усовершенствованиями, остальные — рационализаторские предложения [ГАРФ, ф. 7752, оп. 6, д. 212, л. 6].

Темы для разработок на многих предприятиях формулировались так, что не представляли собой крупных проектов. Так, проверка, проведенная ВОИР в 1957 году на Кусковском химическом заводе, показала, что наиболее крупными предложениями, намеченными к разработке на 1958 год,

CC BY

являлись следующие: «Усовершенствование технологического процесса производства мочевино-формальдегидной смолы МФ-17», «Изменение режима работы мешалки во время кипа в производстве эмульсионного полистирола в цехе 03», «Изменение времени при процессе полимеризации и растворения поливинилацетатного лака в производстве винифлекс» [ГАРФ, ф. 7752, оп. 6, д. 212, л. 151]. Из внедренных в СССР в 1963 году 2745 тысяч предложений только 5172 (менее 2 %) были изобретениями [РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 5026, л. 2].

Еще одной трудно решаемой проблемой была низкая скорость внедрения изобретений в производство. Предприятия охотно использовали различного рода рационализации и мелкие изобретения, не влияющие существенно на технологию производства, а внедрение крупных изобретений, как правило, затягивалось. Проверка, проведенная Оргкомитетом ВОИР в 1958 году на предмет использования изобретений, рекомендованных Комитетом по делам изобретений и открытий, показала, что более половины из рекомендованных изобретений лежали в различных министерствах, ведомствах и совнархозах без движения, а значительная часть отклонена без достаточных оснований [ГАРФ, ф. 7752, оп. 6, д. 2, л. 28—31]. По подсчетам Г. М. Алексеева, из 61 854 зарегистрированных за 1957—1959 годы изобретений было внедрено в тот же период только 13 637 (22 %) [Алексеев, 1983, с. 136].

Созданное многообразие форм контроля со стороны государственных и общественных объединений приводило к умножению источников информации, но проблему повышения качества разработок и увеличения скорости внедрения не решало. На невысокую эффективность мер по ускорению внедрения новой техники указывал и высокий удельный вес ручного труда на производстве. Так, в 1963 году в машиностроительной промышленности почти каждый седьмой работающий являлся изобретателем или рационализатором. С 1958 по 1963 годы было внедрено 5800 изобретений. В то же время почти половина рабочих этой отрасли выполняли работу вручную [Там же, с. 155—156].

4. Заключение = Conclusions

В активизации массового изобретательства и рационализаторства, имеющего целью постоянное увеличение количественных показателей, проявились противоречия научно-технической политики государства. СССР благодаря массовому изобретательству действительно вышел на передовые позиции по числу регистрируемых заявок на изобретения. При этом сфера применения советского закона об изобретениях была шире, чем в большинстве западных стран, что приводило к мелкотемью. Фактически любая задумка, которая приходила в голову рабочему по поводу усовершенствования своего

станка, могла претендовать на авторское свидетельство. Мелкие усовершенствования, безусловно, решали проблему конструкционных недоработок, продлевали возможность эксплуатации оборудования, давали значительную экономию, однако создавали проблему консервации морально устаревшей техники и технологии. Государство, всячески стимулируя увеличение количества подаваемых заявок на изобретения и рационализаторские предложения, не учитывало увеличивающуюся сложность технологических процессов, что естественным образом снижало эффективность массового рационализаторства [Воейков, 2017], а стремление упростить и удешевить все процессы зачастую приводило к ухудшению эксплуатационных показателей [Козырев]. Развитие массового изобретательства и активизация патентной деятельности считаются важнейшими факторами так называемого «Японского экономического чуда», однако необходимо отметить существенную корректировку научно-технической политики Японии в начале 2000-х годов, направленную на уменьшение затрат на оформление патентов на малозначимые решения [Денисов, 2017, с. 122—124].

На совместных совещаниях представители общественных объединений, ведомств (министерств, совнархозов), надведомственных структур обсуждали проблемы развития новаторства и ускорения внедрения новой техники. В 1960-е годы Комитет по делам изобретений и открытий начал разрабатывать комплексную программу развития новаторства в СССР [Пинаева, 2023].

Таким образом, масштабное реформирование управления экономикой в СССР в середине 1950-х — середине 1960-х годов можно связать с поиском оптимальной модели, которая обеспечила бы перспективное развитие при сохранении базовых принципов командной экономики. Общественные научно-технические объединения должны были стать своего рода рупором новаторов и продвигать перспективные идеи в органы государственной власти. На местах общественные объединения должны были решать вопросы совершенствования производства, создания и скорейшего внедрения новой техники и технологии. Деятельность общественных объединений была направлена на повышение научно-технического уровня новаторов производства, популяризацию идеи значимости изобретательства и рационализаторства для государства. Однако чрезмерное административное давление, погоня за увеличением количественных показателей, реализация идеологических установок — все это приводило к формализации деятельности и снижению эффективности даже изначально прогрессивных идей.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

CC BY

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 5587 (Всесоюзный совет научно-технических обществ) ; Ф. 7752 (Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов) ; Ф. Р-5451 (Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов).

2. *Народное* хозяйство СССР в 1962 г. Статистический ежегодник. — Москва : Статистика, 1963. — 736 с.

3. *Народное* хозяйство СССР в 1964 г. Статистический ежегодник. — Москва : Статистика, 1965. — 887 с.

4. *Народное* хозяйство СССР в 1968 г. Статистический ежегодник. — Москва : Статистика, 1969. — 832 с.

5. *Об образовании* Государственного Комитета Совета Министров СССР по новой технике. Указ Президиума Верховного СССР от 28.05.1955 // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. — Москва : Госюриздат, 1956. — 500 с.

6. *О положении* массового изобретательства под углом его влияния на рационализацию производства // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т. : сборник документов за 50 лет. Т. 2. 1929—1940 гг. — Москва : Политиздат, 1967. — 798 с.

7. *О работе* Комитета по изобретательству при Совете труда и обороны. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://istmat.org/node/35526 (дата обращения : 06.11.2023).

8. *О реорганизации* руководства изобретательским делом [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://istmat.org/node/46763 (дата обращения : 06.11.2023).

9. *Положение* об изобретениях и технических усовершенствованиях // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1931 год, стр. 299—315. (СЗ СССР 1931 г. № 21, ст. 181) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://istmat.org/node/54710 (дата обращения : 06.11.2023).

10. *Положение* об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях. Сборник нормативных материалов. — Киев : Политиздат Украины, 1973. — 390 с.

11. РГАЭ — Российский государственный архив экономики. Ф. 373 (Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР).

Литература

1. *Алексеев Г. М.* Движение изобретателей и рационализаторов в СССР, 1917—1982 / Г. М. Алексеев. — Москва : Мысль, 1983. — 252 с.

2. *Артемов Е. Т.* Научно-техническая стратегия «Хрущевского десятилетия»: зигзаги реформ / Е. Т. Артемов // Экономическая история. — 2011. — № 3 (14). — С. 27—36.

3. *Балакин В. С.* Власть, общество и советская наука : трудный путь от диктата к диалогу (1917—1991 гг.) / В. С. Балакин // Уральский исторический вестник. — 2017. — № 3 (56). — С. 91—100.

4. *Бодрова Е. В.* К вопросу об эффективности промышленной и научно-технической политики советского государства в 1950-е гг. / Е. В. Бодрова, В. В. Калинов, В. Н. Красивская // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2023. — № 3 (84). — С. 197—209. — DOI 10.26105/SSPU.2023.3.84.020.

5. *Воейков М. И.* Политэкономические основания государственной политики новой индустриализации / М. И. Воейков // Форсайт «Россия» : новое индустриальное обще-

ство. Перезагрузка : сборник пленарных докладов Санкт-Петербургского Международного Экономического Конгресса (СПЭК—2017). — Москва : Культурная революция, 2017. — Т. 1. — С. 29—49.

6. *Гавров С. Н.* Модернизация России: постимперский транзит / С. Н. Гавров. — Москва : МГУДТ, 2010. — 269 с. — ISBN 5-354-00915-4.

7. *Гершберг С. Р.* Стаханов и стахановцы / С. Р. Гершберг. — Москва : Политиздат, 1985. — 207 с.

8. *Гладышева А. И.* Научно-техническая политика СССР 1950—1960-х гг. : от проблемы внедрения к попыткам системного реформирования / А. И. Гладышева // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2022. — Т. 13, № 4 (114). — DOI 10.18254/S207987840021221-2.

9. *Грэхэм Л.* Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России / Л. Грэхэм. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2014. — 272 с. — ISBN 978-5-91657-903-1.

10. *Денисов Ю. Д.* Японский путь научно-технического развития / Ю. Д. Денисов // Ежегодник Япония. — 2017. — Т. 46. — С. 117—132.

11. *Дудинцев В.* Не хлебом единым / В. Дудинцев. — Москва : Художественная литература, 1968. — 412 с.

12. *Инглхарт Р.* Модернизация, культурные изменения и демократия : Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. — Москва : Новое издательство, 2011. — 464 с. — ISBN 978-5-98379-144-2.

13. *Инженеры* Крыма. К 140-летию создания первого научно-технического общества [Электронный ресурс] / сост. А. С. Слепокуров. — Симферополь, 2006. — Режим доступа : https://ast.social/documents/man-serv-utility/Slepokurov/crimea-eng.pdf (дата обращения : 05.11.2023).

14. *Ипполитов Г. К.* Труд создателей новой техники : стимулы и эффективность / Г. К. Ипполитов. — Москва : Экономика, 1989. — 112 с. — ISBN 5-282-00425-9.

15. *Калинов В. В.* Достижения и просчеты государственной научно-технической политики СССР в послевоенный период / В. В. Калинов // Российский технологический журнал. — 2018. — Т. 6, № 1 (21). — С. 73—87.

16. *Капинзаики Оттоникар С. Л.* Открытая наука и открытые инновации : новые возможности для стран с переходной экономикой / С. Л. Капинзаики Оттоникар, П. М. Аррайса, Ф. Армеллини // Форсайт. — 2020. — Т. 14, № 4. — С. 95—111. — DOI 10.17323/2500-2597.2020.4.95.111.

17. *Каспэ С. И.* Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика / С. И. Каспэ. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 253 с. — ISBN 5-8243-0228-6, 2001.

18. *Козырев А. Н.* Открытые инновации — сетевая утопия, реинкарнация ВОИР или революция в управлении инновациями [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.labrate.ru/discus/messages/19/45983.pdf (дата обращения : 06.11.2023).

19. *Кочеткова Е. А.* От технических улучшений к инновациям : случай целлюлозно-бумажного комбината в Йоханнесе (Советском) (1944 — середина 1950-х гг.) / Е. А. Кочеткова, П. С. Покидько // Вопросы истории естествознания и техники. — 2018. — Т. 39, № 2. — С. 310—332. — DOI 10.7868/S0205960618020052.

20. *Крот Л. А.* Изобретательство и рационализация : организация и управление / Л. А. Крот. — Ленинград : Лениздат, 1988. — 159 с. — ISBN 5-289-00040-2.

21. *Научно-технические* общества СССР. Исторический очерк. — Москва : Профиздат, 1968. — 455 с.

CC BY

22. *Некрасов В. Л.* Советский экономический реформизм эпохи Н. С. Хрущева : авторитарный реформатор, партийно-государственная система и академическое сообщество / В. Л. Некрасов // Новый исторический вестник. — 2017. — № 4 (54). — С. 71—91. — DOI 10.24411/2072-9286-2017-00017.

23. *Никитин В. С.* Российское научнотехническое общество судостроителей им. Академика А. Н. Крылова и развитие инновационного судостроения / В. С. Никитин // Морское оборудование и технологии. — 2022. — № 3 (32). — С. 62—69.

24. *Панкова Л. Н.* Кайдзен в современной японской экономике / Л. Н. Панкова // Критическое и креативное мышление специалистов в сфере закупок в цифровой среде : Сборник научных докладов / отв. ред. И. П. Гладилина. — Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2022. — С. 75—77.

25. *Пинаева Д. А.* К вопросу о развитии общественных форм кооперации инженерно-технических работников и новаторов производства в СССР в 1950—1960-е гг. (на материалах Татарской АССР) / Д. А. Пинаева // Вестник Томского государственного университета. История. — 2020. — № 63. — С. 65—71. — DOI 10.17223/19988613/63/9.

26. *Пинаева Д. А.* Плановые инновации : предложения по повышению эффективности изобретательства в СССР в середине 1950-х — конце 1960-х годов / Д. А. Пинаева, Э. Р. Салахутдинова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12, № 7. — С. 428—449. — DOI 10.24224/2227-1295-2023-12-7-428-449.

27. *Плещенко В. И.* Открытые инновации в России : прототипы и современность / В. И. Плещенко // Биржа интеллектуальной собственности. — 2018. — Т. 17. — № 2. — С. 8—15.

28. *Расколец В. В.* Радиофизическое сообщество г. Томска в 1910—1960-е гг. : институционализация направления и роль лидеров в развитии / В. В. Расколец, А. Г. Костерев, М. Ю. Ким // Вестник Томского государственного университета. История. — 2020. — № 68. — С. 183—196. — DOI 10.17223/19988613/68/26.

29. *Рассохин В. П.* Механизм внедрения достижений науки : Политика, управление, право / В. П. Рассохин. — Москва : Наука, 1985. — 286 с.

30. *Серяков Г. Н.* Оценка характера дифференциации и преемственности этапов и фаз технологических укладов / Г. Н. Серяков, А. В. Тебекин // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Экономика и управление. — 2018. — № 3. — С. 8—17.

31. *Солдатова О. Н.* Изобретатели и изобретательская деятельность в развитии научно-технического прогресса промышленности советского государства (1917—1956 гг.) / О. Н. Солдатова. — Самара : Издательство Ас Гард, 2013. — 569 с. — ISBN 978-5-4259-0273-3.

32. *Шаттенберг С.* Инженеры Сталина : жизнь между техникой и террором в 1930-е годы / С. Шаттенберг. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 477 с. — ISBN 978-5-8243-1572-1.

33. *Шишкин М. И.* К 50-летию научно-технических обществ Удмуртии : от НТО к Академии наук / М. И. Шишкин, Т. А. Беркутова, Т. С. Радченко. — Ижевск : Книго-Град, 2008. — 215 с.

34. *Bailes K.* Technology and Society under Lenin and Stalin : Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917—1941 / K. Bailes. — Princeton : Princeton University Press, 1978. — 488 p. — ISBN 978-0-69163-468-5.

35. *Kochetkova E.* Performing inventiveness : Industrial and Technical Creativity in the USSR, 1950s—1980s / E. Kochetkova // The Soviet and Post-Soviet Review. — 2022. — DOI 10.30965/18763324-bja10052.

CC BY

Статья поступила в редакцию 12.11.2023,
одобрена после рецензирования 11.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

Material resources

GARF — *State Archive of the Russian Federation. F. 5587 (All-Union Council of Scientific and Technical Societies); F. 7752 (All-Union Society of Inventors and Innovators); F. R-5451 (All-Union Central Council of Trade Unions).* (In Russ.).

On the formation of the State Committee of the Council of Ministers of the USSR on New Technology. Decree of the Presidium of the Supreme USSR of 05/28/1955. In: Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938 — July 1956. (1956). Moscow: Gosyurizdat. 500 p. (In Russ.).

On the position of mass invention from the angle of its influence on the rationalization of production. In: Decisions of the party and the government on economic issues. In 5 volumes: a collection of documents for 50 years, 2. 1929—1940. (1967). Moscow: Politizdat. 798 p. (In Russ.).

On the reorganization of the management of the inventive business. Available at: https://istmat.org/node/46763 (accessed 06.11.2023). (In Russ.).

On the work of the Committee on Invention under the Council of Labor and Defense. Available at: https://istmat.org/node/35526 (accessed 06.11.2023). (In Russ.).

Regulations on discoveries, inventions and innovation proposals. Collection of normative materials. (1973). Kiev: Politizdat Ukrainy. 390 p. (In Russ.).

Regulations on inventions and technical improvements. In: *Collection of laws and orders of the Worker's and Peasant's Government of the USSR for 1931. 299—315. (USSR Civil Code of 1931 № 21, Article 181).* Available at: https://istmat.org/node/54710 (accessed 06.11.2023). (In Russ.).

RGAE — *Russian State Archive of Economics. F. 373 (Committee for Inventions and Discoveries under the Council of Ministers of the USSR).* (In Russ.).

The national economy of the USSR in 1962. Statistical yearbook. (1963). Moscow: Statistics. 736 p. (In Russ.).

The national economy of the USSR in 1964. Statistical yearbook. (1965). Moscow: Statistics. 887 p. (In Russ.).

The national economy of the USSR in 1968. Statistical yearbook. (1969). Moscow: Statistics. 832 p. (In Russ.).

References

Alekseev, G. M. (1983). *The movement of inventors and innovators in the USSR, 1917—1982.* Moscow: Mysl. 252 p. (In Russ.).

Artemov, E. T. (2011). Scientific and technical strategy of the "Khrushchev Decade": zigzags of reforms. *Economic history, 3 (14):* 27—36. (In Russ.).

Bailes, K. (1978). *Technology and Society under Lenin and Stalin: Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917—1941.* Princeton: Princeton University Press. 488 p. ISBN 978-0-69163-468-5.

Balakin, V. S. (2017). Power, society and Soviet science: a difficult path from dictate to dialogue (1917—1991). *Ural Historical Bulletin, 3 (56):* 91—100. (In Russ.).

Bodrova, E. V., Kalinov, V. V., Krasivskaya, V. N. (2023). On the issue of the effectiveness of the industrial and scientific and technical policy of the Soviet state in the 1950s.

Bulletin of the Surgut State Pedagogical University, 3 (84): 197—209. DOI: 10.26105/SSPU.2023.3.84.020. (In Russ.).

Denisov, Yu. D. (2017). The Japanese way of scientific and technical development. *Yearbook Japan, 46:* 117—132. (In Russ.).

Dudintsev, V. (1968). *Not by bread alone.* Moscow: Fiction. 412 p. (In Russ.).

Engineers of the Crimea. To the 140th anniversary of the creation of the first scientific and technical society. (2006). Simferopol. Available at: https://ast.social/documents/man-serv-utility/Slepokurov/crimea-eng.pdf (accessed 05.11.2023). (In Russ.).

Gavrov, S. N. (2010). *Modernization of Russia: post-imperial transit.* Moscow: MGUDT. 269 p. ISBN 5-354-00915-4. (In Russ.).

Gershberg, S. R. (1985). *Stakhanov and the Stakhanovites.* Moscow: Politizdat. 207 p. (In Russ.).

Gladysheva, A. I. (2022). Scientific and technical policy of the USSR in the 1950s and 1960s: from the problem of implementation to attempts at systemic reform. *Electronic scientific and educational magazine "History", 13 / 4 (114).* DOI: 10.18254/S207987840021221-2. (In Russ.).

Graham, L. (2014). *Will Russia be able to compete? The History of Innovation in Tsarist, Soviet and Modern Russia.* Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. 272 p. ISBN 978-5-91657-903-1. (In Russ.).

Inglehart, R., Welzel, K. (2011). *Modernization, cultural change and democracy: The sequence of human development.* Moscow: New Publishing House. 464 p. ISBN 978-5-98379-144-2. (In Russ.).

Ippolitov, G. K. (1989). *The work of the creators of new technology: incentives and effectiveness.* Moscow: Ekonomika. 112 p. ISBN 5-282-00425-9. (In Russ.).

Kalinov, V. V. (2018). Achievements and miscalculations of the state scientific and technical policy of the USSR in the post-war period. *Russian Technological Journal, 6 / 1 (21):* 73—87. (In Russ.).

Kapinzaiki Ottonikar, S. L., Arraisa, P. M., Armellini, F. (2020). Open science and open innovations: new opportunities for countries with economies in transition. *Foresight, 14 (4):* 95—111. DOI: 10.17323/2500-2597.2020.4.95.111. (In Russ.).

Kaspe, S. I. (2001). *Empire and modernization. The general model and Russian specifics.* Moscow: ROSSPEN. 253 p. ISBN 5-8243-0228-6, 2001. (In Russ.).

Kochetkova, E. A., Lezhko, P. S. (2018). From technical improvements to innovations: the case of the pulp and paper mill in Johannes (Soviet) (1944 — mid—1950s). *Questions of the history of natural science and technology 39 (2):* 310—332. DOI: 10.7868/S0205960618020052. (In Russ.).

Kochetkova, E. (2022). Performing inventiveness: Industrial and Technical Creativity in the USSR, 1950s—1980s. *The Soviet and Post-Soviet Review.* DOI 10.30965/18763324-bja10052.

Kozyrev, A. N. *Open innovations — network utopia, reincarnation of the military or revolution in innovation management.* Available at: http://www.labrate.ru/discus/messages/19/45983.pdf (accessed 11/06/2023). (In Russ.).

Mole, L. A. (1988). *Invention and rationalization: organization and management.* Leningrad: Lenizdat. 159 p. ISBN 5-289-00040-2. (In Russ.).

Nekrasov, V. L. (2017). Soviet economic reformism of the Khrushchev era: an authoritarian reformer, the party-state system and the academic community. *New Historical Bulletin, 4 (54):* 71—91. DOI: 10.24411/2072-9286-2017-00017. (In Russ.).

Nikitin, V. S. (2022). Russian Scientific and Technical Society of Shipbuilders named after Academician A. N. Krylova and the development of innovative shipbuilding. *Marine equipment and technologies, 3 (32):* 62—69. (In Russ.).

Pankova, L. N. (2022). Kaizen in the modern Japanese economy. In: *Critical and creative thinking of specialists in the field of procurement in the digital environment: A collection of scientific reports.* Moscow: Rusains Limited Liability Company. 75—77. (In Russ.).

Pinaeva, D. A. (2020). On the development of social forms of cooperation between engineering and technical workers and innovators of production in the USSR in the 1950s and 1960s. (based on the materials of the Tatar ASSR). *Bulletin of Tomsk State University. History, 63:* 65—71. DOI: 10.17223/19988613/63/9. (In Russ.).

Pinaeva, D. A., Salakhutdinova, E. R. (2023). Planned Innovations: Proposals for Enhancing Inventiveness Efficiency in USSR in Mid — 1950s to Late 1960s. *Nauchnyi dialog, 12 (7):* 428—449. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-7-428-449 (In Russ.).

Pleshchenko, V. I. (2018). Open innovations in Russia: prototypes and modernity. *Intellectual Property Exchange, 17 (2):* 8—15. (In Russ.).

Raskolets, V. V., Kosterev, A. G., Kim, M. Yu. (2020). Radiophysical community of Tomsk in the 1910s—1960s: institutionalization of the direction and the role of leaders in development. *Bulletin of Tomsk State University. History, 68:* 183—196. DOI: 10.17223/19988613/68/26. (In Russ.).

Rassokhin, V. P. (1985). *The mechanism of introducing scientific achievements: Politics, management, law.* Moscow: Nauka. 286 p. (In Russ.).

Scientific and technical Societies of the USSR. A historical sketch. (1968). Moscow: Profizdat. 455 p. (In Russ.).

Seryakov, G. N., Tebekin, A. V. (2018). Assessment of the character of differentiation and continuity of stages and phases of technological structures. *Bulletin of the Tver State University. Series: Economics and Management, 3:* 8—17. (In Russ.).

Shattenberg, S. (2011). *Stalin's Engineers: Life between technology and terror in the 1930s.* Moscow: ROSSPEN. 477 p. ISBN 978-5-8243-1572-1. (In Russ.).

Shishkin, M. I., Berkutova, T. A., Radchenko, T. S. (2008). *To the 50th anniversary of scientific and technical societies of Udmurtia: from the NTO to the Academy of Sciences.* Izhevsk: KnigoGrad. 215 p. (In Russ.).

Soldatova, O. N. (2013). *Inventors and inventive activity in the development of scientific and technological progress of the industry of the Soviet state (1917—1956).* Samara: Publishing House As Gard. 569 p. ISBN 978-5-4259-0273-3. (In Russ.).

Voeikov, M. I. (2017). The political and economic foundations of the state policy of new industrialization. In: *Foresight "Russia": a new industrial society. Reboot: a collection of plenary reports of the St. Petersburg International Economic Congress (SPEC—2017), 1.* Moscow: Cultural Revolution. 29—49. (In Russ.).

The article was submitted 12.11.2023;
approved after reviewing 11.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Праздников А. Г. Королевский Совет Англии в 1483 году и узурпация власти Ричардом III / А. Г. Праздников // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 435—451. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-435-451.

Prazdnikov, A. G. (2023). Royal Council of England in 1483 and Usurpation of Power by Richard III. *Nauchnyi dialog, 12* (10): 435-451. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-435-451. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-435-451

Королевский Совет Англии в 1483 году и узурпация власти Ричардом III

Праздников Андрей Геннадьевич
orcid.org/0000-0002-8175-6971
доктор исторических наук, доцент
кафедры истории и философии
andrei-selek@mail.ru

Вятский государственный
агротехнологический университет
(Киров, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 22-28-00190,
https://rscf.ru/project/22-28-00190/

Royal Council of England in 1483 and Usurpation of Power by Richard III

Andrey G. Prazdnikov
orcid.org/0000-0002-8175-6971
Doctor of History, Associate Professor,
Department of History and Philosophy
andrei-selek@mail.ru

Vyatka State
Agrotechnological University
(Kirov, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-28-00190,
https://rscf.ru/project/22-28-00190/

© Праздников А. Г., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Приход к власти в Англии в 1483 году Ричарда III является одним из самых дискуссионных событий в ходе Войн Роз. При его рассмотрении акцент, как правило, делается на личности самого монарха. Однако в узурпации принимали участие немало лиц из окружения Ричарда, а также другие представители политической элиты. К их числу относились члены Королевского Совета. Роль, которую Совет играл на протяжении апреля — июля 1483 года, рассматриваемые им вопросы и принимаемые решения позволяют фактически считать его правительством Англии в период междуцарствия. На основании широкого круга источников была собрана информация обо всех членах Совета, которые входили или могли входить в его состав к началу изучаемого периода (61 чел.). Приводится биограмма каждого из них. Анализ показал, что узурпацию Ричарда III поддержало большинство членов Совета (37 чел.). Только 7 членов Совета не поддержали Ричарда, они были казнены или бежали из страны. Делается вывод, что Совет в целом, а не только его отдельные представители, сыграл свою роль в узурпации трона Ричардом III.

Ключевые слова:
история Англии; Войны Роз; Ричард III; Королевский Совет.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The accession to power of Richard III in England in 1483 is one of the most contentious events during the Wars of the Roses. Typically, the focus is on the personality of the monarch himself. However, the usurpation involved many individuals from Richard's circle, as well as other members of the political elite, including members of the Royal Council. The role that the Council played between April and July of 1483, the issues it addressed, and the decisions it made effectively position it as the governing body of England during the interregnum. Drawing on a wide array of sources, information was compiled about all members of the Council who were or could have been part of its composition at the beginning of the period under study (61 individuals). A biogram of each member is provided. Analysis revealed that a majority of Council members (37 individuals) supported Richard III's usurpation. Only 7 members did not support Richard and were either executed or fled the country. The conclusion is drawn that the Council as a whole, and not merely its individual representatives, played a role in Richard III's seizure of the throne.

Key words:
history of England; Wars of the Roses; Richard III; Royal Council.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(410)“1483”

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история

Королевский Совет Англии в 1483 году и узурпация власти Ричардом III

© Праздников А. Г., 2023

1. Введение = Introduction

Английский король Ричард III является одной из самых необычных фигур в истории. Начавшись сразу после его смерти в 1485 году, споры о нем не утихают по сегодняшний день. Для одних (как правило, ранних его историков) Ричард — тиран и злодей, для других — обладающий немалыми способностями государственный деятель, ставший жертвой неблагоприятного стечения обстоятельств. Но, как бы ни относились историки к Ричарду, все сходятся во мнении, что переломным моментом его карьеры стало отстранение им от власти племянника Эдуарда V и собственное восшествие на престол. Хотя и обставленное задним числом как юридически обоснованный акт (парламент в 1484 году признал Эдуарда и его брата Ричарда незаконнорожденными и, следовательно, не имеющими прав на корону), это событие воспринималось многими современниками как узурпация. Разница была лишь в том, что одни осуждали, а другие оправдывали ее.

В те тревожные месяцы с апреля по июль 1483 года Английское королевство замерло в ожидании развязки разворачивающейся драмы. При этом государственная машина не переставала функционировать все это время: издавались акты Канцелярии и Казначейства, происходили отстранения и назначения чиновников. Об этом, в частности, свидетельствуют сохранившиеся документы, известные под названиями Открытых (Patent Rolls) и Закрытых Свитков (Close Rolls). Государственный аппарат являлся приводным ремнем проводимой политики, но каждый из его членов имел собственные интересы, стремился сохранить или даже приумножить статус, а значит, мог оказывать если не прямое, то косвенное влияние на ситуацию. Все это в полной мере касалось и такого центрального органа в системе управления, как Королевский Совет.

Этот Совет играл важную роль в политической системе Англии второй половины XV века. Он созывался для обсуждения практически всех значимых для короны вопросов, связанных как с внутренней, так и с внешней политикой. К сожалению, документы, подготовленные Советом после 1461 года, не сохранились [Baldwin, 1965, p. 420—421], однако упоминания в других источниках позволили историку Джеку Ландеру установить, что в период

CC BY

с 1461 по 1485 годы прошло около 1500 встреч Совета, в среднем по 60 в год [Lander, 1958, p. 46]. Значение Королевского Совета было велико даже в периоды относительной стабильности, тем более ответственные функции он выполнял в кризисные и переходные периоды, подобные тому, который наступил после скоропостижной кончины короля Эдуарда IV 9 апреля 1483 г.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Историография Ричарда III довольно обширна, однако интересующему нас вопросу внимание уделяется далеко не во всех исследованиях его жизни и правления. В одной из последних работ о личности Ричарда британский исследователь Майкл Хикс [Hicks, 2019] отмечает как наиболее новаторские (каждый для своего поколения) биографические труды П. М. Кендэлла и Ч. Росса (учителя Хикса) [Kendall, 1956; Ross, 1981]. Монография самого М. Хикса, как и работа Розмари Хорроокс [Horrox, 1991], написаны в широком социальном контексте в духе «школы К. МакФарлейна», заложившего ее основы в середине XX века [Праздников, 2023]. Собственно истории королевского Совета посвящено исследование Д. Балдуина [Baldwin, 1965] и статья Д. Ландера [Lander, 1959].

Для анализа деятельности Совета в 1483 году мы применяем просопографический метод, или метод «коллективной биографии», позволяющий проследить не только действия отдельных персон, но и групповые модели поведения. Информация извлечена из различных по характеру источников. Упоминания Совета Довольно многочисленны в относящихся к этому времени источниках. Одним из них является сочинение «Узурпация Ричарда III», законченное 1 декабря 1483 года итальянским монахом Доминико Манчини [Manchini, 1969], находившимся в разгар описываемых событий в Лондоне. Современным описываемым событиям является и второе продолжение хроники Кройлендского монастыря [Ingulph's Chronicle, 1854] (оно написано в 1486 году). Несколько позже, уже в начале XVI века, появились лондонские хроники Роберта Фабиана [Fabyan, 1811] и «Вителлиус» (анонимная хроника, обозначаемая по названию рукописи) [Vitellius, 1905, p. 153—264], исторические произведения Томаса Мора [Мор, 1973] и Полидора Вергилия [Three Books, 1844], которые, тем не менее, тоже содержат сведения по интересующему нас вопросу.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Совет в политических событиях весны — лета 1483 года

Продолжатель хроники Кройлендского монастыря сообщает о советниках, собравшихся вместе с королевой Элизабет в Вестминстере для решения вопроса о размере эскорта, который должен был сопровождать Эду-

CC BY

арда V из Ладлоу в Лондон [Ingulph's Chronicle, 1854, p. 484—485]. Одним из тех, кто выступал за «умеренный эскорт», был лорд-чемберлен Уильям барон Гастингс.

Манчини рассказывает о Совете, собравшемся в Лондоне после похорон Эдуарда IV и перед прибытием туда принца Уэльского (Эдуарда V) и его дяди лорда-протектора Ричарда герцога Глостера, когда «многие пэры королевства, владевшие соседними поместьями, собирались в городе» [Manchini, 1969, p. 70—71]. На Совете решался вопрос о том, следует ли передать всю полноту власти лорду-протектору или необходимо создать регентский совет. Причем большинство членов Совета проголосовали за второй вариант, будучи сторонниками вдовствующей королевы Элизабет Вудвилль. Чарльз Росс считал, ссылаясь на прецеденты 1422 и 1547 годов, что Совет обладал самыми широкими полномочиями, вплоть до отмены воли умершего короля, и вполне способен был принимать такие решения [Ross, 1981, p. 67].

Из слов Манчини можно сделать вывод, что в Совете присутствовали лорд Гастингс и маркиз Дорсет, а также можно предположить присутствие архиепископа Йоркского и епископа Илийского как влиятельных лиц, находившихся в столице [Manchini, 1969, p. 70—73]. О Томасе Ротэрхаме, архиепископе Йоркском, в дальнейшем прямо говорится как о члене Совета [Manchini, 1969, p. 84—85].

При отсутствии в столице Эдуарда V Совет фактически выполнял обязанности правительства, о чем свидетельствуют назначения судей Королевской Скамьи и комиссий мировых судей [Calendar of the Patent Rolls, 1901, p. 350—351, 353—355].

Манчини сообщает, что Совет также назначил брата королевы, сэра Эдуарда Вудвилля, капитаном флота из 20 кораблей для защиты английского побережья от набегов французов [Manchini, 1969, p. 80—81]. В последующее время, и опять же при согласии Совета, герцог Глостер лишил его этой должности, обвинив в измене [Manchini, 1969, p. 84—85]. После ареста сопровождавших в Лондон принца Эдуарда лиц из его окружения (в числе которых были и два члена Совета: Энтони Вудвилль граф Риверс и сэр Томас Вогэн) герцог Глостер направил в Совет письмо с объяснением своих действий [Manchini, 1969, p. 82—85].

О Совете, созванном вскоре после прибытия принца Эдуарда и Ричарда Глостера, рассказывается в «Истории Ричарда Третьего» Томаса Мора. Именно на нем, как сообщает писатель, было подтверждено, что Ричард Глостер будет лордом-протектором, а большая государственная печать отобрана у Томаса Ротэрхама, архиепископа Йоркского (за то, что он передавал ее в ночь на 1 мая Элизабет Вудвилль), и передана (по мнению Е. В. Кузнецова) Томасу Буршье, архиепископу Кентерберийскому [Мор, 1973, с. 99—100].

CC BY

Продолжатель кройлендского хрониста сообщает, что в этом же Совете, собиравшемся несколько дней, решался вопрос о месте размещения Эдуарда V до его коронации, когда, по предложению герцога Бакингема, таковым был избран Лондонский Тауэр [Ingulph's Chronicle, 1854, p. 487].

Одно из наиболее важных заседаний Совета могло состояться 9 июня в Вестминстере. По мнению американского историка Пола Кендалла на нем должны были обсуждаться показания Джона Стиллингтона, епископа Батского и Уэллского, о том, что брак Эдуарда IV и Элизабет Вудвилль был незаконным, так как король в момент его заключения уже был тайно женат (или помолвлен) на Элеоноре Батлер, а рожденные в нем дети — бастарды [Kendall, 1956, p. 257]. О том, что такая информация действительно была передана епископом Батским герцогу Глостеру, в своих «Мемуарах» первым сообщил французский автор Филипп де Коммин [Коммин, 1986, с. 217]. Косвенно свидетельством важности заседания Совета 9 июня служит его продолжительность — с 10 до 2 часов, — о чем в своем письме сэру Уильяму Стонору не преминул упомянуть Симон Стэллуорт, слуга епископа Линкольнского [Stonor Letters & Papers, 1919, p. 160] (впрочем, о рассматриваемых на заседании вопросах автор письма ничего не писал по незнанию или из соображений секретности).

Самое знаменитое заседание Совета в период нахождения Ричарда на посту лорда-протектора произошло в 9 часов утра 13 июня («пятница тринадцатое») в Белой башне Лондонского Тауэра. Полидор Вергилий упоминает среди его участников самого герцога Глостера, герцога Бакингема, лордов Говарда, Гастингса и Стэнли, епископов Йоркского, Илийского, а также «некоторых других». Уточняется, что лорд-канцлер Джон Рассел, епископ Линкольнский, отсутствовал, обсуждая в Вестминстер-холле вопросы коронации [Three Books, 1844, p. 180]. На заседании Совета разразились скандал и трагедия: группа его членов была обвинена в заговоре против лорда-протектора, за чем последовала немедленная казнь Уильяма лорда Гастингса и арест лорда Стэнли, епископов Мортона и Ротэрхама [Three Books, 1844, p. 182; Мор, 1973, с. 115—117; Vitellius, 1905, p. 190; Ingulph's Chronicle, 1854, p. 488]. Возможно, еще был арестован бывший королевский секретарь Оливер Кинг [Stonor Letters and Papers, 1919, p. 161].

В следующий понедельник (16 июня) часть членов Совета (Полидор Вергилий называет архиепископа Кентерберийского, герцога Бакингема, лорда Говарда [Three Books, 1844, p. 178]) на лодках прибыла в Вестминстер, где нашла убежище вдовствующая королева Элизабет со своими детьми, и убедили ее выдать принца Ричарда Йоркского, который после этого был помещен со своим старшим братом (Эдуардом V) в Тауэр [Мор, 1973, с. 105; Vitellius, 1905, p. 190; Ingulph's Chronicle, 1854, p. 488—489].

CC BY

После этих событий был взят курс на коронацию самого Ричарда. Герцог Бакингем и другие благородные советники лорда-протектора убедили в этом мэра, шерифов и других влиятельных жителей Лондона [Three Books, 1844, p. 185]. 6 июля в Вестминстере состоялась коронация Ричарда III.

Таким образом, Совет оставался на протяжении всего времени между кончиной Эдуарда IV и восшествием на престол Ричарда III активно действующим органом управления. Именно на него ложилась ответственность по принятию важнейших решений: о конфигурации власти в период несовершеннолетия монарха, организации коронации, о насущных проблемах текущих дней. Совет явно играл не последнюю роль в ходе самой узурпации Ричарда, и, вероятно, эта роль была более значимой, чем представляется иногда в исследованиях, где заседания Совета выступают лишь одной из декораций разыгравшейся драмы. Для того чтобы составить более четкое представление о роли Совета в те переломные для королевства дни, рассмотрим его персональный состав.

3.2. Персональный состав Совета

Джеку Ландеру удалось составить список из 88 человек, которые входили в состав Совета Эдуарда IV в то или иное время с 1471 по 1483 годы [Lander, 1959, p. 151]. Полный перечень всех этих советников приводится в приложении его к статье. К сожалению, автор не сообщает поименные составы Совета по времени его созыва, даже в тех редких случаях, когда источники предоставляют такую возможность. На основании упомянутого приложения можно определить, что в 1483 году членами Совета могло быть 73 лица, включая 17 светских лордов, 34 представителя духовенства, 15 чиновников и 7 других лиц. Однако среди них встречаются лица, упоминаемые в качестве советников только в связи с дипломатическими миссиями и переговорами. Д. Ландер предположил, что звание советников им предоставлялось только для повышения достоинства как представителей монарха и для того, чтобы принести клятву хранить в тайне полученную информацию, по этой причине их следует исключить из списка членов Королевского Совета. Таких людей в данной группе оказалось 12 (1 лорд, 8 духовных лиц, 2 чиновника и 1 иное лицо). Таким образом, остается 61 потенциальный член Королевского Совета на начало 1483 года.

Далее представлен поименный список этих советников с краткой биографической информацией и сведениями об участии в событиях, связанных с приходом к власти Ричарда III. Биографические данные были взяты из нескольких изданий [Праздников, 2023, с. 349—557; The Complete Peerage, 1887—1898; Dictionary of National Biography, 1885—1900; Wedgwood et al., 1936; Lander, The Yorkist Council and Administration, 1958].

CC BY

1. *Баттилер Генри* (ум. 1490), рикордер Ковентри (с 1455). Сведения о его участии в событиях 1483 года отсутствуют.

2. *Белл Ричард* (ум. 1496), епископ Карлайлский (с 1478). Нет сведений о его поддержке Ричарда III.

3. *Беркли Уильям* (1426—1491), барон Беркли (1463), виконт Беркли (1483), граф Ноттингем (1483), маркиз Беркли (1489). Принимал участие в коронации Ричарда III, был членом его Совета, сражался на его стороне в битве при Босворте.

4. *Бошам Ричард* (1434—1503), барон Поуик (1475). Принимал участие в коронации Ричарда III.

5. *Бриан Томас* (ум. 1500), рыцарь (1475), главный судья Королевской Скамьи (с 1471). Принимал участие в коронации Ричарда III, был членом его Совета.

6. *Бург Томас* (1430—1496), рыцарь (1461/1464), рыцарь-телохранитель короля (1483). Участник сражения при Барнете (1471). Принимал участие в коронации Ричарда III, был членом его Совета.

7. *Буршье Томас* (1413—1486), архиепископ Кентерберийский (с 1454 года), кардинал (1467). Присутствовал при сражении у Нортхэмптона в 1460 году. В 1483 году поддержал лорда-протектора, в частности, помог ему перевести в Тауэр Ричарда герцога Йоркского. Короновал Ричарда III и входил в состав его Совета.

8. *Вогэн Томас* (1425—1483), рыцарь (1475), чемберлен и советник принца Уэльского (с 1471 года). Был арестован 30.04.1483 Ричардом герцогом Глостером, когда сопровождал Эдуарда V в Лондон, и казнен по приказу лорда-протектора 25.06.1483 года.

9. *Вуд Джон* (1425—1484), рыцарь (1483), помощник казначея (1482—1483), лорд-казначей (с 17.05.1483), спикер Палаты Общин (1483). Принимал участие в коронации Ричарда III.

10. *Вудвилль Энтони* (1442—1483), барон Скэйлз (1461), граф Риверс (1469). Участник сражений Войн Роз при Сент-Олбансе (1461), Таутоне (1461), Барнете (1471). Брат королевы Элизабет и дядя принца Уэльского (Эдуарда V), чей совет в Ладлоу он возглавлял до 1483 года. Был арестован 30.04.1483 Ричардом герцогом Глостером, когда сопровождал Эдуарда V в Лондон, и казнен по приказу лорда-протектора 25.06.1483.

11. *Ганторп Джон* (ум. 1498), пребендарий Банбури (с 1471), клерк парламента (1471—1485), хранитель малой печати (1483—1485). Входил в состав Совета Ричарда III.

12. *Гастингс Уильям* (1430—1483), барон Гастингс (1461). Лорд-чемберлен (с 1461), мастер монетного двора (с 1461), капитан Кале (с 1471). Участвовал в сражениях Войн Роз при Ладфорд-Бридже (1459),

CC BY

Таутоне (1461), Барнете (1471), Тьюксбери (1461). Поддержал назначение Ричарда герцога Глостера лордом-протектором, тем не менее был обвинен последним в измене и казнен без суда 13.06.1483.

13. *Говард Джон* (1420—1485), барон Говард (1470), герцог Норфолк (1483), граф-маршал (1483—1485), лорд-адмирал (1483—1485). Принимал участие в коронации Ричарда III, был членом его Совета, принимал участие в подавлении мятежа против короля в октябре 1483 года, сражался и погиб на его стороне в битве при Босворте.

14. *Голдуэлл Джэймс* (ум. 1499), епископ Нориджский (с 1472). Принимал участие в коронации Ричарда III.

15. *Грей Генри* (1435—1496), барон Грей Коднор (1444). Имел договор о службе Уильяму Гастингсу. Принимал участие в коронации Ричарда III, сражался на его стороне в битве при Босворте.

16. *Грей Томас* (ум. 1495), рыцарь (1471), с 1461 года сквайр-телохранитель и рыцарь-телохранитель короля, вице-маршал (1482—1483). Принимал участие в коронации Ричарда III.

17. *Грей Эдмунд* (1416—1490), лорд Грей Ратин (1441), граф Кент (1465). Участник сражений Войн Роз при Нортхэмптоне (1460), Таутоне (1461), Босворте (1485), Стоук-Филде (1487). Принимал участие в коронации Ричарда III.

18. *Дадли (Саттон) Уильям* (1431—1483), епископ Даремский (с 1476). В 1483 году стал канцлером Оксфордского университета. Принимал участие в коронации Ричарда III, сопровождал Ричарда в его поездке по стране. Умер 24 ноября 1483 года.

19. *Деверьё Уолтер* (1432—1485), барон Феррерс Чартоли (1461). Принимал участие в коронации Ричарда III. Участник сражений Войн Роз при Ладфорд-Бридже (1459), Мортимер-Кроссе (1461), Таутоне (1461), Барнете (1471), Босворте (1485). В последней погиб, сражаясь на стороне Ричарда III.

20. *Динхэм Джон* (1430—1501), лорд Динхэм (1458). Летом 1483 года вел в Кале переговоры с Францией [Kendall, 1956, p. 188]. После казни Уильяма Гастингса входил в группу чиновников, которым было поручено взять под контроль Кале [British Library Harleian Manuscript 433, 1979, p. 83—84]. Входил в состав Совета Ричарда III.

21. *Дуглас Джеймс* (1426—1491), граф Дуглас (1455). Из-за вражды с шотландскими королями постоянно жил на территории Англии с 1455 года. Входил в состав Совета Ричарда III.

22. *Дэнет Томас*, королевский раздатчик милостыни, пребендарий Личфилдский (с 1473), пребендарий Линкольнширский (с 1480), декан Виндзора (1483). Сведения о его участии в коронации Ричарда III отсутствуют. Умер 18.09.1483.

CC BY

23. *Илрингтон Джон* (ум. в дек. 1483), рыцарь, казначей королевского домохозяйства (1474—1483), рыцарь-телохранитель короля (1483). Принимал участие в коронации Ричарда III.

24. *Кемп Томас* (1414—1489), епископ Лондонский (с 1450). Принимал участие в коронации Ричарда III.

25. *Кинг Оливер* (ум. 1503), королевский секретарь (1480—1483, 1487—1495)**.** Выше приводилось свидетельство того, что Оливер Кинг был арестован по подозрению в заговоре против лорда-протектора.

26. *Кортни Пьер* (1400—1492), епископ Экзетерский (с 1478). Принимал участие в коронации Ричарда III, однако в дальнейшем оказался замешан в заговор Бакингема, был лишен парламентом имущественных прав, бежал из Англии и вернулся в нее с Генри Тюдором.

27. *Кук Джон* (ум. 1494), архидиакон Линкольнширский (с 1481). Входил в состав Совета Ричарда III.

28. *Лэнгпорт Ричард*, клерк Совета. Сведения о его участии в событиях 1483 года отсутствуют.

29. *Лэнгтон Томас* (1440—1501), епископ Сент-Дэвидский (1483—1485). Входил в состав Совета Ричарда III.

30. *Лэси Уильям,* главный судья Адмиралтейства (10.03.1483) [Calendar of the Patent Rolls, 1901, p. 346], клерк Совета (26.06.1483) [Calendar of the Patent Rolls 1901, p. 461]. Сведения о его участии в коронации Ричарда III отсутствуют.

31. *Мартин Ричард*, епископ Сент-Дэвидский (с 1482). Умер 11.05.1483.

32. *Маршалл Джон* (ум. 1496), епископ Лландаффский (с 1478). Сведения о его участии в событиях 1483 года отсутствуют.

33. *Миллинг Томас* (ум. 1492), епископ Херефордский (с 1474). Сведения о его участии в событиях 1483 года отсутствуют.

34. *Монтгомери Томас* (1430—1495), рыцарь (1461), рыцарь-телохранитель короля (1461—1483). Участник сражений Войн Роз при Барнете (1471) и Босворте (1485). Принимал участие в коронации Ричарда III, был членом его Совета.

35. *Мортон Джон* (1420—1500), епископ Илийский (с 1478). Участник сражений Войн Роз при Сент-Олбансе (1461) и Таутоне (1461). Был обвинен парламентом в измене (1461). Сопровождал королеву Маргариту Анжуйскую в эмиграции во Франции, вернулся с ней в 1471 году в Англию и был прощен после поражения Ланкастеров. В 1483 году был обвинен лордом-протектором в заговоре и отправлен под арест к герцогу Бакингему. Принимал участие в мятеже последнего, бежал в Бретань, вновь был лишен парламентом имущественных прав. Вернулся в Англию с Генри Тюдором и был архиепископом Кентерберийским и лордом-канцлером.

CC BY

36. *Ноттингем Уильям*, рыцарь, королевский поверенный (с 1452 года), барон казначейства (с 1461 года). Сведения о его участии в коронации Ричарда III отсутствуют. Умер 07.09.1483.

37. *Парр Уильям* (1424—1483), рыцарь (1462/1463), рыцарь-телохранитель короля (1471); контролер домохозяйства короля (1471—1475, с 1481). Участвовал в сражении при Барнете (1471). Сведения о его участии в коронации Ричарда III отсутствуют. Умер в период с августа по ноябрь 1483 года.

38. *Перси Генри* (1446—1489), граф Нортамберленд (1470). Хранитель Восточных (с 1470 года) и Средних (1475—1482) марок, великий чемберлен (1483—1485). В бытность Ричарда, герцога Глостера, главой Совета Севера признал его лидерство. В июне 1483 года привел в Лондон войско северян, что укрепило позиции Ричарда. Принимал участие в коронации Ричарда III, был членом его Совета. Участвовал в битве при Босворте (1485), но своим бездействием фактически способствовал поражению и гибели Ричарда III.

39. *Плантагенет Ричард* (1452—1485), герцог Глостер (1461), глава Совета Севера (1480—1483), лорд-протектор (1483), король Англии Ричард III (1483—1485). Младший брат Эдуарда IV, дядя Эдуарда V, отстранивший племянника от власти. Погиб в битве при Босворте 22.08.1485.

40. *Рассел Джон* (ум. 1494), епископ Рочестерский (1476—1480), епископ Линкольнский (с 1480), хранитель малой государственной печати (1473—1483), лорд-канцлер (1483—1485). Принимал участие в коронации Ричарда III и был членом его Совета. Возможно, является автором «Продолжения Кройлендской хроники», в которой описаны события 1483 года.

41. *Ротерхам Томас* (1423—1500), архиепископ Йоркский (с 1480 года). Выдвинулся благодаря поддержке королевы Элизабет Вудвилль, с которой познакомился, будучи капелланом Ричарда де Вера, графа Оксфордского. В 1475—1483 годах лорд-канцлер. Лишен этой должности за то, что передал Элизабет Вудвилль большую государственную печать. Был арестован по обвинению в заговоре против Ричарда, герцога Глостера, однако участвовал в его коронации и входил в состав его Совета.

42. *Саттон Джон* (ум. 1487), барон Дадли (1406). Принимал участие в ранних сражениях Войн Роз при Сент-Олбансе (1455), Блор-Хите (1459), Ладфорд-Бридже (1459). Был членом Совета Ричарда III.

43. *Скотт Джон* (ум. 1485), рыцарь. После казни Уильяма Гастингса входил в группу чиновников, которым было поручено взять под контроль Кале [British Library Harleian Manuscript, 1979, p. 83—84]. 9 июля получил приказ контролировать сбор пошлин в Дувре [Calendar of the Patent Rolls, 1901, p. 462]. Таким образом, вряд ли присутствовал на коронации Ричарда III, но входил в состав его Совета.

CC BY

44. *Слифилд Уильям*, казначей Кале (1481—1483). Сведения о его участии в событиях 1483 года отсутствуют.

45. *Стиллингтон Роберт* (1420—1491), епископ Батский и Уэллский (с 1465 года). Предполагается, что именно он представил в 1483 году свидетельство того, что брак Эдуарда IV и Элизабет Вудвиль был недействительным из-за более ранней помолвки Эдуарда с леди Элеонорой Батлер. Принимал участие в коронации Ричарда III и был членом его Совета. Заключен в тюрьму в 1485 году, вскоре после победы Генриха VII. После выхода из тюрьмы Стиллингтон был вовлечен в заговор самозванца Ламберта Симнела. Вновь попал в заключение и умер в тюрьме Виндзора.

46. *Стори Эдуард* (ум. 1503), епископ Чичестерский (с 1478 года). Советник принца Уэльского (1473), канцлер королевы Элизабет Вудвилль. Принимал участие в коронации Ричарда III.

47. *Стэнли Томас* (1435—1504), барон Стэнли (с 1459 года), стюард двора (1471—1483), лорд-констебль (1483—1504). Был женат на Маргарет Бофор, матери Генриха Тюдора, графа Ричмонда (будущего Генриха VII). Был обвинен лордом-протектором в заговоре, тем не менее принял участие в его коронации и был членом его Совета. Участвовал в сражениях Войн Роз при Таутоне (1461) и Босворте (1485). Предательские действия барона Стэнли в последней битве привели к гибели Ричарда III.

48. *Сэнт Джон* (ум. 1496), аббат Абингдона (с 1468). Сведения о его участии в коронации Ричарда III отсутствуют.

49. *Твэйтс Томас* (ум. 1495), канцлер герцогства Ланкастер (с 1478), канцлер казначейства (1471—1483), казначей Кале (1483—1489). После казни Уильяма Гастингса входил в группу чиновников, которым было поручено взять под контроль Кале [Calendar of the Patent Rolls, 1901, p. 83—84]. Тем не менее принимал участие в коронации Ричарда III, был членом его Совета.

50. *Тирелл Томас* (1450—1510), сквайр-телохранитель короля (1478—1485), мастер лошадей (1483—1485). Сведения о его участии в событиях 1483 года отсутствуют.

51. *Туше Джон* (1425—1490), барон Одли (1459), лорд-казначей (1484—1486). Участвовал в сражениях Войн Роз при Нортхэмптоне (1460), Мортимер-Кроссе (1461), Таутоне (1461), Босворте (1485). Принимал участие в коронации Ричарда III, был членом его Совета.

52. *Тэстер Питер*, декан Сен-Северина в Бордо. Сведения о его участии в событиях 1483 года отсутствуют.

53. *Уэйнфлит Уильям* (1395—1486), епископ Уинчестерский (с 1447). Присутствовал при сражении у Нортхэмптона в 1460 году. Принимал участие в коронации Ричарда III.

CC BY

54. *Уэстон Джон* (ум. 1491), приор ордена Св. Иоанна Иерусалимского в Англии (с 1477). Сведения о его участии в коронации Ричарда III отсутствуют.

55. *Финнс Ричард* (ум. 1484), барон Дакр по праву жены (1458). Принимал участие в коронации Ричарда III.

56. *ФицАлан Уильям* (1417—1487), граф Эрандел (1441). Участник сражений Войн Роз при Ладфорд-Бридже (1459), Сент-Олбансе (1461), Таутоне (1461). Принимал участие в коронации Ричарда III, был членом его Совета.

57. *Фогг Джон* (1425—1490), рыцарь (1461). Был женат на кузине королевы Элизабет Вудвилль. После смерти Эдуарда IV нашел убежище вместе с последней в Вестминстере. В первый день правления Ричарда III примирился с ним. Однако в дальнейшем принял участие в мятеже Бакингема, бежал и был обвинен в измене решением парламента.

58. *Харкорт Ричард* (1412—1486), рыцарь (1465). Принимал участие в коронации Ричарда III.

59. *Хьюз Уильям* (ум. 1495), рыцарь, судья Королевской Скамьи (с 1481 года). Принимал участие в коронации Ричарда III, был членом его Совета.

60. *Хэлс Джон* (ум. 1490), епископ Личфилдский и Ковентрийский (с 1459 года). В 1470—1471 годах во время реставрации Генриха VI хранитель малой печати. После возвращения Эдуарда IV был прощен. Присутствовал на похоронах Эдуарда IV. Сведения о его участии в коронации Ричарда III отсутствуют.

61. *Элкок Джон* (1300—1500), епископ Вустерский (с 1476 года), лорд-канцлер (1475, 1485). Нет сведений о его участии в коронации Ричарда III, но входил в состав его Совета.

Для изучения социального состава участников Войн Роз (1455—1487) и моделей их социального поведения мною была создана просопографическая база данных, в которую вошло 1123 персоны, участвовавших в сражениях и / или обвинявшихся парламентами в государственной измене. Среди них фигурирует 25 из 61 члена Совета. То есть многие из них играли достаточно активную роль в событиях Войн Роз.

4. Заключение = Conclusions

Цитировавшиеся выше слова Манчини о лордах, имеющих поместья вблизи Лондона и собравшихся в столицу после похорон Эдуарда IV, указывают на то, что Совет собрался не в полном составе. При этом источники содержат описание похорон монарха с подробным перечислением задействованных в них представителей политической элиты [Letters and Papers,

CC BY

1861, p. 3—10; Sutton et al., 1998, p. 372—378]. Среди них названы имена 24 человек, которые ранее упоминались как члены Совета. Вероятно, не все они присутствовали на дальнейших заседаниях, так как и при жизни Эдуарда IV в Совете обычно присутствовало 9—12 чел., хотя могло быть до 20 чел. [Ross, 1974, p. 308]. Также можно предположить, что сложность и неопределенность исторической ситуации вынуждали советников быть ближе к источнику принятия судьбоносных решений. По всей видимости, произошло изменение состава Совета. Манчини упоминал присутствовавших на его заседаниях (и даже игравших ключевую роль) Элизабет Вудвилль и ее сына Томаса Грея, маркиза Дорсета, которые не фигурировали до этого в числе королевских советников (как и появившийся среди них в дальнейшем Генри Стаффорд, герцог Бакингем). Косвенно на изменение состава Совета намекает замена первоначального решения о регентском совете на передачу власти лорду-протектору. Хотя это могло быть лишь изменением решения в связи с прибытием в Лондон самого герцога Глостера.

В первые месяцы своего пребывания в Лондоне Ричард, герцог Глостер, стремился к консолидации прежней политической элиты [Hicks, 2019]. По словам Розмари Хоррокс, «более уместно думать, что Ричард III поставил себя во главе домохозяйства своего брата и пополнил его некоторыми из своих собственных вассалов, чем представлять, что он взял избранных слуг своего брата в свою собственную свиту» [Horrox, 1991, p. 146]. По этой же причине и состав Совета не должен был претерпеть кардинальных изменений. Так, в церемонии коронации Ричарда III принимали участие 32 члена Совета Эдуарда IV [Coronation of Richard III …, 1901, p. 193—194; The Coronation of Richard III: the Extant Documents, 1984, p. 37—39, 41, 42, 216, 221, 224, 389], в том числе арестованные ранее архиепископ Йоркский и лорд Стэнли. Более заметные изменения в окружении Ричарда III произошли осенью, особенно после подавления восстания герцога Бакингема (в нем принимали участие лишь трое членов Совета Эдуарда IV: Джон Мортон, епископ Илийский; Пьер Кортни, епископ Экзетерский; сэр Джон Фогг). Однако 25 прежних советников входили в дальнейшем в Совет Ричарда III [Lander, 1959, p. 178—179].

Поименный анализ членов Королевского Совета показывает, что так или иначе поддержали узурпацию Ричарда III 37 из них (с самим Ричардом, тоже членом Совета своего брата, их число увеличивается до 38). Об участии в событиях весны-лета 1483 года 16-ти лиц какая-либо информация отсутствует. И только 7 членов Совета однозначно не поддержали Ричарда; они либо были арестованы и казнены, либо вовлечены в заговор и бежали из страны. Это означает, что Совет в целом, а не только его отдельные представители, сыграл свою роль в узурпации трона Ричардом III.

CC BY

Пусть определенные имена фигурируют в ее описаниях не столь часто, Совет, фактически игравший роль правительства, просто не мог оставаться в стороне от легитимации столь важного решения. Совет поддержал притязания Ричарда III. В его материалах оно, несомненно, было зафиксировано официально, но даже косвенных доказательств достаточно, чтобы понять, что своим возвышением Ричард III в немалой степени обязан Совету.

Источники

1. *Мор Т.* Эпиграммы. История Ричарда III / Т. Мор. — Москва : Наука, 1973. — 256 с.

2. *Коммин Ф. де.* Мемуары / Ф. де Коммин / Пер. Ю. П. Малинина. — Москва : Наука, 1986. — 495 с.

2. *British Library Harleian Manuscript* 433 / Ed. R. Horrox, P. W. Hammond. — Upminister, Essex : Richard III Society, 1979. — Vol. 1. — 287 p.

3. *Calendar of the Patent Rolls*. Edward IV, Edward V, Richard III (1476—1485). — London : Her Britannic Majestry's Stationery Office, 1901. — 727 p.

4. *Coronation of Richard III* // English Coronation Records / Ed. by L. G. W. Legg. — Westminster, 1901. — 413 p.

5. *Fabyan R.* The New Chronicles of England and France / R. Fabian ; Ed. by H. Ellis. — London : Longman, 1811. — 828 p.

6. *Ingulph's Chronicle* of the Abbey of Croyland: With the Continuations by Peter of Blois and Anonimous Writers / Trans. from the Latin with notes by H. Riley. — London : Henry G. Bohn, 1854. — 546 p.

7. *Letters and Papers* Illustrative of the Reigns of Richard III and Henry VII. Vol. 1 / Ed. J. Gairdner. — London, 1861. — 639 p.

8. *Manchini D.* The Usurpation of Richard the Third / Trans. by C. A. J. Armstrong. — Oxford : Clarendon Press, 1969. — 146 p.

9. *Stonor Letters & Papers* 1290—1483. Vol. 2 / Ed. C. L. Kingsford. — London, 1919. — 244 p.

10. *The Coronation of Richard III : the Extant Documents* / Ed. by. A. F. Sutton, P. W. Hammond. — New York : St. Martin's Press, 1984. — 500 p.

11. *Three Books* of Polydore Vergil's English History, comprising the reigns Henry VI, Edward IV, and Richard III / Ed. H. Ellis. — London, 1844. — 208 p.

12. *Vitellius* A. XVI // Chronicles of London / Ed. by C. L. Kingsford. — Oxford : Clarendon Press, 1905. — P. 153—264.

Литература

1. *Праздников А. Г.* Люди Войн Алой и Белой Розы. Состав и модели поведения активных участников социально-политического конфликта в Англии второй половины XV века / А. Г. Праздников. — Санкт-Петербург : Евразия, 2023. — 560 с.

2. *Праздников А. Г.* [Рецензия] // Средние века. — 2023. — Вып. 84 (2). — С. 190—194. — Рец. на кн.: Хикс М. Ричард III: король, создавший себя. Нью-Хейвен; Лондон: Издательство Йельского университета, 2019. 388 с. — DOI: 10.7868/S0131878023020125.

3. *Baldwin J. F.* The King's Council in England during the middle ages / J. F. Baldwin. — London : At the Clarendon Press, 1965. — 560 p.

4. *Dictionary* of National Biography. — Vol. 1—63. — London, 1885—1900.

5. *Hicks M.* Richard III. The Self-Made King / M. Hicks. — New Haven ; London : Yale University Press, 2019. — 388 p.

6. *Horrox R.* Richard III: A Study of Service / R. Horrox. — Cambridge : Cambridge University Press, 1991. — 364 p.

7. *Kendall P. M.* Richard III / *P. M. Kendall*. — New York, 1956. — 604 p.

8. *Lander J. R.* Council, Administration and Councilors, 1461—85 / J. R. Lander // Bulletin of the Institute of Historical Research. — Vol. XXXII. — 1959. — P. 138—180.

9. *Lander J. R.* The Yorkist Council and Administration, 1461 to 1485 / J. R. Lander // English Historical Review. — 1958. — Vol. 73 (286). — P. 27—46.

10. *Ross C. D.* Edward IV / C. D. Ross. — Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 1974. — XVI, 479 p.

11. *Ross C. D.* Richard III / C. D. Ross. — Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 1981. — 266 p.

12. *Sutton A. F.* The Royal Burials of the House of York at Windsor / A. F. Sutton, L. Visser-Fuchs // Ricardian. — 1998 — Vol. 11, № 143. — P. 366—407.

13. *The Complete* Peerage / ed. G. E. Cocayne. Vol. I—VIII. — London, 1887—1898.

14. *Wedgwood J.* History of Parliament. Biographies of the Members of the Commons House, 1439—1509 / J. Wedgwood, A. Holt. — London : Her Britannic Majestry's Stationery Office, 1936. — 666 p.

Статья поступила в редакцию 14.09.2023,
одобрена после рецензирования 03.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

Material resources

Calendar of the Patent Rolls. Edward IV, Edward V, Richard III (1476—1485). (1901). London: Her Britannic Majestry's Stationery Office. 727 p.

Commynes, Ph. de. (1986). *Les memoires de Messire Philippe de Commines, chevalier, seigneur d'Argenton*. Moscow: Nauka. 495 p. (In Russ.).

Ellis, H. (ed.). (1844). *Three Books of Polydore Vergil's English History, comprising the reigns Henry VI, Edward IV, and Richard III.* London. 208 p.

Fabyan, R. (1811). *The New Chronicles of England and France*. London: Longman. 828 p.

Gairdner, J. (ed.). (1861). *Letters and Papers Illustrative of the Reigns of Richard III and Henry VII. Vol. 1.* London. 639 p.

Horrox, R, Hammond, P. W. (eds.). (1979). *British Library Harleian Manuscript 433*. Vol. 1. Upminister, Essex: Richard III Society. 287 p.

Ingulph's Chronicle of the Abbey of Croyland: With the Continuations by Peter of Blois and Anonimous Writers. (1854). London: Henry G. Bohn. 546 p.

Legg, L. G. W. (ed.). (1901). Coronation of Richard III. In: *English Coronation Records*. Westminster. 413 p.

Manchini, D. (1969). *The Usurpation of Richard the Third*. Oxford: Clarendon Press. 146 p.

More, T. (1973). Epigrams. The Story of Richard III. Moscow: Nauka. 256 p. (In Russ.).

Sutton, A. F., Hammond, P. W. (eds.). (1984). *The Coronation of Richard III: the Extant Documents*. New York: St. Martin's Press. 500 p.

Vitellius, A. (1905). XVI. In: *Kingsford, C. L. (ed.). Chronicles of London*. Oxford: Clarendon Press. 153—264.

CC BY

References

Baldwin, J. F. (1965). *The King's Council in England during the middle ages*. London: Clarendon Press. 560 p.

Cocayne, G. E. (ed.). (1887—1898*). The Complete Peerage. Vol. I—VIII*. London.

Dictionary of National Biography. Vol. 1—63. (1885—1900). London.

Hicks, M. (2019). *Richard III. The Self-Made King.* New Haven; London: Yale University Press. 388 p.

Horrox, R. (1991). *Richard III: A Study of Service*. Cambridge: Cambridge University Press. 364 p.

Kendall, P. M. (1956). *Richard III*. New York. 604 p.

Lander, J. R. (1958). The Yorkist Council and Administration, 1461 to 1485. In: *English Historical Review. Vol. 73 (286)*. 27—46.

Lander, J. R. (1959). Council, Administration and Councilors, 1461—85. In: *Bulletin of the Institute of Historical Research. Vol. XXXII.* 138—180.

Prazdnikov, A. G. (2023). *People of the Wars of the Scarlet and White Roses. Composition and behavior patterns of active participants in the socio-political conflict in England in the second half of the 15th century*. St. Petersburg: Eurasia. 560 p. (In Russ.).

Prazdnikov, A. G. (2023). Book review: Hicks M. (2019). Richard III: The Self-Made King. New Haven; London: Yale University Press. 388 p. *Srednie veka. Studies on medieval and early modern history, 84 (2):* 190—194. DOI: 10.7868/S0131878023020125. (In Russ.).

Ross, C. D. (1974). *Edward IV*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press. XVI. 479 p.

Ross, C. D. (1981). *Richard III.* Berkeley; Los Angeles: University of California Press. 266 p.

Sutton, A. F., Visser-Fuchs, L. (1998). The Royal Burials of the House of York at Windsor. *Ricardian, 11 (143):* 366—407.

Wedgwood, J., Holt, A. (1936). *History of Parliament. Biographies of the Members of the Commons House, 1439—1509*. London: Her Britannic Majestry's Stationery Office. 666 p.

The article was submitted 14.09.2023;
approved after reviewing 03.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Ростовцев Е. А. Модели диссертационной защиты от пореформенного университета к советскому (на примере Санкт-Петербургского университета) / Е. А. Ростовцев, И. В. Сидорчук // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 452—472. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-452-472.

Rostovtsev, E. A., Sidorchuk, I. V. (2023). Models of Dissertation Defense: From Post-Reform University to Soviet Era (Case of Saint Petersburg University). *Nauchnyi dialog, 12* (10): 452-472. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-452-472. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-452-472

Модели диссертационной защиты от пореформенного университета к советскому (на примере Санкт-Петербургского университета)

Ростовцев Евгений Анатольевич [1, 2]
orcid.org/0000-0002-5833-448X
доктор исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник, профессор
eugene.rostovtsev@gmail.com

Сидорчук Илья Викторович [1, 2] *
orcid.org/0000-0001-9760-2443
кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник,
** **корреспондирующий автор***
chubber@yandex.ru

[1] Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия)

[2] Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00048, https://rscf.ru/project/23-18-00048/

Models of Dissertation Defense: From Post-Reform University to Soviet Era (Case of Saint Petersburg University)

Evgeny A. Rostovtsev [1, 2]
orcid.org/0000-0002-5833-448X
Doctor of History, Associate Professor
Leading Researcher, Professor eugene.
rostovtsev@gmail.com

Ilya V. Sidorchuk [1, 2] *
orcid.org/0000-0001-9760-2443
PhD in History, Associate Professor,
Senior Researcher,
** **Corresponding author***
chubber@yandex.ru

[1] Tomsk State University (Tomsk, Russia)

[2] St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project number 23-18-00048, https://rscf.ru/en/project/23-18-00048/

© Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В исследовании рассмотрена проблема получения ученых степеней в предреволюционной России, что являлось неотъемлемой частью научной инициации, позволявшей войти в число представителей интеллектуальной элиты страны. Целью настоящей работы является определение соотношения социально-политического, корпоративного и научного элементов в формировании дискурса научного диспута. Для анализа в настоящей статье привлечены данные, прежде всего качающиеся Санкт-Петербургского университета, который являлся ведущим центром деятельности российских ученых. В частности, привлекались неопубликованные материалы протоколов заседаний Совета университета, журналов публичного собрания различных факультетов, фонда управляющего Санкт-Петербургским учебным округом, где содержится информация о планировавшихся диспутах. Авторы приходят к выводу о том, что было целых восемь формальных препятствий, которые должен был преодолеть кандидат на пути к получению степени. Ключевым был допуск к публичной защите, который носил закрытый характер, будучи внутрикорпоративным делом, к которому не допускались ни сам кандидат на степень, ни власть, ни общество. Публичная защита диссертации имела значение скорее в качестве социально важного обряда корпоративной инициации, демонстрирующего общественное значение корпорации.

Ключевые слова:
история высшей школы; Петербургский университет; защита диссертаций; университетская культура; история науки; антропология науки.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the issue of obtaining academic degrees in pre-revolutionary Russia, a process that was an integral part of scientific initiation, allowing individuals to enter the ranks of the country's intellectual elite. The aim of this paper is to determine the interplay between socio-political, corporate, and scientific elements in shaping the discourse of academic disputation. The analysis presented herein draws upon data primarily concerning Saint Petersburg University, which was a leading center for Russian scholarly activity. Specifically, this research utilizes unpublished materials from the minutes of the University Council meetings, journals of public assemblies of various faculties, and archives managed by the Saint Petersburg educational district, containing information on planned disputes. The authors conclude that there were eight formal obstacles a candidate had to overcome in the pursuit of a degree. The key hurdle was access to the public defense, which was a closed affair, being an internal corporate matter that excluded not only the degree candidate but also external authorities and society at large. The public defense of a thesis served more as a socially significant rite of corporate initiation, demonstrating the public importance of the corporation.

Key words:
history of higher education; Saint Petersburg University; dissertation defense; university culture; history of science; anthropology of science.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:378.245(470.23-25)“1863/1918”

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Модели диссертационной защиты от пореформенного университета к советскому (на примере Санкт-Петербургского университета)

© Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В., 2023

1. Введение = Introduction

Одной из центральных тем *university studies* является исследование европейской и российской интеллектуальной элиты. Она даже получила название «мандаринов». Это понятие в таком контексте в современную историографию (со ссылкой на Макса Вебера) ввел немецкий ученый Фриц Рингер в своей знаменитой книге «Закат немецких мандаринов» (1969) [Рингер, 2008]. Сам термин, по его мнению, должен был напоминать о китайской элите образованных чиновников. В рамках этой парадигмы академическая (прежде всего, университетская) элита является привилегированной социальной кастой, формирующейся на определенном этапе социального развития, в эпоху, когда старая аристократическая элита уже не может одна быть опорой монарха, а акторы новой индустриальной эпохи (политические партии, богатые предприниматели, менеджеры и технократы, промышленные рабочие и пр.) еще недостаточно сильны, чтобы с успехом претендовать на власть, попросту игнорируя «претензии» культурной элиты. Эта тема давно рассматривается применительно к исследованиям по антропологии российской науки второй половины XIX — начала XX веков [Александров, 2002; Ростовцев, 2010; Свешников, 2016]. В то же время в рассуждениях о «российских мандаринах» речь традиционно идет об особой социальной группе с точки зрения жизненных ценностей, а так называемая «профессорская культура» представляется порождением европейского влияния, своеобразной западной субкультурой в российской «полудикой» народной среде [Горин, 1996]. Одним из непременных условий вхождения в ряды научной элиты, успешной карьеры в университетском сообществе являлось обретение ученой степени.

Актуальность исследования определяется не только высокой ролью академического ученого сообщества в как научном, так и общественно-политическом развитии страны в предреволюционный период, но и современным вниманием к богатейшему наследию его виднейших представителей. В фокусе настоящего текста находится поиск ответа на исследователь-

CC BY

ские вопросы, которые ранее в таком контексте не изучались. Что означали защиты в мире «мандаринов»? Каково соотношение социально-политического, корпоративного и научного элементов в формировании дискурса научного диспута? Как строился ритуал защиты в социальном аспекте?

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Заявленные задачи потребовали обращения как к проблематике регулирования процедуры подготовки и защиты диссертаций, так и к области антропологии науки, учитывающей социальный и культурный контексты научного познания, а также устремляющей внимание на сложный процесс складывания и функционирования ученой корпорации, самоидентификацию и ценностные ориентиры ее членов. В рамках решения отдельных задач исследования целесообразным стало обращение к положениям теории структурных изменений в науке Т. Куна, позволяющей исследовать психологические и социокультурные факторы в деятельности отдельных ученых и исследовательских коллективов. Также конструктивным стало обращение к социологии науки, в частности, к концепции «науки в действии» Б. Латура, которая позволяет проследить путь социализации научного познания.

Историография заявленной темы в первую очередь связана с фундаментальными работами А. Е. Иванова [Иванов, 2016], Н. Н. Алеврас и Н. В. Гришиной [Диссертационная культура…, 2022; Алеврас, 2015; Алеврас, 2014 и др.], Е. А. Вишленковой [Вишленкова, 2013] и других исследователей, в которых подробно рассмотрено законодательное регулирование процедуры защит в различные исторические периоды, их ход, значение в формировании и поддержании научной культуры и академических традиций, приведены яркие примеры из научных биографий ряда отечественных ученых. Ряд исследований посвящен историческим особенностям диссертационных исследований по отдельным научным областям [Лоба и др., 2012; Евдокименкова и др., 2021]. Внимания удостаиваются защиты виднейших ученых, вопросы законодательства и нормативных сторон защиты диссертации, см., например: [Казначеев и др., 2006]. Интересны и перспективны попытки рассмотрения процедуры защиты в контексте антропологии науки, согласно положениям которой это классический обряд инициации — «отделения» и «включения», а процесс присуждения ученой степени «имеет символическую эффективность, которая реально изменяет человека, проходящего освящение» [Ульянова, 2017].

Для анализа в настоящей статье нами привлечены данные, прежде всего касающиеся столичного Санкт-Петербургского / Петроградского университета, который, наряду с Московским университетом и Академией наук, являлся ведущим центром деятельности российских «мандаринов».

CC BY

В качестве основных источников использовались неопубликованные материалы протоколов заседаний Совета университета, журналов публичных собраний различных факультетов, архивного фонда управляющего Санкт-Петербургским учебным округом, где содержится информация о планировавшихся диспутах. Среди опубликованных источников стоит выделить периодические издания («Биржевые ведомости», «День», «Новая жизнь» и др.), в которых освещались новости о прошедших защитах.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Отбор кандидатов и магистерские экзамены

Уставы 1863 и 1884 годов закрепили законодательно-нормативную систему получения ученых степеней — магистерской (до 1884 года существовала и кандидатская) и докторской. В январе 1864 года было утверждено новое «Положение об испытаниях на ученые степени». Оно оговаривало основные обязательные составляющие процедуры. Например, присутствие не менее двух оппонентов и публичность защиты, а также возможность в случае наличия признанных достижений получить докторскую степень минуя магистерскую [Алеврас и др., 2014, с. 78—79]. В литературе объясняют характер российского законодательства, устанавливающего, пожалуй, самые жесткие в Европе правила обретения научных степеней, тем, что власти видели в системе защит на ученые степени один из инструментов образовательной и культурной политики, с помощью которого правительство реализовывало свои планы превращения России в ведущую европейскую державу, элита которой отвечала бы соответствующим культурным и образовательным требованиям [Сандерс, 2012]. В качестве объяснения правительственной политики такие заключения кажутся справедливыми. Парадокс заключался в том, что на практике эта система не только способствовала становлению корпоративной идентичности российской профессуры, но и являлись важным фактором формирования независимой от власти интеллектуальной элиты.

Обряд инициации нового члена корпорации начинался с процедуры «оставления при университете» «для подготовки к профессорскому званию», то есть для написания магистерской диссертации. Этот ключевой момент в жизни будущего корпоранта был, прежде всего, связан с позицией профессора соответствующей кафедры, на которой оставался магистрант. Надо отметить, что лишь незначительное число окончивших российские университеты в 1880—1910-е годы (в среднем 1—2 %) оказывались «оставленными», срок магистратуры составлял два года, но мог быть продлен по ходатайству совета факультета и университета. Как правило, на оставление при университете мог претендовать только выпускник, получивший степень кандидата (а начиная с 1888 года диплом «первой сте-

CC BY

пени»); по этим формальным, но негласным соображениям желающим продолжить занятия наукой, но не получившим искомого диплома, иногда приходилось искать счастья в других университетах [Ростовцев, 2017, с. 316—349; НИОР РГБ, ф. 131, к. 32, д. 39, л. 1—1 об.].

Защита магистерской диссертации предварялась экзаменами. В 1864 году было введено 39 испытательных разрядов наук. Программа экзаменов составлялась экзаменаторами во многом индивидуально, и от претендента требовалось продемонстрировать высокий уровень знаний, превышающий университетскую программу. В этом была их основная сложность: представления об объеме требуемых знаний были весьма размытыми, и итог их сдачи принципиально зависел от расположения экзаменаторов [Иванов, 2016, с. 341, 368, 371—372]. В ряде случаев речь шла не просто о проверке знаний, а об оценке уровня исследовательской работы претендента на ученую степень. Зачастую профессора отказывались принимать к защите работы у тех, кто сдавал экзамены в других университетах и, таким образом, не прошел соответствующей профессиональной проверки, в особенности в случаях, когда речь шла о молодых, начинающих ученых. По воспоминаниям профессора А. А. Иностранцева, он отказывался принимать к защите диссертации у тех, кто предварительно не сдавал ему экзамен, поскольку «главные вопросы экзамена были направлены на темы, о которых уже раньше у экзаменующегося были работы» [Профессор…, 2014, с. 139]. В этом контексте понятно и то особое значение, которые приобретали экзамены тогда, когда их сдавал питомец другого университета. В таких случаях факультет, как правило, был особенно внимателен к соискателю. В качестве примера можно указать на Г. В. Вернадского (выпускника историко-филологического факультета Московского университета), который осенью 1912 года — весной 1913 года сдавал экзамены в Санкт-Петербургском университете. Несмотря на свою принадлежность к «высшей интеллигенции» по происхождению и кругу общения, никаких скидок претендент не получил и экзаменационный марафон стал для него непростым испытанием [Дворниченко, 2013а; 2013б, с. 137].

Принципиальная важность магистерских экзаменов в глазах научного сообщества была обусловлена еще и тем, что их успешная сдача согласно нормам Университетского устава 1884 года открывала дорогу к приват-доцентуре. Как правило, сдача экзамена проходила «в заседании» соответствующего факультета и носила неформальный характер, а председателем являлся декан. Такая процедура не просто являлась знакомством членов корпорации с магистрантом, но и способствовала его включению в академическое сообщество. Важен был не столько формальный результат экзамена, сколько то впечатление, которое производил магистрант на профессоров.

CC BY

Яркий пример такого рода — магистерские экзамены, которые в 1915 году сдавал на факультете восточных языков С. Г. Елисеев, чьи ответы произвели такое впечатление на членов факультета, что открыли молодому ученому дорогу в элиту петроградских ориенталистов [Reischauer, 1957, p. 18—19]. Разумеется, не во всех случаях неформальный результат экзаменов создавал такую научную репутацию. Однако, как свидетельствуют архивные материалы, типичная ситуация в формальном отношении для соискателей была благоприятной. Протоколы, фиксировавшие процедуру устного испытания, которому подвергались претенденты на степень магистра, содержат стандартные записи, например: «В собрании историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета января 29-го дня 1911 года Петр Семенович Коган был подвергнут устному испытанию на степень магистра из средневековой истории. Был предложен вопрос: “Просветительское движение в эпоху Карла Великого, его главные интересы и деятели”. Ответы признаны удовлетворительными». Вопросов было от одного до трех. Далее шли подписи присутствовавших профессоров [ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 16130, л. 17]. В то же время то обстоятельство, что экзамены по своему характеру выходили за рамки проверки знаний и иногда превращались в научный диспут, имело и оборотную сторону (которая в официальной документации не отражалась). Например, широко известен казус известного историка Н. П. Павлова-Сильванского, который отказался пересдавать экзамен профессору Н. И. Карееву, негативно воспринявшему построения магистранта относительно «русского феодализма» и провалившему его на экзамене в апреле 1895 года [Шапиро, 1933, с. 623; Чирков, 1996, с. 580—581]. Итог этой ситуации известен: один из наиболее крупных историков своего поколения так и не был допущен до защиты диссертации и преподавания в университете.

На этапе магистерских экзаменов ярко проявлялись различия значения этого элемента корпоративной инициации в разных отраслях знания. Как показывают материалы таблицы 1, если для вхождения в число младших преподавателей (приват-доцентов и доцентов) по гуманитарным и социальным дисциплинам (особенно после введения в действие Университетского устава 1884 года) экзамены являлись вполне достаточным условием преподавательской деятельности, то для физико-математического факультета (естественные и точные науки) необходимость ученой степени оставалась ключевой.

3.2. Защита реальная и публичная

Следующий этап магистерской инициации был связан с предоставлением опубликованного текста диссертации в соответствующий факультет. Положение 1864 года также требовало предварительной публикации дис-

CC BY

Таблица 1

Наличие магистерской / докторской степени у младших преподавателей на момент вступления в должность и по периодам *

Факультет / период		1851—1884	1885—1917
Физико-математический	На момент вступления в должность	85,7 %	76,3 %
	За период	92,5 %	89,8 %
Юридический	На момент вступления в должность	61,5 %	39,8 %
	За период	87,8 %	67,4 %
Восточных языков	На момент вступления в должность	22,5 %	16,7 %
	За период	31,9 %	47,9 %
Историко-филологический	На момент вступления в должность	60,8 %	41,2 %
	За период	80,4 %	69,7 %
По университету	На момент вступления в должность	60,1 %	48,8 %
	За период	75,1 %	73,1 %

* Сост. по: [Ростовцев, 2017, с. 154—175].

сертаций тиражом не менее 300 экземпляров, что многих ставило в затруднительное положение, так как вело к существенным финансовым затратам (поэтому очень важным было получить поддержку для издания со стороны корпорации). На факультет претендент предоставлял curriculum vitae и (хотя не всегда) напечатанные основные положения своей работы [ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 16180; д. 14490]. После этого шло обсуждение работы на факультете с последующим предоставлением заключения. Одним из профессоров готовился письменный отзыв — «письменный разбор» [Диссертационная культура…, 2022, с. 149—151]. Вероятно, это заключение не особенно оспаривалось коллегами, во всяком случае, в факультетских протоколах дискуссии и споры не отражались. При этом оно могло быть отрицательным, хотя это случалось и не часто [Там же, с. 151].

Этот этап был одним из самых сложных и определяющих для последующей судьбы соискателя. Причин для отрицательной оценки работы и ее недопущения к защите могло быть множество, начиная от низкого качества диссертации, личных конфликтов и заканчивая чрезмерной новизной и оригинальностью выводов, не принимаемых консервативными старшими коллегами [Иванов, 2016, с. 435—437]. По негласной традиции, как прави-

CC BY

ло, при принятии решения о допуске диссертации к защите определяющей была позиция наставника-профессора, который выступал одновременно и как основной оппонент своего ученика [Скворцов, 2010]. Поэтому в тех случаях, когда бывший воспитанник корпорации «проявлял характер» и вступал в напряженные отношения с бывшими учителями, наиболее простым выходом для него была защита в другом университете. Так, например, по этой причине известный петербургский биолог К. Н. Давыдов обе свои диссертации (магистерскую в 1909 году и докторскую в 1915 году) защищал в Московском университете [Бляхер, 1963, с. 66—69, 74—76]. Аналогичная ситуация сложилась с не менее известным столичным химиком (будущим академиком) приват-доцентом В. А. Кистяковским, магистерская диссертация которого в 1896 году не была принята к защите физико-математическим факультетом и который был вынужден обе диссертации защищать в Москве [Фигуровский и др., 1967, с. 3—38, 50].

При этом назначенные рецензенты могли еще до официального рассмотрения советовать претенденту забрать работу в случае, если она, с их точки зрения, была неудачной. Именно так случилось с историком А. И. Барбашёвым, которому об этом сообщили С. Ф. Платонов и В. Г. Васильевский [Диссертационная культура…, 2022, с. 151—153]. Встречались отказы и по политическим мотивам: работа М. Я. Герценштейна, который представил ее в совет Новороссийского университета в 1881 году, была отклонена за «социалистические тенденции» [Иванов, 2016, с. 443]. Впрочем, спустя некоторое время соискатель мог успешно защититься в другом университете. Разногласия «демократа» В. И. Семевского из Санкт-Петербургского университета с его учителем «консерватором» К. Н. Бестужевым-Рюминым послужили основанием для отказа историко-филологического факультета В. И. Семевскому в принятии диссертации к защите и опять-таки к ее вынужденному переносу в Московский университет [Иванов, 1994, с. 155—157].

Подготовленные отзывы были сравнительно краткими, буквально несколько страниц. Тем не менее, в условиях отсутствия протоколов публичной защиты, они дают важную информацию о том, какие достоинства и недостатки работы выделялись, тем более что авторы отзывов часто были и официальными оппонентами на защите. В частности, так было в случае с М. А. Островской (первая женщина, удостоенная степени магистра в российском университете). Отзыв готовил А. Е. Пресняков, а С. Ф. Платонов дополнил его пришедшими ему в голову краткими критическими замечаниями и соображениями. Отметим, что основное содержание этих дополнений со стороны тогдашнего декана составляла критика представленного к защите труда, например: «...читать книгу г-жи Островской

CC BY

трудно и порою досадно: она не дает правильного понятия о литературе предмета, об эволюции научных представлений и затрудняет для читателя определение места самой г-жи Островской в сонм ее предшественников и сотрудников по изучению взятой ей темы. Если присоединить к этому некоторое несовершенство корректуры, то получим право сказать, что книга г-жи Островской — тяжелая книга». Впрочем, в заключение от отметил богатство научного материала, самостоятельность наблюдений и свежесть выводов, что, по его мнению, давало ей право быть допущенной к публичному диспуту [ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 16180, л. 27—31]. Данный этап защиты вызывал критику у ряда современников. Известна в данном случае статья профессора Казанского университета Г. Ф. Шершеневича «О порядке приобретения ученых степеней» 1897 года. В ней он указывал на очевидную странность: рассмотрение факультетом не являлось открытым, даже диссертант на ней не присутствовал и не мог на нем отстоять свою точку зрения [Шершеневич, 1975]. Протоколы заседаний факультетов не публиковались, никаких объяснений по поводу своего решения профессора давать обязаны не были.

После факультетского заключения наступал следующий этап — объявление о часе и дне защиты, которое публиковалось в газетах. В 1910-х годах это правило уже не всегда соблюдалось [Иванов, 2016, с. 454]. Обязательно диссертация отправлялась в Министерство народного просвещения и попечителю учебного округа, остальное — по желанию. Попечителю округа отправлялось и приглашение от ректора, например: «Имею честь довести до сведения Вашего Превосходительства, что в воскресенье 18 сего марта, в I час дня, в одной из университетских зал приват-доцент Императорского С.-Петербургского университета М. А. Курчинский будет публично защищать диссертацию под заглавием: “Городские финансы. Эволюция налоговой системы в городах Пруссии в конце XIX и начале XX века (1870—1910 годы)”, представленную им для получения степени магистра финансового права. Официальными оппонентами на сем диспуте будут профессор П. П. Мигулин и приват-доцент В. Н. Твердохлебов» [ЦГИА СПб, ф. 139, оп. 1, д. 13150, л. 9].

Преодолев все эти этапы, диссертант выходил на диспут — публичную защиту своей работы. С ростом числа защит протоколы стали очень краткими, что, к сожалению, не позволяет восстановить все содержание многочасового процесса. Лишь некоторые из них фиксировались в неофициальном порядке, как, например, магистерская защита В. О. Ключевского. Надо отметить, что история российских университетов дореволюционного периода практически не знает случаев отклонения диссертации на публичной защите. В чем же в этом контексте заключалось ее значение?

CC BY

Правило публичности защиты было установлено еще в начале XIX века, с первых российских университетских уставов. Некоторые ограничения действовали с 1849 года до Положения об ученых степенях 1864 года. Введение мер, фактически шедших вразрез с действовавшим уставом, было связано с небольшими беспорядками на защите Т. Н. Грановского, когда студенты бросили несколько хлопушек в честь профессора и в целом шумно вели себя. Согласно «высочайшему» повелению во избежание беспорядков на диспуты стали допускать только лиц, «известных университетскому начальству, и не иначе, как по билетам». Постепенно публичность начала возвращаться уже после смерти Николая I, а окончательно допуск на них всех желающих был разрешен в 1864 году. В пореформенный период защита подразумевала гласность, возможность участия сторонней публики. Диспуты являлись важным событием не только в жизни университета, но и города, особенно если речь шла об известных и популярных ученых. Можно отметить, что публика вела себя отнюдь не сдержанно, могла громко выражать поддержку, освистывать оппонентов, выкрикивать комментарии. Нередко интерес к защите подогревала пресса, особенно если она планировалась скандальной. Председательствовал на защите декан, который следил за порядком и направлениями прений, публично объявлял о решении [Иванов, 2016, с. 456—458].

Итоги защиты фиксировались в журнале публичного собрания факультета и содержали основные данные о событии, например: «В сем собрании приват-доцент Императорского С.-Петербургского университета М. Д. Приселков публично защищал диссертацию под заглавием: “Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII веков СПб., 1913 г.”, представленную им для получения степени магистра русской истории. Официальными оппонентами на сем диспуте были г.г. профессоры А. А. Шахматов, С. Ф. Платонов и И. Д. Андреев. Защищение диссертации признано удовлетворительным. Определено удостоить приват-доцента М. Д. Приселкова степени магистра русской истории». Далее шли подписи декана и других присутствовавших профессоров [ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 16180, л. 4]. Или другой пример, уже из истории физико-математического факультета: «Журнал публичного собрания Физико-математического факультета Императорского С.-Петербургского университета. 14 мая 1910 года. В сем собрании хранитель Анатомо-гистологического кабинета Д. К. Третьяков публично защищал диссертацию под заглавием “Мозг пескоройки. С.-Петербург. 1910 г.”, представленную им для получения степени магистра зоологии. Официальными оппонентами на сем диспуте были г.г. профессоры А. С. Догель и В. М. Шимкевич. Защищение диссертации признано удовлетвор[ительным]. Определено: удостоить хранителя Анатомо-Гисто-

CC BY

логического кабинета С.-Петербургского университета Д. К. Третьякова степени магистра зоологии и представить об этом Совету Университету». Далее следовали подписи [ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 15113, л. 3].

Говоря о различиях в практике защиты диссертаций в зависимости от дисциплины, можно отметить ряд моментов. Так, исследователи установили, что в целом в дореволюционный период по социогуманитарным дисциплинам защищалось больше диссертаций, чем по естественным наукам [Демина, 2006, с. 121; Евдокименкова и др., 2021, с. 299]. При этом алгоритм выхода на защиту и непосредственно защиты был в основном идентичен в различных научных отраслях, равно как и трудности и подводные камни, подстерегавшие ученого. Например, неофициальные оппоненты и даже оппоненты из числа неформальных научных руководителей (такого формального статуса в дореволюционный период не существовало) могли критиковать диссертацию куда сильнее, чем сторонние официальные оппоненты [Демина, 2006, с. 124]. Также отмечается, что защита была далеко не рядовым явлением. А. Ф. Иоффе, подводя итог развития развитию физики за 30 лет после революции, писал, что «защита магистерской и в особенности докторской диссертации была редким событием в дореволюционной России» [Иоффе, 1947, с. 467]. Если говорить об особенностях, то можно отметить меньший отклик на диспут по естественным наукам публики, хотя некоторые защиты физиков или химиков могли собирать полные аудитории. Традиционным отличием, сохраняющимся и до наших дней, был меньший объем самого диссертационного исследования и число ссылок. Вероятно, и в естественнонаучных областях, и в юридических более актуальной была проблема нехватки специалистов по теме защищавшейся работы, что вело к приглашению в качестве оппонентов тех, кто не обязательно был в достаточной степени компетентен. Одновременно это вело к складыванию и углублению межпредметных связей [Лоба и др., 2012, с. 183].

Отдельно стоит сказать об откликах на защиты в периодической печати, что было неотъемлемой частью этого важного события и явным свидетельством высокого внимания к науке, фигуре ученого и университету как части общегородской жизни. Новости о прошедших защитах могли быть краткими и сообщать основную информацию — имя диссертанта, оппонентов, место защиты и итоговый результат [Защита диссертаций…, 1914; Защита диссертации…, 1916; Защита диссертации А. П. Поспелова…, 1915]. Так как на защите в прениях мог выступить любой, то эти люди тоже упоминались. В данном контексте достаточно забавно сообщение «Биржевых ведомостей» о защите востоковеда А. К. Самойловича, в котором было сказано, что на ней среди прочих выступил некий «путешественник по Индии Иванов» (возможно речь идет о молодом востоковеде В. А. Иванове (1886—1970) [За-

CC BY

щита диссертации А. Н. Самойловича …, 1915]. Другие статьи старались описать атмосферу: «публика встретила это постановление шумными аплодисментами» [Защита М. А. Островской ..., 1914], «при шумных овациях» [Ученый диспут ..., 1918] и пр. Пересказывались похвалы оппонентов, как, например, в случае защиты О. А. Добиаш-Рождественской: « ...оба оппонента признали за исследованием высокую научную ценность и подчеркнули ту душевную бодрость и силу, какую проявила диспутантка, отдаваясь научной работе в наше тяжелое время» [Ученый диспут ..., 1918].

Некоторые статьи представляли собой достаточно подробное изложение диспута. В них можно обнаружить замечания оппонентов и мнения, высказанные другими выступавшими. Например, П. Щеголев в заметке в газете «День» о защите М. А. Островской кратко привел содержание речи С. Ф. Платонова. Из нее мы видим, что в отличие от отзыва, представленного на факультет, тот отметил зависимость диспутантки от трудов ее учителя А. Я. Ефименко, а также более подробно раскрыл не только недостатки, но и достоинства работы [Щеголев, 1914].

3.3. Факультативные докторские диссертации

Университетские уставы 1863 и 1884 годов предполагали наличие докторской степени у университетской профессуры. Однако на практике, особенно с расширением числа профессорских магистратур и отменой института штатной доцентуры по Уставу 1884 года, многие известные ученые-гуманитарии долгие годы успешно занимали профессорские кафедры (именуясь «исполняющими должность» экстраординарного или ординарного профессора), оставаясь магистрами (Ф. Ф. Соколов, С. Ф. Платонов, А. И. Введенский, И. М. Гревс, И. Д. Андреев, Ф. А. Браун и др.), а другие, будучи докторами (И. И. Лапшин, А. И. Малеин, Д. Н. Овсянико-Куликовский, Н. П. Лихачев и др.), в течение длительного времени оставались приват-доцентами. Наглядные данные, отражающие картину с обретением докторской степени профессурой университета, представлены в таблице (табл. 2).

Из приведенной выше таблицы хорошо видно различное значение, придавшееся «второй диссертации» на гуманитарных и физико-математическом факультете. То, что в университетских карьерах, связанных с разными областями знания, роль докторской степени была различной, приводило порой к разногласиям в рядах профессуры. В частности, профессора физико-математического факультета периодически поднимали вопрос по поводу прав «исправляющих должность» профессоров (как отмечено выше, эта «приставка» к должности означала, что у профессора нет докторской степени). Например, при обсуждении правил избрания выборщиков от университета в Государственный совет со стороны физмата на-

CC BY

Таблица 2

Наличие докторской степени у профессоров Санкт-Петербургского университета на момент вступления в должность и в целом по периодам *

Факультет / период		1851—1884	1885—1917
Физико-математический	На момент вступления в должность	88,9%	85%
	За период	97,1%	93,1%
Юридический	На момент вступления в должность	57,7%	65,6%
	За период	63,2%	76,8%
Восточных языков	На момент вступления в должность	50%	58,8%
	За период	52,4%	64,7%
Историко-филологический	На момент вступления в должность	84,6%	62,5%
	За период	88,2%	74,1%
По университету	На момент вступления в должность	72,2%	69,6%
	За период	77,2%	75,1%

* Сост. по: [Ростовцев, 2017, с. 154—175].

блюдалась попытка ограничить права «исправляющих должность», однако она была решительно отвергнута абсолютным большинством Совета, принадлежавшим к гуманитарным факультетам [РГИА, ф. 733, оп. 154, д. 217, л. 37—38 об.]. В целом приведенные данные показывают, что если защита магистерских диссертаций была фильтром допуска к профессорским и административным позициям в университете в целом, то докторские степени являлись ключевым карьерным фильтром только на физико-математическом факультете. Большинство же политически активных мандаринов трудились на гуманитарных факультетах. В этом смысле значение второй докторской диссертации для столичных мандаринов было факультативным.

3.4. Ликвидация степеней и ее последствия

Все российские университетские корпорации, поддержав события февраля 1917 года, Октябрьский переворот восприняли крайне негативно. Такая позиция была заявлена и Петроградским университетом. Вслед за Академией наук университетская коллегия возлагала все надежды на будущее Учредительное собрание, которое избавит страну от «насильников, захвативших власть»: «Россия не заслужила такого позора: всенародная воля вручает ответственное решение ее судеб Учредительному собранию;

CC BY

оно обеспечит рост ее культуры и упрочит ее положение в среде просвещенных государств» [ЦГА СПб. ф. 7240. оп. 14. д. 1. л. 111 об.]. В этом контексте нет ничего удивительного в том, что к осени 1918 года уже в полной мере определяются идеологические и «классовые» основания проектируемой большевиками реформы университетов, в задачу которой входит удар по «сановникам» от науки и отказ от системы «привилегий и преимуществ, присвоенных в буржуазном обществе науке», «создавшей из ее представителей сплоченную корпорацию, пропитанную резким кастовым духом» [О реформе…, 1918]. Один за другим принимаются решения, последовательно ограничивающие прежние «права университетов»: декрет СНК об упразднении ученых званий и степеней, новой системе должностей и порядке выборов (1 октября 1918 года), закон, принятый в ноябре того же года ВЦИК под названием «Положение о единой трудовой школе», ряд других [ЦГА СПб, ф. 7240. оп. 14. д. 12. л. 74—75; Fitzpatrick, 1970, p. 68—88]. Основной удар этими решениями наносился по бывшим «мандаринам» — в большинстве своем представителям гуманитарных наук. В частности, эти решения позволили начать смену университетских преподавателей в области социальных и гуманитарных наук. Среди вновь пришедших — «просвещенные» деятели революционного / «освободительного» движения, не имевшие ученых степеней: Н. Н. Андреев, М. С. Балабанов, В. В. Водовозов, В. А. Десницкий, С. Н. Драницын, И. И. Корель, М. К. Лемке, С. К. Минин, О. Г. Лившиц, М. Я. Острогорский, Э. Э. Эссен, Е. А. Энгель и целый ряд других.

4. Заключение = Conclusions

Законодательство и, главное, практика организации защит в российских университетах последовательно выстроили целых восемь формальных препятствий, которые должен был преодолеть кандидат, желающий оказаться в университетской элите: желательное окончание университета с кандидатской степенью (после введения Устава 1884 года — с дипломом 1 степени), оставление при университете, получение стипендии, сдача магистерских экзаменов, подготовка и публикация диссертации (как правило, с помощью университета), допуск к защите, публичная защита на факультете, утверждение в университетском совете. На всех этапах одобрение работы потенциального кандидата зависело от корпоративного решения профессорской коллегии факультета. Ключевым для успеха диссертации был шестой этап (допуск к публичной защите), который носил закрытый характер, будучи внутрикорпоративным делом, к которому не допускались ни сам кандидат на степень, ни власть, ни общество. Публичная защита диссертации имела значение скорее в качестве социально важного обря-

CC BY

да корпоративной инициации, демонстрирующего общественное значение корпорации. В то же время для естественных и точных дисциплин корпоративная роль защиты была выше, для допуска в круг университетской элиты представителям этих дисциплин требовалась докторская диссертация. Для социальных и гуманитарных наук, теснее связанных с политическим контекстом, более значимую роль играл сам факт допуска в корпорацию (магистерские экзамены) и получение магистерской степени. Так или иначе, обретение ученой степени было тем фильтром, который не допускал в корпорацию (или, по крайней мере, в ее руководящие органы) «чужаков». Революционные перемены осени 1917 года требовали уничтожения профессорского сообщества как особой социальной касты, в этом контексте неизбежностью стала и отмена ученых степеней.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Защита* диссертации А. Н. Самойловича // Биржевые ведомости. — 1915. Утренний выпуск. — 19-го января (1-го февраля). — № 14620. — С. 3.

2. *Защита* диссертации А. П. Поспелова // Биржевые ведомости. — 1915. Утренний выпуск. — 30 марта (12 апреля). — № 14753. — С. 4.

3. *Защита* диссертации В. Ф. Шишмарева // День. — 1916. — 7 ноября. — № 307 (1467). — С. 5.

4. *Защита* диссертаций М. Д. Приселкова и О. О. Баклунда // День. — 1914. — 20 января. — № 19 (461). — С. 5.

5. Защита М. А. Островской // Копейка. — 1914. — 17 (30) марта. — № 2036. — С. 2.

6. НИОР РГБ — *Научно-исследовательский* отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 131. К. 32. Д. 39. Л. 1—1 об. А. С. Лаппо-Данилевский — В. О. Ключевскому, 22 ноября 1904 г.

7. *О реформе* деятельности ученых учреждений и школы высших ступеней Российской Социалистической Федеративной советской республики. Объяснительная записка // Вестник народного просвещения Союза коммун Северной области. — 1918. — № 6—8. — С. 18—19.

8. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 154. Д. 217. Л. 37—38 об. [Выписка и протокола заседания Совета Санкт-Петербургского университета, 22 сентября 1908 г.].

9. Ученый диспут // Новая жизнь. — 1918. — 23 апреля. — № 74 (289). — С. 3.

10. ЦГА СПб — *Центральный* государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 12. Л. 74—75. От комиссариата народного просвещения, 2 ноября 1918 г., копия ; Оп. 14. Д. 1. Протокол экстренного заседания Петроградского университета 26 ноября 1917 г.

11. ЦГИА СПб — *Центральный* государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 139. Оп. 1. Д. 13150. Л. 9. [Письмо ректора Санкт-Петербургского университета Управляющему Санкт-Петербургским учебным округом о диспутах приват-доцента Курчинского и профессора Танфильева (15 марта 1912 г.)]. Ф. 14. Оп. 3. Д. 15113. Л. 3. Журнал публичного собрания Физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. 14 мая 1910 г ; Д. 16130. Л. 17. Протоколы о лицах, подвергавшихся устному испытанию на степень магистра, 1911 г. ; Д. 14490. Протоколы заседаний юридич фак-та, 1913—1914 гг. ; Д. 16180. Протоколы заседаний ист-фил. фак-та, 1914 г.

12. *Шершеневич Г. Ф.* О порядке приобретения ученых степеней / Г. Ф. Шершеневич // Химия и жизнь. — 1975. — № 8. — С. 84—93.

13. *Щеголев П.* Защита диссертации М. А. Островской / П. Щеголев // День. — 1914. — 17 марта. — № 74 (516). — С. 2.

Литература

1. *Алеврас Н. Н.* Диссертационная история ученого как событие интеллектуальной биографии российских историков XIX века / Н. Н. Алеврас // Диалог со временем. — 2015. — № 50. — С. 218—241.

2. *Алеврас Н. Н.* Диссертационная культура как историографический концепт / Н. Н. Алеврас // Уральский исторический вестник. — 2014. — № 4 (45). — С. 111—120.

3. *Алеврас Н. Н.* Диссертация историков и законодательные нормы (1860—1920-е гг.) / Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришина // Российская история. — 2014. — № 2. — С. 77—90.

4. *Александров Д. А.* Фриц Рингер, немецкие мандарины и отечественные ученые / Д. А. Александров // Новое литературное обозрение. — 2002. — № 53. — С. 90—104.

5. *Бляхер Л. Я.* Константин Николаевич Давыдов / Л. Я. Бляхер. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. — 244 с.

6. *Вишленкова Е.* Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обретала научную и практическую значимость / Е. Вишленкова, К. Ильина // Новое литературное обозрение. — 2013. — № 4 (122). — С. 84—107.

7. *Горин Д. Г.* К вопросу о «профессорской культуре» России XIX — начала XX в. / Д. Г. Горин // Отечественная культура и историческая наука XVIII—XX веков. Сб. ст. — Брянск : Изд-во Брян. гос. пед. ун-та, 1996. — С. 42—51.

8. *Дворниченко А. Ю.* Г. В. Вернадский и Петербургская историческая школа / А. Ю. Дворниченко // Клио. — 2013. — № 10. — С. 88—91.

9. *Дворниченко А. Ю.* From US with love and care : феномен Георгия Вернадского / А. Ю. Дворниченко // Клио. — 2013. — № 12. — С. 135—138.

10. *Демина Н. В.* Диссертационные практики в дореволюционной России : публичность как условие научной экспертизы / Н. В. Демина // Человек. Сообщество. Управление. — 2006. — № 1. — С. 120—127.

11. *Диссертационная* культура российского историко-научного сообщества : опыт и практики подготовки и защит диссертаций (XIX — начало XX в.) : коллективная монография / Под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной. — Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2022. — 464 с. — ISBN 978-5-4469-1933-8.

12. *Евдокименкова Ю. Б.* «Диссертационная культура» Российской империи : опыт российского химического сообщества / Ю. Б. Евдокименкова, Н. О. Соболева // Вопросы истории естествознания и техники. — 2021. — Т. 42. — № 2. — С. 296—322. — DOI: 10.31857/S020596060008747-3

CC BY

13. *Иванов А. Е.* Ученое достоинство Российской империи. XVIII — начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы / А. Е. Иванов. — Москва : Новый хронограф, 2016. — 656 с. — ISBN 978-5-94881-334-9.

14. *Иванов А. Е.* Ученые степени в Российской империи XVIII в. — 1917 г. / А. Е. Иванов. — Москва : ИРИ, 1994. — 195 с.

15. *Иоффе А. Ф.* Советские физики и дореволюционная физика в России / А. Ф. Иоффе // Успехи физических наук. — 1947. — Т. XXXIII. — Выпуск 4. — С. 453—468.

16. *Казначеев Д. А.* Проблемы законодательства в сфере производства в ученые степени Российской империи / Д. А. Казначеев, А. Н. Якушев // Право и образование. — 2006. — № 3. — С. 162—177.

17. *Лоба В. Е.* Диссертационные исследования по уголовному праву, защищенные в университетах российской империи (1815—1917 гг.) / В. Е. Лоба, Е. В. Сафронова, А. Н. Якушев // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2012. — № 4. — С. 177—183.

18. *Профессор* Санкт-Петербургского университета А. А. Иностранцев / Подгот. текста В. В. Аркадьева, комм. В. А. Прозоровского и И. Л. Тихонова. — Санкт-Петербург : Супервэйв Групп, 2014. — 351 с. — ISBN 978-5-9443-2796-3.

19. *Рингер Ф.* Закат немецких мандаринов : академическое сообщество Германии, 1890—1933 / Ф. Рингер. — Москва : Новое литературное обозрение, 2008. — 645 с. — ISBN 978-5-86793-635-8.

20. *Ростовцев Е. А.* Столичный университет Российской империи : ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.) / Е. А. Ростовцев. — Москва : Политическая энциклопедия, 2017. — 903 с. — ISBN 978-5-8243-2022-0.

21. *Ростовцев Е. А.* Российские мандарины. Столичная профессура, студенчество и власть в начале XX века / Е. А. Ростовцев // Родина. — 2010. Спецвыпуск. Образование в России : вчера, сегодня, завтра. — С. 47—52.

22. *Сандерс Т.* Третий оппонент : защиты диссертаций и общественный профиль академической истории в Российской империи / Т. Сандерс // Историческая культура императорской России : формирование представлений о прошлом. Коллективная монография в честь профессора И. М. Савельевой. — Москва : Изд-во ВШЭ, 2012. — С. 161—192. — ISBN 978-5-7598-0914-2.

23. *Свешников О. В.* Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества / О. В. Свешников. — Москва : Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 420 с. — ISBN 978-5-98712-659-2.

24. *Скворцов А. М.* Подготовка и защита магистерских диссертаций в XIX в. : опыт учеников М. С. Куторги / А. М. Скворцов // Мнемон : Исследования и публикации по истории античного мира. — 2010. — № 9. — С. 451—468.

25. *Ульянова С. Б.* Стратегии построения научной карьеры в контексте антропологии науки / С. Б. Ульянова // Наука в общественном диалоге : ценности, коммуникации, организация. Материалы международной научной конференции. — Санкт-Петербург : Изд-во СПб Политехн. Ун-та, 2017. — С. 159—160.

26. *Фигуровский Н. А.* Владимир Александрович Кистяковский. 1865—1952 / Н. А. Фигуровский, Н. И. Романьков. — Москва : Наука, 1967. — 136 с.

27. *Чирков С. В.* Историк русского феодализма : Николай Павлович Павлов-Сильванский / С. В. Чирков // Историки России. XVIII — начало XX века / Отв. ред. А. Н. Сахаров. — Москва : Скрипторий, 1996. — С. 580—581.

28. *Шапиро А. Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 года / А. Л. Шапиро. — Москва : Ассоц. «Россия», 1993. — 761 с.

CC BY

29. *Fitzpatrick S.* The Commissariat of the Enlightenment. Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky. October 1917—1921 / S. Fitzpatrick. — Cambridge : Cambridge univ. press, 1970. — 380 p.

30. *Reischauer E. O.* Serge Elisseeff / E. O. Reischauer // Harvard Journal of Asiatic Studies. — 1957. — Vol. 20 (Studies presented to Serge Elisseeff, pt. 1). — № 1/2. — Pp. 1—35.

Статья поступила в редакцию 29.10.2023,
одобрена после рецензирования 03.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

Material resources

Central State Administration of St. Petersburg — *Central State Archive of St. Petersburg. F. 7240. Op. 14. D. 12. L. 74—75. From the Commissariat of Public Education, November 2, 1918, copy; Op. 14. d. 1. Minutes of the emergency meeting of the Petrograd University on November 26, 1917.* (In Russ.).

Defense of dissertations by M. D. Priselkov and O. O. Backlund. (1914). *Day, 19 (461). January 20th.* P. 5. (In Russ.).

Defense of the dissertation of A. N. Samoilovich. (1915). *Birzhevye vedomosti, 14620. Morning edition. January 19th (February 1st).* P. 3. (In Russ.).

Defense of the dissertation of A. P. Pospelov. (1915). *Birzhevye vedomosti, 14753. Morning edition. March 30 (April 12).* P. 4. (In Russ.).

Defense of V. F. Shishmarev's dissertation. (1916). *Day, 307 (1467). November 7th.* P. 5. (In Russ.).

On the reform of the activities of academic institutions and schools of higher education of the Russian Socialist Federative Soviet Republic. Explanatory note. *Bulletin of Public Education of the Union of Communes of the Northern region, 6—8:* 18—19. (In Russ.).

Protection of M. A. Ostrovskaya. (1914). *Kopeyka, 2036. March 17 (30).* P. 2. (In Russ.).

Research Institute of the Russian State Library — *Scientific Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. F. 131. K. 32. D. 39. L. 1—1 ob. A. S. Lappo-Danilevsky — V. O. Klyuchevsky, November 22, 1904.* (In Russ.).

RGIA — *Russian State Historical Archive. F. 733. Op. 154. d. 217. l. 37—38 vol. [Extract and minutes of the meeting of the Council of St. Petersburg University, September 22, 1908].* (In Russ.).

Scientific dispute. (1918). *New Life, 74 (289). April 23.* P. 3. (In Russ.).

Shchegolev, P. (1914). Defense of the dissertation of M. A. Ostrovskaya. *Day, 74 (516). March 17th.* P. 2. (In Russ.).

Shershenevich, G. F. (1975). On the procedure for acquiring academic degrees. *Chemistry and life, 8:* 84—93. (In Russ.).

TSGIA St. Petersburg — *Central State Historical Archive of St. Petersburg. F. 139. Op. 1. D. 13150. L. 9. [Letter from the rector of St. Petersburg University to the Governor of the St. Petersburg Educational District on the disputes of privatdozent Kurchinsky and Professor Tanfilyev (March 15, 1912)]. F. 14. Op. 3. D. 15113. L. 3. Journal of the Public Meeting of the Physics and Mathematics Faculty of the Imperial St. Petersburg University. May 14, 1910; d. 16130. l. 17. Protocols on persons who were subjected to an oral examination for a master's degree, 1911; d. 14490. Minutes of meetings of the legal faculty, 1913—1914; d. 16180. Minutes of the meetings of the East-phil. fact, 1914.* (In Russ.).

References

Alevras, N. N. (2014). Dissertation culture as a historiographical concept. *Ural Historical Bulletin, 4 (45):* 111—120. (In Russ.).

Alevras, N. N. (2015). Dissertation history of a scientist as an event in the intellectual biography of Russian historians of the XIX century. *Dialogue with time, 50:* 218—241. (In Russ.).

Alevras, N. N., Grishina, N. V. (2014). Dissertation of historians and legislative norms (1860—1920's). *Russian History, 2:* 77—90. (In Russ.).

Alexandrov, D. A. (2002). Fritz Ringer, German Mandarins and Russian scientists. *New Literary Review, 53:* 90—104. (In Russ.).

Chirkov, S. V. (1996). The historian of Russian feudalism: Nikolai Pavlovich Pavlov-Silvansky. In: *Historians of Russia. XVIII — the beginning of the XX century.* Moscow: Scriptorium. 580—581. (In Russ.).

Demina, N. V. (2006). Dissertation practices in pre-revolutionary Russia: publicity as a condition of scientific expertise. *Human. Community. Management, 1:* 120—127. (In Russ.).

Dissertation culture of the Russian historical and scientific community: the experience and practice of preparing and defending dissertations (XIX — early XX century): a collective monograph. (2022). Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 464 p. ISBN 978-5-4469-1933-8. (In Russ.).

Dvornichenko, A. Yu. (2013). From US with love and care: the phenomenon of George Vernadsky. *Klio, 12:* 135—138. (In Russ.).

Dvornichenko, A. Yu. (2013). G. V. Vernadsky and the St. Petersburg Historical School. *Klio, 10:* 88—91. (In Russ.).

Evdokimenkova, Yu. B., Soboleva, N. O. (2021). "Dissertation culture" of the Russian Empire: the experience of the Russian chemical community. *Questions of the history of natural science and technology, 42 (2):* 296—322. DOI: 10.31857/S020596060008747-3. (In Russ.).

Figurovsky, N. A., Romankov, N. I. (1967). *Vladimir Alexandrovich Kistyakovsky. 1865—1952.* Moscow: Nauka. 136 p. (In Russ.).

Fitzpatrick, S. (1970). *The Commissariat of the Enlightenment. Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky. October 1917—1921.* Cambridge: Cambridge univ. press, 1970. — 380 p.

Gorin, D. G. (1996). On the question of the "professorial culture" of Russia in the XIX — early XX century. In: *Russian culture and historical science of the XVIII—XX centuries. Collection of art.* Bryansk: Publishing House of the Bryan State Pedagogical University. Unita. 42—51. (In Russ.).

Ioffe, A. F. (1947). Soviet physicists and pre-revolutionary physics in Russia. *Successes of physical sciences, XXXIII (4):* 453—468. (In Russ.).

Ivanov, A. E. (1994). *Academic degrees in the Russian Empire of the XVIII century.* Moscow: IRI. 195 p. (In Russ.).

Ivanov, A. E. (2016). *The scientific dignity of the Russian Empire. XVIII — early XX century. Training and scientific certification of professors and teachers of higher education.* Moscow: Novy Chronograph. 656 p. ISBN 978-5-94881-334-9. (In Russ.).

Kaznacheev, D. A., Yakushev, A. N. (2006). Problems of legislation in the field of production in the academic degrees of the Russian Empire. *Law and education, 3:* 162—177. (In Russ.).

CC BY

Loba, V. E. (2012). Dissertation research on criminal law, defended at universities of the Russian Empire (1815—1917). *Pravo. Journal of the Higher School of Economics, 4:* 177—183. (In Russ.).

Professor of St. Petersburg University A. A. Foreigners. (2014). St. Petersburg: Supervave Group. 351 p. ISBN 978-5-9443-2796-3. (In Russ.).

Reischauer, E. O. (1957). Serge Elisseeff. *Harvard Journal of Asiatic Studies, 20 (1/2):* 1—35.

Ringer, F. (2008). *The Decline of the German Mandarins: the Academic Community of Germany, 1890—1933.* Moscow: New Literary Review. 645 p. ISBN 978-5-86793-635-8. (In Russ.).

Rostovtsev, E. A. (2017). *Metropolitan University of the Russian Empire: academic class, society and power (the second half of the XIX — early XX century).* Moscow: Political Encyclopedia. 903 p. ISBN 978-5-8243-2022-0. (In Russ.).

Rostovtsev, E. A. (2010). Russian mandarins. The metropolitan professorship, studentship and power at the beginning of the twentieth century. *Rodina. Special edition. Education in Russia: yesterday, today, tomorrow.* 47—52. (In Russ.).

Sanders, T. (2012). The third opponent: dissertations and the public profile of academic history in the Russian Empire. In: *Historical culture of Imperial Russia: the formation of ideas about the past.* Moscow: HSE Publishing House. 161—192. ISBN 978-5-7598-0914-2. (In Russ.).

Shapiro, A. L. (1993). *Russian historiography from ancient times to 1917.* Moscow: Assoc. "Russia". 761 p. (In Russ.).

Skvortsov, A. M. (2010). Preparation and defense of master's theses in the XIX century: the experience of M. S. Kutorga's students. *Mnemon: Research and publications on the history of the ancient world, 9:* 451—468. (In Russ.).

Sveshnikov, O. V. (2016). *Ivan Mikhailovich Greves and the St. Petersburg school of Medievalists of the early XX century. The fate of the scientific community.* Moscow: Center for Humanitarian Initiatives. 420 p. ISBN 978-5-98712-659-2. (In Russ.).

Ulyanova, S. B. (2017). *Strategies for building a scientific career in the context of the anthropology of science. Science in public dialogue: values, communications, organization. Materials of the international scientific conference.* St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg Polytechnic University. Unita. 159—160. (In Russ.).

Vishlenkova, E., Ilyina, K. (2013). About academic degrees and how a dissertation in Russia acquired scientific and practical significance. *New Literary Review, 4 (122):* 84—107. (In Russ.).

The article was submitted 29.10.2023;
approved after reviewing 03.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Соколова Е. В. Сельская поселенческая сеть на территории современной Омской области в последней четверти XIX — начале XX веков / Е. В. Соколова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 473—490. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-473-490.

Sokolova, E. V. (2023). Rural Settlement Network in Territory of Contemporary Omsk Region from Last Quarter of 19th Century to Early 20th Century. *Nauchnyi dialog, 12* (10): 473-490. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-473-490. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-473-490

Сельская поселенческая сеть на территории современной Омской области в последней четверти XIX — начале XX веков

Соколова Евгения Валерьевна
orcid.org/0000-0002-1069-0389
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных,
социально-экономических
и фундаментальных дисциплин
lev-15@mail.ru

Омский государственный аграрный
университет им. П. А. Столыпина
(Омск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 23-28-00891,
https://rscf.ru/project/23-28-00891/
на базе ФГБОУ ВО «Омский
государственный аграрный
университет им. П. А. Столыпина»

Rural Settlement Network in Territory of Contemporary Omsk Region from Last Quarter of 19th Century to Early 20th Century

Evgenia V. Sokolova
orcid.org/0000-0002-1069-0389
PhD in History, Associate Professor,
Department of Humanitarian Socio-
Economic and Fundamental Disciplines
lev-15@mail.ru

Omsk State Agrarian University
named after P. A. Stolypin
(Omsk, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00891,
https://rscf.ru/project/23-28-00891/
based on Omsk State Agrarian University
named after P. A. Stolypin

© Соколова Е. В., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются особенности формирования сельской поселенческой сети на территории современной Омской области в последней четверти XIX — начале XX веков. Актуальность исследования обусловлена интересом общества и государства к сельской истории, а также расширением источниковой базы, что связанно с популяризацией музейных коллекций и личных архивов. В ходе исследования автор анализирует широкий круг источников и выявляет особенности заселения территории, образа жизни, быта крестьян, особенности взаимоотношений переселенцев и старожилов. Автор приходит к выводу о значительной роли природно-географических условий в формировании сети сельских поселений, в организации хозяйственной жизни и быта крестьян. Особое внимание автор уделяет изучению хозяйственной жизни крестьян, поскольку она выступала одним из определяющих факторов формирования сельской поселенческой сети территории. Исследование показало, что основным занятием крестьян Омского Прииртышья являлось землепашество, несмотря на ограниченное количество удобных пахотных земель. Скотоводство не выходило за рамки хозяйственного значения. Дополнительный доход крестьян зависел от места расселения и определялся природными богатствами территории. Природно-географическими условиями определялся и внешний облик поселений.

Ключевые слова:
сельская поселенческая сеть; переселение; сибирская деревня; Омская область; Омское Прииртышье; Среднее Прииртышье; Тарский уезд (округ); Тюкалинский уезд (округ).

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the characteristics of the formation of the rural settlement network in the territory of modern Omsk region during the last quarter of the 19th century through the early 20th century. The relevance of this study is driven by societal and governmental interest in rural history, as well as by the expansion of the source base, which is related to the popularization of museum collections and personal archives. Throughout the research, the author analyzes a wide range of sources and identifies features of the territory's settlement, lifestyle, and everyday life of peasants, as well as the nature of relationships between settlers and natives. The author concludes that natural and geographical conditions played a significant role in shaping the network of rural settlements, organizing economic life, and the daily routines of peasants. Particular attention is paid to the study of the economic life of peasants, as it was one of the defining factors in the formation of the rural settlement network of the territory. The investigation reveals that agriculture was the main occupation for peasants in the Omsk Irtysh region, despite the limited amount of arable land available. Livestock breeding was confined to its economic significance. Additional income for peasants depended on their settlement location and was determined by the natural resources of the territory. Natural and geographical conditions also dictated the external appearance of settlements.

Key words:
rural settlement network; resettlement; Siberian village; Omsk region; Omsk Irtysh area; Middle Irtysh area; Tarsky district (county); Tyukalinsky district (county).

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(571.13)“1875/1925”

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Сельская поселенческая сеть на территории современной Омской области в последней четверти XIX — начале XX веков

© Соколова Е. В., 2023

1. Введение = Introduction

Формирование сельской поселенческой сети сегодня вызывает интерес не только у исторического сообщества, но и у политологов, социологов, психологов, представителей власти. Это обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, одним из приоритетных направлений политики государства является создание условий для устойчивого развития сельских территорий. Для разработки мер по реализации данного направления политики необходимо изучить имеющийся опыт основания и развития поселений, а также причины, приводящие к изменениям на сельской карте в отдельные периоды. Во-вторых, сегодня доступны многие музейные коллекции, документы из личных и семейных архивов, которые позволяют комплексно подойти к изучению заявленного вопроса. Параллельно с этим уходят из жизни свидетели прошлого, носители уникальной информации о процессах, происходивших в российской деревне в первой половине XX века и в период укрупнения хозяйств, когда на карте сельских поселений произошли значительные перемены.

Сельская поселенческая сеть на территории современной Омской области начинает формироваться с конца XVI века и проходит несколько этапов. На каждом из этапов она приобретает определенные очертания, сочетая в себе следы влияния целого комплекса факторов как объективного, так и субъективного характера. На протяжении всего периода формирования сельской поселенческой сети Омской области на ее карте происходили серьезные изменения. Эти изменения были не только следствием государственной политики, но и итогом реализации потребностей сельских жителей (например, потребность в ведении хозяйства и необходимость кормить семью привели жителей западных и центральных губерний в Сибирь в поисках земли; потребность в обучении детей стала одной из причин расселения мелких деревень в XX веке). Наиболее значимые изменения произошли на карте сельских поселений Омской области в последней четверти XIX — начале XX веков: в этот период в результате внутренней миграции

CC BY

и переселенческой политики государства на карте появилось много новых поселений. Этим определены хронологические рамки работы.

Территориальные рамки исследования ограничены территорией современной Омской области. В исторической литературе обозначенная территория определяется как *Омское* или *Среднее Прииртышье*. В настоящей работе данные названия будут употребляться как равнозначные. В дореволюционных изданиях в границах территории современной Омской области выделяются Тарский уезд / округ, Тюкалинский уезд / округ и частично Омский уезд. Территория Тарского уезда / округа в литературе часто обозначается как Тарское Прииртышье.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Предметом настоящего исследования выступает процесс формирования в последней четверти XIX — начале XX веков сельской поселенческой сети на территории современной Омской области.

Цель работы — установить особенности формирования сельской поселенческой сети на данной территории в указанный период.

Источниковую базу исследования составил широкий круг материалов, привлечение которых в комплексе позволило всесторонне изучить заявленную проблему. Значительная роль в данном исследовании принадлежит изданиям дореволюционного периода. Они представляют собой ценный корпус источников: дореволюционные описания выступают «фотографиями своего времени», запечатлев внешний облик поселений, жизнь и быт их жителей. Кроме того, анализ таких материалов позволяет проследить реализацию проводимой политики на местах.

Основная часть проанализированных нами изданий увидела свет в последней четверти XIX — начале XX веков. Это объясняется несколькими обстоятельствами. В этот период сеть сельских поселений на карте современной Омской области стремительно растет. При этом появляются и новые поселения, и возрастает численность уже существующих населенных пунктов. Это, в свою очередь, влечет за собой изменение облика поселений, вносятся коррективы в их жизнь, обостряется потребность в развитии инфраструктуры. Рост численности населения, в том числе и за счет переселенцев из-за Урала, требует освоения новых территорий, что, как правило, расширяет сферы занятий населения. Эти процессы требуют изучения и описания, поскольку представляют для государства значительный интерес (в том числе при реализации переселенческой и налоговой политики).

Также в статье анализируются материалы «устной истории», собранные автором самостоятельно.

CC BY

При проведении исследования мы руководствовались ключевыми принципами исторической науки: принципом историзма, принципом объективности, принципом системности. Применялись подходы «новой локальной истории», что позволило рассмотреть процесс формирования сельской поселенческой сети Омской области в контексте общероссийской истории.

Значительный вклад в изучение процесса формирования сельской поселенческой сети в Западной Сибири внесли В. А. Зверев [Зверев, Татарникова, 2005], А. И. Татарникова [Татарникова, 2013; Татарникова, 2019; Татарникова, 2022; Татарникова, 2022; Татарникова, Чуркин, 2020], Г. С. Хорохордин [Хорохордин, 2021; Хорохордин, 2021], О. В. Усольцева [Усольцева, 2018], М. В. Дорофеев [Дорофеев, 2009], Л. Н. Мазур [Мазур, 2003] и др.

Вопросам формирования сельской поселенческой сети Среднего Прииртышье посвятил свои исследования А. Д. Колесников [Колесников, 1999]. Он установил даты основания ряда сельских поселений, выявил основные тенденции земледельческого освоения территории.

Значительный материал, отражающий факты заселения Среднего Прииртышья, представлен в работах краеведов. Особенно ценны в краеведческих изданиях фотоматериалы и воспоминания старожилов. Среди краеведческих работ следует выделить труды Т. Г. Костиной [Костина, 2004], М. В. Куроедова [Куроедова, 1998], Г. А. Оселедцева [Оселедцев, 1993], Ю. Плотникова [Плотников, 2004], Ф. К. Расташанского [Расташанский, 2004], М. Санькова [Саньков, 1994] и других [Щербакуль, 2013; Один…, 2016].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Основание поселений в Омском Прииртышье

Поселки Тарского округа были основаны выходцами из Вятской, Курской, Пермской, Казанской, Гродненской, Минской, Харьковской, Черниговской, Тамбовской губерний (основная часть — выходцами из Курской и Вятской губерний). Новые семьи приходили в Тарское Приитышье часто после писем от родственников, которые здесь уже обосновались и были довольны условиями жизни. Прибывшие переселенцы подселялись в уже основанные деревни, а потом подыскивали место для собственного селения. Отношения между старожилами и переселенцами складывались поразному. Например, поселок Троицкий (другое название — *Опушкина заимка*) Седельниковской волости Тарского округа был основан в 1891 году, когда сюда прибыло около 20 семейств переселенцев из Пермской губернии. Не имея на примете места для расселения, они решили остановиться в Седельниковской волости, о которой знали по письмам живших там земляков. В первый год они прожили у старожилов по разным селениям этой волости, подыскивая в то же время пригодный участок. В этот год они на-

CC BY

нимались на работу к старожилам. «… Некоторые, у которых семья большая, а работников мало, ходили по миру. Работу было найти не трудно, но платили слишком мало <…> Скопить на первое обзаведение ничего не удалось. Всем им понравилась Опушкина заимка в глухом лесу. Отправили ходока в Омск в Управление государственных имуществ и получили разрешение селиться. Летом 1892 года еще оставались на квартирах у старожил; на заимку приезжали только в свободное время и поднимали землю для озимого посева, да заготовляли сено к зиме. Все время в страду было занято работами у старожил, а потому избы стали строить только осенью» [Историко-статистическое …, 1895, с. 53]. Были и другие примеры. Так, старожилы поселка Чибурлинского Рыбинской волости Тарского округа охотно помогали переселенцам, выделяя им часть готовых паров [Историко-статистическое …, 1895, с. 31].

Часть поселков появились в результате внутренней миграции и переселения из-за Урала. Например, поселок Бичелинский Тевризской волости Тарского округа основан выходцами из Викуловской волости Тарского округа и Тевризской волости Тарского округа. Затем сюда переселились выходцы из Курской губернии.

Поселки Тюкалинского округа были основаны выходцами из Орловской, Минской, Черниговской, Курской, Киевской, Виленской, Харьковской, Уфимской, Тамбовской, Рязанской, Пензенской, Нижегородской, Полтавской, Витебской губерний. В отличие от Тарского округа, поселки Тюкалинского округа были образованы, чаще всего, выходцами нескольких губерний. Отношения со старожилами складывались по-разному.

3.2. Взаимоотношения старожилов и переселенцев

Взаимоотношения старожилов и переселенцев зависели от многих факторов. Частым явлением были конфликты, которые провоцировали чаще всего старожилы. Причиной конфликтов выступала земля или лесные угодья, особенно в южной части области, где лес был дефицитным ресурсом.

Однако ни старожилы, ни переселенцы не были заинтересованы в создании конфликтных ситуаций: старожилы не хотели привлекать внимание местной власти, чтобы не лишиться удобной земли, а переселенцы, не имея опыта жизни и ведения хозяйства в сибирских условиях, были вынуждены искать помощи у старожилов.

Отдельный научный интерес представляют конфликты переселенцев и местного коренного населения. Причиной таких конфликтов выступала земля. Подобного рода конфликты становятся наиболее острыми в последней четверти XIX — начале XX веков. Это обусловлено тем, что сокращается фонд свободных пахотных земель, переселенцы начинают претендовать на земли, занятые коренным населением. В Тарском филиале

CC BY

Исторического архива Омской области сохранились документы, которые иллюстрируют конфликт между переселенцами и татарами юрт Темшиняковских Тарского округа по поводу земли [Тарский филиал].

Если рассматривать в целом переселенческий процесс в последней четверти XIX — начале XX веков, то конфликты между старожилами и переселенцами были обычной практикой. Этот вопрос подробно рассматривали в своих работах А. К. Кириллов, А. Г. Караваева, М. К. Чуркин и др. [Кириллов и др., 2017а; Кириллов и др., 2017б; Кириллов и др., 2017с; Кириллов, 2019; Чуркин, 2006].

3.3. Хозяйственная жизнь крестьян Омского Прииртышья

Основу хозяйственной жизни сельских поселений составляли хлебопашество и скотоводство. Если позволяли обстоятельства, крестьяне занимались промыслами или уходили работать на железную дорогу. Возможности для ведения пашни, качество и особенности земли подробно описаны в «Материалах для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири». Этот вопрос особенно интересен при изучении процесса формирования сельской поселенческой сети, поскольку именно наличие удобной для заведения пашни земли определяло место основания поселений. Крестьяне в поисках лучших земель продвигались в глубь Сибири, писали ходатайства о переводворении на другие участки. Также земля была одним из предметов конфликтов в крестьянской среде.

Анализ описания земельного фонда Тарского и Тюкалинского округов позволяет сделать вывод о наличии здесь хороших земель, пригодных для хлебопашества, хотя они существенно уступали по качеству землям центральных и западных губерний. Отличительной географической особенностью территории Тарского округа / уезда являлось то, что большая его часть расположена в лесной и таежной зоне. Этим во многом определялся образ жизни местного населения. Наиболее плодородные почвы были расположены на территории Логиновской волости, Такмыкской волости, части Бергамакской, Малокрасноярской и Аялымской волостей. Основным занятием жителей названных волостей являлось землепашество. Вследствие этого данная территория была самой привлекательной для переселенцев.

Часть Тарского округа / уезда занимали луга. Преимуществом такой территории были хорошие пастбища, что позволяло заниматься здесь скотоводством. В луговом районе часто встречались татарские юрты: «… татары пользуются большим количеством сенокосных пространств, чем русские, но зато и хлебопашеством они занимаются в меньшей степени» [Материалы …, вып. 7, с. 25].

Особым богатством считался лес. Занимая значительную часть Тарского округа / уезда (север Слободчиковской волости, Тавско-Утузская,

CC BY

Саргатскую, Тевризская, Каурдатская, Седельниковская волости и север Бергамакской волости), он не только был материалом для строительства и использовался в качестве топлива, но и позволял получать дополнительный доход, организовывая промыслы. Основу хозяйственной жизни здесь составляла охота: «Как и следует ожидать, лесной и звериный промысел (на общем местном жаргоне “урманный”) преобладает над другими заработками» [Материалы…, вып. 7, с. 26]. Однако, лесные и таежные районы заселялись слабо; одной из причин этого была их относительная удаленность и отсутствие удобных для ведения хозяйства земель.

Значительную часть территории занимали болота. Территория болот долгое время оставалась незаселенной, а в XX веке заболоченность стала одной из причин переселения крестьян в другие населенные пункты.

Территория Тюкалинского уезда / округа в хозяйственном отношении существенно отличалась от Тарского Прииртышья. Анализ изученных материалов показывает, что данная территория была бедна лесом, зато богата реками и озерами.

Особенно бедными лесом были южные волости Тюкалинского округа. Их жители были вынуждены покупать лес в соседних волостях. В «Материалах для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири» (вып. 6. Тюкалинский округ) отмечается, что леса истребляютсчя самым варварским образом, без меры, валежник и сучья остаются в лесу. Автор Материалов отмечает: «… Случается также, что переводят леса из каких-то диких побуждений. Разнесется, например, слух, что хотят в таком-то месте водворить переселенцев и крестьяне ближайших селений, боясь, чтобы не отвели переселенцам часть их леса, начинают усиленно рубить его, лишь бы не досталось ничего переселенцам. Бывали случаи, что крестьяне вырубали таким образом весь лес до последнего дерева» [Материалы …, вып. 6, с. 26].

Жители Тюкалинского округа особенно интересно характеризуют свои земли: «…Земля, как больной желудок, не переваривает «назема»» [Материалы …, вып. 6, с. 4]. При этом отмечается, что крестьяне получают хороший урожай, хотя и усилий для этого требуется прикладывать больше. Среди местных и переселенцев не было единого подхода к использованию удобрений: местные считали, что применение удобрений способствует росту травы, а переселенцы — что «… удобрение приносит пользу почве», однако они «не удабривают землю вследствие избытка ея» [Материалы…, вып. 6, с. 9].

И всё же, несмотря на бедность почвы, наличие значительного количества свободных земель выступало для переселенцев привлекательным фактором. Это объясняется острой проблемой малоземелья в центральных губерниях России и возможностью существенно увеличить земельный

CC BY

надел при переселении. Например, в работе П. В. Халютина, изданной в 1902 году, организация земледелия в поселке Львовском Тюкалинского уезда описывается следующим образом: «В настоящее время под посевами 906 десятин или в среднем по 8,23 дес. на двор, тогда как на родине засевали 348 десятин или по 3,2 дес. на двор» [Халютин, 1902, с. 10].

Природно-климатические условия и наличие пастбищ позволяли развивать на территории Среднего Прииртышья скотоводство. В Тюкалинском округе скотоводство имело в первую очередь хозяйственное значение: разведение животных обеспечивало крестьян продуктами питания (например, молоком или маслом), а лошади выступали тягловой силой при работе в поле.

В Тарском округе главным продуктом молочного скотоводства было не молоко, а получаемое из него масло, которое крестьяне некоторых селений готовили для продажи. Среди таких селений можно отметить Моховое озеро, Рыбинское, Крайчиковское, Шорина, Ново-Логиновское, Усть-Ишимское, Мамешева и некоторые другие. Стоимость одного пуда масла составляла от 6 рублей до 7 рублей 25 копеек, а продавали его на ближайших ярмарках, возили в Тару и Тюкалинск. Сбывали масло и местным скупщикам, которые объезжали селения, покупали масло для дальнейшей перепродажи. Например, крестьяне села Ново-Логиновское продавали масло купцу Калижникову, который держал в селе Евгащинском лавку [Материалы …, вып. 16, с. 17].

Одной из особенностей Тюкалинского округа было проживание здесь киргизов. В деревнях, соседствующих с киргизскими кочевьями, крестьяне держали табуны лошадей, которые насчитывали более ста голов. В этом случае лошадей разводили с промышленной целью. Однако этот вид занятия был низкоприбыльным: «… Лошадь кормят они 4—5 лет, а продают за 15—20 руб., что не покрывает, очевидно, даже расходов на корм. Впрочем, в Баженовской и Карасукской волостях, в особенности в выселке Чернова, некоторые богатые крестьяне разводят лошадей улучшенных пород и продают их по высокой цене: рублей за 100 и больше. Это приносит им, конечно, хорошую пользу, но занимаются этим только очень немногие богачи» [Материалы …, вып. 6, с. 22]. В Тарском округе наибольшее поголовье крупного рогатого скота и лошадей регистрировалось в татарских селениях: «… татары не прочь и продать и выменять лошадей, и при малом количестве пашни и отсутствии склонности к хлебопашеству это занятие составляет не малую статью их бюджета» [Материалы…, вып. 16, с. 14].

Кроме лошадей и крупного рогатого скота, разводили овец: особенно овцеводство было развито в степной и лесостепной зонах (Тюкалинский округ). Основная цель их разведения — получение шерсти и овчины. Но отмечаются случаи и промышленного разведения.

CC BY

Характеристика хозяйственной жизни крестьянских семей Омского Прииртышья подтверждается и дополняется сведениями, которые представлены в «Справочной книге Омской епархии» И. Голошубина, изданной в 1912 году. Описывая деревни и села, входящие в состав Омской епархии, автор приводит данные об их основании, социальном и экономическом облике, образе жизни селян. Например, село Борисовское Акмолинской области Омского уезда охарактеризовано так: «… Главное занятие прихожан — хлебопашество и скотоводство, благодаря ровной местности с порядочным слоем чернозема. Средний посев у зажиточных до 30 дес., у средних — до 10 дес. и у бедных — до 3 дес. Сеют пшеницу, овес и просо. … Молочное хозяйство в приходе не развито: скот держат специально для мяса. В приходе нет ни одного сепаратора. Овцеводством прихожане занимаются исключительно для себя. Никакими побочными предприятиями или ремеслами прихожане не занимаются» [Голошубин, 1914, с. 37—38]. О селе Нижне-Колосовском Тарского уезда он пишет: «… прихожане занимаются хлебопашеством и скотоводством. Зажиточные сеют разного хлеба от 15 до 25 дес., средние — от 5 до 12 дес. и бедные — от 1 до 5 дес. Овцеводство развито в среднем размере. Излишек шерсти продается на месте приезжим купцам. Молочное хозяйство развивается: в селе имеется два сепаратора и 15 — в деревнях. Всего в приходе 4 маслобойных завода. Все принадлежат частным лицам. В реке Оша ловится: щука, налим, окунь, ерш, язь, карась и чебак» [Там же, с. 832—833].

Промыслы и дополнительные виды занятий были сильно зависимы от особенностей местности того или иного селения. В плане организации промыслов самым выгодным районом был таежный район на севере современной Омской области. В центральных и южных районах из промыслов имела место рыбная ловля, что объясняется отсутствием или незначительностью здесь лесов и обилием озер. В Тарском округе также имела место рыбная ловля, но она уступала «звериному» промыслу. Исключением является татарское село Усть-Ишим, которое располагалось в месте слияния двух рек — Иртыша и Ишима. Главным рыбопромышленником здесь был Шапошников, у которого в найме были местные жители. Выловленная рыба продавалась на Ирбитской и Ишимской ярмарках.

Основным промыслом в самой северной волости Тарского округа — Седельниковской — была охота. Охотились как на мелких животных (зайцев, белок, колонков), так и на крупных (медведей, лосей). Добычу продавали по принятой здесь цене: например, стоимость одной белки составляла 12—15 копеек, рябчика — 20 копеек за пару, за одного зайца просили от 10 до 12 копеек, за медведя — 16 рублей, за лося — 20 рублей, за оленя — 10 рублей, колонок (пушной зверь) оценивался в 1 рубль [Материалы …,

CC BY

вып. 7, с. 96]. Для сравнения: годовой доход средней крестьянской семьи составлял примерно 400 рублей. Еще одним доходным видом промысла в таежной зоне был сбор и продажа кедровых орехов.

В жизни жителей степного района Тарского округа промыслы играли крайне малую роль. Основным видом дополнительных заработков здесь была продажа продуктов животноводства: масла, сала, кожи, щетины, овчины, овечьей шерсти.

Среди дополнительных занятий в Тюкалинском округе были мельничное дело, катание пимов (валенок); были также чеботари, плотники, сапожники и портные; редко, но встречались маслобойники, печники, стекольщики, коновалы и мастера других дел. В Тарском округе были столяры, пильщики, колесники, сапожники, маслоделы, печники, портные, кадильщики и представители других ремесел. Например, в селе Седельниково одноименной волости Тарского округа «… имеется 1 портной, 4 человека продали масла 10 пуд. на 60 руб., 3 сапожника, 1 рыболов добывает по 7 р. в месяц, 1 оспенник служит за 24 р. в год, 1 служит приказчиком и получает 10 р. в месяц, 7 человек занимаются извозом (село Седельниково находилось не далеко от почтового тракта. — *Е. С.*), 1 бьет шерсть, 1 шорник зарабатывает 60 р. в год, 5 человек занимаются пряжей и тканьем, 1 человек исправляет дорогу за 26 р. в год, 1 ткет сукно по 2 к. за аршин — до 200 аршин в год, 3 человека живут в работниках по 3р. 50 к. в месяц, 4 пастуха получают 50 р., 1 пильщик, 1 плотник, 1 кузнец зарабатывает 10 р. в месяц, 1 трапезник получает 40 р. в год, 1 печник, 1 кирпичник, 1 служит мастером на мельнице за 15 р. в месяц, 1 кадильщик за 15 р. в год, 1 клеит старую посуду, 1 медник, 1 плотник, столяр, стекольщик, 2 человека пускают на постой за 1 руб. в месяц, 1 чел. держит земскую квартиру за 40 р. в год, 5 чел. продали щетины 11 ф. на 7 р.» [Материалы …, вып. 7, с. 99—100].

Были и необычные занятия. Например, жители деревни Кип Тевризской волости сеяли большое количество конопли, а затем продавали конопляное семя и конопляное масло, для изготовления которого в деревне существовали две маслобойни. Еще одним занятием жителей этой деревни было изготовление хлебного вина. В «Материалах для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири» (вып. 7. Тарский округ) П. И. Соколов следующим образом описывает процесс: «Этот хлебный продукт, имеющий сильное одуряющее свойство, называемый в иных местах “полугаром”, в данной местности носит название “самосидки”. Разумеется, добывание этой “самосидки” безусловно воспрещено, во-первых, потому, что торговля и распространение ея составляют ничто иное как безконтрольную продажу одного из винных продуктов неоплаченного акцизным сбором, а во-вторых, потому, что она производит весьма вредное

CC BY

действие на организм, заключая в себе огромный процент сивушного масла <…> Нам удалось случайно наткнуться и увидеть целый маленький завод, в котором выгоняется “самосидка” <…> Практикуется это занятие и в других пунктах лесного района» [Материалы …, вып. 7, с. 106].

Изученные материалы позволили выявить следующую закономерность: чем дальше селение от волостного центра, тем больше ремесленных специальностей в нем представлено. Это было вызвано необходимостью собственными силами удовлетворять потребности населения.

Интересным нам видится вопрос условий наемного труда, которые сложились в рамках изучаемой территории. Так, в работники нанимали преимущественно мужчин. Особый спрос на работников отмечался в весенне-летний сезон. Платили за работу в разных волостях неодинаково. Например, в Тюкалинском округе плата работнику в летний период составляла от 20 до 25 рублей, в весенний период — от 10 до 15 рублей. При этом хорошему годовому работнику платили от 35 до 45 рублей. А среднему — от 25 до 30 рублей. Деньги работники чаще всего брали вперед — зимой.

3.4. Дома крестьян Среднего Прииртышья

В Тарском округе основным материалом для строительства жилья выступала древесина, дефицита которой здесь не испытывали. В Тюкалинском округе ситуация складывалась иначе. В условиях, когда леса было крайне мало, крестьяне были вынуждены искать другие материалы для строительства. Именно поэтому в лесостепных и степных районах современной Омской области частым явлением было строительство землянок. Приведем несколько примеров. В поселке Львовский, где насчитывалось 110 дворов, 59 семей жили в бревенчатых березовых избах, 5 семей в дерновых землянках (их также называли *дерновки*). Также здесь имелись деревянные и плетневые амбары и плетневые помещения для содержания домашнего скота. Переселенцы покупали у старожилов срубы или старые жилые дома, цена пятистенного сруба составляла 70—80 рублей. Иногда дома рубили из собственного леса [Халютин, 1902, с. 8]; «… Строевого леса своего нет. Старожилы не продают вследствие запрещения» [Халютин, 1902, с. 22—23]. Преобладающим типом жилищ в поселке Мариинском Тюкалинского уезда были дерновые землянки: из 124 домохозяев только 23 жили в деревянных избах. Землянки были построены неосновательно, ежегодно требовали ремонта, так как животные разрывали их рогами, а лошади объедали у них дерн из-за большой примеси соли.

Жилищные условия крестьян характеризует И. Голошубин, описывая условия проживания священнослужителей. Например, в селе Ново-Уральском Омского уезда псаломщик проживал в наемной землянке [Голошубин, 1914, с. 85], а в селе Седельниковском Тарского уезда священник и

CC BY

псаломщик проживали в деревянным домах с надворными постройками, хотя эти дома и были неудобными для жизни [Там же, с. 822].

Вопросу жилищных условий крестьянских семей большое внимание уделяют краеведы. Краеведческая информация часто подкрепляется вопоминаниями очевидцев событий и фотоматериалами, сохранившимися в краеведческих музеях и семейных архивах. Например, Юрий Плотников, автор книг об истории Одесского района, так описывает жилища переселенцев конца XIX — начала XX веков: «… Для перекрытий жилищ использовали березовый лес, тальник и бурьян, крыши и стены обмазывали как и испокон веку глиной, смешанной с половой и кизяком. Потолок мазали, как на родине, желтой глиной, смешанной с половой и конским навозом (основная часть переселенцев в Одесский район была выходцами из Украины. — *Е. С.*); после высыхания потолок и стены выбеливали белой глиной или известью, которую привозили казахи. Пол был земляной, утрамбованный, поверху клали слой желтой глины, смешанной с кизяком. Летом этот пол, названный в народе доливка, устилали свежей травой с чабрецом, подорожником и мятой, а зимой соломой, которую использовали по нужде для топки печей» [Плотников, 2003, с. 17—18]. Фотографии изб из глины (рис. 1) и деревянных домов (рис. 2) начала XX века сохранились сегодня в муниципальных музеях и библиотеках, а также в личных и семейных альбомах.

Рис. 1. Дом в с. Генераловка начала XX века (современный Одесский район) [Селу…, с. 3]

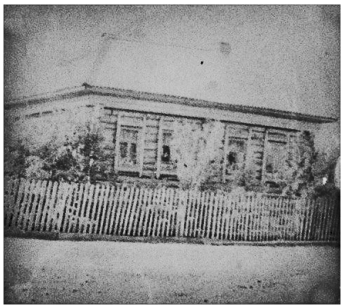

Рис. 2. Дом семьи Алымовых. Деревня Годеново (ныне исчезнувшая деревня Колосовского района) [ЛА]

4. Заключение = Conclusions

Подводя итог, отметим следующее. Сельская поселенческая сеть на территории современной Омской области формировалась начиная с конца XVI века. На этот процесс оказывали влияние ряд объективных и субъективных факторов. Для того чтобы изучить весь комплекс факторов, не-

обходимо использовать широкий круг исторических источников, что обеспечит реализацию системного и междисциплинарного подходов при изучении заявленной проблемы.

В последней четверти XIX — начале XX веков на карте сельских поселений Омского Прииртышья появляется большое количество новых поселений. Вместе с этим растет численность населения уже существующих деревень. Это является результатом как переселения из-за Урала, так и внутренней миграции населения. При выборе места переселенцы ориентировались как на природно-географические особенности территории и наличие доступной питьевой воды, так и на отзывы родственников и односельчан, которые раньше переселились на новые земли. Подселяясь в уже существующие деревни, переселенцы должны были учиться находить контакт со старожилами. Однако нередко между ними возникали конфликты. Основу хозяйственной жизни крестьян составляло землепашество и скотоводство. Большую роль в жизни крестьян играли промыслы, которые особенно зависели от места проживания (в таежных районах, например, главным промыслом была охота, а на юге — рыбная ловля).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Голошубин И.* Справочная книга Омской епархии / И. Голошубин. — Омск : Типография «Иртыш», 1914. — 1250 с.

2. ЛА — *Личный* архив Н. А. Алымова [Колосовский район Омской области].

3. *Материалы* для изучения быта переселенцев, выдворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.) : [В 2-х т.]. Историко-статистическое описание 100 поселков. — Москва : Тип. О-ва распространения полез. кн., 1895. — Т. 1. — 541 с.

4. *Материалы* для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Экономический быт государственных крестьян Тюкалинского округа Тобольской губернии / исследование В. Я. Завадского. — Санкт-Петербург : Тип. Я. И. Либермана, 1889. — Выпуск 6. — 49 с.

5. *Материалы* для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Экономический быт государственных крестьян Тарского округа Тобольской губернии / исследование П. И. Соколова. — Санкт-Петербург : Тип. Я. И. Либермана, 1890. — Выпуск 7. — Ч. 1. — 137 с.

6. *Материалы* для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тарского округа Тобольской губернии / исследование П. И. Соколова. — Санкт-Петербург : Тип. Я. И. Либермана, 1892. — Выпуск 16. — Ч. 2. — 147 с.

7. *Селу* Генераловке 100 лет. Материал хранится в Одесской районной библиотеке [Омская область].

8. *Филиал* бюджетного учреждения Омской области «Исторический архив Омской области» в г. Таре. Ф. 444. Оп. 1. Д. 24.

9. *Халютин В. П.* Переселенцы Тюкалинского уезда Тобольской губернии : описание 6 поселков Покровской волости по данным произведенного в 1901 г. подворного исследования. — Санкт-Петербург : Тип. М-ва Внутр. Дел, 1902. — 79 с.

Литература

1. *Дорофеев М. В.* Поземельные отношения крестьян (переселенцы и старожилы на Алтае в 1880-х гг.) / М. В. Дорофеев // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 322. — С. 95—98.

2. *Зверев В. А.* Развитие сельской поселенческой сети Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX века : историография темы / В. А. Зверев, А. И. Татарникова // Современное историческое сибиреведение XVII — начала XX вв. : сборник научных трудов : к 60-летию профессора В. А. Скубневского. — Барнаул : Аз Бука, 2005. — С. 92—105.

3. *Кириллов А. К.* Игра по юридическим правилам : использование крестьянами начала XX в. юридических тонкостей в борьбе за свои интересы (Ново-Шульбинское противостояние старожилов с переселенцами) / А. К. Кириллов, А. Г. Караваева // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2017а. — № 1. — С. 43—49. —DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-43-49.

4. *Кириллов А. К.* «Над схваткой» : позиция власти в конфликтах между старожилами и переселенцами по ходу Великого сибирского переселения / А. К. Кириллов, А. Г. Караваева // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». — 2017б. — Т. 22. — С. 59—67.

5. *Кириллов А. К.* Сельскохозяйственные ресурсы общего пользования в западносибирской деревне : механизм возникновения старожильческо-переселенческих конфликтов в 1870—1890-е годы. Антоньевский случай / А. К. Кириллов, М. А. Гордеева, А. Г. Караваева // Историко-экономические исследования. — 2017в. — Т. 18. — № 1. — С. 183—218. — DOI: 10.17150/2308-2588.2017.18(1).193-218.

6. *Кириллов А. К.* Столкновения переселенцев и старожилов в Сибири накануне и в ходе столыпинского переселения : функции социального конфликта / А. К. Кириллов // Историко-экономические исследования. — 2019. — Т. 20. — № 4. — С. 625—639. — DOI: 10.17150/2308-2488.2019.20(4).625-639.

7. *Колесников А. Д.* Омская пашня / А. Д. Колесников. — Омск : Обл. ист.-патриот. об-ние «Моя земля», 1999. — 106 с.

8. *Костина Т. Г.* Здесь Родины моей начало. История Знаменского района / Т. Г. Костина. — Омск : ОГУП «Омская областная типография», 2004. — 238 с.

9. *Куроедов М. В.* История Называевска и Называевского района / М. В. Куроедов. — Омск : Издатель-полиграфист, 1998. — 228 с. — ISBN 5-901062-01-9.

10. *Мазур Л. Н.* Уральская деревня в 1930-е — 1980-е годы : основные тенденции развития системы расселения / Л. Н. Мазур // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — 2003. — № 4 (33). — С. 14—30.

11. *Один* из малых городов России. Иссилькулю 120 лет / Г. Р. Гензель, Т. В. Ковлягина, И. П. Бурлачко и др. — Омск : ООО «Омскбланкиздат», 2016. — 400 с.

11. *Оселедцев Г. А.* На Оми-реке Калачинск / Г. А. Оселедцев. — Омск : Омское книжное издательство, 1993. — 206 с. — ISBN 5-85540-319-X.

12. *Плотников Ю.* Жизнь и судьба / Ю. Плотников. — Омск : [б. и.], 2004. — 256 с.

13. *Расташанский Ф. К.* Земля при Аеве / Ф. К. Расташанский. — Омск : Омская областная типография, 2004. — 228 с. — ISBN 5-87367-006-4.

14. *Саньков М.* Марьяновский меридиан. Очерки истории района / М. Саньков. — Омск : ИПК «Омич», 1994. — 190 с. — ISBN 5-86849-136-X.

15. *Татарникова А. И.* Населенные пункты Тобольской губернии : административный и самовольный способы образования и особенности развития во второй половине XIX — начале XX вв. / А. И. Татарникова // Genesis : исторические исследования. — 2019. — № 1. — С. 17—27. — DOI: 10.25136/2409-868X.2019.1.28630.

16. *Татарникова А. И.* Сеть сельских поселений Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX века : масштабы и социальное развитие / А. И. Татарникова. — Тобольск : ТКНС УрО РАН, 2013. — 236 с. — ISBN 978-5-9288-0237-0.

17. *Татарникова А. И.* Сеть сельских поселений Тобольского округа/уезда во второй половине XIX — первой трети XX веков : масштабы и инфраструктура / А. И. Татарникова // Былые годы. — 2022. — № 17 (3). — С. 1227—1236. — DOI: 10.13187/bg.2022.3.1227.

18. *Татарникова А. И.* Томская деревня в 1900—1920-е гг. : динамика численности и величины / А. И. Татарникова // Genesis : исторические исследования. — 2022. — № 10. — С. 49—58. — DOI: 10.25136/2409-868X.2022.10.38988.

19. *Татарникова А. И.* Аграрная колонизация Западной Сибири и Степного края в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX — начала XX вв. / А. И. Татарникова, М. К. Чуркин // Genesis : исторические исследования. — 2020. — № 1. — С. 1—9. — DOI: 10.25136/2409-868X.2020.1.31716.

20. *Усольцева О. В.* Сельская поселенческая сеть Томской области (1940—1980-е гг.) / О. В. Усольцева. — Томск : ДЕМОС, 2018. — 268 с. — ISBN 978-5-9904710-0-9.

21. *Хорохордин Г. С.* Применение картографических материалов конца XIX — начала XX в. при характеристике процесса развития сельской поселенческой сети Томского уезда Томской губернии / Г. С. Хорохордин // Вестник Томского государственного университета. История. — 2021. — № 70. — С. 144—151. — DOI: 10.17223/19988613/70/20.

22. *Хорохордин Г. С.* Развитие сухопутной транспортной системы сельской поселенческой сети Томского округа-уезда во второй половине XIX — первой четверти XX в. / Г. С. Хорохордин // Известия Алтайского государственного университета. — 2021. — № 6 (122). — С. 56—61. — DOI: 10.14258/izvasu(2021)6-08.

23. *Чуркин М. К.* Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX — начале XX вв. : детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации / М. К. Чуркин. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. — 376 с. — ISBN 5-8268-0903-5.

24. *Щербакуль* от века и до века : 1893—2013 гг. / под общ. ред. Л. С. Евсеева. — Омск : ООО «Омскбланкиздат», 2013. — 464 с. — ISBN 978-5-8042-0303-1.

Статья поступила в редакцию 22.09.2023,
одобрена после рецензирования 03.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

Material resources

Branch of the budgetary institution of the Omsk region "Historical Archive of the Omsk region" in Tara. F. 444. Op. 1. 24. (In Russ.).

Goloshubin, I. (1914). *Reference book of the Omsk diocese.* Omsk: Printing house "Irtysh". 1250 p. (In Russ.).

Khalyutin, V. P. (1902). *Settlers of the Tyukalinsky district of the Tobolsk province: description of 6 settlements of the Pokrovskaya volost according to the data of a house-*

hold study conducted in 1901. St. Petersburg: Type. M-va Internal. Affairs. 79 p. (In Russ.).

LA — *Personal archive of N. A. Alymov [Kolosovsky district of Omsk region].* (In Russ.).

Materials for the study of the economic life of state peasants and foreigners of Western Siberia. The economic life of the state peasants of the Tyukalinsky district of the Tobolsk province, 6. (1889). St. Petersburg: J. I. Lieberman Type. 49 p. (In Russ.).

Materials for the study of the economic life of state peasants and foreigners of Western Siberia. The economic life of the state peasants of the Tarsky district of the Tobolsk province, 7 (1). (1890). St. Petersburg: J. I. Lieberman Type. 137 p. (In Russ.).

Materials for the study of the economic life of state peasants and foreigners of Western Siberia. The economic life of state peasants and foreigners of the Tarsky district of the Tobolsk province, 16 (2). (1892). St. Petersburg: J. I. Lieberman Type. 147 p. (In Russ.).

Materials for the study of the life of immigrants expelled to the Tobolsk province for 15 years (from the late 70s to 1893): [In 2 volumes]. Historical and statistical description of 100 settlements, 1. (1895). Moscow: Type. The distribution of useful books. 541 p. (In Russ.).

The village of Generalovka is 100 years old. The material is stored in the Odessa Regional Library [Omsk region]. (In Russ.).

References

Churkin, M. K. (2006). *Resettlement of peasants of the chernozem center of European Russia to Western Siberia in the second half of the XIX — early XX centuries: determining factors of migration mobility and adaptation.* Omsk: Publishing House of OmGPU. 376 p. ISBN 5-8268-0903-5. (In Russ.).

Dorofeev, M. V. (2009). Land relations of peasants (settlers and old-timers in Altai in the 1880s). *Bulletin of Tomsk State University, 322:* 95—98. (In Russ.).

Khorokhordin, G. S. (2021). The development of the land transport system of the rural settlement network of the Tomsk district-county in the second half of the XIX — first quarter of the XX century. *Izvestiya Altai State University, 6 (122):* 56—61. DOI: 10.14258/izvasu(2021)6-08. (In Russ.).

Khorokhordin, G. S. (2021). The use of cartographic materials of the late XIX — early XX centuries in characterizing the development process of the rural settlement network of the Tomsk district of the Tomsk province. *Bulletin of the Tomsk State University. History, 70:* 144—151. DOI: 10.17223/19988613/70/20. (In Russ.).

Kirillov, A. K., Gordeeva, M. A., Karavaeva, A. G. (2017c). Agricultural resources of common use in the West Siberian village: the mechanism of the emergence of old-age settlement conflicts in the 1870s—1890s. *The Antoniev case. Historical and economic research, 18 (1):* 183—218. DOI: 10.17150/2308-2588.2017.18(1) .193-218. (In Russ.).

Kirillov, A. K., Karavaeva, A. G. (2017a). Playing by legal rules: the use of legal subtleties by peasants at the beginning of the XX century in the struggle for their interests (Novo-Shulbinsky confrontation of old-timers with immigrants). *Bulletin of Kemerovo State University, 1:* 43—49. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-43-49. (In Russ.).

Kirillov, A. K., Karavaeva, A. G. (2017b). "Above the fray": the position of power in conflicts between old-timers and migrants during the Great Siberian migration. *Proceedings of Irkutsk State University. The series "History", 22:* 59—67. (In Russ.).

Kirillov, A. K. (2019). Clashes of migrants and old-timers in Siberia on the eve and during the Stolypin resettlement: functions of social conflict. *Historical and economic research, 20 (4):* 625—639. DOI: 10.17150/2308-2488.2019.20(4).625-639. (In Russ.).

Kolesnikov, A. D. (1999). *Omsk arable land.* Omsk: Regional East.-patriot. The "My Land" edition. 106 p. (In Russ.).

Kostina, T. G. (2004). *Here is the beginning of my homeland. The history of the Znamensky district.* Omsk: OGUP "Omsk regional Printing House". 238 p. (In Russ.).

Kuroedov, M. V. (1998). *The history of Zyvaevsk and Zyvaevsky district.* Omsk: Publisher-polygraphist. 228 p. ISBN 5-901062-01-9. (In Russ.).

Mazur, L. N. (2003). The Ural village in the 1930s — 1980s: the main trends in the development of the settlement system. *Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Foundation, 4 (33):* 14—30. (In Russ.).

One of the small towns of Russia. Issilkul is 120 years old. (2016). Omsk: Omskblankizdat LLC. 400 p. (In Russ.).

Oseledtsev, G. A. (1993). *On the Omi river Kalachinsk.* Omsk: Omsk Book Publishing Houseю 206 p. ISBN 5-85540-319—X. (In Russ.).

Plotnikov, Yu. (2004). *Life and fate.* Omsk: [B. I.]. 256 p. (In Russ.).

Rastashansky, F. K. (2004). *Land under Aev.* Omsk: Omsk Regional Printing House. 228 p. ISBN 5-87367-006-4. (In Russ.).

Sankov, M. (1994). *Marianovsky meridian. Essays on the history of the district.* Omsk: IPK "Omich". 190 p. ISBN 5-86849-136-X. (In Russ.).

Shcherbakul from century to century: 1893—2013. (1993). Omsk: Omskblankizdat LLC. 464 p. ISBN 978-5-8042-0303-1. (In Russ.).

Tatarnikova, A. I., Churkin, M. K. (2020). Agrarian colonization of Western Siberia and the Steppe region in the socio-political discourse of the second half of the XIX — early XX centuries. *Genesis: Historical Research, 1:* 1—9. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.1.31716. (In Russ.).

Tatarnikova, A. I. (2019). Settlements of the Tobolsk province: administrative and unauthorized methods of education and features of development in the second half of the XIX — early XX centuries. *Genesis: historical research, 1:* 17—27. DOI: 10.25136/2409-868X.2019.1.28630. (In Russ.).

Tatarnikova, A. I. (2013). *The network of rural settlements in Western Siberia in the second half of the XIX — early XX century: scale and social development.* Tobolsk: TKNS UrO RAS. 236 p. ISBN 978-5-9288-0237-0. (In Russ.).

Tatarnikova, A. I. (2022). The network of rural settlements of the Tobolsk district/county in the second half of the XIX — first third of the XX centuries: scale and infrastructure. *Bygone years, 17 (3):* 1227—1236. DOI: 10.13187/bg.2022.3.1227. (In Russ.).

Tatarnikova, A. I. (2022). Tomsk village in the 1900s—1920s: dynamics of population and size. *Genesis: historical research, 10:* 49—58. DOI: 10.25136/2409-868X.2022.10.38988. (In Russ.).

Usoltseva, O. V. (2018). *Rural settlement network of the Tomsk region (1940s—1980s).* Tomsk: DEMOS. 268 p. ISBN 978-5-9904710-0-9. (In Russ.).

Zverev, V. A., Tatarnikova, A. I. (2005). Development of the rural settlement network of Western Siberia in the second half of the XIX — early XX century: historiography of the topic. In: *Modern historical Siberian studies of the XVII — early XX centuries.* Barnaul: Az Buka. 92—105. (In Russ.).

The article was submitted 22.09.2023;
approved after reviewing 03.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Тихомирова М. Н. Новые поселения татар Нижнего Притарья последней трети XIX века : история основания, структура населения и его жизнеобеспечение / М. Н. Тихомирова, К. Н. Тихомиров // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 491—511. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-491-511.

Tikhomirova, M. N., Tikhomirov, K. N. (2023). New Tatar Settlements in Lower Tara Area in Last Third of 19th Century: Foundation History, Population Structure, and Livelihoods. *Nauchnyi dialog, 12* (10): 491-511. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-491-511. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-491-511

Новые поселения татар Нижнего Притарья последней трети XIX века: история основания, структура населения и его жизнеобеспечение

Тихомирова Марина Николаевна *
orcid.org/0000-0001-8271-8451
кандидат исторических наук,
научный сотрудник
** корреспондирующий автор*
marinat24@mail.ru

Тихомиров Константин Николаевич
orcid.org/0000-0003-1159-1603
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
ktikhomirov@gmail.com

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Новосибирск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено в рамках
государственного задания,
№ темы FWZG-2022-0002.
№ гос. регистрации — 122031600309-1

New Tatar Settlements in Lower Tara Area in Last Third of 19th Century: Foundation History, Population Structure, and Livelihoods

Marina N. Tikhomirova *
orcid.org/0000-0001-8271-8451
PhD in History, research scientist
** Corresponding author*
marinat24@mail.ru

Konstantin N. Tikhomirov
orcid.org/0000-0003-1159-1603
PhD in History, senior research scientist
ktikhomirov@gmail.com

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk, Russia)

Acknowledgments:
The study was carried out as part
of a state assignment, research project
FWZG-2022-0002.
State registration number 122031600309-1

© Тихомирова М. Н., Тихомиров К. Н., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена истории возникновения деревень *Малые Мурлы* Тарского района и *Молодцово* Муромцевского района Омской области, основанных татарами в период массовых миграций в Сибирь. Деревни ныне не существуют. Вводятся в научный оборот документы из региональных архивов. Проанализированы материалы Первой Всероссийской переписи населения 1897 года для изучения половозрастного и этнического состава жителей. В статье проводится реконструкция хозяйственных занятий переселенцев. Авторы приходят к выводу, что д. Малые Мурлы (д. Ново-Мурлинская) основана татарами д. Усть-Тарская в 1870-х годах, а д. Молодцово (выселок Молодцовский) — жителями юрт Чипляровских ранее 1897 года. Сообщается, что оба поселения просуществовали около ста лет. Доказано, что жители обоих поселений мало занимались земледелием, у них было более развито скотоводство, но для него не хватало земельных угодий, так как лучшие земли были заняты старыми поселениями или принадлежали государству. Авторы приходят к выводу о том, что на этапе становления этих поселений наблюдаются похожие черты с еще одной татарской деревней Мамшенкино Большеречинского района Омской области, которая также была основана в этот период и жиели которой затем также разъехались.

Ключевые слова:
новые поселения; татары; локальная история; Омская область.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is dedicated to the history of the establishment of the villages of Malye Murly in the Tarsky District and Molodtsovo in the Muromtsevsky District of the Omsk Region, founded by Tatars during the period of mass migrations to Siberia. These villages no longer exist. The paper introduces documents from regional archives into scholarly discourse. Materials from the First All-Russian population census of 1897 have been analyzed to study the age, gender, and ethnic composition of the inhabitants. The article reconstructs the economic activities of the settlers. The authors conclude that the village of Malye Murly (also known as Novo-Murlinskaya) was established by Tatars from Ust-Tarskaya in the 1870s, while Molodtsovo (also known as Molodtsovsky settlement) was settled by residents of the Chipliarovski yurts prior to 1897. It is reported that both settlements lasted for about a century. Evidence suggests that the inhabitants of both settlements engaged little in agriculture; they had more developed livestock practices but lacked sufficient land resources, as the best lands were occupied by older settlements or belonged to the state. The authors conclude that in their formative stages, these settlements exhibit similar characteristics to another Tatar village, Mamshenkino in the Bolsherechensky District of Omsk Region, which was also founded during this period and whose residents eventually dispersed.

Key words:
new settlements; Tatars; local history; Omsk region.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 911.373(=521.145)“1870/1900”

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Новые поселения татар Нижнего Притарья последней трети XIX века: история основания, структура населения и его жизнеобеспечение

© Тихомирова М. Н., Тихомиров К. Н., 2023

1. Введение = Introduction

Нижнее Притарье находится в Омской области в северо-восточной части. На его территории проживают татары Западной Сибири, которые по отношению к русскому населению и другим переселенцам являются коренными жителями. Первые упоминания о поселениях сибирских татар в бассейне р. Тара в официальных документах Российского царства появились довольно рано, с 1625 года. К середине XIX века здесь в целом сформировалась существующая система расселения татар (населенные пункты находились уже на тех местах, где и сейчас, исчезли сезонные — зимние и летние — поселения и т. д.) [Корусенко, 2006, с. 40, 58—59; Тихомиров и др., 2022, с. 105]. В пореформенный период в Нижнем Притарье расселялись многочисленные переселенцы из Европейских губерний Российской империи. Помимо славянского населения, сюда переселялись небольшие тюркоязычные группы из Поволжья и Урала [Этнографо-археологические ..., 2014, с. 97—100, 107—109]. По завершении их миграций сложился современный этнический облик локальной группы татар этого региона. Она сформировалась преимущественно из местного (сибирскотатарского) субстрата (до 1917 года эти группы населения причислялись к сословию оседлых инородцев) и татар-переселенцев (до 1917 года их этносоциальные категории были более разнообразны, чем у коренных жителей: государственные и ссыльные крестьяне, тептяри, башкиры). Здесь также встречались сибирские бухарцы — этносословная группа, произошедшая от жителей Средней Азии, переселившихся в Сибирь в XVI—XVII веках. Они были малочисленны [Корусенко, 2006, с. 62—84].

В данной работе авторами рассматривается малоизученный вопрос о поселениях, основанных татарами в последней трети XIX века — в период массовых миграций населения в Сибирь. Интерес к изучению процесса появления новых деревень татар связан с тем, что, в отличие от других переселенцев, местные (сибирские) и пришлые татары создали в этот период на территории Омской области мало поселений — не более двадцати [Патка-

CC BY

нов, 1911, с. 70—73; Список…, 1928, с. 2, 4, 8, 10, 50, 64, 66, 72, 76, 78, 82]. Татары-переселенцы, в отличие от других групп мигрантов, предпочитали подселяться в уже существующие поселения местных, сибирских, татар. Это была типичная модель их поведения [Корусенко и др., 2013, с. 94—95].

Цель работы состоит в том, чтобы посредством привлечения новых документов, а также сведений из литературы и других материалов изучить обстоятельства возникновения новых поселений западносибирских татар в низовьях Тары в последней трети XIX века — в период массового переселения населения в Сибирь, рассмотреть структуру населения и его хозяйственные занятия. В это время местными и пришлыми татарами здесь были созданы только деревни — Малые Мурлы Тарского района и Молодцово Муромцевского района Омской области, в отличие от русского населения, основавшего на берегах Тары многочисленные переселенческие деревни [Этнографо-археологические ..., 2014, с. 108—109]. В период Российской империи они назывались д. Ново-Мурлинская и выселок Молодцовский Аялынской инородческой волости Тарского уезда Тобольской губернии (далее по тексту мы не будем повторять, что эта волость была инородческая. — *М. Т., К. Т.*). Они просуществовали около ста лет и оставили о себе мало информации.

Новизна исследования состоит в расширении знаний об истории татар в период массового переселения в Сибирь. Также вводятся в научный оборот новые источники по локальной истории региона.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

К настоящему времени сформировалась историография работ, в которых авторами рассматриваются разные аспекты истории поселений татар Западной Сибири. Существует много публикаций по смежным темам (землепользованию, паниграфии поселений, этническому составу и др.). Однако в подавляющем большинстве исследования посвящены старым татарским поселениям. Это обусловлено тем, что в истории и в этнологии долгое время доминировала традиция изучения ранних периодов истории народов и этнических групп.

Работы, в которых рассматриваются разные аспекты истории поселений татар Омской области, основанных в пореформенный период, практически отсутствуют. Авторы данной статьи провели исследование по исчезнувшей д. Мамшенкино [Тихомирова и др., 2022]. В других областях Сибири образование новых поселений этого периода было связано с татарами-переселенцами. Отметим объемную статью Е. В. Лилявиной об основании этими группами сети новых поселений на территории Томской, Кемеровской областей [Лилявина, 2016]. Также есть работы, где в контексте этнической истории поволжских татар в Сибири и их адаптации

CC BY

рассматривается история основанных ими поселений [Бакиева и др., 2013, с. 161—163; Галеткина, 1998; Тихомирова, 2018, с. 299—300 и др.].

Работы, содержащие информацию непосредственно о деревнях Малые Мурлы и Молодцово, можно разделить на две категории. Первая — это исследования, созданные на основе обработки данных подворных массовых опросов. Они содержат различные сведения (о количестве жителей и числе хозяйств, о структуре населения и др.) [Патканов, 1911, с. 71; Материалы …, 1911, с. 373 и др.; Список …, 1928, с. 8].

Вторая группа объединяет статьи и монографии, в которых в ходе освещения более масштабных вопросов приводится информация, основанная на устных рассказах, архивных документах и других источниках, по истории этих населенных пунктов, ведению хозяйства жителями и др. [Корусенко, 2006, с. 53—59; Селезнев и др., 2006, с. 124; Шарифуллина, 2009, с. 275].

Основным источником статьи являются документы государственных архивов городов Омска (ГИАОО), Тары (ТФ ГИАОО), Тобольска (ГАТ). Среди них есть материалы, освещающие землеустройство новых поселений (раздел 3.1), извлеченные из фондов Тарской поземельно-устроительной и землеотводной партии Министерства земледелия и государственных имуществ в г. Тара Тобольской губернии [ГИАОО, ф. 183, оп. 1, д. 745, 1002; ТФ ГИАОО, ф. Р-444, оп. 1, д. 184]. Половозрастной и этносоциальный состав населения (раздел 3.2) изучался нами по переписным листам Первой Всероссийской переписи населения 1897 года [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1993, 1995]. Пофамильный состав (раздел 3.3) рассматривался по разнородным документам: землеустроительным — карте от 1877 года со списком жителей юрт Ново-Мурлинских, первичным листам переписи 1897 года, поселенным и похозяйственным спискам 1923, 1927—1928 годов из фондов сельских советов [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1993, 1995; ГИАОО. ф. 183, оп. 1, д. 745; ТФ ГИАОО, ф. Р-105, оп. 1, д. 13, 19; Р-735, оп. 1, д. 110]. Хозяйственные занятия (раздел 3.4) жителей изучались по листам переписи 1897 года, Ведомостям Тобольского губернского статистического комитета начала XX века, сельских советов и волостных / районных органов исполнительной власти [ГАТ, ф. И-417, оп. 1, д. 20, 43, 87; оп. 2, д. 1993, 1995; ТФ ГИАОО, ф. Р-105, оп. 1, д. 13, 19; Р-223, оп. 1, д. 17; ф. 735, оп. 1, д. 110].

В работе использованы методы исторического исследования (сравнительно-исторический, историко-типологический). Анализ количественных данных производился математико-статистическими методами. Также применялись специально-дисциплинарные методы полевого археологического обследования (фотофиксация, шурфовка).

В заключение отметим, что статус поселений, их названия и административная принадлежность изменялись. Каждый раз мы будем указывать

CC BY

их в тексте статьи так, как написано в источнике, без приведения к единообразию. К примеру, *выселок Молодцовский* еще назывался *заимка Молодцова / юрты Молодцовские*, а в советский период, в документах с 1921 года до ликвидации — *д. Молодцово*; *д. Ново-Мурлинская* именовалась *юртами Мало-Мурлинскими*, а с 1921 года стала *д. Малые Мурлы*; вместо *Аялынская волость* в начале XX века писали *Аялымская волость* и т. д.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Расположение, обстоятельства возникновения и землеустройства д. Малые Мурлы и д. Молодцово

Омским археологам и этнографам из рассказов жителей с. Усть-Тара Тарского района и д. Чеплярово Большереченского района Омской области известно, что деревни Малые Мурлы (татарское название *Узынгуль*) и Молодцово располагались на правобережье р. Тара. От устья реки первая находилась в 10 км, а вторая — в 27 км (рис. 1—1).

В 2006 году К. Н. Тихомиров проводил археологическое обследование местности недалеко от д. Усть-Тара в урочище Мурлы, где располагалась эта деревня. Были обнаружены артефакты (фрагменты станковых керамических сосудов и столового фаянса, изделий из железа, битый кирпич) и кладбище с остатками деревянных надмогильных сооружений, уничтоженные пожаром 2006 года. Территория поселения граничила с нешироким участком высокой поймы, где можно было пасти скот. Вокруг деревни произрастал сплошной сосновый лес, где жители имели возможность заниматься лесными промыслами.

В архиве хранится единственный план юрт Мало-Мурлинских 1877 года, созданный для перепланирования деревни [ГИАОО, ф. 183, оп. 1, д. 745, л. 1] (рис. 1—3). Примечательно, что на нем поселение указано на другом (левом) берегу р. Тара, однако на документе нет привязки к местности, поэтому сейчас она не выявлена. На плане отмечена одна улица. По ее обеим сторонам нанесено 17 пронумерованных домов с дворами и огородами. Планировалось передвинуть практически все дома за исключением № 10. В документе приведен список хозяев усадеб. Он будет использован нами далее для анализа фамилий.

Год основания деревни остается под вопросом. Самая ранняя дата, связанная с этим поселением, есть на плане — 1877 год. Омский этнограф С. Н. Корусенко путем сопоставления дат и мест рождения жителей, взятых из переписи 1897 года, высчитала, что ее могли основать в начале 1870-х годов [Корусенко, 2006, с. 54]. Добавим, что в «Списках населенных мест…» 1868—1869 годов в версте от д. Усть-Тарская была инородческая д. Мурлинский Лог из 4 дворов (проживало 4 муж. и 3 жен.) [Спи-

OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

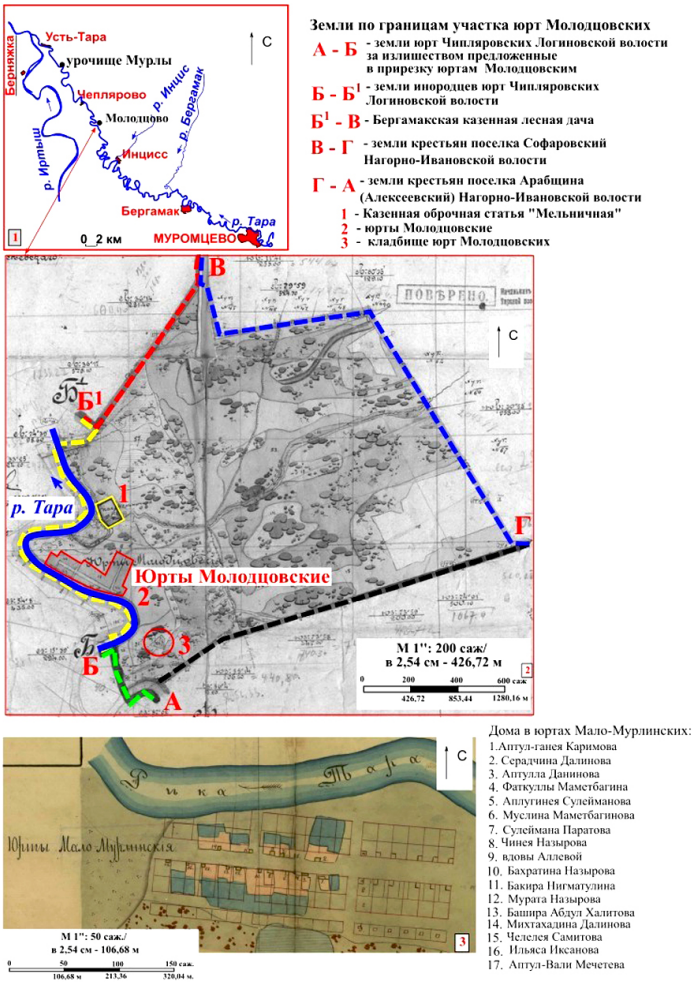

Рис. 1. Картографические материалы по деревням Малые Мурлы и Молодцово.

1. — Расположение деревень Малые Мурлы и Молодцово в урочищах Мурлы и Молодцово, население которых впоследствии разъехалось. *2*. — Проектный план земельного надела, запроектированного инородцам юрт Молодцовских Нагорно-Ивановской волости Тарского уезда Тобольской губернии на 156 душ (1914 г.). Составлен топографом Матросовым [ТФ ГИАОО, ф. Р-444, оп. 1, д. 184]. *3*. — План юрт Мало-Мурлинских Аялымской волости Тарского округа Тобольской губернии с именным списком домохозяев, составленный по предписанию Тобольской Казенной палаты (от 5 сентября 1877 года, по снятию и распланированию в 1882 году). Составлен младшим землемером Тобольской губернии чертежником П. Кремлевым (масштаб: в 1 англ. дюйме — 50 саж.) [ГИАОО, ф. 183, оп. 1, д. 745].

CC BY

ски ..., 1871, с. 113]. Но, неясно, идет ли речь о д. Ново-Мурлинская или это разные поселения, так как в этих местах топоним *мур* («особый вид белой глины») был распространен и использовался в названиях населенных пунктов.

В 1998 году омский археолог М. А. Корусенко проводил обследование местности, где была д. Молодцово, в проекте участвовал К. Н. Тихомиров. В настоящее время на космоснимках это место выглядит так же, как и двадцать лет назад, — не заросшая лесом поляна. На ее поверхности не видны объекты, но прослеживаются дорога и очертания улиц, соответствующие плану поселения 1914 года. Выше по течению реки располагаются остатки кладбища [Урочище] (рис. 1—1).

Филолог Л. В. Шарифуллина, видимо, со слов респондентов, писала: «Деревня была основана в 1886 году зимой, поэтому основателей назвали молодцами». Но эту информацию невозможно проверить по дополнительным источникам, к тому же такое пояснение может быть образцом «народной этимологии». Более репрезентативны в ее материалах сведения о составе поселенцев из ссыльных, якобы, как русских, так и татар из Поволжья. В 1892 году сюда самовольно переселились добровольные переселенцы [Шарифуллина, 2009, с. 275]. Эти данные совпадают с архивными, и они будут рассмотрены в разделе 3.2.

В Протоколе Совещания от 12 апреля 1907 года, которое состоялось в г. Тобольске в Министерстве государственных имуществ по Тобольской губернии и было посвящено вопросу обустройства татар выселка Молодцовский, со слов жителей было записано, что он был образован выселенцами из юрт Чипляровских Аялымской волости из-за разлива р. Тара в 1900 году. Они заявили, что возбуждали ходатайство о перенесении своих усадебных построек на более высокие места, но, не дождавшись решения, самовольно устроились в восточной части Инцинской дачи. Позже к ним подселились выходцы из других поселений Тарского уезда [ГИАОО, ф. 183, оп. 1, д. 1002, л. 3—3 об.]. Мы сомневаемся в правдивости слов жителей о причинах переселения и дате основания, так как уже в 1897 году это было довольно большое поселение из 37 дворов, где проживало 223 человека [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1993]. По итогу разбирательств было решено, что поземельное устройство выселка можно проводить только вместе с юртами Чипляровскими, так как значительная часть домохозяйств — их выходцы. Было рекомендовано образовать для них оброчную статью и выделить земли в аренду площадью 1905,50 десятин (удобной земли — 1827,50 дес., неудобной — 78,00 дес.) [ГИАОО, ф. 183, оп. 1, д. 1002, л. 12—13].

Поземельное устройство выселка было проведено только в 1914 году. Спроектирован план земельного надела на 156 душ площадью 3039 казен-

CC BY

ных десятин 47 саженей (удобной земли — 1940 дес. 29 саж., неудобной — 1099 дес. 19 саж.) (рис. 1—2) [ТФ ГИАОО, ф. Р-444, оп. 1, д. 184].

3.2. Половозрастной и этносоциальный состав жителей, их происхождение и другие сведения по материалам Первой Всероссийской переписи населения 1897 года

В д. Ново-Мурлинская проживало 140 человек в 26 хозяйствах, среди них было больше лиц мужского пола, чем женского (81 и 59 чел.). Население деревни было молодым. Больше всего было детей 0—9 лет — 25 % (35 чел.), потом по численности шли возрастные категории: 10—19 лет — 21,43 % (30 чел.) и 20—29 лет — 19,28 % (27 чел.). Остальных возрастных категорий было около одной трети: 50—59 лет — 10,72 % (15 чел.), 30—39 лет — 10 % (14 чел.), 40—49 лет — 7,86 % (11 чел.). Старше 60-ти лет было 8 человек (5,71 %). На заимке Молодцова жило 223 человека в 37 хозяйствах, среди них также было больше лиц мужского пола, чем женского (130 и 93 чел.). Преобладали две возрастные категории: 0—9 лет — 29,15 % (65 чел.) и 10—19 лет — 20,63 % (46 чел.). Следующих категорий было: 20—29 — 13,45 % (30 чел.) и 40—49 — 12,11 % (27 чел.), 30—39 — 11,21 % (25 чел.). Лиц старше 60 лет было 14 человек (13,45 %).

В д. Ново-Мурлинская больше всего проживало инородцев — 60,71 % (52 муж. и 33 жен.) (местные (сибирские) татары. — *М. Т., К. Т.*). Большая часть из них была рождена в данном поселении, о чем свидетельствуют данные, представленные выше: здесь преобладали дети и молодежь до 20—29 лет. В этой группе также были выходцы из разных населенных пунктов Аялынской волости Тарского округа Тобольской губернии, больше всего — из д. Усть-Тарская и «старый Тартамак» (так написано в документах; это старое поселение д. Усть-Тарская. — *М. Т., К. Т.*) [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 2 об. — 3 об., 19 об. и др.], что логично, так как это ближайшие татарские поселения к д. Ново-Мурлинской и их выходцы основали эту деревню. С. Н. Корусенко при сопоставлении архивных данных выяснила, что часть жителей связаны своим происхождением с д. Усть-Тарской и «старым Тартамаком»: Князевы, Али Оскаровы, Диниповы [Корусенко, 2006, с. 53]. Еще среди мест рождения инородцы указывали Бергамак, Гузенева (Кузенова), Инцысс, Кушелево, Кыргап, Чупляровскую (Чипляровскую), Таксай (в переписном листе — Аялынской волости, хотя относилась к Бухарской инородческой волости. — *М. Т., К. Т.*), Черталы [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 2 об., 5 об., 7 об., 8 об., 9 об. и др.]. Несколько жителей родилось в Семипалатинске и в двух населенных пунктах, которые мы не смогли установить, — Ахмула и Акбазар [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 8 об., 9 об.]. Интересно, что одна из женщин, относимая к сословию инородцев, — Кутумова Биби Шарифа, 42 года, родилась в Казанской

CC BY

губернии Мамадышском уезде. Видимо, она перешла в сословие мужа. Судя по месту рождения, женщина, вероятно, относилась к сословию государственных крестьян [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 11 об.].

Следующая по численности после инородцев сословная группа в д. Ново-Мурлинская были крестьяне — 32,14 % (24 муж. и 21 жен.). Большая часть из них, как и инородцев, предположительно родилась здесь [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 19 об., 21 об. и др.], если принять во внимание, что большинство жителей были дети и молодые люди до 29 лет. В числе других населенных пунктов Аялынской волости, в которых родились переселившиеся сюда жители, в переписных листах зафиксированы следующие: Больше-Мурлинская, Туралинские, «старый Тартамак» (в документе указано «Логиновской волости» (?) Тарского округа Тобольской губернии. — *М. Т., К. Т.*), Усть-Тарская. Одна женщина была из Каинского округа Томской губернии [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 19 об., 21 об., 22 об. и др.]. Около 10 человек приехали из Европейской части России. Они родились в Цивильском, Лаишевском, Казанском, Мамадышском, Спасском уездах Казанской губернии, также по одному человеку — в Бугульминском уезде Самарской губернии и в Челябинском уезде Уфимской губернии [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 16 об., 19 об, 20 об.].

К этой социальной группе относились трое мужчин от 50 до 76 лет, которые числились как «крестьяне из ссыльных». Еще трое мужчин 64, 66, 76 лет записаны как «сын поселенца». Они были из Казанской губернии и двое местных — из д. «старый Тартамак» [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 15 об., 16 об., 17 об., 20 об. — 22 об.].

В деревне было трое мужчин 24, 28, 30 лет, в прошлом служивших в армии. Они были записаны «Запасной рядовой», «Запасной рядовой Тарской...» — далее нечетко написано — «...пожарной команды», «Запасной ефрейтор пожарной команды». Судя по их семьям, они вышли из крестьян. Двое из них были женаты. У одного жена была государственной крестьянкой, у другого — солдаткой, а трое их дочерей — государственными крестьянами [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 17 об., 18 об., 22 об.].

Здесь проживали бухарцы (2 муж. и 3 жен.), рожденные в г. Тара, деревнях Черталы, Усть-Тарская [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 24 об., 26 об.]. К этой деревне была приписана тарская мещанка, православная Семенова Варвара, 53 лет, рожденная в г. Канске Красноярской губернии, разведенная. Она жила у вдовца Халикова Абдулы, 64 лет, и записана *стряпкой* (то есть кухаркой) [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 15 об.].

Сословный и этнический состав заимки Молодцова в 1897 году был пестрым. Здесь преобладали крестьяне — 75,78 % (99 муж. и 70 жен. из 223 чел.). Около половины из этих людей приехали из Европейской ча-

CC BY

сти России, а вторая их часть были местными — из Аялынской волости Тарского округа Тобольской губернии. Около 15 человек родились непосредственно на заимке, на момент переписи населения это были преимущественно маленькие дети; самыми старшими из них были двое — 17-ти и 12-ти лет. Больше всего (16 чел.) было выходцев из Чупляровской (Чипляровской), так как Молодцова было их выселком; также — из Бергамака, Больше-Мурлинской, Гузеневой (Кузеневой), Черталов. Меньше жителей местом рождения указало Кошулево, Темшенякову, Инцисс, «старый Тартамак». Несколько человек родились в Саргатской инородческой волости Тарского округа Тобольской губернии [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1993, л. 5 об., 8 об., 9 об., 14 об., 11 об., 16 об., 20 об., 23 об.]. Несколько человек было приписано к не татарским (не инородческим) поселениям и волостям Тарского округа Тобольской губернии: к д. Усть-Тарская Логиновской волости (в этой деревне давно проживали вместе с татарами русские. — *М. Т., К. Т.*), д. Бабинская Карташевской волости, д. Гущино Такмыкской волости [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1993, л. 11 об., 19 об. И др.].

Государственные крестьяне из Европейской части России происходили из девяти губерний. Пять и более человек родились в Чистопольском и Тетюшкском уездах Казанской губернии, Бугульминском уезде Самарской губернии, Кузнецком и Петровском уездах Саратовской губернии, Челябинском уезде Оренбургской губернии. Также среди мест рождения упоминаются Казанский, Мамадышский, Спасский, Царевококшайский уезды Казанской губернии, Ардатовский, Карсунский, Курмышский, Сызранский уезды Симбирской губернии, Хвалынский уезд Саратовской губернии, Златоустовский, Мензелинский уезды Уфимской губернии, Камышловский уезд Пермской губернии, Глазовский уезд Вятской губернии, Чембарский уезд Пензенской губернии. Среди мужчин были ссыльные крестьяне — 23 человека от 27 до 86 лет. Они родились в тех же губерниях Европейской части России, что и основная масса крестьян [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1993, л. 1 об., 6 об., 7 об., 12 об., 22 об., 26 об, 27 об.]. В Молодцовой было два запасных рядовых. Их жены были причислены к солдаткам. Они были выходцами из крестьян из Европейской части России [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1993, л. 24 об.].

Здесь встречается один случай многоженства. Эта семья крестьян-переселенцев из Вятской губернии. У Мустахимы Байгузина, 60 лет, было две жены: Фазиеля, 60 лет, и имя второй написано нечетко, 57 лет [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1993, л. 35 об.].

В 1897 году здесь проживало две семьи тептярей (этносословная группа, занимающая промежуточное положение между военно-служилыми сословиями и государственными крестьянами. — *М. Т., К. Т.*) (5,38 %, — 6 муж. и 6 жен.). В одной из них глава семьи относился к ссыльным тептя-

CC BY

рям. Также здесь проживало три семьи башкир (6,72 %, — 6 муж. и 9 жен.), в которых главы семей были ссыльными. Места рождения членов семей тептяр и башкир были те же, что у крестьян: Бугульминскй уезд Самарской губернии и Бирский уезд Уфимской губернии. Мы также видим, что много младших детей у переселенцев родилось уже здесь. Но также встречаются случаи, когда в семьях старшие дети рождались в разных местах, так как переселенцы не сразу доезжали до поселений, где их застала перепись 1897 года. Например, в семье тептярей Мухахметовых сын Зариф, 5-ти лет родился в г. Троицке Оренбургской губернии, а самый младший сын 3-х лет уже здесь [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1993, л. 18 об., 31 об., 33 об., 37 об].

Вторая социальная группа по численности, что проживала в Молодцовой, — это инородцы — 9,42 % (16 муж. и 5 жен.) (местные (сибирские) татары. — *М. Т., К. Т.*). Большая часть были рождены в д. Чупляровской (Чипляровской), единицы — в Усть-Тарской, Тусказани, Форпосте, Таксае и непосредственно на заимке Молодцовой [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1993, л. 3 об., 4 об., 7 об., 28 об. и др.].

Здесь проживало двое бухарцев в семье инородца Абдулы Хакима Шагаева. Женщина была его дочерью, а зять — родом из д. Таксай Бухарской волости Тарского округа Тобольской губернии. Видимо, женщина, выходя замуж, перешла в сословие мужа, а по происхождению была инородкой [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1993, л. 28 об.].

В заключение добавим, что практически все жители записаны мусульманами, а родной язык в документах — «Тур.», подразумевается, что они разговаривали на турецко-татарском наречии.

3.3. Сопоставление фамилий жителей

Сопоставление фамилий жителей д. Ново-Мурлинская (д. Малые Мурлы) выполнено по спискам 1877, 1897 и 1923 годов; характеристику этих документов мы давали в разделе 2. Согласно им, в д. Ново-Мурлинская количество фамилий изменялось: 12 — в 1877 году, 15 — в 1897 году, 11 — в 1923 году [ТФ ГИАОО, ф. Р-444, оп. 1, д. 184; ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, ТФ ГИАОО, ф. Р-105, оп. 1, д. 19, л. 46 об.]. С учетом искажений и разного написания фамилий совпадают в 1877 и 1897 годах: Самитов Челелей / Самитов Джалятдин, Иксанов Ильяс / Яксанов Ильяс [ГИАОО, ф. 183, оп. 1, д. 745, л. 1; ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 16 об., 17 об.]. В поселенном списке 1923 года есть фамилии, встречающиеся в документах конца XIX века, но имена не совпадают, поэтому не ясно, это родственники или нет. Например, Иксанов Хабибулла [ТФ ГИАОО, ф. Р-105, оп. 1, д. 19, л. 46 об.]. В списке 1877 года есть Мечетев Аптул-Вали, в 1923 году — Мачитов Мулалали [ГИАОО, ф. 183, оп. 1, д. 745, л. 1; ТФ ГИАОО, ф. д. 105, оп. 1, д. 19, л. 46 об.]. Фамилия Диниповых встречается во всех списках (но

CC BY

в документах отсутствует единообразие в написании: Дилиновы, Далиновы, Доминовы и др. — *М. Т., К. Т.*) [ГИАОО, ф. 183, оп. 1, д. 745, л. 1; ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 20—23 об. и др.; Участники ...]. С. Н. Корусенко, напомним, установила, что эта семья — выходцы из д. Усть-Тарская, куда они переехали из Европейской части России до 1850 года [Корусенко, 2006, с. 53]. После 1877 года, но до переписи 1897 года сюда переселилось 7 семей Кутумовых из д. Альменево (в документах встречается написание фамилии: Кутумов / Кутамов. — *М. Т., К. Т.*). Они составили почти 27 % из 26 хозяйств [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 2 об., 3 об., 4 об., 6 об., 10 об., 11 об., 12 об., 13 об.]. В дальнейшем они здесь не проживали.

Сопоставление фамилий жителей выселка Молодовского (д. Молодцово) производилось по данным 1897, 1923, 1927—1928 годов. В Протоколе Совещания 1907 года в Министерстве государственных имуществ по Тобольской губернии, посвященного вопросу обустройства татар этого поселения, отмечалось, что состав жителей с 1898 к 1904 году почти полностью сменился, о чем свидетельствовали два списка. К 1907 году большую долю жителей выселка составлял ссыльный элемент, не имеющий постоянного заработка [ГИАОО, ф. 183, оп. 1, д. 1002, л. 12—13]. С учетом искажений фамилий, в 1897 году их насчитывалось 31, в 1923 и 1927—1928 году — 23. В данном поселении мы видим более разнообразный состав фамилий в сравнении с первым поселением. Это может быть связано с тем, что оно появилось позднее — в период массового переселения в Сибирь. Обнаружено много фамилий, совпавших во всех трех источниках, хотя имена людей разные: Ахтямовы, Башыров / Басыров, Байгузины / Байгузина, Гадильшин / Гадельшин / Гадальшин, Мамешевы / Маметовы, Мухаметзяновы / Мухомжанов / Мухаметчанов, Хасанов / Хазанов. В документах 1923, 1927—1928 годов появляются славянские фамилии — Шестаков Никифор, Илин Дмитрий [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995; ТФ ГИАОО, ф. Р-105, оп. 1, д. 19, л. 46 об., ф. Р-735, оп. 1, д. 110, л. 1–3].

3.4. Жизнеобеспечение жителей

3.4.1. Занятия и промыслы жителей по материалам Первой Всероссийской переписи населения 1897 года

В д. Ново-Мурлинская земледелие как главное занятие, являющееся источником существования, было указано у 25 мужчин от 15-ти лет из 14 семейств (не посчитаны женщины; если земледелие было отмечено у мужа / отца, тогда обычно оно было указано у взрослых женщин семьи, но это не значило, что они им тоже занимались. Этот комментарий далее относится к другим видам деятельности. — *М. Т., К. Т.*) [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1995, л. 2 об. — 4 об. и др.]. У 14 мужчин и некоторых женщин из десяти семей основным занятием записано «чернорабочий поденщик». Они нанимались

CC BY

на временную работу (в сезон уборки урожая и др.) [Там же, л. 5 об. — 7 об.]. В трех семействах у пяти мужчин (и у взрослых женщин) основной вид деятельности указан «скотоводство» [Там же, л. 15 об. — 17 об., об.]. У шести мужчин в качестве дополнительного источника доходов зафиксировано смолокурение [Там же, л. 17 об., 19 об. — 20 об.]. Второстепенным занятием у нескольких мужчин указаны: учитель, кузнец, ополченец [Там же, л. 8 об., 11 об. и др.].

На заимке Молодцова чернорабочих поденщиков было 36 мужчин (еще и взрослые женщины) из 22 семей [ГАТ, ф. И-417, оп. 2, д. 1993, л. 1^2 об. — 8 об. и др.]. В шести семьях земледельцами записаны восемь мужчин (еще и взрослые женщины) [Там же, л. 11 об. — 12 об.]. Мужчины занимались лесными промыслами, так как в окрестностях много лесов. Смолокурение было главным источником дохода у восьми человек и у четырех — второстепенным [Там же, л. 9 об.. 11 об., 14 об.]. Плотников было четыре, у одного из них была вторая профессия «пильщик», один мужчина записан «дроворубом» [Там же, л. 7 об., 18 об. и др.]. Овчинниками были трое мужчин. У некоторых жителей, например у чернорабочих поденщиков, были второстепенные занятия: санник, шорник, сапожник, учитель [Там же, л. 1^2 об. — 3 об., 6 об., 16 об., 20 об.].

3.4.2. Земледелие

В 1904 году чиновники указывали, что в выселке Молодцовском из 42 дворов только пять занимаются хлебопашеством [ГИАОО, ф. 183, оп. 1, д. 1002, л. 3 об.]. В 1908 году земледельческих хозяйств здесь было 3,92 % (2 из 51 хоз.), в д. Ново-Мурлинская — 29,73 % (11 хоз. из 37 хоз.). Для оценки занятости населения этих деревень в земледелии приведем сравнительные данные по старожильческим поселениям татар Нижнего Притарья. Больше всех земледельческих хозяйств было в юртах Усть-Тарских — 46,81 % (22 из 47 хоз.), Инцизских — 20,83 % (15 из 72 хоз.), а в ю. Чипляровских меньше всех — 2,63 % (1 из 38 хоз.). В д. Ново-Мурлинская в среднем была самая маленькая запашка — 2,65 дес., в выс. Молодцовском — 3,37 дес., юртах Инцизских — 3,18 дес., Усть-Тарских — 4,47 дес., Чипляровских — 5,75 дес. [Материалы..., 1908, прилож. CXLII]. В Ведомостях по посевным площадям 1913—1914, 1916 годов Тобольского губернского статистического комитета записано, что жители Ново-Мурлинской и Молодцовой выращивали озимую и яровую рожь, яровую пшеницу, овес, ячмень, а также картофель [ГАТ, ф. И-417, оп. 1, д. 20, л. 37, 44—44 об.; д. 43, л. 39—40, 44; д. 87, л. 73, 76—77, 89—90].

К 1924 году в деревнях Молодцово и Малых Мурлах стали больше заниматься земледелием. Количество беспосевных хозяйств сократилось до одной трети в Молодцово — 31,03 % (9 из 29 хоз.) и Малых Мурлах — 33,33 % (10 из 30 хоз.). Больше всего беспосевных хозяйств, около половины, было

CC BY

в Инцыссе — 51,69 % (46 из 89 хоз.), в Чиплярово — 66,66 % (22 из 33 хоз.). Больше всего посевов в казенных десятинах приходилось на посевные хозяйства Инцысса (более 44 дес.) и Молодцово (более 19 дес.), потом Малые Мурлы (более 12 дес.), а жители Чиплярово все так же мало занимались земледелием, как и раньше (более 3 дес.) [ТФ ИАОО, ф. Р-223, оп. 1, д. 17, л. 14].

3.4.3. Животноводство

В 1908 году в обоих поселениях преобладали домохозяйства с 2—5 (рабочими — *М. Т., К. Т.*) лошадьми: в Ново-Мурлинских — 64,86 % (24 из 37 хоз., владевших рабочими лошадьми), в Молодцовском — 60 % (30 из 50 хоз.). Для выполнения разных работ (для пахоты, извоза и др.) лошадей хватало. У одной трети хозяйств была одна лошадь: в Ново-Мурлинских — 32,43 % (12 хоз.), в Молодцовском — 36 % хоз. (18 хоз.). Преобладали хозяйства, в которых было 1—3 коровы: в Ново-Мурлинских — 56,76 % (21 хоз. из 37 хоз., владевших коровами), в Молодцовском — 65,90 % (29 хоз. из 44 хоз.), с большим количеством коров: в Ново-Мурлинских — 43,24 % (16 хоз.) и в Молодцовском — 34,09 % (15 хоз.) [Материалы..., 1911, прилож., CLII—CLVII, CLX–CLXI].

В 1913—1914, 1916 годах в этих поселениях в среднем на 1 хозяйство было больше 2 голов рабочих лошадей и коров. Если высчитать средний показатель за 1913—1914 годы в обоих поселениях всех лошадей (рабочих и не рабочих) и крупного рогатого скота, то на 1 хозяйство приходилось также больше 2-х голов, мелкого рогатого скота было меньше одной головы. В 1916 году в среднем на 1 хозяйство в Ново-Мурлинской — 2,83 головы, крупного рогатого скота — 4,5 головы, а в Молодцовском — 4,15, крупного рогатого скота — 5,55 головы. Стало больше мелкого рогатого скота в Ново-Мурлинской — 5,33, в Молодцовском — 1,77 головы. Если в динамике сравнивать животноводство со старожильческими поселениями татар, то у них оно было больше развито, что можно объяснить лучшей ситуацией с сенокосами. В 1913, 1914, 1916 годах на 1 хозяйство в среднем приходилось в Инцысских: рабочих лошадей / всех лошадей: 2,12 / 2,66; 3,17 / 4,46; 2,22 / 3,46; коров / крупного рогатого скота: 2,1 / 4,9; 3,78 / 5,4; 3,08 / 5,1. В Усть-Тарских: рабочих лошадей / всех лошадей: 2,6 / 2,91; 3,02 / 3,37; 2,88 / 3,56; коров / крупного рогатого скота: 2,73 / 3,5; 3,3 / 4,7; 3,85 / 4,6. В Чиплярровских: рабочих лошадей / всех лошадей: 2,29 / 3; 2,6 / 3,28; 1,68 / 2,9; коров / крупного рогатого скота: 2,8 / 4,04; 2,84 / 4,28; 1,66 / 3,1 [ГАТ, ф. И-417, оп. 1, д. 20, л. 37, 44—44 об.; д. 43, л. 39—40, 44; д. 87, л. 73, 76—77, 89—90].

События 1917—1922 годов отразились на хозяйствах жителей и жизнеобеспечении. Например, стало меньше рабочих лошадей. Теперь эта цифра была более 1 головы, коров оставалось более двух голов [ТФ ГИАОО, ф. Р-105, оп. 1, д. 13, л. 2]. Ситуация в животноводстве улучшилась

CC BY

к 1924 году, когда завершился период восстановления после революций и гражданской войны. Не держали скот: в д. Молодцовой 6,9 % (2 из 29 хоз.), в д. Малые Мурлы — 16,67 % (5 из 30 хоз.). Для сравнения: не владели скотом в д. Чипляровой — 15,15 % (5 из 33 хоз.), в д. Инцысс — 11,24 % (10 из 89 хоз.). Общей тенденцией для всех поселений было то, что количество как рабочих, так и всех лошадей не восстановилось и не приблизилось к дореволюционному уровню. В среднем на 1 хозяйство приходилось чуть больше 1 головы: в д. Малые Мурлы — 43 головы рабочих и 24 прочих голов, в деревнях Молодцовой — 36 и 11, Чипляровой — 37 и 12, Инцысс — 105 и 27. С крупным рогатым скотом дело обстояло лучше: в д. Малые Мурлы — 65 голов коров и 66 прочих и в д. Молодцовой — 60 голов коров и 68 прочих, — и хуже в старых поселениях: в деревнях Чипляровой — 44 и 23, Инцысс — 110 и 120. Таким образом, в отличие от дореволюционного периода, в Малых Мурлах и Молодцовой было в среднем на 1 двор коров более 2 голов и всего крупного рогатого скота 4 головы, а в старых поселениях — коров более 1 головы и всего крупного рогатого скота более 2 голов [ТФ ГИАОО, ф-Р-223, оп. 1, д. 17, л. 14].

На основе данных из сохранившегося похозяйственного списка сравним животноводство татар д. Молодцово за 1927—1928 годы, в период расцвета НЭПа и накануне коллективизации, с показателями до 1917 года. Обеспеченность рабочими лошадьми так и не вернулась к дореволюционному периоду. Она была минимальной. В большинстве хозяйств (60 %, — 15 из 25 хоз., владевших лошадьми старше 4-х лет) было по 1 рабочей лошади, в 28 % (7 хоз.) — по 2 головы. Вообще 40 головами лошадей старше 4-х лет (обычно это рабочие лошади. — *М. Т., К. Т.*) владело 25 из 30 хозяйств. В семи хозяйствах было семь лошадей от 2,5 до 4-х лет. Для сравнения: в 1908 году в 60 % хозяйств (30 из 50 хоз., владевших рабочими лошадьми) было 2 головы [Материалы ..., 1911, прилож., CLII—CLVII, CLX—CLXI]. Добавим, что в 1927—1928 годах в 42,3 % хозяйств (11 из 26 хоз., владевших лошадьми всех возрастов) было по 2 лошади всех возрастов (рабочих и не рабочих), в 26,92 % (7 из 26 хоз.) — 1 лошадь. А максимальным количеством лошадей всех возрастов (от 5-ти до 9 гол.) владело четыре хозяйства [ТФ ГИАОО, ф. Р-735, оп. 1., д. 110, л. 1—3]. По крупному рогатому скоту у нас нет возможности провести аналогии между 1908 и 1927—1928 годами, так как не были отдельно посчитаны коровы. В 1927—1928 годах три хозяйства не владели крупным рогатым скотом от 3-х лет (вероятно, в основном это коровы). На 27 хозяйств приходилось 75 голов, из них в восьми хозяйствах была 1 голова, 2 и 3 головами владело по шесть хозяйств и т. д. То есть обеспеченность была лучше. Если в 1908 году 1—3 коровы было в 65,9 хозяйствах (29 из 44 хоз., владевших коровами), то в 1927—1928 году — 74 %

CC BY

(20 из 27 хоз., владевших кр / с от 3-х лет). В одном хозяйстве — Халикова Шамшулы — было 10 голов крупного рогатого скота от 3-х лет. Накануне коллективизации у него было самое крупное хозяйство (9 лошадей и 27 гол. кр / с) [ТФ ГИАОО, ф. Р-735, оп. 1, д. 110, л. 1—3].

4. Заключение = Conclusions

Путем ввода и анализа новых документов в совокупности с известными письменными источниками и другими материалами мы реконструировали некоторые этапы истории, рассмотрели хозяйственные занятия жителей двух поселений татар Нижнего Притарья, возникших в период массового переселения в Сибирь, просуществовавших короткий период времени.

Обе деревни были основаны выходцами старых татарских поселений: Д. Малые Мурлы, до 1921 года известная как Ново-Мурлинская, — жителями д. Усть-Тарская в 1870-х годах, а д. Молодцово, основанная ранее 1897 года, была выселком Молодцовским татар юрт Чупляровских (Чипляровских).

Анализ состава населения по переписи 1897 года показывает, что преобладали мужчины; больше всего в поселениях было детей, молодых людей. В это время в социальном плане в д. Ново-Мурлинской преобладали инородцы, а в выселке Молодцовском больше было крестьян-переселенцев, потому что он появился позднее, когда увеличилась мобильности населения Российской империи. По этой же причине социальный состав здесь был более разнообразным. Анализ пофамильного состава первых и последующих годов показывает, что состав жителей в поселениях менялся. В выс. Молодцовском фамилии были разнообразнее.

Биографический анализ членов семей иллюстрирует различные процессы, протекавшие в Российской империи в конце XIX века. К примеру, жены переходили в сословие мужа: из инородки женщина становилась бухаркой, или крестьянку затем причисляли к инородкам. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что этничность еще не играла столь важной роли, как в будущем.

Среди видов деятельности по Первой Всероссийской переписи населения 1987 года в обоих населенных пунктах мало земледельцев, было много поденных рабочих, часть мужчин занимались лесными промыслами. Количественные данные начала XX века также показывают, что земледелие было развито слабо. Жители больше занимались скотоводством, но меньше, чем в старых поселениях (деревни Усть-Тарская, Инцысская, Чипляровская). Из обследований инородческого хозяйства в 1908 году известно, что в Ново-Мурлинских и Молодцовском недоставало покосов и выгонов для скота [Материалы …, 1911, с. 373]. Это можно объяснить тем, что лучшие земли были заняты старыми татарскими поселениями и государ-

CC BY

ственными дачами. К 1921 году ситуация в скотоводстве поменялась. Стали меньше держать в хозяйстве лошадей в сравнении с дореволюционным периодом. Согласно имеющимся количественным данным, к 1924 году у жителей деревень Малые Мурлы и Молодцовой ситуация в скотоводстве стала лучше, чем у населения старых поселений, но не произошло полного восстановления этой отрасли до показателей начала XX века.

Д. Малые Мурлы просуществовала почти до 1975 года, а жители д. Молодцово разъехались раньше — в послевоенные годы [Омская область, 1975, с. 120].

В заключение добавим, что на этапе становления этих поселений становятся очевидными схожие черты (время основания, обстоятельства возникновения, половозрастной и социальный состав жителей) между ними и д. Мамшенкино Большереченского района Омской области [Тихомирова, Тихомиров, 2022], располагавшейся на сопредельной территории к юго-западу на левобережье Иртыша, население которой впоследствии тоже разъехалось. Изучение истории этих деревень формирует фактологическую базу для анализа функционирования поселений татар Омской области, основанных в пореформенный период.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. ГАТ — *Государственное* бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И-417 «Губернский статистический комитет, г. Тобольск Тобольской губернии (1835—1919 гг.)». Оп. 1. Д. 20, 43, 87 ; Оп. 2. Д. 1993, 1995.

2. ГИАОО — *Бюджетное* учреждение Омской области «Исторический архив Омской области». Ф. 183 «Тарская поземельно-устроительная и землеотводная партия Министерства земледелия и государственных имуществ, г. Тара Тобольской губернии (1792—1919 гг.)». Оп. 1. Д. 745, 1002.

3. ТФ ГИАОО — *Тарский* филиал Бюджетного учреждения Омской области «Исторический архив Омской области». Ф. Р-105 «Аялынский волисполком (1919—1924 гг.)». Оп. 1. Д. 13, 19 ; Ф. Р-223. «Исполнительный комитет Евгащинского районного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, с. Евгащино Тарского округа Сибирского края (1924—1939 гг.)». Оп. 1. Д. 17 ; Ф. Р-444. «Тарская поземельно-устроительная партия (1822—1939 гг.)». Оп. 1. Д. 184 ; Ф. Р-735. «Коллекция документов ликвидированных сельских советов Тарского округа Сибирского края» (1920—1948 гг.). Оп. 1. Д. 110.

4. *Омская* область : административно-территориальное деление на 1 января 1975 г. — Омск : Зап.-Сиб. кн из-дво. Омское отделение, 1975. — 211 с.

5. *Списки* населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. — Санкт-Петербург : Изд. Центр. стат. ком. МВД, 1871. — 196 с.

6. *Список* населенных мест Сибирского края / Ц. С. У., Сибирский краев. стат. отд. — Новосибирск : [б. и.], 1928—1929. — Т. 1. — 826 с. — ISBN 978-5-4469-1325-1.

7. *Урочище* Молодцово [Электронный ресурс] // Яндекс. Карты. — Режим доступа : https://yandex.ru/maps/?l=sat%2Cskl&ll= 4.794939%2C56.558973&z=16 (дата обращения 21.06.2023).

8. *Участники* первой мировой войны из д. Мурлы [Электронный ресурс] // Родословные татар Сибири. — Режим доступа : https://kirgap.livejournal.com/tag/%D0%94%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B (дата обращения 1.08.2023).

Литература

1. *Бакиева Г. Т.* Поволжские татары в Западной Сибири : особенности расселения и этнокультурного развития / Г. Т. Бакиева, Ю. Н. Квашин // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2013. — № 3 (22). — С. 156—164.

2. *Галеткина Н. Г.* Черемшанка : динамика развития татарской переселенческой деревни / Н. Г. Галеткина // Россия и Восток : взгляд и з Сибири : XI Междунар. науч.-практич. конф. — Иркутск : [б. и.], 1998. — Т. 1. — С. 208—214. — ISBN 5-7430-0717-9.

3. *Корусенко С. Н.* Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII—XX веках / С. Н. Корусенко. — Омск : Издат. дом «Наука», 2006. — 215 с. — ISBN 978-5-4469-1325-1.

4. *Корусенко С. Н.* Гл. 2. Татары в регионах. §1. Западная Сибирь / С. Н. Корусенко, Н. А. Томилов // История татар с древнейших времен. В 7-ми томах. — Казань : Интут истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. — Т. VI : Формирование татарской нации. XIX — начало XX в. — С. 90—97. — ISBN 978-5-94981-161-0.

5. *Лилявина Е. В.* Татары-переселенцы в Томске и его окрестностях / Е. В. Лилявина // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). — 2016. — № 3 (13). — С. 60—73.

6. *Материалы* по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии : исследование чиновника особых поручений при Переселенческом управлении И. А. Андроникова. — Тобольск : Губернская типография, 1911. — 395 с.

7. *Патканов С. К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) : [В 3-х т.] / С. К. Патканов. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1911. — Т. 2 : Тобольская, Томская и Енисейская губ. — 431 с.

8. *Селезнев А. Г.* Мир таежных культур юга Сибири (традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности) / А. Г. Селезнев, И. А. Селезнева, Е. А. Бельгибаев. — Омск : Издательский дом «Наука», 2006. — 260 с. — ISBN 978-5-4469-1325-1.

9. *Тихомирова М. Н.* Переселения и этнокультурная адаптация татар Кемеровской области / М. Н. Тихомирова // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история). 2017 год : Матер. XIII международной научно-практич. конфер. — Горно-Алтайск : Горно-Алтайский государственный университет, 2018. — Выпуск 13. — С. 297—301. — ISBN 978-5-91425-157-1.

10. *Тихомирова М. Н.* История д. Мамшенкино как пример расширения границ ойкумены западносибирских татар / М. Н. Тихомирова, К. Н. Тихомиров // Вестник

Омского университета. Серия «Исторические науки». — 2022. — Т. 9. — № 3 (35). — С. 206—218. — DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(3).206-218.

11. *Тихомиров К. Н.* Расположение поселений татар на иртышском правобережье (по картографическим материалам XVIII века) / К. Н. Тихомиров, М. Н. Тихомирова // Вестник НГУ. Серия : История, филология. — 2022. — Т. 21. — № 3. — С. 98—109. — DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-3-98-109.

12. *Шарифуллина Л. В.* О русской топонимии бассейна реки Уй / Л. В. Шарифуллина // Вестник Чувашского университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2009. — № 3. — С. 274—277.

13. *Этнографо-археологические* комплексы народов Тарского Приртышья : природная среда, этносы, источники. — Омск : Издат. дом «Наука», 2014. — 192 с. — ISBN 978-5-98806-199-1.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023,
одобрена после рецензирования 15.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

Material resources

GAT — *State budgetary institution of the Tyumen region "State Archive in Tobolsk". F. I-417 "Provincial Statistical Committee, Tobolsk, Tobolsk province (1835—1919)". Op. 1. d. 20, 43, 87; Op. 2. D. 1993, 1995.* (In Russ.).

GIAOO — *Budgetary institution of the Omsk region "Historical Archive of the Omsk region". F. 183 "Tarskaya land-arranging and land-acquisition party of the Ministry of Agriculture and State Property, Tara, Tobolsk province (1792—1919)". Op. 1. d. 745, 1002.* (In Russ.).

List of inhabited places of the Siberian Territory, 1. (1928—1929). Novosibirsk: [B. I.]. 826 p. ISBN 978-5-4469-1325-1. (In Russ.).

Lists of populated places of the Russian Empire compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (1871). St. Petersburg: Publishing Center. stat. com. Ministry of Internal Affairs. 196 p. (In Russ.).

Molodtsovo tract. Yandex. Cards. Available at: https://yandex.ru/maps/?l=sat%2Cskl&ll=74.794939%2C56.558973&z=16 (ac-cessed 06/21/2023). (In Russ.).

Omsk region: administrative-territorial division on January 1. (1975). Omsk: Zap.-Sib. kn from the Far East. Omsk branch. 211 p. (In Russ.).

Participants of the First World War from the village of Murla. Pedigrees of the Tatars of Siberia. Available at: https://kirgap.livejournal.com/tag/%D0%94%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B (ac-cessed 1.08.2023). (In Russ.).

TF GIAOO — *Tarsky branch of the Budgetary institution of the Omsk region "Historical Archive of the Omsk region".* (In Russ.).

References

Bakieva, G. T., Kvashin, Yu. N. (2013). Volga Tatars in Western Siberia: features of settlement and ethnocultural development. *Bulletin of Archeology, anthropology and ethnography, 3 (22):* 156—164. (In Russ.).

Ethnographic and archaeological complexes of the peoples of the Tarsky Irtysh region: natural environment, ethnoses, sources. (2014). Omsk: Publishing House. House of Science. 192 p. ISBN 978-5-98806-199-1. (In Russ.).

CC BY

Galetkina, N. G. (1998). Cheremshanka: dynamics of the development of the Tatar resettlement village. In: *Russia and the East: a view and a vision of Siberia, 1.* Irkutsk: [B. I.]. 208—214. ISBN 5-7430-0717-9. (In Russ.).

Korusenko, S. N., Tomilov, N. A. (2013). Chapter 2. Tatars in the regions. §1. Western Siberia. In: *History of the Tatars since ancient times. In 7 volumes, VI.* Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 90—97. ISBN 978-5-94981-161-0. (In Russ.).

Korusenko, S. N. (2006). *Ethnosocial history and interethnic relations of the Turkic population of the Tarsky Irtysh region in the XVIII—XX centuries.* Omsk: Publishing House. house "Nauka". 215 p. ISBN 978-5-4469-1325-1. (In Russ.).

Lilyavina, E. V. (2016). Tatar settlers in Tomsk and its surroundings. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology), 3 (13):* 60—73. (In Russ.).

Materials on land ownership and economic life of settled foreigners of the Tobolsk province: a study of the official of special assignments at the Resettlement Administration I. A. Andronikov. (1911). Tobolsk: Provincial Printing House. 395 p. (In Russ.).

Patkanov, S. K. (1911). *Statistical data showing the tribal composition of the population of Siberia, the language and genera of foreigners (based on data from a special development of the 1897 census material): [In 3 volumes], 2.* St. Petersburg: [B. I]. 431 p. (In Russ.).

Seleznev, A. G., Selezneva, I. A., Belgibaev, E. A. (2006). *The world of taiga cultures of southern Siberia (traditional economy and related components of vital activity).* Omsk: Nauka Publishing House. 260 p. ISBN 978-5-4469-1325-1. (In Russ.).

Sharifullina, L. V. (2009). On the Russian toponymy of the Uy River basin. *Bulletin of the Chuvash University. The series "Humanities", 3:* 274—277. (In Russ.).

Tikhomirov, K. N., Tikhomirova, M. N. (2022). The location of Tatar settlements on the Irtysh right bank (according to cartographic materials of the XVIII century). *Bulletin of the NSU. Series: History, philology, 21 (3):* 98—109. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-3-98-109. (In Russ.).

Tikhomirova, M. N. (2018). Resettlement and ethnocultural adaptation of the Tatars of the Kemerovo region. In: *Field research in Altai, Irtysh and Upper Ob (archaeology, ethnography, oral history). 2017: Mater. XIII International Scientific and Practical Conference, 13.* Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State University. 297—301. ISBN 978-5-91425-157-1. (In Russ.).

Tikhomirova, M. N., Tikhomirov, K. N. (2022). The history of D. Mamshenkino as an example of expanding the boundaries of the Oikumen of the West Siberian Tatars. *Bulletin of Omsk University. The series "Historical Sciences", 9 / 3 (35):* 206—218. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(3) .206-218. (In Russ.).

The article was submitted 10.11.2023;
approved after reviewing 15.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Хамзин И. Р. Российское чайное дело в Ханькоу во второй половине XIX века : изготовление кирпичного чая / И. Р. Хамзин, Р. Т. Ганиев // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 512—528. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-512-528.

Khamzin, I. R., Ganiev, R. T. (2023). Russian Tea Trade in Hankou during Second Half of 19th Century: Production of Brick Tea. *Nauchnyi dialog, 12* (10): 512-528. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-512-528. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-512-528

Российское чайное дело в Ханькоу во второй половине XIX века: изготовление кирпичного чая

Хамзин Ильдар Рашидович *
orcid.org/0000-0002-4967-0705
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России,
**** корреспондирующий автор***
ildar.hamzin1991@mail.ru

Ганиев Рустам Талгатович
orcid.org/0000-0003-4568-7179
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
rusthist@yandex.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00050 «Система торговых отношений России и Китая во второй половине XIX — начале XX века», https://rscf.ru/project/22-78-00050/

Russian Tea Trade in Hankou during Second Half of 19th Century: Production of Brick Tea

Ildar R. Khamzin *
orcid.org/0000-0002-4967-0705
PhD of History, Associate Professor,
Department of Russian History,
**** Corresponding author***
ildar.hamzin1991@mail.ru

Rustam T. Ganiev
orcid.org/0000-0003-4568-7179
PhD of History, Associate Professor,
Department of Russian History
rusthist@yandex.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project № 22-78-00050, https://rscf.ru/project/22-78-00050/

© Хамзин И. Р., Ганиев Р. Т., 2023

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме производства так называемого «кирпичного чая» в Китае на российских фабриках во второй половине XIX века. Спрессованные чаи составляли вторую после байхового группу чаев, которую российская дореволюционная литература, источники и статистика выделяли среди китайского чая, отправляемого на российский рынок. В статье изучаются аспекты производства кирпичного чая, которые были освещены в предшествующей историографии в наименьшей степени. К ним относятся вопросы о покупке сырого материала для дальнейшей прессовки на российских фабриках, ценообразовании на данный продукт и сопутствующей конкуренции. Изучается опыт использования гидравлического пресса для более эффективного производства чая, динамика и объемы производства кирпичного чая. Проведенное исследование показало, что во второй половине XIX века российские предприниматели в Ханькоу смогли успешно организовать процесс фабрикации прессованных чаев и тем самым внесли вклад в укрепление и дальнейшее развитие русско-китайских отношений. В исследовании привлекаются документы из центральных архивов России, что позволило раскрыть многие ранее не затронутые аспекты истории русско-китайской торговли.

Ключевые слова:
русско-китайская торговля; чайная торговля; кирпичный чай; Ханькоу; империя Цин.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the issue of producing the so-called “brick tea” in China at Russian factories during the second half of the 19th century. Compressed teas constituted the second largest group after loose-leaf teas highlighted in pre-revolutionary Russian literature, sources, and statistics among Chinese teas exported to the Russian market. The study explores aspects of brick tea production that have been least covered in previous historiography. These include issues related to the procurement of raw materials for further pressing at Russian factories, pricing strategies for this product, and the accompanying competition. The experience of utilizing hydraulic presses for more efficient tea production, as well as the dynamics and volumes of brick tea production, are examined. The research revealed that in the latter half of the 19th century, Russian entrepreneurs in Hankou successfully organized the process of fabricating pressed teas, thereby contributing to the strengthening and further development of Russo-Chinese relations. Documents from central Russian archives were utilized in this study, enabling the unveiling of many previously unexplored aspects of the history of Russo-Chinese trade.

Key words:
Russian-Chinese trade; tea trade; brick tea; Hankou; Qing Empire.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:663.95(510)“1850/1899”+94(47).081/.084

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история

Российское чайное дело в Ханькоу во второй половине XIX века: изготовление кирпичного чая

© Хамзин И. Р., Ганиев Р. Т., 2023

1. Введение = Introduction

История российского чайного дела в Китае во второй половине XIX века в наибольшей степени связана с фабрикацией *прессованных чаев*. Под таким названием российские источники и дореволюционные авторы понимали продукт, представлявший собой остатки от производства более дорогого байхового чая и спрессованного в различные формы для удобства транспортировки и потребления. Формы прессовки чая варьировались, но наиболее распространённой была форма кирпича, отсюда происходит название *кирпичный чай*. К прессованному чаю относился также плиточный чай (прессовался из чайного материала в форму, напоминающую шоколадную плитку) и поленчатый чай (спрессованный в цилиндрические формы).

В 1863 году в провинции Хубэй была открыта первая русская фабрика, изготавливающая кирпичный чай для дальнейшей отправки на российский рынок. В ближайшие несколько десятилетий прессованные чаи составили большую часть от всего китайского чая, вывозившегося в Россию, при этом русские торговые дома были единственными из иностранцев, которые фабриковали и вывозили кирпичный чай из Китая. Таким образом, производство и экспорт кирпичного чая входят в число важнейших составляющих русско-китайских отношений во второй половине XIX века.

2. Материалы, методы, обзор = Material, Methods, Review

На сегодняшний день история русско-китайской чайной торговли в порту Ханькоу изложена в ряде отечественных работ [Сладковский, 1974; Соколов, 2011; Хохлов, 2012; Дацышен, 2012; Лю Цзайцы, 2010; Фильшин, 2018; Христолюбова, 2019, 2019; Шаронова, 2017, 2019а, 2019б]. К этой проблематике обращались и зарубежные авторы [Chu, 1936; Rowe, 1989; Du, 2000; Guo, 2010; Yoder, 2016].

В то же время отдельные составные части процесса российского чайного дела в Китае еще не получили специального, более углубленного изучения. В данной статье рассматривается деятельность российских предпринимателей по производству кирпичного чая. Основой для исследования послужи-

CC BY

ли источники, которые можно разделить на две группы: 1) опубликованные материалы и работы по чайной торговле дореволюционного периода; 2) неопубликованные источники, хранящиеся в центральных архивах РФ. Первая из выделенных групп материалов представляет большую важность для исследования, так как в работах К. А. Попова, К. А. Скальковского, А. П. Субботина нашли отражение многочисленные данные, помогающие детально исследовать операции по производству кирпичного чая в Ханькоу. Эту группу источников дополняют материалы Архива внешней политики Российской империи, Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, Российского государственного исторического архива. Неопубликованные источники в большинстве своем привлекаются для исследования впервые, помогают раскрыть аспекты, связанные с торговлей сырым материалом для производства чая, данные о ценах, объемах производства, примеры внедрения на производстве новых технологий и др.

Методы исследования базируются на системно-историческом подходе, сравнительно-историческом анализе, работе со статистикой.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Покупка хуасяна на рынке Ханькоу

Российские дореволюционные источники и ученые различали несколько основных видов кирпичного чая. *Пекинский черный чай* приготовлялся из листьев, которые оставались от просеивания байхового чая через 4-е и 5-е сита, мелких листьев, которые оставались после веяльной машины, и отобранных во время перебирания байхового чая сучков и стеблей. *Обыкновенный кирпичный чай* приготовлялся из старых чайных листьев, которые оставались на деревьях, а также сучков, стеблей и крупных листьев байхового чая 1-го, 2-го и 3-го сборов. *Зеленый кирпичный чай* был практически аналогичен предыдущему сорту, но не подвергался в процессе приготовления термообработке (морению) и сохранял зеленый цвет [Попов, 1870, с. 19—21].

Основой для изготовления всех перечисленных видов кирпичного чая служили остатки от производства байхового чая (так называемые *чайные высевки*, или *чайная пыль*), которые объединялись под общим названием *хуасян*[1]. Во второй половине XIX века хуасян можно назвать вторым по значимости товаром на рынке Ханькоу после байхового чая. Покупателями чайных высевок являлись фабрикующие кирпичный чай русские торговые дома, китайцы, которые либо сбывали хуасян на внутренний рынок, либо прессовали чай для отправки в Россию, а также англичане, которые скупа-

1 Хуасян（花香）— цветочный, цветочный аромат, «благоухающие цветки».

CC BY

ли лучший хуасян, но не прессовали его, а сбывали в сыром виде в Англии, США и Австралии как дешевый чай [Субботин, 1893, с. 69].

Поставщиками хуасяна на рынок Ханькоу выступали китайцы, фабрикующие байховый чай. Рынок открывался по назначенным китайскими купцами ценам, а иностранцам оставалось решить, покупать чайный материал по предлагаемой цене или ждать ее падения. Пример подобной коммерческой игры мы видим в 1878 году: «Китайцы назначили на хуасян очень высокие цены в начале сезона, именно от 6 ½ до 7 ½ лян[1] за 100 цзиней[2], потом от 7 ½ до 9 лян за лучший. Англичане и американцы купили по китайским ценам. Русские заняли выжидательную позицию, ибо покупка хуасяна по таким ценам для выделки черного кирпичного чая была крайне неразумной. Цены на хуасян стали склоняться в пользу русских лишь в июне, когда образовавшиеся цены от 4 лян 20 фынь[3] до 6 лян 50 фынь дозволили русским начать покупку хуасяна от 4 лян 20 фынь до 5 лян 50 фынь. Затем уже в августе и сентябре цены были от 3 до 4 лян за 100 цзиней, но материал значительно уступал в доброте купленному в июне и июле» [ОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед.хр. 3, л. 145—145 об.] (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источника).

С середины 70-х годов XIX века русские торговые дома периодически объединяли усилия для покупки хуасяна. Купцы выбирали одного своего представителя, через которого осуществлялась покупка товара. Таким путем удавалось избежать конкуренции между русскими фирмами и купить чай по более низким ценам. Тем не менее в отдельные годы можно наблюдать факты, когда русские купцы преследовали интересы личной коммерческой выгоды.

В 1874 году русские фирмы согласились покупать хуасян вместе и делить его между собой согласно полученным заказам из России и закрепили соглашение письменным обязательством. В то же время фабриканты назначили очень низкие цены для закупок материала, на которые китайцы в итоге не согласились. На собравшемся совещании русских купцов «двое из них решились на прибавку цены, но третий не согласился говоря, что раз решено того не следует перерешать, а что требуемая прибавка цены существует лишь в воображении китайцев» [ОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед.хр. 3, л. 182 б.]. Однако в сентябре 1874 года, когда подходил крайний срок для фабрикации кирпичного чая, именно не согласившийся на прибавку цены торговый дом купил около 10 тысяч ящиков хуасяна и отказался поделить-

1 Лян (两) — серебряная денежная единица и мера веса серебра в Китае. Курс ляна в среднем составлял около 1,5 рублей во второй половине XIX века.
2 Цзинь (斤) — мера веса, 500 граммов.
3 Фынь (分) — мелкая денежная единица, 1/100 ляна.

CC BY

ся им с другим русскими фирмами. Последние, чтобы не остаться без материала для кирпичного чая, стали покупать по тем ценам, которые теперь диктовали китайцы [Там же, л. 182 об.].

Похожая ситуация произошла в 1876 году. Четыре русские фирмы «Хаминов, Родионов и Ко», «Токмаков, Шевелев и Ко», «Пятков, Молчанов и Ко» и «Черепанов и Марьин» публично обвинили торговый дом «А. Л. Родионов и Ко» в открытии покупки хуасяна в окрестностях Хубэй по высокой цене. Суть обвинения заключалась в том, что после покупки высевок англичанами в Ханькоу названным фирмам удалось сбить цену на хуасян до 4 лян 70 фынь, но спустя некоторое время фирма «А. Л. Родионов и Ко» купила чайные высевки по 5 лян 65 фынь, из-за чего цены снова поднялись [ОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед. хр. 1, л. 47—47 об.].

«Господам обвинителям — писал в ответном письме А. Л. Родионов, — угодно видеть в наших действиях какую-то цель сделать невозможною для всех, следовательно, и для себя, выделку кирпичных чаев, по дешевой цене. Это нам положительно непонятно! Мы торговый дом, исполняющий заказы кирпичных чаев, будем вдруг стараться, чтобы они обходились дороже, когда вся наша деятельность, результатом которой должно быть получение наибольшего количества заказов, должна быть направлена к тому, чтобы они обходились дешевле, даже дешевле другим, если возможно» [Там же]. В начале июля, как сообщает А. Л. Родионов, его фирма действительно купила на рынке Ханькоу 200 мешков хуасяна (100 цзиней) за 5 лян 65 фынь, но исключительно для отправки в Европу, а не фабрикации кирпичного чая. Русский купец считал, что цена товара была оправданной: купленный дорогой хуасян оставался после высевки байхового чая, продававшегося по 40 лян за пикуль[1], а партия хуасяна, которую купили другие русские дома в Ханькоу по 4 лян 70 фынь, была изготовлена из остатков от байхового чая, продававшегося по 18 лян. Следовательно, качество купленного хуасяна по 5 лян 60 фынь было выше, и, таким образом, обвинения торговых домов оказывались несостоятельными, по мнению А. Л. Родионова. В том, что на рынке в 1876 году установились высокие цены, русский купец обвинял, с одной стороны, англичан, которые делали первые покупки чайных высевок по 6 ½ и 7 лян за пикуль, а с другой — рыночный закон спроса и предложения, согласно которому высокий спрос на товар, в данном случае хуасян, неизбежно ведет к росту его стоимости [ОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед. хр. 1, л. 47 об. — 48].

«Сколько может здесь всего получиться хуасяна? — ставил вопрос А. Л. Родионов в своем письме. — Возьмем для примера, что в прошлом

1 Пикуль — мера веса, около 60 кг.

CC BY

году в здешнем районе было выделано черненького кирпичного чая около 100 000 ящиков и убедимся, что выделать его дешевле нет возможности, если бы весь заказ выполнял один даже русский дом и ему не мешали бы ни китайцы, отвозившие хуасян во внутрь страны для продовольствия, ни английские конторы; в этом не трудно убедиться, коль скоро узнаем, что из всех чаев всего сезона высевок (хуасяна) наберется до 60 000 ящиков, из которых еще надо исключить количество, которое не пойдет в продажу; а как мы говорили выше, китайцы для продовольствия населения, увезут во внутрь страны, где же взять остальное количество нужное для фабрик? Дешево китайцы не станут приготовлять хуасян из чайного листа, это им не выгодно, но если заплатить им подходящую цену, соответствующую труду, то они могут приготовить материала на 150 000 ящиков и только таким образом можно выделать подобный заказ черненького пекинского чая» [Там же, л. 48].

Оба приведенных выше примера хорошо иллюстрируют сложность рыночных отношений на ханькоуском рынке хуасяна во второй половине XIX века. Русские торговые фирмы, стремясь к кооперации, зачастую не забывали о собственных интересах, пусть и в ущерб другим торговым домам. Это происходило на фоне конкуренции с англичанами и китайцами за покупку хуасяна. Целью всех покупателей было приобрести товар по как можно более низкой цене, что было весьма не просто ввиду большого спроса на хуасян и желания продавцов-китайцев окупить свои затраты. «Может быть кому-нибудь и удастся, выждавши время, сделать дешевый черненький кирпичный чай, но это будет чай зимней прессовки, из материала собранного из остатков; такой чай может обойдется дешевле ляна на два за место[1], но зато и вид кирпича будет хуже, чем у чая летней прессовки. По цене и товар» — резюмировал свой ответ А. Л. Родионов [Там же, л. 49].

Цены на хуасян варьировались в зависимости от того, на приготовление какого сорта кирпичного чая идет материал. В 1876 году цены за пикуль хуасяна для приготовления черного кирпичного чая в разных местностях долины Янцзы были такими: в Аньхуа[2] — 4 лян 35 фынь, в Чаншоуган — 4 лян 35 фынь, Янлоудун — 4 лян 80 фынь, в Туншан — 4 лян 75 фынь, в Янфалин — 4 лян 75 фынь, Чуньнянсян — от 5 лян 50 фынь до 5 лян 60 фынь, в Линьчжоу — от 5 лян 80 фынь до 6 лян 20 фынь [ОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед. хр. 3, л. 208 об.]. То есть средняя цена для сырого материала, идущего на приготовление черного кирпичного чая, колебалась в пределах 4,5—5,5 лян за пикуль.

1 Место чая — дореволюционное обозначение контейнера, внутрь которого помещались ящики с чаем.

2 Китайские топонимы приведены в соответствии с транскрипцией в источниках.

CC BY

Дешевле стоил хуасян для фабрикации обыкновенного и зеленого кирпичного чая (табл. 1).

Таблица 1

Стоимость различных сортов хуасяна, лян, фынь *

Место продажи	Сорт хуасяна		
	Самянь[1]	Эрмянь	Лаоца
Дашапин	3 л. 50 ф.	2 л. 60 ф.	2 л. 20 ф.
Лишанпу	4 л. 96 ф.	3 л. 4 ф.	1 л. 89 ф.
Дадзедун и Вусяньлин	4 л. 93 ф.	3 л. 7 ф.	2 л. 11 ф.
Чуньнянсян	4 л. 90 ф.	3 л. 23 ф.	2 л. 11 ф.

* Источник: [Павильон кяхтинского купечества ..., 1896, с. 31]

Цены на высокие и средние сорта хуасяна колебались в районе от 4 лян до 5—5 ½ лян за пикуль материала. В отдельные годы цены поднимались и до 6 лян: в 1880 году стоимость хуасяна в Ханькоу колебалась от 4 лян 35 фынь до 6 лян, в 1882 году — от 5 лян 20 фынь до 6 лян [Скальковский, 1883, с. 277]. Но, как правило, наиболее высокая стоимость на чайный материал была в начале сезона продаж, и этот товар скупался часто английскими торговыми домами, но в июле и августе чайные цены падали.

Помимо высоких цен и конкуренции, русский покупатель сталкивался на рынке хуасяна и с другими трудностями. В конце 70-х годов XIX века общей проблемой для всех русских торговых домов, занятых в приготовлении кирпичного чая, стала подделка хуасяна продавцами китайцами. В чайные высевки добавляли траву, иногда даже землю и песок, чтобы увеличить тяжесть ящиков. Сфабрикованный таким образом чай приходил в Россию гнилой, оборачиваясь большими убытками для русских купцов. При помощи русского консульства в Ханькоу и хубэйского даотая в 1876 году удалось поймать китайцев, подделывающих хуасян, и наказать их по китайским законам [ОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед. хр. 3, л. 180].

В ноябре 1877 года случай с обнаружением фальшивого материала повторился: «Один из представителей русских торговых домов доставил в наше Вице-консульство образцы чайного материала «маоца», купленного им через маклера Юань-фынь-лунъ (Юань Фыньлун) у китайца Чжан-инь-чжана

1 Приведены сорта хуасяна, которые использовались при фабрикации обыкновенного и зеленого кирпичного чая. Самянь — лучший сорт хуасяна, при прессовке чая клался на верх «кирпича». Уступал ему в качестве Эрмянь — сорт хуасяна, используемый для низа «кирпича». Видимо под «Лаоца» источник указывает на сорт Дицза, который шел в середину «кирпича» при прессовке [Павильон кяхтинского купечества ..., 1896, с. 31].

(Чжан Иньчжан), в котором оказались подмеси фальшивых листьев похожих на чай; вследствие чего Вице-консульство призвало экспертов китайцев, которые подтвердили, что действительно подмешан фальшивый материал, в количестве превышающем одну треть. Тогда Вице-консульство предложило сжечь материал» [Там же, л. 183]. 17 ноября 1877 года на фабрике Понаморева чайный материал в количестве 98 мест был сожжен под паровым котлом. «Эта мера была исполнена в присутствии китайцев, русских и англичан, и после многие личности заходили на фабрику смотреть, как происходит процесс сжигания чая. Окончательно чай выгорел к 8 часам вечера» [Там же].

3.2. Фабрикация чая

Купленный хуасян отправлялся на русскую фабрику, где прессовался в кирпичи. Производство продолжалось почти круглогодично — летом, осенью, зимой и до весны, когда начинался новый сезон торговли байховым чаем и вместе с ним на рынок поступали чайные высевки. Стоимость производства кирпичного чая включала затраты на доставку, прессовку, покупку ящиков, зарплату рабочим и другое [Скальковский, 1883, с. 213].

В табл. 2 приведена стоимость изготовления 1 фунта кирпичного чая.

Таблица 2

Стоимость изготовления 1 фунта кирпичного чая, копеек золотом *

Год	Черный кирпичный чай	Обыкновенный кирпичный чай
1881	8,40	6,41
1882	8,41	6,91
1883	7,16	6,22
1884	7,39	7,35
1885	6,92	6,50
1886	7,52	6,02
1887	7,48	6,06

* Источник: [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 421, л. 27, 28 об.]

Помимо чисто объективных факторов (производственных), на стоимость приготовления кирпичного чая влияли обстоятельства, связанные с ситуацией на рынке в конкретный год. В 1886 году высокая стоимость изготовления черного чая имела причиной конкуренцию русских фирм между собой за покупку хуасяна, которые «перебивали его друг у друга и повысили его цену» [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 421, л. 27 об.]. Высокая цена хуасяна в 1887 году была связана с торговлей байховым чаем. В указанный год английские торговые дома купили мало байхового чая

CC BY

1-го сбора, из-за чего китайцы сократили поставку на рынок байхового чая второго и третьего сборов. Поскольку хуасян для черного кирпичного чая представлял собой высевки из байхового чая, то недостаток последнего и сократил количество хуасяна высокого сорта, и повысил его цену на рынке Ханькоу [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 421, л. 27 об.].

Если взглянуть на соотношение затрат на покупку хуасяна и стоимости конечного продукта, то фабрикация кирпичного чая была делом рентабельным. К примеру, в 1894 году всеми торговыми домами было куплено хуасяна на 651 371 пудов на сумму 1 784 928 руб. Из купленного хуасяна было изготовлено: кирпичного черного чая на сумму 2 404 615 руб., плиточного чая на сумму 453 957 руб., кирпичного обыкновенного на сумму 191 453 руб. и кирпичного зеленого на сумму 25 115 руб. Всего чая сфабриковано на 3 075 140 руб., сумму, заметно превышающую уплаченную за покупку материала [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 421, л. 172 об.].

Стремление удешевить производство кирпичного чая выразилось в использовании на русских фабриках гидравлического пресса. Первые опыты применения нового механизма начались во второй половине 70-х годов XIX века. Однако они сразу столкнулись с рядом трудностей. Машины требовали постоянного ремонта, а поломки пресса несли дополнительные расходы для фабрикантов: «На паровом прессе китайцы с неделю работают, а потом 2—3 дня возятся за чисткой котлов, поправкой формы и так далее. Оттого паровую прессовку китайцы называют игрой в игрушки. В некоторых отношениях они и правы. Совсем не то с ручным прессом, он не требует за собой буквально никакого ухода, а все повреждения его исправляются без затруднения домашними средствами» [ОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед. хр. 3, л. 148 об. — 149]. По причине изобилия рабочих рук в Китае использование машинного производства долгое время не окупало расходы на его организацию. Единственный плюс, который отмечали русские купцы в Ханькоу, — это лучшее качество кирпича, спрессованного под механическим прессом, в сравнении со спрессованным на ручном. И все же русские чаеторговцы не спешили отказаться от использования машин. «Представитель одной русской фирмы пригласил инженера англичанина, родившегося в России; последний занялся устройством паровой машины в Шанхае для прессования чая по новой системе и теперь машина эта, или вернее большая модель ее, кажется готова, но к каким результатам приведут старания настоящего механика сказать трудно» — писал в 1878 году русский купец П. А. Понаморев [ОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед. хр. 3, л. 195 об.].

Благодаря стараниям П. А. Понаморева в Ханькоу на русских фабриках с использованием гидравлического пресса была организована фабрикация плиточного чая. Все началось с того, что в 1877 году Понамореву

CC BY

в Ханькоу попался образец чая, спрессованного в форму шоколадной плитки на фабрике в Англии. Русского предпринимателя поразили вкусовые качества и удобство использования (легко ломался) этого чая настолько, что он решил лично отправиться в Лондон и узнать подробнее об изготовлении попавшего к нему образца. Прибыв в столицу Англии, Понаморев смог найти нужную ему фабрику, где убедился, что плиточный чай прессуется из наиболее дорого хуасяна с использованием гидравлического пресса, но без предварительного распаривания сырого материала. Последняя особенность изготовления способствовала тому, что плиточный чай сохранял аромат байхового чая, который терялся при фабрикации хуасяна в кирпичи на русских фабриках в Ханькоу. Решив, что обнаружил формулу успеха, русский коммерсант тут же заказал в Лондоне гидравлический пресс и паровой двигатель к нему. Таким образом, в следующем 1878 году на русской фабрике в Ханькоу был впервые изготовлен плиточный чай. Результат был оценен весьма положительно: чай действительно сохранил аромат сырого материала и дал чайный настой даже крепче низших сортов байховых чаев по причине высокого давления на чайную плитку в 3 600 пудов [РГИА, ф. 20, оп. 5, д. 297, л. 1—3 об.]. Однако теперь предстояло решить ряд организационных вопросов, связанных с доставкой нового вида чая в Россию. Поскольку плиточный чай был совершенно не знаком русским таможенникам в Иркутске, Понаморев опасался, что с него будут взимать пошлину, соразмерную байховому чаю, что положило бы конец новому предприятию. В итоге, после многих писем и дискуссии по этому поводу в официальных кругах, ханькоуские предприниматели добились своего, и плиточный чай стал отправляться в Россию сухопутным путем наравне с кирпичным и с одинаковой с ним пошлиной [Там же, л. 4—23 об.].

Сам родоначальник дела давал оптимистичные оценки будущей торговле: «Плиточный чай положительно заменит в употреблении низкие сорта байхового чая, так как лучшим доказательством служит в пользу его как экономического продукта тот факт, что настой плиточного чая дает коллер воды гуще от 100 до 300 % в сравнении с байховыми чаями. Но чтобы внести его в употребление в России потребуется, пожалуй, не менее 10 лет времени и много энергии со стороны тех лиц, которые будут вводить в употребление плиточный чай» [ОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед. хр. 3, л. 195 об.]. Плиточный чай так и не заменил байховый, но тем не менее в 80—90-е годы XIX века занял свое место среди разновидностей китайского чая, регулярно вывозившегося в Россию.

Динамика фабрикации прессованного чая на русских фабриках в долине Янцзы (Ханькоу, Цзюцзян, внутренние земли Хубэй) представлена на рисунке (рис. 1):

CC BY

Начиная с 1863 года русские торговые дома добились значительных успехов в процессе фабрикации кирпичного чая: в 1864 году на русских фабриках в Хубэй было изготовлено 10 500 ящиков чая [Попов, 1870, с. 22], а в 1894 году на фабриках в Ханькоу — 197 452 ящиков чая [РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 577, л. 245]. Однако развитие процесса изготовления чая не было стабильным. Можно выделить резкий подъем производства кирпичного чая в течение 60-х годов XIX века, затем упадок второй половины 1870-х годов, снова подъем производства к 1885 году, и затем, после некоторого сокращения, производство кирпичного чая возрастает к началу 90-х годов XIX века (рис. 1).

На сокращение производства кирпичного чая во второй половине 70-х годов XIX века влияли различные причины. В 1876 году в коммерческих донесениях отмечалось, что большее количество заказов на приготовление черного кирпичного чая в этот год пришло из России в Фучжоу, а не в Ханькоу [ОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед.хр. 3, л. 208]. В следующем 1877 году заказов на приготовление кирпичного чая было так же меньше в сравнении с обычным и не последнюю роль в этом сыграл поддельный хуасян, который китайцы продавали русским комиссионерам в предыдущие годы [ОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед.хр. 3, л. 183]. В 1878 году, несмотря на увеличение приготовления чая в сравнении с предыдущим годом, целый ряд причин тормозил развитие русской фабрикации: большой спрос на хуасян для Англии, США и Австралии, разлив Янцзы и последующая за ним эпидемия, пожар на одной из русских фабрик [ОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед. хр. 3, л. 195].

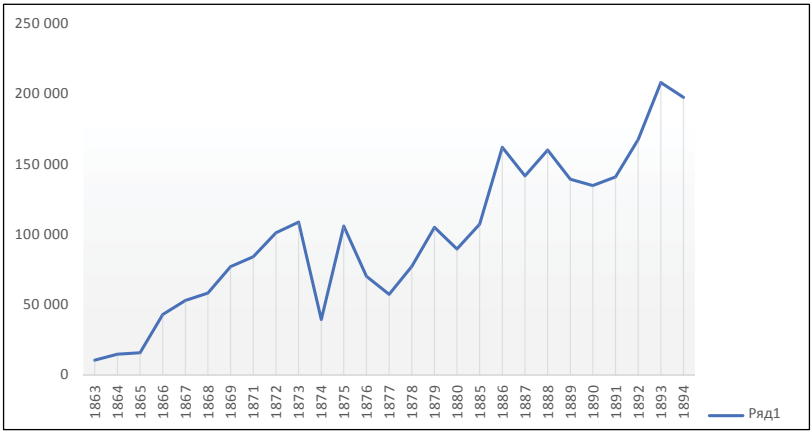

Рис. 1. Динамика производства прессованного чая на российских фабриках в Китае *

* Источник: [Попов, 1870, с. 22; Скальковский, 1883, с. 271; РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 577. л. 245]

В 1880-е годы производство прессованного чая возрастает, отчасти за счет развития фабрикации плиточного чая (рис. 2).

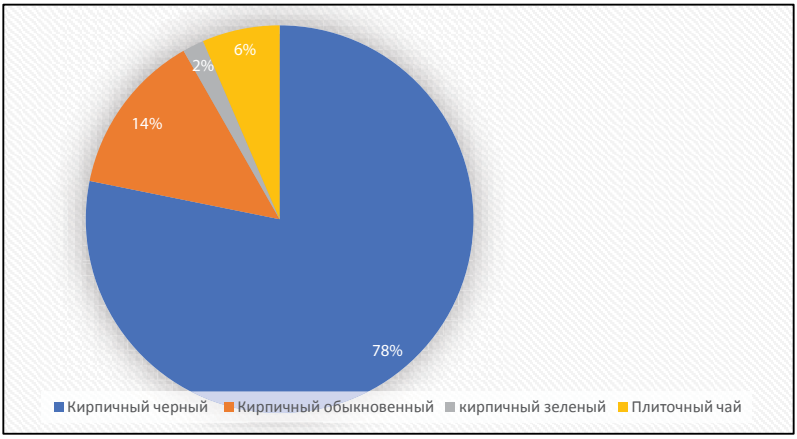

Рис. 2. Соотношение производства различных сортов прессованного чая, 1885—1894 годы *

* Подготовлено на основе данных архива: [РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 577, л. 245].

Большая часть заказов из России поступала на изготовление черного кирпичного чая. Второе место по объемам производства принадлежало обыкновенному кирпичному. Следом располагались плиточный и зеленый кирпичный чай (рис. 2).

Главной причиной роста производства кирпичного чая в 90-е годы XIX века стал упадок лондонского чайного рынка и постепенный уход английских предпринимателей из Ханькоу. Англичане, которые являлись главными конкурентами русских торговых домов в покупке хуасяна, теперь потеряли интерес к чайным высевкам, сосредоточившись на операциях с индийским чаем. Так же, как и в случае с байховым чаем, русские комиссионеры стали практически монополистами в торговле хуасяном на рынке Ханькоу, что повлекло за собой увеличение производства прессованных сортов чая.

4. Заключение = Conclusion

Операции по производству кирпичного и прочих видов спрессованных чаев на русских фабрика в Китае во второй половине XIX века состояли из двух основных этапов: покупки сырого материала и последующей фабрикации на арендуемых фабриках.

Рынок хуасяна в Ханькоу был в целом схож с рынком байхового чая. Здесь сказывались факторы, влияющие на ценообразование, был значим

вопрос качества продукта, существовала конкуренция и своеобразная рыночная игра цен на хуасян. Использованные источники показали примеры подделок данного продукта, борьбы российских торговых домов между собой за покупку сырого материала и их общей конкуренции с английским и китайским бизнесом в Ханькоу.

Вторым этапом в процессе производства прессованного чая являлась фабрикация хуасяна на фабриках. Стоимость изготовления чая напрямую зависела от стоимости сырого материал, поэтому процесс покупки хуасяна и изготовление «кирпичей» были неразрывно связаны. Прессовка хуасяна осуществлялась также в формы, напоминающие шоколадные плитки, что было связано с внедрением на фабричное производство гидравлического пресса в конце 1870-х годов. Начиная с 60-х годов XIX века производство кирпичного чая показывает устойчивый тренд роста, несмотря на сокращение фабрикации в отдельные годы. Последнее обстоятельство было связано как с собственно рыночной конъюнктурой в Ханькоу, так и с различными факторами ситуационного характера.

Подводя итог, можно отметить, что производство кирпичного чая в Китае являлось уникальной чертой русско-китайского торгово-экономического взаимодействия. Грамотная организация российского чайного бизнеса в Ханькоу, избегание конфликтов и сотрудничество в решении проблемных вопросов сделали Российскую империю к концу XIX века главным направлением чайной торговли Китая.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. АВПРИ — *Архив* внешней политики Российский империи. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 421.

2. ОР РГБ — *Отдел* рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 273 «Скачков К. А.». Картон 14. Единица хранения 1 ; Ф. 273 «Скачков К. А.». К. 14. Ед. хр. 3.

3. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 560. Оп. 28. Д. 577 ; Ф. 20. Оп. 5. Д. 297.

Литература

1. *Дацышен В. Г.* Русские в Ханькоу : из истории русско-китайских отношений второй половины XIX — первой половины XX в. (по архивным и книжным фондам Москвы, Сибири, Дальнего Востока и Китая) / В. Г. Дацышен // Россия и Китай. Научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных

CC BY

фондов). — Санкт-Петербург : Альфарет, 2012. — Выпуск 2. — С. 67—80. — ISBN 978-5-4458-8664-8.

2. *Лю Цзайцы* Чайная торговля между Россией и Китаем / Ц. Лю // Мир Евразии. — 2010. — № 3. — С. 63—75.

3. *Павильон* кяхтинского купечества. — Санкт-Петербург : Коммереская скоропечатная преем. Евгения Тиле, 1896. — 69 с.

4. *Попов К. А.* О чае и его приготовлении русскими в Китае / К. А. Попов. — Москва : Тип. И. Н. Кушнерева, 1870. — 33 с.

5. *Скальковский К. А.* Русская торговля в Тихом океане : экономическое исследование русской торговли и мореходства в Приморской области, Восточной Сибири, Корее, Китае, Японии и Калифорнии / К. А. Скальковский. — Санкт-Петербург : Тип. А. С. Суворина, 1883. — 515 с.

6. *Сладковский М. И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.) / М. И. Сладковский. — Москва : Наука, 1974. — 363 с.

7. *Соколов И. А.* Чай и чайная торговля в России : 1790—1919 гг. / И. А. Соколов. — Москва : Спутник +, 2011. — 493 с. — ISBN 978-5-9973-1639-6.

8. *Субботин А. П.* Чай и чайная торговля в России и других государствах : производство, потребление и распределение чая / А. П. Субботин. — Санкт-Петербург : А. Г. Кузнецов, 1892. — 706 с.

9. *Фильшин Н. Г.* Торговая деятельность русских купцов в Ханькоу / Н. Г. Фильшин // Вагановские чтения : материалы IX регион. науч.-практ. конф., посвящ. 425-летию города Тары (г. Тара, 5—6 апреля 2018 года). — Омск : Амфора, 2018. — С. 97—103. — ISBN 978-5-906985-27-9.

10. *Хохлов А. Н.* Торговля и предпринимательская деятельность россиян в Китае во второй половине XIX в. / А. Н. Хохлов // Российская история. — 2012. — № 3. — С. 144—152.

11. *Христолюбова Ю. С.* К вопросу о существовании русских чайных плантаций на территории Китая 1860—1929 гг. / Ю. С. Христолюбова // Современная научная мысль. — 2019. — № 5. — С. 61—67.

12. *Христолюбова Ю. С.* Становление международного рынка чайной торговли в Ханькоу во второй половине XIX в. / Ю. С. Христолюбова // Восток. Афро-азиатские общества : история и современность. — 2019. — № 3. — С. 79—90. — DOI: 10.31857/S086919080005240-1.

13. *Шаронова В. Г.* Русские торговые дома и фабрики в южных провинциях Китая — форпосты русско-китайской чайной торговли (1870 г. — первое десятилетие XX в.). / В. Г. Шаронова // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2019. — № 24. — С. 401—415. — DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10023.

14. *Шаронова В. Г.* Чайная продукция в русско-китайской торговле на рубеже XIX—XX веков / В. Г. Шаронова // Цыбик чайной истории. Очерки истории русско-китайской чайной торговли. — Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2017. — С. 11—27. — ISBN 978-5-98712-809-1.

15. *Шаронова В. Г.* Экспортно-импортные операции русско-китайской чайной торговли (с середины XIX до начала XX века) / В. Г. Шаронова // Сибирское купечество : истоки, деятельность, наследие : материалы Третьей Всерос. науч. конф., г. Томск, 21—23 сентября 2018 г. — Томск : Изд-во ТГАСУ, 2019. — С. 241—250.

16. *Chu T.* The trade in Central China / T. Chu. — Shanghai : China Institute of Pacific Relations, 1936. — 359 p.

17. *Du H.* Tea and Hankow market in the Ch'ing period : PhD diss. / H. Du. — Wuhan University. Wuhan, 2000.

18. *Guo F.* Tea trade system change of Qing dynasty and government administration : PhD diss. / F. Guo. — Taiyuan : Shanxi University, 2010.

19. *Rowe W.* Hankow : conflict and community in a Chinese city, 1796—1895 / W. Rawe. — Stanford : Stanford university press, 1989. — 440 p.

20. *Yoder A. J.* Tea time in Romanov Russia : a cultural history, 1616—1917 : PhD diss. / A. J. Yoder. — The University of North Carolina. Chapel Hill, 2016. — 358 p.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023,
одобрена после рецензирования 03.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

Material resources

AVPRI — *Archive of the foreign policy of the Russian Empire. F. 143 "Chinese table". Op. 491. D. 421.* (In Russ.).

OR RGB — *Department of Manuscripts of the Russian State Library. F. 273 "Skachkov K. A". Cardboard 14. Storage unit 1; F. 273 "Skachkov K. A". K. 14. Ed. hr. 3.* (In Russ.).

RGIA — *Russian State Historical Archive. F. 560. Op. 28. d. 577; F. 20. Op. 5. D. 297.* (In Russ.).

References

Chu, T. (1936). *The trade in Central China.* Shanghai: China Institute of Pacific Relations. 359 p.

Datsyshen, V. G. (2012). Russians in Hankou: from the history of Russian-Chinese relations of the second half of the XIX — first half of the XX century. (according to archival and book collections of Moscow, Siberia, the Far East and China). In: *Russia and China. Scientific and cultural relations (based on materials from archival, hand-written, book and museum collections), 2.* St. Petersburg: Alfaret. 67—80. ISBN 978-5-4458-8664-8. (In Russ.).

Du, H. (2000). *Tea and Hankow market in the Ch'ing period.* PhD diss. Wuhan University. Wuhan.

Filshin, N. G. (2018). Trade activity of Russian merchants in Hankou. In: *Vaganov readings: materials of the IX region. scientific and practical conference dedicated to the 425th anniversary of the city of Tara (Tara, April 5—6, 2018).* Omsk: Amphora. 97—103. ISBN 978-5-906985-27-9. (In Russ.).

Guo, F. (2010). *Tea trade system change of Qing dynasty and government administration.* PhD diss. Taiyuan: Shanxi University.

Khokhlov, A. N. (2012). Trade and entrepreneurial activity of Russians in China in the second half of the XIX century. *Russian History, 3:* 144—152. (In Russ.).

Khristolyubova, Y. S. (2019). On the question of the existence of Russian tea plantations in China in 1860—1929. *Modern scientific thought, 5:* 61—67. (In Russ.).

Khristolyubova, Y. S. (2019). The formation of the international tea trade market in Hankou in the second half of the XIX century. *East. Afro-Asian societies: History and modernity, 3:* 79—90. DOI: 10.31857/S086919080005240-1. (In Russ.).

Liu Ts. (2010). Tea trade between Russia and China. *World of Eurasia, 3:* 63—75. (In Russ.).

Popov, K. A. (1870). *About tea and its preparation by Russians in China.* Moscow: I. N. Kushnerev Type. 33 p. (In Russ.).

Skalkovsky, K. A. (1833). *Russian Trade in the Pacific Ocean: an Economic Study of Russian Trade and Navigation in the Primorsky Region, Eastern Siberia, Korea, China, Japan and California.* St. Petersburg: A. S. Suvorin Type. 515 p. (In Russ.).

Rowe, W. (1989). *Hankow: conflict and community in a Chinese city, 1796—1895.* Stanford: Stanford university press. 440 p.

Sharonova, V. G. (2019). Export-import operations of the Russian-Chinese tea trade (from the middle of the XIX to the beginning of the XX century). In: *Siberian merchants: origins, activities, heritage: materials of the Third All—Russian Scientific Conference, Tomsk, September 21—23, 2018.* Tomsk: Publishing House TSASU. 241—250. (In Russ.).

Sharonova, V. G. Russian trading houses and factories in the southern provinces of China — outposts of the Russian-Chinese tea trade (1870 — the first decade of the XX century). *China in world and regional politics. History and modernity, 24:* 401—415. DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10023. (In Russ.).

Sharonova, V. G. (2017). Tea products in Russian-Chinese trade at the turn of the XIX—XX centuries. In: *Tsybik tea history. Essays on the history of the Russian-Chinese tea trade.* Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. 11—27. ISBN 978-5-98712-809-1. (In Russ.).

Skalkovsky, K. A. (1883). *Russian trade in the Pacific Ocean: an economic study of Russian trade and navigation in the Primorsky Region, Eastern Siberia, Korea, China, Japan and California.* St. Petersburg: A. S. Suvorin Type. 515 p. (In Russ.).

Sladkovsky, M. I. (1974). *The history of trade and economic relations between the peoples of Russia and China (before 1917).* Moscow: Nauka. 363 p. (In Russ.).

Sokolov, I. A. (2011). *Tea and tea trade in Russia: 1790—1919.* Moscow: Sputnik +. 493 p. — ISBN 978-5-9973-1639-6. (In Russ.).

Subbotin, A. P. (1892). *Tea and tea trade in Russia and other countries: production, consumption and distribution of tea.* St. Petersburg: A. G. Kuznetsov. 706 p. (In Russ.).

The pavilion of the Kyakhtin merchant class. (1896). St. Petersburg: Commeresky cursive printing press. Eugenia Thiele. 69 p. (In Russ.).

Yoder, A. J. (2016). *Tea time in Romanov Russia: a cultural history, 1616—1917.* PhD diss. The University of North Carolina. Chapel Hill. 358 p.

The article was submitted 25.09.2023;
approved after reviewing 03.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.

CC BY

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Издается с 2012 года. Язык публикации — русский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в WoS (Emerging Sources Citation Index)
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Включен в Global Serials Directory Ulrichs Web.
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книж-ную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: http://www.nauka-dialog.ru/

Перечень ВАК РФ
Область наук: Социальные и гуманитарные науки

Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
5.6. Исторические науки	5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
	5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
	5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;

2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;

3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;

4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Язык публикации — русский.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.
Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).
Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.
Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.
Количество авторов не более трех.
Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.
Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегль — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество
orcid.org/0000-0000-0000-0000
ученая степень, ученое звание
кафедра
mmm@mail.ru

Организация
(Город, Страна)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке Фонда,
проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // Правда : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный* архив Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // Колымская правда : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British* National Corpus [Electronic resource]. — Access mode : http://www.natcorp.ox.ac.uk/ (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;
если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;
автор может сослаться не более чем на две своих работы;
следует опираться на научную литературу, а не на учебники;
должны присутствовать публикации последних десятилетий;
рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
https://www.sciencedirect.com/
https://erih.dimensions.ai/discover/publication
https://doaj.org/
https://mjl.clarivate.com/home
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация … кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.
АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.
СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора …, 1994], [Методика расчета …, 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала http://www.nauka-dialog.ru/. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(10), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

CONTENTS

Linguistics

Voronina, T. M. Specifics of Structuring Ideographic Word Classes Representing Social Spheres (Example of "Education" Sphere) 9

Golomidova, M. V., Goryaev, S. O. Toponymic Landscape of Shadrinsk in Aspect of Regional and Local Identity: A Sociolinguistic Study 28

Ivanova, N. I. Language Distribution in Sakha Family Communication: Traditions and Innovations 49

Kachmazov, E. S., Tsallagova, I. N., Tsarikayeva, F. A. Conversion in Ossetian Language (Iron and Digor Dialects). 68

Moskovkin, L. V. Models of Speech Ontogenesis in Russian Monolinguals and Russian-German Bilinguals 85

Onufrieva, E. S. Modern Greek Constructions with Position Verb κάθομαι 104

Chen Xue. Translation of Terminology of Traditional Chinese Medicine into Russian: Cultural Communication and Translation Features 123

Media communications and journalism

Alimuradov, O. A., Gorbunova, M. A. Functional Potential of Multilingual Text in Urban Space: a Linguistic-Semiotic Perspective 142

Kislova, L. S., Ratsen, T. N., Dracheva, S. O. TV Series in a Big City: Geo-Poetics of Telenovelas 1980s—2020s 166

Literary studies. Folklore

Aktamov, I. G., Debenova, Z. A. Life Cycle Rites in Worldview System of Buryat People (Material from Archive of S. P. Baldaev) 193

Potashova, K. A. Cosmic Imagery in Russian Poetry at Turn of 18th and 19th Centuries: Strategies of Study 211

History

Agafonova, A. B. "White Coal" for Petrograd: Attempts at Energy Transition During First World War 230

Alferova, I. V., Blokhin, V. F. Limits of Possibility: Practices of Administrative Sanctions Against Russian Periodical Press at Beginning of 20th Century 248

Antuykhova, E. A., Talagaeva, D. A. Innovation Policy in OECD Activities: A Historical Reconstruction on Neo-Gramscian Foundations 265

Valitov, A. A., Sulimov, V. S. Tyumen District in 1920s: Settlement Numbers and Development Features 288

Weber, M. I. Kryzhanovsky as a Figure in Anti-Bolshevik Movement of Urals and Siberia in 1918—1920 305

Vlasov, N. A. Image of Russian Pan-Slavism in German Official Press at End of 19th Century 326

Zapariy, V. V., Zapariy, V. V., Melnikov, N. N. Reparations Withdrawals of Metallurgical Equipment in Central and Eastern European Countries at Final Stage of Great Patriotic War (1944—1945). 344

Kolpakov, P. A., Arslanov, R. A. Counterintelligence Activities of Gendarmerie Railway Police before and during World War I 360

Mityureva, D. S. Legal Debates on 'Ex Officio' Procedure in Late 16th Century England: Robert Bill's Position 378

Mokerova, E. Yu., Tarasov, K. N. Vyatka Church Seals of Synodal Period: an Attempt at Classification (Collection of Sphragistics at P.V. Alabin Kirov Regional Local Lore Museum) 395

Pinaeva, D. A. Contribution of Public Scientific and Technical Associations to Development of Mass Inventiveness in USSR from Mid-1950s to Mid-1960s. 414

Prazdnikov, A. G. Royal Council of England in 1483 and Usurpation of Power by Richard III 435

Rostovtsev, E. A., Sidorchuk, I. V. Models of Dissertation Defense: From Post-Reform University to Soviet Era (Case of Saint Petersburg University) 452

Sokolova, E. V. Rural Settlement Network in Territory of Contemporary Omsk Region from Last Quarter of 19th Century to Early 20th Century 473

Tikhomirova, M. N., Tikhomirov, K. N. New Tatar Settlements in Lower Tara Area in Last Third of 19th Century: Foundation History, Population Structure, and Livelihoods 491

Khamzin, I. R., Ganiev, R. T. Russian Tea Trade in Hankou during Second Half of 19th Century: Production of Brick Tea 512

TO AUTHORS 529

ПОДПИСКА
на журнал
«Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Научный диалог

Том 12, выпуск 10, 2023

Nauchnyi Dialog

Volume 12, Issue 10, 2023

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 20.12.2023. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 31,37. Тираж 500 экз. Заказ 20/12-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2023

Свободная цена

